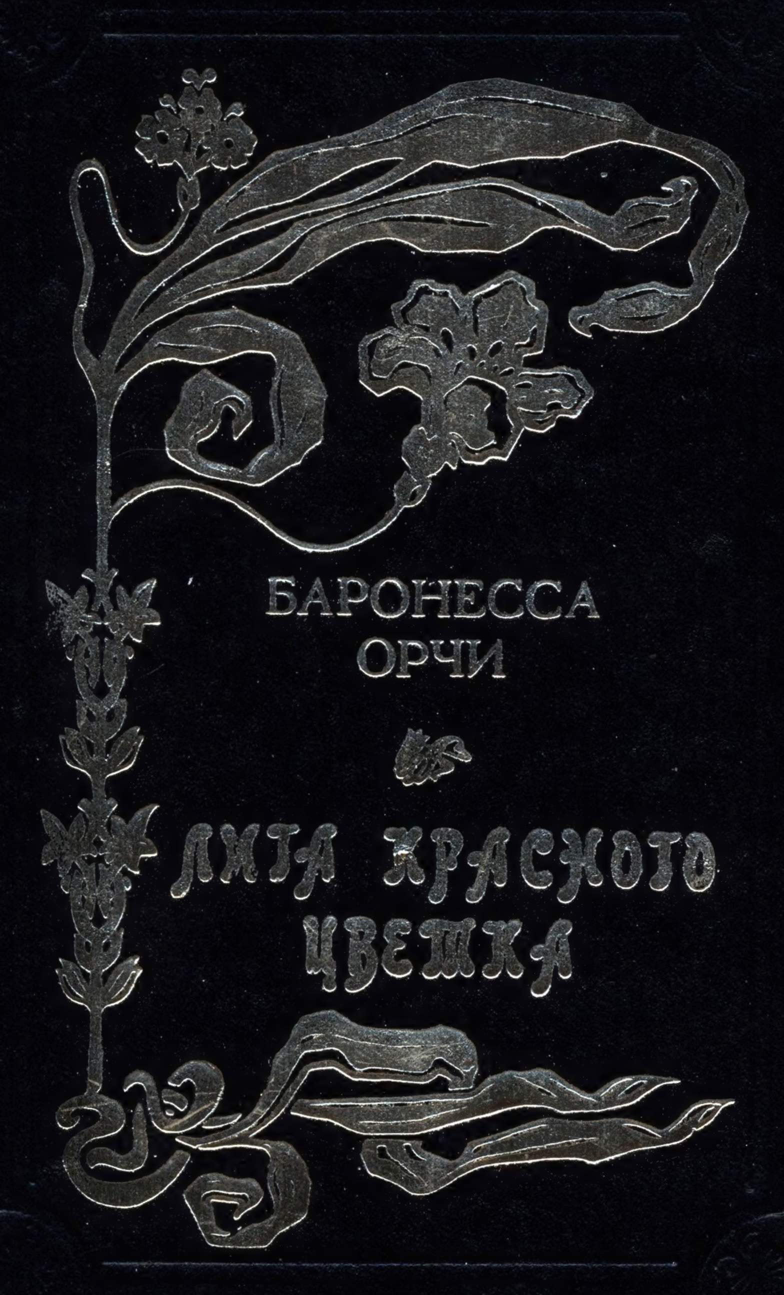

БАРОНЕССА
ОРЧИ
ЛИГА КРАСНОГО
ЦВЕТКА

Издательство «Кавказский край» · Лысенко и Ко

РЯД
ИСТОРИЧЕСКИХ
РОМАНОВ

БАРОНЕССА ОРЧИ

ЛИГА КРАСНОГО ЦВЕТКА

ЦИКЛ
РОМАНОВ

СТАВРОПОЛЬ
«КАВКАЗСКИЙ КРАЙ»
1993

ББК 84,4 Вл.
0-70

Тексты романов печатаются по изданиям:

Баронесса Орчи. Красный Цветок: Исторический роман. — СПб.: Изд-во А. А. Каспари, Б. г.

Баронесса Орчи. Месть и любовь: Исторический роман. — СПб.: Изд-во А. А. Каспари, Б. г.

Баронесса Орчи. Неуловимый: Исторический роман. — СПб.: Изд-во А. А. Каспари, Б. г.

Баронесса Орчи. В борьбе за принца: Исторический роман. — СПб.: Изд-во А. А. Каспари, Б. г.

Баронесса Орчи. Мученик идеи: Исторический роман. — СПб.: Изд-во А. А. Каспари, Б. г.

Оформление И. Л. Проститова

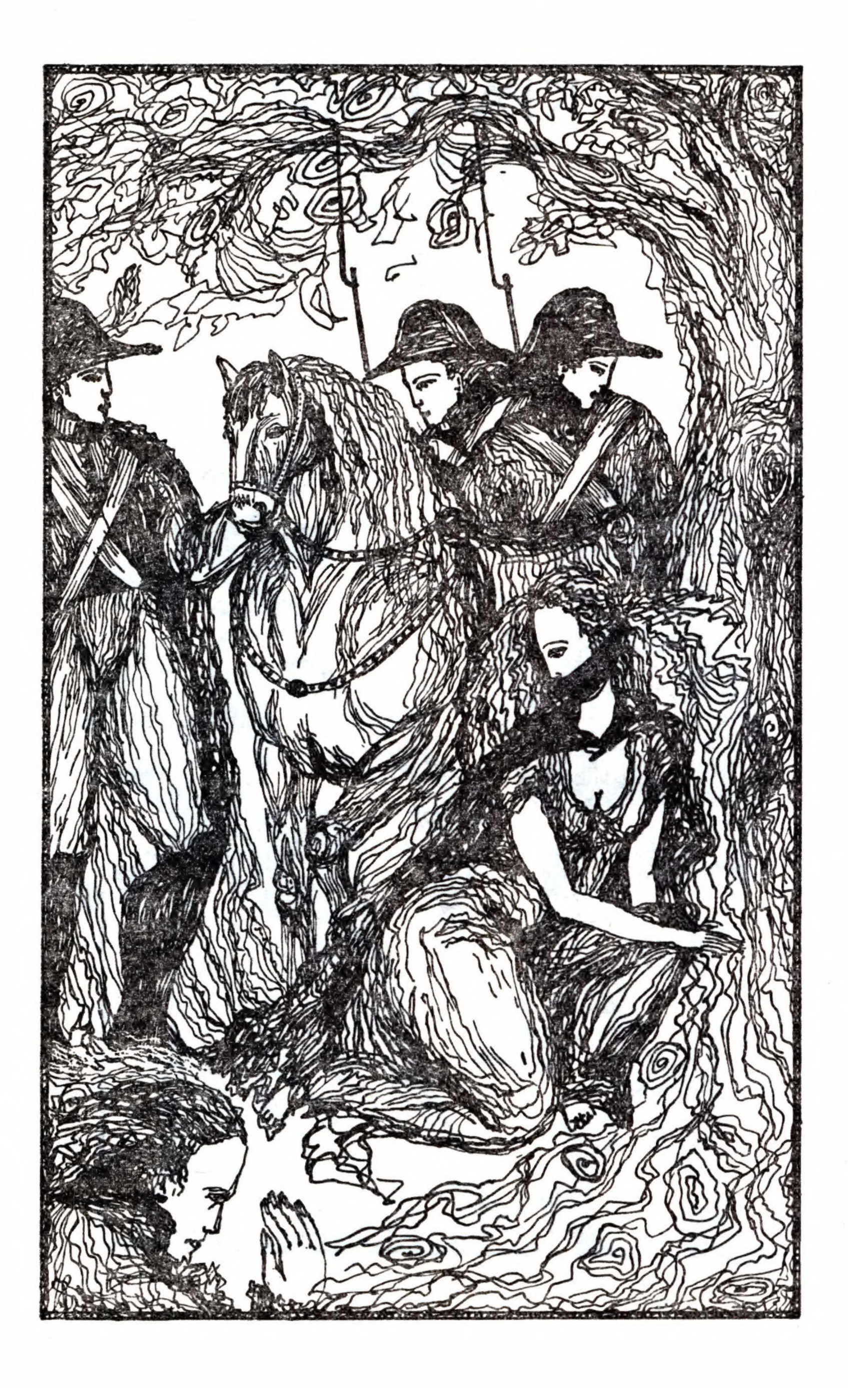
Иллюстрации Н. П. Павловой

ISBN 5-86722-079-6

Издательская лицензия
ЛР № 060043

КРАСНЫЙ ЦВЕТОК

1

Грозная волнующаяся толпа заливала улицы Парижа, наполняя воздух то стонами, то смехом, то диким ревом. Трудно было поверить, что это — люди; это были дикари, возбужденные низменными страстями, опьяненные ненавистью, жаждавшие мести. При наступлении солнечного заката массы народа собирались обыкновенно у Западной заставы, на том самом месте, где через десять лет гордый деспот воздвиг бессмертный памятник народной славе и своему собственному тщеславию.

Там происходили сцены, несказанно забавлявшие народ: ловля аристократов, которые, переодеваясь в чужое платье, пытались ускользнуть из когтей Комитета общественной безопасности. Мужчины наряжались женщинами, женщины — мужчинами, детей одевали в нищенские лохмотья. И все эти ci-devant[1] графы, маркизы, герцоги бежали в Англию или в какую-нибудь другую страну, чтобы подстрекать иноземцев против революционной Франции или собирать армии для освобождения узников Тампля — лишенных трона французских королей. Аристократы твердо держались старых идей, но древность рода, благородство происхождения, словом — все, чем прежде гордилась Франция, приносилось теперь в жертву безграничному стремлению к свободе, равенству и братству — увы! — вполне теоретическому.

Казни превратились в бойню, прекращавшуюся лишь поздно вечером, да и то лишь потому, что перед закрытием застав толпа бежала на окраины любоваться страданиями захваченных беглецов. Потомки тех, кто со вре-

[1] Бывшие, прежние (*фр.*).

мен Крестовых походов считался цветом Франции и властно попирал права народа аристократическими ногами в изящных башмаках, нашли своих судей: Францией правил сам народ, и гильотина ежедневно поглощала все новые жертвы, не разбирая ни пола, ни возраста. Гибли старики, молоденькие девушки, дети. Наконец народная ярость потребовала казни короля и королевы. И все это было в порядке вещей, так как тяжелый вековой труд не спасал народа от голода и нищеты, и тем, кто создал пышный двор и страшное сословное неравенство, приходилось теперь спасаться от народного гнева и мести.

Беглецам редко удавалось благополучно миновать заставы. Сержант Бибо, охранявший Западную заставу, проявлял необыкновенное чутье и безошибочно отличал аристократа в самом совершенном маскарадном костюме. Вот тут-то и начиналась потеха! Дядя Бибо обладал большим юмором, и стоило посмотреть, как он долго прикидывался обманутым и, наигравшись своей жертвой, как кошка мышкой, ловил беглеца в тот самый момент, когда несчастный уже считал себя вне опасности. Забавно было видеть какую-нибудь гордую маркизу, когда, очутившись в когтях Бибо, она вдруг начинала сознавать, что завтра ей предстоит краткий суд, а потом — нежные объятия тетушки-гильотины. Не удивительно, что и в описываемый прекрасный сентябрьский вечер толпа у заставы Бибо была сильно возбуждена и нетерпеливо ждала интересного зрелища. Жажда крови, как известно, растет по мере ее удовлетворения, делая толпу ненасытной; сегодня она видела сто отрубленных голов — и неудержимо стремилась и на завтра заручиться таким же зрелищем.

Бибо сидел на опрокинутой бочке у самой заставы, окруженный небольшим отрядом, набранным из военных граждан великой Республики. Им-таки пришлось поработать в последнее время: Бибо каждый день ловил роялистов[1] и отсылал их к доброму патриоту Фукье-Тенвилю, председателю Комитета общественной безопасности. Бибо очень гордился тем, что отправил на гильотину по крайней мере полсотни аристократов и его усердие удостоилось даже одобрения Дантона и Робеспьера.

Сегодня все сержанты, охранявшие заставы, получили особенно строгие инструкции: в последнее время чересчур

---

[1] Роялисты — приверженцы короля.

много аристократов благополучно перебрались в Англию. Через Северную заставу бежала целая семья, и сержант Гропьер поплатился за это собственной головой.

Ходили упорные слухи, что все удачные побеги были организованы небольшим кружком каких-то удивительно дерзких англичан, посвятивших себя борьбе с гильотиной, у которой они вырывали ее законные жертвы чуть не из-под самого носа. Их подвиги сделались так постоянны, носили характер такой обдуманности, что скоро ни у кого уже не осталось сомнений в существовании организованного кружка, руководимого, по-видимому, отважным и дерзким человеком. Говорили даже, что он и те, кого он спасал, были наделены даром делаться у заставы невидимками, что, значит, дело не обходилось без помощи нечистой силы. И действительно, никто никогда не видел таинственных англичан, но гражданин Фукье-Тенвиль часто получал от них загадочные извещения, то находя их в карманах своего сюртука, то получая их в толпе, прежде чем мог заметить, от кого именно. Эти извещения неизменно заключали в себе короткое напоминание, что союз таинственных англичан продолжает свою деятельность. Вместо подписи на бумаге всегда был изображен звездообразный цветок ярко-красного цвета, известный в Англии под именем пимпернеллы[1]. За получением дерзкой записки следовало обыкновенно донесение, что несколько роялистов, большей частью аристократов, благополучно переправились в Англию.

Стража у застав была усилена, сержантам за недосмотр пригрозили гильотиной, а за поимку англичан было обещано пять тысяч франков. Никто не сомневался, что счастливцем, которому достанутся эти деньги, будет Бибо, да и сам он не опровергал всеобщего убеждения. Поэтому толпа каждый вечер собиралась у Западной заставы, чтобы не пропустить интересного момента, когда англичанин попадет наконец в лапы Республики.

— Гражданин Гропьер — дурак! — важно говорил Бибо своему капралу. — Жаль, что не я стоял на прошлой неделе у Северной заставы. Да, Гропьер — положительно дурак! — И он даже плюнул, выражая этим

---

[1] Пимпернелла — название растения из семейства розоцветных; все разновидности пимпернеллы имеют ярко-красные цветы и обладают свойством останавливать кровь; например, кровохлебка, красноголовник и др. Автор романа избрал красную пимпернеллу эмблемой борьбы с кровопролитием.

плевком презрение к глупости своего злополучного товарища.

— Но, гражданин, как это могло случиться? — спросил капрал.

— А вот как! — торжественно начал Бибо, поглядывая на толпу, жадно ловившую каждое его слово. — Все мы слышали про этого проныру-англичанина с его проклятым красным цветком. Уж через мою-то заставу ему ни за что не пробраться, если только он — не сам дьявол! Ну, а Гропьер-то глуп. Видит он, что проезжает телега с мальчиком. Гропьер, положим, был под хмельком, но все же в полном порядке; он заглянул в бочки, то есть не в каждую из них, а в большинство: они оказались пустыми; ну, он и пропустил их.

В толпе послышался ропот негодования.

— А через час, — продолжал сержант, — прибегает запыхавшийся гвардейский капитан с отрядом солдат. «Пропустили недавно телегу?» — спросил он. «Как же! — ответил Гропьер. — С полчаса тому назад». — «Так отправляйтесь же сами на гильотину, гражданин сержант! — грозно закричал капитан. — В бочках проехал бывший герцог Шали со всем своим семейством». — «Как?» — в ужасе закричал Гропьер. — «А так! Возница-то был ни кто иной, как чертов англичанин, проклятый Красный Цветок!». Каково, товарищи?

Дружные ругательства приветствовали слова Бибо.

— Гражданин Гропьер, конечно, заплатил за это своей головой, но, черт возьми, как мог он быть таким дураком? — И Бибо от всей души расхохотался над глупостью злосчастного товарища. — А капитан, — продолжал он, — кричит между тем: «В погоню, братцы! Помните награду! Скорей! Они еще не успели далеко убраться!» — И он бросился за заставу, а за ним последовали и его солдаты, всего двенадцать человек.

— Да ведь они их не догнали! — послышалось в толпе.

— Будь проклят этот Гропьер за свою глупость! Он вполне заслужил свою участь! Как это не осмотреть хорошенько бочек?

Все эти восклицания, по-видимому, очень забавляли Бибо, и он так хохотал, что слезы текли по его щекам.

— Ну, — сказал он наконец, — аристократов-то в бочках вовсе не было, да и возница-то был вовсе не англичанин.

— Как? Что?

— Ну да! А капитан был переодетый англичанин, чтобы его черт побрал! Двенадцать же его молодцов были самые что ни на есть аристократы!

Толпа безмолвствовала, в происшествии было положительно что-то сверхъестественное, а Республика, хотя и уничтожила Бога, не могла уничтожить в сердцах человеческих страх перед неведомыми силами.

Близился час заката; Бибо приготовился закрывать заставу.

— Эй, телеги! Вперед! — скомандовал он.

Несколько крытых повозок выстроились в ряд, готовые оставить город, чтобы в соседних деревнях запастись провизией для завтрашнего базара. Почти все они были хорошо известны Бибо, так как по два раза в день проезжали заставу.

Перекинувшись несколькими словами с двумя-тремя возницами, большей частью женщинами, Бибо тщательно осмотрел повозки и произнес:

— Я не намерен попасться, как глупый Гропьер.

Эти женщины обыкновенно проводили целый день на Гревской площади, у подножия гильотины, занимаясь вязанием и болтовней и в то же время наблюдая за повозками, подвозившими новые жертвы террора. Какое это было забавное зрелище! Места брались с бою. Бибо, дежуривший днем на площади, узнал некоторых «вязальщиц», как их называли, любовавшихся сегодня на работу гильотины и обрызганных кровью проклятых аристократов.

— Эй, бабушка! Что это у тебя в руке? — спросил он одну из фурий, которую видел еще недавно на площади.

На рукоятке ее кнута красовался целый пучок локонов самых разнообразных оттенков — серебристых, золотистых, темных.

— Это? — спросила ведьма, с грубым хохотом расправляя локоны своими костлявыми пальцами. — А я, видишь ли, подружилась с милым дружком матушки-гильотины, вот он и отрезал для меня эти локончики с тех головок, что скатились сегодня. Он и назавтра обещал мне такой же подарочек, да вот не знаю, приду ли завтра на свое обычное место.

— Что так, бабушка? — спросил сержант, который, хотя и был грубым солдатом, не мог не содрогнуться при виде этого отвратительного подобия женщины с ужасным трофеем на рукоятке кнута.

— Мой внук заболел черной оспой, — сказала она,

указывая большим пальцем на свою повозку. — Говорят даже, будто это чума. Завтра меня, пожалуй, и в Париж не впустят.

При этих словах Бибо с проклятием отскочил от женщины, толпа также быстро отхлынула; если что-нибудь могло еще внушить ужас и отвращение этим огрубелым существам, то именно эта страшная заразная болезнь.

Старуха со своей повозкой осталась одна посреди дороги.

— Проклятый трус! — сказала она Бибо. — Неужели ты испугался болезни?

— Убирайся со своим чумным отродьем! — грубо крикнул сержант.

Старуха опять захохотала и, подстегнув свою лошадку, выехала за заставу.

Этот инцидент испортил весь вечер. Люди начали подозрительно оглядывать друг друга: уж не проникла ли чума в их среду? Вдруг, как и в истории Гропьера, на сцене появился гвардейский капитан, но Бибо хорошо знал его, и нечего было опасаться, что он превратится в переодетого англичанина.

— Повозка! Повозка! — кричал он едва переводя дух.

— Какая повозка? — резко спросил Бибо.

— Крытая повозка, с женщиной на козлах!

— Ты говоришь о повозке старухи, у внука которой чума?

— Ну да! Неужели ты пропустил ее?

— Тысяча чертей! — пробормотал Бибо, красное лицо которого моментально побледнело от ужаса.

— В повозке была спрятана бывшая графиня де Турне с двумя детьми, все они — предатели, осужденные к смерти!

— А женщина на козлах? — пролепетал Бибо, у которого мурашки забегали по спине.

— Да это — черт возьми! — был сам англичанин, проклятый Красный Цветок! По крайней мере, дело сильно на это смахивает. Если это правда, берегись, Бибо.

II

Салли была страшно занята на кухне, где кастрюли и сковородки выстроились в ряд над гигантским очагом. В углу, над огромной жаровней, медленно повертывался вертел,

обращая к огню то одну, то другую сторону дивного английского ростбифа. Две юные судомойки, разгоряченные, запыхавшиеся, с высоко засученными рукавами на полных с ямочками руках, суетились около очага, весело хихикая, как только мисс Салли на минутку отворачивалась; старая Джемима, не переставая, ворчала на них.

— Эй, Салли! — раздался из зала веселый голос.

— Господи! — с добродушным смехом воскликнула Салли. — Им опять что-то понадобилось.

— Пива, конечно! — проворчала Джемима. — Уж не думаешь ли ты, что Джимми Питкин удовольствуется одной кружкой?

— У мистера Гарри тоже, кажется, страшная жажда, — ехидно заметила Марта, одна из маленьких служанок, подмигивая своей подруге, и обе опять захихикали.

Салли бросила на них сердитый взгляд, многозначительно потирая свои руки, которые очевидно чесались добраться до красных щек Марты, но врожденное добродушие взяло верх, и, молча пожав плечами, она занялась жарением картофеля.

— Эй, Салли! Салли!

На этот раз к голосам присоединился стук оловянных кружек о дубовые столы.

— Отец и сам мог бы подать пиво, — проворчала Салли, когда Джемима, сняв с полки два кувшина с пенившимся пивом, начала наливать его в оловянные кружки. «Приют рыбака» славился этим пивом еще со времен короля Карла. — Он ведь знает, что мы все здесь заняты.

— Он слишком увлечен разговорами о политике с мистером Хампсидом, чтобы затруднять себя заботами о твоей кухне, — проворчала Джемима.

Салли подошла к маленькому зеркальцу, висевшему на стене, наскоро пригладила волосы и, кокетливо приколов к своим черным кудрям нарядный чепец и ухватив каждой рукой по три кружки с пивом, понесла их в зал.

В конце XVIII века «Приют рыбака» еще не имел той известности, какой пользуется в наши дни, но и тогда это была старая, почтенная гостиница, и ее дубовые стены, скамьи с толстыми спинками и полированные столы с отпечатком пивных кружек в виде причудливо переплетенных колец давно почернели от времени. На темном фоне дуба ярко выделялись горшки с красной геранью и голубыми «кавалерскими шпорами», украшавшие высокое решетчатое окно. Хозяин этой гостиницы обладал солид-

ным достатком, о чем свидетельствовало обилие оловянных кружек в прекрасных старинных буфетах и прочной медной посуды над очагом, светившейся, как золото. Вообще весь внешний вид гостиницы наводил на мысль о почтенных и постоянных посетителях и вытекающем отсюда благоденствии.

Появление Салли было встречено в зале восторженными криками. Краснея и хмурясь, но все-таки улыбаясь, принялась она разносить кружки.

— А я уже думал, что все вы в кухне оглохли, — проворчал Джимми Питкин, выразительно проводя рукой по своим сухим губам.

— Ну что за спех такой! — засмеялась Салли, ставя перед ним кружку. — Уж не помирает ли у вас бабушка, и вы так торопитесь, чтобы еще застать ее отлетающую душу?

Дружный громкий хохот приветствовал эту остроту, надолго доставившую присутствующим материал для шуток. Салли не торопилась к своим кастрюлям и всецело занялась разговором с юношей с блестящими глазами.

У камина, широко расставив ноги, стоял с глиняной трубкой в зубах сам хозяин гостиницы, досточтимый Джеллибанд, продолжавший дело отца, деда и прадеда. Это был типичный деревенский англичанин той эпохи, когда расовые предрассудки, как стеной ограждавшие Англию с континента, сказались особенно ярко и когда каждый англичанин, от владетельного лорда до простого крестьянина, смотрел на всю Европу, как на вертеп разврата, а на остальной мир — как на неисследованную страну дикарей и людоедов. Почтенный хозяин покуривал свою длинную трубку с видом человека, которому у себя дома, в Англии, ни до кого нет дела и который презирает все, что находится вне ее. На нем была традиционная красная куртка с блестящими медными пуговицами, полосатые бархатные штаны, шерстяные чулки и весьма изящные башмаки с пряжками, в те времена считавшиеся неотъемлемой принадлежностью каждого уважающего себя британского трактирщика. Джеллибанд обладал прекрасным здоровьем и веселым нравом, и пока миловидная Салли работала, что называется, не покладая рук, ее отец в кругу избраннейших из своих посетителей занимался обсуждением судьбы народов.

По причине пасмурной погоды в зале уже горели висячие лампы, что придавало ему веселый и уютный вид.

Сквозь густые облака табачного дыма виднелись раскрасневшиеся лица гостей, бывших в прекрасных отношениях друг с другом, с хозяином и со всем светом. Все это большей частью были рыбаки — народ, как известно, страдающий вечной жаждой: соль, которую они вдыхают в море, сильно обостряет сухость их горла. Но гостиница «Приют рыбака» представляла собой нечто большее, чем место сборищ такого скромного люда: от нее отходила ежедневно почтовая карета Дувр-Лондон, и путникам, переехавшим пролив, волей-неволей приходилось знакомиться с Джеллибандом, его французскими винами и прекрасным домашним пивом.

Сентябрь 1792 года подходил к концу: стоявшая до тех пор прекрасная погода резко изменилась, дождь лил уже целых два дня и затопил всю южную Англию. Он и сегодня уныло стучал в решетчатые окна, забираясь даже в печные трубы, так что дрова шипели на огне.

— Господи, Боже мой! Виданое ли дело — такой сырой сентябрь, мистер Джеллибанд? — спросил мистер Хампсид, в качестве влиятельной особы занимавший лучшее место у камина.

Джеллибанд считал этого джентльмена достойным соперником в политических спорах, а во всем околотке Хампсид пользовался почетом и уважением за свою ученость и знание Святого Писания.

— Не помню такой осени, хотя живу на свете почти шестьдесят лет, — сказал Джеллибанд.

— Первые три года своей жизни вы не можете помнить, — важно возразил Хампсид, — так как в этом возрасте ребенок не обращает внимания на погоду; по крайней мере таковы дети в нашем крае, где я живу уже семьдесят пятый год.

Такое преимущество жизненного опыта явилось настолько неоспоримым, что не позволило Джеллибанду сразу разразиться обычным потоком возражений и доказательств.

— Похоже скорее на апрель, чем на сентябрь, — продолжал Хампсид.

— Верно, но чего же хорошего можно ожидать при современном правительстве? — возразил Джеллибанд.

Хампсид глубокомысленно покачал головой, выражая этим глубокое недоверие как к британскому климату, так и к британскому правительству.

— Я ничего хорошего и не жду, — сказал он. — В

Лондоне не считаются с мнениями таких маленьких людей, как мы. Впрочем, я на это и не претендую. В Писании сказано...

— Все это так, мистер Хампсид, но после этого до чего же мы дойдем? По ту сторону Ла-Манша люди убивают своих королей и свою аристократию, а господа Питт, Фокс и Берк[1] все еще спорят, должны ли англичане допустить продолжение этого безбожного дела!

— А я скажу: пусть французы делают что хотят, — возразил Хампсид, — но немыслимо допустить, чтобы в сентябре шел такой дождь, это даже против природы и Священного Писания, где сказано...

Но только мистер Хампсид собрался с духом, чтобы привести одно из изречений, знание которых доставило ему необычайную популярность, как раздался громкий голос Салли:

— Господи, мистер Гарри! Как вы меня напугали!

— Перестань, Салли, дитя мое! — громко сказал Джеллибанд, стараясь придать строгое выражение своему добродушному лицу. — Перестань дурачиться с этими молокососами и займись своим делом!

— Я и так занимаюсь, отец.

Но Джеллибанд был непреклонен. Он имел иные планы относительно будущности своей единственной дочери и вовсе не намеревался выдать ее за рыбака.

— Ты слышала меня, дитя? — повторил он. — Постарайся приготовить вкусный ужин для милорда Тони, да смотри — такой, чтобы он остался доволен.

Салли немедленно повиновалась.

— Вы ждете сегодня важных гостей? — спросил Джимми Питкин.

— Да, друзей самого милорда Тони, герцогов и герцогинь из-за моря, которым молодой лорд и его товарищи помогли спастись из когтей дьяволов.

— Удивляюсь, зачем они это делают? — заметил Хампсид. — Что за охота мешаться в чужие дела? В Писании сказано...

— Как личный друг мистера Питта, — с едким сарказмом прервал его Джеллибанд, — вы, пожалуй, готовы повторять вместе с министром Фуксом: «Пусть их убивают!»

— Извините, я никогда не говорил...

---

[1] Английские министры и видные политические деятели того времени.

— Уж не подружились ли вы с французами, которые, как слышно, приехали сюда, чтобы как-нибудь заполучить наше сочувствие их варварским поступкам?

— Что вы хотите сказать, мистер Джеллибанд? Все, что я знаю...

— А я знаю одно, — громко заявил хозяин, — что мой друг Пепперкорн был честнейшим и правдивейшим из англичан, но когда он подружился с каким-то французом и стал с ним бражничать, то кончилось тем, что он судит теперь о революции и свободе совсем как вы, мистер Хампсид.

Слова Джеллибанда предназначались для всей компании, которая с благоговейным вниманием выслушивала повествование о Пепперкорне. Два посетителя, судя по платью, настоящие джентльмены, оставив свое домино, с большим интересом прислушивались к выражению интернациональных взглядов Джеллибанда.

— Вы, по-видимому, полагаете, — сказал один из них, — что французские шпионы — кажется, вы так именно назвали их? — необыкновенно ловкий народ, если так скоро сумели переубедить вашего друга, мистера Пепперкорна? Иначе чем же объяснить такой их успех?

— Они просто заговорили его: ведь французы — большие краснобаи, вот мистер Хампсид может вам порассказать, как они всякого умеют заставить плясать под свою дудку.

— Неужели? — вежливо сказал незнакомец. — Так не будет ли мистер Хампсид так добр...

— Нет, сэр, нет! — с раздражением воскликнул Хампсид. — Боюсь, что не сумею дать вам нужные сведения.

— Ладно, — сказал незнакомец. — Будем же надеяться, что этим шпионам не удастся поколебать ваши стойкие убеждения.

— Ну, сэр, — воскликнул Джеллибанд с громким смехом, дружно подхваченным его единомышленниками, — забавные вещи говорите вы, нечего сказать!

— В Писании сказано... — начал Хампсид.

— Извините, сэр! — прервал его Джеллибанд, держась за бока от смеха. — Про меня в Писании ничего не сказано, так как я не был ему известен. Нет, вы только подумайте, к чему бы я стал распивать пиво с убийцами? Ничто и никто не заставит меня изменить своим убеждениям. Притом по-английски они, как слышно, говорить не умеют, а хотел бы я посмотреть, как

кто-нибудь из них попробовал бы в моем доме заговорить на своем богомерзком языке!

— Вы уж слишком решительны, — весело прервал его незнакомый джентльмен. — Сэр, вы стоите двадцати французов. За ваше здоровье, почтенный хозяин! Не хотите ли вы сделать мне честь — распить со мной бутылочку?

— Вы очень любезны, сэр, я ничего не имею против этого, — ответил Джеллибанд, вытирая слезы, выступившие у него на глазах.

Наполнив два стакана вином, незнакомец подал один из них хозяину.

— Как честные англичане, мы должны все-таки признать, что получаем из Франции и кое-что хорошее, — с усмешкой сказал он, указывая на вино.

— Никто этого не отрицает, — согласился Джеллибанд.

— Итак, за здоровье лучшего хозяина в Англии, за нашего уважаемого мистера Джеллибанда! — провозгласил незнакомец.

— Гип, гип, ура! — подхватили присутствующие, и звон кружек слился с громким говором и смехом...

III

В то жестокое время английское общество очень неприязненно относилось к французам. Из-за пролива постоянно приходили вести, заставлявшие благородную английскую кровь кипеть справедливым негодованием против убийц, заключивших в тюрьму своего короля и открыто требовавших смерти всех Бурбонов и их приверженцев. Казнь принцессы де Ламбаль, молодой и прекрасной подруги Марии-Антуанетты, произвела на Англию потрясающее впечатление.

Аристократов казнили сотнями, и их кровь взывала о мщении. Но ни одно из государств цивилизованной Европы не решалось вмешаться. Тщетно старался Берк восстановить британское правительство против революционной Франции; Питт, с характерной для него осторожностью, доказывал полную невозможность для Англии начать тяжелую и дорогостоящую войну. Фокс поддерживал его, и оба они держались мнения, что инициатива должна была принадлежать австрийскому королю, дочь которого, Ма-

рия-Антуанетта, была свергнута с трона и томилась в темнице. Англии же не было никакого дела до того, что французам вздумалось резать друг друга.

Что касается Джеллибанда и его друзей, то, хотя они и не особенно жаловали иностранцев, но, как роялисты и противники революции, негодовали на Питта за его чрезмерную осторожность.

На дворе гостиницы послышались стук копыт и громкий говор, но компания в зале не слыхала их, только Салли успела заметить всадника, осадившего коня у крыльца гостиницы, и поспешила навстречу гостю.

— Это, кажется, лошадь милорда Тони, отец, — сказала она, вбегая в зал, но дверь уже распахнулась и чьи-то сильные руки сбросили промокший плащ и охватили талию хорошенькой трактирщицы.

— Что за острые глазки у этой милой Салли! — звучным веселым голосом сказал приезжий, целуя розовые щечки девушки. — Ты с каждым днем хорошеешь, и Джеллибанду, должно быть, очень трудно держать всех этих молодцов на почтительном расстоянии.

Лорд Энтони Дьюхерст, один из сыновей герцога Эксегерского, представлял собой совершеннейший тип английского джентльмена: высокий, стройный, широкоплечий, он обладал открытым лицом и веселым характером. Искусный спортсмен, живой и интересный собеседник, не настолько, впрочем, блистательного ума, чтобы это могло повлиять на его добродушие, он был общим любимцем везде, где только появлялся, от лондонских салонов до провинциальных гостиниц включительно. В гостинице «Приют рыбака» он был своим человеком, так как часто ездил во Францию и при каждой поездке непременно оставался ночевать под гостеприимным кровом Джеллибанда.

Выпустив Салли из объятий, лорд Тони кивнул головой всем присутствующим и направился к камину — погреться и посушиться. Вдруг он заметил незнакомцев, спокойно игравших в домино; на его молодом веселом лице появилось выражение озабоченности, но только на одно мгновение.

— А! Мистер Хампсид! Ну, как делишки? — воскликнул он.

— Плохо, милорд, плохо! Да и чего же можно ожидать при современном правительстве, покровительствующем французским негодяям?

— Да, да, милый мой Хампсид! Но сегодня прибудут

наши друзья из-за моря, которым удалось-таки вырваться из их когтей.

Тут лорд Энтони опять бросил едва уловимый взгляд в сторону незнакомых джентльменов.

— Благодаря вам и вашим друзьям, не правда ли, милорд? — почтительно осведомился Хампсид.

— Тс! — повелительно произнес лорд Энтони, указывая на игроков в домино.

— О, не беспокойтесь, милорд, — поспешно заявил Джеллибанд, — мы среди друзей. Вот тот молодой джентльмен — такой же верноподданный его величества короля Георга, как и ваша милость. Он недавно приехал в Дувр по делам. Тут, повторяю, все наши друзья, милорд.

— Друзья, так друзья, — повторил Дьюхерст, очевидно не желая распространяться с хозяином на эту тему. — А кто у вас есть из приезжих?

— Никого, милорд, я ожидаю только сэра Перси Блейкни с супругой, но на ночь они не останутся.

— Леди Блейкни? — удивился Дьюхерст.

— Так точно, милорд! Сейчас приходил шкипер с яхты сэра Перси и сообщил, что брат миледи отплывает сегодня во Францию, миледи и сэр Перси провожают его... Это не будет вам неприятно?

— Нисколько, милейший, нисколько! Надеюсь, ужин будет такой, каким умеет угощать Салли?

— О, в этом вы можете не сомневаться, милорд, — отозвалась Салли, накрывая на стол. — Сколько приборов, милорд?

— Пять, но рассчитывайте по крайней мере на десятерых: наши друзья будут, вероятно, очень голодны, да и сам я готов съесть целого быка.

— Кажется, приехали, — сказала Салли, прислушиваясь к топоту копыт и стуку колес.

В зале засуетились. Салли бросилась к зеркалу, Джеллибанд поспешил навстречу гостям. Только незнакомцы не принимали участия в общей суете и спокойно продолжали свою игру.

— Пожалуйте, графиня, вот сюда, направо, — произнес за дверью приятный мужской голос.

— Все приехали! Все целы и невредимы! — радостно воскликнул лорд Энтони. — Ну, живо, Салли! Подавай на стол!

Дверь распахнулась, и Джеллибанд, рассыпаясь в приветствиях, ввел двух дам и двух молодых людей.

— Да здравствует старая Англия! — с воодушевлением воскликнул лорд Энтони, простирая руки навстречу вошедшим.

— Вы — лорд Энтони Дьюхерст? — с сильным иностранным акцентом спросила старшая из дам.

— К вашим услугам, мадам! — ответил лорд, целуя руки обеим дамам, а с их спутниками обмениваясь дружеским рукопожатием.

Салли помогла дамам снять дорожные плащи, Джеллибанд с низким поклоном придвинул кресла к ярко пылавшему огню, и обе гостьи подошли к камину. Все с почтительным любопытством смотрели на них.

— Я, право, не знаю, господа, как мне благодарить вас, — сказала старшая из дам, протягивая к огню свои изящные руки, с выражением горячей благодарности переводя взор с лорда Дьюхерста на сопровождавшего ее молодого англичанина.

— Как благодарить? Скажите, что вы рады очутиться в Англии и что не очень устали от тяжелого путешествия, — весело ответил лорд Энтони.

— О, да, я рада, что мы в Англии! — со слезами проговорила графиня. — И мы уже забыли все тяготы путешествия.

У нее был низкий звучный голос, красивое лицо носило печать пережитых страданий, но выражало спокойное достоинство; великолепные волосы, приподнятые по моде того времени высоко надо лбом, были белы как снег.

— Надеюсь, графиня, мой друг, сэр Эндрю Фукс, не давал вам скучать доро́гой? — весело спросил лорд Энтони.

— О, ваш друг — сама доброта и любезность! Чем я и мои дети можем отблагодарить вас?

Молоденькая дочь графини, миниатюрная девушка с детским личиком, до сих пор не произнесла ни слова, но ее большие карие глаза, светившиеся трогательной печалью, постоянно искали взгляда сэра Эндрю Фукса, подсевшего поближе к огню и к ней. Когда ей наконец удалось встретить этот взгляд, нескрываемое восхищение, которое она прочла в нем, заставило ее вспыхнуть ярким румянцем.

— Так вот какова Англия! — сказала она, осматриваясь кругом.

— Только уголок Англии, — улыбнулся сэр Эндрю, — но он весь к вашим услугам.

Девушка опять покраснела, но улыбнулась с явным удовольствием. Она ничего не ответила, сэр Эндрю также молчал, но они и без слов поняли друг друга, как это часто бывает с очень молодыми людьми с тех пор, как стоит свет, и будет продолжаться, вероятно, пока на земле будет оставаться хоть одна юная парочка.

Дверь из кухни отворилась, и Салли внесла огромную суповую миску.

— Ага! Вот и ужин! — весело приветствовал ее лорд Энтони и, подойдя к графине, с поклоном подал ей руку.

Большинство посетителей вышло из зала, чтобы выкурить свои трубки на воздухе, но два незнакомца остались на своих местах, попивая пиво и продолжая игру в домино. Рыбак Гарри Уэт также не покинул зала и, одиноко сидя за своим столиком, сердитыми глазами следил за суетившейся Салли, воочию создававшей прелестную картинку мирной сельской английской жизни, — мудрено ли, что молодой виконт не сводил с нее взора!

Изящный, изысканно одетый двадцатилетний юноша, на которого ужасы пережитого, по-видимому, не произвели особенного впечатления, действительно, восхищенно глядел на девушку.

— Если Англия такова, какой я вижу ее здесь, — с ударением сказал он, — то, клянусь, я ею очень доволен.

С крепко стиснутых губ Гарри Уэта сорвалось какое-то неопределенное восклицание, но он слишком уважал знатных джентльменов — главным образом лорда Энтони, — и потому удержался от резкого возражения.

— Да, Англия действительно такова, милый мой изгнанник, — засмеялся лорд Дьюхерст, — но ради Бога, не вздумайте применять свои свободные взгляды в нашей высоконравственной стране. — И он занял место во главе стола, усадив возле себя графиню.

Джеллибанд наливал в стаканы вино, Салли разносила тарелки с супом. Друзья Гарри поспешили удалить его из зала, так как восхищение юного француза хорошенькой трактирщицей все росло, а с ним росло и раздражение рыбака.

Молоденькая графиня все еще стояла у камина, почти не сознавая, где она, чувствуя лишь, что Эндрю Фукс не отрывает от нее глаз, а его рука как бы нечаянно касается ее руки.

— Сюзанна! — раздался повелительный голос графини.

Девушка вздрогнула и из мира грез вернулась на землю.

— Иду, мама, — покорно проговорила она и села за стол...

Приезжие ужинали, а два незнакомца все продолжали играть в домино; когда они наконец кончили партию, старший из них встал с места и, повернувшись спиной к сидевшим за столом, принялся расправлять свой длинный плащ, украшенный тремя пелеринами. Бросив украдкой взгляд на ужинавших и убедившись, что никто не обращает на него внимания, он многозначительно посмотрел на своего товарища. «Все благополучно», — беззвучно прошептали его губы. В то же мгновение его спутник с необыкновенным проворством опустился на колени и бесшумно скользнул под дубовую скамейку.

— Покойной ночи, джентльмены! — громко сказал человек в плаще и вышел из зала.

Никто не заметил странного маневра, и, когда дверь за незнакомцем закрылась, у всех вырвался вздох облегчения.

— Наконец-то мы одни! — воскликнул лорд Энтони.

Молодой де Турне встал, поднял стакан с вином и с жеманной грацией произнес на ломаном английском языке:

— За его величество Георга III, короля Англии! Господь да благословит его за гостеприимство ко всем нам, несчастным французским изгнанникам!

— За его величество короля! — в один голос отозвались сэр Эндрю и лорд Энтони, добросовестно осушая свои стаканы.

— И за его величество короля Людовика Французского! — торжественно добавил сэр Эндрю. — Да сохранит его Господь и да пошлет ему победу над врагами!

Все осушили свои стаканы стоя и в глубоком молчании. Мысль о судьбе несчастного короля Франции Людовика XVI, томившегося в плену у своего собственного народа, вызвала тень грусти даже на веселом лице Джеллибанда.

— За здоровье графа де Турне де Бассерив! — весело проговорил сэр Энтони. — И дай нам Бог в скором времени лично приветствовать его в Англии!

— Ах, мосье, я почти уже не смею надеяться, — сказала графиня, дрожащей рукой поднося стакан к губам.

— Надо надеяться, графиня, — твердо сказал лорд Энтони. — Пример у вас на глазах: вы и ваши дети в безопасности.

— Я могу только молиться и уповать на милость Божию.

— Графиня, — вмешался Эндрю Фукс, — и я не отрицаю, что прежде всего надо надеяться на Бога, но имейте же немного веры и в своих английских друзей, поклявшихся спасти вашего супруга, как спасли вас и ваших детей.

— О, я вполне верю им! Во Франции всем известны ваши подвиги. Ведь некоторые из моих друзей спаслись от смерти просто чудом, только благодаря вам и вашим друзьям.

— Мы — только орудие, графиня.

— Но подумайте только, какая страшная опасность грозит моему мужу! — со слезами продолжала графиня. — Я никогда не решилась бы покинуть его, если бы не страх за детей. Мое сердце разрывалось между ними и мужем, но они наотрез отказались ехать без меня, а ваши друзья клялись, что с моим мужем в эти дни ничего дурного не случится. Теперь, когда я здесь, с вами, в вашей чудной свободной стране, а моего мужа травят, как дикого зверя, я особенно ясно чувствую весь ужас его положения. Нет, я не должна была покидать его!

Несмотря на свою аристократическую сдержанность, графиня не могла больше владеть собой и тихо заплакала. Молоденькая Сюзанна порывисто бросилась на шею матери, поцелуями осушая ее слезы. При всем своем сочувствии к горю несчастной эмигрантки Фукс и Дьюхерст ничем не выразили его. Англичане вообще стыдятся выражений чувств, и оба молодых лорда старались скрыть то, что было у них на сердце, и только нерешительно переглядывались.

— А я, — неожиданно сказала Сюзанна, бросив на сэра Эндрю выразительный взгляд, — я верю вам безусловно. И я знаю наверное, — с ударением прибавила она, — что вы спасете моего дорогого отца.

Ее слова, звучавшие твердой уверенностью, ободрили графиню, а лица остальных собеседников осветились невольной улыбкой.

— Вы совсем пристыдили меня, мадемуазель! — пылко воскликнул сэр Эндрю. — Моя жизнь к вашим услугам, но должен напомнить вам, что я — лишь орудие в руках нашего великого вождя, который сам придумал и сам же и осуществил план вашего спасения.

Взор Сюзанны остановился на молодом человеке с нескрываемым восторгом.

— Ваш вождь! — с живостью сказала графиня. — Я и не подозревала, что у вас есть вождь. Да, конечно, в таком деле должен быть вождь! Но кто же он? Скажите мне, чтобы я и мои дети могли броситься к его ногам и поблагодарить за все!

— Это невозможно, графиня, — быстро возразил лорд Энтони. — Лига Красного Цветка, лига Красной Пимпернеллы работает тайно, и ее вождя знают лишь ближайшие сотрудники, связанные страшной клятвой.

— Что за странное название! — сказала Сюзанна с веселым смехом. — Что значит название этой лиги? — Ее хорошенькие глазки с любопытством устремились на сэра Эндрю.

Молодой человек вспыхнул, и его взор загорелся любовью и восхищением перед своим вождем.

— Красный цветок, или красная пимпернелла, — название скромного цветка, очень часто встречающегося в Англии и имеющего свойство останавливать кровь. Этим именем назвался лучший и благороднейший из людей, это облегчает ему его высокую задачу.

— Я уже слышал об этом цветке, — вмешался молодой виконт. — Маленький красный цветок, не правда ли? Говорят, что всякий раз, как кому-нибудь из роялистов удается бежать, этот дьявол Фукье-Тенвиль получает бумагу с изображением этого цветка... Правда?

— Правда, — подтвердил лорд Энтони.

— Значит, он и сегодня получит такую бумагу?

— Разумеется!

— Воображаю его гнев! — весело воскликнула Сюзанна. — Говорят, изображение этого маленького цветка — единственная вещь, которая может испугать его.

— Ах, — сказала графиня с глубоким вздохом, — это напоминает роман, но роман непонятный. Объясните мне, по крайней мере, зачем ваш вождь... зачем вы все... тратите свои деньги, рискуете своей жизнью? Вы ведь рискуете ею, появляясь во Франции! И все это для нас, французов, которые, в сущности, для вас ничего не значат!

— Спорт, графиня, спорт! — шутливо сказал лорд Энтони. — Мы, англичане, — страстные спортсмены, а тут дело как раз в том, чтобы отнять зайца от загрызающей его собаки.

— О, нет, нет! Это не только спорт. У вас, наверное, более высокие побуждения.

— Мне было бы очень приятно, если бы вы нашли их. Клянусь вам, я страшно люблю рискованную игру, а это — разве не игра?

Графиня недоверчиво покачала головой, но больше не настаивала. Она знала, что кучка англичан, презирая кровожадный и неумолимый революционный трибунал и бравируя опасностью, похищала намеченные им жертвы чуть ли не из-под ножа гильотины. Она с содроганием вспомнила свое бегство из Парижа и дикий рев черни у Западной заставы, когда эту роковую границу проезжала крытая повозка, в которой она и ее дети — все трое, — не смея дохнуть, лежали между грудами капусты и репы. Как все это было необыкновенно! Графиня и ее муж узнали, что имена их стояли в списке «подозреваемых»; это значило, что их смерть — вопрос нескольких дней, может быть, даже часов... И вдруг явилась надежда на спасение в виде таинственного письма с загадочной эмблемой и ясными, вполне определенными указаниями пути... Затем последовали разлука с мужем, заставившая графиню жестоко страдать, путешествие в повозке с кровожадной ведьмой на козлах. Графиня окинула взглядом уютную старомодную комнату и закрыла глаза, почти не веря, что она в Англии, стране гражданской и религиозной свободы. Нет, их спасение — не спорт, это невозможно: в действиях лиги кроется глубокий, сокровенный смысл.

А глаза Сюзанны, встречаясь с глазами Эндрю Фукса, красноречиво говорили: «Я верю, я знаю, что вы спасаете людей из самых благородных, самых высоких побуждений».

— Сколько членов в вашей благородной лиге, мосье? — застенчиво спросила она.

— Двадцать: один — чтобы приказывать, девятнадцать — чтобы исполнять приказание. Все — англичане, и все одушевлены одной целью: помогать своему вождю в освобождении невинных.

— Пусть же Господь хранит вас всех невредимыми! — с жаром сказала графиня.

— До сих пор Он хранил нас.

— Это изумительно! Вы так смелы... чересчур смелы, да еще притом — англичане, а во Франции теперь так много предателей... И все это во имя свободы и братства! — с горечью сказала графиня.

— Женщины во Франции относятся теперь к аристократам с большей жестокостью, чем мужчины, — со вздохом сказал виконт.

— Да, это правда, — подтвердила графиня, и в ее словах сверкнуло высокомерное презрение. — Например, Маргарита Сен-Жюст выдала трибуналу маркиза де Сен-Сира со всей семьей.

— Маргарита Сен-Жюст? — повторил лорд Энтони, обменявшись многозначительным взглядом со своим другом.

— Вы, конечно, знаете ее. Она была первой актрисой в «Комеди Франсез», а недавно вышла замуж за англичанина, вы должны знать ее.

— Как нам не знать леди Блейкни, самой интересной женщины в Лондоне и жены самого богатого человека в Англии? Все мы хорошо знаем ее.

— Мы воспитывались с ней вместе в монастыре, — вставила Сюзанна. — Я ее очень любила и не могу поверить, чтобы она была способна на дурной поступок.

— Тут кроется какое-нибудь недоразумение, — сказал сэр Эндрю.

— Никакое недоразумение невозможно, — холодно ответила графиня. — Брат Маргариты — ярый республиканец. Существовала семейная вражда между ним и моим кузеном, маркизом де Сен-Сиром. Сен-Жюсты — истые плебеи, а у республиканского правительства много шпионов. Уверяю вас, здесь нет места недоразумению.

— Да, я слыхал что-то в этом роде, но в Англии этому никто не поверит. Сэр Перси Блейкни очень богат, занимает высокое положение в обществе и дружен с принцем Уэльским, а леди Блейкни — самая интересная женщина в Лондоне и законодательница мод.

— Все это очень может быть, но я молю Бога, чтобы во время моего пребывания в вашей прекрасной стране мне не довелось встретить Маргариту Сен-Жюст.

Всем стало неловко. Сюзанна грустно молчала, сэр Эндрю беспокойно вертел в руках вилку, а графиня, закованная в броню аристократических предрассудков, застыла на своем стуле. Лорд Энтони казался крайне встревоженным и многозначительно поглядывал на Джеллибанда, волновавшегося не меньше его.

— Когда ожидаете вы сэра Перси и леди Блейкни? — незаметно для прочих шепнул молодой человек хозяину.

— Каждую минуту, милорд!

Как бы в ответ на вопрос Дьюхерста послышались стук колес и топот копыт, и в широко распахнувшуюся дверь вбежал конюх.

— Сэр Перси Блейкни и миледи! — крикнул он во весь голос. — Вот они, приехали!

Красивый экипаж, запряженный четверкой гнедых, остановился у дверей гостиницы.

В дубовом зале мирной деревенской гостиницы неожиданно разыгралась довольно бурная сцена. Услышав слова конюха, лорд Энтони быстро вскочил с места и, пробормотав приличное (по возможности) ругательство, принялся отдавать растерявшемуся Джеллибанду довольно бестолковые приказания:

— Шевелитесь, Джелли! Да задержите же ради Бога леди Блейкни на дворе, пока эти дамы уйдут в свою комнату; ну же, Джелли! Ах, черт возьми, какая неудача!

Джеллибанд метался по всей комнате, увеличивая суматоху.

— Эй, Салли! Свечи, живо! — кричал он.

Графиня с достоинством поднялась со своего места, суровая, непреклонная, стараясь под маской светского хладнокровия скрыть свое волнение и машинально повторяя:

— Я не хочу ее видеть! Не хочу!

За дверями послышались приветствия и восклицания:

— Добрый день, сэр Перси! Добрый день, миледи!.. Что вы изволили приказать, сэр?

— Подайте слепому, добрая леди!.. Подайте милостыню, леди и джентльмены...

— Нет, нет, не гоните этого бедняка! Пусть он пообедает за мой счет, — прозвучал чей-то низкий приятный голос с едва уловимым иностранным акцентом.

Салли уже стояла со свечами у двери в спальню, которую Джеллибанд поторопился открыть, надеясь предотвратить катастрофу. Графиня взглянула на Сюзанну, медлившую в тайной надежде повидать давнишнюю и нежно любимую подругу.

— Брр... Я промокла, как селедка, — весело прозвучал тот же голос. — О, Боже!.. Что за гнусный климат!

Входная дверь растворилась, впустив леди Блейкни.

— Сюзанна, иди сейчас же со мной. Я этого требую! — решительно сказала графиня.

— О, мама!

— Миледи... гм... хэ... гм... гм... — бормотал Джеллибанд, неловко стараясь преградить дорогу.

— Послушайте, любезный, что вы торчите у меня на дороге и танцуете, как хромая индейка? — с нетерпением сказала леди Блейкни. — Дайте же мне пройти к огню: я промокла и замерзла.

Портреты леди Блейкни, относящиеся к той эпохе, не могут дать истинное представление о ее оригинальной красоте. Несколько выше среднего роста, великолепно сложенная, с царственной осанкой, она даже графиню заставила невольно залюбоваться собой. Маргарите Блейкни едва минуло двадцать пять лет, и ее красота была в полном расцвете. Классический лоб с ореолом каштановых ненапудренных волос мягко выделялся на фоне большой шляпы с развевающимися перьями. Нежный, почти детский ротик, точеный нос, круглый подбородок и красивая шея великолепно гармонировали с живописным костюмом эпохи. Синее бархатное платье обрисовывало стройные линии ее тела, в изящной руке она держала длинную трость, украшенную большим бантом. Окинув быстрым взглядом группу у стола, она ласково кивнула сэру Эндрю, а лорду Энтони протянула руку.

— А, лорд Энтони, какой ветер занес вас в Дувр? — весело спросила она и в ту же минуту заметила младшую графиню. Ее лицо вспыхнуло искренней радостью. — Как? Моя маленькая Сюзанна здесь? — воскликнула она, протягивая девушке обе руки. — Господи, да как ты попала сюда, моя маленькая милая гражданка?

Она с приветливой улыбкой и без малейшего смущения подошла к обеим дамам, к великому ужасу молодых англичан, которые, часто посещая Францию, хорошо познакомились с непреклонным высокомерием и озлобленной ненавистью французского дворянства к демократии.

Несмотря на умеренность своих взглядов и искреннее миролюбие, Сен-Жюст, брат Маргариты, был все же убежденным республиканцем, и его ссора с семьей Сен-Сиров, истинной причины которой никто не знал, окончилась совершенным истреблением аристократического рода.

Маргарита все еще протягивала двум аристократкам свои изящные руки, точно приглашая их перейти через бездну столкновений и кровопролитий последних дней.

Графиня схватила дочь за руку.

— Сюзанна! Запрещаю тебе говорить с этой женщи-

ной! — громко сказала она нарочно по-английски, чтобы все присутствующие хорошо поняли ее слова.

Салли даже рот разинула, услыхав, какую дерзость позволила себе иностранка по отношению к жене сэра Перси, принятой при дворе, а молодые джентльмены, при ничем не вызванном оскорблении, невольно оглянулись на дверь.

Лицо Маргариты побледнело, как мягкий белый шарф, обвивавший ее шею, и ее протянутые руки чуть заметно дрогнули. Она нахмурила свои красивые брови и саркастически улыбнулась, а потом, взглянув ясными синими глазами в лицо суровой графини, пожала плечами и отвернулась с напускным равнодушием.

— Вот так раз! Скажи на милость, гражданка, какая муха укусила тебя? — небрежно спросила она.

— Мы в безопасности, поэтому я решилась запретить своей дочери дружить с вами, — ледяным тоном ответила графиня. — Пойдем, Сюзанна!

Она низко поклонилась молодым людям и величественно вышла из комнаты, не взглянув на Маргариту.

Леди Блейкни проводила ее мрачным взглядом, но он тотчас смягчился до трогательной нежности, когда встретился с глазами Сюзанны. Юная графиня подбежала к Маргарите, бросилась ей на шею и нежно поцеловала.

Эта милая выходка положила конец тягостному настроению. Сэр Эндрю проводил грациозную фигурку восхищенными глазами и затворил за ней дверь. Леди Блейкни с церемонной вежливостью послала вслед дамам воздушный поцелуй.

— Каково! — весело сказала она. — Случалось вам, сэр Эндрю, видеть когда-нибудь такую неприятную особу? Надеюсь, что в старости не буду походить на нее... «Сюзанна, запрещаю тебе говорить с этой женщиной!» — комично произнесла она, великолепно подражая графине, и весело расхохоталась.

Сэр Эндрю и лорд Энтони не отличались особенной наблюдательностью, поэтому не заметили в смехе Маргариты горькой нотки и восторженным «браво» выразили свой восторг перед ее артистическим талантом.

— Ах, леди Блейкни, — сказал Дьюхерст, — «Комеди Франсез», вероятно, до сих пор оплакивает вас, а парижане, конечно, ненавидят сэра Перси за то, что он отнял вас у театра.

— Разве сэра Перси можно ненавидеть? — отозвалась

она, пожимая плечами. — Его остроумные выходки могли бы обезоружить даже графиню де Турне.

Юный виконт не получил от матери приказания следовать за ней, а потому остался в комнате. Услышав имя матери, он поспешил выступить вперед, готовый заступиться за нее в случае дальнейших стрел со стороны леди Блейкни, но в эту минуту за дверью послышался приятный, хотя несколько принужденный смех, и в комнату вошел джентльмен необыкновенно высокого роста и в необыкновенно роскошном костюме.

IV

В 1792 году сэру Перси Блейкни, баронету, не было еще и тридцати лет. Хроника того времени гласит, что он был очень высок ростом даже для англосакса, широк в плечах и хорошо сложен. Черты его лица были правильны, его даже можно было бы назвать красивым, но равнодушно-ленивое выражение впалых голубых глаз плохо гармонировало с его статной, могучей фигурой, а слишком часто раздававшийся небрежный и беспричинный смех положительно портил выражение твердого, красивого рта.

Год назад баронет удивил всю английскую аристократию, вернувшись после многолетнего пребывания за границей женатым на очаровательной остроумной француженке. Самый невозмутимый, самый скучный, самый британский из всех британцев, способный заставить зевать самую живую из хорошеньких женщин, ухитрился завладеть блестящим супружеским призом, которого, по слухам, добивалось множество соискателей.

Маргарита Сен-Жюст появилась в аристократических кругах Парижа как раз в начале великого переворота и показала себя поклонницей республики; ее девизом было признание полного равенства происхождения, неравенство состояния она считала только неприятной случайностью и придавала значение лишь неравенству таланта. «Деньги и титулы можно наследовать, — говорила она, — но талантом можно только родиться». Скоро она собрала вокруг себя, на улице Ришелье, блестящее и совершенно исключительное по составу общество.

Очаровательная артистка, как сверкающая комета,

спокойно вращалась в революционном Париже, пока неожиданно для всех своих друзей не обвенчалась с сэром Перси, презрев все необходимые условия фешенебельной французской свадьбы.

Никто не понимал, каким образом этот скучный англичанин попал в избранный кружок «умнейшей женщины в Европе». Злые языки утверждали, что золотой ключ отворяет все двери, но люди, знавшие Маргариту, знали и то, что деньги не имеют для нее цены, да и в окружающем ее космополитическом обществе нашлось бы немало людей, готовых положить к ее ногам и свое богатство, и свои титулы. Сэр Перси, по общему приговору, совершенно не годился ей в мужья. Единственными его достоинствами считались его слепая любовь к жене, огромное богатство и высокое положение при английском дворе. В Лондоне, где никто не верил в его ум, нашли, что Маргарита — слишком блестящая и слишком остроумная для него жена.

Несмотря на свое завидное положение в Англии, сэр Перси большую часть жизни провел за границей. Его мать совсем молоденькой женщиной сошла с ума, и мальчик родился как раз в то время, когда начали обнаруживаться первые признаки ужасной болезни, считавшейся в те времена Божьим проклятием. Сэр Алджернон Блейкни обожал жену и, надеясь облегчить ее болезнь серьезным лечением, увез ее за границу, где Перси рос между безумной матерью и убитым горем отцом. Его родители умерли скоро один после другого, когда он едва достиг совершеннолетия, и юноша остался одиноким. Он много путешествовал, но после женитьбы вернулся в Англию, где красивая, богатая и прекрасно воспитанная леди Блейкни, вопреки предубеждению против жрецов и особенно жриц сценического искусства, была принята с распростертыми объятиями—и не только в аристократическом кругу, но и при дворе; этим она всецело была обязана положению мужа и любви, которой везде пользовался добродушный, ленивый баронет.

Блейкни уже целых шесть месяцев жили в Лондоне, вводя французские моды и манеры; о костюмах сэра Перси говорил весь Лондон, его выходкам подражали, золотая молодежь старалась перенять его странный, беспричинный смех. Однако его все считали все-таки безнадежно ограниченным, что было, конечно, в порядке вещей, ведь Блейкни никогда не отличались умом, а мать Перси

умерла сумасшедшей. Тем не менее его носили на руках, приглашения на его праздники считались особой привилегией. О том, что он попал в руки «умнейшей женщины в Европе», никто не жалел, ведь сэр Перси сам выбрал свою судьбу. Он, по-видимому, чрезвычайно гордился женой и не обращал ни малейшего внимания на ее небрежные остроты на свой счет.

В этот сентябрьский вечер, несмотря на долгое путешествие под дождем, по грязной дороге, сэр Перси явился в гостиницу «Приют рыбака» таким же изящным щеголем, каким появлялся в лондонских гостиных. Атласный кафтан в виде фрака с необычайно короткой талией безукоризненно сидел на его статной, широкоплечей фигуре, тончайшие мехельнские кружева красиво оттеняли его аристократические, белые, как у женщины, руки. Жилет с необыкновенно широкими отворотами и полосатые панталоны дополняли его костюм, и если бы не ленивая небрежность манер да не нелепый беспричинный смех, можно было бы залюбоваться этим прекрасным образцом мужества и силы.

Сбросив на пол мокрый плащ, он поднес к глазам золотой лорнет и окинул внимательным взглядом присутствующих, умолкнувших при его появлении.

— Здравствуй, Тони! Здравствуй, Фукс! — сказал он, пожимая руки молодым людям и с трудом подавляя зевоту. — Что за скверная погода, дорогие мои! Проклятый климат!

Маргарита бросила на мужа быстрый взгляд, и в ее синих глазах мелькнуло странное выражение.

— Ну, что вы все на меня уставились? — продолжал сэр Перси, удивленный тем, что никто не отвечает ему. — Что случилось?

— О, ничего, — с напускной веселостью ответила Маргарита. — По крайней мере, ничего такого, что могло бы смутить наше хладнокровие: вашей жене нанесли маленькое оскорбление, только и всего.

— О, не говорите так, дорогая! — возразил сэр Перси, успокоенный, однако, смехом жены. — Ну, а где же тот смельчак, который отважился задеть мою жену?

— Мосье, — сказал молодой виконт, выступая вперед с церемонным поклоном, — моя мать, графиня де Турне де Бассерив, оскорбила эту даму, как вижу, вашу супругу. Я не считаю себя обязанным извиниться за свою мать, так как признаю ее поступок вполне справедливым,

но готов дать вам удовлетворение, принятое в таких случаях между благородными людьми! — И, вытянувшись во весь свой маленький рост, юноша окинул гордым взглядом массивного шестифутового баронета.

— Боже мой, сэр Эндрю! — воскликнула Маргарита с самым заразительным смехом. — Взгляните, что за прелестная парочка: английский индюк и французский бентам[1]!

Сходство, действительно, было большое: индюк в полном недоумении смотрел сверху вниз на маленького, но воинственного петушка.

— Вот как, сэр? — произнес наконец сэр Перси, с откровенным изумлением рассматривая юношу в лорнет. — А где это, черт побери, вы научились так говорить по-английски?

— Мосье! — протестующим тоном воскликнул виконт, смущенный таким добродушным отношением врага к его воинственным словам.

— Нет, это поразительно! — невозмутимо продолжал сэр Перси. — Не правда ли, Тони? Клянусь, я не мог бы так говорить по-французски, а?

— За это я ручаюсь, — поспешно вмешалась Маргарита. — У сэра Перси английский акцент, с которым ничего не поделаешь.

— Мосье! — пылко заговорил виконт, в своем волнении еще более коверкая английский язык. — Боюсь, что вы меня не поняли: я предлагаю вам единственно возможное между джентльменами удовлетворение.

— Что же именно? — ласково спросил Блейкни.

— Решить дело шпагой, — ответил виконт, начиная не на шутку сердиться.

— Лорд Тони, держу двадцать против одного за маленького бентама! — воскликнула Маргарита.

Сэр Перси сонно поглядел на виконта, зевнул и лениво отвернулся.

— Бог с вами! — добродушно сказал он. — При чем тут шпага?

— Дуэль! — с трудом выговорил взбешенный и растерявшийся виконт.

Блейкни взглянул на него и разразился громким искренним хохотом.

— Так вот как! Вы требуете дуэли? Ах, вы, крово-

---

[1] Порода кур.

жадный юный злодей! Вам хочется проткнуть шпагой человека, уважающего закон? Нет, я никогда не дерусь на дуэли, — прибавил он, садясь и удобно вытягивая свои длинные ноги. — Дуэль — очень глупая вещь. Не правда ли, Тони?

Виконт смутно помнил, что в Англии дуэли строго преследовались законом, но будучи воспитан в духе вековых традиций своей родины, считал отказ от дуэли чем-то невозможным. Он растерялся и подумывал, уж не ударить ли ему этого длинноногого англичанина прямо в его сонную физиономию? Не назвать ли его трусом?

В это время Маргарита пришла ему на помощь.

— Лорд Тони, примирите их! — сказала она. — Мальчик вне себя от гнева и, пожалуй, отважится нанести сэру Перси оскорбление. А все-таки оказывается, что британский индюк победил, так как все время владел собой.

— Сэр Перси совершенно прав, — сказал лорд Энтони, дружески кладя руку на плечо молодого француза. — Не годится вам дуэлью начинать свою карьеру в Англии.

— Очень хорошо, — ответил виконт после некоторого колебания. — Если милорд удовлетворен, то и я не имею ничего против него.

— Вот это — дело! — со вздохом облегчения сказал Блейкни. — Что за кипяток этот юноша! Правда, Фукс? Если товары, которые ваши друзья привозят из-за моря, все таковы, я лучше посоветовал бы вам топить их в Ла-Манше, а не то мне, пожалуй, придется ехать к старику Питту хлопотать о запретительном тарифе. И тогда, дорогой мой, вас закуют в кандалы за контрабанду.

— Ваши рыцарские чувства, сэр Перси, и вас ввели когда-то в заблуждение, — кокетливо заметила Маргарита. — Вспомните, что и вы сами привезли из Франции большой тюк товара.

Блейкни встал и отвесил жене низкий церемонный поклон.

— Миледи, — почтительно сказал он, — я имел возможность выбирать на рынке самое лучшее, а вкус у меня тонкий.

— Гораздо тоньше ваших рыцарских чувств, — насмешливо заметила Маргарита.

— Ого! Дело дрянь! — с притворным ужасом воскликнул Блейкни. — Будьте же справедливы, дорогая!

Неужели я должен позволить какому-то мальчишке проткнуть мое тело, как булавочную подушку, только за то, что ему не понравилась форма вашего носа?

— О, за мой нос прошу вас не беспокоиться, — с грациозным поклоном возразила Маргарита, — мужчинам он очень нравится. Да и вообще, я ведь сама умею постоять за себя и ничего не боюсь.

— Да ведь и я не боюсь. Вы, кажется, не можете отрицать мою храбрость, а?

— Вашу храбрость? Ха-ха-ха! — рассмеялась Маргарита. — Конечно, нет!

— Благодарю за честь, — с добродушным хохотом ответил ее муж. — Черт возьми, заметь, я рассмешил свою жену, эту умнейшую женщину в Европе! По этому случаю можно выпить. Эй, Джелли, живо! — закричал он, стуча рукой по столу.

Висевшая в воздухе гроза так и не разразилась, и Джеллибанд наконец мог успокоиться, что никаких столкновений и ссор больше не произойдет.

— Стакан пунша, Джеллибанд, покрепче и погорячее! Живо!

— Уже поздно, сэр Перси, — заметила Маргарита. — Если мой брат не уедет вовремя, «Мечта» пропустит прилив.

— Вот, кажется, брат вашей милости идет сюда со шкипером шхуны, — почтительно заметил Джеллибанд, взглянув в окно.

— Чудесно, Арман тоже выпьет с нами, — сказал Блейкни. — Ну, а твоему франтику, Тони, можно предложить стаканчик, как ты думаешь, а? Скажи ему, что мы хотим выпить в знак примирения.

— Ну, вам тут так весело, — сказала Маргарита, — что вы, вероятно, простите меня, если я вас покину и пойду проститься с братом: ему пора ехать.

Ее не удерживали, так как понимали, что ей теперь не до них: Арман Сен-Жюст возвращался сегодня на родину после нескольких дней, проведенных у Блейкни, а в современной Франции смертная казнь так часто являлась наградой за самое верное и самоотверженное служение родине, что Маргарита не могла быть спокойной за судьбу своего брата.

Сэр Перси встал, с отличавшей его церемонной вежливостью отворил дверь и почтительно склонился перед женой. Она вышла из комнаты, насмешливо кивнув ему

головой. Один сэр Эндрю, которого встреча с Сюзанной настроила особенно мягко и чутко, заметил и понял взгляд глубокой и безнадежной любви, которым болтливый, веселый сэр Перси проводил свою красавицу-жену.

V

Маргарита вышла на крыльцо и остановилась, глубоко и с облегчением вздыхая, как человек, уставший постоянно следить за собой.

Дождь прекратился, из-за рассеявшихся туч выглянуло заходящее солнце, и его косые лучи бледным светом озарили зеленые холмы Кента, береговые утесы и рыбачьи домики, ютившиеся у адмиралтейской дамбы. На темном фоне туч, облегавших горизонт с востока, рисовался изящный силуэт легкой яхты с поднятыми парусами. Это была «Мечта».

— Арман! — радостно сказала Маргарита, увидев приближающегося брата.

Они нежно обнялись. Дюжий шкипер с энергичным лицом, проницательными глазами и короткой седой бородой, обрамлявшей его толстый подбородок в виде бахромы, почтительно остановился в нескольких шагах.

— Здравствуйте, Бриггс! — ласково сказала Маргарита. — Сколько еще времени может мосье Сен-Жюст пробыть на берегу?

— Мы должны сняться с якоря через полчаса, миледи!

— Еще полчаса, и мы расстанемся! — с глубоким вздохом сказала Маргарита и, взяв брата под руку, тихо пошла с ним к берегу.

— Но ведь это совсем близко, — с ласковой улыбкой возразил Сен-Жюст, — переплыть пролив, проехать несколько миль на лошадях — и мы снова вместе.

— Меня пугает не расстояние, а этот ужасный Париж. Ах, зачем так быстро пролетели эти дни, когда Перси не было дома и ты принадлежал мне одной!

Они поднялись на высокую скалу, и Маргарита старалась разглядеть в вечернем тумане берега грозной, безжалостной Франции, предъявлявшей кровавые требования этому благороднейшему из своих сынов.

Арман угадал ее мысли.

— Это во всяком случае — наша родина, Марго, на-

ша прекрасная, славная родина! — сказал он, как бы стараясь оправдать жестокости настоящего доблестным прошлым.

— Они перешли пределы возможного! — горячо возразила леди Блейкни, но брат быстро прервал ее и бросил кругом подозрительный взгляд. — Ага! Ты и сам находишь, что обсуждать свободно эти вопросы небезопасно даже в Англии! До чего они довели! О, Арман! Умоляю тебя, не уезжай! — со слезами воскликнула она, прижимаясь к его плечу.

— Перестань! Будь, как прежде, моей храброй сестренкой, которая всегда помнила, что истинные сыны своего отечества не должны покидать его в минуту опасности... а Франция теперь в опасности.

— Но ты будешь осторожен?

— Постараюсь... насколько возможно.

— Арман! На всем свете у меня никого нет, кроме тебя, и я никому не нужна!

— Как никому? А Перси?

— То было... прежде, — прошептала она. — Не беспокойся, дорогой! Перси, во всяком случае, очень добр ко мне.

— Как мне не беспокоиться, моя Марго! Послушай, я не могу уехать, не узнав... Впрочем, не отвечай, если тебе тяжело, — поспешно прибавил Сен-Жюст, заметив, что она изменилась в лице.

— Что ты хочешь знать? — сдержанно спросила она.

— Известны ли Перси обстоятельства, сопровождавшие гибель маркиза де Сен-Сира?

— То есть известно ли ему, что революционный трибунал отправил маркиза с семьей на эшафот благодаря «доносу» Маргариты Сен-Жюст? Известно, мой милый! — с горьким смехом сказала Маргарита. — После свадьбы я все сказала сэру Перси, но опоздала со своей исповедью: он все уже знал из посторонних источников.

— Также и то, что ты была без вины виновата?

— Он был, по-видимому, обо всем осведомлен. Результат — то, что «один из самых глупых мужей в Англии» презирает свою «умную» жену.

И голос, и слова были полны горечи, и Сен-Жюст понял, что неосторожно коснулся болезненной, еще не зажившей раны.

— Марго, твой муж любит тебя!

— Любит? Да, я прежде думала так, без этой уверен-

ности я не вышла бы за него. А все, даже ты, кажется, считали, что я соблазнилась его богатством. Арман! — быстро продолжала Маргарита, словно торопясь избавиться от тягостного гнева. — Верь мне, вы все ошибались. Я до двадцати четырех лет никого не любила и даже считала себя вообще неспособной любить, но быть любимой страстно, слепо, беззаветно казалось мне огромным счастьем. Я думала, что сэр Перси обожает меня. Его ограниченность не смущала меня, напротив! Видишь, я думала, что интересы и заботы, которыми живет человек умный и честолюбивый, рано или поздно отвлекают его от любимой женщины; у сэра Перси, как я надеялась, сердце было полно мной одной, я мечтала заменить ему весь мир. Я чувствовала, Арман, что могу отвечать на такую любовь, могу заплатить за нее всей нежностью, на какую только способно мое сердце.

В ее словах звучало горькое разочарование, и ее брат хорошо понимал его: она лишилась розовых мечтаний, обращающих жизнь в светлый праздник, после того как получила было так много. А между тем она еще молода, еще только начала жить. Сен-Жюст понял и то, что Маргарита оставила недосказанным: что ее участие в эпизоде с Сен-Сиром должно было глубоко оскорбить сэра Перси, в душе которого, несмотря на его ограниченность, жило гордое сознание, что он — потомок длинного ряда предков, которые все были благороднейшими английскими джентльменами с незапятнанным именем: одни сложили головы при Бофоре, другие погибли за вероломных Стюартов, но все свято исполняли свой долг. Для Сен-Жюста гордость предками была лишь «глупым предрассудком», но у Блейкни она была прирожденным чувством, которое поступок его жены, хотя она тогда и не была еще таковой, должен был глубоко уязвить. Зная свою сестру, Арман понимал, что живость, пылкость характера, легкомыслие молодости могли вовлечь Маргариту в нежелательные ошибки, она могла временно подпасть под дурное влияние. Она была просто француженкой, со всеми свойственными ей прелестями и недостатками, но для сэра Перси, с его тяжелым британским мышлением, смягчающих обстоятельств не могло существовать. Факты гласили, что безжалостный трибунал привлек Сен-Сира к суду на основании донесения Маргариты; презрение к такому поступку с ее стороны, конечно, могло убить любовь в сердце ее мужа. Но сама Маргарита положительно

удивляла своего брата; странное, капризное чувство — любовь: стоило ей угаснуть в сердце мужа — и этого оказалось достаточно для того, чтобы в сердце жены она вспыхнула с новой силой. Притом крайности, очевидно, сходятся: женщина, у ног которой он, Арман, видел выдающихся людей, отдала свою любовь глупцу!

Он взглянул на сестру, молча смотревшую на бледное, уже почти закатившееся солнце, заметил слезы, сверкавшие в последних лучах, исчезавшие в кружевной косынке на ее груди, однако ни о чем не стал расспрашивать, зная ее страстный, но скрытный характер. Он знал, что когда ей захочется поделиться своими чувствами, она сделает это только с ним. Со смерти родителей и до самой свадьбы Маргариты брат и сестра ни разу не расставались и привыкли к взаимной откровенности, но теперь, после нескольких месяцев разлуки, Сен-Жюст почувствовал, что между ними выросла какая-то стена, тонкая, но все-таки стена. Они по-прежнему горячо любили друг друга, однако у каждого появился заветный сад, закрытый для другого. Теперь Арман уже многое не мог бы сказать сестре, чувствуя, что она не поняла бы, почему изменились некоторые его взгляды, почему его друзья дошли до таких крайностей.

Маргарита также не смела говорить с братом о том, что скрывалось в тайниках ее души, да она и сама не могла разобраться в мучившем ее чувстве, сознавая лишь одно: она одинока и несчастна среди окружающей ее роскоши. Предстоящая разлука с братом еще усугубила ее грустное настроение: она дрожала за его жизнь.

Они простились на самом берегу, не высказав друг другу многого, что лежало у обоих на сердце, даже из того, что не хранится в «заветном саду» каждого человека.

VI

За закатом быстро наступили сумерки, окутав берега Кента туманной дымкой. Яхта «Мечта» вышла в море, а Маргарита с вершины скалы долго следила глазами за белыми парусами, уносившими от нее единственного близкого человека.

Туман сгущался. Яркий огонь светился в окнах гостиницы «Приют рыбака», Маргарита смотрела на привет-

ный свет, и ей казалось, что она слышит веселые голоса и небрежный, так оскорблявший своей беспричинностью ее чувствительные уши смех мужа. А ведь этот флегматичный человек был чуток и деликатен: он, например, оставил ее одну, понимая, что в данный момент это было ей приятно; он, придававший такое огромное значение светским приличиям, даже и не намекнул на то, что ей следовало бы взять с собой слугу. Да, его внимание к жене, как и щедрость, были неизменны, и Маргарита чувствовала к нему глубокую благодарность, однако горькие мысли, которые он же ежедневно, ежеминутно возбуждал в ее душе своим безукоризненным, но холодным отношением, заставляли ее невольно произносить жестокие, часто даже оскорбительные слова, которыми она надеялась уколоть его и вывести из невозмутимого равнодушия. О, как ей хотелось дать ему почувствовать, что и она также презирает его и забыла, что когда-то любила его! Да, она любила этого пустого щеголя, для которого новый покрой платья и модные галстуки являлись чуть ли не главными интересами в жизни. Было время, когда Перси Блейкни безумно обожал ее, и в этой любви была сила, было что-то могучее, захватывающее, что очаровывало ее. И вдруг, после ее рассказа о случае с Сен-Сиром, пламенное чувство угасло, разлетелось, как дым. Маргарита часто спрашивала себя: да существовало ли оно в действительности?

Страшный финал аристократического дома Сен-Сиров был совершенно неожиданным и для самой Маргариты. Старого маркиза она ненавидела, но вовсе не желала ему такого ужасного конца, а ненависть к нему возникла в ее душе после того, как надменный аристократ нанес ее брату унизительное, незабываемое оскорбление. Арман еще юношей влюбился в Анжел де Сен-Сир, но он был демократ, плебей, а отец Анжел — полон предрассудков своей касты; разумеется, о браке не могло быть и речи. Однажды скромный влюбленный, приближавшийся к предмету своей любви лишь в поэтических мечтах, рискнул послать Анжел де Сен-Сир поэму своего сочинения. Маркиз пришел в ярость: как осмелился плебей поднять глаза на дочь аристократа! На следующий же вечер слуги по его приказанию схватили юношу в уединенном месте и избили до полусмерти.

В те времена такие случаи бывали нередки, но, возбуждая мечты о кровавой мести, заранее обрекали на гильотину высокомерные головы.

Сен-Сир также не избежал расплаты. Сен-Жюсты с энтузиазмом молодости увлеклись утопическими теориями революции, видя в аристократах, отстаивавших свои привилегии, врагов народа. Скоро в кружке Маргариты стало известно, что Сен-Сир вступил в тайную переписку с Австрией, склоняющуюся к подавлению революции, то есть к угнетению только что освободившегося народа. Маргарита, искренне верившая в теорию всеобщей свободы и равенства и наивно предполагавшая такую безобидную веру и в членах своего кружка, страшно возмутилась и высказала несколько неосторожных слов по адресу маркиза. Личная ненависть к нему, вероятно, придала ее словам излишнюю страстность, а в то страшное время жизнь человеческая ничего не стоила. Маркиз был арестован, переписка с австрийским двором очутилась в руках революционного трибунала, и «государственного изменника» казнили со всем семейством. Сен-Жюсты пришли в ужас, особенно Маргарита, раскаявшаяся в своем необдуманном поступке, но все ее старания спасти осужденных ни к чему не привели.

Рассказывая эту печальную историю мужу, леди Блейкни думала, что сумеет заставить его забыть то, что, несомненно, должно было поразить англичанина и роялиста. Сэр Перси выслушал несколько запоздалое признание жены по-видимому спокойно, но после их объяснения его безграничная любовь к ней как будто совершенно исчезла, остались только неизменная вежливость, безукоризненная корректность, заботливая внимательность. Перед Маргаритой был не любящий муж, а добродушный родственник, облаченный в броню невозмутимого спокойствия. Она пробовала возбудить в нем ревность, обиду, досаду, однако все было напрасно. У Маргариты было все, что может дать богатый светский брак, но не было любви, вот почему, когда белые паруса шхуны «Мечта» скрылись в тумане, она почувствовала себя страшно одинокой.

Она с тяжелым вздохом отвела взор от уныло шумевшего моря и тихо пошла к гостинице. Быстро темнело, и она невольно ускорила шаги. В нескольких шагах от гостиницы «Приют рыбака» перед ней внезапно выросла мужская фигура, и спокойный голос назвал ее по имени:

— Гражданка Сен-Жюст!

Она невольно вскрикнула, но почти тотчас узнала незнакомца и с радостным удивлением протянула ему руку.

— Да ведь это Шовелен!

— Он самый, гражданка, к вашим услугам, — ответил незнакомец, вежливо целуя ее руку.

Это был человек лет сорока, маленького роста, с умными, хитрыми глазами старой лисы. Джеллибанд мог бы узнать в нем гостя, распивавшего с ним вино два часа назад.

— Как я рада видеть вас, Шовелен, друг мой! — радостно повторила Маргарита, не замечая насмешливой улыбки, искривившей его тонкие губы; этот человек напомнил ей блестящий кружок с улицы Ришелье, центром которого она была когда-то, и ее радость была вполне искренна. — Почему вы в Англии? — весело продолжала она, идя рядом с ним к гостинице.

— А вы как поживаете? — не отвечая на ее вопрос, осведомился Шовелен.

— Я? — Она пожала плечами. — Мне скучно, мой друг!

Шовелен близко наклонился к ней, стараясь в полумраке разглядеть ее лицо.

— Я изумлен! — воскликнул он, но в его голосе не было искренности.

— Вот как? А я думала, что при своей проницательности вы поймете, что Маргарите Сен-Жюст вовсе не к лицу как английские туманы, так и английские добродетели.

— Мне казалось, что сельская жизнь в Англии особенно привлекает молодых, хорошеньких женщин.

— Я также думала это... прежде, — со вздохом прервала Маргарита. — Хорошенькие женщины в английских поместьях, действительно, вполне гарантированы от всяких опасностей, так как все веселое и интересное для них недостижимо. Вы только представьте себе, что иногда по целым дням не появляется ни малейшего повода к искушению!

— Удивительно ли, что умнейшая женщина в Европе скучает? — любезно сказал Шовелен.

— Уж если я даже вам так обрадовалась, дело, должно быть, плохо, не правда ли? — лукаво улыбнулась Маргарита.

— И это после нескольких месяцев брака по любви? Неужели идиллического безумия хватило лишь на такой короткий срок?

— Милый Шовелен, всякому безумию рано или позд-

но приходит конец. Но не в том дело! Я рассчитываю на вас. Не найдете ли вы мне лекарства против скуки?

— Смею ли я рассчитывать на успех в том, чего не добился даже сэр Перси?

— Ну, сэра Перси мы лучше оставим в покое, мой милый, — сухо возразила Маргарита.

— Прошу прощения. Рецепт против самой мертвой скуки я, смею надеяться, мог бы предложить вам, но...

— Ну, какие еще «но»?

Шовелен устремил на нее свои бесцветные лисьи глаза, словно стараясь прочесть, что было у нее на душе, потом осторожно огляделся и близко нагнулся к ее лицу.

— Гражданка Сен-Жюст! — торжественно сказал он. — Хотите ли вы оказать Франции важную услугу?

— Я? Но какую же услугу могу я оказать ей?

— Слыхали вы о Красном Цветке?

— Как же не слыхать, когда все в Лондоне только о нем и говорят! Скромный красный цветок в такой моде, что им украшают шляпы и платья, его именем называют любимых лошадей. Оно у всех на языке!

— Но вы, гражданка, как француженка, должны бы понять, что тот, кто скрывается под этим странным псевдонимом, — заклятый враг нашей великой Республики, враг ее лучших людей, таких как Арман Сен-Жюст. Если вы — верная дочь Франции, то ваш долг — служить ей.

— Сен-Жюсты отдают родине все, что в их силах, — гордо ответила Маргарита. — Мой брат посвятил ей всю свою жизнь, меня же судьба занесла теперь в Англию, и помогать Франции я не имею возможности.

— Нет, имеете! И именно вы! Послушайте! Я явился сюда как представитель Французской Республики и завтра представлю мистеру Питту свои верительные грамоты. Но главной моей задачей будет найти лигу Красного Цветка, серьезно угрожающую Франции с тех пор, как она вздумала спасать от смерти врагов народа — аристократов. Вы знаете, что, перебравшись в Англию, проклятые изменники употребляют все старания, чтобы восстановить общественное мнение Европы против несчастной Франции, и рады дружить с кем угодно, лишь бы натравить на нее врагов. В последние недели организовано и мастерски выполнено множество побегов; все они — работа кружка англичан, дерзких нахалов, руководимых каким-то необыкновенно изобретательным и таинствен-

ным человеком. Это — голова, обдуманно работающая над разрушением Франции, его помощники — только послушные руки. Я хочу отсечь эту зловредную голову, что предаст в мои руки и всю шайку. Вы, гражданка, должны помочь мне в этом деле: найдите мне рыцаря Красного Цветка! Он, видимо, принадлежит к английской аристократии. Найдите мне его ради нашей дорогой Франции!

Страстная речь Шовелена сильно взволновала Маргариту. Она только что призналась, что лондонское высшее общество страшно интересовалось романтическим рыцарем Красного Цветка, но она не прибавила, что и ее собственное воображение было занято никому не известным храбрецом, посвятившим себя спасению жертв террора. Маргарита нисколько не симпатизировала надменной аристократии вроде маркиза де Сен-Сира или графини де Турне, но путь, которым только что народившаяся Республика пыталась утвердить свое владычество, ей, свободолюбивой республиканке, был просто ненавистен. Сентябрьские убийства, выказавшие Робеспьера, Дантона и Марата в новом свете, как кровавых властителей гильотины, судей не праведных, а беспощадных, заставили ее содрогнуться от ужаса; она впервые поняла, что крайности, до которых дошли вожди народа, должны повлечь за собой гибель таких умеренных республиканцев, как ее брат и ее друзья. Поэтому она радостно приветствовала подвиги горсти храбрецов, отважно спасавших жертвы террора, и ей страстно хотелось узнать таинственного начальника загадочного кружка. Вот какого человека она могла бы страстно полюбить!

— Помогите мне уничтожить этого врага нашей дорогой Франции! — снова раздался возглас Шовелена.

Маргарита очнулась. О чем она мечтала? Интересный герой — какой-то миф, а в нескольких ярдах от нее, за стенами деревенской гостиницы беззаботно хохочет за стаканом вина человек, которому она клялась в верности. Какой контраст между мечтой и действительностью!

— Вы чудак, мой милый, — с напускной небрежностью обратилась она к Шовелену, думая об иронии судьбы, толкающей ее на одну дорогу с так интересующим ее человеком — и с какими целями! — Где я буду искать вам этого господина?

— Вы — центр лондонского высшего общества, вы везде бываете, все видите, все слышите.

— По-вашему, все возможно и все легко, — сказала с неудовольствием Маргарита, глядя сверху вниз на его маленькую, тщедушную фигуру. — Вы забыли только одно ничтожное обстоятельство: что за моей спиной стоит длинный ряд предков сэра Перси Блейкни и тени их встанут между леди Блейкни и... тем, чего вы от меня хотите.

— Я обращаюсь к вам во имя блага родины! — упорно настаивал Шовелен.

— Ах, перестаньте! Ну что за глупости вы мне толкуете! Ведь Красный Цветок — англичанин, так что если вы и узнаете, кто он, то все равно не можете ему повредить.

— Я совершенно не забочусь о его национальности, — с жестким смехом возразил Шовелен, — гильотина во всяком случае охладит его пыл. Недоразумения с британским правительством мы всегда сумеем устранить, а семье казненного не откажем, конечно, в вознаграждении, если бы, сверх всякого ожидания, таковое понадобилось.

— Да вы с ума сошли! — воскликнула Маргарита, отодвигаясь от него, как от зловредной гадины. — Что вы мне предлагаете? Кто бы ни был этот таинственный человек, он во всяком случае смел и благороден, и я никогда — слышите? — никогда не пойду на такую подлость!

— Что же, вам, видно, больше нравится, когда всякая аристократка, спасенная рыцарем Красного Цветка, найдя в Англии приют, смеет оскорблять английскую леди за то, что она была француженкой и республиканкой!

Стрела попала в цель: цветущие щеки Маргариты побледнели, она нервно закусила губу.

— Ну, это к делу не относится, — сухо возразила она, стараясь скрыть досаду. — Чужой защиты я не прошу, а на низкий поступок никогда не соглашусь, даже ради Франции. Посоветую вам искать других средств для исполнения своих замыслов! — И, не удостоив Шовелена взглядом, она повернулась к нему спиной и пошла к гостинице.

— Я уверен, что это не последнее ваше слово! — хладнокровно сказал Шовелен, нисколько не смутившись. — Мы еще встретимся в Лондоне.

— В Лондоне мы, вероятно, встретимся, но это мое слово — последнее.

Маргарита вошла в дом, а Шовелен остался стоять на крыльце и, вынув табакерку, долго и рассеянно угощал свой острый нос табаком. Его хитрые лисьи глазки самодовольно щурились, на тонких губах змеилась насмешливая улыбка, и ничто в его фигуре не намекало на то, что он только что выслушал несколько неприятных и презрительных слов.

VII

Чудная звездная ночь сменила дождливый день. Было тихо и тепло, точно летом; пахло сырой землей, цветами и листвой, напоенной ливнем. Такие ночи бывают только в Англии.

Великолепный экипаж с гербами Блейкни выехал на лондонскую дорогу. Сэр Перси сам правил четверкой чистокровных коней, небрежно держа вожжи в красивой, почти женской руке. Рядом с ним сидела Маргарита, закутанная в дорогие меха. Лошади, высланные в Дувр за два дня, быстро мчали тяжелый экипаж.

«Пятьдесят миль пути в тихую звездную ночь!» — с наслаждением думала Маргарита, радуясь возможности помечтать в тишине погожей ночи, среди простора уединенных полей, чуть озаренных мерцающими звездами, когда мягкий ночной ветер дышит в лицо влагой и свежестью.

Она знала, что сэр Перси будет молчать всю дорогу. Он очень любил эти ночные поездки, и в этом, что вообще было редко, вкусы баронета и его жены совершенно сходились.

Сидя долгие часы рядом с молчащим мужем, Маргарита иногда старалась отгадать, какие мысли занимают его ленивую голову, какие чувства волнуют его душу. Но она никогда и ни о чем не спрашивала его, а он ничего не поверял ей.

В гостинице «Приют рыбака» Джеллибанд тушил огни, отдавал приказания на завтрашний день и делал вечерний обход. Все обычные посетители давно разошлись, иностранные гости спали в уютных комнатах верхнего этажа, где были также приготовлены спальни для сэра Эндрю и лорда Энтони — на случай, если бы им вздумалось почтить старую гостиницу более продолжительным пребыванием.

— Ну, Джелли, разошлись наши гости? — спросил Дьюхерст у Джеллибанда, убиравшего последние бутылки со стола.

— Разошлись, милорд!

— А прислуга?

— Все легли, кроме дежурного буфетчика; боюсь только, что он скоро заснет за стойкой, — с улыбкой ответил Джеллибанд.

— Мы еще посидим, Джелли, а вы ступайте спать!

— Слушаю, милорд! Вот ваши свечи; спальни наверху готовы. Если вашей милости что понадобится, крикните погромче, я услышу, хоть и сплю наверху.

— Ладно, Джелли! Тушите и последнюю лампу, в комнате достаточно светло от камина.

— Как прикажете, милорд!

Джеллибанд принес новую бутылку вина, пожелал своим посетителям спокойной ночи и ушел наверх; в гостинице стало тихо, весь дом погрузился в глубокий сон.

В дубовом зале топился камин, ярко освещая небольшое пространство теплым красноватым светом, остальная часть комнаты тонула во мраке.

— Значит, все сошло хорошо, Фукс? — спросил сэр Энтони после довольно долгого молчания.

Сэр Эндрю не сразу ответил: пламя в камине, на которое он пристально глядел, рисовало ему пикантное личико с большими карими глазами и чистым детским лбом в ореоле темных кудрей.

— Д-да, все сошло хорошо, — машинально повторил он, с трудом отрываясь от своих мечтаний.

— И без всяких препятствий?

— Без всяких препятствий.

— Кажется, нечего и спрашивать, доволен ли ты путешествием? — со смехом сказал Дьюхерст, подливая себе вина.

— Да, дорогой мой, страшно доволен! — с необыкновенным оживлением воскликнул сэр Эндрю. — Какой был чудный переезд!

— В таком случае — за ее здоровье! Славная девушка, хоть и француженка! А теперь, Фукс, за тебя, за твое чувство. Желаю ему успеха!

Он осушил свой стакан до последней капли, потом, придвинув свой стул поближе к товарищу, приготовился слушать.

— Следующее дело будет поручено тебе и Гастинг-

су, — сказал сэр Эндрю, — и я от души желаю вам обоим такого же успеха и такого же прелестного знакомства. Ты не можешь себе представить...

— Конечно не могу! — с улыбкой прервал Дьюхерст. — Но охотно верю тебе на слово. Теперь же, дорогой мой, займемся делом.

Его молодое лицо сделалось вдруг необыкновенно серьезно, и весь последующий разговор друзья вели почти шепотом.

— Я расстался с... Красным Цветком в Кале два дня тому назад, — проговорил сэр Эндрю, — он даже успел рассказать мне подробности. Вообрази, он сам провожал партию от самого Парижа, откуда выехал переодетый — ты никогда не догадаешься! — старой торговкой, и сам правил повозкой, в которой между овощами были спрятаны эмигранты. Они не подозревали, кто вез их, потому что возница самого свирепого вида не ленился громче всех кричать: «Долой аристократов!» Ах, что это за удивительный человек! — с восторгом прибавил он. — Какое хладнокровие! Он сказал, что ты и Гастингс должны встретить его в Кале второго числа будущего месяца... Кажется, это уже в будущую среду?

— Да, в среду.

— Дело предстоит опасное, потому что граф уже приговорен к смертной казни; когда его объявили «подозрительным», наш гениальный вождь, который всегда все узнает раньше всех, успел увезти его из замка и укрыть в надежном месте, но вывезти его за пределы Франции будет страшно трудно. Не верится даже, чтобы удалось! Сен-Жюст, которого, разумеется, никто не может заподозрить, отправился ему навстречу. Я думаю, что также получу приказ участвовать в деле.

— А мне есть какие-нибудь поручения?

— Не поручение, а предостережение: Красный Цветок узнал, что в Англию командирован агент по имени Шовелен, цель которого, между прочим, — открыть личность нашего вождя и, как только он вступит на французский берег, захватить его. Поэтому Красный Цветок рекомендует нам особенную осторожность: показываться вместе в общественных местах как можно реже, без крайней необходимости не сходиться по делам лиги и ждать его инструкций, не спрашивая о них; он известит, если будет надобность.

Угли уже догорали, бросая на пол около камина крас-

новатый свет. За пределами этого освещенного полукруга было темно, как в погребе.

Сэр Эндрю вынул небольшую бумажку, которую прятал в записной книжке, и оба друга, сблизив головы, принялись разбирать драгоценный документ — собственноручную инструкцию обожаемого вождя. Чтение так поглотило их внимание, что они не слышали ни слабого треска углей, падавших сквозь каминную решетку, ни однообразного тикания старинных часов, ни шороха, раздававшегося где-то на полу, совсем близко от них.

Из-под одной из скамеек появилась темная фигура и беззвучно, как змея, подползла к молодым людям.

— Прочти и запомни все, — сказал Фукс, — потом уничтожь письмо! — Он опустил руку с книжкой в карман и нащупал в нем еще бумажку. — Еще записка от него? — сказал он с удивлением. — Когда он успел положить ее в мой карман?

Друзья склонились над клочком бумаги, стараясь прочесть что-нибудь при умирающем свете огня, как вдруг около входных дверей послышался шорох, настолько явственный, что он не мог не привлечь их внимания.

Дьюхерст быстро встал, перешел через комнату и распахнул дверь, но, оглушенный ударом по голове, упал на пол. В то же время притаившаяся на полу фигура вскочила и, бросившись на Фукса, также повалила его на пол.

Прежде чем молодые люди опомнились, на них набросились четверо мужчин, завязали им рты и прикрутили веревками друг к другу, спиной к спине.

— Обыщите их и дайте мне все, что найдете! — сказал человек в маске, с порога следивший за всей сценой.

Ему подали найденные у пленников бумаги, тогда он повелительным жестом указал на дверь. Молодых людей подняли и бесшумно вынесли из гостиницы, а тот, который казался начальником шайки, снял маску и, нагнувшись к огню, пробежал захваченные бумаги.

— Недурно! — тихо сказал он. — Очень недурно для начала!

Его бесцветные лисьи глаза засверкали, когда он прочел записку вождя лиги, только что прочитанную молодыми людьми, но особенное впечатление произвело на него письмо, подписанное именем Сен-Жюста.

— Так Арман Сен-Жюст в конце концов все-таки изменник! — прошипел он со злорадной усмешкой. — Ну, берегитесь, прекрасная Маргарита! Теперь вы уже не сможете отказать мне в помощи!

VIII

Оперный сезон 1792 года в Лондоне начался парадным спектаклем в «Ковент-Гарден». Публики было много, все места были заняты. Серьезные театралы внимательно слушали оперу «Орфей», большая же часть нарядной светской толпы, особенно молодые модницы, показывала откровенное равнодушие к новому произведению Глюка.

Селину Сторз восторженно приветствовали ее поклонники; из королевской ложи было выражено милостивое одобрение любимцу лондонских дам Бенджамену Инкдону; затем последовал блестящий финал второго акта, занавес упал, и публика вздохнула с облегчением: наконец-то можно дать волю болтливым и легкомысленным языкам.

В нижних ложах занимали места лица, известные всему Лондону: принц Уэльский, переходивший то в одну ложу, то в другую, упитанный, жизнерадостный, расточающий своим интимным друзьям улыбки и рукопожатия; мистер Питт, забывший на время тяготы государственных забот; лорд Гренвиль, министр иностранных дел, на ложе которого сосредоточилось сегодня всеобщее внимание вследствие присутствия в ней маленького, худощавого, пожилого иностранца с желчным, саркастическим лицом и впалыми глазами, критически обозревавшими публику. Его темные волосы не были напудрены, скромное черное платье сидело безукоризненно. Все видели, что лорд Гренвиль оказывал гостю надлежащее внимание, видели и то, что всегда любезный и общительный, министр сегодня казался очень сдержанным.

Французские эмигранты, разместившиеся в ложах своих английских друзей, резко отличались от них как типом, так и выражением лица: добрый прием, оказанный им в Англии, не рассеял печали и заботы, которыми было полно сердце каждого беглеца. Особенно женщины, мужья, братья или сыновья которых находились в опасности, не могли сосредоточить свое внимание ни на музыке, ни на блестящем обществе, наполнявшем зал.

В ложе леди Портарлз сидела графиня де Турне де Бассерив в тяжелом черном платье, с дорогими белыми кружевами в волосах (единственный признак, что она еще не в трауре), грустно слушая остроты и шутки добродушной леди, изо всех сил старавшейся развеселить свою гостью.

Сюзанна была очень весела и оживленно осматривала театр, отыскивая глазами интересовавшее ее лицо, но его не оказалось. Молодая девушка не могла скрыть разочарования и, не бросая более ни одного взгляда на веселую толпу, уныло села возле матери. Теперь вместе с братом, конфузясь массы незнакомых людей, она не принимала участия в разговорах.

В дверь ложи постучали, и на пороге появился лорд Гренвиль.

— О, милорд, вы не могли прийти более кстати! — воскликнула леди Портарлз. — Скажите скорее, каковы последние новости из Франции; графиня умирает от беспокойства!

— Новости, к несчастью, неутешительны: казни продолжаются. Париж залит потоками крови.

Графиня побледнела и бессильно отклонилась на спинку стула.

— О, мосье, как ужасно слышать такие вести, когда мой муж в этой жестокой стране! — прошептала она на ломаном английском языке. — А я, зная, что он в такой опасности, вынуждена скрывать свою тревогу... сижу в... театре.

— Мадам! — воскликнула резкая и прямодушная леди Портарлз. — Клянусь, безопасность вашего мужа не была бы обеспеченнее, если бы вы запрятались куда-нибудь в монастырь. Ободритесь! Подумайте о своих детях! Вы не должны преждевременно омрачать их юные сердца своим отчаянием.

Графиня попыталась улыбнуться; голос и манеры леди Портарлз были под стать любому груму, но у нее было золотое сердце; свою редкую доброту, даже чувствительность, она усердно скрывала, щеголяя резкими, даже грубыми манерами, которые были в моде у дам той эпохи.

— Не забывайте, мадам, что лига Красного Цветка ручалась вам за спасение графа, — вмешался лорд Гренвиль. — Это должно вас успокаивать.

— О, да, в этом моя единственная надежда. Лорд Гастингс вчера вторично подтвердил мне это.

— Ну, так откиньте всякий страх; то, за что ручается лига, будет свято исполнено. Энергия рыцарей Красного Цветка неисчерпаема. О, если бы я был помоложе! — прибавил государственный деятель с глубоким вздохом.

— Перестаньте! — прервала леди Портарлз. — При чем тут молодость? По-моему, например, в вас должно бы быть достаточно молодой энергии, чтобы повернуться спиной к французскому пугалу, рассевшемуся в вашей ложе.

— С удовольствием сделал бы это, миледи, но вы забываете, что я состою на службе его королевского величества и в силу обстоятельств вынужден отрешиться от... некоторых предубеждений; Шовелен — уполномоченный... агент своего правительства.

— Чего? Правительства? Как у вас язык поворачивается называть шайку кровожадных убийц правительством?

— Англия еще не видит необходимости прерывать дипломатические отношения с Францией, — осторожно возразил министр, — поэтому и я должен соблюдать строгую корректность в отношении лица, присланного нам французским правительством.

— К черту все ваши дипломатические тонкости, милорд! Эта хитрая лиса — просто шпион, и вы очень скоро убедитесь — уж за это ручаюсь, — что он не очень-то будет считаться с вашей хваленой дипломатией, когда дело коснется эмигрантов и нашего рыцаря с его доблестной лигой. Поверьте, он всякими правдами и неправдами будет вредить им.

— И в своей кровожадной деятельности найдет себе верную союзницу — леди Маргариту Блейкни! — не могла не сказать графиня.

— Праведное небо! — воскликнула леди Портарлз. — Что она говорит? Милорд Гренвиль! Да убедите же графиню в ее безрассудстве! Вы красноречивы, а я не в силах. Как это вы можете позволять себе такие легкомысленные суждения? — сердито обратилась она к графине. — Вы радушно приняты в Англии и не имеете права думать о ней так дурно. Ну, допустим, что леди Блейкни сочувствует убийцам-французам, что она даже была замешана в несчастном деле Сен-Сира, а может быть, и еще кого-нибудь, но теперь она самая популярная женщина в высшем лондонском обществе, а сэр Перси Блейкни близок к королю и членам королевского се-

мейства. Напрасно вы стараетесь оскорбить Маргариту Блейкни: ей это не повредит, а вас может поставить в очень неприятное положение. Правду я говорю, милорд?

В эту минуту поднялся занавес, и начался третий акт оперы. Лорд Гренвиль поспешил откланяться дамам и вернулся в свою ложу, где Шовелен одиноко просидел весь антракт, рассеянно вертя в руках табакерку.

Все его внимание поглощала противоположная ложа, в которой царило веселое оживление, раздавались смех и говор. Это была ложа сэра Перси.

Маргарита была очаровательна: на ней было изящное платье с очень короткой талией — самая последняя мода, скоро привившаяся во всей Европе; блестящая, вышитая золотом ткань необыкновенно шла к ее роскошной, царственной фигуре. Ее каштановые с золотистым отливом локоны были против обыкновения слегка напудрены и перехвачены на затылке огромным черным бантом. В волосах, на шее и на руках сверкали бриллианты — бесценные подарки мужа, сидевшего за стулом своей великолепной жены.

Весь третий акт Шовелен не спускал взора с лица Маргариты, внимательно слушавшей музыку. Она сияла радостным оживлением: опера «Орфей» приводила ее в восторг. «Мечта» благополучно вернулась из Кале с приветом от любимого брата; мудрено ли, что она в эти минуты забыла свои разлетевшиеся грезы о любви, свои мечты о рыцаре Красного Цветка, свои огорчения, забыла о том «ничтожестве», которое повергало к ее маленьким ножкам все блага земные... за неимением других ресурсов.

Простояв за стулом жены ровно столько времени, сколько требовали приличия, Блейкни уступил свое место обожателям Маргариты, поговорил несколько минут с наследным принцем и исчез. Когда снова началась музыка и ложа опустела, Маргарита с облегчением вздохнула, надеясь теперь остаться наедине с Глюком и вполне насладиться божественными звуками, но в дверь опять постучали.

— Войдите! — с нетерпением сказала она.

Вошел Шовелен.

— Два слова, гражданка, — почти повелительно произнес он, останавливаясь за ее стулом.

— Ах, как вы меня испугали! — сказала Маргарита, стараясь улыбнуться. — Зачем вы пришли? Я не могу разговаривать, так как хочу слушать музыку.

— Я пользуюсь временем, когда могу видеть вас одну, — спокойно возразил он, без приглашения усаживаясь на стул сзади нее, так что мог говорить ей на ухо, не мешая публике и не будучи замечен ею. — Леди Блейкни всегда так окружена, что нам, старым ее друзьям, едва можно найти минуту, чтобы побеседовать с ней.

— Повторяю вам, поищите другого, более удобного момента для разговора, — нетерпеливо прервала Маргарита. — Вы ведь будете у лорда Гренвиля, вот там и поговорим... я уделю вам пять минут. А теперь не мешайте мне пожалуйста!

— Вместо пяти минут на балу я предпочитаю три в этой ложе, — невозмутимо возразил Шовелен. — Будьте благоразумны и выслушайте меня, гражданка Сен-Жюст!

Маргарита вздрогнула: Шовелен даже не повысил голоса, но в его тоне, в бесцветных лисьих глазах было что-то зловещее, наполнившее ее сердце дурным предчувствием.

— Что это? Угроза? — надменно спросила она.

— Нет, прекрасная леди, только пробная стрела, — почти нежно ответил он, глядя на нее глазами кошки, стерегущей мышь, которой уже некуда бежать. — Ваш брат Сен-Жюст в страшной опасности, — медленно выговорил он после минутного молчания.

Маргарита не пошевельнулась, продолжая смотреть на сцену, и старалась показать Шовелену, что слушает музыку и на его слова обращает мало внимания, но, глядя на ее неподвижный профиль, он, как тонкий наблюдатель, все же заметил внезапную суровость взгляда и жесткую складку около рта.

— Идите-ка на свое место и не мешайте мне слушать музыку, — сказала Маргарита равнодушным тоном, — ведь эта пресловутая опасность, наверное, — плод вашей неугомонной фантазии.

Он не двинулся, с явным удовольствием наблюдая нервные движения маленькой руки, беспокойно раскрывавшей и закрывавшей веер; он знал, что избрал верный путь.

— Что вы узнали о моем брате? — с тем же напускным хладнокровием спросила Маргарита, видя, что он упорно остается в ложе.

— Очень интересные для вас вещи, гражданка.

Она ждала, затаив дыхание, но Шовелен умышленно медлил.

— Д-да, многое изменилось с нашего последнего свидания, — продолжал он, делая между словами большие паузы, — многое. Я так просил... вашего содействия... для блага нашей родины, гражданка... вы мне отказали... мои служебные, а ваши... общественные... обязанности так нас... разъединяют.

— Да в чем же дело, наконец? — не выдержала Маргарита.

— Зачем спешить, гражданка? Видите ли, в тот вечер, в Дувре, когда вы изволили ответить на мою почтительную просьбу таким решительным отказом, мне случайно удалось овладеть бумагами, открывшими мне новые планы Красного Цветка и его шайки; он намеревается спасти от заслуженной смерти изменника де Турне, скрывающегося от правосудия. Некоторые данные у меня в руках, но так как мне не хватает двух-трех нитей, то я жду от вас...

— Я уже сказала вам, что от меня вам нечего ждать помощи! — с гневом воскликнула Маргарита. — Какое мне дело до Красного Цветка и ваших планов? Вы заговорили о моем брате...

— Имейте же хоть каплю терпения, умоляю вас, гражданка! Лорд Энтони Дьюхерст и сэр Эндрю Фукс были в ту ночь в гостинице «Приют рыбака».

— Ну, да! Ведь я их там видела. Что же из этого?

— Эти джентльмены — члены проклятой лиги; мои люди давно узнали это; графиню и ее детей привез из Франции сэр Эндрю, так что сомнений быть не могло. Как только неосторожные молодые люди остались одни, мои агенты схватили их, связали и отобрали у них все интересные документы.

Маргарита поняла, откуда грозит опасность: Арман был неосторожен и скомпрометировал себя перед республиканским правительством. Невыразимый ужас наполнил ее душу, ей уже представились подробности краткого, неправедного суда... быстрой, несправедливой казни. Однако она решила, что не должна показать этому человеку свой страх и волнение, и воскликнула со смехом:

— Какая невероятная наглость! Вы решаетесь на разбой, грабеж, насилие. И где же? В свободной Англии, в людной гостинице! Браво, Шовелен! Ну а если бы ваши шпионы попались на месте преступления?

— Так что же? Все они — верные сыны своей родины и ученики вашего покорнейшего слуги. Если бы им

пришлось заплатить за свою преданность Франции, они без всякого протеста смело пошли бы в тюрьму или на виселицу. Во всяком случае, на этот раз стоило рискнуть.

— В самом деле? Что же оказалось в этих интересных документах? — небрежно спросила Маргарита.

— К сожалению, они не открыли мне всего, чего я мог ожидать. Я узнал некоторые весьма важные планы, несколько интересных имен, это дает мне наконец возможность... помешать выполнению намеченных уже заговоров, но я страшно огорчен, что относительно личности рыцаря Красного Цветка до сих пор остаюсь в совершенной неизвестности.

— Так вот как! — по-прежнему непринужденно заметила Маргарита. — Значит, в главном вы нисколько не подвинулись вперед? Жалею вас, мой милый! — Она притворно зевнула, усиленно обмахиваясь веером, — И ради этого вы помешали мне дослушать арию? А я ведь заинтересовалась вашим рассказам, думая, что вы собирались сообщить мне что-то о моем брате.

— Да, да, гражданка, именно о нем. Дело в том, что между документами нашлось также письмо за подписью Армана Сен-Жюста. И представьте себе, дорогая леди, оказывается, что... ваш братец не только симпатизирует врагам нашей великой Республики, но и состоит членом проклятой лиги.

Удар попал наконец в цель, но Маргарита и тут не сдалась. Она видела, что Шовелен говорит правду: он был слишком предан своему делу и слишком гордился революционной Францией, чтобы унизиться до намеренной лжи. Письмо неосторожного Армана было в его руках, и злодей, конечно, постарается извлечь из него желаемую выгоду. Она мгновенно поняла все это, но продолжала беспечно улыбаться.

— Не права ли я была, приписывая все это вашему пылкому воображению? Арман — в лиге таинственного Красного Цветка? Арман помогает аристократам, которых сам глубоко презирает? Выдумка, право, недурна!

— В таком случае я позволю себе выразиться несколько яснее: Сен-Жюст настолько скомпрометирован, что нет ни малейшей надежды на его оправдание.

Маргарита не отвечала, стараясь уяснить себе весь ужас положения и найти какой-либо выход. Сторэс кончила арию и раскланивалась перед восторженно аплодировавшей публикой.

— Шовелен, — сказала наконец Маргарита, и на этот раз в голосе не было уже и тени бравады, напротив, он слегка дрожал, — постараемся понять друг друга. У меня от английского климата, должно быть, отсырели мозги, и я не совсем уяснила кое-что. Скажите, вам очень хочется открыть, кто и что такое Красный Цветок?

— Я знаю, гражданка, что это злейший враг Франции, тем более опасный, что действует тайно.

— Допустим! И, чтобы спасти своего брата, я, очевидно, должна сделаться вашей шпионкой?

— Зачем такие выражения, прекрасная леди? Да и я ведь ничего от вас не требую, а услуга, которой я... ожидаю, никак не может быть названа шпионством.

— Дело не в названии, — сухо прервала Маргарита. — Скажите, чего вы хотите?

— Чтобы вы по своей доброй воле оказали мне одну... маленькую услугу и ею... купили помилование Сен-Жюста! — И Шовелен подал ей клочок бумаги, отнятый четыре дня тому назад у молодых англичан, всего несколько строк, нацарапанных кривыми буквами и очевидно измененным почерком:

«Напоминаю — не видеться без крайней необходимости. Инструкция относительно второго числа у вас. Если встретится необходимость новых условий, буду у Г. на балу».

— Ну, что это значит? — спросила Маргарита.

— Разве вы не видите красного цветка на уголке?

— А, Красный Цветок, — догадалась она, — а «Г» — это Гренвиль. Он будет на балу у лорда Гренвиля?

— Я так полагаю. После ареста в гостинице молодые лорды были по моему приказанию доставлены в один уединенный коттедж на дуврской дороге, где им пришлось остаться до утра. Но так как из этой бумажки я понял, что они должны быть на балу, где думают увидеться и переговорить со своим руководителем, то сегодня утром они нашли все двери коттеджа открытыми, свою стражу — исчезнувшей, а на дворе — оседланных лошадей. Я полагаю, джентльмены уже в Лондоне. Видите, гражданка, как все это просто?

— О да, очень просто! — с горечью сказала Маргарита, и в ее голосе против воли снова зазвучал вызов. — Не думаю, чтобы цыпленок, которого вы лови-

те, чтобы свернуть ему шею, находил, что это «так просто». Вы приставляете мне нож к горлу, обещаете награду за повиновение и пытаетесь уверить, что и это очень просто?

— О нет, гражданка, я только даю вам возможность спасти вашего брата от последствий собственного безумия.

Маргарита не могла удержаться от слез.

— Брат мой! Единственное существо в мире, действительно любившее меня! — прошептала она.

Шовелен молчал.

— Но ведь я ничего не могу сделать! — в отчаянии воскликнула она. — Я бессильна помочь вам!

— Положим, — неумолимо продолжал Шовелен, делая вид, что не замечает ее отчаяния, — леди Блейкни уже по одному тому может быть мне хорошей помощницей, что она вне всяких подозрений. Да, гражданка, понаблюдайте хорошенько, прислушайтесь, замечая, с кем будут беседовать Фукс и Дьюхерст. Найдите мне проклятый Красный Цветок, и, клянусь Францией, ваш брат останется на свободе.

Маргарита поняла, что из таких сетей ей не выпутаться: Шовелен, она знала, никогда не грозит напрасно. Очевидно, Арман причислен Комитетом общественной безопасности к «подозрительным», выезд из Франции ему запрещен и стал невозможен. Надо повиноваться Шовелену!

— Значит, если я пообещаю помогать вам, вы отдадите мне письмо Армана? — сказала она с милой улыбкой, чисто по-женски кокетливо прикасаясь к руке человека, которого боялась и ненавидела.

— Если сегодня ночью вы окажете мне содействие, — с саркастической усмешкой ответил Шовелен, — я вручу вам письмо завтра утром.

— Ага, недоверие! Но если я... если обстоятельства не позволят мне помочь вам?

— Это было бы очень прискорбно, — многозначительно ответил Шовелен.

Маргарита поняла, что от этого человека бесполезно ожидать милосердия. Удушливая жара показалась ей леденящим холодом, она нервным движением накинула на плечи длинный кружевной шарф, продолжая, как сквозь сон, смотреть на сцену и с трудом улавливая звуки музыки, доносившиеся, как ей казалось, откуда-то издалека.

На короткий момент ее мысли перенеслись на другого, также имевшего право на ее доверие и любовь. Сознание беспомощности и полного одиночества, охватившее ее душу, напомнило ей, что сэр Перси ведь когда-то любил ее, что он — ее муж. Не обратиться ли к нему за поддержкой и советом? Конечно, он не блещет умом, но если его мужественная энергия поддержит ее умственные силы, им вдвоем, может быть, и удастся одолеть хитрую лисицу и вырвать Армана из ее коварных когтей, не подвергая опасности доблестного вождя благородной лиги. По-видимому, сэр Перси очень расположен к Арману. Да, он наверное поможет жене!

Легкий стук в дверь вывел Маргариту из тяжелой задумчивости, вошел Блейкни, как всегда добродушный и флегматичный, со своей обычной рассеянной и несколько застенчивой улыбкой, сегодня более обыкновенного раздражавшей его жену.

— Неужели вы... поедете... на... этот проклятый бал? — довольно громко обратился он к ней, лениво растягивая слова. — А-а, это — вы... мосье э... э... Шобертен! Извините... я... вас не заметил! — прибавил он, небрежно протягивая два тонких белых пальца агенту, вставшему при его появлении. — Итак, дорогая, едем мы или нет?

Из соседних лож зашикали на него.

— Каковы нахалы! — с добродушной усмешкой заметил сэр Перси.

«Неужели на этого человека можно положиться?» — с горечью подумала Маргарита, нетерпеливо отворачиваясь.

— Я готова, пойдемте! — сказала она, взяв мужа под руку, и, обернувшись в дверях ложи, бросила быстрый взгляд на Шовелена.

Любезно склонившись, со шляпой под мышкой, вытянув вперед свою остроконечную, как у хорька, голову, он с загадочной улыбкой следил за красивой парой, в сущности крайне мало гармонировавшей друг с другом. Потом с довольным видом, точно эти наблюдения обрадовали его какими-то особенно приятными сведениями, он вынул свою табакерку, неторопливо понюхал и заботливо отряхнул табак с кружевного жабо. Спрятав табакерку, он с видом полного удовлетворения принялся потирать свои небольшие худые руки, и улыбка все не сходила с его лица.

IX

Бал у лорда Гренвиля был первым и самым блестящим в этом сезоне. Сам принц Уэльский обещал почтить его своим присутствием, ожидалась также масса знатных гостей. Поэтому лорд Гренвиль уже после второго акта оперы «Орфей» поспешил домой, и к десяти часам (время необычайно позднее для той эпохи) роскошно убранный дом министерства был уже полон народа; из бального зала, словно нежный аккомпанемент смеху и беспечной болтовне, доносились звуки менуэта.

Стоя на верхней площадке лестницы, убранной тропическими растениями и благоухавшей цветами, радушный хозяин встречал гостей, которые, обменявшись с ним положенными церемонными поклонами, направлялись в бальный зал или в карточную, сообразно своим вкусам и наклонностям.

В нескольких шагах от Гренвиля стоял Шовелен, с нетерпением ожидавший приезда леди Блейкни. В строго монархической Англии, возмущенной террором и анархией, царившими у ее соседей, представитель революционного правительства не мог быть приятным гостем, но, являясь лицом официальным, был вежливо принят своими британскими коллегами. Мистер Питт пожимал ему руку при официальных встречах, лорд Гренвиль учтиво разговаривал с ним, но в обществе его совершенно игнорировали: мужчины даже не подавали руки, а дамы откровенно отворачивались. Однако Шовелен не смущался этими неприятностями, иронически называя их «случайностями дипломатической карьеры». Его горячая любовь к родине была довольна своеобразна: он слепо преклонялся перед революцией и также слепо ненавидел всякое общественное неравенство, откуда бы оно не проистекало. Поэтому его нисколько не задевали щелчки, выпадавшие на его долю в старомодной и верноподданной Англии. Твердо веря, что аристократия — злейший враг Французской Республики, он был одним из тех кровожадных патриотов эпохи террора, которые мечтали о том, чтобы у всех аристократов была одна голова — тогда можно было бы отсечь ее одним ударом гильотины.

Шовелен не сомневался, что роялисты, сбежавшие за границу, всячески старались восстановить иностранные державы против революционной Франции, организуя заговоры в Англии, Бельгии и Голландии, добиваясь воору-

женной помощи для освобождения короля и королевы; и, если бы это удалось, результатом, конечно, явились бы казни кровожадных вождей чудовищной Республики. Удивительно ли, что таинственный и романтический предводитель лиги Красного Цветка сделался предметом глубокой ненависти Шовелена, ведь девять десятых эмигрантов, принятых английским двором, были обязаны своей жизнью именно этому человеку и его лиге. И Шовелен дал торжественную клятву своим единомышленникам, что отыщет опасного врага, привезет его во Францию и... Ах! С каким наслаждением думал он о той блаженной минуте, когда голова загадочного вдохновителя лиги падет под ударом гильотины!

На грандиозной лестнице все пришло в движение, разговоры моментально смолкли, и величественный мажордом важно провозгласил: «Его королевское высочество принц Уэльский[1]! — и после короткой паузы: Сэр Перси Блейкни, леди Блейкни!»

Хозяин поспешил навстречу высокому гостю, и принц, в великолепном костюме из атласа и бархата цвета лососины, сияя золотым шитьем, вошел в зал, ведя под руку Маргариту.

По левую руку принца шел сэр Перси в пышном костюме с дорогими кружевами на воротнике и рукавах и со шляпой под мышкой.

Последовали обычные приветствия, после чего хозяин, почтительно склонившись перед высоким гостем, попросил позволения представить его высочеству полномочного агента французского правительства.

Шовелен выступил вперед и отвесил наследнику престола низкий поклон.

— Мосье, — холодно сказал принц, — мы постараемся забыть о пославшем вас правительстве и будем видеть в вас только гостя, в этом смысле мы можем приветствовать вас. Добро пожаловать!

Шовелен поклонился еще ниже — сперва принцу, потом Маргарите.

— А-а! Маленький Шовелен! — беспечным тоном сказала она, протягивая ему кончики пальцев. — Мы с мосье — старые знакомые, ваше высочество!

При этом известии принц несколько милостивее улыбнулся агенту.

---

[1] Впоследствии Георг IV.

— Прошу у вашего высочества разрешения представить графиню де Турне де Бассерив, только что прибывшую из Франции со своими детьми, — продолжал лорд Гренвиль.

— Очень рад! Им, значит, посчастливилось? — быстро и с видимым удовольствием произнес принц.

Гренвиль сделал эмигрантке знак приблизиться.

— Господи, помилуй нас, грешных! — с комическим ужасом шепнул принц Маргарите. — От нее так и веет страшной добродетелью и... страшной меланхолией!

— Добродетель, ваше высочество, подобна флакону с редкими духами, который надо разбить, чтобы ощутить их благоухание, — ответила, улыбаясь, Маргарита.

— Увы! Добродетель вовсе не к лицу прекрасному полу! — с легкомысленным вздохом возразил принц, затем с любезной улыбкой обратился к приблизившейся графине: — Мы рады видеть вас в Англии. Его величество всегда с радостью принимает ваших соотечественников, лишающихся родины.

— Ваше высочество очень милостивы, — с достоинством ответила графиня.

Затем лорд Гренвиль представил принцу ее детей.

— Ваша дочь очаровательна! — воскликнул принц, с ласковой улыбкой глядя на покрасневшую Сюзанну. — Рад видеть вас, виконт! — милостиво обратился он к юному графу. — Я знал вашего отца: он был послом при лондонском дворе.

— Честью сегодняшней встречи с вашим высочеством мы всецело обязаны нашему спасителю, вождю лиги Красного Цветка, — с низким поклоном ответил молодой человек.

— Тс! — остановил его принц, указывая глазами на Шовелена, с насмешливой улыбкой наблюдавшего эту сцену.

— Я позволю себе просить ваше высочество не удерживать этого юноши в выражении его благородных чувств, — смело сказал Шовелен. — Красный Цветок отлично известен Франции и... мне.

Принц бросил на говорившего проницательный и далеко не дружелюбный взгляд.

— В таком случае, — холодно сказал он, — вы знаете о нашем национальном герое больше, нежели мы сами. Может быть, вы даже откроете нам, кто он? Взгляните на дам: их взоры прикованы к вам! Вы, право, при-

обретете огромную популярность у прекрасного пола, если удовлетворите женское любопытство!

— Ваше высочество, — с той же смелой улыбкой сказал Шовелен, — на моей родине существует убеждение, что если бы ваше высочество только захотели, то могли бы дать самые подробные сведения об этом интересном и таинственном придорожном цветке.

С этими дерзкими словами он устремил на Маргариту пытливый и насмешливый взгляд, но она выдержала его без всякого смущения.

— Нет, милейший! — почти сердито возразил принц. — Я не из болтливых, а члены лиги так ревниво оберегают свою тайну, что прелестным поклонницам загадочного вождя приходится довольствоваться обожанием призрака. Мы не знаем даже, какова его наружность: высок он или мал ростом, брюнет или блондин, красив или безобразен... Одно знаем мы твердо, — прибавил принц с тем благородным достоинством, которое привлекало к нему сердца, — что это — отважнейший рыцарь в мире и что этот рыцарь — англичанин.

— Ваше высочество могли бы прибавить, — вмешалась Маргарита, бросив на Шовелена вызывающий взгляд, — что мы, женщины, считаем его героем, подобным героям древнего мира, что мы обожаем его, носим его эмблему, дрожим за него, когда он в опасности, ликуем с ним в честь его торжества!

Шовелен ответил лишь молчаливым и почтительным поклоном. Он не мог не понять, что и принц, и Маргарита говорили с известным намерением, но к презрению принца он был совершенно равнодушен, а красавицу, в пышных локонах которой горела ветка красных цветов из рубинов и бриллиантов, он крепко держал в своих когтях. Поэтому он остался невозмутимым и спокойно ждал, что будет дальше.

— Графиня, — сказал принц, небрежно отворачиваясь от революционного агента, — позвольте мне, в свою очередь, представить вам нашего друга — леди Маргариту Блейкни. У вас с ней, я думаю, найдется много предметов для разговора. Мы с особенным удовольствием приветствуем соотечественников леди Блейкни: ее друзья — наши друзья, ее враги — наши враги.

Синие глаза Маргариты лукаво сверкнули: надменная аристократка получила публичный урок, но графиня, у которой преклонение перед королевской властью обрати-

лось почти в религиозный культ, слишком уважала представителей этой власти и слишком хорошо знала придворный этикет, чтобы показать малейшее смущение. Дамы обменялись церемонными поклонами.

— Его высочество очень милостив к нам, — сказала леди Блейкни с шаловливой улыбкой. — Но его благосклонное посредничество не было даже необходимо: я с удовольствием вспоминаю ваш любезный прием во время нашего последнего свидания.

— Мы, несчастные изгнанники, можем выражать нашу признательность его высочеству, в точности исполняя его желания, — холодно ответила графиня с новым церемонным поклоном. — Что касается нашего благородного спасителя, то так как мы не знаем его, то не в состоянии лично благодарить его и нам остается только молить за него Бога.

— А нам, бедным мужьям, — дурашливым тоном громко сказал блестящий щеголь сэр Перси Блейкни, — остается только лицезреть, как наши жены обожают какой-то призрак!

Все рассмеялись, и принц, горячо привязанный к Блейкни и находивший все его дурачества остроумными, смеялся громче всех. Затем нарядная толпа рассыпалась по всем комнатам, и бал начался...

В то время как маска беспечной веселости, придавая Маргарите особенную привлекательность, делала ее притягательным центром для блестящей молодежи, ее сердце ныло от тяжелой тоски. Она чувствовала себя, как осужденный на смерть, доживающий на земле последний день своей жизни.

Каждый нерв в ней дрожал. Слабая надежда найти в ленивом добродушном муже надежного друга и советчика исчезла так же быстро, как и появилась. Конечно, в этот тягостный момент ее жизни, когда судьба заставляла ее выбирать между любовью к брату и отвратительной ролью, навязываемой ей Шовеленом, долг мужа — быть ее опорой, но как обратиться к этому флегматичному человеку, безразличному, несмотря на его добродушие, ко всему на свете, кроме, может быть, карт! Вот он стоит, окруженный пустоголовыми фатами, с восхищением повторяющими только что сочиненное им четверостишие. Что за глупые слова! Что находят леди в выходках и «словечках» ее мужа? Принц даже спросил ее, оценила ли она последнее поэтическое произведение своего супруга:

Красный Цветок мы ищем впопыхах.
Где ж он? На земле? В аду? Или в небесах?
Франция давно охотится за ним,
Но Цветок проклятый все ж неуловим!

Стихотворение сэра Перси облетело все залы. Принц был в восторге и божился, что без Блейкни его жизнь лишена была бы всякой радости. Взяв своего друга под руку, он увлек его в карточную комнату, где шла крупная и азартная игра. На больших вечерах сэр Перси большей частью интересовался только карточным столом, предоставляя своей красавице жене веселиться или скучать, кокетничать или танцевать — по ее усмотрению.

Вполне предоставленная и сегодня, как всегда, самой себе, Маргарита решилась ни о чем больше не думать и ждать решения судьбы. Жизнь среди парижской богемы, полная непредвиденных случайностей и неожиданных поворотов, сделала ее отчасти фаталисткой. Она чувствовала, что остановить или направить ход событий не в ее власти: Шовелен назначил цену за голову ее брата, предоставив выбор принять или не принять его условия. Так пусть же судьба решит вопрос и укажет ей выход! И, отгоняя страшную мысль, она кокетничала с толпой поклонников, которых сегодня окончательно сводила с ума ее яркая красота, одухотворенная внутренней тревогой.

Лорд Энтони и сэр Эндрю появились только в середине вечера. Фукс тотчас же подошел к мадемуазель де Турне и, удалившись с ней в глубокую амбразуру окна, начал серьезный и, как заметила Маргарита, очень приятный для них обоих разговор. И Фукс, и Дьюхерст имели несколько озабоченный и смущенный вид, но в их манерах Маргарита не нашла ни малейшего намека на ожидание какой-нибудь катастрофы.

«Кто же из всех этих блестящих кавалеров — загадочный вождь таинственной лиги? — думала она, пристально вглядываясь в оживленную толпу. — Где герой, держащий в руках нити отважных заговоров и судьбу стольких человеческих жизней?»

Ей страстно хотелось теперь, когда ему грозила смертельная опасность, узнав этого человека, выразить ему восторг, возбуждаемый в ней его безумной отвагой. Если Дьюхерст и Фукс явились на бал, чтобы получить от него новые указания, то и он сам, конечно, здесь. Но ни в ком из всей этой толпы не могла она предположить железную энергию и смелый ум, благодаря которым кружок

свободолюбивой аристократической молодежи беспрекословно подчинялся воле одного человека, любил, почитал, обожал его. В числе членов лиги, по слухам, находился и наследник британского престола.

Который же? Неужели сэр Эндрю? Не может быть — с его добрыми голубыми глазами, которые с такой нежной любовью следят за каждым движением маленькой Сюзанны! Маргарита увидела, как молодой человек медленно подошел к маленькой гостиной и прислонился к двери, беспокойно оглядываясь, словно кого-то или чего-то поджидая. Удалив под каким-то предлогом своего кавалера, Маргарита приблизилась к Фуксу, и как раз вовремя, чтобы заметить, что молодой Гастингс, приятель ее мужа, быстро прошел мимо сэра Эндрю и еще быстрее сунул что-то в его руку. Сэр Эндрю немедленно вошел в маленькую гостиную. Так вот в чьих руках ключ к тайне! Маргарита забыла свое восхищение благородным незнакомцем и сознавала лишь одно: в маленькой комнате, в двух шагах от нее находился молодой Фукс, а в его руках — талисман, который мог спасти ее брата.

Она вошла в комнату и, неслышно ступая по толстому ковру, подошла к молодому человеку. Он стоял спиной к дверям, у низкого стола, на котором горели свечи в массивном серебряном канделябре, и пробегал глазами клочок бумаги, скрытый от Маргариты его фигурой. При легком шелесте ее платья он быстро оглянулся.

— Я задыхаюсь от духоты! Мне дурно! — простонала Маргарита, проводя рукой по лбу и почти падая ему на руки, так что он едва успел поддержать ее, но все же крепко зажал в левой руке бумажку.

— Боже мой, что это с вами, леди Блейкни? — тревожно спросил он, усаживая ее в кресло, стоявшее у самого стола.

— Ничего... это сейчас пройдет, — слабым голосом ответила она, закрывая глаза и прислоняя голову к спинке кресла. — Не обращайте на меня внимания... мне уже лучше...

Сэр Эндрю молча стоял возле нее, ожидая, пока она придет в себя. Вдруг Маргарита, глаза которой были полузакрыты, скорее почувствовала, чем увидела, что он протянул руку с бумажкой к горящей свече, записка загорелась. Маргарита открыла глаза, схватила ее и быстро погасив обгоревший конец, поднесла его к носу и стала усиленно нюхать.

— Кто это научил вас, сэр Эндрю, что запах жженой бумаги — лучшее средство против дурноты? — невинным тоном спросила она, крепко сжимая в унизанных кольцами пальчиках заветную бумажку. — Ваша бабушка?

Растерявшийся Фукс молчал, глядя на нее во все глаза и не отдавая себе отчета, что произошло.

Маргарита расхохоталась.

— Ну, что такое? Что вы уставились на меня? — весело спросила она. — Ваше средство помогло: видите — мне гораздо лучше... да и здесь так прохладно в сравнении с душным залом.

Сэр Эндрю вспомнил, что эта женщина — француженка, что невероятный слух о гибели маркиза де Сен-Сира мог иметь свое основание, и ломал себе голову, как бы завладеть клочком бумаги, зажатым в этих очаровательных пальчиках.

— Да что вы смотрите на меня такими невозможными глазами? — смеясь, воскликнула Маргарита. — Это нелюбезно, сэр Эндрю! Я начинаю думать, что мое присутствие не обрадовало вас, а смутило... Как вижу, не забота обо мне и не советы бабушки заставили вас зажечь бумажку: вы просто торопились уничтожить письмо от дамы вашего сердца. Ну, признавайтесь: в чем дело? Разрыв или примирение?

— Что бы ни заключалось в этой записке, — с улыбкой сказал сэр Эндрю, к которому уже вернулось самообладание, — она — моя, и потому...— И, не заботясь о том, что его поступок может показаться невежливым, он решительно протянул руку к злополучному клочку бумаги.

Маргарита отшатнулась и толкнула столик с канделябром так, что тот тяжело упал на пол.

— Ах! — испуганно вскрикнула она.

Хотя Фукс с невероятной быстротой поднял канделябр и водворил его на место, Маргарита все-таки успела пробежать содержание записки, написанной тем же измененным почерком, который она уже видела; в уголке стояло изображение красного цветка.

Взглянув на Маргариту, сэр Эндрю прочел на ее лице только искреннюю радость, что инцидент кончился благополучно. Обгорелая бумажка, оброненная как бы нечаянно, лежала на ковре; он поднял ее.

— Стыдитесь, сэр Эндрю! — с шутливым упреком сказала Маргарита. — Вижу, что вы губите сердце ка-

кой-нибудь чувствительной герцогини, но это не мешает вам ухаживать за милой маленькой Сюзанной! Ну, да хорошо уж, хорошо! Охотно верю, что сам Купидон покровительствует вам и готов был помочь спалить все министерство, лишь бы принудить меня выпустить из рук эту бедную записочку, прежде чем мой взор успеет осквернить ее. И подумать, что еще минута — и я, может быть, узнала бы тайну чьей-то любви!

— Вы меня простите, леди Блейкни, если я возвращусь к тому интересному занятию, которое было прервано вашим появлением? — сказал сэр Эндрю, очевидно, вполне успокоившийся.

— О, пожалуйста! Я уже больше не посмею бороться с богом любви! Бедное любовное послание!

Бумажка наконец сгорела.

— А теперь, сэр Эндрю, — сказала Маргарита с одной из самых чарующих своих улыбок, — не рискнете ли вы подвергнуться гневу вашей ревнивой красавицы, то есть не пригласите ли меня на менуэт?

X

Казалось, сама судьба послала Маргарите возможность прочесть слова, небрежно нацарапанные на обгорелом клочке бумаги: «Завтра еду сам... буду в столовой ровно в час». И красный цветок вместо подписи. Ах, как близок стал ей теперь этот маленький цветочек!

Ровно в час! Теперь почти одиннадцать. Танцевали последний менуэт, причем леди Блейкни и сэр Эндрю были в первой паре.

Стрелки на часах двигались с безумной быстротой, еще два часа — и судьба Армана Сен-Жюста будет решена!

Меньше чем через два часа его сестра должна решить: сохранить ли при себе сведения, дарованные ей судьбой, предоставив брату идти его путем — вероятно, к гибели, или предать благородного борца за ближних, даже не подозревающего предательства. Как ужасно и то и другое!

Маргарита казалась такой веселой и беззаботной, что тревога сэра Эндрю совершенно рассеялась. Да, она великолепно играла свою роль, лучше, чем на подмостках

«Комеди Франсез». Да и немудрено: там от ее таланта не зависела жизнь ее брата. Сэр Эндрю никогда не узнал, чего ей стоило поддерживать пустой и веселый разговор.

— Я должна идти к ужину с его высочеством, — сказала Маргарита, когда кончился менуэт, — но прежде чем мы расстанемся, сэр Эндрю, скажите: ведь вы простили меня?

Он снова насторожился.

— В чем дело, леди Блейкни?

— Чего же вы опять испугались? Ведь я не англичанка и не считаю грехом простой обмен любезностями. Я ничего не скажу Сюзанне... А вас, сэр Эндрю, жду к себе в среду.

— В среду не обещаю, леди Блейкни: мне на днях придется уехать ненадолго из Лондона.

— На вашем месте я ни за что не уехала бы, — серьезно сказала Маргарита, и в ее глазах опять появилось тревожное выражение. — Никто ведь не умеет лучше вас бросать мяч, — невинным тоном прибавила она. — Нам будет страшно недоставать вас!

Сэр Эндрю молча поклонился и проводил леди Блейкни к его высочеству.

— Ужин ждет нас, — сказал принц, подавая ей руку. — Я полон надежд, потому что имею полное право ждать милостивой улыбки от богини красоты: богиня счастья весь вечер упорно отворачивалась от меня.

— Значит, ваше высочество потерпели неудачу за карточным столом?

— Да еще какую! Блейкни, кажется, мало того, что он и так — самый богатый из всех подданных моего отца, ему чертовски везет в карты! Да где же он, мой неподражаемый остряк? Чем была бы наша жизнь без ваших улыбок и его веселых острот!

За ужином все очень веселились. Леди Блейкни казалась особенно очаровательной, а ее «тупица-муж» — особенно забавным. Его высочество до слез хохотал над нелепыми, но чрезвычайно смешными выходками Блейкни. Весь стол напевал под аккомпанемент стаканов: «Красный Цветок мы ищем впопыхах».

Было далеко за полночь, принц уже собирался встать из-за стола, что должно было послужить началом разъезда.

Маргарита чувствовала, что разговора с Шовеленом не избежать и что его рысьи глаза сразу заставят ее решить вопрос о предательстве в утвердительном смысле. Она

еще смутно надеялась, что случится что-нибудь важное, что снимет с ее души бремя ответственности, слишком для нее тяжелое.

Самые солидные гости разъехались вслед за принцем, а неутомимая молодежь затеяла новый гавот, обещавший продлить бал еще на полчаса.

Маргарита не танцевала, но ей все-таки не удалось отделаться от кавалера, который провел ее, по ее желанию, в одну из дальних комнат. Она нарочно искала уединения, зная, что Шовелен непременно захочет говорить с ней. Неужели судьба не сохранит ей ее брата, ее друга, человека, заменявшего ей отца и мать? А тот, другой, — что будет с ним?

Ей не верилось, что этот рыцарь без страха, в течение многих месяцев ускользавший от целой армии шпионов Шовелена, не сумеет на этот раз избежать опасности.

Слушая остроумную болтовню своего кавалера, Маргарита вдруг заметила лисью физиономию агента, выглядывавшую из-за портьер.

— Лорд Фанкорт, — поспешно сказала она, — не могу ли я просить вас отыскать моего мужа? Он, вероятно, в карточной; пожалуйста, скажите ему, что я очень утомлена и хотела бы ехать домой.

— С удовольствием, миледи, но я не решаюсь оставить вас одну.

— Не беспокойтесь, милорд: здесь мне никто не помешает.

Фанкорт ушел, а Шовелен неслышно проскользнул в комнату.

— Есть у вас новости для меня? — нетерпеливо спросил он.

— Ничего важного... только мне удалось заметить, что сэр Эндрю Фукс собирался уничтожить какую-то записку. Я... завладела ею на несколько секунд...

— И что же вы там прочли?

— Я увидела, что в углу записки было изображение красного цветка, затем... я могла разобрать только две строки, остальное... совсем обгорело...

Она говорила с большим трудом: предательские слова не шли у нее с языка.

— Счастье ваше, что не сгорела вся бумажка, — сурово сказал агент, — это было бы слишком печально... для Сен-Жюста. Итак, гражданка, что же вы узнали из уцелевших строк?

— Я прочла: «Еду завтра; буду, если надо, в столовой ровно в час».

— Еще есть время, — сказал Шовелен, смотря на часы.

— Что вы хотите делать? — с испугом спросила Маргарита.

— Это будет зависеть от того, кого я найду в столовой ровно в час.

— Конечно, предводителя лиги, но ведь вы его не знаете!

— Ничего! Скоро узнаю!

— А если сэр Эндрю успел предупредить его?

— Не думаю. Я заметил, что он следил за вами, из чего заключил, что между вами что-то произошло. Тогда я принялся усердно занимать его разговорами о музыке и значении Глюка, пока какая-то леди не увела его ужинать, а после ужина, за которым я не спускал с него взора, леди Портарлз напала на него с расспросами о хорошенькой мадемуазель де Турне и, конечно, не выпустит его, пока не узнает всего, что ей интересно узнать; это, конечно, займет не меньше четверти часа. Теперь же без четверти час, и я уверен, что найду в столовой того, кого... ожидаю.

— А если там будет несколько лиц?

— Пусть даже двое или трое, но один из тех, кого я найду, выедет завтра во Францию, где я и встречу вождя лиги, потому что, разумеется, сам отправлюсь за ним и побываю во всех пунктах, назначенных Красным Цветком для встречи с изменником де Турне и другими беглецами; записная книжка Фукса снабдила меня подробными инструкциями. Пусть тот, кого я теперь найду в столовой, отправляется завтра в Кале, я от него не отстану!

— А Арман? Что будет с Арманом?

— Вы знаете, что я никогда не нарушаю данного обещания. В тот день, когда я и вдохновитель ненавистной лиги отправимся во Францию, вы получите неосторожное письмо вашего брата. И, клянусь моей родиной, как только рыцарь Красного Цветка очутится в моей власти, Сен-Жюст очутится в объятиях любящей сестры.

Отвесив Маргарите неестественно низкий, насмешливый поклон, Шовелен оставил ее и поспешил в столовую.

Там было пусто, даже прислуга отсутствовала. Многие

лампы были уже потушены; на неприбранных столах валялись скомканные салфетки, стояли в беспорядке недопитые стаканы; стулья были сдвинуты и частью опрокинуты. В пустой комнате было тихо, только из зала, где еще танцевали, доносились звуки музыки.

Шовелен, горевший нетерпением встретить наконец лицом к лицу таинственного врага, внимательно оглядел столовую, потирая по привычке свои тонкие руки, но никого не увидел. Как мог этот таинственный враг кровопролития так долго скрываться? Чем приобрел такую безграничную власть над девятнадцатью английскими джентльменами? И что за смелость! Что за поразительная дерзость! Какое откровенное презрение к беспощадным врагам, стороживших его по ту сторону Ла-Манша! Нет ничего удивительного, что одно его имя вызывало в народе какой-то суеверный трепет. Сам Шовелен, ожидая с минуты на минуту появления загадочного героя, чувствовал безотчетный страх.

Вдруг он вздрогнул от неожиданности: в комнате раздавалось чье-то спокойное, ровное дыхание. Вероятно, кто-нибудь из гостей лорда Гренвиля чересчур плотно поужинал и прилег отдохнуть вдали от шума, не беспокоя себя переездом домой. Шовелен всмотрелся: в темном углу, на диване, с закрытыми глазами и полуоткрытым ртом мирно похрапывал долговязый супруг «умнейшей женщины в Европе». Шовелен долго смотрел на его спокойное лицо, и его жесткие черты смягчились почти добродушной улыбкой. Этот соня не помешает ему! И, следуя примеру Блейкни, он улегся на другой диван, закрыл глаза, открыл рот, навострил уши и, стараясь как можно естественнее дышать, стал ждать...

Оставшись одна, Маргарита сидела в каком-то мрачном оцепенении, тупо смотрела через полуоткрытую дверь в бальный зал, где молодежь дотанцовывала последний танец. Как хотела бы она очутиться теперь в столовой и увидеть своими глазами человека, создавшего лигу противников кровопролития! Она не сомневалась, что ее женская проницательность сразу откроет в чертах незнакомца печать яркой индивидуальности, которой, несомненно, должен отличаться вождь-герой, могучий, высоко парящий орел, мощные крылья которого — увы! — скоро опутаются цепями. Лев попадает в сети жалкой крысы!

— Простите, миледи! Я промедлил с вашим поручением, — сказал, входя, лорд Фанкорт. — Дело в том,

что я долго не мог найти сэра Перси. Оказалось, что он преспокойно спал в столовой, и я едва добудился его. Он сказал, что сию минуту велит запрягать.

Маргарита машинально поблагодарила его.

— Пока экипаж не подан, не протанцуем ли мы еще один контрданс?

— Простите, милорд, но я страшно устала, притом в зале ужасно душно.

— Так позвольте проводить вас в зимний сад: там тихо и довольно прохладно. Мне кажется, вы нездоровы, леди Блейкни?

— Я просто устала, — томно ответила Маргарита, опираясь на его руку. — Пожалуй, пройдемте в сад.

Минуты ожидания казались ей просто невыносимыми. И от чего этот ужасный Шовелен так долго не возвращается?

— Лорд Фанкорт, кто был в столовой, кроме сэра Перси? — неожиданно спросила она.

— В столовой? — с изумлением переспросил он. — Никого, кроме французского агента, который тоже спал в другом углу комнаты... Почему это интересует вас, миледи?

— Н-не знаю... так!.. А заметили вы, который был час?

— Минут пять или десять второго, может быть, немного более. Я сейчас справлюсь, готов ли ваш экипаж, — озабоченно сказал Фанкорт, все более убеждаясь, что леди Блейкни чем-то сильно расстроена или даже больна.

Он ушел, и Маргарита свободно вздохнула, оставшись одна. Но проходили минуты, а Шовелен все не являлся. Неужели он потерпел неудачу? В таком случае ей нечего ждать пощады от сурового террориста.

Лорд Фанкорт вернулся с известием, что экипаж подан и сэр Блейкни ждет у подъезда. Он проводил прекрасную леди Маргариту до лестницы; на нижней площадке ее ожидала толпа молодежи, а под массивным портиком нетерпеливо били копытами великолепные гнедые сэра Перси.

Только тут, уже прощаясь с гостеприимным хозяином, увидела Маргарита Шовелена, который медленно поднимался по лестнице, потирая худые бледные руки. Где он был? Что он делал внизу? Поравнявшись с леди Блейкни, он опять с притворным почтением низко поклонился ей.

— А, мосье Шовелен! Подайте мне руку! — сказала Маргарита, ухватившись за предлог поговорить с ним.

Он молча подставил свой острый локоть и повел ее вниз.

— Ну, что же? — тревожно спросила она. — Что вы узнали? Почему вы молчите? Мне ведь необходимо знать, что произошло!

— Что произошло, прекрасная леди? Где? Когда?

— Шовелен! — почти вскрикнула леди Блейкни. — Как можете вы так терзать меня! Я сделала для вас все, что могла, я поступилась... многим и имею право знать, что было в столовой в назначенный час.

— Там, прекрасная леди, не было решительно ничего необыкновенного: я спал в одном углу, а ваш супруг — в другом, кругом же царила мирная тишина.

— Как? И никто больше не входил в комнату?

— Ни одна душа!

— Значит, мы... вы потерпели неудачу?

— Может быть... Впрочем, как знать! Во всяком случае, шансы Сен-Жюста висят на волоске. Молите Бога, леди, чтобы этот волосок не оборвался.

— Но ведь я... искренне старалась... помочь вам! — пролепетала помертвевшая Маргарита.

— Я не изменю своему обещанию: в тот день, когда я встречу и... захвачу главу лиги Красного Цветка во Франции, Сен-Жюст будет в безопасности.

— А на моей душе навеки останется кровь благородного отважного человека, — с дрожью прошептала Маргарита.

— Лучше его кровь, чем кровь вашего брата, поэтому я совершенно уверен, гражданка, что и вы, как я, желаете, чтобы загадочный Красный Цветок отправился завтра в Кале.

— Я желаю только одного: чтобы, прежде чем наступит завтрашний день, дьявол, которому вы служите, потребовал ваших услуг... где-нибудь подальше!

— О, прекрасная леди! Вы, кажется, чересчур высокого мнения о вашем покорнейшем слуге! — насмешливо возразил Шовелен, и боязливые, молящие глаза Маргариты ничего не прочли на его бесстрастном лице.

— Милый, милый Шовелен! — сказала измученная женщина. — Утешьте же меня хоть намеком на надежду!

— Молите небо, чтобы волосок не порвался, — бесстрастно повторил он, подсаживая ее в экипаж.

XI

Быстро неслись гнедые жеребцы по тихим улицам Лондона. Сэр Перси по обыкновению правил сам, Маргарита молча сидела рядом с ним. Ночь была теплая, легкий ветерок ласкал разгоряченное лицо молодой женщины, тишина и свежий воздух несколько успокоили ее волнение.

Сонный город скоро остался далеко позади и, переехав Гаммерсмитский мост, сэр Перси свернул на ричмондскую дорогу. По зеленым полям змеилась река, сверкая жидким серебром при лунном свете, черные тени от высоких, густо разросшихся деревьев ложились на дорогу, листья слабо шелестели. Горячие лошади, управляемые твердой рукой Блейкни, быстро несли легкий экипаж. Зная любовь жены к этим поздним ночным поездкам, сэр Перси никогда не оставался после балов и праздников в своем городском доме и всегда возвращался ночевать в тихий Ричмонд.

Сэр Перси, как всегда, молчал; Маргарита несколько раз пытливо взглядывала на него; ей видны были только красивый профиль и равнодушный, с тонкой прямой бровью глаз, глядевший из-под тяжелого века. Сегодня лицо мужа казалось Маргарите необыкновенно серьезным: на нем не было и следа обычной ленивой усмешки. Таким помнила она его в далекие счастливые — да, счастливые — дни его робкой, еще не высказанной любви, когда никто не назвал бы его простоватым ленивцем, все интересы которого сосредоточивались, по-видимому, на картах да на веселых ужинах.

Со своего места Маргарита не могла видеть, что выражали его впалые голубые глаза, но его несколько тяжелый подбородок, угол строгого, не улыбающегося теперь рта и благородный лоб были ярко освещены луной, и она задумчиво всматривалась в знакомые черты, точно видела их сегодня в первый раз.

Да, природа была щедра к сэру Перси. Его недостатки — а у кого их нет? — были, конечно, и следствием несчастной безумной матери и убитого горем, отвернув-

шегося от жизни отца. Эти несчастные родители не могли заботиться о развивавшейся около них юной жизни, так как были всецело поглощены своим горем; небрежность воспитания сказалась во взрослом мужчине, но можно ли обвинять его?

Только что пережитый нравственный кризис сделал Маргариту снисходительнее к чужим слабостям, и она почувствовала глубокую симпатию к своему мужу. Сегодня она смотрела на него не сверху вниз. Она не перестала думать, что в нем много недостатков, но не могла не признать, что его щепетильная честность и благородство были вне всякого сомнения. Да, вне всякого сомнения. А она, его жена?

Боже, думала ли она неделю назад, что способна унизиться до шпионства, предать храброго, ничего не подозревающего человека его злейшему врагу! Жена Перси Блейкни сделала это, и отважный герой погибнет по ее вине — так же, как погиб Сен-Сир. Но тогда она была только неосторожна и не имела оснований ожидать такой ужасной развязки, теперь она совершила низкий поступок вполне намеренно, из побуждения, которое в глазах строгого моралиста не нашло бы извинения.

Твердая рука мужа касалась ее локтя — твердая рука, на которую ей так хотелось опереться, но как быстро исчезнет последняя искра его любви к ней, как он будет презирать ее, если узнает, что она сделала сегодня вечером!

Лошади повернули в массивные ворота парка; в конце въездной аллеи показался загородный дом Блейкни — тяжелое здание из красного кирпича в стиле Тюдоров. Прекрасная лужайка с солнечными часами посередине украшала его фасад, спускаясь по другую сторону дома к реке, на которую выходила массивная терраса. Вокруг дома были со вкусом разбросаны группы деревьев и кустов; в эту теплую, ясную осеннюю ночь сад был как никогда поэтичен.

Сэр Перси круто осадил свою четверку у самого подъезда, ловко соскочил с козел и высадил Маргариту. Несколько грумов, выросших как из-под земли, приняли экипаж и лошадей.

Маргарита не вошла в дом; обогнув его, она спустилась к реке, посеребренной луной. Мирная тишина природы составляла резкий контраст с пережитыми ею волнениями. Она слышала, как провели лошадей в конюш-

ни, как слуги закрывали двери; скоро в доме стало совсем тихо.

В комнатах верхнего этажа горел огонь: это были собственные покои сэра Перси и его жены, но они были расположены на противоположных концах дома, почти так же далеко друг от друга, как две их жизни.

Ах, если Маргарита не имела поддержки и утешения, которых сегодня так жаждала ее душа, то, конечно, по своей собственной вине!

Она медленно пошла к дому, как вдруг услышала твердые шаги по песку, и из тени выступила крупная фигура ее мужа. Сэр Перси не видел ее. Постояв несколько минут в глубокой задумчивости, он быстро повернулся и направился к террасе.

— Сэр Перси!

Он остановился на нижней ступеньке лестницы, всматриваясь в тень под деревьями, откуда прозвучал голос его жены. Она торопливо вышла на озаренную луной дорожку.

— К вашим услугам, мадам, — сказал Блейкни тем галантным тоном, каким всегда говорил с женой, но с лестницы не сошел, и вся его поза говорила о нетерпеливом желании уйти.

— Почему вы торопитесь? В саду так хорошо... И еще не поздно, — нерешительно сказала Маргарита. — Или вы спешите избавиться от моего общества?

— О, нет, напротив! — спокойно возразил Блейкни. — Я боюсь, что мое общество помешает вам наслаждаться поэзией ночи, поэтому я удаляюсь.

— Вы очень ошибаетесь! — горячо возразила Маргарита. — Я прошу вас вспомнить, что отчужденность возникла между нами не по моей вине.

— Черт возьми! Вы и в самом деле правы! — самым сухим тоном ответил Блейкни. — Ну, простите меня в таком случае, у меня, как вы знаете, всегда была дурная память. — И он пристально посмотрел жене прямо в лицо, с ленивой небрежностью, ставшей его второй натурой.

— Плохая память, сэр Перси? — с горечью возразила Маргарита и вплотную подошла к мужу. — Вероятно, она страшно ослабла? Было время, когда, увидев меня в Париже на один лишь час, вы так хорошо запомнили мое лицо, что с первого взгляда узнали меня спустя два года.

Какой дивной красавицей казалась Маргарита, озаренная ярким светом луны, в меховом плаще, небрежно падавшем с роскошных плеч, с горящим взором, поднятым на мужа! Блейкни опустил ресницы.

— Мне кажется, вы не для того потребовали моего присутствия, чтобы... предаваться нежным воспоминаниям? — сухо сказал он.

Маргарита вспыхнула, и ее женская гордость возмутилась, ей хотелось ответить на холодность — почти дерзость — также холодностью и уйти с небрежным кивком головы, но инстинкт подсказал ей, что в эту минуту она не должна поддаваться чувству обиды. Она сдержалась и протянула мужу руку — почти с мольбой.

— Почему же нет, сэр Перси? Настоящее вовсе не так хорошо, чтобы не стремиться вернуться к прошлому.

Его высокая фигура склонилась к протянутой руке, и он церемонно дотронулся губами до кончиков пальцев жены.

— Простите, но мой ленивый ум положительно отказывается возвращаться к прошлому.

— Сэр Перси?

— Миледи?

— Неужели любовь может умереть бесследно? — пылко воскликнула Маргарита. — Мне казалось, что чувство, которое вы когда-то выказывали мне, перейдет за пределы человеческой жизни. Неужели, Перси, от него не... не осталось ничего, что... помогло бы... вам преодолеть... эту печальную... холодность?

Блейкни выпрямился и казался теперь еще чопорнее; около рта легла жесткая складка, а ленивые голубые глаза загорелись неумолимым упрямством.

— К чему все эти слова? — резко спросил он.

— Сэр Перси, я вас... не понимаю!

— Однако это так просто! — возразил он с неожиданно прорвавшейся горечью, которую не сумел скрыть. — Так как мой неподвижный ум не способен понять неожиданную перемену в вашем настроении, то позволю себе спросить вас: может быть, вам угодно возобновить ту дьявольскую игру, которую вы вели со мной в прошлом году? Вы хотите снова увидеть меня у своих ног, чтобы потом опять оттолкнуть, как жалкую собачонку?

— Перси, Перси! Умоляю вас, забудьте прошлое! — пролепетала Маргарита.

— Простите, но из ваших слов я понял, что вы именно желали вернуться к нему.

— Не о том прошлом думаю я, Перси, но о счастливом времени, когда вы любили меня, а я... О, я знаю, я была пуста, тщеславна, меня прельщали ваше положение, ваше богатство... Но я вышла за вас, надеясь прежде всего, что ваша любовь, казавшаяся мне безграничной, возбудит и мою. Увы! Ваше чувство так быстро угасло!

Блейкни устремил на жену суровый взгляд.

— Через сутки после нашей свадьбы, — медленно сказал он, — маркиз Сен-Сир со своей семьей погиб на гильотине, и я узнал, что это произошло по вине жены Перси Блейкни.

— Но ведь я сама, сама рассказала вам всю правду!

— Да, после того как я узнал ее от посторонних... со всеми ужасными подробностями.

— Как могли вы поверить им без доказательств, даже не расспросив меня? Как могли вы поверить, что женщина, которую вы боготворили тогда, способна на низкий поступок? Что я хотела утаить от вас то, в чем, действительно, должна была откровенно признаться до свадьбы? Если бы вы только захотели выслушать меня, я рассказала бы вам, как до последнего момента напрягала все силы, чтобы спасти маркиза. Но я увидела, что ваша любовь умирает, словно и ее поразила гильотина, и ... я не могла говорить. Ах, вы не знаете, как жестоко обманули меня люди, называвшие меня «самой умной женщиной во Франции»! Они знали мою любовь к брату, знали, какую струну моего сердца задеть, чтобы вовлечь меня в это страшное дело!

В голосе Маргариты звенели слезы, она замолчала, стараясь собраться с силами. Блейкни выслушал ее, не прерывая ни единым вопросом, ни единым знаком сочувствия, и молча ждал, пока она боролась с подступавшими к горлу рыданиями. При неверных тенях рассвета его лицо казалось Маргарите страшно изменившимся: ленивая бесстрастность исчезла, в глазах вспыхнул гневный огонь, он даже закусил губы, стараясь овладеть собой. Несмотря на все свое расстройство, Маргарита не могла не заметить его волнения, и так как она прежде всего была женщиной, то инстинкт подсказал ей, какое чувство скрывал сэр Перси в тайнике своей души: да ведь этот человек, стоящий перед ней, как холодная мраморная статуя, любит ее, как любил год назад, — преданно,

безгранично! Она целых пять месяцев ошибочно думала, что он разлюбил ее; нет, причиной перемены в его отношении к ней был не недостаток любви! Маргарита почувствовала страстное желание опять покорить его и вместе с тем поняла, что единственным счастьем ее жизни будет снова ощутить на своих губах его жаркие поцелуи.

— Перси, я умоляю вас терпеливо выслушать меня! — сказала она, и Блейкни встрепенулся от той глубокой нежности, которая внезапно зазвучала в ее голосе. — Вы знаете, что мы с братом росли сиротами и горячо любили друг друга; Арман заменял мне мать. Он полюбил дочь маркиза де Сен-Сира, но не высказывал никаких притязаний на взаимность, он только позволил себе написать и посвятить ей поэму... кажется, в этом не было и намека на дерзость. Однако маркиза это возмутило: он приказал своим слугам подстеречь моего брата в уединенном месте и избить до полусмерти. Жизнь Армана долго висела на волоске. Я страдала вместе с ним — и от сочувствия, и от унижения. Вы не можете себе представить, что я чувствовала! Когда мне выдался случай унизить гордого маркиза, я... Нет, сэр Перси, клянусь вам, я хотела только унизить его! Зная, что он затеял заговор с Австрией против своей родины, я упомянула об этом в нашем кружке, совершенно не подозревая, к чему это приведет. А когда я увидела, что сделала, было уже невозможно спасти маркиза. Заговор погубил его.

Блейкни молчал несколько секунд, а затем медленно произнес:

— Теперь уже трудно восстановить прошлое именно так, как было на самом деле; притом, повторяю, у меня плохая память, но мне помнится, что после смерти маркиза де Сен-Сира я умолял вас объяснить слухи, связывавшие его имя с вашим. Вы отказались от каких бы то ни было объяснений.

— Я хотела испытать вашу любовь, — слабым голосом прошептала Маргарита. — Вы видите, она не выдержала испытаний... И вы еще говорили мне, что во мне — вся ваша жизнь!

— А вы для своего опыта хотели, чтобы я поступился своей честью? — вспыхнув, воскликнул Блейкни. — Вы хотели, чтобы я ко всем поступкам любимой женщины относился как бессловесный раб, не ожидая разъяснений, ничего не требуя? Да, мое сердце, действительно, горело

безграничной любовью, страстью, обожанием! Я не требовал оправданий, не просил разъяснений, но ждал, страстно ждал их от вашей доброй воли, от вашего сердца! Скажи вы одно слово — я поверил бы безусловно! Но вы гордо молчали, вы бросили меня и вернулись к своему брату. А я ждал неделю за неделей и не знал, чему же после этого верить... И мои иллюзии разлетелись как дым.

— Всему виной моя безумная гордость, — с тихой грустью промолвила Маргарита. — Только что расставшись с вами, я уже раскаялась... Ах, Перси! Когда я вернулась в ваш дом, я не узнала моего мужа! Как вы страшно изменились! Какую надели равнодушную, холодную маску! До сегодняшнего дня вы ее не снимали.

Она стояла так близко, что ее шелковистые локоны касались щеки ее мужа, полные слез глаза молили о сочувствии, нежный голос зажигал огонь в жилах Блейкни; он чувствовал, что теряет голову. Но нет, он не поддастся чарам женщины, которую безумно любил и которая заставила его так ужасно страдать. Прошлого не воротишь! И он устоял. Но Маргарита уже знала теперь, что его холодность — маска и что этот любящий, да, любящий ее человек поможет ей в горе.

— Видит Бог, как мне трудно обращаться к вам, сэр Перси, — сказала она решившись, — но я чрезвычайно нуждаюсь в вашей помощи и поддержке.

— Я весь к вашим услугам.

— Какие холодные слова! А было время, когда вы не могли видеть мои слезы... Я в страшном горе и обращаюсь к вам... Я...

— В чем же дело, и как я могу помочь вам? — спросил Блейкни, и на этот раз его голос дрожал почти так же, как ее.

— Перси! Арман в страшной опасности! Его письмо к Фуксу попалось революционерам; может быть, его уже завтра арестуют... а там эшафот, гильотина! Какой ужас! И мне неоткуда ждать не только помощи, но даже сочувствия!

Маргарита прижалась лицом к каменной балюстраде и горько зарыдала.

Услышав об опасности, грозившей Сен-Жюсту, сэр Перси заметно побледнел, и на его лице появилось выражение мрачной решимости, но он не пошевельнулся и некоторое время молча смотрел на плачущую жену.

— Так вот как! — с горечью промолвил он наконец. — Ненасытный революционный зверь готов уже растерзать вскормившую его грудь! Ну, перестаньте же плакать, — почти нежно обратился он к истерически всхлипывающей Маргарите. — Черт возьми! Не могу я видеть слезы хорошенькой женщины! Я... — И он, поддаваясь порыву, уже раскрыл было объятия со страстным желанием прижать к своей груди эту беспомощно рыдавшую женщину, защитить ее от зла и горя, отдать ей свою жизнь до последней капли крови. Однако страшным усилием воли он поборол себя и глухо спросил: — Итак, что я могу для вас сделать?

Маргарита не глядя протянула мужу руку и почувствовала, что его рука дрожит и горит как огонь, а губы, на мгновение прикоснувшиеся к ее пальцам, холодны, как мрамор балюстрады, к которой она прислонилась.

— Помогите брату! — просто сказала она. — У вас много друзей, и вы имеете влияние при дворе.

— Но почему бы вам не обратиться к Шовелену? Он влиятелен в революционном трибунале и многого добьется.

— Это невозможно. Ах, Перси, если бы я могла сказать вам все! Но я... я... Перси! Он назначил за спасение моего брата цену, которая... которую...

Как могла она признаться мужу? Он, может быть, не поймет ее борьбы и силы искушения и будет помнить лишь одно: в ее прошлом уже был прецедент. А тогда уже ничто не вернет ей его доверия и прежнего отношения. И Маргарита молчала.

Между тем Блейкни, отгадывая, что происходит в ее душе, жадно ждал признания. На минуту его глаза обратились к ней со страстной мольбой, но она смотрела в землю. Он с невольным вздохом отвернулся.

— Не расстраивайте себя, и не будем больше говорить об этом, — сказал он. — За брата не бойтесь: даю вам слово, что для него все кончится благополучно. А теперь позвольте мне уйти — уже поздно.

— А мне позвольте от всей души поблагодарить вас, — кротко и благодарно ответила Маргарита.

Ах, как она искушала его сегодня, после стольких дней, недель, месяцев! Схватить ее в объятия, поцелуями осушить слезы на прелестных глазах... Но один раз она уже подразнила его таким же образом, а потом толкнула в бездну. Нет, сегодняшнее ее обращение — каприз, которому нельзя подчиниться.

— Пока вам еще не за что благодарить меня, — спокойно сказал Блейкни, отступая, чтобы дать жене дорогу.

Она подняла на него взор. Увы! Ничто не изменилось, и перед ней был все тот же холодный, бесстрастный человек, устоявший перед ее нежностью, слезами и красотой.

Тусклый рассвет уступил место яркому сиянию зари. В парке начали щебетать птицы. Супруги Блейкни расстались. Маргарита печально поднималась по лестнице, замедляя шаги с безумной надеждой, что муж позовет ее, раскроет ей объятия, но он не двигался и стоял на том же месте, как олицетворение гордости и упорства. Она со слезами вошла в дом и не видела, как сильный, гордый мужчина, едва захлопнулась за ней тяжелая дверь, приник к ступеням террасы, по которым только что прошли ее маленькие ножки, как он страстно целовал каменную балюстраду, еще хранившую следы ее горьких слез. Если бы леди Блейкни видела это — ее горести, вероятно, показались бы ей ничтожными...

Утомленная горничная ждала Маргариту в ее комнате.

— Ступай спать! У тебя совсем слипаются глаза, — кротко сказала ей Маргарита, — я разденусь сама.

Девушка вышла, а Маргарита, сбросив с себя платье, распустила волосы, отдернула занавес и открыла окно. Яркая заря алела над тихим садом и рекой, переходя на востоке в расплавленное золото. Маргарита с чувством горькой обиды взглянула на пустую террасу, свидетельницу ее напрасных стараний вернуть нежность и покорность мужа. Ее сердце рвалось к нему, не ответившему на ее горячий призыв, несмотря на то, что — она чувствовала — его любовь не угасла. Страстная тоска по утраченному доверию мужа, по его обожанию, которое она когда-то принимала только как должное, вытеснила из ее сердца даже тревогу за брата. Оглянувшись на последние месяцы своей жизни, она впервые серьезно взвесила свои чувства. Да, она не переставала любить мужа, и теперь ей казалось, что она все время бессознательно чувствовала в нем сильного, страстного, твердого мужчину, скрывавшегося под маской беспечного доброго малого; сегодня она увидела, что он любит ее, но не умеет быть слепым к ее поступкам и никогда не будет ее рабом. Маргарита Сен-Жюст не могла любить глупца, а Перси Блейкни она любила, да, любила, и только гордость избалованной женщины мешала ей понять свое собственное сердце. Она должна снова завоевать его, без его любви она не сможет жить.

Бурные неясные чувства кипели в сердце Маргариты, но усталость и пережитые волнения взяли свое и, прислонившись к спинке кресла, она незаметно погрузилась в тревожную дремоту. Ее разбудили шаги, раздавшиеся за дверью. Она вскочила и тревожно прислушалась: кто-то тихо удалялся от ее дверей.

В открытое окно широкой волной лились яркие лучи утреннего солнца, часы показывали половину седьмого. Обыкновенно в это время весь дом еще спал, но Маргарите слышались сдержанные голоса и неопределенный шум. Она отворила дверь — никого, но на пороге лежало письмо.

Ее сердце громко застучало, глаза не отрывались от конверта, белевшего на ковре. Наконец она решилась поднять его и вздрогнула, узнав крупный, размашистый почерк мужа.

О чем мог он писать ей? Они ведь только что расстались. Она вскрыла конверт и прочла:

«Совершенно непредвиденные обстоятельства вынуждают меня немедленно отправиться на север. Прошу прощения, что не имел возможности проститься с Вами. Важные дела лишают меня удовольствия присутствовать в среду на празднике.

Ваш покорнейший слуга *Перси Блейкни*»

Маргарита несколько раз прочла письмо, прежде чем поняла его содержание, и ее сердце сжалось предчувствием чего-то недоброго.

У сэра Перси были в северных графствах большие поместья, куда он часто уезжал на несколько дней и всегда один, но сегодня ей казалось очень странным, что в шесть часов утра неожиданно явились обстоятельства, требовавшие такого спешного отъезда. Она решила, что должна видеть мужа сейчас, сию минуту!

Накинув легкий пеньюар, она, как была, с распущенными волосами, сбежала вниз, в пустую прихожую, куда со двора доносились людской говор и стук конских копыт, и с трудом отворила тяжелую дверь. У крыльца грум держал двух оседланных лошадей, в одной из них она узнала Султана, любимую и самую резвую лошадь сэра Перси. В ту же минуту из-за угла вышел он сам, в изящном дорожном костюме из тонкого сукна и высоких ботфортах. При виде жены он слегка нахмурился.

— Куда вы уезжаете? — тревожно спросила Маргарита.

— Я уже имел честь сообщить вам, что неотложные

дела призывают меня на север, — ответил Блейкни, искоса поглядывая на грума.

— Но у нас завтра гости!

— Прошу вас представить мои почтительнейшие извинения его высочеству. Такая прекрасная хозяйка сумеет сделать мое отсутствие совершенно незаметным.

— Отложите вашу поездку! Я уверена, что эти дела вовсе не так важны!

— Я вынужден просить вас не задерживать меня, так как они именно очень важны. Я скоро вернусь, хотя не могу назначить день.

— Неужели вы так и не скажете мне причины столь неожиданного отъезда? Я — ваша жена и имею право знать, если случилось что-нибудь особенное. В последние сутки вы не получали известий из северных имений. Почему вы... скрываете? Ах, Перси! Вы едете не на север! Тут кроется какая-то тайна!

— Полно, никаких тайн нет! Если уж вам так хочется знать, то скажу, что мои дела связаны с делом вашего брата. Теперь, надеюсь, вы позволите мне уехать?

— Прежде скажите мне, не грозит ли вам какая-нибудь опасность?

— Мне? Опасность? — со смехом воскликнул Блейкни. — Ваши заботы очень лестны для меня! Но вы ведь говорили сегодня ночью, что я имею некоторое значение при дворе, имею связи, вот я и намерен воспользоваться ими, пока еще есть возможность, вот и все, мадам!

— Я так благодарна вам, Перси!

— Не за что! — холодно возразил он. — Моя жизнь по праву принадлежит вам... и разве вы не заплатили мне за все сторицей?

— За все, что вы сделаете и делаете для Армана, — горячо воскликнула Маргарита, — я готова заплатить вам всей своей жизнью... если... только вы захотите взять ее. Поезжайте, друг мой! Сердцем я буду с вами. Добрый путь!

Блейкни молча поцеловал протянутую руку, поцелуй был горяч и наполнил ее сердце радостной надеждой.

— Возвращайтесь скорее! — нежно сказала Маргарита.

Он заглянул в самую глубину ее глаз со странным, непонятным ей выражением, потом вскочил на Султана, нетерпеливо бившего копытом, и галопом выехал на аллею. А она вернулась в свою комнату, успокоенная и ободренная, твердо веря, что теперь все будет хорошо:

когда муж возвратится, она, смирив свою гордость, во всем доверится ему, и опять вернутся счастливые дни, когда они вдвоем гуляли в рощах Фонтенбло, и она верила, что это благородное сердце даст ей счастье и покой. События последней ночи почти перестали тревожить Маргариту, ведь Шовелен в конце концов так и не узнал, кто создатель ненавистной ему лиги, так как в столовой, кроме него самого и спящего сэра Перси, никого не было. Как жаль, что она не посмела поговорить об этом с мужем! Во всяком случае, на этот раз Красный Цветок не попадет еще в сети Шовелена, и его гибель не останется на ее совести, а Армана выручит Перси, и больше она не отпустит брата во Францию.

Она бросилась в постель и сладко заснула.

XII

Маргарита спала долго и крепко — тем сном, лишенным сновидений, который бодрит и успокаивает душу и тело, и проснулась очень поздно. От горничной, принесшей ей незатейливый завтрак — молоко, хлеб и фрукты, — она узнала, что, приехав в Лондон, сэр Перси отослал грума с Султаном обратно в Ричмонд, а сам отправился на свою шхуну, стоявшую на якоре у Лондонского моста.

«Зачем сэру Перси понадобилась «Мечта»?» — недоумевала Маргарита, полагая, что ее муж намеревался хлопотать об Армане через наследника престола, но потом решила, что незачем ломать голову, ведь Перси скоро вернется и сам объяснит ей.

Сегодня Маргарита ждала Сюзанну, которую нарочно пригласила в присутствии принца: он очень советовал молодой девушке погостить у леди Блейкни и даже обещал в самом скором времени навестить обеих дам в Ричмонде. Надменная графиня оказалась вынужденной отпустить дочь к Маргарите без всяких «но».

Одевшись для приема гостей, Маргарита вышла на лестницу, собираясь сойти в сад. Комнаты ее мужа находились по другую сторону площадки; в самом конце довольно длинной анфилады был расположен кабинет сэра Перси, куда имел доступ только старый верный камердинер Франк. Сама Маргарита никогда не заглядывала на

половину мужа, что не мешало ей подшучивать над его «таинственной» комнатой.

Сегодня ей ужасно захотелось взглянуть на это «святилище». Все двери, кроме двери кабинета, были открыты настежь, Франк, по-видимому, проветривал комнаты. Маргарита на цыпочках прошла ряд покоев, приготовив на всякий случай подходящий ответ слуге, которого каждую минуту рисковала встретить. Вот наконец и кабинет; она остановилась на пороге, пораженная суровой простотой его убранства: тяжелые темные драпировки, старинная дубовая мебель, несколько географических карт на стенах. Неужели это — комната модного щеголя, ленивца, любителя веселых ужинов и азартной игры?

Ничто в этом строгом кабинете не указывало на внезапный, неожиданный отъезд — все было прибрано и на своем месте. Занавеси были отдернуты, и в широко открытые окна веял живительный, бодрящий ветерок. На стене, против тяжелого бюро, занимавшего середину комнаты, висел в великолепной раме портрет матери сэра Перси работы Буше. Между красавицей-матерью и сыном было поразительное сходство: те же прямые черты, те же блестящие и густые белокурые волосы, те же глубокие голубые глаза, и в них под маской кажущегося равнодушия она прочла ту же затаенную, может быть, неразделенную страсть, какой сегодня опять вспыхнули глаза ее мужа, когда в голосе его жены зазвучала нежность. На бюро Маргарита увидела массу бумаг; все они были сложены в порядке, аккуратными пачками, и перевязаны узкой лентой. До этого дня ей никогда не приходил в голову вопрос, занимался ли ее муж каким-нибудь серьезным делом, как он распоряжался огромными богатствами, завещанными ему отцом. Строгая, деловая обстановка кабинета навела ее на мысль, что Перси Блейкни не только умеет, но и любит работать. Светские манеры, фатоватость и банальные разговоры — все это только маска, и даже не маска, а вполне обдуманная и хорошо заученная роль. Но для чего? Для чего? Не для того же, чтобы скрыть любовь к жене, которая не сумела понять и оценить его? Такая жертва совершенно не соответствовала бы цели. В чем же дело?

Маргарита еще раз пытливо оглядела комнату, лишенную каких бы то ни было картин и украшений, и ей стало неуютно и холодно. На темных пустых стенах, кроме портрета умершей леди Блейкни, висели только

две картины: одна изображала северный берег Франции, другая — окрестности Парижа.

Маргарита пошла к двери, недоумевая, для чего нужны ее мужу карты, и вдруг почувствовала, что наступила на что-то твердое. Она нагнулась и с удивлением увидела на ковре толстое золотое кольцо с плоским камнем; вероятно, оно лежало на столе, и она нечаянно смахнула его на пол. Она подняла его. На камне был четко вырезан маленький звездообразный красный цветок.

Страшное подозрение закралось в душу Маргариты. Крепко зажав в руке кольцо, она выбежала из комнаты и спустилась в сад, чтобы в полном уединении рассмотреть таинственную эмблему, которую она уже два раза мельком видела на двух записках. Роковая эмблема!

Возможно ли? Нет, не может быть! Это какой-то кошмар; ее нервы так расстроены, что она видит загадочное и таинственное в самых обыкновенных явлениях. Ведь весь Лондон носит эмблему таинственного героя, и сама она нередко украшала ею свои платья и прическу! Удивительно ли, что и ее муж выбрал себе модный девиз вместо печати на кольце? Да и разве великолепный аристократ, добродушный шутник, похож хоть сколько-нибудь на дерзкого заговорщика, отважного борца с ужасами революции?

Мысли молодой женщины путались, она ничего не могла понять. Вдруг в саду зазвенел веселый молодой голосок: «Chérie, chérie![1] Где вы?» — И маленькая Сюзанна, с розами на щеках, с развевающимися кудрями, сбежала со ступеней террасы на зеленую лужайку.

— Я узнала, что вы в саду, и прибежала без доклада, чтобы сделать вам сюрприз, милая, дорогая моя Марго! — радостно щебетала она. — Я не слишком рано забралась к вам?

— Нет, милочка! И оставайся подольше, мы ведь не надоедим друг другу? Как ты думаешь?

— О, Марго! Как вы можете так думать! Помните, в монастыре я так любила быть с вами!

— Да, и поверять мне свои секреты.

— Все, все секреты! Но как у вас хорошо! — восторгалась Сюзанна, идя рядом с Маргаритой по парку. — Вы, должно быть, страшно счастливы, дорогая Марго?

---

[1] Дорогая, любимая (*фр.*).

— Да, конечно, — со вздохом ответила леди Блейкни, судорожно сжимая в кармане кольцо.

— Дорогая, отчего такой грустный тон? Вы молчите? Понимаю: вы теперь — замужняя женщина и уже не хотите делить свое сердце с девочкой! А помните, в монастыре?

— По всему вижу, что у тебя и теперь на душе ужасно важный секрет, — с искусственной веселостью прервала Маргарита, — и ты, конечно, сейчас же поделишься им со мной. Нечего краснеть, малютка! Не стыдись своего выбора, но гордись им: у «него» верное, благородное сердце.

— О, да, chérie! Очень горжусь... его любовью и чрезвычайно счастлива, что вы о нем такого мнения... И... я надеюсь, что моя мать согласится. Но об этом, разумеется, нечего и мечтать, пока наш дорогой отец в опасности.

Маргарита вздрогнула. Опять! Да, конечно, и графу де Турне грозит смерть, если Красный Цветок попадется в когти Шовелена.

Сюзанна продолжала болтать, а Маргарита с ужасом думала, какую роль она сыграла в этом деле: предательница! Она была предательницей! Вспомнив злобный, насмешливый взгляд Шовелена, она не могла не содрогнуться.

— Chérie, да вы меня вовсе не слушаете! — жалобно воскликнула Сюзанна.

— Да нет же, милочка, я все слышу! Я очень люблю слушать твою болтовню... — опомнившись, быстро заговорила Маргарита. — Ты не бойся: мы уговорим графиню; сэр Эндрю богат, знатен... его фамилия старая, благородная... притом он — ваш спаситель. Но скажи мне, малютка, какие последние вести о твоем отце?

— О, вполне благоприятные! — радостно воскликнула Сюзанна. — Сегодня рано утром к маман приезжал милорд Гастингс и сказал ей по секрету, что за отцом поехал сам начальник этой чудной лиги. Сегодня утром он выехал из Лондона, завтра будет в Кале, где его встретит отец, и через четыре дня они, значит, уже будут в Англии. Милорд Гастингс сказал, что теперь мы можем не бояться за отца.

Удар разразился! «Он» был утром в Лондоне, «он» выехал в Кале... «он» — предводитель лиги Красного

Цветка, то есть ее муж, Перси Блейкни, преданный собственной женой своему злейшему врагу! О, как она была слепа! Только теперь поняла «умнейшая женщина в Европе» роль, которую ее муж играл, чтобы не возбуждать подозрения. Может быть, он хотел именно ей поверить эту тайну в первый вечер после их свадьбы, но история с Сен-Сиром остановила его, ведь после этого она могла, пожалуй, выдать его друзей, если не его самого... Да, конечно, он не имел основания доверять ей! И он обманывал ее, как всех; сотни людей были обязаны ему своей жизнью, а его жена даже не догадывалась об этом!

Добродушный, беспечный денди ввел в заблуждение даже шпионов Шовелена. А если... хитрый агент все-таки догадался? Боже, какой ужас! Значит, она сама послала мужа на смерть? Нет! Нет! Судьба не может быть такой жестокой, и рука невольной предательницы наверное онемела бы от прикосновения к роковому клочку бумаги, если бы ей суждено было нанести этот удар.

— Да что же с вами, дорогая? Вы больны? — с тревогой спросила Сюзанна, заглядывая в бледное лицо Маргариты.

— Ничего, дитя... Постой... Не говори со мной! Мне надо остаться одной и... обдумать...

— Вижу, что случилось что-то дурное, дорогая, и что я не должна мешать вам. Я поеду домой, моя камеристка здесь.

Сюзанна горячо поцеловала Маргариту, неподвижно стоявшую с опущенными глазами, и тихо пошла к дому. Поднимаясь на террасу, она увидела грума, бежавшего через лужайку с запечатанным конвертом в руках. Чуткое сердце подсказало Сюзанне, что ее другу предстоят новые тяжелые испытания, и она вернулась.

— Письмо, миледи, — сказал запыхавшийся грум, — сию минуту прискакал гонец из Лондона.

Маргарита разорвала конверт — из него выпало письмо Армана Сен-Жюста к сэру Эндрю, похищенное Шовеленом в гостинице «Приют рыбака». Шовелен возвращает письмо, значит...

Маргарита пошатнулась, но подбежавшая Сюзанна поддержала ее.

— Позови посланного, — обратилась Маргарита к груму, — а ты, дитя, беги в дом и прикажи моим горничным поскорее приготовить мне дорожный костюм.

Сюзанна убежала.

Грум вернулся в сопровождении гонца.

— Кто дал тебе это письмо? — спросила Маргарита.

— Джентльмен из гостиницы «Роза и Чертополох», на Черинг-Кроссе. Он сказал, что леди уже знает. Слуга джентльмена сказал мне, что его господин сегодня же уезжает в Дувр.

— Хорошо, можешь идти!.. Карету и четверку самых резвых лошадей! — приказала Маргарита груму.

Гонец и грум удалились.

— Что делать? Где его найти? Создатель, научи меня! — твердила Маргарита, в отчаянии ломая руки.

Нельзя терять время в бесполезном раскаянии. Надо быстрым решением, энергичным поступком искупить свое преступление. Прежде всего следует уяснить себе, каково в данную минуту положение вещей: сэр Перси отплыл во Францию от Лондонского моста, выбрав этот путь сообразно с направлением ветра; через сутки он будет в Кале; о преследовании он не подозревает. Шовелен едет через Дувр, где наймет шхуну, и таким образом прибудет на место почти в одно время с Красным Цветком. В Кале он тотчас же выследит ничего не подозревающего сэра Перси, дождется его свидания с эмигрантами и захватит их всех разом: Перси невольно выдаст не только себя, но и старого графа, и Армана, и всех, кто слепо вверился ему, человеку, который никогда не обманул ничьего доверия. От нее зависит теперь жизнь всех этих людей. Но что должна она сделать? Если бы ей удалось предупредить мужа, он еще мог бы принять какие-нибудь меры и спасти все дело; доверившихся ему людей он, конечно, ни в коем случае не покинет. Если ничего уже нельзя сделать и Шовелен победит — она хочет быть подле мужа, поддержать его своей любовью; если придется, то и умереть вместе с ним, в счастливом сознании взаимного доверия и любви. Если у нее хватит сил и разума, она сделает все возможное. Прежде всего надо ехать к сэру Эндрю, он — близкий друг ее мужа, искренний, преданный; с каким восторгом говорит он всегда о таинственном вожде благородной лиги! Да, сэр Эндрю поможет ей.

Глаза Маргариты загорелись решимостью, меж бровей легла глубокая складка, тотчас же придавшая ее красивому лицу выражение железной воли. Пора в путь! И она быстро направилась к дому.

XIII

Не прошло и получаса, как леди Блейкни уже выехала в Лондон, послав вперед гонца подготовить подставу. Приглашенные на праздник были уведомлены, что по непредвиденным обстоятельствам его пришлось отложить.

Приехав в гостиницу «Корона», Маргарита приказала своим людям готовиться к дальней поездке, а сама послала за наемным портшезом[1], и одна отправилась к сэру Эндрю. На ее счастье, он оказался дома. Когда ему доложили о приезде Маргариты, он крайне изумился и встретил ее настороженным взглядом, в котором она прочла тайное недоверие.

— Не буду даром терять дорогое время, — почти спокойно обратилась к нему неожиданная гостья, — и начну прямо с дела: сэр Эндрю, вашему другу, вождю лиги Красного Цветка, то есть моему мужу, Перси Блейкни, грозит страшная опасность.

Сэр Эндрю вдруг побледнел.

— Откуда это известно мне — все равно, — торопливо продолжала Маргарита, стараясь избежать расспросов. — Благодарите Бога, что я об этом узнала, пока еще не поздно, может быть, спасти его. К вам, сэр Эндрю, обращаюсь я за помощью.

— Леди Блейкни! Леди Блейкни! — бормотал растерявшийся Фукс. — Я...

— Слушайте! — прервала его Маргарита. — План спасения графа де Турне и других попал, в числе прочих важных документов, в руки Шовелена, который, к несчастью, знает теперь, кто скрывается под эмблемой Красного Цветка. Шовелен отправился следом за ним в Кале. Вы сами знаете, на что способно в наши дни революционное французское правительство; даже если вмешаются Англия и сам король Георг, то и это не спасет моего мужа, так как Робеспьер и его шайка похлопочут, чтобы это вмешательство запоздало. Не подозревая, что его уже выследили, сэр Перси не только погибнет сам, но и невольно откроет врагам убежище тех, кто ждал от него спасения.

— Леди Блейкни, как мне понять ваши слова? — сказал сэр Эндрю, колеблясь, следует ли верить француженке, и стараясь выгадать время, чтобы обдумать свой ответ.

---

[1] Носилками.

— Вы должны верить мне! Сегодняшней ночью Шовелен переправится во Францию, чтобы напасть на моего мужа. Вы понимаете, чем это должно кончиться?

Сэр Эндрю молчал.

— Если мы будем медлить, — продолжала Маргарита, стискивая руки в бессильном отчаянии, — мышеловка захлопнется, и благороднейшая голова в мире падет под ножом гильотины. Ах, вы все еще мне не верите! Да разве ваше сердце не говорит вам, что все, что я говорю, истинная правда? — Она схватила его за плечи и принудила смотреть ей прямо в глаза. — Разве я похожа на самое гнусное в мире существо — на женщину, умышленно предающую своего мужа?

— Избави Бог, чтобы я стал приписывать вам что-либо подобное, — сказал наконец сэр Эндрю, — но...

— Ради самого неба, без всяких «но»! Каждая минута дорога!

— Я должен сперва узнать, кто дал Шовелену возможность получить такие важные сведения.

— Я, — храбро ответила Маргарита. — Видите, я ничего от вас не скрываю и прошу вас верить мне безусловно. Сэр Эндрю, я не знала, кто Красный Цветок, а спасение моего брата зависело от... моего содействия.

— Содействия Шовелену?

— Да, да! Видите, я не щажу себя, но умоляю, не будем терять время!

Сэр Эндрю чувствовал себя в очень двусмысленном положении: вступая в лигу поклонников мирного цветка, он дал клятву безусловно повиноваться и хранить тайну; мог ли он теперь быть откровенным с этой женщиной, на которой уже лежала тень подозрения? Мог ли, на свой риск, помимо вождя и товарищей, затеять опасное дело? А если он введен, хотя и неумышленно, в заблуждение? Но вместе с тем, если сэр Перси действительно в опасности...

— Леди Блейкни, — откровенно сказал он, — я так поражен, что не знаю, на что решиться, что предпринять.

— Да я ничего от вас не требую, кроме помощи и содействия моему собственному плану! Сэр Эндрю, я достаточно унизилась перед вами, признавшись в своей вине, но скажу вам больше: муж и я отдалились друг от друга в последние месяцы потому, что он не верил мне, а я была слепа и не понимала его. Только сегодня ночью, когда я узнала, что сама навлекла на него смер-

тельную опасность, открылись мои глаза. Если вы не поможете мне спасти мужа, у вас на всю жизнь останутся угрызения совести, а у меня — разбитое сердце.

— Риск испортить все дело страшно велик, а шансы вовремя найти сэра Перси очень слабы, — печально скзала Фукс.

— Сэр Эндрю, что бы ни случилось, я в минуту опасности должна быть возле мужа: или вместе спастись, или вместе погибнуть. Я слишком многое должна искупить.

— Клянусь честью, я сделаю все, что в силах человеческих! — сказал наконец побежденный Фукс. — Итак, с чего мы начнем?

— Я сию минуту отправлюсь в Дувр и буду ждать вас в гостинице «Приют рыбака», куда вы приедете, сделав в Лондоне необходимые распоряжения. Ночью мы на наемной шхуне переплывем пролив. Меня в Кале никто не знает и ни в чем не заподозрит, а вас я просила бы переодеться и разыграть роль моего лакея. В «Приюте рыбака» Шовелена знают, поэтому там мы не встретим его, но в Кале вы не должны походить на товарища сэра Перси.

— На все согласен, но надеюсь только на одно: что мы нагоним «Мечту» до ее прибытия в Кале.

Через несколько минут резвые лошади уже мчали леди Блейкни по дороге в Дувр. Приобретение верного союзника снова зажгло слабую надежду в ее измученном сердце. Однообразный стук колес успокаивающе действовал на нервы, и она наконец заснула тяжелым, беспокойным сном.

XIV

Была глубокая ночь, когда Маргарита приехала в Дувр, сделав весь путь менее чем в восемь часов. Приезд леди Блейкни поздней ночью, без мужа, произвел в мирной гостинице страшный переполох. Салли опрометью вскочила с постели, Джеллибанд засуетился, но, как хорошо воспитанные хозяева солидной гостиницы, ни тот, ни другая не показали ни тени удивления. Джеллибанд зажег лампы в пустом зале и растопил камин. Затем, подвинув к огню самое удобное кресло, он остановился пе-

ред леди Блейкни, ожидая приказаний. Она с наслаждением подсела к огню.

— Миледи изволит остаться на ночь? — спросила Салли, накрывая стол белоснежной скатертью.

— Нет, мне не нужно спальни, я ведь могу посидеть здесь, у огня, часок-другой?

— Весь зал к услугам миледи, — почтительно ответил Джеллибанд, тщетно стараясь отгадать, что привело леди Блейкни в его гостиницу при таких необычных обстоятельствах.

— Как только начнется прилив, я должна переправиться на континент, — продолжала Маргарита, — а мои люди будут ждать меня здесь. Вы позаботитесь о них.

— Слушаю, миледи! Прикажете Салли подавать ужин?

— Да, пусть даст чего-нибудь холодного. Скоро приедет сэр Эндрю Фукс; немедленно приведите его ко мне!

— Слушаю, миледи! — повторил Джеллибанд, не веря своим ушам.

На его добродушном лице выразилась искренняя печаль: он так глубоко почитал сэра Перси — и вдруг узнает, что жена этого достойного джентльмена собирается бежать с молодым Фуксом! Конечно, это дело его не касается, а все-таки... Впрочем, чему же он удивляется? Ведь миледи — иностранка; почему же ей не оказаться безнравственной! Она еще усилила его огорчение, приказав ему не дожидаться приезда сэра Эндрю и отослав спать даже Салли.

Поставив на стол холодный ужин на двоих, вино и фрукты, юная хозяйка почтительно присела и ушла к себе, недоумевая, почему у миледи такое мрачное лицо, когда ей предстоит соединиться с ее возлюбленным.

А леди Блейкни томилась ожиданием, с тоской считая минуты и часы. Шовелен, наверное, значительно опередил ее; пожалуй, успел даже запастись шхуной и выйти в море. Она, может быть, уже опоздала?

При этой мысли ужас леденил душу.

В комнате царила жуткая тишина, нарушаемая только мерным стуком маятника старинных часов да потрескиванием дров в камине. Была холодная, ненастная, настоящая осенняя ночь, заставлявшая забыть предшествовавший ей прелестный теплый день. Яростно выл ветер, волны тяжело бились об Адмиралтейскую дамбу, нахо-

дившуюся всего в нескольких шагах от гостиницы «Приют рыбака». Но Маргарита не боялась бури; ничто не заставило бы ее отложить путешествие. Только бы ветер позволил выйти в море!

На дворе послышался конский топот, потом — сонный голос Джеллибанда, приветствовавшего сэра Эндрю, и в зал вошел лакей, в котором Маргарита с трудом узнала своего спутника.

— Я очень довольна вами, господин лакей, — улыбнулась леди Блейкни. — Вы просто неузнаваемы!

Удивлению Джеллибанда не было границ; этот маскарад подтвердил самые худшие его опасения. Он с мрачным видом откупорил бутылку вина, подвинул к столу кресло и молча остановился, ожидая, что еще может произойти.

— Благодарю вас, мой друг — сказала леди Блейкни, протягивая ему несколько золотых, — вы нам больше не нужны.

— Я сильно опасаюсь, миледи, что нам придется еще некоторое время пользоваться гостеприимством Джеллибанда, — сказал сэр Эндрю, — сегодня ночью нам ни в коем случае не удастся выйти в море.

— Как не удастся? Но мы должны! Шхуну надо достать хотя бы за все мое золото.

— Дело не в деньгах, леди Блейкни, — грустно возразил молодой человек, — беда в том, что дует сильнейший ост, а пока он не переменится, нечего и думать переплыть пролив.

Маргарита в отчаянии стиснула руки: сама природа против нее.

— Я только что был на берегу, шкиперы уверяют, что сегодняшней ночью никто — понимаете? — никто не выйдет в море, — прибавил Фукс.

Это несколько успокоило Маргариту.

— Делать нечего, покоримся обстоятельствам, — со вздохом сказала она. — Джеллибанд, есть у вас для меня комната?

— Конечно, ваша милость! Для вас готова хорошая большая спальня. Миледи будет ею довольна. Комната для сэра Эндрю также приготовлена.

— Отлично, Джелли! — сказал Фукс. — Оставьте наши свечи здесь, на буфете, и отправляйтесь спать. А вы, леди Блейкни, непременно должны поужинать! Ах, да, Джеллибанд! Вы, надеюсь, понимаете, что посещение

миледи в такой поздний час — большая честь для вашей гостиницы? Сэр Перси щедро наградит вас, если вы постараетесь, чтобы никто не узнал о пребывании миледи в Дувре.

Эти слова произвели на расстроенного Джеллибанда самое благоприятное впечатление; он весь просиял, и его подозрения рассеялись.

— Итак, Шовелен еще в Дувре и находится в таком же положении, как и мы с вами, — сказал сэр Эндрю, когда они остались одни.

— Вы забываете, что он мог выехать до начала бури.

— Что же, дай Бог! Потому что в этом случае его, конечно, отнесло в открытый океан, и он лежит где-нибудь на дне морском. Но не будем основывать свои надежды на неудачах этого ловкого проныры; он не уехал; шкиперы на берегу говорили мне, что несколько часов назад какой-то иностранец справлялся относительно возможности переезда во Францию. Как вы думаете, не пойти ли мне сейчас к нему и просто-напросто проткнуть его шпагой? Этим путем мы сразу вышли бы из затруднений.

— Не шутите так, сэр Эндрю. Признаюсь, мне и самой приходила в голову мысль о смерти этого беспощадного врага. Но в то время, как моя дорогая Франция поощряет массовую резню — во имя свободы, равенства и братства, — Англия строго преследует убийства, английские законы сурово карают за них.

Сэр Эндрю настоял, чтобы Маргарита поужинала, и она покорно старалась есть и пить. Его влюбленное сердце чувствовало, что разговоры о муже в настоящее время для Маргариты — бальзам на болящую рану, и он старался развлекать ее рассказами о смелых подвигах предводителя лиги, о его хладнокровии и неиссякаемой изобретательности. Маргарита слушала с нескрываемым восторгом и даже от души смеялась, когда сэр Эндрю рассказывал об остроумных переодеваниях Блейкни, которому в этих случаях часто мешал его высокий рост.

Они очень поздно разошлись по своим комнатам, но Маргарита все-таки не могла спать. Буря все не унималась, море по-прежнему ревело. Где-то теперь Перси? Конечно, «Мечта» — надежная яхта; а Бриггс — старый опытный моряк, притом и сам Перси умеет справляться со своим судном, как заправский шкипер. И все-таки невольный страх закрадывался в сердце Маргариты, когда

до ее слуха особенно явственно доносился грозный шум валов.

Когда мы счастливы, однообразный шум моря, безостановочно стремящегося в бесконечные дали, гармонирует с нашими думами, и мы можем спокойно любоваться беспредельным водным пространством, но в сердце, полном заботы или печали, он удваивает грусть, потому что в нем всегда звучит унылая безнадежность, непонятная для слуха счастливых и напоминающая о ничтожестве земных радостей.

XV

Все на свете в конце концов проходит, прошла и эта томительная, бессонная ночь. Маргарита рано спустилась в зал, опасаясь услышать о новых затруднениях и препятствиях. Сэр Эндрю уже успел побывать на Адмиралтейской дамбе, где узнал, что ни одно судно не выходило из Дувра, так как буря продолжала бушевать. Вода стояла очень низко; если ветер не переменится или не спадет, им придется ждать следующего прилива, то есть по крайней мере еще десять часов.

Маргарита изнывала от тоски, сэр Эндрю старался не показывать своего нетерпения, но она видела, что он страшно тяготится вынужденным бездействием.

Так прошел целый день, который Фукс и леди Блейкни безвыходно провели в маленькой уютной комнате позади зала; Салли подавала им туда обед и чай; ни в зал, ни за пределы гостиницы они не выходили, боясь встречи с Шовеленом. Джеллибанд позаботился, чтобы люди и лошади леди Блейкни не привлекали ничьего внимания.

Наконец настал желанный момент: нашелся шкипер, согласившийся доставить их во Францию, как только вода дойдет до известной высоты, и в пять часов утра Маргарита, под густой вуалью, сошла на пристань, сопровождаемая своим «слугой».

Ветер был еще очень свеж, когда шхуна с надувшимися парусами легко понеслась по водам пролива. Часы шли за часами; наконец в дымке вечернего тумана обрисовались берега Франции, замелькали огни впереди, путешествие кончилось.

Триста миль отделяли Кале от Парижа, но уже и

здесь все мужчины носили красные шляпы с трехцветными кокардами. Настроение было не из приятных: вместо обычного веселья, присущего людям во французских портах, Маргарита заметила на лицах печать подозрительности, недоверия и уныния: каждый боялся обвинения в шпионстве или в симпатии к аристократам. Всякое неосторожное слово могло привести на эшафот.

Постоянные торговые отношения с Англией приучили жителей Кале видеть у себя на улицах английских купцов; английские контрабандисты были желанными гостями во всех тавернах Кале и Булони, но на Маргариту и сэра Эндрю смотрели довольно подозрительно ввиду того, что они сильно смахивали на «презренных *аристо*».

Фукс повел свою спутницу по узким грязным улицам, направляясь к жалкой гостинице «Серая кошка», где у сэра Перси бывали свидания с эмигрантами. Улицы были совершенно темны, лишь тут и там тянулись через дорогу полосы света, падавшего из окон. Идти по грязи было трудно, Маргарита поминутно попадала в лужи, и ее тонкие башмачки быстро промокли, но она помнила, что через несколько часов, может быть, увидит мужа, а потому храбро шла по грязи.

Гостиница «Серая кошка» отстояла не особенно далеко от берега, так что до слуха путников все время доносился шум прибоя. Вероятно, эта близость к морю играла не последнюю роль в выборе сэра Перси, так как удобствами гостиница не могла похвалиться.

Сэр Эндрю энергично постучал в дверь; за ней немедленно послышались голоса, но она не отворилась, и никто не вышел на его стук. Он изо всей силы заколотил в нее кулаками; только тогда звякнул замок, и на пороге появился хозяин — пожилой коренастый мужчина с лицом типичного крестьянина, одетый в синюю блузу, поношенные синие штаны и деревянные башмаки. На его голове красовалась неизбежная шапка с трехцветной кокардой, свидетельствующей о его политических воззрениях. Он недоверчиво осмотрел путников с ног до головы и довольно явственно промычал: «Проклятые англичане!» — но все-таки посторонился, давая им дорогу, помня, что у этих «проклятых» карманы всегда туго набиты золотом.

Маргарита вошла и брезгливо огляделась. Оборванные обои кусками свешивались с грязных стен, в комнате не было ни одного целого стула, угол хромого стола подпирался вместо ножки неуклюжим обрубком дерева. В бо-

ковой стене комнаты довольно высоко над полом виднелось какое-то подобие чердака, завешанное клетчатой занавеской. На голых стенах крупными буквами было начертано углем: «Свобода, Равенство и Братство». Все это неуютное, грязное жилище, освещенное единственной масляной лампой, имело необыкновенно унылый и неприветливый вид и произвело на Маргариту удручающее впечатление.

— Английская путешественница, гражданин, — сказал сэр Эндрю, указывая хозяину на свою спутницу.

— Бог мой, какое ужасное место! — сказала Маргарита, зажимая надушенным носовым платком свой чувствительный носик. — Неужели здесь?

— Здесь, дорогая леди, — ответил сэр Эндрю, вытирая для нее стул.

— Место, действительно, скверное; вряд ли найдется что-либо хуже.

Впустив гостей, Брогар, хозяин гостиницы «Серая кошка», перестал обращать на них внимание: свободному гражданину не подобает быть слишком любезным с посетителями, особенно если они хорошо одеты. У камина сидела какая-то закутанная в тряпье фигура и что-то бормотала себе под нос, старательно размешивая суп, кипевший в котелке над огнем. От кушания разносился довольно заманчивый запах.

— Эй, гражданин, послушайте! — окликнул сэр Эндрю хозяина. — Что это гражданка варит там, в котелке? Моя госпожа очень голодна и желала бы закусить.

— У-у, проклятые аристократы! — как заученный урок, повторил Брогар, и хотя и неохотно, но все-таки направился к шкафу с посудой, вынул оловянную миску и молча протянул ее своей жене.

Она сняла котелок с огня и вылила суп в миску.

— Надеюсь, суп окажется съедобным, — сказал Фукс, — порядочное вино мы также, вероятно, получим: живут они здесь грязно, но едят большей частью очень сносно.

— Что касается меня, то я совершенно не хочу есть, не беспокойтесь обо мне, — сказала Маргарита, — до еды ли тут!

Брогар между тем достал два стакана, две ложки и положил их на стол. Сэр Эндрю вытер все это чистым носовым платком и, как подобало лакею, встал за стулом Маргариты.

— Вы должны покушать, — сказал он.

— Не могу, когда вы стоите! Сядьте, ради Бога, и разделите со мной это подобие ужина. Пусть хозяин подумает, что я — эксцентричная англичанка, что я сбежала со своим лакеем, не все ли равно?

Старуха Брогар тихонько выскользнула из комнаты, а ее супруг закурил трубку и невозмутимо принялся пускать облака вонючего дыма почти в лицо «английской аристократке».

Сэр Эндрю невольно сжал кулаки.

— Ради Бога, не обращайте внимания! — шепнула Маргарита. — Ведь мы во Франции и имеем дело с гражданами революционной республики, не забывайте этого.

— Помню, но мне все-таки ужасно хотелось бы поколотить эту скотину!

— Не трогайте его, а то он не станет отвечать на наши расспросы.

— Да, я знаю, — отозвался сэр Эндрю и, стараясь принять приветливый вид, обратился к хозяину: — Что, товарищ, — сказал он, похлопывая почтенного гражданина по плечу, — частенько-таки заезжают к вам путешественники из Англии?

— Бывает!

— Ведь англичане-то знают, где можно получить доброе винцо, — продолжал Фукс, не смущаясь лаконизмом ответа. — Да! Я хотел спросить, не встречали ли вы одного англичанина очень высокого роста... это — родственник этой дамы. Она узнала, что он на днях был по делам в Кале и надеялась встретить его здесь.

Маргарита жадно ждала ответа, не решаясь поднять глаза, чтобы не выдать своего волнения.

— Высокого англичанина? — медленно произнес Брогар. — Видел... еще сегодня... тоже — из проклятых аристократов!

— Боже мой, какое безумие: он даже не переоделся! — с ужасом прошептала Маргарита.

— А-а, значит, он был у вас и ушел? — равнодушно продолжал сэр Эндрю. — Странно! Куда же он делся?

— Он вернется... заказал ужин.

— Вернется? — почти вскрикнула Маргарита, с трудом сдержав радостный порыв: наконец-то! Он жив, невредим, и она скоро увидит его. — А куда же он пошел? — спросила она.

— За лошадью.

— Давно?

Но Брогару уже надоело отвечать на расспросы «проклятых».

— Почем я знаю! — угрюмо промычал он. — Он вернется, чтобы съесть заказанный ужин, вот и все.

С этими любезными словами почтенный гражданин свободной республики покинул комнату, демонстративно хлопнув дверью.

— Мадам, — сказал сэр Эндрю, когда Маргарита собралась последовать за угрюмым хозяином, чтобы добиться от него новых сведений, — советую вам оставить его в покое, вы ничего больше от него не узнаете, но, пожалуй, возбудите подозрения. Кто знает, какие шпионы рыщут теперь в этих Богом забытых местах!

— Ах, не все ли теперь равно! — возразила Маргарита. — Я знаю одно: мой муж здесь и я сейчас увижу его.

— Тише! — тревожно прервал ее Фукс. — Во Франции теперь все стены имеют уши.

Он встал и осмотрел все двери, внимательно прислушиваясь.

— Ну, что? Вы успокоились, мой верный слуга? — спросила Маргарита, которая, со свойственной ее нации живостью и отчасти легкомыслием, уже успела перейти от отчаяния к надежде, почти к уверенности.

— Кажется, нас действительно никто не подслушивает, но только, ради Бога, будьте осторожнее.

— Какой у вас мрачный вид! А я готова танцевать от радости. Подумайте: наша шлюпка у берега, «Мечта» всего в двух милях, мой муж через несколько минут будет здесь, а Шовелен еще не приехал.

— Мы этого не знаем. Я не хотел вас напрасно тревожить, но перед самым нашим отплытием из Дувра я видел его на берегу, одетого священником, он нанимал бриг до Кале; я уверен, что ему удалось выйти в море не позже, как через два часа после нас.

Лицо Маргариты выразило печальное разочарование. Значит, ненавистный агент все-таки может захватить сегодня в хижине дяди Бланшара графа де Турне, Армана Сен-Жюста и... ее мужа, ведь Блейкни, конечно, захочет вырвать у своего врага добычу. Как предупредить его?

— В тех бумагах, которые похитил Шовелен, упоминалось об этой гостинице, — озабоченно сказал сэр Эндрю, — и я боюсь, что, сойдя на берег, Шовелен придет прямо сюда.

— Но мы отплыли от Дувра гораздо раньше его, а Перси должен сейчас прийти сюда! Мы будем на «Мечте» прежде, чем Шовелен догадается, что мы ускользнули от него! — горячо проговорила Маргарита.

Она жаждала передать сэру Эндрю хоть маленькую частицу той надежды, которая горела в ее собственном сердце, но он только грустно покачал головой.

— Неужели вы считаете Блейкни способным покинуть Кале, прежде чем он исполнит данное обещание? — сказал он с упреком.

— Боже! — с рыданием воскликнула Маргарита. — Я совсем схожу с ума! Конечно, вы правы! Как могла я забыть!

— Недаром так сильна вера беглецов в предводителя нашей лиги! — произнес сэр Эндрю с печальной гордостью. — Он никогда не покинет людей, доверившихся ему.

Горячие слезы брызнули из глаз Маргариты; она закрыла лицо руками.

— Да, — сказала она наконец, с трудом сдерживая глубокое волнение, — постыдно было бы стараться уклонить его от исполнения долга, да и бесполезно. Да поможет ему Господь! А мы, сэр Эндрю, не должны даром терять время: для его спасения ему необходимо знать, что Шовелен уже напал на след.

— Без сомнения! Его удивительная изобретательность всегда побеждает обстоятельства, если только ему известно, откуда грозит опасность.

— Я останусь здесь ждать Перси, а вы, сэр Эндрю, постарайтесь встретить его и предупредить, что враг следует за ним по пятам.

— Но как же я оставлю вас одну в этой ужасной норе?

— О, обо мне не беспокойтесь. Пусть только наш сердитый хозяин даст мне комнату, в которой я могла бы ждать так, чтобы меня никто не видел. Заплатите ему пощедрее, чтобы он тотчас же сказал мне, как только придет высокий англичанин.

Постучавшись к Брогару, сэр Эндрю услышал в ответ только проклятия, но он не обратил внимания на них и сказал, не отходя от двери:

— Послушайте, дядя Брогар! Дама желает немного отдохнуть; нет ли у вас для нее отдельной комнаты?

Дверь приотворилась, и из нее показалось недовольное лицо Брогара; однако при виде золота, которым сэр

Эндрю побрякивал перед самым его носом, глаза свободного гражданина засверкали.

— Дама может отдохнуть вот здесь, — сказал он, указывая на чердачное помещение над лестницей, — другой комнаты у меня нет.

— Мне больше ничего и не надо, — сказала по-английски Маргарита, в одну минуту оценив все удобство помещения, — там меня не разглядят ничьи глаза, а мне будет видно все, что происходит внизу.

Брогар простер свою любезность до того, что сам поднялся наверх и собственноручно взбил солому, устилавшую пол.

— Умоляю вас об одном: не принимайте никаких внезапных решений, — сказал сэр Эндрю, прощаясь с Маргаритой. — Помните, что здесь на каждом шагу шпионы. Не показывайтесь сэру Перси, пока не будете знать наверно, что, кроме вас и Блейкни, в комнате нет ни души.

— Не бойтесь, не стану же я подвергать новой опасности жизнь моего мужа, — бодро ответила Маргарита. — Напротив, я надеюсь помочь в его планах.

Сэр Эндрю помог ей подняться по убогой лестнице.

— Не теряйте же присутствия духа, — сказал он ей на прощание. — Жалею, что ваш лакей не может ни пожать, ни поцеловать вашу ручку. Прощайте! Если в течение получаса я не встречу Блейкни, я вернусь сюда.

— С Богом, друг мой!

Молодая женщина уселась поудобнее на соломе и задернула занавеску, а Фукс, осмотрев ее убежище из всех углов комнаты и убедившись, что она спрятана довольно надежно от посторонних глаз, позвал Брогара и так щедро заплатил ему за импровизированное помещение путешественницы, что выдать ее ни в коем случае уже не могло показаться ему выгодным. В последний раз кивнув Маргарите, выглядывавшей из-за занавески, молодой человек поспешно вышел, и скоро его шаги замерли в отдалении.

XVI

Сидя за занавеской, Маргарита следила за Брогаром, прибиравшим на столе для нового посетителя. Он, видимо, старался придать и всей комнате более приличный вид, что очень насмешило Маргариту.

«Это увесистые кулаки и внушительная фигура Перси заставляют его так усердствовать, — подумала она, — иначе он не стал бы так хлопотать для «sacré aristo»[1].

Поставив прибор, Брогар окинул стол довольным, чуть ли не гордым взглядом, стер с кресла пыль рукавом своей грязной блузы, подбросил в камин охапку хвороста и вышел из комнаты.

По мере того как проходило время, волнение Маргариты все росло. Скоро ли он придет? И как они встретятся? На время ей снова придется с ним расстаться, но он уже будет знать, что она любит его всем сердцем, больше жизни. Скоро ли раздадутся его шаги?

Они раздались... Но кто это: неужели Перси? Или...

Чья-то рука порывисто рванула дверь, и жесткий, повелительный голос позвал хозяина:

— Привет, гражданин Брогар! Привет!

Застучали деревянные башмаки Брогара, который не мог удержаться от раздраженного восклицания:

— У-у, проклятая сутана!

Действительно, в зале был мужчина в одежде священника, но он быстро распахнул одежду, и под ней оказался официальный трехцветный шарф[2]. Презрительное выражение на лице хозяина тотчас сменилось раболепной улыбкой, а Маргарита чуть не лишилась чувств от неожиданности и ужаса, так как в новоприбывшем узнала Шовелена.

— Тарелку горячего супа и бутылку вина! — приказал агент. — И я хочу быть один... понимаешь?

Брогар без возражений подал ужин и вышел, а Шовелен спокойно уселся за прибор, приготовленный для высокого англичанина, и знаком подозвал человека, вошедшего вслед за ним в комнату и молча стоявшего у порога. Маргарита узнала Дега, доверенного секретаря Шовелена, которого встречала в Париже.

Прежде чем подойти к своему начальнику, Дега несколько минут прислушивался у двери в комнату хозяина.

— Что, не подслушивает? — спросил Шовелен.

— Нет, гражданин.

— Подойдите поближе! Где английская шхуна?

— Перед закатом вышла в море, держа курс на запад, по направлению к Серому мысу.

---

[1] Проклятого аристократа (*фр.*).
[2] Знак полицейской власти.

— Дальше?

— Все, что вы приказали, исполнено: за берегом установлен самый строгий надзор. Капитан Жютле спрашивает, какие будут дальнейшие распоряжения.

— Известно ему, где находится хижина «дяди Бланшера»?

— Навряд ли, гражданин: по всему берегу разбросаны рыбачьи хижины и...

— Ну, уж мы найдем то, что нам нужно. Идите сейчас же к капитану и велите еще усилить надзор. Пусть смотрит в оба! Чтобы они мне не прозевали высокого англичанина! Может быть, он будет верхом, а может быть, и пешком. Описывать его костюм бесполезно, так как он постоянно переодевается и сегодня тоже, конечно, будет переряжен, но свой большой рост он уж никак не сможет скрыть. Как только его выследят, пусть немедленно известят меня, а с него глаз не спускать! Если упустят — ответят головой. Поняли?

— Понял, гражданин!

— Так торопитесь! Да приведите мне с полдюжины молодцов и будьте здесь не позже, как через десять минут. Марш!.. Да, вот еще: скажите, чтобы в высокого англичанина ни в коем случае не стреляли, разве уж крайняя необходимость принудит... Он нужен мне живой.

Дега вышел, а Шовелен еще несколько мгновений после его ухода смеялся, сидя один в комнате: очевидно, его радовали какие-то приятные и веселые мысли. Этот молчаливый смех сказал Маргарите, что все испытанные ею страхи — ничто в сравнении с тем, что еще ожидает ее. Вдруг до ее слуха долетел звук, от которого сердце перестало биться в ее груди, а между тем в нем не было ничего страшного: звучный, веселый, хорошо знакомый ей голос беззаботно напевал «Cod save the King!»[1], английский национальный гимн.

Шовелен также услышал пение и, схватив со стола свою широкополую шляпу, поспешно нахлобучил ее на голову. Маргарита заметила быстрый, хищный взгляд, который он бросил на дверь, и на минуту у нее мелькнула мысль — броситься навстречу мужу и предупредить его. Опомнившись, она поняла, что это совершенно бесполезно: Шовелен не выпустил бы ее из комнаты, и ее попытка только ускорила бы гибель сэра Перси, так как дом,

[1] Боже, храни короля! (*англ.*)

наверно, окружен, и шум, поднятый ею, послужил бы сигналом к нападению.

Все ближе и ближе раздавались звуки национального гимна.

— Long to reign over us; God save the King![1] — продолжал все тот же голос, и дверь быстро распахнулась.

На минуту в комнате воцарилось мертвое молчание; Блейкни заметил фигуру в плаще, сидевшую за столом, и, казалось, заколебался, но это продолжалось лишь одно мгновение.

— Привет! Никого нет? — сказал он, входя и затворяя дверь. — Где же этот болван Брогар?

Сэр Перси был так же великолепен, как в момент отъезда из Ричмонда; его костюм был так свеж, точно он готовился не к смертельной борьбе с беспощадным и серьезным врагом, а к веселому празднику у принца Уэльского. Остановившись посреди комнаты, он окинул ее беглым, но внимательным взглядом, потом подошел к столу и дружески похлопал кюре по спине выхоленной рукой.

— Что за черт... э-э... мосье Шобертен? Вот уж не ожидал-то встретить вас здесь!

Худощавое лицо Шовелена вспыхнуло от неожиданности; он вздрогнул и подавился только что проглоченной ложкой супа. Он долго кашлял, чтобы скрыть свое смущение, внутренне бесясь, что его люди не оцепили вовремя дома. Блейкни понял, что застал врага врасплох, и в его изобретательной голове быстро созрел план, построенный на этом важном упущении.

Маргарита на своем чердаке замерла от ужаса: уйдет ли сэр Перси, останется ли — он все равно попадет в руки республиканцев. Она не знала, сознавал ли он опасность, так как его лицо было безмятежно спокойно, но Шовелен явно волновался. Маргарита понимала, что он боялся не за себя: ради своего дела он, конечно, без колебания пожертвовал бы собой, но его беспокоила мысль, что если этот силач убьет его, его люди, потеряв руководителя, дадут врагу возможность спастись.

— Клянусь, я... э-э... страшно огорчен, что-о... помешал вам э... э... кушать, — говорил Блейкни, лицо которого не выражало, впрочем, ни огорчения, ни страдания. — Суп вообще — штука неважная. Один из моих...

---

[1] Царствуй долго над нами; Боже, храни короля! (*Англ.*)

э... э... друзей... э... э... вот так-то подавился им, совсем как вы сейчас... и... умер. — И, очевидно, желая предохранить Шовелена от такой грустной участи, он принялся усердно колотить его по спине, пока француз наконец не оправился. — Что за поганая нора! — сказал сэр Перси. — Не правда ли? Дело — дрянь! И что это с болваном Брогаром? Спит он... э... э... или оглох?

Он уселся за стол, налил себе вина из бутылки Шовелена и спокойно принялся за суп.

Совершенно оправившийся, Шовелен с любезной улыбкой протянул ему руку.

— Весьма рад встретить вас, сэр Перси! — сказал он. — Ваше неожиданное появление страшно поразило меня, ведь я полагал, что вы по ту сторону пролива. Я чуть не задохся от кашля.

— Да-а... вам-таки было неладно... мосье... Шобертен.

— Извините, сэр, мое имя Шовелен!

— Тысячу извинений! Да, да, конечно, вас зовут Шовелен... э-э... всегда путаю иностранные имена. Простите, пожалуйста! — И беззаботный щеголь спокойно продолжал уплетать суп, как будто приехал в Кале специально с целью поужинать в этой грязной берлоге в обществе своего злейшего врага. Затем он невинным тоном сказал: — А я, знаете, и не подозревал... э-э... что вы принадлежите к духовному званию.

— Гм!.. Я... — пробормотал растерявшийся Шовелен.

— Но я всегда и везде узнал бы вас, — невозмутимо продолжал Блейкни, наливая себе второй стакан вина, — хотя шляпа с париком, конечно, меняет вашу наружность.

— Надеюсь, леди Блейкни здорова? — прервал Шовелен, торопясь переменить разговор.

Блейкни не спеша доел суп и допил вино, потом, как показалось Маргарите, оглядел комнату быстрым и проницательным взглядом и, наконец, сухо ответил:

— Благодарю вас! Леди Блейкни совершенно здорова.

«Все мы готовы положить жизнь за вашего мужа!» — звучали в душе Маргариты слова сэра Эндрю, пока она, затаив дыхание, следила за разыгравшейся перед ней сценой. Глядя новыми глазами на упрямый широкий лоб, глубоко сидящие голубые глаза, выражавшие теперь непреклонную волю, на могучую фигуру, дышавшую силой и энергией, она поняла, почему так велико было его

влияние среди членов лиги Красного Цветка: он — рыцарь, он — герой!

Шовелен с тревогой поглядел на часы: где же запропастился Дега со своими людьми? Настал час дерзкого англичанина!

— Вы едете в Париж? — самым непринужденным тоном спросил он сэра Перси.

— Будь я проклят! Конечно, нет! — со смехом воскликнул Блейкни. — Я... только... в Лилль. Неудобное место теперь Париж, мосье... Шобертен... э... э... простите, мосье... Шовелен.

— Для вас, сэр Перси, Париж не может представлять никаких неудобств, — язвительно возразил Шовелен, — ведь вы не принимаете участия в современных волнениях.

— Да, это — дело не мое... Но все-таки удивляюсь, как может наше проклятое правительство поддерживать вас! А все старый Питт, который трусит! Что, вы спешите, сэр? — прибавил Блейкни, видя, что Шовелен опять вынимает часы. — У вас, вероятно, назначено свидание? Не стесняйтесь, прошу вас! — Он встал из-за стола и придвинул свой стул к огню. — Мне тоже нет никакой охоты торчать в этой берлоге, хотя мне-то некуда спешить, — беспечно продолжал он. — Черт возьми, сэр! Вы опять смотрите на часы? Уж не думаете ли вы, что время от этого пойдет скорее? Что? Вы ждете друга?

— Д-да, м... м... друга.

— Надеюсь — не даму, мосье аббат? — с громким хохотом воскликнул сэр Перси. — Этого, кажется, святая церковь вам не разрешает. Что? Садитесь поближе к огню: становится чертовски холодно.

Он ударом ноги поправил дрова, отчего те вспыхнули ярким пламенем, и подвинул к камину второй стул.

Шовелен, дрожавший от нетерпения, не мог отвести взор от входной двери, а потому уселся к ней лицом.

— А что, этот ваш «друг» очень красив? — лукаво осведомился Блейкни. — Эти маленькие француженки бывают дьявольски очаровательны! Впрочем, бесполезно спрашивать, дело известное: церковь не имеет соперников в вопросах эстетического вкуса... Что?

Но Шовелен не слушал его, впившись взором в дверь. Его тонкий слух уловил мерный шум шагов целой группы людей, приближавшихся к дому.

Сэр Перси, по-видимому, также услышал его. Он встал, подошел к столу и, повернувшись спиной к Шове-

лену, незаметно высыпал в свою табакерку весь перец из стоявшей на столе перечницы.

— Что вы говорите, сэр? — громко обратился он к Шовелену, поглощенному предвкушением близкого торжества.

— Я?.. То есть... Извините, сэр Перси, я не совсем расслышал ваши слова.

— Я говорю, что жид на Пиккадилли достал мне дивного табака. Такого у меня никогда еще не бывало. Не желаете ли попробовать, господин аббат?

Он небрежно протянул табакерку, и ничего не подозревавший Шовелен машинально взял щепотку. В то же мгновение ему показалось, что его голова разрывается на части. В глазах у него потемнело, он почти задохнулся от страшного непрерывного чихания, а пока он бессильно корчился на своем стуле, ослепший, оглохший, одуревший, Блейкни не торопясь надел шляпу, бросил на стол несколько монет и спокойно вышел из комнаты.

XVII

Когда Маргарита опомнилась от всего, что только что произошло на ее глазах, ее сердце наполнилось глубокой радостью, хотя она и сознавала, что беспомощное состояние Шовелена только временное и что сэр Перси все-таки не знает, какая страшная опасность грозит ему.

Где-то совсем близко раздалось бряцание оружия, потом голос Дега. Шовелен, шатаясь как пьяный, добрался до порога и распахнул дверь.

— Видели высокого... иностранца? — с трудом прохрипел он между двумя приступами кашля.

— Где, гражданин? — изумился Дега, входя в комнату.

— Здесь... тут... пять минут назад!

— Мы никого не встретили около дома, гражданин, и...

— И опоздали ровно на пять минут! — с бешенством прошипел Шовелен. — Где вы так долго пропадали? К счастью, дело еще поправимо, иначе вам пришлось бы плохо, гражданин Дега!

Лицо и голос Шовелена выражали такую угрозу, что Дега побледнел.

— Высокий англичанин... — начал он.

— Сейчас только сидел со мной вот за этим самым столом, — с яростью перебил Шовелен, — но так как я был один, то и не мог задержать этого нахала; Брогар — дурак из дураков, а проклятый англичанин и ловок, и силен как бык. Он выскользнул у нас из рук!

— Гражданин, он не мог уйти далеко: капитан Жютле ручается, что ни одной живой душе не позволит пробраться к берегу.

— Это мы увидим! Объяснили вы людям, что они должны делать?

— Да, гражданин.

— Но, смотрите, не задерживайте англичанина, пока он не доберется до хижины этого Бланшара, где намерены собраться его сообщники: мы заберем их всех разом!

— Гражданин, я получил еще новые сведения: около часа назад какой-то иностранец очень высокого роста нанимал у еврея Рубена Гольдштейна лошадь с повозкой и заказывал ее к одиннадцати часам.

— К одиннадцати? Теперь уже больше! Узнайте поскорее, уехал ли англичанин и в этой ли повозке?

— Сию минуту, гражданин!

Маргарита не проронила ни одного слова из разговора своих соотечественников и, с грустью видя, что не может оказать иной помощи своему мужу, решила, по крайней мере, неотступно следить за врагом.

Шовелен нетерпеливо ходил по комнате, ожидая Дега. Тот явился через несколько минут в сопровождении старого жида в грязном, лоснящемся плаще. Не чище плаща было и его лицо, вдоль которого висели рыжие, с сильной проседью пейсы, как у польских евреев. Он робко вошел и, остановившись у самого порога, покорно опустил голову.

Как все французы той эпохи, Шовелен был глубоко предубежден против семитской расы и относился к ее представителям с откровенным презрением.

— Это и есть тот человек, о котором вы мне говорили? — спросил он, останавливаясь на почтительном расстоянии от еврея.

— Нет, Гольдштейна мы не нашли, гражданин: вероятно, он повез-таки англичанина туда, куда тот нанимал его. А это — его товарищ, которому, по-видимому, что-то известно; за некоторое вознаграждение он, конечно, сообщит то, что нам интересно узнать.

— Знаешь ты что-нибудь о высоком англичанине? —

спросил Шовелен, гадливо разглядывая еврея, который, понурившись и согнув колени, смиренно ждал, чтобы благородный господин удостоил его вопросом. — Мне очень нужно его видеть... Нет, любезный, не подходи ко мне! — прибавил он, когда еврей сделал попытку приблизиться к нему. — Оставайся там, где стоишь!

— Слушаю, ваша милость! Английского господина мы с Рубеном встретили сегодня вечером тут, недалеко, и он спросил, нет ли у нас лошади с повозкой, чтобы отвезти его на Сен-Мартенскую дорогу, а потом дальше, куда он велит. Я, ваша милость, и мигнуть не успел, как Рубен, это сын Вельзевула, этот обманщик...

— Довольно! — с гневом перебил Шовелен. — Что дальше?

— Дальше, ваша милость? Ну, Рубен ухитрился навязать господину свою лошадь с повозкой, лошадь — сущая дохлятина, да и повозка поломана, а англичанин вынул целую горсть золота и говорит Рубену: «Я все это дам тебе, если к одиннадцати часам повозка и лошадь будут здесь». Что и говорить — они были готовы к назначенному часу, только лошадка-то хромала и еле могла сдвинуться с места.

— Но ведь они все-таки уехали?

— Как же, ваша милость, уехали... уже несколько минут назад. Дивлюсь я на того господина! Как ни разглядеть, что за лошадь у Рубена? А еще англичанин!

— Он взял, что было под рукой.

— Как, что было под рукой? Нет, ваша милость! Уж если господин торопился, ему надо было взять мою лошадь!

— А-а! У тебя также есть лошадь и повозка?

— Как не быть! В том-то и дело, что есть! Если вашей милости угодно...

— По какой дороге поехал мой друг англичанин?

Еврей как бы в смущении опустил голову и не сразу решился ответить. Маргарита ждала его ответа, замирая от страха и с горечью думала, что этот человек держит теперь судьбу ее мужа в своих длинных грязных руках.

Взглянув исподлобья на Шовелена, еврей прочел на его лице выражение гневного нетерпения, заставившее его поторопиться с ответом.

— Вот, — робко сказал он, вытаскивая из кармана горсть серебряных монет, — это дал мне англичанин, чтобы я молчал.

— Сколько? — с раздражением спросил Шовелен.

— Двадцать франков, ваша милость. Я всю жизнь был честным человеком, я...

Шовелен протянул ему на ладони несколько золотых.

— Довольно этого, чтобы развязать твой честный язык? — презрительно спросил он.

Еврей более не колебался.

— Что угодно знать вашей милости?

— Знаешь ли ты дорогу к хижине Бланшара и можешь ли отвезти меня туда?

— Как ваша милость могли узнать? — воскликнул пораженный еврей.

— Молчи и слушай! Знаешь ты это место?

— Знаю: сперва надо ехать по Сен-Мартенской дороге, потом идти пешком по тропинке, ведущей через прибрежные скалы.

Шовелен брезгливо бросил еврею несколько золотых.

— Теперь слушай, — сказал Шовелен, когда золото перешло в карман еврея. — Ты повезешь меня по следам англичанина; если я найду своего друга, ты получишь в десять раз больше того, что уже получил; если же окажется, что ты обманул меня, мои люди так вздуют тебя, что твоей душе, может быть, придет охота навсегда покинуть твое грязное тело. А теперь ступай, запрягай свою лошадь и знай, что я всегда держу свое слово!

Еврей низко поклонился и выскользнул из комнаты.

— Мой плащ и сапоги! — крикнул Шовелен, со злорадной улыбкой потирая костлявые руки. — Дега, возьмите у Жютле еще парочку молодцов и отправляйтесь за мной; вы нагоните нас на Сен-Мартенской дороге. Нам, видимо, предстоит жаркое дело. Помните, что роялисты недурно управляются со шпагой, а наш друг англичанин дьявольски хитер и силен как бык. — Он переоделся в свой обычный костюм и пришел, по-видимому, в прекрасное настроение, даже выказал несвойственную фамильярность, потрепав по плечу своего секретаря. — Я даю вам случай захватить очень важного пленника, — конфиденциальным тоном сказал он. — Действуйте осмотрительно и позаботьтесь выбрать людей. А интересно будет видеть, как побледнеет огненно-красный цветок! — со злобным хохотом прибавил он, сделав выразительный жест, заставивший Маргариту задрожать от ужаса.

XVIII

Маргарита быстро решилась: она будет следить за врагом и не допустит напасть врасплох на мужа. Сэра Эндрю она ждать не может.

Оставшись одна по уходе Шовелена, она выглянула из-за занавески и прислушалась: в доме было совершенно тихо; старики Брогары, очевидно, улеглись спать. На дворе Дега отдавал приказания, потом послышались глухой голос еврея, понукавшего лошадь, и стук колес по неровной дороге. Когда эти звуки замерли, Маргарита сошла с чердака, закуталась в свой темный плащ и выскользнула из хижины. По обеим сторонам дороги, пролегавшей как раз за домом Брогара, тянулась живая изгородь из густого кустарника, и так как ночь была довольно темна, то Маргарита, прячась в тени, надеялась остаться незамеченной. На ее счастье, луна все время оставалась за облаками. Кругом царила мертвая тишина, лишь издалека, подобно протяжным стонам, доносился унылый шум океана.

Маргарита шла быстро, и скоро до ее слуха долетел стук колес, раздававшийся впереди. На дороге не было так грязно, как в городе, и молодая женщина не отставала от повозки, ехавшей, по-видимому, шагом. Где мог быть теперь Перси? Вероятно, недалеко, так как, по словам еврея, опередил Шовелена всего на четверть часа. Подозревал ли он, какая искусная сеть опутывала его и его товарищей?

Шовелен, сидя в тряской телеге, все более предавался сладким надеждам: поклонник красного цветка наконец попался ему в руки. Захват этого опасного и неуловимого врага Франции составит лучшее украшение в лаврах Шовелена. Пойманный с оружием в руках, в ту минуту, когда готовился оказать помощь изменникам Французской Республики, англичанин лишится возможности рассчитывать на заступничество своей нации, да и всякое вмешательство явилось бы слишком поздно. Воспоминание о несчастной женщине, бессознательно выдавшей своего мужа, нисколько не тревожило совести Шовелена: о ней он даже и не думал.

Повозка двигалась шагом из-за темноты и отвратительного состояния дороги.

— Далеко еще до деревни? — поминутно спрашивал Шовелен и каждый раз получал неизменный ответ:

— Не очень далеко, ваша милость.

Вдруг еврей остановил лошадь и прислушался: издали доносился стук копыт по мягкой дороге.

— Стой! — скомандовал Шовелен, когда всадники поравнялись с тележкой.

Маргарита услышала оклик всадников и ответ Шовелена:

— Свобода, Равенство, Братство... Что нового? Не встретили англичанина?

— Нет, гражданин, но напали на его след... По ту сторону деревни, на берегу, мы наткнулись на пустую хижину, в которой, однако, тлели угли под очагом, а перед ним стояли рядом два стула, словно кого-то ожидая. Мы решили караулить, я остался на часах у входа. Через некоторое время с Лилльской дороги к хижине подошли два человека: старый и молодой. Я дал им войти в дом и, подкравшись к дверям, стал слушать. Старик сомневался, туда ли они пришли, а молодой развернул какую-то бумагу, показал ее старику при свете угольев и говорит: «Вот план, который я получил от него самого перед отъездом из Лондона; видите, вот дорога, перекресток и тропинка к утесу». Тут я неосторожно пошевелился, молодой подошел к двери и долго прислушивался, потом они уже разговаривали шепотом.

— Дальше! — торопил Шовелен.

— Я оставил четверых сторожить хижину, а мы с товарищами сели на лошадей и поехали доложить обо всем вам.

— Так нечего терять время! Далеко отсюда до хижины?

— Не более двух миль, гражданин.

— Ведите нас туда; ваш товарищ может отправляться с обеими лошадьми в Кале, так как они нам только помешают, у нас будут пешие солдаты. Когда до хижины останется четверть мили, велите еврею остановиться, да смотрите, чтобы он не сбился с дороги.

Притаившись за деревом, Маргарита слышала весь разговор. Подождав, пока Дега с солдатами миновал и ее, она опять пошла вслед за повозкой.

Ноги Маргариты страшно ныли, дрожащие колени подгибались от усталости после трех бессонных ночей и двухчасовой ходьбы по довольно грязной, скользкой дороге, но она все шла, не останавливаясь, как во сне, почти не отдавая себе отчета, что происходит вокруг нее.

Услышав, что повозка остановилась, она поняла, что они достигли перекрестка и тропинки, ведущей на прибрежные утесы, к хижине Бланшара. Сквозь низкие кус-

ты, окаймлявшие дорогу, она различила фигуру Шовелена, вылезшего из повозки.

— Далеко ли до хижины? — спросил он.

— Около полумили, гражданин; она стоит как раз на середине спуска к морю.

— Потом нам уже не придется разговаривать, — продолжал Шовелен, — поэтому запомните каждое мое слово так, как будто от этого зависит ваша жизнь... Может быть, оно так и есть, — добавил он с жесткой усмешкой.

— Солдат великой Республики никогда не забывает данных ему приказаний, — быстро ответил Дега.

— Дойдя до хижины, узнайте осторожно, что делается внутри. Если высокий англичанин там, подайте знак товарищам и бросайтесь в хижину, чтобы перехватить всех, кто там будет, прежде чем они успеют взяться за оружие. Помните, англичанин очень силен: на него одного нужно, по крайней мере, четверых. Если изменники в хижине одни, стерегите их до прихода англичанина. Берегитесь, чтобы они ничего не заподозрили и не предупредили его криками или выстрелами. Ну, в путь! Да тише!

— А как быть с жидом, гражданин? — спросил Дега, когда солдаты, как безмолвные тени, гуськом потянулись по узкой тропинке.

— Я и забыл о нем. Эй, ты, Аарон, Моисей или как тебя там... — презрительно обратился Шовелен к еврею, смиренно стоявшему около лошади.

— Бениамин Розенбаум, ваша милость, — поспешил ответить тот.

— Ты будешь ждать нашего возвращения, не делая ни малейшего шума, не произнося ни единого звука... Понимаешь?

— Но, ваша милость... — умоляющим голосом начал еврей.

— Никаких «но»! — сказал Шовелен так грозно, что еврей весь затрясся от страха. — Если я не найду тебя здесь с твоим одром и повозкой, можешь быть уверен, что я всюду отыщу тебя и ты немедленно получишь должное наказание. Слышишь?

— Да, ваша милость, — дрожащим голосом ответил еврей. — Клянусь Авраамом, Исааком и Иаковом, я исполню в точности ваше приказание... но я — старый, слабый человек и... боюсь... Неужели же, если сюда без вас придут ночные мародеры, и я стану звать на помощь, вы... захотите лишить меня жизни?

— Не отправить ли его обратно в Кале, гражданин? — вмешался Дега.

— Нет, лошадь может нам понадобиться под раненых, — многозначительно усмехнулся Шовелен. — Ты, старый негодный трус, отправишься с нами, — обратился он к еврею. — Дега, завяжите ему рот, да поплотнее, чтобы он как-нибудь не заорал некстати. Живо!

Лошадь свели с дороги и спрятали в кустах, затем все трое поодиночке двинулись вперед, и вскоре их шаги замерли в отдалении.

Маргарита осторожно шла за ними. Грязь, налипшая на ее башмаки, так затрудняла ее движения, что она решилась снять их и идти в одних чулках. На открытой тропинке было совсем сухо, колючая трава резала ей ноги, но она не чувствовала ни боли, ни усталости и думала только об одном: как бы закричать громко-громко, изо всех сил, чтобы предупредить беглецов в хижине о надвигающейся опасности. Но будет ли ее крик услышан? До хижины, может быть, еще далеко.

Вдруг она остановилась и быстро нагнулась, скрываясь в тени убогого плетня: луна неожиданно вышла из-за быстро несущихся облаков и ярким светом озарила пустынную окрестность. Впереди, на расстоянии каких-нибудь двухсот метров, начинались прибрежные скалы; за ними, внизу, расстилалось море, катившее свои волны к берегам свободной Англии — увы! — такой далекой в данный момент. На серебристой водной поверхности мерно покачивалась стройная шхуна с легкими крылатыми парусами, по-видимому, готовая сняться с якоря: это «Мечта», любимая яхта сэра Перси, ждала своего владельца. Сердце измученной женщины больно сжалось: да, шхуна тут, а за скалистым гребнем, в рыбачьей хижине, притаилась смерть, подстерегая свою жертву. Неужели невозможно попасть туда, предупредить, умереть вместе с ним?.. С ним... Так пусть же они, по крайней мере, дорого продадут свою жизнь.

Она подобрала платье, спустилась в сухую канаву и побежала вперед, путаясь в высокой сухой траве. Вскоре она услышала шаги отряда Шовелена уже позади себя. Она пробежала несколько шагов по открытому месту, не подозревая, что ее силуэт на короткое мгновение отчетливо вырисовался на серебристом фоне моря, добралась до гребня и увидела, что берег в этом месте спускался довольно отлого. На пригорке возвышалось плохо сколо-

ченное дощатое строение, сквозь щели которого пробивался красноватый свет. Маргарита почти уже сбежала с горы, торопясь достигнуть хижины, прежде чем солдаты перевалят через гребень скалы, как вдруг за ее спиной послышались торопливые шаги и тяжелое дыхание запыхавшегося человека, кто-то схватил ее за платье, и она упала, не успев даже вскрикнуть. Проворные руки быстро завязали ей рот; она испуганно подняла глаза — над ней склонилась мужская фигура, и чьи-то мрачные, горевшие, как ей показалось, сверхъестественным зеленым блеском глаза злобно уставились на нее.

Тучи поминутно набегали на луну, и Шовелен не мог рассмотреть лицо пленницы; он провел по нему своей тонкой рукой.

— Клянусь небом, женщина! — с недоумением прошептал он. — Интересно знать...

Он вдруг умолк и засмеялся беззвучным смехом, а Маргарита с ужасом и омерзением снова почувствовала на своем лице прикосновение его костлявых пальцев.

— Что за очаровательный сюрприз! — саркастически прошептал он, целуя холодную руку Маргариты, но она уже ничего не слышала: она была в обмороке.

Сильные руки подняли ее и понесли к тому самому красноватому свету, который несколько минут назад призывал ее, подобно спасительному маяку.

Несколько минут Маргарита неподвижно лежала на плотном плаще у обломка скалы. Мало-помалу к ней вернулось сознание. Оглядевшись, она увидела, что тучи опять заволокли небо, и наступивший после яркого лунного света мрак казался еще непроницаемее.

Из быстрых вопросов и ответов, произнесенных осторожным шепотом, Маргарита поняла, что цель путешествия достигнута, но красного путеводного огонька уже не было видно.

— Их четверо, гражданин, — шептал чей-то голос, — сидят у очага и кого-то ждут.

— Который час и в каком положении прилив?

— Скоро два, и вода быстро поднимается.

— А что это за шхуна?

— Английская, в трех милях отсюда, но у берега нет шлюпки, мы искали.

— На местах ли все люди?

— Да, заняли все тропинки и ждут высокого англичанина.

— А где же дама?

— Да вот она, лежит сзади вас, гражданин; она еще не пришла в себя. Жиду мы также заткнули рот и на всякий случай связали и ноги.

— Подвига́йтесь незаметно... за дамой я посмотрю.

Дега бесшумно пополз вдоль утеса, Маргарита следила за ним глазами, насколько позволяла темнота. Шовелен нагнулся и крепко сжал ее руку.

— Что, вам душно, прекрасная леди? Очень сожалею! Но я не могу снять платок с вашего прелестного ротика, прежде чем вы не дадите мне слова молчать и не двигаться, пока не получите моего разрешения. Не знаю, почему вы сделали мне честь, последовав за мной через пролив. Но вот что я знаю наверное: что как только эта противная повязка будет снята, первый звук из ваших очаровательных уст будет сигналом для хитрой лисы, которую мне с таким трудом удалось наконец выследить. Я сильно подозреваю, что в этом бараке находятся и ваш брат, и старый изменник де Турне, и... еще два изменника, которых вы... не знаете. Если вы желаете, чтобы Сен-Жюст немедленно получил возможность уехать в Англию, помолчите, не то мои люди расстреляют тех, кто в хижине, тут же, на ваших глазах. Да и о чем вам беспокоиться? Вашего брата я приказал всячески беречь... ведь вы только о нем хлопочете, не правда ли? А Красный Цветок для вас — лишь миф. Что он для леди Блейкни? Да и спасти его теперь совершенно невозможно. Вам дурно, миледи? Я сейчас сниму платок, а то, пожалуй, вы опять лишитесь чувств. Помните мои условия... хотя, конечно, вы вполне свободны в выборе своего образа действий.

Маргарита не закричала. Да и как могла бы она закричать? Шовелен ведь сказал: молчать и не двигаться! Неужели судьба сделает ее убийцей брата, отца Сюзанны и... еще «двоих, которых она не знает»?

Рассвет все еще не наступил, и на пустынном берегу было тихо, как в могиле. Вдруг где-то невдалеке послышался звучный голос, громко и весело напевавший: «God save the King!»

Маргарита задрожала всем телом. Она скорее почувствовала, чем сообразила, что притаившиеся в засаде люди встретят это пение как сигнал к нападению. Голос раздавался совсем близко, но море шумело, утесы отражали звук, и невозможно было определить, где именно находился певец, так беззаботно стремившийся навстречу опасности.

Над головой Маргариты тихо звякнуло ружье: люди готовились стрелять. Она с трудом удержала крик ужаса, вскочила на ноги, и быстрее ветра обогнув скалу, очутилась перед хижиной.

— Арман! Арман! — закричала она, неистово колотя в дощатую стену. — Стреляй, ради всего святого! Вы вооружены, и ваш вождь близко! Стреляйте! Защищайтесь!

Грубые руки схватили ее и бросили на землю.

— Перси, спасайся! Беги! Беги! — стонала она, вырываясь. — На помощь, Арман! На помощь!

— Угомоните женщину! — бешено кричал Шовелен, готовый ударить ее.

На лицо Маргариты тотчас набросили тяжелый плащ, и она почувствовала, что задыхается. Смелый певец также умолк, очевидно, предупрежденный ее криками. Солдаты бросились к домику Бланшара.

— Пусть ни один не выйдет оттуда живым! — яростно кричал Шовелен, в гневе забывший, что хотел захватить врага живьем, что обещал Маргарите «беречь» ее брата.

Хижина оказалась незапертой, внутри не было огня, только от догоравших под очагом угольев падал слабый красноватый свет. Шовелен, ожидавший упорного сопротивления, был поражен безмолвием, встретившим ворвавшихся солдат.

— Никого! — удивился Дега.

— Что-о? Вы им позволили уйти живыми? — загремел Шовелен. — Обыскать каждый кустик, каждый камешек!

Солдаты разделились и бросились вниз, к берегу.

— Вы мне заплатите за это! — прошипел Шовелен сержанту. — И вы также, уважаемый гражданин, — обратился он к Дега. — Как вы смели ослушаться моих приказаний?

— Гражданин, — бледнея, ответил Дега, — вы сами приказали ждать высокого англичанина и до его прихода не тревожить этих людей... Он не входил в хижину, за это я ручаюсь.

Вдали прогремел ружейный выстрел, за ним другой, третий. После нескольких мгновений мертвой тишины послышался всплеск воды, потом равномерный шум весел.

Шовелен вынул платок и трясущейся рукой вытер пот со лба.

— Шлюпка... шхуна, — дрожащим голосом пробормотал он. Запуганные его угрозами, солдаты ждали только высокого англичанина и дали уйти остальным, кото-

рых он приказал «не пугать, чтобы они не предупредили своего начальника». Это имело свое объяснение, хотя четверо бегущих или крадущихся людей все-таки должны были привлечь на себя внимание. Через несколько минут они, вероятно, доберутся и до шхуны... уже добрались, потому что с моря глухо прозвучал выстрел. Шовелен терялся в догадках, каким образом проклятый англичанин проскользнул через засаду в тридцать солдат. Очевидно, сама судьба хранила его. Шовелен дрожал как в лихорадке — дьявольская лига, дьявольский Красный Цветок! И какой позор для него, Шовелена!

Но не мог же певец в пять минут добраться до берега, а прошло не более пяти минут с момента, когда замолкло пение, до плеска воды под веслами шлюпки. Если сам сатана не перенес его на своих крыльях, он скрывается еще где-нибудь среди скал. Еще не все потеряно!

— Гражданин! — раздался за его спиной голос сержанта. — Мы стреляли по шлюпке, но она была слишком далеко. Она, конечно, пряталась где-нибудь поблизости, в тайном месте, известном только этим разбойникам, и отплыла еще до того, как кричала женщина.

— Огня! — не слушая, крикнул Шовелен.

Сержант принес свой фонарик, и они вдвоем внимательно осмотрели внутренность хижины: груда тлеющих угольев, два опрокинутых стула, рыболовные принадлежности в углу — вот все, что они нашли. Но нет — не все! На полу, затоптанная ногами, валялась бумажка, на которую Шовелен ринулся, как хищник на добычу. Он с трудом разобрал набросанные небрежным почерком слова:

«Не приду... боюсь повредить... выползайте по одному... спускайтесь левой стороной; за скалой-мысом шлюпка... сигнальный свисток... люди со шхуны. За мной пришлите лодку в Кале, бухта против «Серой кошки». Держаться в море, обычный сигнал. Не медлите!»

«Бухта против гостиницы «Серая кошка», — от этих слов Шовелен не мог оторвать взора. Наконец-то!

— Есть такая бухта? — с волнением спросил он сержанта.

— Есть, гражданин; мои люди знают это место.

— Так мы еще можем поймать англичанина. Тысяча франков тому, кто достигнет бухты раньше него!

Обещание такой крупной награды ободрило приунывших республиканцев; несколько солдат, хорошо знавших берег, тотчас пустились в путь. Расстроенный неудачами,

Дега хмуро ждал дальнейших приказаний. Двое солдат склонились над бесчувственной Маргаритой; на ее бледном лице застыло выражение глубокого страдания, но жалкий вид «умнейшей и изящнейшей женщины в Европе» не тронул сердца Шовелена.

— Ну, чего вы торчите над полумертвой женщиной, когда сейчас только проворонили пятерых живых! — злобно прошипел он, все более и более раздражаясь. — Лучше поищите для меня кратчайшую проезжую дорогу и приведите мою повозку! Да, а где же жид?

— Здесь, гражданин!

Злосчастный сын Израиля оказался лежащим около самой хижины на куче мусора. Его лицо было искажено ужасом, глаза выкатились из орбит.

— Помнишь ли ты наш уговор, жалкий трус? — медленно проговорил Шовелен.

— К-как не помнить, в-ваша милость? — чуть слышно ответил еврей, у которого зуб на зуб не попадал от страха.

— Что я обещал тебе, если ты догонишь Рубена Гольдштейна с его седоком? Что же ты молчишь? Язык у тебя отнялся от страха? Ну, я напомню тебе свое обещание: я хотел дать тебе за это десять золотых... де-ся-ть зо-ло-тых!

Еврей слабо застонал.

— В противном случае, — с нехорошей усмешкой продолжал Шовелен, — тебе предстояло получить здоровую порку.

— Клянусь Авраамом! — завопил еврей, но Шовелен гневно прервал его:

— Ты соврал мне, мерзавец! Мы не нашли никакой тележки, никакого англичанина! Погоди же! Я отучу тебя от вранья. Угостите-ка его ремнями, да так, чтобы он всю жизнь помнил этот урок... до смерти! Однако, не убивайте. Ну, живее. А лошадью может править один из солдат. Женщина и жид отдохнут здесь до завтрашнего дня... бежать они не могут, а нам лишняя обуза.

Вопли Бениамина Розенбаума нарушили гармонию погожей осенней ночи, вызвав злую улыбку на лице Шовелена: все-таки не он один страдает сегодня, да и что значат физические страдания в сравнении с душевными!

— Будет! — скомандовал он, заметив, что еврей, повидимому, потерял сознание. — Бросьте его и скорее в повозку!

На минуту он остановился возле Маргариты. Крики еврея привели ее в чувство, и она с бессильным состраданием остановила глаза на его жалкой фигуре.

Шовелен отвесил ей низкий насмешливый поклон.

— Очень сожалею, прекрасная леди, что обстоятельства заставляют меня покинуть вас; к счастью, вы не останетесь в одиночестве: наш друг Бениамин позаботится о вас... хотя, к сожалению, нам все-таки придется связать его. Впрочем, утром я пришлю за вами людей, а до тех пор вам придется довольствоваться обществом вашего товарища по несчастью.

Маргарита молча отвернулась; этот человек уже не мог увеличить ее страдания: не зная, что, пока она лежала без чувств, шлюпка с беглецами уже достигла шхуны, она была уверена, что все кончено, что участь дорогих ей людей решена.

— Надеюсь скоро увидеться с вами в Лондоне, — продолжал насмехаться Шовелен, — мой привет сэру Перси!

XIX

Маргарита слышала, как удалялись шаги; потом ветер донес до нее стук колес и лошадиный топот. Враги ушли. Она потеряла всякое представление о времени и не знала, часы или минуты прошли с тех пор, как она очнулась здесь, распростертая на земле у подножия скалы. Морской ветер несколько освежил ее, но ужас неизвестности заставлял невыносимо страдать.

Вдруг среди ночной тишины раздался странный звук, который до сих пор навряд ли слышали эти скалы. Маргарита вздрогнула; она подумала, что бредит, ей ясно послышалось самое настоящее британское ругательство на чистейшем британском языке. Она с усилием приподнялась на локтях и прислушалась, испуганно вглядываясь в полумрак.

— Дело — дрянь! — произнес кто-то около нее. — Будь я проклят! Эти храбрые воины могли бы показать поменьше прыти! Я бессилен, как жалкий мышонок.

Маргарита мгновенно очутилась на ногах. Так это не сон, эти каменные глыбы оказались вратами рая!

— Перси! Перси! — истерично закричала она. — Ко мне, мой Перси! Я здесь!

— Слышу, слышу, дорогая! Но эти черти связали меня, как гуся в мешке, я не могу двинуться.

Милый голос звучал слабо, хрипло; в обычном небрежном тоне слышалось страдание. Но где же сам Перси? Маргарита растерянно взглянула на еврея, который катался по земле, стараясь освободиться от веревок. Неужели? Она бросилась к нему и, взяв его голову в обе руки, заглянула в его лицо. Из-под чужих бровей и всклоченных волос на нее взглянули добродушные голубые глаза, грязное лицо осветилось знакомой небрежной улыбкой.

— Перси! Любимый муж мой! — в безумной радости закричала Маргарита. — Как мне благодарить милостивую судьбу!

— Что, дорогая? Общими силами мы как-нибудь и справимся? — с добродушным юмором проговорил Блейкни. — Ты, как вижу, намерена распутать проклятые веревки и избавить меня от этого неудобного и ужасно неэлегантного положения? Черт возьми! Дело нелегкое.

У Маргариты не было ножа, слабые пальцы плохо повиновались ей, она пустила в ход даже зубы. На милые связанные руки капали слезы — на этот раз совсем не от горя.

— Будь я проклят! — сказал Блейкни, в изнеможении падая на камень, когда последний узел был развязан. — Виданное ли дело, чтобы английский джентльмен позволил каким-то иностранным чертям избить себя, не пытаясь даже сопротивляться? Это, наверное, первый случай в истории Англии.

— Хоть бы каплю воды! — в отчаянии воскликнула Маргарита, беспомощно озираясь кругом.

— Лучше бы глоток виски, дорогая, а не то, пожалуй, я упаду в обморок, как светская дама. Вот тут, в этом грязном кафтане, поищи, пожалуйста, мою... дорожную фляжку. Нашла? Чудесно! — Выпив вина, он почувствовал себя лучше и заставил Маргариту последовать его примеру. — Теперь мы как будто окрепли, не так ли, малютка? А как тебе нравится наряд, в котором Перси Блейкни принимает свою жену во Франции? И еще небритый? Хорош я, должно быть, нечего сказать! А эти пейсы?

Он, смеясь, стащил с себя парик, тщательно вытер лицо носовым платком и, нагнувшись к Маргарите, посмотрел ей в глаза долгим пристальным взглядом.

Она вспыхнула ярким румянцем и невольно опустила ресницы.

— О, Перси! — прошептала она. — Если бы ты только знал!..

— Все знаю, дорогая! — с глубокой нежностью сказал он.

— И все-таки прощаешь меня?

— Мне нечего прощать... твой героизм, твое самообладание, которого я вовсе не заслуживаю, более чем искупили эпизод на балу.

— Как? Ты и это знаешь?

— Да, но, клянусь, если бы я мог представить себе, что за благородная и храбрая женщина моя Марго, я давно доверился бы ей и тем избавил бы и себя и... ее от напрасных страданий.

Блейкни крепко обнял жену и положил голову на ее плечо. Теперь Маргарита почувствовала себя самой счастливой женщиной в Европе... нет! В целом мире!

— Мы с тобой — вроде слепого, ухаживающего за хромым, — со своей обычной добродушно-ленивой усмешкой сказал сэр Перси. — Не знаю, право, что больше пострадало: мои плечи или твои ножки, — он наклонился поцеловать их; они так жалко выглядывали из разорванных чулок, красноречиво свидетельствуя о самоотвержении и преданности.

— А мой брат? — спохватилась вдруг Маргарита, с внезапным угрызением совести вспомнив об опасности, грозившей Сен-Жюсту.

— За него можешь быть спокойна: разве я не обещал тебе, что он будет спасен? И он, и граф де Турне уже на «Мечте».

— Но, Перси, я ничего не понимаю!

— А дело совсем просто, дорогая: за мной следили, поэтому я решился встретить Шовелена лицом к лицу. Узнав, что мне было нужно, я предоставил ему на свободе чихать в гостинице «Серая кошка», но стал неотступно следить за ним. Британская голова не хуже французской, дорогая. Черт возьми! Мой приятель Рубен Гольдштейн за горсть монет уступил мне свой наряд... и повозку с лошадью. Все было приготовлено своевременно, а также и пейсы, и эта чистенькая физиономия.

— А если бы Шовелен узнал тебя?

— Тысяча чертей! Дело было бы дрянь! Но, во-первых, я только что перед маскарадом показался ему в своем настоящем виде, а, во-вторых, француз так презирает жида, что без крайней необходимости ближе трех метров ни за что не подойдет к нему; французов я знаю как свои пять пальцев. Затем, дорогая, судьба мне благопри-

ятствовала, а я положился на слепое, но неразумное повиновение солдат, и, конечно, не ошибся. Когда Дега швырнул меня на мусорную кучу около самой хижины, я воспользовался тем, что они связали мне только руки, а на ноги накинули второпях и весьма неискусно простую петлю, и просунул в щель барака записку, приготовленную на всякий случай заранее. Беглецы в точности исполнили мои указания; люди нашего доброго Шовелена не могли не видеть их, но им не велено было поднимать тревогу до появления англичанина; ну, они и ждали меня. Остроумно, не правда ли? — со смехом прибавил он. — Убедившись, что мои друзья в безопасности, я подал тот сигнал, который произвел такой переполох. Видишь, малютка, манера этих людей затыкать человеку рот ни к чему не годится.

— О, Перси! Но ведь эти негодяи били тебя?

— Да, дело — дрянь! Но пока участь моей жены не была решена, мое место было возле нее. Перед Шовеленом я, во всяком случае, в долгу не останусь; полагаю, что он ничего не потеряет, если немножко подождет расплаты.

Ах, как хорошо сидеть рядом с ним, слушать его голос, чувствовать его голову на своем плече! Маргарита забыла о возможной опасности, да и чего ей бояться, когда он, ее защитник, здесь, с ней!

Вдруг с вершины утеса скатился камень, и в тишине прозвучали легкие, осторожные шаги.

— Кто это? — с ужасом спросила Маргарита.

— Не бойся, дорогая: это наш друг, сэр Эндрю. Ты так-таки и забыла о нем? Я виделся с ним близ гостиницы «Серая кошка» до своего веселого ужина с Шовеленом и назначил ему свидание здесь. Конечно, он пришел окольными путями.

Сэр Эндрю осторожно спускался со скалы, прислушиваясь на каждом шагу.

— Блейкни, — тихо прошептал он, — вы здесь?

— Здесь, цел и почти невредим, но похож на воронье пугало.

Фукс вовремя заметил Маргариту и удержался от энергичного восклицания. Они крепко пожали друг другу руки.

— Ах, да, мой милый, я еще не спросил вас, что вы делали во Франции, когда я приказал вам оставаться в Лондоне? Это называется непослушанием. Когда заживет моя спина, вы получите соответствующее наказание.

— Все, что вы хотите! Я так счастлив, что вижу вас живым!

— А теперь, — сказал сэр Перси, — пора в путь, пока Шовелен и в самом деле не вздумал прислать за нами.

— Но как же мы вернемся в Кале? Ведь все дороги заняты, — сказала Маргарита.

— Зачем нам возвращаться в Кале, малютка? Мы спустимся к Серому мысу и переправимся на «Мечту». Старому Бриггсу приказано выйти в море, но ждать по ту сторону мыса: такова наша обычная манера покидать эти негостеприимные берега, когда мы везем французскую «контрабанду». Шлюпка ожидает нас в бухте, известной нам одним. А Шовелен, наивно поверивший моей записке, ждет нас возле «Серой кошки»; пусть его ждет!

— Перси, я не в силах идти...

— Слепой понесет хромого. — И, отказавшись от помощи сэра Эндрю, Блейкни поднял Маргариту как перышко и бережно понес ее по крутой тропинке, вившейся между скал. Его избитые плечи ныли, но он продолжал нести дорогую ношу.

Заря занялась, когда трое достигли бухты. Через полчаса они были уже на яхте, где Сен-Жюст и его друзья с нетерпением ждали своего спасителя. Избегая выражений благодарности, Блейкни, под предлогом необходимости заняться своей спиной, поспешил уйти в каюту, оставив счастливую Маргариту в объятиях брата.

Когда яхта пришла в Дувр, сэр Перси, верный своим привычкам, появился в роскошном костюме, нисколько не напоминавшем старого Бениамина Розенбаума, но достать пару башмаков для леди Блейкни оказалось очень трудно, ей пришлось сойти на британский берег в праздничных сапогах маленького юнги, которого это невероятное событие привело в совершеннейший восторг.

На блестящей свадьбе сэра Эндрю Фукса и виконтессы Сюзанны де Турне де Бассерив присутствовало все высшее лондонское общество с их высочествами во главе. Из всех присутствовавших дам леди Блейкни была, бесспорно, самая красивая, а костюм сэра Перси несколько дней служил темой для разговоров.

Что касается Шовелена, то ему не пришлось присутствовать ни на этом, ни на каком другом торжестве в Лондоне: после бала у лорда Гренвиля он больше не появлялся в фешенебельном лондонском обществе.

МЕСТЬ И ЛЮБОВЬ

ПРОЛОГ

I

— Негодяй! Подлец! — резко прозвучало в зале одного из игорных домов Парижа, и юный виконт де Марни, произнесший эти слова, вскочив со стула, собрал дрожащими от волнения руками разбросанные по столу карты и бросил их в лицо молодому человеку, сидевшему напротив него.

Более пожилые из присутствующих старались успокоить юношу, но его сверстники нетерпеливо ожидали обычной развязки подобных недоразумений. Они одобряли его поступок, разделяли его возмущение.

Как смел Деруле́д так непочтительно отозваться об Адели де Моншери, когда страсть к ней виконта де Марни уже в течение нескольких месяцев служила темой разговоров не только в Париже, но и в Версале! Влюбленному виконту хищная эгоистка Адель казалась идеалом добродетели, и в защиту ее чести он готов был бросить вызов не только этому бестактному Деруледу, но и всей французской аристократии.

Не будь Дерулед так богат, ему никогда не удалось бы проникнуть в этот интимный кружок аристократической молодежи. О его предках было известно очень мало, но все знали, что его отец неожиданно сделался лучшим другом покойного короля[1] и что золото его отца нередко пополняло опустевшие сокровищницы первого дворянина Франции.

Дерулед не искал ссоры с виконтом де Марни и ничего не знал о его личных делах, тем более о его чувствах к Адели, репутация которой ни для кого в Париже не была тайной. Поняв свою оплошность, он пожалел, что так глубоко оскор-

---

[1] Людовика XV.

бил пылкого де Марни. Он охотно отдал бы половину состояния, чтобы загладить свою невольную вину, он извинился бы, но... так называемый закон чести не допускал такого простого логического исхода. Сцены, подобные только что разыгравшейся в игорном зале, были тогда — события относятся к 1783 году — довольно часты. Все присутствовавшие слепо повиновались обычаям, а так как этикет дуэли требовал известных формальностей, то к выполнению их приступили немедленно.

Не прошло и нескольких минут, как Дерулед увидел себя совершенно одиноким у карточного стола; он быстрым взглядом окинул зал, ища друга, и тут ему впервые пришло на ум, что льстецов и знакомых у него много, друзей же почти нет.

— Не угодно ли вам выбрать секундантов? — надменно обратился молодой маркиз де Виллььфранш к богатому «выскочке», которому выпала честь скрестить шпагу с одним из родовитейших аристократов Франции.

— Прошу вас, маркиз, выберите их сами: у меня в Париже мало друзей.

Изящный маркиз поклонился в знак согласия и через несколько минут подвел к Деруледу полковника, предложившего свои услуги, и его адъютанта де Кеттара.

— Весьма признателен, — проговорил Дерулед, — но, по-моему, вся эта история походит на фарс: молодой человек погорячился, я признаю, что был неправ, и...

— Так вы желаете извиниться? — холодно перебил полковник, а де Кеттар высоко поднял аристократические брови в знак презрения к такому буржуазному страху перед дуэлью.

— Вы полагаете, полковник, что дуэль обязательна?

— По-моему, вы должны или драться с де Марни сегодня же, или завтра оставить Париж, иначе ваше положение в обществе станет невыносимым.

— Преклоняюсь перед вашим знанием обычаев, — ответил Дерулед, вынимая из ножен шпагу.

Центр зала мгновенно очистился. Измерив длину шпаг, секунданты стали позади противников, за ними столпились зрители — цвет французской молодежи той эпохи (многие из них несколько лет спустя сложат свои головы на эшафоте). Все с интересом наблюдали за противниками.

Де Марни, происходивший от предков, в течение многих веков разивших и мечом, и шпагой, был сильно разгневан и возбужден выпитым вином, Дерулед же оставался совершен-

но спокоен, а шпагой владел не хуже своего соперника. Он так удачно парировал удары, что вызвал восклицания одобрения. Через несколько минут шпага была выбита из рук де Марни. Дерулед отступил, боясь взглянуть на побежденного, но это еще более уязвило самолюбие юноши.

— Это — не детская забава! — вспылил он. — Я требую полного удовлетворения!

— Разве вам этого недостаточно? — удивился Дерулед. — Вы постояли за честь своего дома, я, со своей стороны...

— Вы должны публично извиниться за оскорбление благороднейшей женщины в мире! Сейчас же! На коленях!

Дерулед начал терять хладнокровие.

— Господа! — решительно проговорил он. — Я вижу, что виконт де Марни желает получить новый урок; я к его услугам. En garde[1], виконт!

Снова раздалось бряцание шпаг; все почувствовали, что на этот раз, кажется, возможна трагедия. Дерулед по-прежнему старался только обезоружить противника. Но тот, забывая уклоняться от ударов, так яростно наступал на него, что в один из моментов буквально бросился на его шпагу. И хотя Дерулед легким движением кисти попытался отклонить оружие, но было уже поздно. Виконт де Марни, выронив шпагу, рухнул на пол, и Дерулед даже не успел подхватить раненого. Кровь заливала его голубой костюм. Дерулед склонился было к нему, но согласно этикету он должен был удалиться, а потому и вышел из зала в сопровождении полковника и де Кеттара. В дверях они встретились с вызванным на всякий случай врачом, помощь которого уже не понадобилась: единственный сын герцога де Марни испустил дух.

II

Герцогу де Марни было семьдесят лет, и он уже почти впал в детство. С самой ранней юности, с тех пор как Людовик XV соблаговолил взять его к себе в пажи, он со вкусом пользовался каждым часом, каждой минутой своей жизни, пока за десять лет до описываемых событий беспощадная судьба не приковала его к постели, покинуть которую живым

[1] Сигнал к началу дуэли.

он уже не надеялся. Его дочь Жюльетта, в то время еще ребенок, была его любимицей. От красавицы-матери, перенесшей в своей жизни много горя, она унаследовала тихую грусть. Умирая, герцогиня поручила малютку-дочь попечениям своего блестящего и горячо любимого мужа, которому так бесконечно много прощала в жизни.

В последние десять лет Жюльетта была единственной радостью разбитого болезнью маркиза. Кроме того, светлым лучом для него был его сын, юный виконт. На него старик возлагал большие надежды: он должен воскресить былую славу предков и вновь заставить старое доблестное имя греметь и при дворе, и на поле брани.

Виконт был гордостью своего отца.

В ту роковую ночь, когда привезли домой ее мертвого брата, Жюльетта томилась недобрым предчувствием. Услышав на лестнице тяжелые шаги, она наскоро накинула мантилью, сунула ноги в ночные туфельки и приотворила дверь: двое незнакомых людей поднимались по лестнице, двое других несли что-то большое и тяжелое; позади, рыдая, шел старый Матье. Все пятеро исчезли в покоях виконта.

Через несколько минут страшная истина открылась. Старая няня Жюльетты горько рыдала, но сама Жюльетта не плакала. Все случилось так внезапно и было так ужасно! Ей, четырнадцатилетней девочке, еще никогда не приходила в голову мысль о смерти — и вот ее Филипп, ее дорогой брат, умер, убит, и об этом надо сообщить старому больному отцу. Но ведь это известие убьет его! Ее юная душа содрогнулась при этой мысли.

Нетерпеливый звонок герцога показал, что и он слышал шум и желает знать, что случилось. Резким движением вырвавшись из объятий няни Петронеллы, Жюльетта бросилась в комнату отца.

Старый герцог сидел на краю постели, тщетно стараясь встать на ноги. Он слышал шум, понял, что несли что-то тяжелое, и догадался *что*. Когда Жюльетта ворвалась в его спальню и, бледная, дрожа всем телом, взглянула ему в лицо, она поняла, что ей нéчего сообщать, что сам Бог сделал это за нее.

Старый герцог приказал подать себе парадный мундир из черного бархата, украшенный драгоценными кружевами и бриллиантовыми пуговицами — тот самый мундир, в котором он был на погребении короля, ведь смерть единственного наследника герцога де Марни — событие

исторической важности! Когда парадный туалет герцога был окончен, четыре лакея повезли его в кресле к смертному одру сына.

Весь дом был на ногах. Траурные свечи в высоких подсвечниках освещали обширный зал, а сотни маленьких свечек, зажженных по случаю пребывания покойника в доме, мерцали во всех комнатах.

Кресло герцога стояло у самого катафалка. Многим из присутствовавших казалось, что герцог окончательно лишился рассудка, так как не издал ни вздоха, ни стона. Маркиз де Вилльфранш, проводивший своего друга до самого траурного ложа, собрался уже уйти, когда герцог остановил его.

— Маркиз, — спокойно проговорил он, — вы еще не назвали мне убийцу моего сына.

— Но... он убит на дуэли, — ответил потрясенный маркиз.

— Кто убил моего сына? — повторил герцог. — Я имею право знать это.

— Поль Деруле́д.

Старый герцог облегченно вздохнул.

— Я не в силах выразить вам всю мою признательность за любовь к моему сыну. Не смею вас более удерживать... Прощайте!.. Удали слуг, Жюльетта: мне надо поговорить с тобой.

Жюльетта поспешила исполнить приказание отца.

— Дитя мое, — начал он, — тебе четырнадцать лет, и ты уже в состоянии понять, чего я от тебя потребую. Будь я здоров, я сам поквитался бы за своего убитого сына, но помни, что ты — тоже де Марни и добрая католичка. Господь услышит тебя. Дай мне клятву, от которой только смерть сможет избавить тебя. Поклянись, что ты отомстишь убийце своего брата.

— Но, отец, как смогу я сделать это? Я не понимаю...

— Бог поможет тебе. Когда ты вырастешь, то сама поймешь. Итак, повторяй за мной: «Перед лицом Всемогущего клянусь, что отыщу Поля Деруледа и всеми путями, какие угодно будет Господу Богу указать мне, буду вредить его жизни и чести в отмщение за смерть моего брата. Да пребудет душа моего брата в мучениях до страшного Судного дня, если я нарушу данную мной клятву».

Жюльетта, дрожа, повиновалась. Клятва была произнесена, и старый герцог успокоился.

I

Трудно, почти невозможно объяснить, откуда происходила популярность гражданина Деруледа, и уже совершенно непонятно, каким образом он остался невредим в тревожные дни Великой французской революции, когда преследовались то умеренные жирондисты[1], то пылкие монтаньяры[2], и вся Франция представляла одну сплошную темницу, ежедневно поставлявшую новые и новые жертвы для ненасытной гильотины. Даже «Закон о подозрительных», изданный Мерленом[3], не коснулся Деруледа, и когда убийство Марата[4] повлекло за собой целый ряд казней, начиная с Адама Люкса, пожелавшего поставить Шарлотте Корде памятник с надписью: «Славнее Брута»[5], и кончая Шалье, требовавшим ее сожжения на костре, один Деруле никому не высказывался и ни о чем не кричал, и его оставили в покое. Когда-то Марат сказал про него: «Он не опасен», — и этого было достаточно.

Деруле был очень богат, но вовремя успел раздать

---

[1] Умеренные члены партии якобинцев во французском Законодательном собрании. Партия якобинцев требовала насильственного переворота и учреждения Республики.

[2] Непримиримые члены той же партии.

[3] Граф Мерлен (1754—1838) — известный юрист и политический деятель, член Учредительного собрания и Конвента, выказавший неумолимую строгость к жирондистам и принимавший деятельное участие в учреждении революционного трибунала.

[4] Жан Поль Марат (1743—1793) — неутомимый публицист и политический деятель, бывший председателем Наблюдательного комитета и павший от руки Шарлотты Корде.

[5] Марк Юний Брут (85—42 до н. э.) — глава заговора против Цезаря; по преданию, одним из первых нанес ему удар кинжалом. *Ред.*

свои богатства, которых впоследствии все равно лишился бы. Как бы то ни было, народ смотрел на него, как на равного себе, как на человека, который щедро давал, когда было что давать. Деруледжил тихо и скромно со старушкой матерью и сиротой кузиной Анной Ми, с самого раннего детства находившейся на попечении его матери. Кто не знал его дома на улице Ecole de Médecine, единственного каменного здания среди целого ряда мрачных ветхих лачуг, обрамлявших узкую грязную улицу? Опрятное платье, чистая косынка на голове считались в этой части города, наполненной самыми невзрачными обывателями, почти небывалым явлением. Анна Ми выходила из дома очень редко, ее тетка Деруледа — почти никогда.

На перекрестке всегда можно было видеть кучку растрепанных, грязных женщин, глумившихся над всеми, кто был почище и поприличнее их самих. Особенно оживленной казалась улица после двенадцати часов, когда вереницы фур тянулись от тюрем к гильотине на площади Революции. Прежде эти фуры возили принцев и принцесс крови, герцогов и аристократов со всей Франции; теперь — в 1793 году — представителей знати почти не осталось: несчастная королева Мария-Антуанетта все еще томилась с детьми в Тампле, а уцелевшие аристократы занимались каким-нибудь ремеслом в Англии или Германии, и многие из них были обязаны спасением таинственному рыцарю Красного Цветка. За неимением аристократов начались преследования членов Национального Конвента[1], литераторов, представителей науки и искусства, то есть тех людей, которые год назад сами посылали других на гильотину.

Вечером 19 августа 1793 года, а по преобразованному календарю 2 фрюктидора первого года новой эры, молоденькая девушка вышла из-за угла на улицу Ecole de Médecine и, осторожно оглядевшись, быстрыми шагами направилась по ней, не обращая внимания на неприличные замечания старых мегер, только что вернувшихся с обычного зрелища на площади Революции. Все таверны были заняты мужчинами, и женщинам только и оставалось, что издеваться над прохожими.

На девушке было простое серое платье, большая, с

---

[1] Национальный Конвент — высший законодательный орган Франции, существовавший с 20 сентября 1792 по 26 октября 1795 года. *Ред.*

развевающимися лентами шляпа украшала необыкновенно красивую головку. Лицо было бы еще прекраснее, если бы не выражение твердой решимости, придававшее ему некоторую жестокость, отчего молодая девушка казалась старше своих лет. Трехцветный шарф опоясывал ее гибкий стан; цвета Республики были ее единственной защитой: пока она шла спокойно, никто не смел дотронуться до нее. Если женщины заграждали ей путь, она переходила на середину улицы. Такая предосторожность совсем не была лишней. Но, поравнявшись с каменным домом Деруледа, она вдруг с вызывающим видом подняла вверх свою хорошенькую головку.

— Дайте же дорогу! — резко проговорила она, когда одна из мегер нагло преградила ей путь.

Так как девушка легко могла обойти старуху справа, то было чистым безумием с ее стороны привлекать внимание страшных фурий, еще не пришедших в себя от кровавого зрелища у гильотины.

— Какова аристократка! — зашипели мегеры, окружая девушку.

Последняя инстинктивно отступила к ближайшему дому с левой стороны — дому Деруледа. С черепичной крыши портика спускался железный фонарь, к массивной входной двери вели каменные ступени. Здесь и нашла себе девушка временное убежище. Гордо, надменно смотрела она на ревущую и наступавшую на нее чернь. Девушка отлично сознавала, что дикая развязка неминуема, но, сохраняя свой гордый вид, шаг за шагом медленно поднималась по ступенькам.

Вдруг одна из мегер с торжествующим хохотом сорвала с ее шеи кружевной шарфик. Это послужило сигналом для дальнейших оскорблений, посыпалась площадная брань. Закрыв руками уши, девушка продолжала стоять неподвижно и, казалось, не страшилась вызванного ею самой извержения вулкана. Но вот жесткая, сильная рука одной из мегер ударила ее прямо по лицу. Дружный взрыв одобрения приветствовал эту наглую выходку. Тут молодая девушка дрогнула.

— Помогите! — закричала она. — Убивают! Убивают! Гражданин Деруледа, спасите!

С полдюжины рук ухватились за ее юбку, но в этот момент дверь распахнулась, кто-то сильный схватил ее за руку и втащил на лестницу. Она слышала, как захлопнулась тяжелая дверь, за которой раздавались про-

клятия, подобные крикам из Дантова ада. Своего спасителя девушка не могла рассмотреть: комната, в которую он ее втолкнул, была едва освещена.

— Идите наверх, прямо, там моя мать! — раздался над ней повелительный голос.

— А вы?

— Постараюсь удержать толпу, или она ворвется в дом.

Девушка повиновалась. Она поднялась наверх и, поспешно толкнув указанную дверь, вошла в комнату.

Все, последовавшее потом, показалось ей сном. Она слушала ласковые, успокаивающие слова старушки, которая что-то говорила о Деруледе, об Анне Ми, о Конвенте, но более всего о Деруледе. Голова у девушки сильно кружилась, в глазах стоял туман, и наконец она впала в забытье.

Когда после долгого и спокойного отдыха молодая девушка проснулась, на душе у нее было как-то особенно хорошо; она не сразу сообразила, что находится под кровлей Деруледа и что он спас ей жизнь.

Так Жюльетта де Марни очутилась в доме человека, мстить которому она десять лет тому назад поклялась перед Богом и стариком-отцом. Лежа на мягкой постели в уютной комнате гостеприимного дома, она вспоминала всю свою жизнь после смерти старого герцога, пережившего сына лишь на четыре года.

Какой одинокой чувствовала она себя, когда восемнадцати лет вступила в монастырь! О своей клятве она никогда никому не говорила, кроме своего духовника, который, несмотря на свою ученость, мало понимал условности мирской жизни и совершенно растерялся, не зная, что посоветовать своей духовной дочери. Пришлось прибегнуть к архиепископу: он один мог освободить Жюльетту от страшной клятвы. Архиепископ обещал всесторонне рассмотреть это «дело совести». Мадемуазель де Марни была богата, и щедрый дар на добрые дела, по его мнению, мог быть угоднее Богу, чем выполнение подобной клятвы, притом же вынужденной. Жюльетта нетерпеливо ожидала его решения, но архиепископ не торопился, а в это время во Франции вспыхнула революция. Тут уже архиепископу было не до Жюльетты: ему пришлось поддерживать развенчанного короля и напутствовать его перед казнью, а затем и самому готовиться к смерти. Во время террора монастырь урсулинок был разрушен, сен-

тябрьские убийства 1792 года ознаменовались казнью тридцати четырех монахинь, которые с радостью взошли на эшафот.

Жюльетта, чудом избегшая этой участи, жила в уединении со своей старой кормилицей, верной Петронеллой. Смерть архиепископа она сочла указанием свыше, что ничто в мире не может снять с ее души ужасную клятву. Тем временем все ее приданое и родовые поместья де Марни были захвачены революционным правительством, и ей пришлось жить на скромные сбережения кормилицы.

Слабый, нерешительный король был заключен в тюрьму; через полгода Жюльетта с ужасом услышала ликование цареубийц. Затем последовала гибель Марата от руки такой же молодой девушки, как сама Жюльетта; это было убийство по убеждению. Со всей страстностью своей пылкой натуры следила Жюльетта за судом над Шарлоттой Корде и слышала, как эта бледная, с большими глазами девушка совершенно спокойно созналась в своем преступлении. Жюльетта внимательно наблюдала за Деруледом, сидевшим на одном из мест, отведенных гражданам-депутатам, принадлежавшим к жирондистам. Он был очень смугл; его темные, но напудренные волосы были откинуты назад, открывая высокий красивый лоб. Он следил за каждым словом Шарлотты, и Жюльетта уловила в его обыкновенно жестком взгляде выражение глубокого сострадания. В оправдание обвиняемой он произнес речь, ставшую известной в истории. Всякому другому она стоила бы головы. Это была не речь защитника, а воззвание к той едва тлеющей искре сочувствия, которая все еще теплилась в сердцах этих озверелых людей.

Жюльетта слышала, пока он говорил, как жалкие отребья человечества, кровожадные мегеры беспрестанно повторяли имя Поля Деруледа, но никто не восставал против него: большая, прекрасно оборудованная детская больница — дар гражданина Деруледа народу — была только что открыта и, без сомнения, давала ему право высказывать свое мнение. Даже суровые монтаньяры — Дантон, Мерлен, Сантерр — только пожимали плечами: ведь это — Поль Дерулед! Пусть себе говорит: сам Марат сказал про него, что он не опасен!

Прекрасный голос Деруледа властно раздавался в зале суда, но все его красноречие было напрасно: Шарлотту Корде приговорили к смертной казни.

В сильном возбуждении вернулась Жюльетта домой.

Боже! Чего только за время суда она не пережила! Нет, скромная, полуобразованная провинциалка Шарлотта Корде не оттеснит в тень Жюльетту де Марни, имевшую в числе своих предков сотни герцогов, когда-то созидавших Францию. Надо только выждать удобный случай. Определенного плана у Жюльетты еще не было, но она твердо помнила, что должна исполнить долг (увы, долг — далеко не такой быстрый вдохновитель, как ненависть или любовь).

Происшествие у дома Деруледа не было заранее обдуманным, но в последний месяц у Жюльетты вошло в обычай ежедневно проходить мимо жилища врага. Несколько раз она видела, как он выходил из дома; один раз ей даже удалось рассмотреть через открытую дверь одну из комнат, а в комнате — молодую девушку в черном платье, прощавшуюся с Деруледом. В другой раз она заметила Деруледа на углу улицы: поддерживая ту же девушку на скользкой мостовой, он даже взял из ее рук корзину с провизией и донес до дома. Какой рыцарь! И еще по отношению к сутуловатой, почти горбатой девушке с грустными глазами и бледным худым лицом!

Этот рыцарский поступок случился как раз накануне сцены, происшедшей у дома Деруледа, и побудил Жюльетту к решительному шагу, повлекшему за собой вмешательство Деруледа.

И вот она в доме врага. Пусть же Господь укажет ей, как поступать дальше!

Робкий стук в дверь прервал размышления Жюльетты: то Анна Ми пришла узнать, как чувствует себя гостья.

— Как вы добры! — прошептала растроганная Жюльетта. — Я сейчас встану и поблагодарю всех вас.

С помощью Анны Ми она стала приводить в порядок свой туалет, причем пришлось попросить чистую косынку. Затем девушка постаралась уничтожить в костюме Жюльетты все следы неприятного приключения. За это короткое время Жюльетта успела узнать, что Анна Ми с детства живет в доме Деруледа, однако она не поняла, какое положение занимала в доме эта бледная девушка: родственницы или прислуги. Одно было ясно Жюльетте по тому, как преображалось лицо молодой горбуньи при одном имени Деруледа: бедная девушка любит его.

Когда туалет Жульетты был окончен, Анна Ми прово-

дила ее в гостиную, где госпожа Деруле́д и ее сын были заняты оживленным разговором. Поблагодарив старушку за гостеприимство, а Деруледа — за оказанную помощь, Жюльетта пожелала вернуться домой, но Деруле́д энергично восстал против ее намерения: для полной безопасности Жюльетта должна еще побыть в плену у него в доме.

— Но мне необходимо вернуться домой и успокоить мою старую кормилицу Петронеллу! — возразила молодая девушка.

— Я сам успокою ее; пусть она знает, что вы в безопасности и через несколько дней вернетесь. Где живет ваша кормилица?

— На улице Тебу, в доме номер пятнадцать, но...

— От чьего имени должен я успокоить ее?

— Мое имя — Жюльетта де Марни.

Сказав это, молодая девушка пристально посмотрела на своего собеседника; однако его выразительное лицо не показало, помнил ли он это имя. Значит, она одна страдала все эти долгие десять лет, боролась со своей совестью, боролась с судьбой, а он... он даже не помнил имени человека, которого убил.

Деруле́д ушел, а Жюльетта осталась со старушкой; вскоре к ним присоединилась и Анна Ми.

Раздражение Жюльетты скоро прошло, и она чувствовала себя почти счастливой. Она так убого жила с Петронеллой в ее мансарде, что теперь в благоустроенном доме Деруледа отдыхала душой. Конечно, этот дом далеко не походил на дворец ее отца, но все же изящное убранство гостиной, серебро на обеденном столе — все говорило о привычках к комфорту и изяществу, даже к роскоши, искоренить которые не удалось ни равенству, ни анархии.

Скоро вернулся Деруле́д в сопровождении Петронеллы: он охотно захватил бы под свой гостеприимный кров и весь домашний скарб Жюльетты, если бы было что брать. Благодарные слезы старой Петронеллы растрогали его доброе сердце, и он предложил ей вместе с ее юной госпожой пережить в его доме тревожные дни, а затем они отправятся в Англию. Мадемуазель де Марни навлекла на себя гнев черни, и ничего не будет удивительного, если на нее донесут как на неблагонадежную. Оставаться во Франции немыслимо — придется, пожалуй, прибегнуть к помощи рыцаря Красного Цветка.

После ужина зашел разговор о Шарлотте Корде, и Жюльетта жадно ловила каждое слово Деруледа. Она снова повторила, что является дочерью герцога де Марни, сестрой убитого на дуэли виконта, и почувствовала на себе долгий, пристальный взгляд Деруледа. Ему, очевидно, хотелось узнать, все ли ей известно относительно дуэли, но она так непринужденно ответила на этот взгляд, что он, по-видимому, успокоился. Она ничем не выдала себя, а что касается матери Деруледа, то она, вероятно, ничего не знала.

Радушие Деруледа казалось Жюльетте более чем странным; она не догадывалась, что так он старался загладить свое невольное преступление, считая себя орудием, которое судьба избрала для спасения сестры убитого им виконта.

Анна Ми не принимала участия в разговоре, но время от времени ее печальные глаза почти с укором устремлялись на Жюльетту.

Когда Жюльетта и Петронелла ушли в отведенную им комнату, Дерулед обратился к кузине:

— Ты будешь добра к моей гостье, не правда ли? Она так одинока, и ей так много пришлось пережить.

— Не более моего! — невольно вырвалось у Анны Ми.

— Разве ты не счастлива? А я полагал, что...

— Разве может быть счастлива жалкая калека?

— Я никогда не считал тебя калекой, — с грустью проговорил Дерулед. — Ни я, ни моя мать никогда не смотрели на тебя, как на калеку.

— Прости меня, — сжимая руку двоюродного брата, сказала Анна Ми. — Я сама не понимаю, что со мной сегодня. Ты просишь меня быть доброй к мадемуазель де Марни? Но разве можно относиться иначе к молодому прекрасному существу с большими глазами и шелковистыми локонами? О, как легка для некоторых жизнь!.. Что я должна делать, Поль? Ухаживать за ней? Быть ее служанкой? Успокаивать ее в минуты грусти? Я сделаю все, даже если в ее глазах я не более, чем жалкая калека; я буду безобидной, верной собакой... — И, взяв свою свечу, она быстро вышла из комнаты. — Верной собакой, которая может сторожить и... кусаться, — прибавила она про себя. — Не доверяю я этой красавице, да и во всей сегодняшней комедии есть что-то для меня непонятное.

II

Хотя июнь, июль и август получили названия мессидора, термидора и фрюктидора[1], но совершенно так же, как и прежде, одаривали землю теми же плодами и цветами, украшали луга той же травой, а деревья теми же листьями.

Молодая, резвая и непоследовательная Жюльетта рвалась из города; ей хотелось побродить по лесу, послушать щебетание птиц, полюбоваться зелеными лужайками. В одно раннее утро она вышла из дома в сопровождении Петронеллы; они захватили с собой завтрак и проехались по реке до Сюрена; отсюда Жюльетта надеялась вернуться домой лесом. Разрушители Франции, казалось, случайно забыли о старой деревушке. Жюльетта провела в ее окрестностях счастливый день и, когда пришло время возвращаться в город, собралась в обратный путь с глубоким сожалением, даже с грустью. Дорога шла лесом; кудрявый орешник и молодые клены давали достаточно прохлады, а царившая здесь тишина была особенно приятной после шумного Парижа.

Помня наставления госпожи Дерулед, Жюльетта опоясалась трехцветным шарфом, а ее кудрявую головку украшала фригийская шапочка с неизбежной розеткой на боку.

Собрав огромный букет маков, ромашек и синих люпинов, Жюльетта, как сказочная фея, шла по лесу в сопровождении сказочной же старой волшебницы — Петронеллы. Вдруг шаги, раздавшиеся в чаще, заставили их остановиться. В ветвях орешника показался Дерулед.

— Мы так беспокоились за вас... — начал он, как бы извиняясь.

— Что пришли сюда за мной! — засмеялась Жюльетта молодым веселым смехом девушки, сознающей свое обаяние.

Хотя она и провела время очень приятно, но все же ей чего-то недоставало, не было с кем поделиться впечатлениями — и вот явился человек, с которым можно поговорить и даже посмеяться.

---

[1] Мессидор — месяц жатвы даров (*фр.*), десятый месяц (с 19/20 июня по 18/19 июля), термидор — одиннадцатый (с 19/20 июля по 17/18 августа), фрюктидор — двенадцатый (с 18/19 августа по 16/17 сентября) месяц французского республиканского календаря, действовавшего с 1793 по 1805 гг. *Ред.*

— Мне сказали, что вы отправились в Сюрен, намереваясь вернуться лесом, потому мне и удалось отыскать вас.

— Очень жалею, что причинила вам новое беспокойство. Я и так доставляю вам немало забот.

— Забот? Нет, благодаря вашему безумному поступку с души моей снят тяжелый гнет.

— Почему?

— Я никогда не надеялся, что судьба поможет мне оказать услугу одному из членов вашей семьи.

— Я знаю только то, что вы спасли мне жизнь, что я все еще в опасности и что своим спасением обязана вам.

— А известно ли вам, что смертью вашего брата вы также обязаны мне?

Жюльетта не отвечала. Как мог он так вдруг, так неосторожно коснуться ее болезненной раны?

— Не надеясь, что вы поймете, чего мне стоит это признание, я должен был сделать его: если бы вы узнали это через несколько лет, то пожалели бы о днях, проведенных под моей кровлей. Ваш брат убит мной на дуэли, к которой он сам вынудил меня...

— К чему вы мне это говорите? Я ведь все равно не смогу услышать эту историю с точки зрения моего бедного брата.

Дерулед не отвечал. Несмотря на слезы, застилавшие глаза, Жюльетта все-таки видела, как глубоко он страдал, и пожалела о своих жестоких словах. Она чувствовала, что в ее душе борются какие-то два враждебные начала.

В лесу царила полная тишина; день клонился к вечеру. Молодые люди приближались к шумному, бурному, страшному Парижу. Они были уже недалеко от заставы, когда в воздухе прогремел ружейный выстрел.

— Закрывают заставу, — сказал Дерулед. — Как я рад, что мне удалось найти вас в лесу!

— Вы очень добры... Я... не хотела говорить то, что только что сказала. Будет лучше всего, если я уйду из вашего дома: я так дурно отплатила вам за ваше гостеприимство.

— Ваш уход убил бы мою мать, — строго ответил Дерулед. — Она успела полюбить вас; притом она знает, что́ вам грозит вне нашего дома. Мое присутствие не будет более оскорблять вас.

— Вы уезжаете?

— Нет, но я получил место смотрителя Консьержери.

— Тюрьмы, где бедная королева...

Но тут Жюльетта опомнилась: такие слова означали измену нации.

— Не бойтесь, — успокоил ее Дерулед. — Я сам готов повторить ваши слова: бедная Мария-Антуанетта!

— Вы ее жалеете? Но ведь вы — член Национального Конвента, который будет ее судить, приговорит к смерти и казнит, как бедного короля.

— Я — член Национального Конвента, но я не приговорю ее к смерти. Я принял должность смотрителя Консьержери, чтобы помочь королеве, сколько хватит сил, — спокойно ответил Дерулед.

— Когда же вы покидаете свой дом?

— Завтра вечером.

Жюльетта не отвечала: ее охватило чувство глубокой грусти.

Они вышли на опушку леса; цветы один за другим падали из рук девушки; вот и ярко-красные маки уже брошены в траву.

Через заставу, благодаря паролю, сказанному Дерулeдом, Жюльетта с Петронеллой прошли беспрепятственно, сам же Дерулед, как гражданин-депутат, мог входить и выходить когда угодно. Вот закрылась тяжелая застава, и Жюльетте показалось, что даже само воспоминание о недолгом счастливом дне отнято у нее навеки.

Проходя по мосту, Жюльетта узнавала очертания главных зданий: собор Парижской Богоматери, острый шпиль Святой Капеллы, потом Лувр во всем его историческом величии. И какой ничтожной показалась ей ее собственная трагедия рядом с великой кровавой драмой, последний акт которой еще не начинался! Ей стало стыдно за радость, только что пережитую в лесу, стыдно за то, что она только что пожалела человека, причинившего так много зла ей и ее семье.

Могучая громада Лувра словно смеялась над ее слабостью. Конечно, ее спутник сделал ей больше зла, чем Бурбоны своему народу. Французы жестоко мстили своим оскорбителям, и ей самой в конце этого счастливого дня Бог снова указал, как довести начатое дело до конца.

Между тем к Дерулeду после ужина пришел гость, с которым хозяин дома часа два сидел в своем кабинете. Гость был очень высокого роста, белокурый, с несколько

ленивым выражением добродушных голубых глаз. В его речи был едва заметен английский акцент.

— Но каким образом надеетесь вы выбраться из Парижа, дорогой мой Блейкни? — спросил Дерулед. — Ведь правительство еще не забыло рыцаря Красного Цветка?

— Полагаю, что не забыло! Я об этом позаботился, послав в Комитет общественной безопасности записочку с эмблемой Красного Цветка.

— Ну и что же?

— Результат очевиден. Робеспьер, Дантон, Мерлен, Фукье-Тенвиль и вся их компания займутся мной, начнут искать иголку в стоге сена, а вы... Впрочем, я только полагаю, — черт меня возьми! — что вы в это время могли бы выбраться из Франции на моей «Мечте» с помощью вашего покорного слуги.

— Но если вы попадетесь им в руки, они вас не выпустят.

— Друг мой, после неудачи Шовелена они ослепли от злости, а я сохранил хладнокровие. Кроме того, с некоторых пор собственная жизнь получила в моих глазах цену: если я не вернусь, в Англии одна пара глаз прольет много слез.

— Значит, вы не поможете нам спасти королеву?

— Напротив, сделаю все, кроме невозможного, — произнес Перси Блейкни и, близко подойдя к Деруледу, спросил: — Каковы же ваши планы?

— Нас немного, хотя за нас будет, конечно, половина Франции. У нас много денег и есть все необходимое для переодевания королевы. Сам я получил место смотрителя тюрьмы и переезжаю туда завтра. Предварительно я должен вывезти из Парижа свою семью; затем можно будет приступить к приведению в исполнение нашего плана. День суда над королевой еще не назначен, еще есть надежда освободить ее. Как смотритель тюрьмы я должен делать каждый вечер обход и следить за порядком по ночам. Двое сторожащих в комнате рядом со спальней королевы всю ночь обыкновенно играют в карты и пьют; я постараюсь подсыпать им сонного порошка.

— Прекрасно! Но что вы сделаете со стражей в двадцать пять человек, приставленной к тюрьме?

— Я выйду из тюрьмы в сопровождении одного из стражников; как смотритель я имею право идти, когда и куда мне заблагорассудится.

— Да, вы сами, но ваш «стражник»? Притом в длинном плаще, чтобы скрыть женскую фигуру? В наше время даже воробьи на кровлях не остаются вне подозрения. «Стражника» захотят осмотреть.

— Но ведь вы-то сами надеетесь выйти из Парижа? Почему же королева...

— Потому что она — прежде всего женщина и королева. Разве вы сможете грубо взять ее за плечи, бросить на дно телеги и покрыть мешками картофеля? Она первая воспротивилась бы этому и выдала бы и себя, и вас.

— Но ведь нельзя предоставить ее судьбе! Наш план удался бы, если бы нам помогла ваша лига... лига Красного Цветка.

— Все мы, двадцать человек, всей душой сочувствуем этому безумному плану, но что будет со всеми вами, если нашу лигу откроют? Я должен все это хорошенько обдумать.

Дерулед подошел к стене и из встроенного в нее потайного шкафа вынул связку бумаг.

— Посмотрите: это все — различные планы побега, если мой план не удастся.

— Сожгите их, друг мой, сожгите! Неужели вы все еще не научились не доверять своих тайн бумаге?

— Я очень осторожен, но ведь без них я не мог бы сообщить о своих намерениях королеве. Затем здесь целая коллекция паспортов, которые пригодятся ей и ее приближенным. Я целые месяцы собирал их.

Вдруг он остановился: Перси делал знаки, очевидно, желая заставить его замолчать. Придерживая тяжелую портьеру, в дверях стояла Жюльетта, ее лицо казалось бледным, должно быть, от едва мерцавшей свечки. Дерулед инстинктивно бросил бумаги обратно в шкаф.

— Госпожа Дерулед послала меня к вам, — проговорила Жюльетта. — Час поздний, и она беспокоится...

— Мы сейчас идем. Позвольте познакомить вас: сэр Перси Блейкни из Англии, мадемуазель Жюльетта де Марни, гостья моей матери.

Жюльетта вышла так же неслышно, как и пришла.

— Мне следовало бы просмотреть все эти бумаги, — сказал сэр Перси, продолжая прерванный разговор.

— Конечно! И мы прочтем их сейчас же вместе.

— Нет, ваша матушка ожидает вас, да и слишком поздно. Но отдайте их мне; черт возьми, я могу поклясться, что они будут в надежных руках.

Дерулед колебался.

— Я очень ценю вашу дружбу, — сказал он наконец, — но вижу, что вы не доверяете девушке, которую только что видели. Ах, как бы мне хотелось убедить вас, что это — Божий ангел, случайно попавший на землю!

— Ого, я так и думал! Вы ведь, кажется, до сих пор не любили женщин? А теперь вы влюблены!

— Да, влюблен безумно и... безнадежно: она — дочь герцога, роялистка до мозга костей.

— Так вот откуда ваше сочувствие королеве?

— Нет, нет! — с жаром возразил Дерулед. — Я старался бы освободить королеву, даже если бы никогда не видел Жюльетты. Но... теперь вы видите, как неосновательны ваши подозрения?

— Да ведь у меня и не было никаких подозрений.

— Не отрицайте! Вы находили эти бумаги опасными, теперь же...

— Теперь я считаю их такими же опасными и очень желаю окончательно убедиться в справедливости своего мнения.

— Но если я отдам вам бумаги, это будет с моей стороны недоверием к Жюльетте.

— О, какой же вы идеалист!

— Но Жюльетта живет у нас уже три недели; за это время я узнал, какая это девушка!

— Погодите! Когда увидите, что ваша любовь — на волосок от гибели, только тогда вы действительно научитесь любить, — серьезно проговорил Блейкни. — Ваша святая — не женщина, если она не страдала, а главное, если не грешила. А теперь идем к дамам. Пусть бумаги остаются у вас, но если ваш идол снизойдет опуститься на землю, удостойте меня быть свидетелем вашего счастья.

— Опять недоверие, Блейкни! Если вы скажете еще хоть слово, я сегодня же вручу эти бумаги мадемуазель де Марни.

В тот же вечер, когда сэр Перси возвращался домой, на улице его поджидала какая-то маленькая фигурка. Это была Анна Ми. Она просила его предостеречь Поля Деруледа против козней Жюльетты де Марни, появление которой в их доме, по ее мнению, было крайне подозрительно.

Проводив Анну Ми до дверей ее дома, сэр Перси откланялся с такой почтительностью, как если бы это была

самая знатная леди его родины. Девушка открыла дверь и на лестнице столкнулась с Деруледом.

— Анна! — радостно воскликнул он. — Я не находил себе покоя с тех пор, как узнал, что ты ушла так поздно и одна!

— Но как ты узнал, что меня нет дома?

— Мадемуазель де Марни постучала ко мне в комнату с час тому назад. Она ходила к тебе и, узнав, что тебя нет, пришла предупредить меня. Я не спрашиваю, где ты была, но в другой раз помни, что улицы Парижа небезопасны и те, кто тебя любит, не могут не беспокоиться о тебе. Разве ты не могла сказать мне? Я проводил бы тебя.

— Я должна была идти одна: мне было необходимо переговорить с сэром Перси наедине.

— С Блейкни! — воскликнул Дерулед. — Но чего же ты от него хотела?

Не привыкшая лгать, Анна Ми открыла Полю все свои опасения за него. Он верит людям, не стоящим его доверия! — твердила она. Поль мрачно хмурился и кусал губы, удерживаясь от слов, которые могли бы обидеть кузину.

— Но разве сэр Перси принадлежит к тем, кому я не должен доверять? — как бы не понимая, спросил он наконец.

— Нет, — ответила Анна Ми.

— В таком случае, дитя, тебе нечего беспокоиться. Сэр Перси — единственный из близких мне людей, которого ты мало знаешь, остальные достойны полного твоего доверия... и любви, — многозначительно прибавил он.

Анна Ми увидела, что Дерулед понял ее, и почувствовала жгучий стыд за свой поступок. Она отдала бы полжизни, чтобы Поль не узнал о ее ревности; она надеялась, что он, по крайней мере, не догадывается о ее любви.

Поспешно пожелав ему спокойной ночи, она заперлась в своей комнате, одна со своими грустными думами.

III

В этот вечер Жюльетта долго молилась перед тем, как лечь спать. Чем труднее становилась предстоящая ей задача, тем яснее казалось ей, что сам Бог указывает ей способ мести. Недаром услышала она сегодня разговор сэра Перси и Деруледа: ведь в эту эпоху малейшее подо-

зрение стоило людям позорной смерти. Ее личные чувства к Деруледу должны молчать, она прежде всего обязана выполнить долг перед отцом и Богом.

Она слышала, как Дерулед разговаривал на площадке с Анной Ми, и ей стало жаль и эту девушку, и добрую старушку Дерулед: обе были так добры к ней и... будут так жестоко наказаны!

Едва занялся день, как Жюльетта, наскоро одевшись, села за письменный стол. Это была уже не прежняя Жюльетта — полуребенок, но страждущая, заблудшая душа, готовая на большое преступление из-за ложной идеи! Твердой рукой написала она донос на гражданина Деруледа (он сохраняется до сих пор в музее Каранавале, под стеклом, и его пожелтевшая от времени бумага и выцветшие чернила ничего не говорят о душевной драме юного автора этого исторического документа). Вот его содержание:

«Представителям народа,
заседающим в Национальном Конвенте

Вы доверяете гражданину-депутату Полю Деруледу, но он изменил Республике. Он занят планами освобождения Марии-Антуанетты, вдовы изменника Людовика Капета. Спешите, представители народа! Улики измены — планы и бумаги — пока еще находятся в доме гражданина-депутата Деруледа. Это донесение сделано лицом, которому известно все. 23 фрюктидора первого года».

Написав донос, Жюльетта внимательно прочла его, сделав несколько поправок, которые и до сих пор видны на документе, и, накинув темную мантилью, осторожно вышла из дома и направилась к реке.

На улицах уже началось движение. Позади Жюльетты, в Люксембургских садах и вдоль противоположного берега Сены, кузнецы уже принялись за работу, изготовляя оружие. Никто не задерживал виконтессы: по утрам женщины и дети стремились к палаткам Тюильри, где целый день щипали корпию и изготовляли бинты и вещи для солдат. На стенах почти всех домов красовалось: «Свобода, равенство и братство». Более дипломатичные хозяева ограничивались плакатами, гласившими: «Республика единая и неразделимая». На стене Лувра, дворца великих королей, правителями Республики был вывешен текст «Закона о подозрительных», а под ним стоял огромный ящик со щелью в верхней крышке.

Вынув свой пакет, Жюльетта твердой рукой опустила его в ящик. Теперь уже ни ее собственные мольбы и слезы, никакое чудо не могли спасти Деруледа от суда и... гильотины.

Жюльетта направилась к своему временному дому, где уже не могла более оставаться. Надо уехать сегодня же! Она прекрасно понимала, что не имеет права есть хлеб человека, которого предала.

Зайдя в ближайшую лавку, она спросила молока и хлеба. Женщина, подававшая ей, смотрела на нее с изумлением и любопытством: Жюльетта была так взволнована, что походила на помешанную, хотя все еще не сознавала неблагородства своего поступка и не чувствовала раскаяния и угрызений совести. Все это ждало ее впереди.

Под предлогом головной боли Жюльетта не выходила из своей комнаты: вид милой, внимательной Анны Ми терзал ее душу. Малейший шум в доме заставлял вздрагивать от мысли, что сейчас свершится то ужасное, чему она сама была причиной.

О Деруледе она старалась не думать; до сих пор ей не приходило на ум разобраться в своих чувствах к нему; скорее всего она его ненавидела: ведь это он вторгся в ее жизнь, лишив ее любимого брата и отравив последние дни жизни ее отца, а тяжелее всего то, что из-за него она сделалась слепым орудием судьбы. Ей больше не хотелось связывать свой поступок с волей Божьей: это была судьба, безжалостная слепая судьба, с которой она не в силах была бороться.

Молчание и одиночество становились невыносимыми. Жюльетта позвала Петронеллу и приказала ей укладываться, объяснив удивленной старушке, что они сегодня же должны отправиться в Англию. Надо было добыть денег и два паспорта, и Жюльетта, накинув мантилью и капюшон, поспешила к сэру Блейкни, единственному человеку, который мог помочь ей в ее нелегком деле.

В доме все было тихо, только из кухни доносился грустный голосок Анны Ми, напевавшей:

От дружной ветки отлученный,
Скажи, листок уединенный,
Куда летишь?

Жюльетта приостановилась. Ей стало нестерпимо жаль эту бедную одинокую девушку. Что будет с ней без крова, без друзей? Совесть просыпалась в ее душе. С сегод-

няшнего утра она лишилась душевного покоя, а впереди — одиночество с вечным сознанием совершенного греха, искупить который не хватит целой жизни.

— Жюльетта, — прозвучало за ее спиной.

Виконтесса быстро обернулась, вытерла глаза и устыдилась своей слабости. Это — Поль... он не должен знать, что она страдает.

— Вы уходите? — спросил Дерулед.

— Да, у меня есть маленькое дело.

— Не могу ли я попросить вас на минуту в свой кабинет, если ваше дело не очень спешно?

— Оно очень спешно, гражданин Дерулед; однако после своего возвращения я, может быть...

— Но я сейчас должен оставить этот дом, мадемуазель, и мне хотелось бы проститься с вами.

Дерулед посторонился, давая ей пройти. В его голосе не было ни малейшего упрека, и это смирило Жюльетту. Она вошла в комнату Деруледа, носившую отпечаток привычек энергичного, делового человека. На полу стоял чемодан, уже совершенно упакованный, на нем лежал кожаный портфель для писем и бумаг с маленьким стальным замком. Этот предмет приковал внимание Жюльетты. Очевидно, в нем-то и находились все документы, о которых Дерулед говорил накануне с Блейкни и которые подтверждали ее донос.

— Вы очень добры, мадемуазель, что согласились на мою, может быть, самонадеянную просьбу, — мягко сказал Дерулед, — но сегодня я покидаю этот дом, и у меня явилось эгоистическое желание услышать, как вы своим милым голосом пожелаете мне счастливого пути.

Большие, лихорадочно горевшие глаза Жюльетты различили теперь в полумраке комнаты фигуру Деруледа, лицо и поза которого выражали безграничное уважение, почти благоговение. Какая жестокая ирония! Пожелать ему счастливого пути — на эшафот! Сделав над собой невероятное усилие, виконтесса слабым голосом проговорила:

— Вы уезжаете ненадолго, гражданин депутат?

— В наше время, мадемуазель, всякая разлука может оказаться вечной. Я уезжаю приблизительно на месяц для надзора за несчастными узниками в Консьержери.

— На месяц! — машинально повторила она.

— Да, на месяц, — улыбнулся Дерулед. — Правительство, видите ли, опасается, что ни один из заведую-

щих тюрьмой не устоит против чар Марии-Антуанетты, если долго будет находиться вблизи нее, поэтому их меняют каждый месяц. Я пробуду там весь вандемьер[1]. Надеюсь вернуться оттуда раньше, но... кто знает?

— В таком случае, гражданин Дерулед, сегодня мне приходится пожелать вам счастливого пути надолго.

— Вдали от вас месяц покажется мне целым столетием, — серьезно сказал он, — но...

Он остановился, пытливо вглядываясь в молодую девушку, в которой не узнавал веселой Жюльетты, внесшей столько света в его мрачный старый дом.

— Но я не смею надеяться, что одна и та же причина могла бы заставить вас называть нашу разлуку долгой, — тихо докончил он.

— Вы не поняли меня, гражданин Дерулед, — поспешно сказала Жюльетта, — вы все были так добры ко мне... но мы с Петронеллой не можем больше злоупотреблять вашим гостеприимством. У нас есть в Англии друзья...

— Я знаю, — спокойно перебил он, — что с моей стороны было бы чересчур самонадеянно ожидать, чтобы вы остались здесь хоть часом больше необходимого, но боюсь, что с сегодняшнего вечера мой дом не будет служить вам надежной защитой. Разрешите мне устроить все для вашей безопасности, как я устраиваю это для своей матери и Анны Ми. У берегов Нормандии стоит готовая к отплытию яхта моего друга, сэра Перси Блейкни. Паспорта для вас готовы, и сэр Перси или один из его друзей доставит вас на яхту невредимыми; он обещал мне это, а ему я верю, как самому себе. С вами поедут моя мать и Анна Ми. Потом...

— Остановитесь! — взволнованно перебила виконтесса. — Простите меня, но я не могу допустить, чтобы вы что-нибудь решали за меня. Мы с Петронеллой должны устраиваться сами, как умеем; вы же должны заботиться о тех, кто имеет на это право, тогда как я...

— Вы неправы, мадемуазель; здесь не может быть речи о праве.

— А вы не имеете права думать... — с все возрастающим волнением начала Жюльетта, быстро выдергивая свою руку из руки Деруледа.

---

[1] Вандемьер — месяц сбора винограда (*фр.*), первый месяц французского республиканского календаря (с 22/23 сентября по 21/22 октября), действовавшего в 1793—1805 годах. *Ред.*

— Простите, но вы неправы, — серьезно сказал он. — Я имею полное право думать о вас и за вас, неотъемлемое право, которое мне дает моя великая любовь к вам.

— Гражданин депутат!

— Жюльетта, я знаю, что я — самонадеянный безумец, знаю гордость вашей касты и ваше презрение к приверженцу грязной французской черни. Разве я сказал, что надеюсь на взаимность с вашей стороны? Об этом я и не мечтаю! Я только знаю, Жюльетта, что для меня вы — ангел, светлое, недосягаемое и, может быть, непонятное существо. И, сознавая свое безумие, я горжусь им, дорогая, и не хотел бы дать вам исчезнуть из моей жизни, не высказав вам того, что обращало для меня в рай каждый час, каждую минуту этих последних недель, не высказав вам своей любви, Жюльетта!

В его выразительном голосе слышались те же мягкие, умоляющие звуки, как тогда, когда он защищал несчастную Шарлотту Корде. Теперь он защищал не себя, не свое счастье, а только свою любовь, и молил об одном — чтобы Жюльетта, зная о его чувстве к ней, позволила ему до конца служить ей.

Дерулед тихо взял ее руку, которой она уже не отнимала, и покрыл ее горячими поцелуями.

— Не уходите сейчас, Жюльетта! — умолял он, чувствуя, что она старается вырваться. — Подумайте, я, может быть, никогда больше не увижу вас! Помянете ли вы когда-нибудь добром того, кто так страстно, так безумно любит вас?

Виконтессе хотелось заглушить биение сердца, страстно рвавшегося к этому человеку, с благоговением склонившему перед ней свою голову; каждое его слово находило отклик в ее сердце; теперь она сознавала, что больше своей жизни любила человека, которого старалась ненавидеть и которого так жестоко, безумно предала. Она пыталась вызвать в памяти образы убитого брата и старика отца. Ей хотелось снова увидеть во всем случившемся перст Бога-Мстителя, указывающий ей путь к исполнению данной клятвы, и она призывала Его, чтобы Он поддержал ее в эту минуту тяжкого душевного страдания.

И она наконец услышала Его: с далеких, не ведающих жалости небес до ее слуха донесся ясный, неумолимый, потрясший ее голос: «Мне отмщение и Аз воздам».

IV

— Во имя Республики! — послышался возглас.

Когда испуганная Анна Ми отворила входную дверь, перед ней оказалось пять человек: четверо были в мундирах национальной гвардии, пятый был опоясан трехцветным с золотой бахромой шарфом, что указывало на принадлежность его к членам Национального Конвента. Анна Ми тотчас поняла грозившую дому опасность. Кто-нибудь донес на Деруледа в Комитет общественной безопасности, и визит незваных гостей означал обыск в доме.

Человек с трехцветным шарфом прошел в гостиную, сделав знак своим четырем спутникам задержать Анну Ми, лишив ее таким образом возможности бежать в кабинет и предупредить Деруледа. У двери кабинета человек с трехцветным шарфом остановился.

— Во имя Республики!

Дерулед не сразу выпустил руку, которую только что осыпал поцелуями. Он еще раз поднес ее к своим губам, как бы прощаясь навеки, затем направился к двери, из-за которой в третий раз, согласно обычаю, раздалось: «Во имя Республики!». Идя к двери, Дерулед бросил быстрый взгляд на портфель с документами. Пакет был слишком велик, чтобы его можно было спрятать, да и было уже поздно. В этот момент его взор встретился со взором Жюльетты, и в нем он прочел столько любви, что его минутная слабость исчезла бесследно. Так как на третий призыв все еще не было ответа, то дверь распахнулась, и Дерулед очутился лицом к лицу со страшным Мерленом. Да, это был сам Мерлен, автор «Закона о подозрительных», который восстанавливал человека против человека, отца против сына, друга против друга (в музее Каранавале сохраняется портрет Мерлена, сделанный незадолго перед тем, как он сам искупил свои злодеяния под ножом гильотины, который прочил для своих ближних. Художник удачно изобразил его нескладно скроенную фигуру с длинными руками и ногами, узкую голову и змеиные глазки). Подражая своему идеалу, Марату, Мерлен одевался неряшливо и даже носил рваное платье.

Увидев спокойного, элегантного Деруледа, Мерлен злорадно усмехнулся. Он всегда его ненавидел и вот уже два года безуспешно старался возбудить против него интригу. Наконец-то Дерулед в его власти!

— Национальный Конвент поручил мне отыскать ули-

ки возводимого на вас обвинения, — обратился к нему Мерлен.

— Я к вашим услугам, — спокойно проговорил Деруле́д, сторонясь, чтобы пропустить в комнату Мерлена и его спутников: сопротивление было бесполезно.

Во все эти мгновения Жюльетта не издала ни звука, не двинулась с места. Если возможно минутой невыносимого страдания искупить тяжкий грех, то она, конечно, искупила теперь свой проступок. Пока Мерлен еще оставался за дверью, она схватила с чемодана портфель и, бросив его за диван, села подле, прикрыв его широкими складками платья.

— Да вы не один здесь, гражданин депутат? — воскликнул Мерлен, и его змеиные глазки уставились на Жюльетту.

— Это — гостья моей матери, гражданка Жюльетта Марни. Прошу вас не забывать, что всем нам, французам, не чужды рыцарские чувства в отношении наших матерей, сестер или гостей.

Грубый по натуре Мерлен тотчас составил соответственное своим понятиям мнение об отношении Деруледа к его «гостье».

«Разжалованная любовница, — решил он. — Она ему надоела, и он ее бросил; из мести она предала его. Воображаю, какая тут сегодня разыгралась интересная сценка!»

— Откройте ставни! — приказал прозорливый «представитель народа». — Здесь темно, как в склепе.

Когда яркий дневной свет ворвался в комнату, Деруле́д увидел, что портфель исчез с чемодана, и сразу догадался, кто его спрятал. Его сердце наполнилось глубокой благодарностью за эту благородную попытку спасти его, но в этот момент он отдал бы жизнь, чтобы исправить то, что сделала Жюльетта: решившись на этот поступок, она становилась сообщницей Деруледа, но теперь он уже не мог отказаться от ее помощи, не скомпрометировав ее самое. Он старался даже не смотреть на нее, отлично сознавая, что даже малейшее дрожание век может погубить их обоих.

— Итак, гражданин депутат, что же вы нам скажете? — злорадствовал Мерлен.

— Возводимое на меня обвинение не заслуживает ответа, — спокойно проговорил Деруле́д. — Моя преданность Республике всем хорошо известна, и мне кажется,

что Комитет общественной безопасности должен был пренебречь анонимными доносами на верного слугу французского народа.

— Комитет общественной безопасности прекрасно знает свои обязанности. Надеюсь, вы не окажете сопротивления обыску, к которому мы сейчас приступим?

Деруледмолча подал Мерлену связку ключей. Двое, принявшись за письменный стол, стали выбрасывать на пол все его содержимое. Среди разных бумаг и записок оказались наброски знаменитой речи в защиту Шарлотты Корде. Мерлен захватил их, как дорогую добычу. Но кроме этого не нашлось ничего компрометирующего Деруледа. Так же тщетны оказались попытки найти что-нибудь в чемодане.

Мерлен сидел в глубоком кожаном кресле; его длинные с грязными ногтями пальцы нетерпеливо отбивали такт на ручках. Время от времени его глазки устремлялись на Жюльетту, как бы ища ее содействия. Виконтесса отлично поняла значение этих взглядов; ее глаза, казалось, указывали Мерлену, где искать улики.

Наконец перебрали каждый клочок бумаги, осмотрели каждую вещь.

— Обыщите гражданина! — приказал Мерлен.

Дерулед не оказал ни малейшего сопротивления, но когда и этот оскорбительный осмотр не привел ни к чему, Мерлен пришел в отчаяние. Он знал, что Дерулед не простит ему бесцеремонного обращения и может возбудить против него чернь. Кроме того, он был уверен в виновности Деруледа и сознавал, что улики существуют, но их надо найти. Он еще раз посмотрел на Жюльетту. Она пожала плечами, указывая глазами на дверь. «В доме есть еще другие комнаты», — как бы говорил ее взгляд.

Мерлен стоял между Жюльеттой и Деруледом, так что последний не видел, как они переглянулись.

— Надеюсь, вы ничего не имеете против обыска других комнат? — сказал Мерлен.

— Пожалуйста! — последовал короткий ответ.

— Прошу следовать за нами, — обратился к Деруледу Мерлен, а затем, приказав своим спутникам окружить Деруледа, повернулся в сторону Жюльетты. — Что касается вас, гражданка Марни, — злобно прошипел он, — знайте, что если вы призвали нас напрасно, с вами не поцеремонятся, запомните это! Не выходите из комнаты, пока я не вернусь. Мне нужно кое о чем побеседовать с вами.

Когда стихли шаги удалявшихся нежеланных посетителей, Жюльетта решилась было спрятать портфель в своем платье, но после минутного размышления поняла всю несостоятельность такого намерения. Нет, надо как можно скорей унести компрометирующие бумаги из кабинета.

Она приотворила дверь и прислушалась: все отправились в спальню Деруледа, находившуюся в самом конце нижнего коридора. Может быть, она успеет? Надо поставить на карту решительно все: если ее поймают, ничто не спасет их обоих. Спрятав портфель в складках своего платья, она тихо пробралась по мягкому ковру до площадки и незаметно проскользнула в свою комнату. Все это было делом одной минуты. Затворяя за собой дверь, она услышала громкое приказание Мерлена сторожить площадку лестницы.

В глубоком кресле мирно спала Петронелла. Очевидно, старушка утомилась в сборах и спокойно заснула, не подозревая, какие события совершались в доме.

Быстрым и ловким движением ножниц молодая девушка разрезала портфель, собрала все бумаги и, разорвав некоторые из них на мелкие клочки, бросила все в печь. К несчастью, стоял сентябрь месяц, и печь не топилась. Нужно было во что бы то ни стало уничтожить бумаги.

На стене над ее кроватью висело изображение Мадонны с младенцем на руках; Жюльетта вылила на бумаги масло из теплившейся перед образом лампады и подожгла их.

Почувствовав запах гари, старая Петронелла проснулась и пришла в ужас, узнав в чем дело, но получила от своей госпожи приказание сейчас же идти на кухню.

— Боже милостивый! Пресвятая Дева! Матерь Божья! — причитала растерявшаяся старуха, спеша исполнить приказание.

Открыв дверь, она впустила в комнату струю сквозного ветра, и последняя искра погасла в печке. Поспешно осмотрев уцелевшие клочки бумаги, Жюльетта убедилась, что не было ни малейшей возможности разобрать написанное. Все, что могло служить обвинением против Деруледа, уже обратилось в пепел. Остатки бумаги нечем было зажечь, так как лампа погасла. Что делать с кожаным портфелем? После минутного размышления Жюльетта бросила его в чемодан между платьями и вышла из комнаты.

V

Обыск спальни Деруледа оказался также бесплодным, но Мерлен не терял надежды; он сменил тактику относительно Деруледа и даже разрешил ему пойти к матери, сам же занялся тщательным осмотром кухни.

Успокоив мать, которая тщетно старалась скрыть свой страх за любимого сына, Дерулед поспешил в кабинет: он горел нетерпением узнать, успела ли Жюльетта уйти и унести кожаный портфель. Не найдя молодой девушки в кабинете, он бросился в ее комнату, но в дверях столкнулся с Жюльеттой.

— Бумаги сожжены! — шепнула она.

— И своим спасением я обязан вам!

При этих словах, выражавших безграничную благодарность, Жюльетта так побледнела, что Дерулед, думая, что она падает, поспешил поддержать ее. Забывая опасность, не помня ни о чем на свете, он усадил ее в кресло и опустился перед ней на колени, нежно гладя ее холодные руки. А она? Она тоже позабыла действительность: свою клятву, преступление и заслуженное наказание и впервые почувствовала, что хорошо жить на свете и видеть у своих ног единственного в мире человека, которого горячо полюбила.

Скрип двери вернул их к действительности. В комнату вошла Анна Ми, бледная, дрожащая, с выражением ужаса в широко раскрытых глазах.

— Что с тобой, Анна Ми? Неужели они осмелились? — спросил Дерулед.

— Нет, они только разрыли всю кухню... они делали допрос мне и Петронелле.

— О чем они расспрашивали вас?

— О тебе, о твоей матери, о... нашей гостье.

Дерулед видел, что кузина сильно взволнована: ее тонкие пальцы судорожно сжимали лист бумаги.

— Анна Ми, — ласково сказал он, — ты так взволнована, точно произошло что-то ужасное. Что означает эта бумага?

Девушка потупилась, стараясь, по-видимому, собрать все свое самообладание. При первом взгляде на нее Жюльетта окаменела и неподвижно ждала своего смертного приговора.

— Эту бумагу дал мне гражданин Мерлен, — несколько успокоившись, ответила Анна Ми. — Он долго

выпытывал, не знаю ли я, кто написал анонимное письмо. Оно было написано на листке бумаги и брошено в ящик с донесениями.

— Странно! Я не знал, что у меня есть тайные враги; но как же эта бумага попала в твои руки?

— Мерлен спросил меня, хочу ли я взглянуть на почерк, — внезапно оживившись, произнесла Анна Ми и в упор взглянула на Жюльетту. — Ну, и я, конечно, пожелала узнать: кто же это низкое создание, предавшее тебя в руки безжалостных негодяев? Кому ты сделал зло?.. Мерлен дал мне вот эту бумагу, полагая, что кто-нибудь из нас узнает почерк.

Дерулед протянул руку, чтобы взять листок, но в этот момент взглянул на Жюльетту и остолбенел: вскочив с кресла, она в мгновение ока очутилась подле Анны Ми. В комнате наступила мертвая тишина, и в эту страшную минуту Дерулед на лице Жюльетты прочел все. Это было словно удар молнии, поразившей его идеалы и его счастье. Его «мадонна» умерла. Перед ним стояла всего лишь прекрасная женщина, перед которой он только что готов был расточить все сокровища своей любви. Так вот ее награда за спасение жизни, за нежную любовь и гостеприимство!

Она уже не старалась скрыть свою вину и беспомощно смотрела на Деруледа, словно прося защиты от дальнейших оскорблений. Может быть, она надеялась, что его любовь слишком велика, чтобы исчезнуть безвозвратно.

— Дай мне бумагу, Анна Ми: возможно, мне удастся узнать почерк моего злейшего врага.

— Теперь это уже не нужно, — медленно проговорила Анна Ми, бросая бумагу и не сводя взора с Жюльетты.

Дерулед поднял бумагу, развернул и... увидел, что это был чистый лист.

— Да на ней ничего не написано! — вырвалось у него.

— Ничего, кроме истории предательства, — с торжеством ответила Анна Ми.

Она уличила-таки предательницу, унизила ее в глазах любившего ее человека; идол упал с пьедестала. Но, подняв взор на Деруледа, она поняла, что разбила и его жизнь. Лицо Деруледа как-то вдруг постарело, на нем выражалось глубокое отчаяние.

Жюльетта тоже не отрывала от него взора, в котором

не было ни надежды, ни отчаяния. Она ни о чем не думала, ничего не сознавала, только чувствовала в душе ужасную пустоту.

Дерулед вдруг вспомнил о спрятанном Жюльеттой портфеле. Он не мог предположить возможности внезапного и полного перерождения Жюльетты, не мог угадать ее любовь к нему, ее отчаяние и желание спасти его. Он невольно пришел к заключению, что, вторгнувшись в его дом, Жюльетта издевалась над ним и над его любовью. Он еще раз взглянул на нее, и в его глазах был такой глубокий укор, что, внезапно выйдя из своего оцепенения, она бросилась на колени, и ее белокурая головка склонилась до земли под бременем вины и позора.

Деруледне шевельнулся, чтобы поднять девушку, и только раздавшиеся на лестнице шаги заставили ее быстро встать на ноги.

Она исполнила свой долг, а теперь, раскаявшаяся, униженная, она готова была к искуплению.

Приход Мерлена положил конец тяжелой сцене.

— Гражданин депутат, — обратился он к Деруледу, — могу сообщить вам приятное известие: мы не нашли ничего предосудительного, но я все-таки должен доставить вас в Комитет общественной безопасности.

Деруледдостаточно владел собой, чтобы не показать Мерлену ни удивления, ни удовлетворения, но не мог понять, каким образом не нашли его портфеля; он мог лишь радоваться, что опасность не грозила ни его матери, ни Анне Ми, ни гостье, имевшей право на его покровительство.

Обнимая на прощанье мать и пожимая руку двоюродной сестре в присутствии Мерлена, Дерулед ничего не мог сказать им в утешение. Проходя мимо Жюльетты, он поклонился и едва слышно прошептал: «Прощайте!». Она молчала, только в ее глазах он прочел ответ на свое прощальное приветствие.

Шаги Деруледа и его стражи гулко раздались по лестнице, затем открылась и захлопнулась входная дверь, и все смолкло.

Весть, что сам Мерлен в доме Деруледа, сильно взволновала чернь.

— Самого его на фонарь, старую гадину! — кричали уличные мегеры, грозя Мерлену кулаками.

Одно слово Деруледа вызвало бы целый бунт, а само-

защита против черни расценивалась как измена народу. Но Деруледа молчал.

Отправив его в сопровождении двух солдат в Комитет общественной безопасности, Мерлен поспешно вернулся в дом ненавистного депутата, чтобы обыскать комнату Жюльетты.

— Это — для ваших бумаг? — грубо спросил он Жюльетту, почти в лицо бросив ей портфель, сразу же обнаруженный.

— Да.

— Что вы жгли в своей печке?

— Любовные письма, которые мне хотелось уничтожить.

— Кто же ваш любовник? Деруледа? Это были его письма?

— Нет.

— Так у вас несколько возлюбленных? — И Мерлен с гадкой улыбкой близко-близко подошел к Жюльетте.

Своей грубой рукой он взял Жюльетту за подбородок, стараясь заставить ее смотреть ему прямо в глаза. Она вся задрожала от этого противного прикосновения... И в руки такого негодяя она предала любимого человека!

— Так у вас были еще любовники? И вы сами хотели избавиться от одного, чтобы дать дорогу другому? Не правда ли?.. Ну, правда это? — повторил он, хватая Жюльетту за руку так, что девушка чуть не вскрикнула от боли.

— Да, — решительно проговорила она.

— А известно ли вам, что гражданина депутата Деруледа нельзя послать на гильотину по одному только подозрению? Знали вы это, когда писали на него свой донос?

— Нет, не знала.

— А знали, что он невиновен?

— Да, знала.

— К чему же вы сожгли свои любовные письма?

— Я боялась, что их найдут и покажут гражданину Деруледу.

— Прекрасная комбинация! — обратился Мерлен к двум женщинам, которые, бледные и растерянные, сидели в углу комнаты, ничего не понимая из этого страшного допроса.

— Ну-с, а знаете ли вы, прелестная аристократка, что весьма неблагоразумно с вашей стороны смеяться над

Комитетом общественной безопасности или без основания доносить на одного из народных представителей?

— Знаю, что вам необходимо выместить на ком-нибудь свою злость из-за неудачного дня, — спокойно ответила Жюльетта, — и для этой цели вы избрали меня...

— Довольно! — грубо прервал ее Мерлен. — Мне некогда терять с вами время. Извольте следовать за солдатами.

— Я готова, но могу ли я сказать несколько слов друзьям?

— Нет!

Жюльетта надеялась перед разлукой смягчить сердца матери Деруледа и Анны Ми; она не знала, верят ли они той лжи, которую она выдумала для ответов Мерлену, но догадывалась, что они все еще считают ее предательницей.

Спокойно направилась она к двери, у которой стояли два солдата. В ее лице было что-то трогательное, и Анна Ми почувствовала горькое раскаяние. Эта прекрасная девушка сейчас пройдет мимо нее, оставив гостеприимный кров, чтобы вынести жестокую муку революционного суда... Сердце Анны Ми сжалось от безграничной жалости. Прежде чем Мерлен успел остановить ее, она бросилась к виконтессе и нежно поцеловала ее холодную руку.

Жюльетта словно от сна пробудилась. С надеждой, почти с радостью взглянула она на горбунью и прошептала:

— Это была клятва. Я поклялась отцу и убитому брату. Скажите ему...

Слезы душили Анну Ми; она могла только утвердительно кивнуть головой. В дверях Жюльетта оглянулась.

— Позаботьтесь о Петронелле, — проговорила она и твердым шагом вышла из комнаты.

VI

Когда Жюльетту под конвоем солдат и Мерлена вели по улицам, чернь осыпáла ее всевозможными оскорблениями; в нее бросали грязью, одна женщина даже хотела ударить ее по лицу. Но Жюльетта, казалось, не слышала ни оскорблений, ни насмешек; она шла, погруженная в

свои думы; она была счастлива: ей удалось спасти любимого человека от страшных последствий ее собственного преступления, и сейчас она шла отдать за его спасение свою жизнь. Теперь он, конечно, считает ее предательницей, но, может быть, впоследствии узнает, что клочки уцелевшей от огня бумаги и разорванный портфель ей самой стоили позора и смерти, которые она добровольно приняла ради него.

Ее вели к Люксембургской тюрьме, бывшему дворцу Медичи, где царил в дни великого короля гордый «Monsieur»[1]; теперь же это была грязная, переполненная заключенными тюрьма. В то время в Париже было двенадцать тюрем, а во всей Франции — сорок тысяч, и все они были полны. Отдельных камер не существовало, не было самых элементарных удобств. Мужчины, женщины, дети — все сидели вместе.

Около шести часов вечера Жюльетту передали смотрителю тюрьмы, коренастому человеку в красном колпаке с трехцветной кокардой сбоку.

— Опасна? — спросил он Мерлена, окинув Жюльетту с ног до головы быстрым взглядом.

— Да, — последовал ответ. — За эту заключенную вам придется отвечать перед Комитетом общественной безопасности.

— Посетителей допускать?

— Безусловно нет, без особого разрешения.

Жюльетта слышала этот короткий разговор. К чему ей посетители? Ей страшно было встретиться с Деруледом и прочесть в его глазах историю угасшей любви.

Между тем гражданин депутат Дерулед был неофициально допрошен Комитетом общественной безопасности, после чего временно отпущен на свободу.

Однако Дерулед отлично понимал цену такой свободы: так как он все еще остается под подозрением, то за ним будут следить до того благоприятного момента, который даст возможность окончательно погубить его. Между тем необходимо было воспользоваться временем и вывезти из Франции мать, Анну Ми и... *ее*.

Мысль о *ней* заставила сердце Деруледа заныть от боли. Кроме мести за смерть брата, он ничем не мог объяснить поступок Жюльетты. О, как он любил ее когда-то! Теперь эта любовь в прошлом.

---

[1] Такой титул во Франции имел брат короля.

В дверях своего дома он встретился с Анной Ми, которая со слезами рассказала ему о том, что произошло в его отсутствие.

— Так она сказала этому негодяю, что клочки обгоревшей бумаги — ее любовные письма? Что она их уничтожила, не желая, чтобы они попались ко мне в руки? — медленно переспросил он.

— Да, — ответила Анна Ми, боясь поднять на него взор.

— И позволила ему предположить, что и я был одним из ее любовников?

— Да! И она беспрекословно пошла за ним в Комитет общественной безопасности, обвиненная в том, что насмеялась над его представителями.

— Но она заплатит за это своей жизнью! — в отчаянии воскликнул Деруле́д. — И моей тоже, — едва слышно прибавил он.

— На пороге ей удалось сказать мне несколько слов: «Это была клятва, я дала ее моему отцу и покойному брату. Скажите ему».

Клятва? Теперь Дерулед понял все, и бесконечная жалость наполнила его сердце. Значит, своей жизнью она решила искупить измену ему и его семье, но причиненный ею вред уже нельзя исправить. Искупила измену... но его она никогда не любила. Разбиты все его надежды, разлетелись все мечты.

Только теперь, когда все погибло безвозвратно, почувствовал Дерулед, что он потерял. Как он был счастлив, когда она с гордостью и сочувствием смотрела на него со своей скамьи на собраниях Конвента! Тогда-то и зародилась в нем надежда...

Однако все это было только маской, за которой скрывался ее тяжелый душевный конфликт.

Как мужчина, он не мог понять эту вечную загадку — женское сердце; не мог понять те противоречия, которые часто кроются в природе женщины. По его мнению, Жюльетта предала его для удовлетворения своего чувства долга; следовательно, она его не любила. Деруледу, человеку мысли и дела, никогда не приходилось ненавидеть то, что любишь, и любить то, что ненавидишь. В этом отношении чувства мужчины менее сложны, менее противоречивы.

Великодушие Жюльетты он приписывал скорее желанию спасти его мать и Анну Ми, чем его самого.

Теперь жизнь утратила для него всякую цену. Жюльетта потеряна, даже если бы удалось спасти ее от гильотины. Если бы!

Оставив Деруледа, погруженного в тяжелые думы, Анна Ми тихонько вышла из комнаты. Здравый смысл подсказывал ей, что Поль постарается увезти семью из Парижа, поэтому она тотчас же начала укладываться. Она также была уверена, что ничто уже не может спасти Жюльетту, и глубокая нежность наполнила ее душу, нежность к той, которую считала своим врагом и даже соперницей.

Теперь и Анна Ми, в свою очередь, узнала, что отмщение принадлежит одному Богу.

VII

Было около полуночи.

В гостинице «Кривая лошадь» стояла невыносимая жара, воздух был насыщен дымом плохого табака, запахом спирта и прогорклого масла. Главная комната уже лет пять служила местом сборища самых отъявленных санкюлотов[1] «Великой Республики».

Дом, где помещалась гостиница «Кривая лошадь», был одним из самых жалких зданий на улице, пользовавшейся весьма дурной репутацией. Штукатурка на нем потрескалась, стены покосились, балки, поддерживавшие низкий потолок, потемнели от времени и грязи, но в былые времена эта гостиница славилась прекрасным винным погребом и редкими сортами вин. В дни великого короля золотая молодежь часто ради попоек в гостинице «Кривая лошадь» оставляла веселые салоны и общество прекрасных дам. В старое время обширные погреба были свидетелями многих темных дел, множества таинственных смертей. Теперь в погребе скреблись крысы, а гостиница превратилась в клуб «Равенства и Братства». Каждый прохожий мог свободно входить туда и принимать участие в дебатах; от членов клуба требовалась только любовь к гильотине.

---

[1] Санкюлоты — насмешливое название городской бедноты, не носившей коротких штанов из дорогой ткани, данное ей аристократами; в период якобинской диктатуры (июнь 1793 — июль 1794) — самоназвание революционеров. *Ред.*

Жалкий вид имел этот «храм Свободы»: грязный дощатый пол, два прислоненных к стене стула, пустые винные бочки, заменявшие кресла, и еловые доски на козлах вместо столов. Обои, когда-то украшавшие стены, висели теперь клочьями, обнажая растрескавшуюся штукатурку. Вся комната имела желтовато-серый оттенок, на котором ярким пятном выделялся красный республиканский колпак, повешенный на подставке вроде гильотины.

В последние месяцы число действительных членов клуба значительно уменьшилось: они истребляли друг друга, ежедневно поставляя новые жертвы революционному террору.

После убийства Марата первое место в клубе принадлежало Мерлену и его молочному брату, Фукье-Тенвилю, самому кровожадному деятелю той эпохи. Молочные братья всегда действовали друг против друга: стараясь подорвать популярность своего соперника, они неустанно обвиняли друг друга в измене. В данный момент Фукье-Тенвиль одержал верх:

Мерлену не удалось выполнить возложенное на него поручение. В последние недели члены клуба занимались исключительно интригами против депутата Деруледа. Анонимный донос окрылил надеждой кровожадных патриотов, но... Мерлен вернулся с обыска с пустыми руками. Арест аристократки был лишь слабой наградой за неудачу...

Войдя в низкую, плохо освещенную комнату, Мерлен сразу уловил враждебное настроение товарищей. Фукье-Тенвиль, окруженный приверженцами, восседал на одном из двух имевшихся в комнате стульев. На столе стояли стаканы, наполненные картофельным спиртом. На всех присутствующих были черные блузы и поношенные штаны — характерный костюм санкюлотов. Головы членов клуба украшала неизменная фригийская шапочка с трехцветной кокардой.

На приветствие вошедшего Мерлена ответили насмешками и злобными взглядами. Один из патриотов, широкоплечий гигант, подкатив пустой бочонок к столику Мерлена, уселся против него.

— Берегись, гражданин Ленуар, — со злой усмешкой сказал Фукье-Тенвиль, — гражданин депутат Мерлен еще чего доброго арестует тебя вместо депутата Деруледа, которого упустил.

— Ничего! Я не боюсь! — ответил Ленуар. — Граж-

данин Мерлен для этого слишком большой аристократ: его руки чересчур чисты для грязной работы Республики. Не так ли, господин Мерлен?

— Мой патриотизм слишком хорошо известен и не боится никаких нападок завистливых врагов, а что касается обыска в доме гражданина Деруледа, то мне было сказано, что имеются улики, тогда как их там не оказалось.

— Истинный патриотизм, как его понимает истинный якобинец, сам измышляет необходимые улики.

Взрыв восклицания: «Да здравствует свобода!» приветствовал замечание подстрекателя.

— И как вы не поняли, что женщина просто посмеялась над вами? — продолжал ободренный Ленуар.

Мерлен побагровел от злости.

— Как я не понял? — пробормотал он. — Да ведь эта женщина сама донесла на него.

Грубый хохот был ответом на эту слабую самозащиту.

— По вашему закону, гражданин депутат Мерлен, — саркастически заметил Фукье-Тенвиль, — подозрение в измене есть уже преступление против Республики. Очевидно, издавать закон куда легче, чем повиноваться ему.

— Но что же я могу сделать?

Оттолкнув от себя пустой бочонок, гигант Ленуар встал, полный презрения к Мерлену.

— Он еще спрашивает, что ему было делать? Братья, друзья! Гражданин депутат находит в печке обгоревшую бумагу, разорванный портфель, в котором, очевидно, были документы, и все-таки еще спрашивает, что ему было делать!

— Девушка созналась, что это были ее письма.

— Да настоящий патриот нашел бы бумаги в комнате Деруледа, а не у женщины! Он «нашел» бы хоть одно письмо, адресованное вдове Капета[1], и оно послужило бы достаточной уликой против Деруледа. Изменник тот, кто оставляет на свободе врагов отечества только из страха перед яростью черни.

Энтузиазм Ленуара нашел отклик, посыпались невообразимая брань и сквернословие.

Во время пылкой речи Ленуара один Фукье-Тенвиль не проронил ни слова. Он молча наблюдал за оратором, сумевшим привлечь на свою сторону слушателей. Наконец он не выдержал.

— Говорить-то легко, гражданин Ленуар, — вас так,

[1] Так называли после казни Людовика XVI Марию-Антуанетту.

кажется, зовут? — Однако среди нас вы почти чужой и еще ничем не доказали Республике, что можете похвалиться не только словами, но и делами.

— Без слов не было бы и дела, гражданин Тенвиль, — вас так, кажется, зовут? — с усмешкой возразил Ленуар. — Вот все вы осуждаете гражданина Мерлена за то, что он дал себя одурачить; я, признаюсь, также разделяю ваше мнение, но...

— Черт возьми! В чем же в таком случае ваше «но»? — заметил Тенвиль, когда тот сделал паузу, как бы желая собраться с мыслями.

Придвинув свой бочонок к столу, Ленуар уселся против Тенвиля и группы якобинцев. Горящая сальная свеча отчетливо нарисовала на стене тень его большой головы во фригийском колпаке и широких плеч в рваной вязаной фуфайке с отложным воротником.

— Ведь всем нам известно, что гражданин Дерулед — изменник, не так ли? — обратился он к присутствующим.

— Да, да! — раздалось со всех сторон.

— Так решим по числу голосов: смерть или свобода.

— Смерть, смерть! — закричали все кругом, и двенадцать рук поднялись вверх, требуя смерти депутата Деруледа.

— Итак, остается только решить, как привести в исполнение наше решение.

Увидев такой счастливый для себя исход, Мерлен ободрился и тоже придвинул свой бочонок к столу.

— Что же вы нам посоветуете? — обратился он к Ленуару.

— Мы все, кажется, того мнения, что было бы неосторожно дозволить судить гражданина депутата Деруледа без ярких вещественных доказательств. Чернь боготворит его. Пока он — свободный человек; притом, как я полагаю, он далеко не глуп. Дня через два он улизнет из Франции, отлично понимая, что если останется, то вместе с его утерянной популярностью придет конец и его земному благополучию.

— Правильно! — раздались громкие одобрения.

— Есть хорошая пословица, которую любили наши прабабушки, — продолжал Ленуар, — если дать человеку веревку достаточной длины, то он непременно на ней повесится. Мы и дадим такую веревку нашему доброму гражданину Деруледу, и я ручаюсь за успех, если только

наш министр правосудия, — он указал на Мерлена, — поможет нам сыграть маленькую комедию.

— Да! Да! Продолжайте! — нетерпеливо проговорил Мерлен.

— Женщина, донесшая на Деруледа, будет нашей козырной картой, — продолжал Ленуар, воодушевляясь своим собственным планом и своим красноречием. — По-моему, она донесла на Деруледа не из-за отверженной любви, а затем, чтобы отделаться от него, так как он был слишком назойлив, а следовательно, он любил ее.

— Так что же из всего этого? — саркастически заметил Фукье-Тенвиль.

— А то, что влюбленный Деруледа захочет спасти ее от гильотины.

— Ну, конечно!

— Ну-ну, пусть попытается, — спокойно продолжал Ленуар. — Дадим ему веревку, чтобы он мог повеситься.

— Что он хочет сказать? — недоумевали присутствующие.

— Прошу вашего внимания еще на пять минут, граждане, и вы поймете. Предположим, что Жюльетта Марни предана суду. Ее судит Комитет общественной безопасности; гражданин Фукье-Тенвиль, один из наших величайших патриотов, будет читать обвинительный акт, и если он упомянет о переписке с врагами Республики, то последуют смертный приговор и гильотина. Министр правосудия, согласно статье девятой известного нам закона, не допускает защиты в случае такого прямого обвинения в измене. Но, — внушительно и веско продолжал гигант, — при обыкновенном гражданском обвинительном акте в случае оскорбления общественной нравственности или других нарушений, караемых законом, министр правосудия допускает подсудимую прибегнуть к общественной защите. Если гражданка Марни будет обвинена в измене, ее вместе с другими преступниками казнят рано утром, прежде чем Деруледа сможет защитить ее; да и если бы он решился на все для ее спасения, то возможно, что чернь стала бы на его сторону: французский народ все еще сохранил большую долю сентиментальности, чем ловкий Деруледа, конечно, воспользовался бы. Между тем, если судить гражданку Марни за оскорбление республиканского правительства, то получится совершенно иная картина. Министр правосудия разрешит адвокату защищать ее. Неужели Деруледа не вступится за свою возлюбленную? Вот

тут-то и является веревка, на которой он сам повесится. Ведь не признает же он перед официальным судом, что сожженные письма были от другого любовника Марни, и придется нашему главному прокурору заставить его сознаться, что письма были от него, что они доказывали его измену и что девушка сожгла их, чтобы спасти бывшего любовника.

Эта длинная речь была покрыта громом восторженных аплодисментов.

Оратор замолчал, отер лоб и принялся большими глотками пить водку, чтобы промочить уставшее горло.

Долго еще не расходились члены якобинского клуба. Каждому хотелось прибавить что-нибудь свое к речи Ленуара. Сам Ленуар первым оставил собрание, пожелав присутствующим спокойной ночи.

— Кто этот человек? — обратился Фукье-Тенвиль к собранию патриотов.

— Провинциал с севера, — ответил кто-то. — Он приходит сюда уже не в первый раз, а в прошлом году был почти завсегдатаем. Он, кажется, из Кале, а ввел его гражданин Брогар.

Тенвиль ушел одним из последних.

— Мне кажется, — обратился он к самым ярым патриотам, окружившим при прощании его и Мерлена, — что этот Ленуар уж чересчур красноречив, не так ли?

— Он опасен, — тотчас же ответил Мерлен, и все поспешили подтвердить его мнение.

— Но его план все-таки хорош; мы им воспользуемся.

Когда вся компания вышла на улицу, сторож с фонарем в руке уже делал свой ночной обход, сопровождая его обычным выкрикиванием:

— Спите спокойно, жители Парижа: все тихо, все в порядке.

Между тем, всю эту ночь Дерулед тщетно старался отыскать Жюльетту. Свой долг перед матерью и Анной Ми он исполнил и в этом отношении был спокоен.

Хотя Поль Дерулед и был идеалистом, однако он не питал ни малейшей иллюзии относительно своей популярности, прекрасно сознавая, что при первом удобном случае любовь черни может смениться ненавистью. Вот почему он воспользовался тем временем, пока его любили, чтобы привести свой дом в порядок и приготовить

все, что было нужно для бегства из Парижа близких ему людей.

Год тому назад он добыл необходимые паспорта и условился со своим английским приятелем о некоторых мерах предосторожности. Таким образом, через два часа после ареста Жюльетты де Марни госпожа Дерулед и Анна Ми беспрепятственно покинули Париж через Северную заставу, за которой их должны были встретить лорд Гастингс и Энтони Дьюхерст.

Старую Петронеллу не удалось уговорить выехать из Парижа без Жюльетты.

— Мы никогда не разлучались, — заявила она. – Когда освободят мою бедную голубку, она не будет знать, где ей приклонить головушку.

Ни у кого не хватило духа разуверять ее в возможности возвращения Жюльетты. Дерулед отвез старушку в тот дом, откуда несколько недель назад перебралась к нему Жюльетта де Марни.

Петронелла успокоилась, увидев свою прежнюю комнату, и решила дожидаться в ней своей юной госпожи. Дерулед снабдил ее деньгами и всем необходимым.

Только поздно вечером почувствовал он наконец себя вправе вполне отдаться единственной цели — спасению Жюльетты. Ему казалось, что при его популярности это будет не очень трудно; однако в министерстве юстиции он ничего не добился: списки вновь арестованных еще не были доставлены комендантом Парижа, гражданином Сантерром. Затем начались мытарства по всем двенадцати тюрьмам Парижа. И всюду Дерулед встречал одно и то же пожимание плечами и равнодушный ответ:

— Жюльетта Марни? У нас не значится.

Напрасно Дерулед умолял, убеждал и даже подкупал — никто ничего не знал. Но ему разрешали поискать самому. Его водили по большим сводчатым камерам Тампля, по огромным залам дворца Конде, где толпились и приговоренные, и ожидавшие суда. Ему даже дозволили быть свидетелем того, как осужденные проводили последние часы своей жизни: они забавлялись, представляя суд. Кто-то прекрасно изображал Фукье-Тенвиля; на воображаемой площади Революции опрокинутые стулья играли роль гильотины. Дочери герцогов и принцев участвовали в этой страшной комедии; зачесав высоко над затылком волосы, они становились на колени и подставляли шею под нож воображаемой гильотины.

Дерулед содрогнулся от одной мысли встретить Жюльетту среди этих смеющихся исполнительниц ужасной комедии. Но он и здесь услышал тот же ответ: «Жюльетта Марни здесь не значится». Никто не сказал ему, что по строжайшему приказу Мерлена Жюльетта была занесена в список «опасных» и помещена в Люксембургскую тюрьму среди немногих заключенных, к которым никто не допускался.

Когда пробил час тушить огни и сторож начал свой ночной обход, Дерулед понял, что его поискам пришел конец.

О сне он и думать не мог и бродил по улицам в ожидании зари. Мало-помалу им овладело безнадежное отчаяние. Ночь уже близилась к концу, когда, стоя на набережной, он вдруг почувствовал, что кто-то дотронулся до его плеча.

— Пойдем-ка ко мне, — раздался над его ухом приятный протяжный голос.

Дерулед вздрогнул и очнулся. Перед ним стоял сэр Перси Блейкни, один вид которого, казалось, способен был разогнать самые мрачные думы.

Они долго шли по улицам старого Парижа; наконец сэр Перси остановился у маленькой гостиницы, двери которой были открыты настежь.

— Моему хозяину нечего опасаться воров, — объяснил англичанин, провожая гостя по узкому коридору и лестнице на верхний этаж, — внутри дома все так непривлекательно, что никому не хочется войти.

— Как вы можете жить в такой грязной норе? — невольно воскликнул Дерулед, переводя взгляд от изящно одетого сэра Перси на убогую обстановку его маленькой комнаты.

— Я останусь здесь, пока не увезу вас из Парижа.

— В таком случае уезжайте в Англию; я никуда не еду...

— Без Жюльетты де Марни, не так ли?

— Неужели мы ничего не можем сделать для ее спасения? — печально вымолвил Дерулед.

— А вам известно, что она в Люксембургской тюрьме?

— Я об этом догадывался.

— Итак, вы все еще любите ее, несмотря на то, что она донесла на вас?

— Но за это она готова поплатиться жизнью.

— И вы простили ее?

— Я люблю ее со всеми ее слабостями, со всеми проступками; за нее я готов отдать душу!

— А она?

— Она меня не любит... иначе не предала бы меня.

Сэр Перси не возразил, но его губы искривились странной улыбкой. Он подумал о прекрасной Маргарите, так горячо любившей его и, несмотря на это, сделавшей ему так много зла. Он пожал своими широкими плечами, и этот жест вместе с усмешкой словно говорили: «Предоставим все времени и... счастью».

— Теперь, когда вы знаете, как я люблю Жюльетту, — обратился к нему Дерулед, — обещайте мне позаботиться о ней, когда меня казнят! Спасите ее!

Загадочная улыбка осветила лицо сэра Перси.

— Спасти ее? Кому же вы приписываете сверхъестественную силу, необходимую для этого: мне или лиге Красного Цветка?

— Вам, — серьезно ответил Дерулед.

— Ну, сделаю, что могу, постараюсь... по мере сил, — с той же улыбкой ответил Блейкни.

VIII

Наступил день, необычайно трудный для Фукье-Тенвиля. Целых восемь часов ушло на суд по обвинению тридцати пяти лиц в измене Республике. Тенвиль был неутомим и поистине превзошел себя: тридцати подсудимым был вынесен смертный приговор.

Жаркий сентябрьский день уже склонялся к закату, и вечерние тени начали окутывать длинный неуютный зал, где заседало это подобие суда. В дальнем конце зала, на грубой деревянной скамье, за столом, заваленным бумагами, восседал гражданин председатель суда. Над его головой на голой стене красовались слова: «Республика, единая и нераздельная», под ними — девиз: «Свобода, Равенство и Братство». Четыре чиновника вносили в объемистую книгу «Протоколы революционного трибунала» записи о гнуснейших в мире преступлениях. Против председателя на низкой скамье уселся гражданин Фукье-Тенвиль, успевший отдохнуть и освежиться. На каждом столе, бросая причудливые тени на лица чиновников и

на белые стены, горела сальная свеча. Окруженный решеткой помост в центре зала дожидался подсудимых; над ним спускалась с потолка медная с зеленым абажуром лампа.

Вдоль длинных стен зала стояли в три ряда прекрасные дубовые скамьи, унесенные из собора Парижской Богоматери и других церквей. Вместо благочестивых молящихся на них восседали зрители трагедии, которая через несколько часов должна была закончиться отправкой несчастных на эшафот. Первый ряд предназначался для граждан депутатов, желающих присутствовать на суде; их обязанностью было следить за правильным ведением дела. Скамьи были почти все заняты. Тут находились гражданин министр правосудия Мерлен, гражданин министр Лебрен, далее — Робеспьер, все еще в полной силе своей власти, и много других известных лиц. На одной из скамей отчетливо выделялась фигура Деруледа со скрещенными на груди руками.

Гражданин председатель позвонил в колокол, и двери для публики открылись. О, что это была за публика! Женщины, растрепанные, едва одетые, с ужасными испитыми лицами — все они устремились занять места поближе к несчастным жертвам. Были здесь и дети с бледными, исхудалыми от голода личиками; эти дети видели смерть во всем ее ужасе; теперь они нетерпеливо ожидали интересного зрелища.

— Введите подсудимых[1]! — раздался голос председателя.

Подсудимые входили по одному в сопровождении солдат национальной гвардии: их вводили на помост, где они выслушивали обвинительный акт, который читал Фукье-Тенвиль.

После того, как большинство было приговорено к смерти, два человека — к галерам, а три женщины — к заключению в исправительном доме, наступила очередь Жюльетты. Она вошла, необыкновенно прекрасная в своем простеньком сером платье, опоясанном черной лентой, с мягкой белой косынкой на груди. Из-под белого чепчика выбивались роскошные золотистые волосы; детское личико было очень бледно, но вполне спокойно. Как бы не

---

[1] В «Протоколах революционного трибунала» от 25 фрюктидора первого года Республики, которые хранятся в архивах Национальной парижской библиотеки, сохранился отчет суда над Жюльеттой де Марни.

сознавая окружающей обстановки, она твердой поступью взошла на помост, не глядя по сторонам, и потому не видела Деруледа.

«Приговор над Жюльеттой Марни был произнесен 25 фрюктидора в семь часов гражданином Фукье-Тенвилем, и подсудимая выслушала его совершенно спокойно, почти равнодушно», — гласил исторический документ.

Деруледа делал над собой страшные усилия, чтобы не вскочить с места и не наброситься с яростью на Фукье-Тенвиля, чтобы ударом сильного кулака положить конец его лживой речи. Но для блага любимой девушки он должен был молча слушать, пока Фукье-Тенвиль читал:

— Гражданка Жюльетта Марни, вы обвиняетесь в ложном доносе на народного представителя. Этим актом вы побудили революционный суд обвинить этого народного представителя, сделать обыск в его доме и потратить даром драгоценное время, которое должно быть употребляемо на служение Республике. Такой ваш поступок был вызван желанием освободиться от человека, который препятствовал вам вести безнравственный образ жизни, что и привело вас на скамью подсудимых. Вы признались, что несколько граждан состояло с вами в безнравственной связи, что ваше обвинение гражданина Деруледа было ложно и злонамеренно; наконец, вы старались уничтожить какие-то предосудительные письма. Принимая все это во внимание, я именем французского народа требую, чтобы из зала суда вас отвели на площадь Революции, где из рук гражданина Самсона вы получите публичное наказание плетью. Оттуда вас отправят в тюрьму Сальпетриер, где вы останетесь столько времени, сколько будет назначено по усмотрению Комитета общественной безопасности. Итак, Жюльетта Марни, вы слышали ваш приговор. Что вы желаете сказать в свою защиту?

Во время чтения обвинительного акта Жюльетта была совершенно спокойна, но когда услышала приговор, ее щеки побледнели еще более. Она ни разу не повернула головы к оскорблявшей ее черни, спокойно выжидая, когда прекратятся дикие, злорадные крики; только кончики ее пальцев нетерпеливо барабанили по решетке. В «Протоколах» упомянуто, что она вынула носовой платок и отерла им лицо, покрытое пылью. Впрочем, это могло быть следствием невыносимой жары, царившей в зале. Воздух был пропитан зловонием, исходившим от грязной

одежды «публики». Сальные свечи едва мерцали, масляная лампа чадила.

— Жюльетта Марни! — повторил Фукье-Тенвиль. — Желаете ли вы что-нибудь возразить?

— Нет, не желаю.

— Не желаете ли вы защитника? Это — ваше право, гражданка, дозволенное законом, — торжественно прибавил Тенвиль.

Жюльетта уже готова была произнести «нет», но теперь настала минута, которой Деруледа ждал двое суток, с самого момента ареста любимой девушки.

— Гражданка Жюльетта Марни поручила свою защиту мне, — громко произнес он. — Я здесь, чтобы отвергнуть возводимые на нее обвинения и именем французского народа просить о ее полном оправдании.

Громкие рукоплескания приветствовали выступление Деруледа. Утомленные депутаты встрепенулись и напрягли свое внимание. На одной из последних скамеек восседал Ленуар, автор разыгравшейся драмы, и с нескрываемым удовольствием следил за происходившим.

При первых словах Деруледа яркая краска залила лицо Жюльетты. Переждав, пока зрители немного успокоились, Фукье-Тенвиль обратился к Деруледу:

— Что же вы можете сказать в защиту обвиняемой, гражданин Деруледа?

— Что подсудимая невиновна во всех возводимых на нее обвинениях, — твердо ответил тот.

— Чем вы докажете свое утверждение о ее невиновности? — с деланной учтивостью проговорил Тенвиль.

— Очень просто, гражданин Тенвиль: письма, на которые вы ссылаетесь, принадлежат не обвиняемой, а мне. Донося на меня, гражданка Марни служила интересам Республики, так как эти письма имели отношение к вдове Луи Капета: в них излагались планы к ее освобождению.

По мере того как Деруледа говорил, среди зрителей начал подниматься глухой ропот, к концу речи превратившийся в могучий рев ужаса и негодования. В один миг наивная любовь к Деруледу обратилась в неукротимую ненависть.

Все сбылось, как предсказывал Ленуар, и даже гораздо скорее, чем можно было ожидать: Деруледу дали веревку, и он уже висел на ней.

Жюльетта была поражена; краска снова сбежала с ее

лица. Она страшно страдала: то, что она услышала, было мучительнее всего пережитого.

— Должны ли мы понять, гражданин депутат Деруред, что предательские письма принадлежали лично вам и что вы старались уничтожить их и тот портфель, в котором они находились? — снова заговорил Тенвиль.

— Письма были мои, и уничтожил их я сам.

— Но подсудимая призналась гражданину Мерлену, что она сама хотела уничтожить любовные письма, обличавшие ее связь не с вами, а с другим, — вкрадчиво произнес Тенвиль.

Не отвечая ему, Деруред обратился к зрителям.

— Граждане! Друзья! Братья! — горячо начал он. — Ведь обвиняемая — молодая невинная девушка. У всех вас есть матери, дочери, сестры; разве вы не знаете, на что способно женское изменчивое сердце, так легко поддающееся всякому настроению? Граждане, взгляните на подсудимую: она любит Республику, любит родной народ. Она боялась, что я, недостойный сын Франции, таил в душе измену против нашей великой матери. Вот что ею руководило. Она не раздумывала, она поступила, как подсказывало ей сердце, рассудок проснулся, когда дело было уже сделано. Тогда наступило раскаяние. Граждане! Разве это — преступление? Когда она увидела, что мне грозит опасность, чувство дружбы взяло верх: она любила мою мать, которой пришлось бы, может быть, потерять сына, любила мою молочную сестру и ради них, не ради меня, послушалась голоса сердца и решилась спасти меня от последствий моего безумия. Разве это — преступление, граждане? Чтобы утешить тех, кто помог ей в тяжком горе, она приняла на себя мою вину, жестоко страдает за свою благородную ложь и готова принять смерть и даже то, что в десять тысяч раз хуже смерти. Но вы, граждане Франции, вы прежде всего стоите за благородство, правдивость и рыцарство мысли и чувства; вы не дозволите карать за благородное побуждение, как за тяжелое преступление. К вам, женщины Франции, обращаюсь я во имя вашего детства, юности и материнства! Примите эту девушку в свои объятия: она достойна этого более, чем кто-либо из героинь, которыми гордится Франция!

Деруреда слушали не прерывая, несмотря на вспыхнувшую среди черни ненависть; все сердца снова обратились к старому другу, магический голос которого ясно

раздавался в большом неуютном зале суда. Если бы в этот момент судьба Жюльетты зависела только от толпы, она была бы единогласно оправдана.

Во время благородной речи Деруледа ни один мускул не дрогнул на лице Фукье-Тенвиля. Он сидел за своим столом, опершись на руки подбородком, и смотрел куда-то вдаль с видом полного равнодушия, почти скуки. При последних словах речи он медленно поднялся с места и спросил:

— Так вы утверждаете, что гражданка Мерни — чистая и непорочная девушка, несправедливо обвиненная в безнравственности?

— Утверждаю! — громко и отчетливо ответил Дерулед.

— А вы все-таки имели обыкновение посещать спальню этой чистой и непорочной девушки, проживавшей под вашей кровлей?

— Это неправда!

— Если это неправда, гражданин Дерулед, каким же образом попали ваши предосудительные письма в ее спальню, а разорванный портфель оказался между ее платьями в чемодане?

— Это неправда!

— Министр юстиции, гражданин депутат Мерлен отвечает за то, что это — правда.

— Да, это правда, — спокойно подтвердила Жюльетта.

Этот простой факт не был известен Деруледу: Анна Ми забыла упомянуть о нем. Дерулед не успел приготовить для него возражения или объяснения, так как в эту минуту раздался торжествующий голос Тенвиля:

— Граждане! Вот как злоупотребляют вашим доверием! Гражданин Дерулед...

Но его голос затерялся среди поднявшихся гама и криков разъяренной черни. Если Тенвиль и Мерлен хотели подстрекнуть толпу, то это им удалось вполне. Все, что таилось животного, дикого в этой ужасной парижской черни, все это вылилось в одно безумное желание жестокой мести. Все повскакивали со своих скамей и, прыгая друг через друга, давя упавших детей, устремились вперед, чтобы, может быть, разорвать на клочки своего прежнего идола и его бледную возлюбленную. Женщины кричали, дети громко плакали, и национальным гвардейцам стоило большого труда сдержать этот дикий порыв

ненависти. Напрасно председатель звонил, призывая очистить зал суда, — народ и не думал выходить.

— На фонарь изменников! На фонарь! Смерть Деруледу! На фонарь «аристо»!

И над всей этой ревущей толпой возвышалась голова широкоплечего гиганта Ленуара. Сначала его резкий с провинциальным акцентом голос как бы подстрекал толпу, но когда ярость черни достигла своего апогея, Ленуар переменил тактику.

— Черт возьми! Да ведь это глупо! Мы гораздо лучше расправимся с изменниками, если выйдем из зала. Что вы на это скажете, граждане? — прокричал он, но ему пришлось несколько раз повторить свое предложение, прежде чем его услышали. — На улице свободнее, — продолжал он. — Там, по крайней мере, не вмешиваются эти обезьяны — национальные гвардейцы. Тысяча чертей! — прибавил он, проталкиваясь к дверям сквозь толпу. — Пойду посмотрю, где стоит ближайший фонарь.

Все, как стадо баранов, потянулись за ним, громко крича:

— К ближайшему фонарю! К ближайшему фонарю!

Немногие остались посмотреть, чем закончится интересный фарс.

IX

Когда в зале суда воцарилась полная тишина, Деруледу было предложено оставить почетное место члена Национального Конвента и сесть позади скамьи подсудимых, между двумя национальными гвардейцами. С этого момента он обратился в преступника, обвиняемого в измене Республике.

В зале царило гробовое молчание, только Тенвиль что-то поспешно шептал ближайшему чиновнику, и скрип гусиного пера, набрасывавшего его слова на бумагу, был единственным звуком, нарушавшим тягостную тишину. Оставшиеся в зале зрители и депутаты замерли в ожидании.

В несколько минут Фукье-Тенвиль, видимо, успел пополнить и исправить два обвинительных акта. Теперь Жюльетта Марни обвинялась в сообщничестве с Деруледом, посягавшим на устои Французской Республики, в

укрывательстве преступной переписки с узницей — бывшей королевой. Основываясь на этих обвинениях, Жюльетту спросили, может ли она что-нибудь сказать по этому поводу.

— Нет, — громко ответила она. — Я молю Бога о спасении нашей королевы Марии-Антуанетты и об уничтожении анархии и террора.

Эти слова, занесенные в «Протоколы революционного трибунала», были приняты как окончательное, неоспоримое доказательство виновности гражданки Марни, и ей был прочитан смертный приговор. Девушку увели, и ее место на скамье подсудимых занял Поль Деруледа.

Спокойно слушал он длинный акт, еще накануне составленный Тенвилем — на всякий случай. Так как Деруледа сам обвинил себя в измене, то его даже не спросили, может ли он что-нибудь сказать в свое оправдание. За чтением акта последовал смертный приговор, после чего Поля Деруледа и Жюльетту де Марни под стражей вывели на улицу.

Их судили последними из всех обвиняемых этого дня. Крытые арестантские фуры, развозившие осужденных по тюрьмам, были все в деле, а потому на долю Жюльетты и Деруледа досталась ветхая некрытая повозка. Было уже девять часов вечера. Слабо освещенные улицы Парижа имели жалкий вид; моросил дождь, и плохо вымощенные дороги представляли собой болота вязкой грязи. Толпы пьяной, озверевшей черни тянулись вдоль Сены до Люксембургского дворца, обращенного в тюрьму, к которой и лежал путь осужденных.

Вдоль набережной, на столбах вроде виселиц, на расстоянии ста метров один от другого, на высоте семи-восьми футов от земли висели чадившие масляные лампы. Одна из таких ламп была сброшена, и со столба спускалась веревка с петлей на конце.

Вокруг этих импровизированных виселиц толпились грязные оборванные женщины. Мужчины нетерпеливо ходили взад и вперед, боясь прозевать добычу, не успев насытить свою месть. О, как они ненавидели теперь своего прежнего идола! Широкоплечий Ленуар занимал среди них первое место, он то кричал резким голосом на женщин, то подстрекал мужчин, стараясь возбудить народную ярость там, где она, казалось, готова была остыть.

Как только на улице показался Деруледа, свет от фо-

наря упал ему на лицо, и толпа узнала его. Снова раздались проклятия и крики:

— На фонарь! Вздернем изменника на фонарь!

Дерулед слегка вздрогнул, словно на него пахнуло холодом, затем спокойно сел в повозку рядом с Жюльеттой.

Коменданту Парижа Сантерру и конвою национальных гвардейцев с трудом удалось оттеснить толпу. Он приказал без всякой жалости пускать в дело оружие, а чтобы помешать Деруледу говорить с народом, барабанщикам было велено громко бить в барабаны. Но Деруледу было не до речей: стараясь защитить Жюльетту от холода и пронизывающего дождя, он снял свой плащ и укутал ее.

Пока повозка ехала вдоль стены здания суда, гвардейцы довольно легко отстраняли ревущую толпу, когда же она выехала на открытое место, ее буквально осадили со всех сторон. Казалось, ничто не могло спасти осужденных от моментальной и ужасной смерти. Сам Сантерр растерялся. Послав в кавалерийские бараки за подкреплением, он со своим маленьким отрядом выбивался из сил, окружив повозку плотным кольцом солдат. Чернь могла каждую минуту прорвать это кольцо. Сантерр охотно предоставил бы народу расправиться самому с несчастными, но твердо помнил данный ему приказ и потому ограждал осужденных.

В эту минуту кто-то почтительно прикоснулся к его руке. Позади него стоял национальный гвардеец, но не из его подчиненных, протягивавший руку со сложенным листом бумаги.

— От министра юстиции, — поспешно проговорил он, — граждане депутаты наблюдали за народным бунтом из зала суда; они советуют не терять ни минуты.

При свете фонаря Сантерр быстро пробежал бумагу.

— С вами еще двое? — спросил он.

— Да, гражданин, — ответил солдат, указывая куда-то вправо. — Гражданин министр сказал, что вы дадите мне еще двоих.

— Вы конвоируете преступников до самого Тампля, понимаете?

— Да, гражданин! Гражданин Мерлен дал мне все инструкции. Как только повозка доедет вот до тех ворот, можно будет воспользоваться темнотой, чтобы высадить преступников; затем они перейдут под мою охрану, а вы со своим отрядом окружите пустую тележку и будете до-

жидаться подкрепления, которое не замедлит подойти. Тогда вы направитесь к Люксембургской тюрьме. Этот маневр даст нам возможность беспрепятственно доставить осужденных в Тампль.

Солдат проговорил все это отчетливо и быстро, передавая устный приказ министра. Сантерру оставалось только повиноваться.

Благодаря густому туману маневр удался как нельзя лучше, и когда повозка поравнялась с указанными воротами, Жюльетте и Деруледу было приказано поскорее сойти. Никто этого не заметил.

— Вперед, или, согласно приказу, я застрелю вас на месте! — прошептал грубый голос им на ухо.

Но они и не думали сопротивляться. Прозябшая Жюльетта молча оперлась на руку Деруледа.

По приказу Сантерра подошли еще двое гвардейцев, и маленький конвой быстро зашагал, удаляясь от места происшествия.

Осужденные недоумевали: куда же их ведут? Может быть, в какую-нибудь отдаленную тюрьму, подальше от разъяренной черни? Они уже чувствовали близость смерти. До сих пор они не обменялись ни словом, ни вздохом, но рука Жюльетты доверчиво сжала руку Деруледа, и он понял все, что эта рука хотела дать понять ему. В один миг исчезло все, кроме этого прикосновения. Ни ожидания смерти, ни страха как не бывало. Настоящее стало прекрасным.

Дерулед уже не думал, что она его не любит. Жюльетта же поняла, что он простил, и они шли рука об руку вперед, не спрашивая себя куда.

Им пришлось проходить мимо маленькой дрянной гостиницы «Кривая лошадь» — той самой, где остановился сэр Перси Блейкни.

Дерулед узнал ее и невольно подумал о своем друге.

— Стой! — внезапно раздалась громкая команда.

Конвой остановился. В темноте брякнули ружья; уж не собираются ли стрелять?

— За мной, Дерулед! С вами рыцарь Красного Цветка! — послышался голос, а вслед за тем чья-то сильная рука сбросила и погасила соседний фонарь.

Дерулед и Жюльетта почувствовали, что их толкают в ближайшую дверь, тогда как голос сэра Перси раздавался еще на улице.

Послышался шум борьбы, сопровождавшейся крепкой

английской бранью, благодаря которой Жюльетта и Деруледа поняли, в чем дело.

— Молодчина Тони! Черт возьми! Чисто сделано, Фукс! — Двое гвардейцев из отряда Сантерра лежали без движения на земле, а трое связывали их веревками.

— Что, друг Деруледа? Вы не ожидали, что я привезу мадемуазель де Марни в такую проклятую нору? — И высокая широкоплечая фигура якобинского оратора, кровожадного гражданина Ленуара, предстала перед пораженными Жюльеттой и Деруледом. — Тысяча извинений, мадемуазель, что пришлось заставить вас пережить столько ужасов, но это был единственный способ спасти вас. Теперь вы среди друзей.

— Блейкни... — начал Деруледа.

— Тише! Не забывайте, что мы еще в Париже, и еще неизвестно, как из него выберемся. Клянусь всеми дьяволами, моему другу Тенвилю не очень-то понравится, что гражданин Ленуар натянул нос гражданам депутатам.

Все вошли в темную узкую комнату нижнего этажа.

Блейкни громко позвал Брогара, содержателя гостиницы.

— Где вы изволите скрываться? — обратился он к лебезившему перед ним Брогару, в карманах которого позвякивало английское золото. — Живо, веревку для солдат! Внести их сюда и влить им в глотки то, что я велел приготовить. Проклятие! Лучше бы с ними не связываться, но иначе этот дьявол Сантерр не поверил бы нам. Впрочем, большого вреда не будет от этого ни гвардейцам, ни нам.

Связанных внесли, и на улице водворилась полная тишина.

— Итак, друзья, сегодня мы должны выбраться из Парижа, — продолжал Блейкни, — или все угодим на гильотину.

Хотя сэр Перси говорил весело, но в его голосе звучала тревожная нотка, и его друзья, понимая, что опасность далеко не миновала, готовы были беспрекословно повиноваться ему. Лорд Энтони Дьюхерст, сэр Эндрю Фукс и лорд Гастингс великолепно исполнили свои роли. Лорд Гастингс сообщил «приказ» Сантерру, и все трое, по команде сэра Перси, обезоружили национальных гвардейцев.

— Мадемуазель де Марни, — обратился Блейкни к

Жюльетте, — позвольте проводить вас в комнату, которая хоть и недостойна вашего пребывания, но все же даст возможность немного отдохнуть, а пока мы побеседуем о дальнейшем с нашим другом Деруледом. В комнате вы найдете платье, которое прошу одеть как можно скорее. Это — гадкие тряпки, но сейчас все зависит от вашего содействия. — Поцеловав кончики пальцев Жюльетты, он открыл перед ней дверь в соседнюю комнату и, когда молодая девушка скрылась, обратился к товарищам: — Вот целые узлы всякого тряпья: мы все должны составить банду самых настоящих санкюлотов.

Через десять минут все было готово, и четыре грязные, жалкие фигуры предстали перед своим предводителем.

— Прекрасно! — с восхищением воскликнул Блейкни.

В эту минуту из соседней комнаты появилось какое-то ужасное подобие женщины; крики восторга приветствовали эту странную фигуру. В дверях стояла настоящая оборванка-вязальщица с удачно загримированным лицом, с прядями седых волос, выбивавшимися из-под грязного чепца. Сознавая всю важность роли, Жюльетта не пожалела своего хорошенького личика. Хорош был и Дерулед — босой, в потертых штанах и рваной блузе.

— Все мы смешаемся с толпой, — обратился сэр Перси к новоиспеченным санкюлотам, — и будем делать все то, что делает она. Вы, мадемуазель де Марни, ни под каким видом не выпускайте руки Деруледа. Это, кажется, не трудная обязанность? — прибавил он со своей обычной добродушной улыбкой. — А вы, Деруледа, будете заботиться о мадемуазель Жюльетте, пока мы не покинем Париж. Помните, мы можем находить друг друга по трижды повторенному крику морской чайки. Итак, вперед, вон из Парижа, и помогай всем нам Бог!

— Мы готовы, — проговорил Деруледа, беря за руку Жюльетту, — и Бог да благословит славного рыцаря Красного Цветка!

X

Нетрудно было угадать, куда направилась толпа: крики и гиканье раздавались с самого отдаленного берега реки. До прибытия подкрепления Сантерру так и не уда-

лось сдержать мятежников, которые в конце концов прорвали цепь солдат и обступили... пустую повозку.

— Они уже в Тампле! — со злорадным торжеством кричал Сантерр, забавляясь общим недоумением.

В эту минуту Сантерру грозила серьезная опасность, так как гнев обманутой черни готов был обрушиться на него и на его отряд, но вдруг в толпе раздался громкий призыв:

— В Тампль! В Тампль!

Не прошло двух минут, как вся толпа устремилась к улице Тампль с криками: «На фонарь их, на фонарь!» и пением «Ça ira!».

Сэр Перси со своими санкюлотами нашел ближайшие улицы совершенно пустынными. Только несколько зевак, отделившись от толпы, измученные и промокшие, возвращались по домам. Маленькая группа санкюлотов не привлекала ничьего внимания, и сэр Перси храбро обращался к прохожим с вопросами:

— Эй, гражданин, как пройти на улицу Тампль? Что, гражданка, уже повесили этих изменников?

На эти вопросы обыкновенно отвечали только бранью, и никто не обращал внимания ни на «Ленуара», ни на его друзей.

На одном из перекрестков Блейкни обратился к своим спутникам:

— Мы приближаемся к толпе, старайтесь проникнуть в самую глубь ее; за тюрьмой мы опять сойдемся. Помните: крик морской чайки.

И он исчез в тумане.

— Вы не боитесь, дорогая? — обратился к своей спутнице Дерулед.

— Нет, пока вы со мной, — ответила она.

Через несколько минут они присоединились к ревущей толпе, горя страстным желанием жизни и свободы. Они так же пели и кричали, стараясь ничем не отличаться от других.

Когда трое англичан, Дерулед и Жюльетта вышли на площадь перед Тамплем, где-то в стороне послышался пронзительный крик морской чайки, затем в толпе чей-то резкий голос закричал:

— Будь я проклят, если арестованные действительно в Тампле! Граждане, нас опять провели!

Это предположение не замедлило найти себе сторонников и было встречено с дикой яростью; толпа букваль-

но обрушилась на громадную мрачную тюрьму. Казалось, что страшный день 14 июля 1789 года повторится и что Тампль разделит судьбу Бастилии. Передовая часть толпы уже достигла портика и громко кричала, требуя смотрителя тюрьмы. Никто не появлялся. Положение становилось опасным.

— Черт возьми! — орал во всю глотку тот же пронзительный голос. — Их нет в Тампле! Им позволили бежать и теперь боятся народного гнева!

Эта новая мысль была также успешно воспринята толпой.

— Арестованные бежали! Арестованные бежали! — подхватывали голоса с новым озлоблением.

— И, вероятно, уже успели перебраться за заставу! — снова подсказал тот же самый голос.

— К заставе! К заставе! — вопила чернь.

Как табун диких лошадей, понеслась она по городу, не отдавая отчета в своих действиях, почти забыв о первоначальной причине своего гнева. Англичане, Деруледе и Жюльетта не пристали к бегущим, бросившимся кто куда. С восточной стороны раздался крик чайки, и маленькая группа санкюлотов направилась туда, откуда доносился призыв ее вождя. Огромная толпа собралась уже у Менильмонтанской заставы, за которой лежит кладбище Пер-Лашез. К этой толпе и присоединились переряженные беглецы.

Ворота Парижа охранялись отрядами национальных гвардейцев; во главе каждого стоял офицер. Но что это могло значить в сравнении с такой могучей толпой? У каждой из парижских застав собралась теперь, по крайней мере, пятитысячная толпа, осаждавшая охрану и требовавшая, чтобы открыли заставу.

Между тем мелкий дождь превратился в настоящий ливень; то и дело раздавались удары грома, и яркая молния озаряла жалких, промокших людей.

Через какие-нибудь полчаса толпа была уже за заставой. Победа была полная: и офицеры, и солдаты должны были уступить силе.

А дождь все лил. За торжеством победы последовала реакция. Мокрое платье, усталость, охрипшее горло — все это подавляло энтузиазм. Да и что же в конце концов было достигнуто?

Величавыми рядами тянулись темные памятники безмолвного кладбища; громадные кедры, как бесчисленные

привидения, расстилали над ними свои причудливые ветви, производя жуткое впечатление на толпу отбросов человечества. Молчаливое величие этого города мертвых как бы издевалось застывшей улыбкой над страстями города живых.

Мрачный вид кладбища заставил утомленную чернь остановиться. Содрогаясь, повернула она прочь от этого места вечного упокоения.

Тогда за воротами кладбища раздался пронзительный крик морской чайки, и пять темных фигур, постепенно отделяясь от удалявшейся толпы, пробрались поодиночке через узкое отверстие в стене недалеко от главных ворот. А те из толпы, кто услышал крик, так дерзко нарушивший покой мертвых, позабыв пять лет безбожия и глумления над религией, набожно крестились, призывая Пресвятую Деву Марию.

Еще не было полуночи, когда сэр Перси Блейкни и его спутники достигли маленькой таверны у самых отдаленных ворот кладбища. Английское золото легко подкупило голодного содержателя харчевни; карета уже стояла наготове, и четверка свежих лошадей нетерпеливо била копытами о землю. Из окна выглядывала заплаканная Петронелла. Жюльетта и Дерулед вскрикнули от радости, и их взоры почти с благоговением обратились на удивительного человека, так чудесно спасшего их жизнь.

— Друг мой, — сказал сэр Перси Деруледу, — если бы вы знали, как все это было просто! Деньги могут сделать так много! Моя единственная заслуга в том, что я богат. Что касается Петронеллы, то мне удалось вывезти ее сегодня утром на простой рыночной фуре. Каждый из моих английских друзей имеет надлежащий паспорт; мадемуазель де Марни будет путешествовать под именем английской леди со своей няней Петронеллой. В этой таверне вы найдете приличное платье. Торопитесь! Через четверть часа мы уже должны пуститься в путь, так как завтра утром ваши враги уже узнают, что вы от них ускользнули.

Через четверть часа все общество превратилось в семью выезжающих в провинцию парижских буржуа. Сэр Перси сидел на козлах в костюме кучера зажиточного дома. Лорд Энтони Дьюхерст был переодет лакеем.

Сэр Перси правил сам. Им предстояло восемь часов пути, но в дороге, благодаря предусмотрительности лиги Красного Цветка, не было никаких затруднений.

В Гавре общество село на яхту Блейкни «Мечта», где их ожидали госпожа Дерулед и Анна Ми.

Встреча горбуньи с Жюльеттой была очень трогательна. Пока почтовая карета увозила ее из Парижа, бедная Анна Ми все время мучилась угрызениями совести; она думала, что Жюльетту уже казнили, и считала себя виновницей ее смерти.

* * *

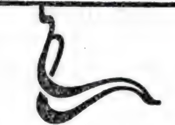
Над морем разливалась чудная розовая заря одного из последних дней достопамятного фрюктидора. На палубе яхты «Мечта» Жюльетта и Поль Дерулед смотрели на постепенно удалявшиеся берега Франции. Дерулед обнял тонкую талию своей невесты; утренний ветерок играл ее золотистыми локонами, и они слегка задевали щеку молодого человека.

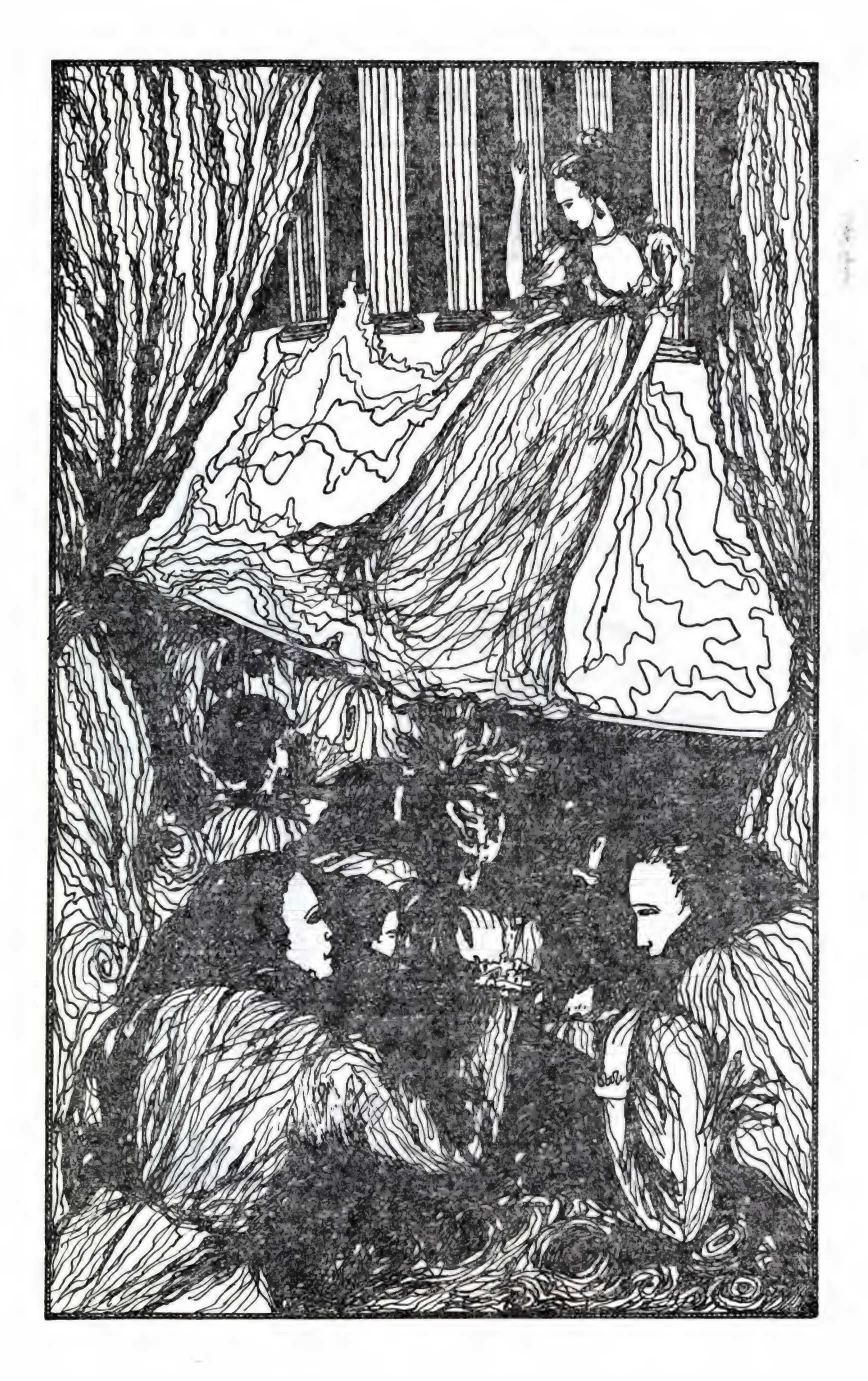
— Мадонна! — прошептал он.

Она повернула к нему свое зардевшееся личико. В первый раз они были совершенно одни, в первый раз мысль о пережитой опасности отошла в область воспоминаний.

Что готовит им будущее в этой прекрасной чужой стране, куда быстро уносила их легкая, грациозная яхта? Англия, страна свободы, укроет их, даст приют их счастью и любви. И они с надеждой смотрели на север, где за далеким горизонтом еще скрывались белые утесы Альбиона, между тем как туман постепенно окутывал берега страны, где оба они так много страдали и где оба научились любить.

НЕУЛОВИМЫЙ

I

Увлекаемая бурным потоком анархии, сея ненависть и жажду крови, Франция, бросая вызов всему миру и Самому Богу, слепо, безумно мчалась вперед по пути разрушения и ужаса, презирая могущественную коалицию, составленную из Австрии, Англии, Испании и Пруссии, соединившихся с целью остановить братоубийственную резню. В сентябре 1793 года Париж был городом кровопролитий, приютом подонков человечества; Лион был почти стерт с лица земли; Тулон и Марсель представляли собой массу обгорелых развалин; лучшие сыны великой Франции превратились или в ненасытных животных или в презренных трусов, не брезгавших никаким унижением ради спасения собственной жизни. Пять недель прошло с того дня, как Марат, кровожадный «друг народа», пал под ножом девушки-патриотки, а сама она через несколько дней гордо подставила голову под нож гильотины. Король Людовик XVI кончил дни на эшафоте; развенчанная, униженная королева Мария-Антуанетта в ожидании смерти томилась в позорном заточении; восемьсот отпрысков древнейших фамилий, создавших историю Франции, храбрые генералы Кюстин, Ушар, Богарнэ, доблестные патриоты, женщины с мужественным сердцем — толпами всходили на деревянные ступени, ведшие к гильотине, а безумная страна, как тигр, почуявший кровь, требовала все новых и новых жертв.

Теперь у Франции были новое государственное устройство, новые законы; просвещенному Парижу оставалось еще одарить страну новой религией. Христианство устарело, богатое духовенство заодно с аристократами угнетало народ, и церковь являлась всего лишь формой не-

достойной тирании. Необходимо было создать нового бога, так как человек — от природы идолопоклонник; но идея о Боге воплощает в себе понятие о величии, о могуществе, присущем царской власти, о всем том, за уничтожение чего французский народ вел такую беспощадную борьбу. Нет, представительницей новой религии должна быть богиня! Солидные люди, пылкие патриоты, безумные фанатики — все одинаково серьезно обсуждали этот вопрос на заседаниях Конвента.

Первое решение трудной задачи предложил Шометт, глава парижского муниципалитета, тот самый прокурор Шометт, который приказал остановить перед Тюильрийским дворцом тележку, везшую лишенную трона королеву в грязную тюрьму Консьержери, чтобы несчастная женщина глубже осознала, чем была прежде и чем стала теперь по воле народа.

— Пусть будет у нас богиня Разума, — предложил Шометт, — и пусть ее изображает первая красавица Парижа. Надо устроить празднество в честь богини Разума; надо сложить костер из блестящих украшений, в которых веками щеголяло высокомерное духовенство на глазах голодающей толпы; пусть народ пляшет вокруг этого погребального костра, а надо всем будет возвышаться улыбающаяся, торжествующая богиня Разума, единственное божество, которое наша возрожденная, обновленная Франция станет признавать в грядущие века!..

Эти слова вызвали громкое одобрение почтенных членов Национального собрания.

— Женщина, изображающая эту богиню, — продолжал Шометт, — должна быть не первой молодости, ведь разум идет рука об руку лишь со зрелым возрастом. Ее костюм должен быть классический, строгий, но соответствующий обстоятельствам; в качестве идола она будет набелена и нарумянена.

Шометт увлекся развитием своего проекта, но французское революционное правительство никогда не отличалось терпением, и членам Национального собрания скоро надоело слушать его; Дантон уже громко зевал, напоминая при этом какого-то хищного зверя. Одобряя в общем идею Шометта, Анрио предложил устроить в честь новой богини торжественное шествие, в котором примут участие священники-ренегаты, олицетворяющие уничтожение древней церковной иерархии, с мулами, нагруженными награбленными в церквах священными предметами, и ар-

тистки балета в костюмах вакханок, танцующих карманьолу.

Фукье-Тенвиль находил все эти предложения вялыми, бесцветными и считал необходимым присоединить к национальному празднику апофеоз гильотины: он брался найти десять тысяч изменников, которых следовало обезглавить в этот достопамятный день, а по окончании тяжелой работы гильотины головы казненных должны были украсить собой площадь Революции.

Колло д'Эрбуа, недавно вернувшийся с юга, пользовался репутацией человека, по жестокости не имевшего себе равного на протяжении всего этого ужасного десятилетия. Кровожадные планы Фукье-Тенвиля его не пугали: ему принадлежало изобретение жестокой казни, известной под именем «*наяды*», которую он с успехом применял в Лионе и Марселе.

— Отчего не доставить и парижанам такого увеселительного зрелища? — спросил он с грубым, хриплым смехом, после чего принялся объяснять сущность своего проекта: две-три сотни предателей — мужчин, женщин, детей, — прочно связанных по нескольку человек веревками, вывозились в барках на середину реки; в дне барки проделывалась небольшая дыра, достаточная для того, чтобы вызвать крайне медленное ее погружение в воду на глазах восхищенных зрителей, под отчаянные крики женщин, детей и даже мужчин. Гражданин Колло уверял, что в Лионе подобные спектакли доставляли большое удовольствие сердцам истинных патриотов.

Обсуждение празднества продолжалось в том же духе. Каждый старался превзойти другого в зверстве и жестокости, заботясь лишь о том, чтобы уберечь свою голову за счет головы соседа. Только двое не принимали никакого участия в разговорах — Дантон[1] и Робеспьер[2]. Первый уже давно выказывал все признаки нетерпения и ворчал что-то о новой форме тирании. Робеспьер в неизменно безукоризненном костюме цвета морской волны

---

[1] Жорж Дантон (1759—1794) до революции был парижским стряпчим. Своим необузданным красноречием и бесстрашием он увлекал толпу, благодаря чему сумел приобрести власть в революционном правительстве.

[2] Максимилиан Робеспьер (1758—1794) — адвокат; был во главе одной из политических партий в Национальном собрании, из осторожности не принимая на себя никакой ответственной должности; фактически вместе с Дантоном и Маратом был душой и руководителем революционного движения.

спокойно полировал себе ногти, до мелочей замечая все происходившее вокруг него. Одни ненавидели его, другие завидовали, третьи боялись, но он бесстрастно управлял всеми благодаря своему холодному деспотизму и беспощадной жестокости. Невозмутимый, всегда готовый к спокойному, обдуманному ответу, когда вокруг него бушевали страсти, самый честолюбивый из демагогов того времени, он приобрел репутацию неподкупного слуги Республики. Мысленно взвесив все высказанные мнения, он сделал из них вывод, целью которого было укрепить еще более его положение. Готовящееся блестящее празднество заставит народ почувствовать, что во Франции все направляет и всем руководит одна голова, утвердившая новые законы и создавшая новую религию с богиней Разума во главе, и что эта голова принадлежит Робеспьеру.

II

Маленькая темная комната была пропитана запахом гари от дымившего камина. Прежде это был изящный будуар надменной Марии-Антуанетты, теперь же на всем лежали следы губительной руки Великой революции. По углам валялись сломанные стулья с парчовой обивкой; из стола художественной работы Буля была грубо выломана серебряная инкрустация; поперек картины Буше, изображавшей Диану, окруженную нимфами, чья-то неумелая рука нацарапала углем девиз революции: «Свобода, Равенство, Братство или Смерть»; и как бы для того, чтобы подчеркнуть значение этого девиза, кто-то украсил портрет Марии-Антуанетты красной фригийской шапкой и провел по шее королевы отвратительную красную полосу. Стоявшая на столе единственная сильно нагоревшая свеча выводила на стенах причудливые тени, бросая неверный свет на лица сидевших за столом двух мужчин.

Один из них, с выдающимися скулами, чувственным ртом и тщательно напудренными волосами, был Робеспьер, безжалостный и неподкупный демагог; другой — бледный, с тонкими губами и хитрыми лисьими глазками, высоким умным лбом и блестящими, откинутыми назад темными волосами,— гражданин Шовелен, бывший полномочный агент революционного правительства при английском дворе.

Два дня тому назад Поль Дерулед и Жюльетта Марни, приговоренные к смерти, таинственно исчезли из повозки, которая должна была доставить их из зала суда в Люксембургскую тюрьму, а сегодня Комитет общественной безопасности получил из Лиона известие, что бывший шевалье д'Эгремон с семьей и аббатом дю Мениль непонятным образом бежали из Северной тюрьмы. Кроме того, когда армия революционного правительства овладела Аррасом и учредила вокруг города кордон, чтобы ни одному изменнику-роялисту не удалось бежать за границу, около шестидесяти женщин и детей, двенадцать священников, старые аристократы Шермель, Делевиль, Галипо и многие другие проскользнули через заставы, навсегда избегнув преследования.

В Париже были произведены обыски во всех подозрительных домах, где могли скрываться если не сами бежавшие, то их сообщники. Обысками руководил правительственный прокурор Фукье-Тенвиль в сопровождении кровожадного Мерлена, до слуха которых дошло, что в одном из таких домов два дня прожил какой-то англичанин. Грязная, беззубая старуха показала им комнаты, в которых жил англичанин; она еще не привела их в порядок, так как не знала наверно, не вернется ли ее жилец. Он уплатил ей за неделю вперед, объясняла она гражданину Тенвилю. С ним не было никаких хлопот, так как он не обедал дома. Она даже не знала, что он — англичанин, и по его акценту принимала его за француза-южанина.

— В последний раз он ушел, когда был бунт, — говорила она, — и я не советовала ему показываться на улицу: на нем всегда было такое нарядное платье, и голодные могли просто все стащить с него. Но он только засмеялся, дал мне клочок бумаги и сказал, что если не вернется, значит, его убили, а если Комитет общественной безопасности станет расспрашивать меня про него, так мне стоит показать эту бумажку, и меня оставят в покое.

Не смущаясь тем, что Мерлен и Фукье-Тенвиль были известны строгостью, с какой преследовали всякие упущения и недосмотры, словоохотливая старуха с гордостью уверяла, что «у гражданки Брогар совесть чиста», что ее деверь держал маленькую таверну недалеко от Кале, что она всегда сообщала Комитету о прибытии и отъезде новых жильцов. Однако она умолчала о том, что об особен-

но щедрых постояльцах сообщала сведения позднее требуемого, сообразуясь с их личными указаниями. Так было и в последнем случае с англичанином, но этого она не пояснила почтенным гражданам.

Фукье-Тенвиль вырвал у нее протянутый ему клочок бумаги и, не глядя, скомкал, но Мерлен аккуратно разгладил его на колене и с минуту разглядывал четыре строки, написанные в виде стихов на неизвестном Мерлену языке. Единственно понятным для каждого оказалось сделанное в углу красными чернилами изображение маленького цветка с венчиком в форме звездочки. Тут оба гражданина разразились проклятиями и ушли с сопровождавшими их людьми, оставив старуху рассыпаться в уверениях в своей преданности республиканскому правительству.

Клочок бумаги был представлен Робеспьеру; он со свирепой улыбкой скомкал его своей выхоленной рукой, но не сказал ни слова, а потом спрятал бумажку в двойную крышку серебряной табакерки и послал сказать гражданину Шовелену, что ожидает его сегодня, после десяти часов вечера, в комнате номер шестнадцать бывшего дворца Тюильри.

И вот теперь, в половине одиннадцатого, Шовелен и Робеспьер сидели друг против друга, а между ними лежал грязный клочок бумаги, прошедший через много неопрятных рук, пока безукоризненные руки гражданина Робеспьера аккуратно не расправили его перед глазами бывшего уполномоченного Республики при английском дворце.

Но Шовелен не видел ни грязного клочка бумаги, ни бледного, желтого лица сидевшего против него человека. Закрыв глаза, он мысленно перенесся в Лондон, в роскошно освещенные залы дворца лорда Гренвиля, по которым величественно проходила красавица Маргарита Блейкни под руку с принцем Уэльским, и в его ушах звучал ненавистный голос, повторявший те самые стихи, которые были записаны на лежавшем перед ним листке:

Красный Цветок мы ищем впопыхах.
Где ж он? На земле? В аду? Или в небесах?
Франция давно охотится за ним,
Но Цветок проклятый все ж неуловим.

В следующую минуту в памяти Шовелена воскресли уединенные скалы на берегу Кале. Он вспоминал, как тот же ненавистный голос пел: «God save the King», ус-

лышал ружейные выстрелы, крик отчаяния Маргариты Блейкни, и в глубине его души снова проснулось горькое чувство обиды от сознания унизительного поражения.

Робеспьер спокойно ждал, пока Шовелен покончит со своими воспоминаниями. Ничто не могло так восхищать Неподкупного, как вид человека в безвыходном положении, чувствующего, как его все теснее опутывают сети интриги. Заметив тревожное выражение на лице Шовелена, он откинулся на спинку стула, сочувственно вздохнул и спросил с любезной улыбкой:

— Так вы согласны со мной, гражданин, что положение сделалось невыносимым?

Шовелен продолжал молчать.

— И как неприятно думать, — уже более резко продолжал Робеспьер, — что в данную минуту этот человек уже мог сложить голову под ножом гильотины, если бы вы так ужасно не сплоховали в прошлом году!

Его голос резал, как нож, о котором он упомянул, но Шовелен продолжал хранить упорное молчание. Да и что мог бы он возразить?

— Как вы должны ненавидеть этого человека! — воскликнул Робеспьер.

— Смертельно ненавижу! — вырвалось у Шовелена.

— Так отчего же вы не стараетесь исправить прошлогодние ошибки? — мягко сказал Робеспьер. — Республика отнеслась к вам с необыкновенным терпением, принимая во внимание ваши прежние заслуги и всем известный патриотизм, но вы знаете, что негодные орудия ей не нужны, — прибавил он с ударением. — Будь я на вашем месте, я, не теряя ни минуты, постарался бы отомстить за свое унижение.

— А где для этого средства? — вспылил Шовелен. — После объявления войны я не могу отправиться в Англию без официального назначения от правительства. У нас очень недовольны удачами проклятой лиги Красного Цветка, но дальше скрежета зубовного и бесполезных проклятий дело не идет; не было сделано ни одного серьезного шага, чтобы раздавить этих наглых мух, которые продолжают назойливо жужжать нам в самое ухо.

— Вы забываете, гражданин, что мы, члены Комитета общественной безопасности, гораздо беспомощнее вас, — возразил Робеспьер. — Вы знаете язык страны, характер и привычки народа, его образ мыслей, у нас этих знаний нет. Вы видели и говорили в Англии с членами этой про-

клятой лиги; вы, наконец, знаете в лицо их вождя. — Он наклонился через стол, пытливо всматриваясь в худое бледное лицо своего собеседника. — Если бы вы сказали мне имя вождя лиги и описали его наружность, нам было бы гораздо легче. Только вы этого не захотели!

— Я не могу! — упрямо повторил Шовелен.

— А я думаю, что можете. Но я не осуждаю вас — вы хотите сами насладиться мщением, это вполне естественно. Но ради вашей собственной безопасности советую вам поскорее найти его, гражданин, и успокоить этим Францию. Он нужен нам, необходим народу, а если народ не получает желаемого, его неудовольствие обращается против тех, кто упустил добычу.

— Я понимаю, гражданин, что захват Красного Цветка крайне важен для безопасности правительства и вашей собственной, — сухо заметил Шовелен.

— И для целости вашей головы, — резко докончил Робеспьер.

— Знаю, но об этом я меньше всего забочусь, поверьте! Вопрос заключается в следующем: если мне надо заманить этого человека во Францию, то как и чем вы и ваше правительство поможете мне? Что вы для этого сделаете?

— Решительно все, — ответил Робеспьер, — если только у нас будут определенный план и определенные средства.

— У меня есть и то, и другое, но я должен ехать в Англию не иначе, как в качестве официального лица; я не смогу ничего сделать, если мне придется постоянно скрываться.

— Это очень легко устроить. С британским правительством уже начаты переговоры относительно безопасности мирных гражданских лиц, поселившихся в Англии, и в ближайшем будущем нам предстоит послать туда полуофициального представителя для защиты торговых интересов наших соотечественников. Если это отвечает вашим намерениям, мы можем послать вас.

— Прекрасно! Мне ведь нужен только подходящий предлог. У меня в голове несколько планов, для выполнения которых мне необходимы вполне определенные обширные полномочия! — закончил Шовелен, ударив кулаком по столу.

Робеспьер не сразу ответил, пытливо вглядываясь в его лицо и стараясь угадать, не скрывался ли какой-ни-

будь умысел в этом решительном требовании власти. Шовелен смело выдержал этот взгляд, заставлявший многих бледнеть от необъяснимого страха.

— Во Франции вы будете повсюду пользоваться властью военного диктатора, — спокойно начал Робеспьер после короткой паузы. — Перед вашим отъездом в Англию революционное правительство назначит вас главным начальником всех отделений Комитета общественной безопасности. Это значит, что всякий отданный вами приказ должен быть слепо исполнен под угрозой обвинения в государственной измене.

Шовелен с облегчением вздохнул.

— Мне понадобятся агенты, — сказал он, — или, если хотите, шпионы и, разумеется, деньги.

— У вас будет и то и другое. В Англии у нас есть очень деятельные тайные агенты. Через них мы знаем, что во внутренних графствах много недовольных; вспомните мятеж в Бирмингеме — это, главным образом, было делом рук наших шпионов. Вы знаете актрису Канталь? Она сумела проникнуть в либеральные лондонские кружки; их членов там называют вигами. Странное название, не правда ли? Ведь это, кажется, значит «парик»? Канталь устраивала благотворительные спектакли в пользу парижских бедных в клубах этих самых вигов, и ей удалось оказать нам серьезные услуги.

— В таких случаях женщины всегда бывают полезны; я непременно разыщу гражданку Канталь.

— Если она будет вам хорошо помогать, то я на этот случай могу предложить вам для нее заманчивую награду. Ведь женщины так тщеславны! Мы еще не выбрали богиню Разума для предполагаемого национального праздднества, и для возбуждения энергии гражданки Канталь в выполнении ваших планов вы можете предложить ей эту роль.

— Благодарю вас, гражданин, — спокойно сказал Шовелен. — Я всегда надеялся, что революционному правительству еще понадобятся мои услуги, и теперь вполне готов загладить свою прошлогоднюю неудачу. Мы уже обо всем переговорили, и мне пора уходить.

Он поправил галстук и взялся за шляпу, но Робеспьер еще недостаточно насладился его нравственными терзаниями и желал на прощание дать ему почувствовать, что новое поручение дается ему только для испытания и что всем делом за него руководит опытный и сведущий человек.

— Вы еще не сказали, сколько вам нужно будет денег, гражданин Шовелен, — проговорил Неподкупный, ободрительно улыбаясь. — Правительство не будет вас ни в чем стеснять: и власти, и денег у вас будет достаточно.

— Приятно слышать, что правительство обладает несметными сокровищами, — насмешливо заметил Шовелен.

— Последние недели оказались для нас очень выгодны, — отпарировал Робеспьер, — мы на несколько миллионов франков конфисковали денег и драгоценностей после эмигрировавших роялистов. Вы помните недавно бежавшую в Англию изменницу Жюльетту Марни? Один из лучших шпионов открыл, что все драгоценности ее матери и изрядное количество золота находилось на хранении у некоего аббата Фуке, попа из Булони, по-видимому, очень преданного этой семье. Наши люди отобрали и золото, и все драгоценности. Мы еще не решили, что делать со священником. Булонские рыбаки что-то уж очень привязаны к нему, но мы в любую минуту можем захватить его, если нам понадобится лишняя голова для гильотины. Между драгоценностями есть ожерелье, стоящее по крайней мере полмиллиона франков.

— Могу я получить его? — спросил Шовелен.

Робеспьер с улыбкой пожал плечами.

— Вы сказали, что оно принадлежит Марни, — продолжал Шовелен. — Жюльетта Марни в Англии, и я легко могу встретиться с ней. Никто не знает, что может случиться, но я предчувствую, что это ожерелье окажется нам очень полезным. Впрочем, делайте, как вам будет угодно, — равнодушно прибавил он, — это мне так только пришло в голову.

— А чтобы показать, с каким доверием относится к вам правительство, я сам прикажу немедленно передать вам ожерелье и пятьдесят тысяч на ваши расходы в Англии. Как видите, в случае новой неудачи для вас не будет никакого извинения.

— Мне оно и не понадобится, — сухо произнес Шовелен вставая.

Робеспьер также встал и подошел к нему. Неприятная дрожь пробежала по телу Шовелена, когда на его плечо опустилась длинная костлявая рука Неподкупного.

— Гражданин Шовелен, — торжественно начал Робеспьер, — вы сказали, что всегда надеялись, что прави-

тельство даст вам возможность поправить вашу ошибку; я также на это рассчитывал, только я лучше своих товарищей читаю в вашем сердце и знаю, что, кроме страстного желания защищать правое дело французского народа, кроме отвращения к каждому врагу нашей страны, в нем живет еще смертельная ненависть к таинственному англичанину, перехитрившему вас в прошлом году, а ненависть — более сильный двигатель, чем бескорыстный патриотизм. Вот почему я настоял, чтобы Комитет общественной безопасности дал вам возможность отомстить за себя. Но какие бы чувства ни руководили вами, Франция требует, чтобы вы предали в ее руки человека, известного у нас и в Англии под именем Красного Цветка. Нам необходимо получить его, если возможно, живым; необходимо захватить побольше его сообщников, которые все отправятся на гильотину. Дайте их Франции, а мы уж сумеем расправиться с ними, что бы ни говорила вся Европа, будь она проклята!

Он с минуту подождал ответа.

Но Шовелен молчал, без малейшего смущения ожидая конца этой речи.

— Вы, вероятно, уже догадались, гражданин Шовелен, — снова заговорил Робеспьер, — *что́* мне еще нужно сказать вам, но я не хочу, чтобы между нами осталось что-нибудь недоговоренное. Революционное правительство дает вам единственную возможность исправить вашу ошибку. Если же вы и на этот раз потерпите неудачу, то у оскорбленной родины не будет для вас ни прощения, ни жалости, и куда бы вы ни бежали, вас везде настигнет мстительная рука обманутого народа. Новая неудача будет наказана смертью, где бы вы ни были: оставаясь во Франции, вы погибнете от ножа гильотины, а если вздумаете искать убежища в других странах, то падете от руки тайного убийцы. Запомните это, гражданин Шовелен! И вас ничто не спасет, даже заступничество самых могущественных властителей!

Шовелен молчал: ему нечего было возразить. Ему опять вспомнилась Маргарита Блейкни. Не прошло еще и года с того дня, когда он поставил ее в безвыходное положение, предложив на выбор: или предать благородного человека, жертвовавшего жизнью для спасения невинных, или подписать смертный приговор любимому брату. Теперь сам Шовелен оказался в таком положении.

Он решил рискнуть и был уверен в успехе: теперь он

отправлялся в Англию в более благоприятных условиях и, кроме того, знал, кто был тот человек, которого ему предстояло заманить во Францию и предать смерти.

III

В этом году сентябрь стоял на редкость ясный даже для Англии, где лето на прощание часто одаривает чудными, золотыми днями. Погода вполне благоприятствовала осеннему празднику, который всегда бывал в Ричмонде в конце сентября. На открытом берегу реки, освещенном еще жаркими лучами солнца, на сухом и твердом грунте были раскинуты многочисленные палатки и балаганы. Тут были паяцы и фокусники со всех концов земли, собаки всех мастей, выделывавшие самые удивительные вещи, и какой-то чудной старик, заставлявший на глазах у всех исчезать в воздухе трости, монеты и кружевные платки. Благодаря ясной и теплой погоде можно было сидеть среди зелени на открытом воздухе, слушая незатейливую музыку и следя за веселящейся молодежью.

Из местной аристократии здесь пока не было никого, тогда как публика попроще нарочно пообедала раньше, чтобы успеть получить максимум удовольствий за шесть пенсов, составлявших входную плату. А развлечений было много: наряженные обезьяны, пляшущие медведи, женщина такой необыкновенной толщины, что трое мужчин, взявшись за руки, не могли охватить ее; в противоположность ей — такой худой мужчина, что дамский браслет мог служить ему ожерельем, а дамская подвязка — поясом; были смешные карлики и устрашающих размеров гигант, как говорили, привезенные из России. Многих привлекали механические танцующие куклы, но больше всего народа толпилось у палатки со сценой, где можно было увидеть в миниатюре то, что в данное время происходило в соседней Франции. На заднем плане был изображен ряд домов под низким багряным небом. Ближе к зрителям толпились небольшие деревянные фигурки с поднятыми вверх руками, большей частью в лохмотьях, в деревянных башмаках. В центре сцены, на высоком помосте, у подножия небольших деревянных столбов была укреплена длинная прямоугольная доска, выкрашенная

как и весь помост и столбы, в ярко-красный цвет. По одну сторону доски стояла маленькая корзина, а между двумя столбами был укреплен небольшой нож, ходивший вверх и вниз на блоке. Знающие люди объясняли, что это модель гильотины. Стоило опустить пенни в отверстие под деревянной сценой, и маленькие фигурки приходили в движение, размахивая руками; еще одна кукла поднималась на помост и опускала голову на красную доску между столбами; фигура в блестящей ярко-красной одежде поднимала руку, как будто приводя блок в движение, и острый нож отрубал бедной кукле голову, которая падала в стоявшую рядом корзину, а обезглавленная кукла катилась прочь с доски и исчезала из виду, вероятно, для приготовления к новому такому же представлению. Страшное зрелище вызывало невольную дрожь, и внутри палатки постоянно царила какая-то благоговейная тишина. Сама палатка стояла поодаль от других, так что до нее не доходил веселый шум из прочих балаганов. На ее стенах по черному фону было выведено огромными красными буквами: «Жертвуйте голодным парижским беднякам!».

По временам в палатке появлялась дама в сером платье с черными полосками, с вышитым ридикюлем, который она протягивала, однообразно повторяя: «Для голодных парижских бедняков!» У нее были красивые темные глаза, чуть-чуть приподнятые к вискам, что придавало ее лицу не очень приятное выражение. Тем не менее эти глаза производили впечатление, и мужчины невольно опускали руку в карман, чтобы положить в ридикюль посильную лепту. Судя по ее произношению, все решили, что она француженка и, вероятно, собирает для своих бедных сестер. Через определенные промежутки времени весь механизм страшной гильотины отодвигался в угол, и дама в сером выходила на подмостки и пела странные маленькие песенки на никому не понятном языке. Слов песен никто не понимал, но они производили грустное впечатление и так угнетающе действовали на почтенных ричмондцев, приходивших повеселиться с женами или возлюбленными, что они с облегчением выходили из палатки на солнечный свет и с удовольствием слушали опять оживленный говор кругом.

Было около трех часов, когда начала съезжаться местная аристократия. Из первых явился лорд Энтони Дьюхерст, не пропускавший ни одной миловидной де-

вушки без того, чтобы ласково не потрепать ее по подбородку к неудовольствию ее спутника. Беспрестанно слышался французский разговор, так как из Франции наехало много герцогов и графов с семьями, покинувших родину из боязни погибнуть на эшафоте. Ричмонд был ими полон, так как многие воспользовались радушным приглашением погостить в роскошном доме сэра Перси и леди Блейкни.

Сэр Эндрю Фукс приехал со своей молодой женой, изящной, хорошенькой, напоминавшей фарфоровую куколку, в модном платье с короткой талией. В устремленных на мужа больших карих глазах всякий мог прочесть искреннее восхищение.

— Не удивительно, что она его до безумия любит, — сказала миловидная мисс Полли, буфетчица из соседней таверны, сделав миледи почтительный реверанс, — он ведь спас ее от безбожных французских убийц, привез в Англию и сделал все это один, без всякой помощи, только из любви к ней; по крайней мере, все так говорят. Вы также слышали все это, мистер Томас?

— Ну, вы прекрасно знаете, мисс Полли, что не он все это проделал, — отозвался ее кавалер, добродушное лицо которого вспыхнуло гневом от ее насмешливого взгляда. — Сэр Эндрю Фукс прекрасный джентльмен — в этом я готов поклясться на Библии! — но борется-то с проклятыми пожирателями лягушек не он, а тот, кого зовут Красным Цветком, самый храбрый джентльмен во всем мире! Говорят только, будто этот Красный Цветок так безобразен, что никому не решается показаться, — быстро добавил мистер Томас, заметив в глазах мисс Полли восхищение, которое, к сожалению, не мог принять на свой собственный счет. — Говорят, это такое воронье пугало, что ни один француз не может дважды посмотреть на него; они скорей согласны выпустить его из своей страны, чем еще раз увидеть.

— Какие глупости! — воскликнула мисс Полли, презрительно пожав плечами. — Если же это правда, так отчего бы вам не поехать во Францию на помощь Красному Цветку? Бьюсь об заклад, что ни один француз не захочет во второй раз взглянуть на вас.

Эта грубая шутка вызвала взрыв смеха у окружающих, между которыми было немало вздыхателей по тем двумстам фунтам, которые мисс Полли получила в наследство от бабушки; но, увидев огорченное лицо своего

преданного кавалера, добродушная девушка поспешила утешить его.

— Ну, мистер Томас, — воскликнула она, — вы должны согласиться, что про Красный Цветок говорят глупости, которым нельзя верить! Ведь есть же люди, постоянно с ним встречающиеся. Мне говорила Люси, горничная миледи, что две недели назад к ним приехали из Франции молоденькая барышня и джентльмен, которого зовут мосье Дерулед. Оба они говорили с Красным Цветком, и он же привез их из Франции. Отчего же они не расскажут, кто он такой?

— Может быть, его вовсе нет на свете, — вмешался старый Клеттербек, причетник из соседней церкви.

— Как нет? Что вы хотите этим сказать? — раздались голоса.

— Я хочу сказать, что мы должны спрашивать не «кто есть Красный Цветок», а «кто был Красным Цветком». Мне достоверно известно, что после последнего его подвига он был схвачен французами, и, выражаясь словами поэта, о нем больше никто не слыхал.

— Вы думаете, что эти ужасные французы убили его, мистер Клеттербек? — грустно спросила мисс Полли.

Клеттербек только собрался было сделать новую ссылку на таинственного поэта, как невдалеке раздался чей-то громкий, продолжительный смех, далеко разнесшийся по всему берегу. Все невольно оглянулись в ту сторону. В центре нарядной толпы, на полголовы выше окружающих, стоял сэр Перси, спокойно разглядывая голубыми глазами теснившуюся около него пеструю публику.

— Вот настоящий мужчина! — слышалось в толпе.

— А вот и миледи! — шепнула одна из молодых девушек. — Господи, как она сегодня хороша!

Сияя красотой, молодостью и счастьем, Маргарита Блейкни шла по зеленой лужайке, направляясь к тому месту, где играла музыка. На ней было платье из блестящей зеленой ткани с короткой талией, придававшее особенное изящество ее грациозной фигуре. Большая бархатная шляпа одного цвета с платьем мягко оттеняла нежное лицо. На руках были длинные кружевные перчатки, а на плечах — небрежно наброшенный прозрачный шарф, вышитый по краям золотом. В эту минуту она оживленно разговаривала с шедшей рядом с ней девушкой.

— Не бойтесь, мы сейчас найдем вашего Поля! — го-

ворила она, весело смеясь. — Боже мой, вы забываете, дитя мое, что он теперь в Англии и не может бесследно исчезнуть среди белого дня!

Молодая девушка вздрогнула и слегла побледнела. Маргарита дружески пожала ей руку. Жюльетта де Марни только что приехала в Англию, едва спасшись от гильотины, и с трудом верила, что ей и любимому не грозит никакая опасность.

— А вот и мосье Дерулед, — произнесла Маргарита, дав своей спутнице время оправиться. — Видите, он вместе с друзьями.

Вскоре к ним присоединилась группа молодых людей, среди которых был и сэр Эндрю с леди Фукс, и Поль Дерулед, и стройный, широкоплечий, в безукоризненном костюме с драгоценными кружевами сам неподражаемый сэр Перси Блейкни.

Внешне сэр Перси мало изменился с тех пор, как его молодая жена поражала лондонское общество остроумием и красотой, а он вместе с многочисленными ее поклонниками только способствовал тому, чтобы еще более подчеркивать все ее обаяние. Однако близкие его друзья знали, что теперь его сердце было полно нежной и страстной любви, не остававшейся в настоящее время без ответа.

— По правде сказать, это просто чудовищно! Светская женщина, обожающая своего мужа! — говорили насмешники.

Действительно, в противоположность прежним привычкам, Маргарита редко показывалась теперь где-нибудь без своего мужа, а на одном балу — о ужас! — даже протанцевала с ним гавот.

Присутствие Блейкни на ричмондском празднике было для всех сюрпризом: все были уверены, что он уехал в Шотландию на рыбную ловлю или охотится в Йоркшире. Он и сам отлично понимал, насколько неожиданно было его появление на этом празднике, и пока он, раскланиваясь направо и налево, направлялся к тому месту, где стояла его жена с Жюльеттой де Марни, на его добродушном лице появилось какое-то сконфуженное выражение, словно он извинялся за свое присутствие, а губы сложились в детски-застенчивую улыбку.

— Посмотрите, сэр Перси, — со счастливой улыбкой сказала Маргарита, — какая оживленная толпа! Я давно не видела такого веселья. Если бы не тяжелые вздохи и

волнения бедной маленькой Жюльетты, я могла бы вполне наслаждаться сегодняшним днем, одним из самых приятных в моей жизни, — и она ласково погладила Жюльетту по руке.

— Не конфузьте меня перед сэром Перси! — прошептала молодая девушка, застенчиво глядя на стоявшего перед ней изящного светского щеголя, в котором она тщетно старалась узнать энергичного смельчака, выхватившего ее с женихом из повозки, которая везла их на казнь. — Я знаю, что у меня нет причин печалиться, — продолжала Жюльетта со слабой попыткой улыбнуться, — я должна все забыть, кроме того, чем я обязана...

Ее прервал беззаботный смех сэра Перси.

— Боже мой! А сколько есть вещей, которые я не должен забывать! — воскликнул он. — Вот Тони требовал замороженного пунша, и я обещал ему найти палатку, где продавали бы этот благородный напиток. А через полчаса сюда прибудет его королевское высочество, и с тех пор, мадемуазель Жюльетта, мне придется адски страдать, уверяю вас, так как наследник британского престола всегда испытывает жажду, когда мне не хочется больше пить, а это в тысячу раз хуже мук Тантала! И наоборот, он уже чувствует полное удовлетворение, когда мое пересохшее горло жаждет освежения. В обоих случаях я, безусловно, достоин сожаления.

— Во всяком случае, вы говорите нелепости, сэр Перси, — весело перебила его жена.

— Чего же другого может миледи ожидать от меня в такую жаркую погоду?

— Пойдемте смотреть балаганы, — предложила Маргарита. — Я горю нетерпением увидеть толстую женщину и тощего мужчину, карликов и гигантов. Мосье Дерулед, — обратилась она к подошедшему молодому французу, — проводите Жюльетту туда, где играют на клавесине. Бьюсь об заклад, что она устала от моего общества.

Влюбленные охотно воспользовались этим предложением.

— Когда ты вернулся, Перси? — спросила Маргарита. оставшись наедине с мужем.

— Сегодня рано утром, дорогая.

— Отчего ты не предупредил меня?

— Я не мог сделать этого, любовь моя. Ты не можешь себе представить, в каком виде я явился в наш городской дом. Не мог же я показаться тебе, не смыв с се-

бя французской грязи! Затем меня потребовал к себе его высочество, желавший узнать последние новости о герцоге де Верней, которого я имел честь сопровождать сюда из Франции. Пока я рассказал ему обо всем, чем он интересовался, прошло столько времени, что я уже не мог застать тебя дома. Тогда я подумал, что встречу тебя здесь.

Маргарита молчала, только ее маленькая ножка нетерпеливо постукивала по земле да тонкие пальчики нервно перебирали золотую бахрому, окаймлявшую шарф. С ее лица исчезло счастливое выражение, а между бровей появилась глубокая складка. Она вздохнула и бросила быстрый взгляд на мужа. Он посмотрел на нее сверху вниз со своей добродушной, немного насмешливой улыбкой, и лицо молодой женщины еще сильнее нахмурилось.

— Перси, все эти тревоги невыносимо тяжелы, — резко произнесла она. — В этом месяце ты два раза ездил во Францию, рискуя своей жизнью с такой легкостью, как будто она вовсе не принадлежит мне. Когда наконец покончишь ты с этими безумными предприятиями, предоставив людям самим бороться за себя и защищать свою жизнь, как каждый из них сумеет?

Она говорила со все возрастающим волнением, но не повышая голоса: при всей своей душевной тревоге она все время думала, как бы не выдать тайны мужа. Он не сразу ответил, внимательно вглядываясь в ее прекрасное лицо, на котором ясно отражалось глубокое сердечное страдание. Потом он отвернулся, устремив взор на стоявшую в стороне от других палатку с вывеской: «Войдите взглянуть на точную копию гильотины!». Перед палаткой мужчина в поношенных штанах и в украшенной трехцветной кокардой фригийской шапке громко бил в барабан, выкрикивая:

— Войдите посмотреть! Единственное точное воспроизведение гильотины! Каждый день в Париже гибнут тысячи! Войдите посмотреть, что теперь ежечасно происходит в Париже!

Следя за направлением взглядов своего мужа, Маргарита увидела палатку, привлекшую его внимание, услышала монотонное зазывание человека с барабаном, невольно содрогнулась и с мольбой взглянула на мужа. Его лицо сохраняло обычное спокойствие, только около рта залегла морщинка, да красивая рука, настоящая рука аристократа, привыкшая метать карты и изящно париро-

вать удары шпаги, невольно сжалась в кулак. Все это продолжалось одно мгновение. Через минуту он уже снова овладел собой, суровое выражение исчезло с его лица, он с изысканным поклоном поднес к губам хорошенькую ручку жены и произнес, отвечая на предложенный ею вопрос:

— Тогда, когда ваша светлость не будет больше самой очаровательной женщиной в Европе и когда я буду в могиле.

IV

Супругам Блейкни не пришлось больше разговаривать, так как в это время к ним подошли друзья, и Маргарита, постоянно бывшая настороже, не подала и вида, что у нее с мужем только что был серьезный разговор. Строже всех членов лиги хранила она тайну своего мужа, благородной деятельностью которого страстно гордилась. Она знала, что в сердце Перси Блейкни у нее есть могущественная соперница — его страстная, безумная любовь к опасным приключениям, ради которой он готов был всем пожертвовать, даже собственной жизнью. И она не решалась задать себе вопрос: пожертвовал ли бы он и ее любовью?

Провожая его во Францию, она никогда не знала, увидит ли его снова. Было непонятно, каким образом ему до сих пор удавалось ускользать от ненавидящего его французского Комитета общественной безопасности. Однако она никогда не пыталась отговаривать его от опасных поездок. Когда он привез из Франции Поля Деруледа и Жюльетту де Марни, Маргарита сразу почувствовала нежность к обоим молодым людям, ради которых он рисковал жизнью.

Теперь она инстинктивно направилась к палатке, привлекшей внимание сэра Перси, а вслед за ней туда же двинулись и все окружающие, кроме ее мужа, остановившегося поговорить с недавно приехавшим лордом Гастингсом.

— Я уверен, леди Блейкни, что вы не захотите поощрять подобные жестокие зрелища, — сказал лорд Энтони Дьюхерст, видя, что Маргарита приостановилась, не доходя палатки.

— Право, не знаю, — ответила она с деланным смехом. — Да самого зрелища мне и не надо, — многозначительно прибавила она, указывая на надпись при входе: «В пользу голодных парижских бедных».

— Там поет хорошенькая женщина и заводится отвратительная механическая игрушка, — вмешался один из сопровождавших Маргариту молодых людей. — Я попал туда в наказание за грехи и поспешил как можно скорей выбраться оттуда.

— Вероятно, меня туда манят также мои грехи, — весело сказала Маргарита. — Я хочу послушать пение хорошенькой женщины, даже если отвратительная игрушка и не будет заведена.

— Разрешите проводить вас туда, леди Блейкни? — спросил лорд Энтони.

— О, нет, я хочу пойти одна, — возразила она с легким нетерпением. — Пожалуйста, не обращайте внимания на мою маленькую прихоть и подождите меня там, где играет самая веселая музыка. — И, сделав легкий общий поклон, Маргарита быстро вошла в палатку.

У самого входа стоял человек в театральных лохмотьях и неизменной фригийской шапке, потряхивая небольшой копилкой.

— Для голодных парижских бедняков, — монотонно затянул он, завидев богатое платье Маргариты; она мимоходом опустила в копилку немного золота.

Внутри казалось особенно темно и неуютно после яркого сияния жаркого сентябрьского дня. По-видимому, представление только что окончилось, механизм был остановлен, и Маргарита подошла ближе к игрушке, чтобы лучше осмотреть ее. В эту минуту в противоположной стороне палатки появилась тоненькая молодая девушка в темном костюме, в черном кружевном шарфе, небрежно наброшенном на голову, с большим вышитым ридикюлем в руках. Ее лицо показалось Маргарите знакомым. Появление девушки разогнало последних замешкавшихся посетителей, испугавшихся новых требований денег.

— Для парижских бедных, мадам, — равнодушно произнесла девушка, протягивая свой ридикюль.

Маргарита старалась припомнить, где видела ее. Девушка была миловидна, а печальное выражение темных миндалевидных глаз было рассчитано на возбуждение участия и сострадания. Какое-то инстинктивное чувство говорило леди Блейкни, что следует остерегаться этой де-

вушки, что ее печаль неискренняя, что призыв помочь бедным шел не от чистого сердца. Тем не менее она положила несколько соверенов в объемистый ридикюль.

— Надеюсь, вы довольны сегодняшним днем, — ласково сказала она. — Боюсь, что в настоящее время английский народ не очень охотно развязывает свои кошельки.

— О, мадам, — со вздохом сказала девушка, — всякий делает, что может, хотя, конечно, очень трудно вызвать здесь симпатии к нашим дорогим беднякам.

— Вы, конечно, француженка? — спросила Маргарита.

— Как и сама леди Блейкни, — был ответ.

— Почему вы меня знаете?

— Разве можно быть в Ричмонде и не знать леди Блейкни?

— Но почему вы для своих благотворительных целей приехали в Ричмонд?

— Я поеду всюду, где смогу что-нибудь заработать для своей заветной цели, — по-прежнему грустно ответила девушка.

Ее слова дышали благородством и бескорыстным участием к обездоленным соотечественникам, но, несмотря на это, Маргарита никак не могла отделаться от какого-то необъяснимого к ней недоверия.

— Это в высшей степени похвально с вашей стороны, мадемуазель, — сказала она, стараясь быть любезной. — Мадемуазель?.. — вопросительно прибавила она.

— Мое имя Канталь, Дезире Канталь...

— Канталь? — с живостью воскликнула Маргарита. — Из...

— Из театра «Варьете».

— Теперь я понимаю, почему ваше лицо показалось мне знакомым, — сказала Маргарита. — В былое время я не раз аплодировала вам. Ведь мы с вами — товарки. Мое прежнее имя — Сен-Жюст, и до брака я играла в «Доме Мольера».

— Я знаю, — ответила Канталь, — но не ожидала, что вы меня вспомните. Это было так давно!

— Всего четыре года тому назад.

— Упавшую звезду скоро теряют из виду.

— Почему же упавшую?

— Мне пришлось выбирать между изгнанием из Франции и гильотиной, — просто ответила Канталь.

— Неужели? — с искренним участием воскликнула Маргарита, взяв за руку девушку и стараясь отогнать не покидавшее ее чувство недоверия к соотечественнице. — Как же это случилось?

— Зачем печалить вас рассказом о моих несчастьях? — произнесла Канталь после небольшой паузы, делая вид, что старается побороть волнение. — К тому же история неинтересна. Сотни страдали подобно мне. Я никогда никому не делала зла, но, по-видимому, у меня в Париже нашлись враги. Был сделан донос, потом следствие... меня обвинили. Затем бегство из Парижа, фальшивый паспорт, переодевание, подкупы, грязные тайные убежища. Через что только мне не пришлось пройти! Если бы я была какая-нибудь герцогиня или обедневшая графиня, то моей судьбой могли бы заинтересоваться английские кавалеры, которых в народе называют рыцарями Красного Цветка. Но я — только бедная актриса, вот мне и пришлось самой хлопотать о том, как выбраться из Франции, если я не хотела погибнуть от гильотины.

— Расскажите мне, как вы устроились в Англии? — спросила Маргарита, когда девушка замолчала, словно погруженная в тяжелые думы.

— Сначала я играла в «Ковент-Гарден», но это продолжалось недолго. Потом я не могла найти никаких занятий. У меня были кое-какие драгоценности, я продала их и на это пока живу. Раньше, когда я была в «Ковент-Гарден», мне удавалось посылать немного денег в Париж для тех несчастных, голодных бедняков, которых эгоистичные демагоги вводят в заблуждение и совращают на ложный путь. Мне больно, что я ничем не могу помочь им, и только отчасти я нахожу утешение тогда, когда удается заработать своими песенками несколько франков, чтобы послать их тем, кто еще беднее меня.

Канталь говорила со все возраставшим волнением. Задумавшись о тех заблудших и несчастных, о которых говорила эта артистка, Маргарита не заметила, сколько деланного и театрального было в ее словах. Сама честная и правдивая от природы, она и в других редко замечала фальшь или лицемерие. Маргарита с горечью упрекала себя за свое недоверие к этой благородной девушке, страдавшей от несправедливого преследования и простившей своим преследователям.

— Мадемуазель, — горячо заговорила она, — я ведь также француженка, и вы совсем пристыдили меня жерт-

вами, которые приносите людям, имеющим безусловное право на мое сочувствие. Верьте, если я не сделала всего, что обязана была сделать для своих голодающих соотечественников, то это происходило не от недостатка доброй воли. Скажите, чем я могу быть вам полезной, кроме денежной помощи?

— Вы очень добры, леди Блейкни... — нерешительно начала Канталь.

— В чем дело? Говорите! Я вижу, что вы уже что-то придумали.

— Не знаю, как это сказать. Говорят, у меня хороший голос. Я знаю несколько французских песенок, которые в Англии будут новинкой. Если бы я могла спеть их в каких-нибудь аристократических гостиных, то, может быть...

— Вы будете петь в аристократических гостиных, — с живостью прервала ее Маргарита. — Вы войдете в моду, и я уверена, что принц Уэльский пригласит вас петь в «Карлтонхаузе». Да-да, и вы соберете целое состояние для парижских бедняков! В подтверждение моих слов вы завтра же вечером вступите на этот победоносный путь в моем собственном доме и в присутствии его королевского высочества споете самые хорошенькие из своих песенок, а в награждение вы должны принять сто гиней, которые пошлете самому бедному клубу рабочих в Париже от имени сэра Перси и леди Блейкни.

— Я горячо благодарю вашу светлость, но... я еще молода, — нерешительно начала Канталь, — я — беззащитная артистка...

— Понимаю, — ласково сказала Маргарита, — вы такая хорошенькая, что вам неудобно появляться в обществе одной, без матери или без сестры, например, не так ли?

— У меня нет ни матери, ни сестры, — с заметной горечью произнесла Канталь, — но наше революционное правительство, желая выказать запоздалое сочувствие тем, кто был безжалостно изгнан из Франции, отправило в Англию своего представителя для защиты интересов французских подданных.

— Так что же?

— В Париже теперь сделалось известно, что моя жизнь здесь посвящена благополучию французских бедняков, и теперешнему представителю нашего правительства поручено поддерживать и защищать меня в случае ка-

ких-либо недоразумений или оскорблений, которым нередко подвергается одинокая женщина даже со стороны так называемых джентльменов. Официальный представитель моей родины, конечно, является моим естественным покровителем. Вы согласны принять его?

— Разумеется!

— Значит, я могу представить его вашей светлости?

— Когда угодно.

— Благодарю. Да вот и он сам, к услугам вашей светлости.

Темные глаза Дезире Канталь были устремлены к главному входу, и когда Маргарита, следя за ее взором, медленно обернулась, любопытствуя узнать, кого ей придется завтра вечером принимать в своем салоне, в дверях палатки, ярко освещенной солнцем, в неизменном темном, почти траурном костюме стоял... Шовелен.

Маргарите понадобилась вся сила воли, чтобы не выдать ужаса, наполнившего ее душу при виде Шовелена. Сделав низкий почтительный поклон, он направился к ней с видом впавшего в немилость царедворца, вымаливающего у своей королевы аудиенцию. При его приближении она невольно отступила.

— Вы, может быть, предпочли бы не говорить со мной, леди Блейкни? — смиренно произнес он.

Маргарита едва верила своим глазам — до того поразительна была происшедшая в нем с прошлого года перемена: весь он как-то съежился, точно ссохся, а в ненапудренных волосах появилась заметная седина.

— Прикажете мне удалиться? — спросил Шовелен после короткого молчания, видя, что Маргарита не ответила на его поклон.

— Может быть, это было бы лучше, — холодно сказала она. — Нам с вами не о чем беседовать, мосье Шовелен.

— Совершенно верно, — спокойно подтвердил он. — Торжествующим счастливцам нечего сказать тому, кто потерпел унизительное поражение. Но я надеялся, что у леди Блейкни, сознающей свою победу, найдется слово сострадания и... прощения.

— Я не знала, что вам нужно от меня то или другое, мосье.

— Сострадания, пожалуй, не нужно, но прощение, конечно, необходимо!

— Если вы так желаете прощения, то я даю вам его.

— Так как меня постигла неудача, то вы должны были стараться забыть все старое.

— Это не в моей власти, но верьте, что я уже перестала думать о том безграничном зле, которое вы хотели мне сделать.

— Но ведь я промахнулся, да и, кроме того, вовсе не хотел вредить именно вам, — защищался Шовелен.

— Вы хотели сделать зло тем, кого я люблю!

— Я обязан всеми силами служить своей стране. Вашему брату я не хотел повредить — он теперь в Англии, в полной безопасности, а Красный Цветок для вас не имеет значения.

Маргарите хотелось на его лице прочесть тайный смысл его слов. Она инстинктивно чувствовала, что этот человек всегда был и будет ее врагом, но теперь он казался ей таким жалким, что презрение к нему и к его неудаче изгнало из ее сердца последний страх.

— Мне даже не удалось нанести ни малейшего вреда этому таинственному существу, — продолжал Шовелен с прежним самоуничижением. — Вы помните, что мои планы были расстроены сэром Перси; разумеется, совсем нечаянно. Я потерпел поражение там, где вы одержали победу. Наше правительство предложило мне скромный пост вне пределов Франции. Я слежу за интересами французских подданных, основавшихся в Англии. Дни моего могущества миновали... Я не жалуюсь на свою огромную неудачу, ведь мой противник был очень умен, но все же я в совершенной немилости. Вот и вся моя история, — заключил он, делая шаг вперед, — и вы поймете, что для меня было бы утешением, если бы именно теперь вы протянули мне руку, подав мне надежду, что женская мягкость побудит вас склониться к прощению и, может быть, к состраданию.

Маргарита колебалась. Инстинктивное чувство, побуждавшее ее сторониться Шовелена, как ядовитой змеи, было не страхом — она ненавидела его, всем сердцем ненавидела этого человека за все, что выстрадала по его милости. Но разве можно ненавидеть противную, но безвредную жабу или укусившую вас муху? Просто смешно соединять ненависть с понятием о жалком интригане, понесшем поражение.

Он продолжал стоять с протянутой рукой, и Маргарита знала, что если дотронется до этой руки хоть кончиками пальцев, он сочтет это за знак сострадания и про-

щения. Она вдруг почувствовала тупую злобу против Дезире Канталь, фальшивой, театральной, очевидно бывшей в заговоре с Шовеленом и подготовившей эту нежеланную встречу. Маргарита глядела по очереди на своих соотечественников, стараясь скрыть свое презрение под маской холодного равнодушия. Молодой артистке она обещала свое покровительство и пригласила ее в свой дом, теперь гордость не позволила бы ей отступить, поддавшись беспричинному страху. Что касается Шовелена, то она согласилась только принять его как официального покровителя беззащитной девушки, но это вовсе не обязывало ее быть любезной со смертельным врагом ее и ее мужа. Тем не менее она уже готова была протянуть ему руку, чтобы отделаться от него, в надежде, что ей недолго придется с ним встречаться, как вдруг до ее слуха долетел знакомый смех.

— Клянусь, этим воздухом можно отравиться! — протяжно говорил кто-то. — Умоляю вас, ваше высочество, удалимся от врат этого ада, где погибшие души чувствуют себя гораздо лучше, чем ваш покорный слуга.

В ту же минуту в сопровождении сэра Перси Блейкни в палатку вошел принц Уэльский.

V

Маргарита быстро взглянула на мужа. Он с добродушной улыбкой пожал плечами, глядя сверху вниз на съежившуюся фигуру француза. Слова, с которыми Маргарита намеревалась протянуть Шовелену руку, замерли на ее губах, и она молча ожидала, что скажут друг другу эти два человека. Это не помешало ей как женщине, привыкшей вращаться в свете, тотчас сделать низкий реверанс перед принцем, который на этот раз почти забыл свою обычную любезность, с любопытством следя за разыгравшейся перед его глазами сценой.

Из пяти лиц, находившихся в темной, душной палатке, сэр Перси казался наименее смущенным. Дождавшись, когда Шовелен дошел до высшей степени раздражения от чувства неловкости при неожиданной встрече, он, любезно улыбаясь, направился к бывшему уполномоченному французского правительства и с лукавой улыбкой произнес, протягивая Шовелену руку:

— О, мой любезный, предупредительный друг пожаловал к нам? Надеюсь, сэр, что ваше здоровье не страдает от нашего проклятого климата?

Этот веселый голос положил конец общей натянутости; у Маргариты вырвался вздох облегчения. Даже Шовелен, привыкший к всегдашнему хладнокровию своего врага, не мог скрыть изумления. Он низко поклонился его высочеству, который, искренне забавляясь выходкой своего любимца, готов был в эту минуту оказать благосклонность всякому, даже ненавистному представителю цареубийственного правительства. Кроме того, принц всегда был рад присутствовать при поражении врагов рыцаря Красного Цветка.

— Я уже давно не видел мосье Шовелена, — с явной иронией произнес принц. — Если не ошибаюсь, сэр, вы в прошлом году совершенно неожиданно покинули двор моего отца?

— Нет, ваше высочество, — весело вмешался сэр Перси, — нам с мосье... э... Шобертеном предстояло обсудить один серьезный вопрос, а это можно было сделать только во Франции... Не правда ли, мосье?

— Совершенно верно, сэр Перси, — коротко ответил Шовелен.

— Нам надо было разобрать вопрос об отвратительной похлебке в Кале, — продолжал Блейкни тем же шутливым тоном, — и о вине, походившем на уксус. Мосье... э-э... Шобертен... ах, нет, простите: Шовелен... да, мосье Шовелен вполне разделяет мои взгляды. Мы только немного разошлись во мнении относительно нюхательного табака. У мосье Шовелена вкус, если мне будет позволено так выразиться, очень в этом отношении испорчен, и он предпочитает табак с небольшой примесью перца. Не правда ли, мосье Шобертен?

— Шовелен, сэр Перси, — сухо поправил его бывший уполномоченный, твердо решившийся не терять хладнокровия.

Молча и не сводя взора с тонкого, проницательного лица Шовелена, наблюдала Маргарита за этой сценой, и ей вдруг стало ясно, что все это было заранее подстроено: и палатка с бросавшейся в глаза вывеской, и мадемуазель Канталь, ищущая покровительства и получившая приглашение в салон леди Блейкни, и внезапное появление Шовелена — все это было задумало и решено во Франции, в мрачном собрании кровожадных злодеев,

придумавших последнюю ловушку для их смелого врага, рыцаря Красного Цветка. И сама она являлась только куклой, исполнившей предназначенную ей роль. Словно во сне слышала она, как принц осведомился об имени молодой артистки, собиравшей деньги для помощи парижским бедным, и совершенно машинально представила его высочеству свою соотечественницу.

— С разрешения вашего высочества, — сказала при этом Маргарита, — мадемуазель Канталь споет завтра на моем рауте некоторые из своих очаровательных старых французских песен.

— Конечно, конечно! — воскликнул принц. — Я в детстве знал несколько таких песенок. Они очаровательны и поэтичны!.. Знаю, знаю. Мы будем очень рады послушать пение мадемуазель... Блейкни, разве вы не пригласите на завтрашний раут мосье Шовелена?

— Ну, это само собой разумеется, ваше высочество, — приветливо отозвался сэр Перси, обращаясь к своему смертельному врагу с самым изысканным поклоном. — Мы будем ожидать мосье Шовелена. Мы так давно с ним не виделись, и в доме Блейкни он будет желанным гостем.

...Но кем же именно была Дезире Канталь, кандидатка на роль богини Разума?

Ее мать была судомойкой в доме герцога де Марни, но, несмотря на это, Дезире получила кое-какое воспитание и, начав карьеру в качестве горничной при уборных артисток в маленьком парижском театре, вскоре сделалась одной из самых популярных звезд театрального небосклона. Она была небольшого роста, смуглая, с изящными манерами, гибкая и грациозная, с крошечными руками и ногами; она никогда не пудрила своих блестящих волос, из которых умела создавать красивые прически, необыкновенно шедшие ей. Женщины не считали ее красивой, находя, что у нее грубая кожа, губы слишком красны, а глаза чересчур близко расположены друг к другу, но среди мужчин она пользовалась огромным успехом.

Однажды ей захотелось поехать в Лондон и показать «этим торгашам» — англичанам, какое тонкое удовольствие можно получить в театре, так как она была уверена, что этот тупой народ не имел никакого понятия о настоящей артистической игре. Получить разрешение на выезд из Парижа оказалось очень легко, да и прекрасная Дези-

ре всегда добивалась, чего хотела. Кроме того, у нее в то время было много добрых друзей в высших сферах: Марат слыл большим любителем театра, Тальен состоял в числе личных поклонников Дезире, а депутат Дюпон делал все, что она хотела. Она намерена была играть пьесы Мольера на французском языке в театре «Друри-Лейн», для чего подговорила нескольких товарищей ехать с ней в Англию. Она сильно рассчитывала на поддержку некоторых лондонских клубов с революционным направлением, будучи уверена, что их члены не откажутся содействовать сбору в пользу голодающего населения Франции. Вспоминая о Маргарите Сен-Жюст, пленившей сердце богатого английского лорда, мадемуазель Канталь не прочь была и сама привести к своим ногам какого-нибудь лорда, который осыпал бы ее золотом с ног до головы.

Лондон не оправдал ее ожиданий. Сначала ее маленькая труппа получила приглашение сыграть несколько классических французских пьес в одном из второстепенных театров, но лояльные англичане были слишком возмущены происходившим в то время во Франции, чтобы увлечься талантами Дезире Канталь, а жившие в Англии французы оказывали своим соотечественникам лишь крайне скудную помощь. Аристократы-эмигранты были очень невысокого мнения об актрисе, находившейся в дружбе с якобинцами, игнорировали ее присутствие в Англии и при всяком случае бранили ее. Остальные ее соотечественники принадлежали к агентам и шпионам революционного правительства, и этих она сама охотно игнорировала бы. Они так злоупотребляли кошельком и временем Дезире, что она сама старалась отдалиться от них; ей была неприятна мысль, что ее могут смешивать с членами кружков, не пользовавшихся благосклонностью в глазах «золотой молодежи», которой она так желала понравиться. На родине Дезире была искренней республиканкой, но в Лондоне было неудобно вести знакомство с теми самыми авторами политических памфлетов, которые являлись главными организаторами мятежных сборищ и недозволенных союзов, причинявших столько тревог и беспокойств мистеру Питту и его коллегам.

Мало-помалу все товарищи Дезире по сцене возвратились на родину, но она осталась в Англии, так как старые парижские друзья предупредили, что ее возвращение во Францию нежелательно. Это была месть со стороны беспринципных санкюлотов, агентов и шпионов револю-

ционного правительства, которых часто без всякого стеснения бранила молодая девушка. Тогда Дезире попыталась снова завязать дружеские отношения с якобинцами, но ее близость с существовавшими в Лондоне мятежными клубами скоро сделалась известна в официальных кругах, и в один из вечеров она получила от британского правительства предложение покинуть Англию в течение недели, в противном случае ей грозили тюремное заключение и даже ссылка.

Это случилось за три дня до ричмондского праздника и через сутки после прибытия Шовелена в Англию. Результатом его встречи с Канталь в «Клубе французских якобинцев» было приглашение обоих на раут леди Блейкни.

Дезире уже окончила свой туалет, собираясь на раут, как вдруг ей принесли в фаянсовом футляре чудное бриллиантовое ожерелье с запиской от Шовелена:

«Гражданку Канталь просят любезно принять этот подарок от французского правительства в вознаграждение за ее услуги — прежние и будущие».

Тщеславие актрисы было вполне удовлетворено. Сколько раз видела она эти чудные камни на шее герцогини де Марни, у которой служила ее мать! А сегодня дочь аристократки увидит заветное ожерелье на шее Дезире Канталь, для которой вечер будет настоящим триумфом.

Раздался стук в наружную дверь.

— Это мосье Шовелен приехал за мной, — сказала Дезире. — Крепко ли застегнуто ожерелье, Селина?

— Крепко, мадемуазель, — ответила горничная. — О, как вы сегодня красивы!

— Леди Блейкни также очень красива, Селина, — самодовольно произнесла Дезире, — только вряд ли у нее найдется такое ожерелье.

VI

В великосветских хрониках того времени сохранились рассказы о великолепном рауте, данном в тот достопамятный вечер у Блейкни. На нем присутствовало все лондонское высшее общество с принцем Уэльским во главе.

После неожиданной встречи с Шовеленом Маргарита не могла отделаться от тяжелого предчувствия; ей казалось, что ее мужу грозит серьезная опасность. Она даже попыталась предостеречь Перси против Шовелена, но это ни к чему не привело. Она даже не добилась от него обещания не участвовать в ближайшей поездке во Францию.

— Я знаю, как ты страдаешь и тревожишься, дорогая, — сказал сэр Перси, — но могу лишь стараться как можно скорей покончить все дело и вернуться домой. Я не могу отрывать Фукса от молодой жены, а Тони и все прочие так ужасно медлительны во всем!

Таким образом, Маргарита осталась в прежней тревоге, которая не уменьшилась даже от забот, вызванных раутом.

— Ваши гости уже начали съезжаться, леди Блейкни, — сказала Жюльетта, входя в комнату.

— Вы сегодня очаровательны, мадемуазель, — произнесла Маргарита, любуясь девушкой. — Не правда ли, сэр Перси?

— Благодаря вашей доброте, — ответила Жюльетта с отголоском печали в голосе. — Как мне было бы приятно надеть сегодня драгоценности, которыми гордилась моя дорогая мать!

— Будем надеяться, что они когда-нибудь опять вернутся к вам, моя милочка, — ответила Маргарита, направляясь с молодой девушкой в приемные залы.

— Надеюсь, — со вздохом произнесла Жюльетта. — Когда во Франции начались смуты, аббат Фуке, духовник и верный друг моего покойного отца, взялся сберечь для меня все драгоценности моей матери, считая, что им всего безопасней быть вместе с церковными принадлежностями в ризнице его маленькой церкви в Булони. Он думает, что никто не решится на святотатство и что никому и в голову не придет искать в его ризнице бриллианты герцогов де Марни... Милый мой аббат! Он готов был отдать жизнь за нас с отцом, и я знаю, что он не расстанется с моими драгоценностями, пока будет иметь силы защищать их.

Разговаривая, дамы дошли до длинного ряда пышно убранных комнат. Маргарита, попросив Жюльетту остаться в бальном зале, вышла для приема гостей на площадку лестницы и тут встречала каждого приветливым словом.

Обширные покои быстро наполнялись избранным обществом. С минуты на минуту ожидали появления его королевского высочества, который собирался прибыть в лодке по реке, прямо из «Карлтонхауза». Всюду слышался веселый говор; струнный оркестр уже наигрывал прелюдию к гавоту. В эту минуту стоявший внизу лестницы ливрейный лакей громогласно объявил:

— Мадемуазель Дезире Канталь и мосье Шовелен!

У Маргариты сильно забилось сердце при виде Шовелена, медленно поднимавшегося по широкой лестнице, между двумя рядами кавалеров и дам в блестящих костюмах, с любопытством оглядывавших бывшего посланника революционной Франции. На площадке Канталь остановилась, чтобы сделать изящный реверанс перед хозяйкой дома. В пышном бальном платье, с маленькой веточкой из золотых листьев в волосах и с чудным бриллиантовым ожерельем на точеной шейке она была прелестна.

Гости все пребывали. Появился и принц Уэльский. Вскоре раут стал очень оживленным. Наконец время приблизилось к полуночи. Танцы еще продолжались, но многие из гостей разбрелись по саду, ища прохлады. Говорили, что какая-то новая восхитительная французская артистка будет петь очаровательные песни, которых в Англии еще никто не слыхал. В роскошно освещенном концертном зале были расставлены кресла для слушателей. В сопровождении Жюльетты Маргарита, покинув на минуту высоких гостей, пошла искать Дезире, чтобы просить ее начать импровизированный концерт. Артистка оказалась в маленьком будуаре и немедленно поднялась навстречу дамам.

— Я готова начать, когда вы пожелаете, — любезно сказала она, — и уже составила маленькую программу. С каких песен начинать — с веселых или сентиментальных?

Но прежде чем Маргарита успела произнести слово, Жюльетта в волнении шепнула ей:

— Кто эта женщина?

Жюльетта была страшно бледна, а ее большие глаза с нескрываемым гневом смотрели на артистку.

— Это мадемуазель Канталь, милочка, — ответила удивленная Маргарита, — мадемуазель Дезире Канталь, которая сейчас пропоет нам наши милые французские песенки.

Вспоминая свои предчувствия, Маргарита сразу насторожилась и старалась успокоить Жюльетту, но молодая девушка не слушала ее. Под наглым, торжествующим взором Дезире она совершенно потеряла самообладание.

— В самом деле? — гневно сказала она. — Вы полагаете, что это Дезире Канталь? Вы ошибаетесь, леди Блейкни. Это — наша бывшая судомойка, бесстыдно щеголяющая в бриллиантах моей матери, которые она, может быть, украла...

— Жюльетта, умоляю вас, успокойтесь, — промолвила Маргарита. — Овладейте собой! Мадемуазель Канталь, прошу вас удалиться.

Но, помня строгие наставления Шовелена, Дезире не намеревалась покидать поле сражения. В ней громко заговорила ненависть к богатым классам, ярко характеризовавшая революционную Францию. В эту минуту она забыла все на свете, кроме того, что ей еще раз было нанесено оскорбление одной из представительниц той самой обнищавшей аристократии, которая совершенно отравила ей пребывание в Лондоне.

— Скажите на милость! — рассмеялась она, глядя на Жюльетту, которая от гневных слез не могла говорить. — Посмотрите на эту дрянь!

— Спросите у нее, как попали к ней эти бриллианты, — сквозь слезы проговорила наконец Жюльетта, обращаясь к леди Блейкни. — Помните, я вам рассказывала, что их спрятал аббат Фуке? Он никому не отдал бы их!

Голос молодой девушки прерывался от рыданий. Маргарита употребляла все усилия, чтобы увести ее из комнаты и положить этим конец неприятной сцене. Она готова была рассердиться на Жюльетту за ее детскую вспышку, если бы в глубине души у нее не таилось твердое убеждение, что вся эта сцена была подстроена заранее опытным интриганом. Поэтому она даже не удивилась, увидев Шовелена в дверях, через которые она намеревалась увести Жюльетту. Проникнуть в его планы она не могла, но в его маленьких хитрых глазках прочла торжество.

Его присутствие придало Дезире еще больше смелости.

— Вашего старого попа заставили расстаться с его добычей, — сказала она, презрительно пожимая обнажен-

ными плечиками. — Вся Франция голодала в последние годы, и отечески заботящееся о народе правительство брало везде, где могло что-нибудь взять, чтобы награждать тех, кто ему хорошо служит, а бесстыжие изменники умели только жадно прятать все то, на что можно было купить хлеба и мяса для голодных бедняков.

Жюльетта при этом оскорблении могла только простонать.

— Я вынуждена напомнить вам, мадемуазель, — внушительно заговорила Маргарита, — что мадемуазель де Марни — мой друг и что вы — гостья в моем доме.

— Я и стараюсь не забывать этого, — отпарировала Канталь, — но, сказать по правде, и у святого лопнуло бы терпение от наглости этой нищей дряни, которую еще недавно привлекли к суду за безнравственное поведение.

Наступило минутное молчание, и Маргарита явственно расслышала вырвавшийся у Шовелена вздох облегчения.

Вдруг до ушей участников этой сцены долетел приятный смех, и в будуар вошел сэр Перси, как всегда в пышном безукоризненном костюме, и с грациозным поклоном приблизился к Дезире.

— Позвольте мне иметь честь проводить вас до вашей кареты, — сказал он, с изысканной вежливостью предлагая ей руку.

Сзади него в дверях стоял принц Уэльский, по-видимому, беспечно болтавший с Фуксом и Дьюхерстом, но на их присутствие никто из бывших в будуаре не обратил внимания.

— Значит, я должна переносить оскорбления в доме, в который меня пригласили как гостью? — с притворным спокойствием заговорила Канталь. — И мне, чужой в этой стране, приходится убедиться, что между всеми этими блестящими английскими джентльменами нет ни одного честного человека! Мосье Шовелен, наша прекрасная родина, кажется, поручила вам оберегать ваших беззащитных соотечественников, и я ради чести Франции прошу вас отплатить за нанесенные мне сегодня оскорбления.

В комнате на минуту воцарилось молчание.

— Я вполне в вашем распоряжении, гражданка, — напыщенно обратился к ней Шовелен, — однако в данном случае совершенно бессилен, ведь вам было нанесено

грубое оскорбление представительницей вашего собственного прекрасного, но... безответственного пола.

До сих пор сэр Перси все еще стоял, вежливо склонившись перед Канталь, теперь он сразу выпрямился во весь свой богатырский рост.

— Как, опять мой предупредительно любезный друг из Кале? — весело произнес он. — Нам, кажется, суждено всегда любезно рассуждать о приятных предметах. Угодно стакан пунша, мосье... э... Шовелен?

— Я должен просить вас, сэр Перси, отнестись к делу с соответствующей серьезностью, — строго произнес Шовелен.

— Серьезность всегда неуместна, сэр, — сказал Блейкни, вежливо подавляя зевоту, — особенно в присутствии дам.

— Могу ли я из этого заключить, сэр Перси, — настаивал Шовелен, — что вы намерены извиниться перед мадемуазель Канталь за то, что леди Блейкни оскорбила ее?

— Видели ли вы, сэр, последний фасон галстуков? — с добродушнейшей улыбкой спросил сэр Перси, пряча красивые руки в широкие карманы белого атласного костюма. — Я хотел бы обратить ваше внимание...

— Сэр Перси, — твердо сказал Шовелен, — если вы не желаете принести мадемуазель Канталь извинение, которого она вправе ожидать, то согласны ли вы, чтобы мы с вами скрестили шпаги, как два честных джентльмена?

— Это — еще вопрос, сэр, — медленно произнес Блейкни, глядя сверху вниз на маленького француза, — действительно ли мы будем представлять двух честных джентльменов, скрещивающих шпаги?

— Сэр Перси!..

— Что угодно, сэр?

— Разумеется, если один из нас окажется настолько трусом, что захочет уклониться от поединка...

Шовелен не докончил начатой фразы, презрительно пожав плечами.

— Остановитесь, любезный! — с нетерпением заговорил вдруг принц Уэльский, до сих пор не вмешивавшийся в разговор. — Вы говорите, не думая. Сэр Перси Блейкни — английский джентльмен, а законы этой страны воспрещают дуэль, и я, со своей стороны, не могу, конечно, позволить...

— Простите, ваше королевское высочество, — пере-

бил его сэр Перси с невозмутимым добродушием, — ваше высочество не уяснили себе положение вещей. Мой предупредительный друг вовсе не предполагает, что я стану нарушать английские законы, он думает, что я отправлюсь с ним во Францию, где разрешаются дуэли и... э... прочие подобные мелочи.

— Ну да, я понимаю желание мосье Шовелена, — согласился принц, — но каково ваше мнение, Блейкни?

— О, я, разумеется, принимаю вызов! — беззаботно ответил сэр Перси.

Трудно объяснить, почему за этими словами, сказанными так беззаботно, последовало гробовое молчание. Такие сцены были не редкостью в лондонских гостиных, и английские джентльмены не раз переплывали Ла-Манш для решения подобных недоразумений. На этот раз каждый из присутствовавших чувствовал, что здесь дело шло не об обыкновенной дуэли.

— Джентльмены! — раздался вдруг голос его высочества. — Мы забыли о дамах. Милорд Гастингс, исправьте, пожалуйста, эту непростительную оплошность. Ссоры между мужчинами не для нежных дамских ушей.

Маргарите хотелось крикнуть: «Не допускайте этой чудовищной дуэли! Красный Цветок, мужеству которого вы удивляетесь, которого так любите за его отвагу, стоит лицом к лицу со своим смертельным врагом, пришедшим сюда, чтобы погубить благородного друга несчастных!» Сэр Перси угадал, какая буря происходит в сердце его жены, и в его устремленном на нее взоре было столько любви и спокойной уверенности, что Маргарита невольно повиновалась ему и, взяв за руку Жюльетту и сделав низкий реверанс принцу вышла из комнаты. В дверях она еще раз оглянулась на мужа, и ее взгляд, казалось, говорил ему, что она не выдаст его тайны в час грозившей ему серьезной опасности, как не выдала ни разу в счастливые времена его успехов; затем она с улыбкой удалилась, пропустив вперед Дезире Канталь, сделавшуюся вдруг молчаливой и сосредоточенной.

— Черт возьми, мосье, — обратился принц к Шовелену, — мне кажется, мы присутствуем при шутке, которая ничем серьезным не кончится. Я не могу позволить моему другу Блейкни ехать по вашему желанию во Францию, куда ваше правительство не пускает подданных моего отца без специальных паспортов и без указания определенной цели.

— В этом отношении вам нечего за меня бояться, ваше высочество, — вмешался сэр Перси. — Если не ошибаюсь, в карманах мрачного одеяния моего предусмотрительного друга уже есть для меня готовый паспорт да и определенная цель налицо, черт побери! Не правда ли, сэр, — неожиданно обратился он к Шовелену, — в одном из ваших карманов уже есть предназначенный для меня паспорт, хотя имя еще не вписано?

Это было сказано так беспечно, что никто не понял истинного значения слов Блейкни. Один только Шовелен догадался, на что намекал ему сэр Перси: для баронета было ясно, что вся происшедшая сцена была подстроена, и все-таки он добровольно шел в ловушку, так заботливо приготовленную для него фанатиком-патриотом.

— Паспорт будет налицо в надлежащее время, — уклончиво ответил Шовелен, — когда наши секунданты покончат со всякими формальностями.

— На кой черт нам секунданты, сэр? — возразил сэр Перси. — Неужели вы думаете, что мы поедем во Францию целым караваном?

— Но время, место и условия должны быть непременно точно определены, сэр Перси, — настаивал Шовелен. — Вы так хорошо воспитаны, что не захотите, я уверен, один решать все эти вопросы.

— Разумеется, ни один из нас не может единолично все решить, мосье... э-э... Шовелен, — спокойно ответил сэр Перси. — Но с разрешения его высочества предоставим все решить случаю. Вы сказали: время, место, условия? Мы три раза бросим кости, решение в каждом случае предоставляется выигравшему. Согласны?

Шовелен колебался, не желая ставить решение таких важных вопросов в зависимость от слепого случая.

— Разумеется, бросайте кости! — решил принц.

— Как угодно, — сказал Шовелен, которому ничего больше не оставалось, как согласиться.

Все столпились вокруг маленького столика, с интересом следя за результатами игры.

— Прежде всего место, мосье? — спросил сэр Перси.

— Как хотите, — согласился Шовелен.

— Я выиграл, — беспечно произнес Блейкни, — и должен решить, где произойдет историческая встреча самого деятельного человека целой Франции и самого праздного щеголя, какой когда-либо отягощал своим присутст-

вием наши три соединенных королевства. Какое место предложили бы вы?

— Вся Франция в вашем распоряжении, — холодно отозвался Шовелен.

— Признаюсь, я не ожидал такого безграничного гостеприимства, — невозмутимо сказал Блейкни.

— Что вы думаете о лесах, окружающих Париж?

— Слишком далеко от моря. Может быть, при переезде через Па-де-Кале я буду страдать морской болезнью, и мне будет приятно как можно скорее покончить с этим делом. Нет, уж лучше выберем Булонь. Вы не находите, что это — прелестное местечко?

— Вполне согласен с вами, сэр Перси!

— Значит, в Булони, на южном крепостном валу.

— Как хотите, — сухо сказал Шовелен. — Можно бросать дальше?

— На этот раз ваша взяла, мосье Шовелен, — проговорил Блейкни, бросив беглый взгляд на кости. — Вам выбирать время. На южном крепостном валу в Булони — когда?

— Через четыре дня от сегодняшнего числа, в тот час, когда в соборе зазвонят к вечерней молитве, — быстро ответил Шовелен.

— Но мне кажется, ваше проклятое правительство упразднило католическую религию, а вместе с ней и колокольный звон. Французскому народу предоставлено собственными силами добираться до ада — в рай-то ему дорогу загородил Национальный Конвент, не так ли? Я думаю, что и к вечерней молитве звонить запрещено.

— Только не в Булони, сэр Перси, — с прежней сухостью возразил Шовелен. — Ручаюсь вам, что в этот вечер к вечерней молитве звонить будут.

— А в котором это будет часу?

— Через час после солнечного заката.

— Почему вы назначили срок в четыре дня? Почему не два, не три?

— Я также мог бы спросить, почему вы выбрали южный крепостной вал, а не северный? Вам неудобно, что я выбрал четвертый день? — насмешливо спросил Шовелен.

— Неудобно? Напротив, как нельзя более удобно, — смеясь, ответил сэр Перси. — Но что заставило вас вспомнить о вечерней молитве? — ласково спросил он.

Вокруг них раздался несколько непочтительный смех.

— Понимаю! — вдруг сказал Блейкни. — Я чуть не забыл, что когда мы с вами в последний раз встретились, вы собирались принять духовный сан. Воспоминание о вечерней молитве так соответствует духовной одежде, которая, насколько помню, очень вам шла...

— Не определить ли нам теперь условия дуэли, сэр Перси? — прервал Шовелен, с трудом сохранявший хладнокровие.

— Вы подразумеваете выбор оружия? — вмешался его высочество. — Но ведь уже решено биться на шпагах.

— Совершенно верно, ваше высочество, — подтвердил Блейкни, — но при этом есть много мелочей, имеющих важное значение, не правда ли, мосье Шовелен? Мой предусмотрительный противник может пожелать, чтобы я выступил против него в зеленых башмаках, а я могу потребовать, чтобы в петлицу у него был вдет красный цветок... Он очень красиво выделялся бы на темном фоне вашей сутаны, которую вы иногда носите во Франции... А когда цветок окончательно увядает, после него вы можете чувствовать сильный запах, гораздо сильнее запаха ладана.

Все присутствующие громко расхохотались, зная, какую ненависть каждый член революционного французского правительства, включая Шовелена, питал к любимому британскому герою.

— Итак, мы переходим к условиям, — сказал Шовелен, делая вид, что не замечает насмешки, звучавшей в последних словах Блейкни. — Бросайте кости.

— После вас, — любезно ответил сэр Перси.

Мысли Шовелена быстро перенеслись на север Франции, где было сосредоточено много войска, которым можно было окружить все валы Булони, чтобы не дать смелому Красному Цветку ни малейшей возможности скрыться. Его размышления были прерваны веселым голосом Блейкни.

— Кажется, счастье изменило вам, мосье Шовелен, — говорил он. — Выиграл опять я.

— Значит, вам назначать условия, при которых мы будем драться, — промолвил Шовелен.

— Ну, я недолго буду затруднять вас, — сказал Блейкни. — В случае холодной погоды мы останемся в верхнем платье; если будет жарко, мы снимем его. Оружие мы выберем современное... Фукс, — прибавил он,

обращаясь к своему другу, — принеси, пожалуйста, те две шпаги, что лежат у меня на бюро. Я нарочно не посылаю за ними слуги, мосье, чтобы не поднимать излишнего шума. Я уверен, что вы одобрите мои шпаги; выбирайте любую и решите, насколько серьезна должна быть рана, которой можно отомстить за оскорбленное самолюбие мадемуазель Канталь...

Вернувшийся Фукс положил на столик две совершенно ровные шпаги в кожаных ножнах.

— Как вы находите это оружие, мосье? — спросил Блейкни, беззаботно опираясь на спинку кресла.

— Они немного старомодны, — ответил Шовелен, — и тяжелей французских, но тем не менее это чудесная сталь.

— В этом отношении вы можете быть совершенно спокойны, — отозвался Блейкни, — клинки были сделаны в Толедо двести лет тому назад.

— Тут написано имя, — заметил Шовелен, поднося шпагу поближе к глазам.

— Это имя ее первоначального владельца. Во время своего путешествия по Италии я купил шпаги у одного из потомков первого владельца.

— Лоренцо Джиованни Ченчи, — произнес Шовелен, медленно прочитывая по слогам итальянскую надпись.

— Величайший негодяй, когда-либо живший на земле. Вам, конечно, хорошо известна его история, мосье. Он ни перед чем не останавливался — до отравленного кинжала включительно.

При последних словах сэра Перси Шовелен заметно вздрогнул и быстро положил шпагу на стол, бросив беглый взгляд на Блейкни, лениво проделывавшего разные движения с другой шпагой.

— Удовлетворяет ли вас мое оружие? — начал сэр Перси. — Которую из шпаг вы выбираете и какую оставляете мне?

— Откровенно говоря, сэр Перси... — нерешительно начал Шовелен.

— Я знаю, что вы хотите сказать, — перебил его Блейкни. — Откровенно говоря, обе шпаги совершенно одинаковы? Не так ли?.. Тем не менее вы должны выбрать одну из них, с которой и можете упражняться дома до того самого дня, когда выступите с ней против моей недостойной особы — на южном крепостном валу Булони, через четыре дня, когда в соборе станут звонить к вечерней молитве... Прошу вас выбрать.

Шовелен готов был отдать несколько лет жизни за возможность прочесть в эту минуту мысли сэра Перси, с ласковой улыбкой протягивавшего ему обе шпаги. Неужели этот благовоспитанный джентльмен хотел воспользоваться отравленным оружием? Конечно нет!

— Вы берете эту? — спросил Блейкни, видя, что Шовелен тонкими пальцами постукивает по одному из клинков.

— Нет! — с притворной беззаботностью ответил француз. — Как вы полагаете, на котором из клинков сохранился еще яд Ченчи?

Блейкни громко расхохотался.

— Черт возьми! Вы замечательно остроумны, чертовски остроумны! Что вы об этом думаете, ваше высочество? Не правда ли, у моего друга удивительно оригинальный ум? Мне никогда не пришло бы в голову ничего подобного... Так которую же шпагу вы выбираете, мосье? Надо с этим покончить, чтобы не злоупотреблять терпением наших друзей. Вот эту?.. А теперь надо выпить пунша. Но как дьявольски остроумно ваше предположение! Подобные шутки не забываются... А после пунша мы можем присоединиться к дамам, не так ли? — прибавил он, обращаясь к присутствующим.

VII

Беззаботность Блейкни привела всех в хорошее расположение духа; сам он, по-видимому, не смотрел на вызов, как на нечто серьезное, поэтому и его друзьям не было причины тревожиться, и более юные из свидетелей предыдущей сцены охотно приняли предложение сэра Перси промочить горло пуншем, а затем присоединиться к дамам, тем более что из бального зала доносились звуки музыки.

Лишь очень немногие не приняли участия в общем веселье. Принц Уэльский, имевший крайне смущенный вид, отозвал Блейкни в сторону и о чем-то серьезно говорил с ним; лорд Энтони Дьюхерст и лорд Гастингс тоже о чем-то совещались в отдаленном уголке, между тем как Эндрю Фукс, как ближайший друг хозяина дома, счел своей обязанностью заменить его и обменяться несколькими словами с Шовеленом, который горел нетерпе-

нием поскорей уехать домой, избегая встречи с леди Блейкни.

Отыскав Дезире Канталь, он проводил ее до дома, дав ей при этом последние инструкции. В общем он был вполне доволен сегодняшним вечером: молодая актриса с поразительным искусством и хладнокровием исполнила предназначенную ей роль, а сэр Перси, бессознательно или намеренно, прямо шел в подставленную ему ловушку. Последнее обстоятельство несколько смущало Шовелена. Красный Цветок не мог сомневаться в горячем желании революционного правительства возвести на эшафот смелого англичанина, вырвавшего у Республики столько жертв, предназначенных гильотине. При своем уме он в вызове Шовелена должен был неминуемо уловить опасность, и если он так неосторожно шел в приготовленную ему западню, то в его находчивом мозгу, вероятно, уже созрел план, как привести врагов к унизительной неудаче.

Все эти соображения очень тревожили Шовелена, и он немедленно написал Робеспьеру длинное и обстоятельное письмо, в котором старался свалить значительную долю ответственности со своих плеч на Комитет общественной безопасности.

«Ручаюсь Вам, гражданин Робеспьер, — написал он, — и членам революционного правительства, доверившим мне щекотливое поручение, что через четыре дня от сегодняшнего числа, спустя час после солнечного заката, человек, известный под таинственным псевдонимом Красный Цветок, будет находиться на южном крепостном валу в Булони. Я исполнил все, что от меня требовалось. В назначенный день и час я предам интригана в руки правительства, осмеянного и оскорбленного им. Теперь вы все, граждане, должны следить за тем, чтобы плоды моего дипломатического искусства не были еще раз потеряны для Франции. Этот человек явится туда по моему требованию, от вас будет зависеть, чтобы он опять не ускользнул».

Отправив письмо с курьером, предоставленным в его распоряжение Национальным Конвентом, Шовелен совсем успокоился, сожалея лишь о том, что желанная встреча отложена еще на четыре дня.

Между тем по отъезде Шовелена раут у супругов Блейкни еще продолжался некоторое время, гости мало-помалу все разъехались, и в великолепном доме Блейкни наступила тишина. Последним удалился сэр Эндрю Фукс,

долго беседовавший с сэром Перси, который провожал его до самых ворот парка. Леди Фукс уехала раньше, и сэр Эндрю отправился домой пешком, так как его дом находился очень недалеко.

Все находили, что после женитьбы сэр Эндрю значительно изменился, по-видимому, совершенно утратив прежнюю любовь к опасному спорту. Тревожась за безопасность мужа, Сюзанна умела удерживать его дома, когда прочие члены храброй маленькой лиги с безумной отвагой следовали за своим вождем. Маргарита, вначале подсмеивавшаяся над Сюзанной, пришла к тому, что начала немного завидовать ей. Как различны были эти два супружества! Перси искренне и горячо любил Маргариту, было бы преступлением в этом сомневаться, но иногда ей казалось, что и сама она, и его любовь к ней стояли для него на втором плане, что ее грусть при разлуке с ним, ее страх за его собственную безопасность были лишь небольшими эпизодами в той великой программе жизни, которую он предначертал себе.

Она ненавидела себя за такие мысли. Неужели ктонибудь мог так любить женщину, как Перси любил ее, свою жену, спрашивала она себя. Может быть, он все еще не вполне доверял ей, помня ее, хотя и невольную, измену? Может быть, он боялся, что она опять сделает то же самое?

Вечером, оставшись одна, Маргарита предалась горестным мыслям. О, как ненавидела она рискованные поездки, разлучавшие ее с любимым мужем! Как часто подвергал он опасности свою жизнь, которая для нее была дороже собственной жизни, и все это делалось для других, чужих людей!

Молодая женщина вышла из дома и стала ходить по уединенной площадке над самой рекой, где так часто гуляла рука об руку с Перси в счастливые дни их любви. Уверенная, что он непременно придет сюда после всех треволнений, она зорко всматривалась в темноту. Вдруг ей послышались чьи-то осторожные шаги, и при слабом свете звезд она различила какую-то закутанную фигуру, боязливо приближавшуюся к ней.

— Кто тут? — спросила она.

— Это я, Дезире Канталь, — отозвался робкий голос.

— Мадемуазель Канталь? — с изумлением воскликнула Маргарита. — Что вам здесь нужно, да еще в такое время?

— Тише! — быстро прошептала Канталь, подходя к Маргарите и еще ниже надвигая на глаза капюшон. — Я хотела видеть вас наедине, леди Блейкни. Я так тревожусь! Мне так хочется знать, что случилось!

— Что случилось? Когда? Я вас не понимаю!

— Что произошло между гражданином Шовеленом и вашим мужем?

— Разве это вас касается? — надменно спросила Маргарита.

— Умоляю вас не истолковывать моих слов в дурную сторону! Я знаю, что вызванная мной ссора наполнила ваше сердце ненавистью ко мне, но уверяю вас, что я была только игрушкой в руках этого человека. Боже! Если бы вы знали, какому деспотизму подвергаются беспомощные мужчины и женщины, попадающие в безжалостные лапы французского правительства! — И артистка вдруг зарыдала.

Маргарита не знала что и думать. Продолжая относиться к Канталь с прежним недоверием, она в то же время вспомнила, как сама была доведена представителем этого правительства до унизительного поступка — до предательства Красного Цветка.

— Но я все-таки не понимаю, для чего вы пришли сюда? — воскликнула она. — От своего наставника вы должны были узнать обо всем, что произошло.

— Я смутно надеялась предостеречь вас.

— Я не нуждаюсь ни в каких предостережениях.

— Или слишком горды для этого. Но знаете ли вы, леди Блейкни, что гражданин Шовелен ненавидит вашего мужа?

— Откуда вам это известно? — спросила Маргарита, в которой прежнее недоверие пробудилось с новой силой.

— Разве я не видела ненависти в жестоких глазах Шовелена? — быстро заговорила Канталь с мольбой в голосе. — Я не знаю почему, но он ненавидит сэра Перси. О, леди Блейкни, удержите своего мужа от этой ужасной дуэли! Умоляю вас!

— Вы напрасно хлопочете, мадемуазель, — холодно произнесла Маргарита. — Поверьте, мне не нужны ни ваши мольбы, ни ваши предостережения. Я благодарю вас за ваше доброе намерение, но — простите — нахожу, что все это дело вовсе не касается вас. Уже поздно, — мягко прибавила она, как будто желая загладить неприятное впечатление от своих резких слов. — Я при-

кажу горничной проводить вас. Это скромная и верная девушка.

— Да я вовсе не стыжусь, что пришла к вам ночью! — печально проговорила Канталь. — Вы очень горды, и я молю Бога, чтобы он избавил вас от горя и унижения. Мы, вероятно, никогда больше не встретимся с вами, леди Блейкни. Но меня заставило прийти к вам еще одно обстоятельство. Если сэр Перси отправится во Францию — дуэль должна происходить около Булони, — то вы, вероятно, захотите ехать с ним?

— Еще раз повторяю вам...

— Что это меня не касается? Знаю, но, идя сюда, я надеялась, что сумею тронуть ваше сердце. Сама я скоро уеду во Францию; гражданин Шовелен снабдил меня паспортом для меня и для моей горничной, но я могу ехать и одна. Вот ее паспорт. О, вам не придется брать его из моих рук! — с горечью воскликнула она, видя, что Маргарита не собирается взять паспорт. — Вот, смотрите, я положу его в розовый куст. Теперь вы мне не доверяете — это понятно, но со временем, может быть, вы убедитесь в моем бескорыстном желании быть полезной вам и вашему мужу.

Положив сложенный лист бумаги в розовый куст, артистка исчезла.

Кругом опять воцарилась тишина. Легкий полуночный ветерок прошумел в вершинах старых дубов и вязов, и Маргарита вздрогнула от внезапного ощущения холода. От дуновения ветерка белевшая в розовом кусте бумага вдруг упала на землю. Повинуясь какому-то безотчетному побуждению, Маргарита нагнулась, подняла ее и, крепко зажав в руке, быстрыми шагами направилась к дому.

Приближаясь к террасе, она увидела какие-то темные движущиеся фигуры и мелькавшие на некотором расстоянии фонари; потом до ее слуха долетели неясный шепот и плеск воды об лодку. Внезапно в нескольких шагах от нее быстро прошел нагруженный вещами человек, в котором она узнала Беньона, доверенного камердинера своего мужа. Ни минуты не колеблясь, Маргарита бросилась к тому флигелю, где жил сэр Перси, и в следующую минуту уже увидела его высокую фигуру в дорожном плаще.

— Перси, ты не можешь ехать. Ты не должен ехать! — стала умолять она, крепко прижимаясь к мужу.

Он сжал ее в своих сильных объятьях, осыпая страстными поцелуями ее лицо, волосы, руки.

— Если ты меня действительно любишь, Перси, ты не уедешь! — шептала Маргарита. — Я не могу отпустить тебя!

Ее голос звучал слабо от сдерживаемых слез, и когда сэр Перси с трудом произнес: «Не настаивай! Сжалься!» — она почти была уверена в своей победе.

— Не уезжай, Перси! — молила она. — Не покидай меня! Нет, ты не уедешь! — с силой воскликнула она. — Посмотри мне прямо в глаза и скажи, можешь ли ты бросить меня?

Блейкни молча закрыл губами ее отуманенные слезами глаза, с мольбой обращенные к нему, и она не видела, что на один миг его суровое мужество готово было уступить любви. На один короткий миг он позабыл и ужасы гильотины, и страдания беспомощных жертв террора, и все приключения, когда он и его друзья бывали на волосок от смерти; в этот миг он думал только о любимой жене и о ее нежных мольбах. Но это была только минутная слабость: он снова овладел собой и, когда Маргарита хотела возобновить свои горячие убеждения, зажал ей рот долгим прощальным поцелуем.

— Пора ехать, — решительно произнес он, — иначе мы пропустим прилив.

— Неужели ты уедешь, Перси? — прошептала Маргарита, словно пробуждаясь от чудного сна. — Если бы ты любил меня, ты остался бы!

— Если бы я любил тебя!

В голосе Блейкни звучало столько нежной любви, что из сердца Маргариты исчезла всякая горечь, и она залилась слезами. Он молча поцеловал ее руку, и на ней остался след слезы.

— Я должен ехать, дорогая, — сказал Блейкни после короткого молчания.

— Зачем? Зачем? — простонала она. — Разве я для тебя ничего не значу? Разве ты не сделал уже невозможного для чужого народа? Разве твоя жизнь в тысячу раз не дороже мне жизни тысяч других людей?

— Сегодня, дорогая, от меня ожидает спасения не тысяча других жизней, а всего одна. Вспомни о бедном старом священнике, у которого отняли вверенные ему драгоценности и который, может быть, томится ожиданием, что эти звери поведут его на казнь. Я только хочу

попросить старика переплыть со мной Па-де-Кале в надежде, что английский воздух будет ему полезен.

— Перси! — начала Маргарита.

— Знаю, знаю, дорогая. Ты думаешь об этой глупой дуэли? Но подумай только, что в присутствии его высочества и дам я не мог не принять вызова Шовелена, с которым я еще не рассчитался за то, что меня тогда поколотили на скалах Кале. Разумеется, он придумал все это раньше, составил целый план, но граждане, правители Франции, должны быть очень зорки и дальновидны, чтобы опередить меня. Не бойся ничего, моя милая маленькая женка, — прибавил он с бесконечной нежностью, — я еще не в руках проклятых злодеев!

Маргарита больше не настаивала, чувствуя в глубине души гнев на собственную слабость и свое полное бессилие перед тем, что грозило разрушить счастье всей ее жизни. Она начала терять сознание; фигура мужа казалась ей окруженной каким-то туманом; его голос доносился откуда-то издалека. Она закрыла глаза...

Заметив, что она лишается сознания, сэр Перси поднял ее своими сильными руками, осторожно опустил на мшистое возвышение, служившее скамьей, поцеловал милые заплаканные глаза и нежные руки и быстро удалился.

Шум весел привел Маргариту в себя. Она прислушалась: судя по долетавшим до нее звукам, гребцов было не меньше шести; значит, лодка была больших размеров, приспособленная к дальним переходам. Не могло быть сомнения: сэр Перси направлялся не в Дувр, а в Тильбери-Ферт, где была стоянка яхты «Мечта», готовой отплыть с первым приливом.

В сердце Маргариты была какая-то страшная пустота, но мозг лихорадочно работал. Чем больше думала молодая женщина, тем больше убеждалась, что ее муж отправился прямо на свою яхту, чтобы немедленно отплыть в Булонь. И Канталь предположила, что Маргарита захочет за ним последовать? Да, ей ничего больше не оставалось, как также ехать в Булонь, отыскать там мужа и следить за каждым шагом Шовелена, стараясь проникнуть в его намерения. На груди у себя она ощупала бумагу, оставленную соотечественницей. Каковы бы ни были побуждения актрисы, Маргарита в душе благословила ее, сознавая в то же время, что высшим счастьем своей жизни будет обязана женщине, к которой отнеслась с таким недоверием.

Обогнув дом, она прошла к конюшням, где еще не все отправились спать. Отдав приказание приготовить для себя экипаж и четверку лошадей, она вернулась домой. Проходя по коридору мимо комнаты Жюльетты, она после минутного колебания постучалась в дверь. Жюльетта еще не ложилась и встретила ее с печатью серьезной тревоги на молодом личике.

— Жюльетта, — быстро заговорила Маргарита, понижая голос до шепота, — я еду во Францию, чтобы быть около своего мужа. Он встретится там с врагом, который хочет заманить его в ловушку и предать смерти. Помогите мне здесь во время моего отсутствия!

— Я готова отдать за вас свою жизнь, леди Блейкни, — просто сказала Жюльетта.

— Я прошу у вас только немного терпения и присутствия духа, — продолжала Маргарита. — Вы, конечно, знаете, кто был вашим спасителем и не удивитесь моей тревоге. До сегодняшнего вечера я еще колебалась относительно Шовелена, но теперь всякие сомнения исчезли. Как ему, так и французскому правительству известно, что Красный Цветок и Перси Блейкни — одно и то же лицо. Сегодняшняя сцена была заранее приготовлена; и вы, и я, и все зрители, и сама Канталь были только марионетками, действовавшими по плану этого дьявола. Дуэль также была предрешена. Если бы вы не вызвали эту женщину на ссору, то вышла бы ссора между нею и мной или с кем-нибудь из моих гостей. Это я непременно хотела сказать вам, чтобы вы не считали себя ответственной за все происшедшее. Все устроил Шовелен, а вы были только игрушкой в его руках, так же как и я. Вы должны мне верить. Сэр Перси не мог бы примириться с мыслью, что вы считаете себя виновной. Вызов на дуэль состоялся бы и помимо вашего участия. Верите ли вы мне?

— Я верю, что вы — ангел доброты, — проговорила Жюльетта, стараясь остановить текущие по щекам слезы, — и что вы — единственная женщина, достойная быть его женой!

— И что бы ни случилось, — твердо продолжала Маргарита, между тем как молодая девушка взяла ее руку и покрывала ее поцелуями, — вы всегда будете верить, что были только... слепым орудием в руках других?

— Да благословит вас Бог за эти слова!.. Я вам верю.

— А теперь вот моя к вам просьба, — продолжала Маргарита уже спокойнее. — Будьте здесь хозяйкой в мое отсутствие, объясните всем, что я хочу провести несколько дней с мужем на его яхте. Моя горничная Люси безгранично предана мне и сумеет остановить нежелательные разговоры среди прислуги. Кто бы обо мне ни спросил, всем можете повторять одно и то же. Что касается сэра Эндрю, — с особенной серьезностью прибавила она, — скажите ему всю правду, он поймет, в чем дело, и поступит, как найдет лучше.

— Я сделаю все, как вы сказали, леди Блейкни, и горжусь тем, что могу хоть в чем-нибудь быть вам полезной. Когда вы едете?

— Сейчас. Прощайте, Жюльетта!

Нежно поцеловав молодую девушку в лоб, Маргарита выскользнула из комнаты так же быстро, как и пришла. Жюльетта не удерживала ее, понимая, что леди Блейкни хотелось быть одной.

В своей комнате Маргарита уже застала Люси, которая по лицу своей госпожи догадалась, что случилось какое-то несчастье. Переодевшись в темное суконное платье и накинув сверху черный плащ с капюшоном, Маргарита внимательно прочла приписываемые ей в паспорте приметы: высокий рост, голубые глаза, светлые волосы, двадцать пять лет — все это прекрасно подходило к ее наружности. Пока Люси укладывала в ручной чемодан необходимые дорожные принадлежности, Маргарита достала крупную сумму денег, французских и английских, и спрятала в карман платья, затем, ласково простившись с Люси, с трудом сдерживающей слезы, она быстро вышла из комнаты.

VIII

Во время путешествия Маргарита не могла думать о том, что ее ожидало. Через Па-де-Кале ей пришлось переправляться в обществе бедных палубных пассажиров, ютившихся на жалких ящиках и узелках. Неудобства дороги заставляли ее забывать тяжелое душевное состояние. Среди этой серой публики, сидя на скромном черном чемодане, она чувствовала себя в безопасности от нежелательных посторонних наблюдений. Ее запыленный плащ,

носивший на себе следы обдававших ее по временам брызг морской воды, не обращал на себя ничьего внимания. Маргарита чувствовала страшную усталость после долгого переезда на лошадях и с нетерпением ждала конца путешествия. Солнце уже закатилось и на землю спускалась мягкая ночная тень, когда на вечернем небе вырисовались очертания круглого купола церкви Булонской Богоматери.

Когда пакетбот пристал к берегу, беднейших пассажиров, среди которых находилась и Маргарита, оттеснили в одну сторону, чтобы дать пассажирам первого класса свободный проход. Затем Маргарита в темноте разглядела маленький деревянный мостик, по которому все направлялись к небольшой, слабо освещенной палатке, где за столом сидел человек в форменном платье, опоясанный трехцветным шарфом. Возле стола стояли двое часовых в мундирах национальных гвардейцев. Каждый пассажир передавал свой паспорт человеку с трехцветным шарфом, а он после долгого, внимательного изучения или возвращал документ его владельцу, или требовал разъяснений. При удовлетворительном ответе пассажир получал обратно паспорт и уходил, если же паспорт возбуждал сомнения, его владельца задерживали до представления удовлетворительных рекомендаций в Комитет общественной безопасности.

Маргарите было очень жаль тех несчастных, которых солдаты уводили куда-то в темноту и которых, по всей вероятности, ожидала тюрьма, а может быть, и смерть. Самой ей нечего было бояться: паспорт, выданный Шовеленом своей сообщнице, очевидно, должен был быть в полном порядке.

Едва держась на ногах от усталости, Маргарита машинально следила издали за проходившими пассажирами, как вдруг ее сердце перестало биться: в одном из проходивших мимо палатки мужчин она узнала Шовелена. Он не предъявил никакого паспорта, но его, видимо, здесь хорошо знали, так как при его появлении чиновник встал и, вежливо раскланявшись, стал почтительно выслушивать передаваемые ему инструкции. Маргарите почему-то показалось, что слова Шовелена относились к шедшим за ним двум женским фигурам, которых пропустили без соблюдения обычных формальностей; но она не была в этом уверена, так как ее внимание было все поглощено неожиданным появлением ее смертельного врага.

Вслед за Шовеленом прошел человек выше всех ростом. Неужели это был Перси? Этого не могло быть: проделав весь путь по воде, он не мог прибыть в Булонь раньше следующего утра.

Вот дошла очередь и до пассажиров второго класса. Как во сне последовала Маргарита за своими спутниками по пакетботу, почти не сознавая, что делает, и даже про паспорт вспомнила лишь тогда, когда ей крикнули:

— Ваш паспорт, маменька!

— Ваше имя? — строго спросил чиновник, глядя в поданный ею документ.

— Селина Дюмон, — без малейшего колебания ответила Маргарита и прибавила: — В услужении у гражданки Канталь.

— Селина Дюмон? Эге-ге, маменька! Вы хотите нас надуть! Дельце обделано недурно, только, к несчастью, Селина Дюмон, находящаяся в услужении у гражданки Канталь, только что прошла здесь вместе со своей госпожой.

Говоря это, чиновник большим грязным пальцем указывал на записи в лежавшей перед ним книге, где отмечал прибывших путешественников.

Вся кровь отлила от лица Маргариты.

— Вы ошибаетесь, гражданин, — сказала она как могла спокойнее. — Я — горничная гражданки Канталь, и она сама дала мне этот паспорт перед моим отъездом из Англии. Если вы спросите ее, она подтвердит мои слова.

— Если правда все, что вы говорите, — решительно проговорил чиновник, — и вам нечего скрывать, то вам завтра же возвратят свободу, после того как вы все объясните гражданину губернатору. Следующий! Живо!

Только теперь поняла Маргарита, что попалась в ловушку, что вся история с паспортом и с раскаянием Канталь была лишь гнусной комедией.

— Однако нам нельзя терять время, — сурово проговорил чиновник. — Отведите эту обманщицу в камеру номер шесть и оставьте там до дальнейших приказаний гражданина губернатора... Уберите же эту дрянь! — крикнул он, видя, что Маргарита с отчаянием отбивалась от солдат.

Наконец один из них, потеряв терпение, ударил ее кулаком по голове. Руки молодой женщины бессильно опустились, и она потеряла сознание.

Только под утро пришла Маргарита в себя, и первым ее ощущением было страдание от невыносимой головной боли. С трудом различила она пробивавшуюся откуда-то полоску света, падавшего прямо на ее лицо и еще более усиливавшего головную боль. Пришлось снова закрыть глаза.

Она лежала на спине на жестком соломенном тюфяке, укрытая собственным плащом, под головой у нее была грубая подушка. Сознание еще не окончательно вернулось к ней, пока она только чувствовала сильную боль в голове и безграничную усталость.

Когда она снова открыла глаза, то прежде всего увидела окно с грязными стеклами, сквозь которые лился солнечный свет, убедительно свидетельствовавший, какая масса пыли накопилась в этой узкой комнате с выбеленными известью стенами, на которых из-под толстого слоя пыли выступали обычные «Свобода, Равенство и Братство или Смерть!», хотя над другим соломенным матрацем Маргарита разглядела очертания темного распятия.

— Как вы думаете, дитя мое, вы теперь могли бы выпить это? — произнес над ней мягкий, дрожащий голос с певучим акцентом нормандских крестьян.

Открыв глаза, Маргарита увидела, что возле нее стоял кто-то, старавшийся помочь ей приподняться на соломе.

— Мне дали это для вас, — продолжал тот же голос, — и я думаю, что вам это будет полезно.

К губам леди Блейкни поднесли стакан, и она что-то выпила.

— Ну, вот и хорошо! Я уверен, что вам будет лучше. Закройте глаза и постарайтесь заснуть.

Маргарита так и сделала, слыша сквозь сон, как возле нее кто-то все время однообразно повторял «Богородицу» и «Отче наш».

Так пролежала она все утро. Иногда те же ласковые дрожащие руки приподнимали ее, и она проглатывала немного супа или молока. Кроме головы, у Маргариты теперь ничего не болело. Однообразный голос действовал на нее как снотворное, и после полудня она заснула крепким, благотворным сном.

Когда она совсем проснулась и вспомнила все случившееся, ее охватил ужас. Она поняла, что оказалась заложницей в руках врагов своего мужа, что теперь ему будет предложено купить ее жизнь и свободу ценой его собственной жизни, и ни минуты не сомневалась относительно решения, которое примет Блейкни. О своих собст-

венных страданиях, опасности и предстоящем, может быть, унижении она не заботилась, помня только, что, повинуясь страстному, безумному побуждению, она подвергла смертельной опасности жизнь любимого человека. В эту минуту ей самой страстно хотелось умереть тут же, в этой мрачной, одинокой тюрьме, чтобы совсем исчезнуть с дороги любимого человека, вместо того чтобы вынуждать его своей драгоценной жизнью купить ее жизнь и свободу.

Но, может быть, дело обстояло не так уж плохо? И в сущности, имела ли она право отчаиваться и желать смерти? Как могла она, жена и друг человека, удивившего мир своими подвигами, вообразить, что в самый критический момент Красный Цветок потерпит неудачу? Сколько мужчин, женщин и детей в Англии было обязано спасением его изобретательному уму и находчивости, хотя они находились в таких же безнадежных условиях, как и сама она. Неужели эта светлая голова не употребит всех усилий для спасения той, которая была ему ближе и дороже всех, кого ему приходилось освобождать от жадной гильотины?

Чем больше думала Маргарита, тем сильнее крепла в ней уверенность, что Перси уже в Булони и что ему известна печальная участь, постигшая его жену. От этой радостной уверенности она сразу почувствовала себя бодрее и даже попробовала приподняться, опираясь на локоть, но была еще очень слаба, и от малейшего движения у нее кружилась голова.

— Я вижу, что вам лучше, дитя мое, — произнес тот же певучий голос, — но вы не должны так рисковать. Доктор сказал, что вы получили страшный удар, который может дурно отозваться на вашем мозге. Вам надо весь день спокойно лежать, если вы не хотите, чтобы у вас опять заболела голова.

Маргарита повернула голову в сторону говорившего и, несмотря на все свое горе, не могла удержаться от улыбки. Против нее на расшатанном стуле, усердно чистя старые башмаки, сидел высокий, худощавый, седой человек с лицом, изрезанным глубокими морщинами, с кроткими голубыми глазами. Его одежда была когда-то черной суконной сутаной, а теперь состояла из одних заплат, хотя поражала безукоризненной чистотой. Так как башмаки были в чистке, то на ногах оставались только черные, грубые, много раз штопанные чулки.

— Кто вы? — спросила Маргарита, чувствуя невольное уважение к этому скромному человеку.

— Служитель алтаря, дитя мое, — с глубоким вздохом ответил он, — безобидный и беспомощный старик, которому велели сторожить вас. Но вы не должны смотреть на меня как на тюремщика, это все сделалось против моего желания; я стар и слаб и не мог сопротивляться, когда меня сюда заперли... Но так, вероятно, было угодно Богу. Он лучше все знает, дитя мое. — С грустью осмотрев башмаки, не поддававшиеся его чистке, старик с сожалением поставил их на пол и всунул в них худые ноги в черных чулках. — Простите, дочь моя, что я при вас занимался своим туалетом, — застенчиво произнес он, — но я надеялся окончить его до вашего пробуждения; меня задержали башмаки — так трудно добиться, чтобы они были чисты! Тюремное начальство ничего не дает нам для поддержания чистоты, кроме воды и мыла, а Господь любит и душевную, и телесную чистоту... Вы также, вероятно, захотите встать и освежиться холодной водой; я устрою так, что вы вовсе не увидите меня.

В комнате было четыре стула. Два из них старик поставил рядом, два других — на них, а соломенный матрац прислонил к ним стоймя. К этой импровизированной ширме он придвинул стол, на котором стояли умывальная чашка и треснувший кувшин.

— Теперь вы можете умыться, — сказал он, любуясь своим произведением, — а я буду читать свои молитвы. Постарайтесь забыть, что в комнате старый священник; он не идет в счет!

Спокойный сон и холодная вода освежили Маргариту, в ее сердце росла надежда на освобождение, и, причесывая волосы, она поймала себя на том, что весело напевала какую-то песенку.

— Святой отец, — серьезно начала она, — вы сказали, что вас заставили стеречь меня?

— Да, дитя мое, — ответил аббат, кладя молитвенник в карман.

— Заставили террористы и анархисты? Члены Комитета общественной безопасности, которые грабят и убивают, оскорбляют женщин и уничтожают религию?.. Не так ли? И они же приставили вас следить за мной? Откровенно говоря, я совершенно не понимаю этого. Вы нисколько не похожи на них!

— Я сам был узником в этой самой камере. Со мной были дети моей сестры — Франсуа и бедная слепая Фелисите. Вчера вечером их увели отсюда, но принесли вас и положили на тот матрац, где спала Фелисите. Вы были страшно бледны и без памяти. Меня позвали к начальнику тюрьмы, и он сказал мне, чтобы я сторожил вас день и ночь, иначе...

Старик остановился; видимо, ему тяжело было продолжать.

— Иначе что, святой отец? — мягко спросила Маргарита.

— Мне сказали, что если я хорошо буду стеречь вас, то освободят Франсуа и Фелисите, — продолжал старик, с трудом сдерживая волнение. — Если же вам удастся бежать — и детей, и меня в тот же день гильотинируют.

В комнате воцарилось молчание. Маргарита с трудом поняла сказанное старым священником. Значит, если даже Перси узнает, где она, если ему даже удастся добраться до нее, он никогда не сможет освободить ее, пока за ее свободу должны будут заплатить жизнью двое невинных детей и этот бедный простодушный старик.

— Конечно, я не о себе забочусь, — продолжал священник, — моя жизнь прожита, но Франсуа — единственный кормилец матери, а слабенькая слепая Фелисите...

— Ради Бога, не продолжайте, святой отец! — простонала Маргарита. — Я все поняла, и... не бойтесь за ваших детей: я не буду виновницей их несчастья.

— На все воля Божья! — спокойно сказал старик.

Долго ходила Маргарита по узкой, тесной комнате, не в состоянии произнести ни слова. Наконец она заставила себя заговорить и спросила священника, как его зовут.

— Жан-Батист-Мари Фуке, — ответил он. — Я был последним приходским священником в церкви святого Иосифа, покровителя Булони.

«Отец Фуке, верный друг семьи Марни!» — подумала Маргарита, и ей вспомнились слова ее мужа перед его отъездом: «Я хочу попросить его переплыть со мной Па-де-Кале в надежде, что английский воздух будет ему полезен».

Она рассказала старому священнику о судьбе Жюльетты; он очень обрадовался известию о ней, так как не знал, что она благополучно перебралась в Англию. В свою очередь он рассказал Маргарите историю драгоцен-

ностей герцогини де Марни, которые он берег в ризнице старой церкви, пока Конвент не приказал запереть все церкви, а священникам предоставил на выбор вероотступничество или смерть.

— Со мной дело ограничилось заключением в тюрьму, — простодушно сказал старик, — но здесь я так же беспомощен, как если бы был казнен. Враги Господа Бога ограбили церковь святого Иосифа и украли бриллианты, которые я берег пуще жизни.

Для старика-священника было радостью говорить о счастье Жюльетты. В тихом провинциальном приходе до него все-таки доходили слухи об отважном Красном Цветке, и ему было приятно знать, что именно этому человеку Жюльетта обязана своим спасением.

— Милосердный Господь наградит его и его близких, — прибавил он с непоколебимой верой в Божественное вмешательство, казавшейся такой странной в этой обстановке.

Маргарита вздохнула и в первый раз во все последние мучительные часы почувствовала в глазах благодатные слезы; натянутые нервы не выдержали, и, опустившись на колени перед священником, она с горькими рыданиями приникла головой к его худой морщинистой руке.

IX

Письмо Шовелена с известием о том, что ненавистный Красный Цветок через четыре дня будет в руках французского правительства, бесконечно обрадовало всех.

Робеспьер саркастически улыбался, читая письмо. Гражданин Шовелен, оказывается, умел цветисто выражаться! Слова «*доверившим мне щекотливое поручение*» не вполне соответствовали понятию о приказе, исполнить который надлежало под угрозой смерти.

— Через четыре дня от сегодняшнего числа, а письмо помечено девятнадцатым сентября! Слишком пахнет аристократом-маркизом де Шовеленом! — фыркнул якобинец Мерлен. — Он не знает, что всякий добрый гражданин называет этот день двадцать восьмым фрюктидора первого года Республики.

— Не все ли равно! — нетерпеливо отозвался Робеспьер. — Важно то, что через двое суток проклятый анг-

личанин попадет в силки, из которых ему уже не удастся выбраться.

— А вы верите в то, что гражданин Шовелен не сомневается в успехе? — спросил Дантон.

— Верю только потому, что он просит помощи, — сухо ответил Робеспьер. — Он уверен, что тот человек придет, но не уверен, что его захватят.

Большинство членов Комитета общественной безопасности было склонно считать письмо Шовелена пустым хвастовством, но как бы то ни было, он требовал помощи, и в ней нельзя было отказать. Решили послать в Булонь Колло д'Эрбуа, только что вернувшегося из Лиона. Этот человек сумеет обратить весь город Булонь в одну гигантскую тюрьму, из которой англичанину уже невозможно будет бежать.

Пока шел этот разговор, от Шовелена привезли второе письмо, и Робеспьер немедленно прочел его товарищам:

«Мы захватили женщину, его жену; возможно покушение на мою жизнь; немедленно пришлите кого-нибудь, кто мог бы выполнить мои инструкции в случае моей смерти».

Всем присутствовавшим стало ясно, что английский искатель приключений может решиться на какой-нибудь отчаянный шаг, чтобы спасти себя и жену, и что в такое время нельзя отказать Шовелену в помощи. Колло д'Эрбуа будет в этом случае крайне полезен.

Поимка проклятого англичанина будет радостью для всей Франции, и Булонь должна иметь в этом отношении первенство. В тот день, когда Красный Цветок будет заключен в тюрьму, объявят всеобщую амнистию всем заключенным. Всем без исключения уроженцам Булони, которым грозит смерть, будет разрешено уехать на любом из английских судов, всегда стоящих на рейде. По этому поводу была немедленно составлена прокламация, подписанная Робеспьером и кровожадным Советом десяти. Колло д'Эрбуа должен был взять ее с собой и приказать прочесть в Булони на всех перекрестках. Англичанин же и его жена будут немедленно доставлены в Париж, обвинены в заговоре против Республики и гильотинированы как английские шпионы.

Снабженный этими прокламациями, Колло д'Эрбуа тотчас отправился в путь, не жалея ни себя, ни лошадей, и через сутки, изнемогая от усталости, но не утратив

своей свирепости, уже стоял у ворот Булони, громко требуя «именем Республики», чтобы его пропустили.

Между тем вечером 22 сентября Шовелен отдал приказ, чтобы к нему привели в нижний этаж форта Гайоль женщину, содержащуюся в камере номер шесть.

Перед дверью комнаты, где ее ждал Шовелен, Маргарите пришлось несколько минут простоять в ожидании, пока один из сопровождавших ее солдат ходил с докладом, затем изнутри послышалась какая-то команда, и Маргариту грубо втолкнули в комнату. Где-то, по-видимому, было открыто окно, и свежий осенний воздух приятно освежил ее пылающее лицо. За столом, низко наклонив голову, сидел какой-то человек; при входе Маргариты он встал, и на нее глянули маленькие хитрые глаза Шовелена. Удалив солдат с приказом быть наготове явиться по первому его зову, Шовелен некоторое время молчал, пытливо глядя на Маргариту, и наконец сказал:

— Вам должно было показаться странным мое желание видеть вас сегодня вечером, но я хотел предупредить о тех неприятных новостях, которые вы можете услышать завтра, и по возможности смягчить передачу вам этих сведений, к чему меня побуждает мое искреннее дружеское чувство к вам.

— Прошу вас, оставьте эти уверения в дружбе, — холодно сказала она, — здесь некому их слушать. Говорите прямо, для чего вы меня позвали.

Шовелен не сразу приступил к объяснениям. Для него было удовольствием заставить страдать человека, находившегося от него в полной зависимости, и Маргарите теперь пришлось испытать это на себе. Долго играл он с ней как кошка с мышкой, пока она наконец не потеряла терпение.

— Бросьте свою дипломатию, мосье Шовелен! — воскликнула она. — Нам не к чему притворяться. Ни для кого не секрет, для чего вы ездили в Англию. Для чего было устраивать комедию в моем доме, припутав к ней еще Канталь? Для чего подстраивать вызов на дуэль, если только не для того, чтобы заманить сэра Перси Блейкни во Францию?

— И также его очаровательную супругу, — докончил Шовелен с насмешливым поклоном.

Она ничего не возразила.

— Хорошо, не будем притворяться! — продолжал он. — Ваша светлость теперь в Булони, вскоре явится

сюда и сэр Перси и будет стараться освободить вас, но верьте мне, прекрасная леди, что для обратного путешествия в Англию ему понадобится нечто побольше смелости и находчивости Красного Цветка, если только...

— Если только?..

У Маргариты захватило дыхание, а Шовелен молчал, наслаждаясь ее тревогой, и наконец добавил с любезной улыбкой:

— Ваша светлость слишком серьезно относится к моим словам. Вы так трагично повторяете мое невинное «если только», как будто я приставил кинжал к вашему очаровательному горлышку. Разве я не сказал вам, что я — ваш друг? Дайте мне возможность доказать это.

— Вы убедитесь, что это — нелегкая задача, — сухо сказала она.

— Все-таки я хочу попытаться и позволю себе перейти к делу. Если не ошибаюсь, вы думаете, что я стремлюсь послать на гильотину английского джентльмена, которого, поверьте, я глубоко уважаю! Не правда ли, это ваше мнение?

— Разумеется!

— Ни одна женщина не заблуждалась еще так сильно. Вы должны верить, что гильотина — последнее место в целом мире, где мне было бы приятно видеть эту загадочную и неуловимую личность.

— Вы хотите дурачить меня? Если да, то ради чего? Зачем так лгать?

— Простите, это — правда, клянусь честью! В мои расчеты вовсе не входит смерть сэра Перси Блейкни, мне лишь нужно уничтожить его. Верьте мне, я очень уважаю сэра Перси. Это настоящий джентльмен, остроумный, блестящий, неподражаемый щеголь. Отчего бы ему не украшать своим присутствием светских гостиных Лондона и Брайтона еще долгие-долгие годы?

Маргарита смотрела на него с нескрываемым изумлением. Неужели он усомнился в тождественности Перси с Красным Цветком?

— Мои слова кажутся вам загадкой, — продолжал Шовелен. — Однако такая умная женщина должна понимать, что, кроме смерти, есть еще другие способы уничтожить человека.

— Например, мосье Шовелен?

— Отнять у него честь, — медленно произнес он.

В ответ ему раздался громкий, горький смех.

— Отнять честь!.. Ха-ха-ха! Поистине ваша изобретательность превосходит самые смелые мечты! Ха-ха-ха! Сэр Перси Блейкни и лишение чести! Разве эти понятия совместимы?

Дождавшись, пока ее смех замолк, Шовелен спокойно произнес:

— Может быть, — а затем добавил: — Не разрешит ли ваша светлость проводить вас к тому окну? Воздух прозрачен, и то, чего я еще не договорил, лучше сказать в виду этого уснувшего города.

Тон француза был вежлив, даже почтителен, без малейшей насмешки, и Маргарита, заинтересовавшись его намеками и не чувствуя никакого страха, молча поднялась со стула, подошла к окну и, прислонившись головой к глубокой каменной амбразуре, устремила взор в темноту. Шовелен молча протянул руку по направлению к городу, как бы приглашая Маргариту взглянуть.

По-видимому, было уже поздно, так как городок был погружен в глубокий сон. Мягкий свет луны серебрил крыши зданий. Направо Маргарита увидела угрюмую башню Бефруа, с которой как раз в эту минуту раздались глухие удары колокола, возвестившие десять часов вечера. Затем воцарилась мертвая тишина.

Окно выходило прямо на широкую тенистую дорогу, тянувшуюся вдоль городских стен. Из окна Маргарите были видны крепостные валы, достигавшие здесь значительной ширины, метров в тридцать; по обеим их сторонам шла гранитная ограда, осененная двумя рядами старых вязов.

— Эти широкие валы составляют особенность Булони, — раздался рядом с ней голос. — В мирное время это место для приятной прогулки в тени деревьев и свиданий влюбленных... или врагов.

Маргарита молча кивнула головой.

Немного помолчав, Шовелен спросил, приходилось ли ей слышать публичных глашатаев на городских улицах, и, получив утвердительный ответ, добавил:

— Для вашей светлости крайне важно то, что теперь будут кричать на улицах.

— Почему это?

— Ваша светлость представляет драгоценный залог, и мы принимаем все меры для его охраны.

Маргарита вспомнила отца Фуке, которого, вероятно, обеспокоило ее долгое отсутствие.

— Кажется, вами и вашими товарищами для этого сделано уже все возможное, — сказала она.

— Но не в такой мере, как было бы желательно. Нам известна смелость Красного Цветка, и мы не стыдимся признаться, что нас пугают его дерзость и поразительная находчивость. Этому загадочному джентльмену ничего не стоит похитить старого священника и двоих детей, да и леди Блейкни на наших глазах может исчезнуть неизвестно куда. Не примите моих слов за признание собственного бессилия, — быстро проговорил он, заметив на ее лице слабый проблеск надежды, — ведь подобное признание есть первый признак силы. Наша заложница под надежной охраной, и Красный Цветок непременно попадет в наши руки, хотя в настоящую минуту еще находится на свободе.

— Ага, еще на свободе! — повторила Маргарита. — Неужели вы думаете, что при всей вашей изобретательности и помощи самого дьявола вы сможете помешать Красному Цветку, если он захочет освободить меня из ваших когтей?

— Может быть, и нет! — насмешливо произнес Шовелен. — Все будет зависеть от ваших личных чувств и от того, захочет ли английский джентльмен спасать свою собственную шкуру за счет других.

Маргарита невольно вздрогнула.

— Я знаю, — спокойно продолжал Шовелен, — что освободить и переправить в Англию леди Блейкни и священника Фуке с двумя детьми — пустяки для могущественного заговорщика, который еще недавно вырвал из лионской тюрьмы целых двадцать аристократов. Не их имел я в виду, когда говорил о спасении собственной шкуры за счет других.

— Так кого же, мосье Шовелен?

— Всю Булонь.

— Я вас не понимаю.

— Я сейчас все объясню. На долю Булони выпало большое счастье: ей довелось охранять важную заложницу, леди Блейкни, и захватить ее мужа. При неблагоприятном исходе дела Булонь должна понести наказание, в случае успеха — получить награду не в пример прочим. Слышите вы крик глашатая? Он объявляет о награде и наказании. Если Красный Цветок попадет в руки Комитета общественной безопасности, объявляется общая амнистия всем уроженцам Булони, находящимся в настоя-

щее время под арестом, и прощение всем булонцам, которым уже подписан смертный приговор. Мудрено ли, что каждый горожанин и каждая горожанка заинтересованы в поимке Красного Цветка? Здесь, — он указал на стол, — у меня есть сведения, что булонских уроженцев, заключенных в тюрьмах или осужденных на смерть, много и в здешней тюрьме, и в парижских, и все они с нетерпением ожидают поимки Красного Цветка. Если же в тот день, когда этот английский шпион будет арестован, его жене удастся покинуть Булонь, Комитет общественной безопасности сочтет этот город гнездом изменников и в наказание расстреляет в каждой семье ее кормильца!

— Только дьявол мог придумать такую вещь! — с ужасом и отвращением воскликнула Маргарита.

— Между нами есть и дьяволы, — сухо подтвердил Шовелен, — но ведь от вас и этого неуловимого Красного Цветка зависит, чтобы эта угроза не была приведена в исполнение.

— Вы не можете сделать это! — медленно, с ужасом произнесла Маргарита.

— Не обманывайте сами себя, прекрасная леди. Я допускаю, что эта прокламация звучит как простая угроза, но позвольте вас уверить, что если Красный Цветок не попадет к нам в руки, а вы будете похищены этим таинственным рыцарем и исчезнете из крепости, то мы несомненно расстреляем или гильотинируем всякого булонца, способного к работе, будь то мужчина или женщина.

Шовелен говорил со спокойной уверенностью, без малейшей напыщенности, и на его лице Маргарита читала холодную решимость, наполнявшую ее душу ужасом; однако она старалась не показать ему отчаяния: она знала, что от него нельзя ждать пощады.

— Я думаю леди Блейкни, — сказал он с усмешкой, заставившей Маргариту подумать о злых духах ада, радующихся мучениям грешников, — что ваш покорный слуга наконец перехитрил неуловимого до сих пор героя.

Шовелен спокойно отошел к столу, а Маргарита, измученная разговором, осталась у окна, прислушиваясь к крикам глашатая, раздававшимся все ближе; теперь она ясно различала, что он говорил об амнистии и прощении в награду за поимку Красного Цветка.

— Спите, граждане Булони! Все спокойно! — это был уже голос ночного сторожа, сменившего глашатая.

В городе настала тишина, только в некоторых окнах

виднелся еще свет. Недалеко от окна, у которого стояла Маргарита, около ворот, ведущих во двор форта Гайоль, собралась небольшая кучка людей. До Маргариты долетел неясный шум голосов, большей частью сердитых и угрожающих, а один раз она явственно расслышала слова: «Английские шпионы!» и «На фонарь!».

— Булонские граждане охраняют сокровища Франции! — сухо заметил Шовелен с прежним жестким смехом.

— Наше свидание окончено? — спокойно спросила Маргарита. — Могу я удалиться?

— Когда вам будет угодно, — насмешливо ответил он, явно любуясь ее красотой. — Неужели вы все-таки не верите, леди Блейкни, что у меня на сердце нет никакой вражды к вам или к вашему супругу? Ведь я сказал вам, что не хочу его смерти!

— И однако пошлете его на эшафот, как только он попадает в ваши руки.

— Я уже объяснил вам, что хочу лишь захватить его, а там уже от него будет зависеть, куда отправляться: под нож гильотины или вместе с вами на свою яхту.

— Вы хотите предложить сэру Перси сохранить свою жизнь... взамен чего?

— Взамен его чести.

— Вы получите отказ!

— Посмотрим!

На звонок Шовелена явился солдат, который привел Маргариту. Шовелен встал со своего места и низко поклонился ей, когда она с гордо поднятой головой проходила мимо него.

X

Как только Маргарита скрылась за дверью, из глубины комнаты послышалось громкое зевание, за которым последовал целый поток грубых ругательств, и из темного угла вылезла нескладная, в запыленной одежде фигура и грузно уселась в кресло, на котором недавно сидела Маргарита.

— Ушла наконец проклятая аристократка? — хриплым голосом спросил человек.

— Ушла, — коротко ответил Шовелен.

— А вы чертовски много времени потратили на эту

дрянь, — проворчал его собеседник. — Еще немного, и я пустил бы в ход свои кулаки.

— И сделали бы то, на что не имеете никакого права, гражданин Колло, — спокойно заметил Шовелен.

— Если бы мне разрешили, я при первой возможности свернул бы ей шею, — свирепо проворчал Колло.

— И Красный Цветок не попал бы в ваши руки, ответил Шовелен. — Если бы его жены здесь не было, англичанин ни за что не сунул бы головы в ту западню, которую я ему так заботливо приготовил.

— Оттого-то я и настаивал на принятии всевозможных мер, чтобы эта женщина не убежала.

— Вам нечего опасаться, гражданин Колло: она отлично поняла, что наша угроза — не пустая шутка.

— Не шутка? Вы правы, гражданин! Если эта женщина сбежит, клянусь, я сам стану управлять гильотиной и собственноручно отрублю головы всем мужчинам и женщинам, которые могут работать. А что касается проклятого англичанина, то — попади он только в мои руки — я застрелю его как бешеную собаку и освобожу Францию от поганого шпиона.

— Этим вы ничего не достигнете, так как он действует не один, а его убийством вы только создадите ему славу героя, погибшего за свои благородные поступки.

— И все-таки вы до сих пор не поймали его, — фыркнул Колло.

— Это будет сделано завтра, после солнечного заката.

— Каким образом?

— Я приказал звонить к вечерней молитве в одной из запертых церквей, а он принял вызов на дуэль со мной на южном крепостном валу как раз в это время.

— Вы, вероятно, принимаете его за дурака? — сказал Колло.

— Нет, за безумно смелого искателя приключений. Он наверняка придет.

— А что будет дальше?

— На валу будут ждать двенадцать вооруженных людей, готовых схватить его при первом появлении.

— И немедленно расстрелять?

— Я предпочитаю получить его живым; у меня есть оружие, которое для него гораздо страшнее смерти.

— Что это за оружие, гражданин Шовелен?

— Бесчестие и осмеяние — взамен его жизни и жизни его жены.

— Вы, кажется, с ума сошли, гражданин, и можете оказать Республике плохую услугу, пощадя жизнь ее величайшего врага.

— Вы так думаете? — расхохотался Шовелен. — Нет, гражданин. Ведь скоро этот человек, обожаемый в Англии, как бог, вдруг сделается посмешищем и предметом всеобщего презрения. Только тогда будем мы в безопасности от этой шайки английских шпионов, когда ее предводитель будет вынужден в самоубийстве искать спасения от всеобщего презрения. А теперь не пойти ли нам спать? — предложил Шовелен, стремившийся остаться наедине с собой.

К его удовольствию, Колло что-то проворчал себе под нос, что выражало согласие, и, кивнув товарищу, вышел из комнаты.

Удобно усевшись в кресле, Шовелен предался приятным размышлениям.

— Ну, неуловимый герой, — шептал он, — мне сдается, что мы с тобой теперь расквитаемся! Бесчестие и осмеяние! — вслух повторил он с наслаждением лакомки.

Вдруг до его слуха долетел знакомый беззаботный смех:

— Ради Бога, скажите, мосье Шобертен, как намерены вы привести в исполнение эти приятные вещи?

В одно мгновение Шовелен был на ногах и широко раскрытыми глазами смотрел на ярко освещенного луной сэра Перси, который в широком плаще, накинутом поверх его обычного элегантного костюма, спокойно сидел на окне.

— Услыхав, как вы повторяли такие интересные слова, я не мог устоять от искушения заглянуть сюда, — хладнокровно пояснил сэр Перси. — Человек, разговаривающий сам с собой, находится в незавидном положении: он или дурак, или сумасшедший. Разумеется, эти эпитеты к вам не могут относиться, мосье Шобертен... э... э... простите... Шовелен!

Одна его рука покоилась на рукоятке шпаги Лоренцо Ченчи, в другой он держал золотой лорнет.

Шовелен так растерялся, что даже не подумал позвать вооруженную стражу. Наконец, рассердившись на себя за собственное замешательство, он, пытаясь подражать хладнокровию своего врага, прямо подошел к сэру Перси, причем, протянув руку, почти коснулся его плеча.

— Может быть, вам лучше завладеть одной моей ногой? — весело спросил Блейкни, протягивая ему ногу в изящном башмаке. — Так будет вернее, чем брать за плечо. А за другую ногу могут держать ваши шесть гвардейцев. Да не смотрите так на меня, я не призрак.

— Нет, сэр Перси, я вовсе не думаю, что вы собираетесь сбежать. Вы, вероятно, желали говорить со мной, если решились на столь поздний визит?

— Нет, я просто шел вдоль валов, думая о нашей завтрашней встрече, как вдруг увидел открытое окно. Подумав, что сбился с пути, я зашел сюда, чтобы узнать дорогу.

— К ближайшей камере, сэр Перси? — сухо спросил Шовелен.

— Все равно куда, лишь бы мне сесть удобнее, чем на этом жестком торчке. Здесь чертовски неловко сидеть!

— Я полагаю, сэр Перси, что вы сделали мне и моему товарищу честь, слушая наши разговоры. Впрочем, у нас не было секретов. Мы говорили о том, о чем толкует весь город. Но, кроме того, я имел разговор и с леди Блейкни. Его вы также слышали?

По-видимому, сэр Перси не расслышал этого вопроса: он был усердно занят чисткой своей шляпы.

— По таким шляпам вся Англия сходит теперь с ума, — проговорил он, — но мне они уже надоели. Когда я вернусь в Лондон, то употреблю все старания, чтобы придумать новый фасон.

— А когда вы думаете вернуться в Англию, сэр Перси? — с насмешкой спросил Шовелен.

— Завтра вечером, когда начнется прилив.

— Вместе с леди Блейкни?

— Разумеется... и с вами, если вам будет угодно удостоить нас своим обществом.

— Боюсь, что леди Блейкни не будет в состоянии сопровождать вас.

— Вы поражаете меня, сэр! Кто же может помешать ей?

— Все те, чья смерть явится следствием бегства миледи из Булони... Разве вы не слышали о мерах, принятых для того, чтобы помешать миледи покинуть этот город без нашего разрешения?

— Нет, мосье Шобертен, — спокойно ответил сэр Перси, — ничего не слыхал. За границей я веду очень уединенную жизнь.

— Желаете вы узнать это теперь?

— Уверяю вас, это бесполезно, да и становится поздно.

— Сэр Перси, если вы не выслушаете меня, то через сутки ваша жена будет доставлена в. Париж на суд Комитета общественной безопасности, — твердо заявил Шовелен.

— Однако какие у вас быстрые лошади! — любезно сказал сэр Перси. — А я всегда считал, что французские лошади не в состоянии побить наших.

— Сегодня вечером я объяснил леди Блейкни, — продолжал Шовелен, — что если она покинет Булонь, прежде чем Красный Цветок будет в наших руках, мы расстреляем по одному человеку из каждой семьи, и это обязательно будет ее кормилец. Поэтому мы крепко сторожим леди Блейкни. Что касается Красного Цветка...

— То вам стоит лишь позвонить — и через минуту он уже будет под замком, не так ли?.. Но вам, как я вижу, ужасно хочется что-то сказать мне. Продолжайте, пожалуйста: ваше любезное внимание своей серьезностью начинает интересовать меня.

— Я хочу предложить вам сделку, сэр Перси. Желаете узнать условия?

— Я еще не знаю, что могу выиграть, но предположим, что я интересуюсь лишь тем, что выигрываете вы... В чем же дело?

— Леди Блейкни в сопровождении вас и некоторых из ваших друзей, которые окажутся в Булони, будет завтра вечером отправлена в Париж и водворена в Тампле, в освободившемся помещении Марии-Антуанетты; обращаться с ней будут совершенно так же, как с Марией-Антуанеттой. Вы понимаете, что это значит? Дни, недели, может быть, месяцы нищеты и унижений. Подобно Марии-Антуанетте, она ни на минуту не будет оставаться одна ни днем, ни ночью, будет постоянно в обществе солдат, полных жестокости и ненависти... Оскорбления, насмешки...

— Ах, ты, поганый пес!.. Собака!.. Ведь я тебя за это убью!

Нападение было так неожиданно, что Шовелен не успел позвать на помощь.

— Грязный пес! — повторял Блейкни, сдавливая ему горло. — Я убью тебя, если ты не возьмешь назад своих слов!

Но Блейкни быстро опомнился, к бледным от гнева щекам снова прилила кровь, и он отшвырнул от себя француза, как надоедливое животное, и провел рукой по лбу.

Шовелен быстро оправился и принялся приводить в порядок помятый галстук.

— Вы ничего не выиграли бы, убив меня, сэр Перси, — проговорил он. — Судьба леди Блейкни определена, так как она в нашей власти. Однако вы не знаете, какое средство я хочу предложить вам для ее спасения.

Блейкни стоял теперь посреди комнаты, спокойно заложив руки в карманы.

— Я чуть не забыл, — сказал он, — ведь вы говорили о какой-то сделке?

— Предупреждаю вас, сэр Перси, что я вовсе не желаю вашей смерти...

— Как странно! А я очень желаю вашей — по крайней мере одним гадом на земле будет меньше... Простите, я вас перебил!

— Постараюсь быть кратким, — начал Шовелен, не обращая внимания на слова Блейкни. — Но не угодно ли сесть? Что касается меня, то я всегда чувствую себя спокойнее, когда меня защищает стол с бумагами. Я не атлет, сэр Перси, и служу своей родине чаще пером, нежели кулаками.

Сказав несколько слов о том, что строгие меры, которые предполагалось применять в тюрьме к леди Блейкни, зависели не от него, Шовелен удивился, что не слышит возражений, и, подняв взор на Блейкни, увидел, что тот спит. С губ Шовелена сорвалось ругательство, и он крепко ударил кулаком по столу.

— Тысяча извинений! — сказал Блейкни, зевая. — Но я чертовски устал, а ваше предисловие было так длинно! Признаю, что сон во время проповеди указывает на дурные манеры, но я так устал!

Шовелен не знал, что ему делать. Наконец он встал, подошел к двери, не теряя Блейкни из виду, бесшумно отворил дверь и быстро шепнул сержанту:

— Пошлите двух солдат немедленно привести сюда заключенную из камеры номер шесть.

XI

Как только Маргарита вошла в комнату, сэр Перси встал и низко поклонился ей. Она сразу увидела мужа и поняла, что несчастье разразилось.

— Леди Блейкни, — начал Шовелен, отпустив солдат, — расставаясь с вами, я не ожидал, что так скоро буду иметь удовольствие видеть сэра Перси. Через двадцать четыре часа вы сможете быть на вашей яхте, а сэр Перси — сопровождать вас, так как не одобряет вашего пребывания в Париже. Я почти уверен, что он примет те условия, которые должен будет исполнить, прежде чем я подпишу приказ о вашем освобождении.

— Ты очень устала, дорогая, — сказал Блейкни. — Не хочешь ли сесть?

Опускаясь в придвинутое им кресло, она тщетно старалась прочесть что-нибудь на его лице.

— Это просто обмен подписями, — продолжал Шовелен. — Вот здесь приказ о разрешении сэру Перси Блейкни и его жене беспрепятственно покинуть Булонь. Можете быть спокойны, — прибавил он, — все в порядке, недостает только моей подписи. Эта бумага вступит в действие немедленно после того, как сэр Перси собственноручно перепишет письмо по тому образцу, который я ему дам, и поставит под ним свое имя. Документ будет в виде письма... Вот он: «Гражданин Шовелен! При условии получения мною суммы в миллион франков и прекращении начатого против меня странного обвинения в заговоре против Французской Республики, я готов сообщить Вам имена и намерения лиц, объединившихся в так называемую лигу Красного Цветка, которые теперь составили заговор с целью освобождения гражданки Марии-Антуанетты и ее сына и возведения их на французский престол. Вам известно, что, считаясь вождем кружка англичан, не сделавших ни Французской Республике, ни французскому народу никакого существенного вреда, я в действительности открыл Вам несколько роялистских заговоров и довел наиболее упорных из заговорщиков до гильотины. Меня удивляет, что Вы не соглашаетесь на ту сумму, которую я прошу на этот раз за очень важное сообщение, тогда как Вы платили более крупные суммы за дела, не представлявшие для меня таких затруднений. Для того, чтобы приносить существенную пользу Вашему правительству как в Англии, так и во Франции, я должен располагать большими деньгами для придания моему дому блеска, соответствующего моему зва-

нию. Если бы я оказался вынужденным вести иной образ жизни, я не мог бы вращаться в той среде, к которой принадлежат все мои друзья и в которой, как Вам известно, получают начало все роялистские заговоры. Надеясь через сутки получить благоприятный ответ на свою справедливую просьбу, я немедленно сообщу Вам требуемые имена. Имею честь остаться Вашим, гражданин, покорным слугой»...

Не успел Шовелен кончить чтение, как в комнате раздался громкий веселый смех: это сэр Перси от души хохотал.

— Чудное письмо! — воскликнул он. — Клянусь, что если бы я подписал такое письмо, да еще написанное по-французски, то никто не поверил бы, что я могу так великолепно объясняться.

— Я и это все обдумал сэр Перси, — сухо заметил Шовелен, — и во избежание всяких сомнений в подлинности письма ставлю условием, чтобы каждое слово было вами собственноручно написано при мне, в этой самой комнате, в присутствии леди Блейкни, моего товарища и по крайней мере еще полудюжины лиц по моему выбору.

— Это чудесно придумано, — подтвердил сэр Перси, — но мне хотелось бы знать, что будет дальше с этим интересным посланием? Простите мое любопытство, но я вполне естественно тревожусь об этом... А ваша изобретательность превосходит всякие ожидания!

— Дальнейшая судьба этого письма очень незатейлива... Его копия будет помещена в «Gazette de Paris» с интересными заглавиями. Я думаю, вам, сэр, не стоит опасаться забвения; мы постараемся, чтобы письмо получило заслуженную известность.

— Я не сомневаюсь, мосье... э-э... Шобертен, в вашем замечательном умении с любезным видом обливать людей грязью, — сказал Блейкни. — Но... я перебил вас, простите! Продолжайте, прошу вас!

— Я уже почти все сказал. Все меры будут приняты, чтобы вы не могли впоследствии отречься от своего письма. Вы напишете его в присутствии свидетелей и получите деньги из рук одного из моих товарищей, на глазах у всех... И все будут знать, что ваша роль предводителя известного кружка служила только для прикрытия вашей настоящей деятельности — оплаченного шпиона французского правительства.

— Замечательно остроумно придумано! — повторил сэр Перси.

— Прибавлю еще, — заговорил опять Шовелен, стараясь казаться спокойным, хотя его голос слегка дрожал от торжества, — что теперь по всей Франции предполагаются празднества в честь новой религии. Они начнутся в Булони, имевшей счастье захватить Красный Цветок, причем богиню новой религии — богиню Разума — будет изображать известная вам мадемуазель Канталь...

— У вас тут будет очень весело, черт возьми!

— Да, весело! — воскликнул Шовелен с диковатым блеском в глазах, — потому что мы увидим то, что должно наполнить радостью сердце каждого честного патриота. Не смерти Красного Цветка добивались мы, а его унизительного поражения и бесчестия! Вы спросили меня, каким образом намерен я осуществить это; теперь вы это знаете: з а с т а в и т ь вас написать письмо и взять из наших рук деньги, которые навсегда опозорят вас как лжеца и доносчика и покроют несмываемым бесчестием...

— Черт побери, — любезно прервал его сэр Перси, — как вы удивительно владеете английским языком! Если бы я наполовину так хорошо владел французским!

В эту минуту Маргарита медленно поднялась со своего места, чувствуя, что не в силах больше выдержать этого.

— Кажется, наш разговор немного утомил вас, — с вежливым поклоном произнес сэр Перси. — Будьте так добры, мосье, прикажите проводить миледи в ее комнату.

— Перси! — невольно воскликнула Маргарита, и в этом скорбном призыве выразилось все, что она выстрадала в последнее время.

На губах Шовелена промелькнула довольная улыбка. Блейкни быстро сделал шаг назад, и это движение вернуло Маргарите самообладание. Устыдившись, что на минуту выдала свои чувства, она гордо подняла голову и с нескрываемым презрением взглянула на врага. Сэр Перси позвонил в стоявший на столе колокольчик.

— Простите за самовольство, — вежливо произнес он, — но миледи слишком утомлена и нуждается в отдыхе.

Маргарита бросила ему благодарный взгляд и, проходя к двери в сопровождении солдата, протянула мужу холодную как лед руку. Он поцеловал ее, низко склонившись. Только теперь почувствовала она, как дрожала эта милая красивая рука.

Как только Маргарита скрылась за дверью, сэр Перси обратился к Шовелену:

— Что вы хотели еще сказать?

— Мне больше нечего говорить, — отозвался Шовелен. — Мои условия вам вполне ясны, не так ли? Если письмо не будет написано, вашей жене предстоит долгое, унизительное заключение в Тампле и как счастливый исход — гильотина. Я прибавил бы то же самое и для вас, но должен отдать вам справедливость, вы об этом вовсе не заботитесь.

— Вы ошибаетесь — это меня очень интересует. Я вовсе не желаю кончить жизнь под ножом гильотины. Скверная, неудобная вещь — ваша проклятая гильотина! Мне говорили, что волосы стрижет неумелый цирюльник. Брр!.. А мысль о национальном празднестве мне очень нравится. Кстати, к какому времени должно быть готово мое письмо?

— Когда вам будет угодно, сэр Перси.

— «Мечта» должна сняться с якоря в восемь часов. Вам удобно будет получить письмо за час до этого?

— Разумеется, сэр Перси, если вы пожелаете воспользоваться моим гостеприимством в этом помещении до завтрашнего вечера.

— Благодарю вас!

— Должен ли я понять, что вы...

— Что я принимаю ваши условия, любезный? — ответил Блейкни смеясь. — Черт возьми, говорят вам: я согласен! Я напишу и подпишу письмо, а вы позаботьтесь, чтобы паспорта и деньги были готовы. В семь часов, вы сказали? И не изумляйтесь, любезный! А теперь ради всех демонов ада дайте мне ужин и постель; признаюсь, я чертовски устал!

Сэр Перси без дальнейших разговоров позвонил, продолжая смеяться, затем его смех внезапно перешел в зевоту, и, бросившись на стул и вытянув свои длинные ноги, он засунул руки в карманы и через минуту уже крепко спал.

XII

На улицах Булони собирались толпы недовольного, угрюмого народа. Прокламация была прочитана как раз в то время, когда мужчины покидали таверны, намереваясь идти по домам. Сообщения глашатаев произвели удруча-

ющее впечатление. О сне никто и не думал. В каждой семье дрожали за жизнь кормильца. Сопротивление жестокому приказу было бы бесполезно, да об этом и не думал никто из смиренных, невежественных рыбаков, изнуренных вечной борьбой за существование. Кроме того, отовсюду доходили слухи о суровой каре за всякое неповиновение правительственной власти.

Поэтому все мужское население отправилось к форту Гайоль убедиться, что за заложницей учрежден должный надзор. Внутри здания было темно, только из одного освещенного окна слышался чей-то веселый голос, говоривший на непонятном языке, похожем на английский. На дубовых воротах, ведущих в тюремный двор, была прибита прокламация, тускло освещаемая фонарем.

Против этих ворот и остановились пришедшие. Они намеревались простоять так всю ночь, не надеясь на приставленных часовых.

Вдруг тяжелые ворота отворились, и из тюремного двора вышли несколько солдат, все рослые и сильные, как на подбор. Они прошли мимо часового, который отдал им честь; среди них была какая-то худощавая фигура, вся в черном, если не считать трехцветного шарфа вокруг пояса.

— Кто это? — шепотом спросил кто-то.

— Это тот человек, которого прислали из Парижа, — ответил старшина рыбаков, — друг Робеспьера; его сам губернатор должен слушаться.

— Что делают здесь эти люди? — спросил Шовелен, проходя мимо собравшихся булонцев.

— Они сторожат, чтобы женщина не убежала, гражданин, — ответил тот, к кому Шовелен обратился с вопросом.

Этот ответ заставил Шовелена самодовольно улыбнуться.

Когда он со своей стражей удалился, толпа продолжала напряженно следить за зданием тюрьмы. На старой башне Бефруа пробила полночь, последний свет в башне погас, и все погрузилось в глубокий мрак.

В эту ночь никто не ложился спать: мужчины сторожили у тюрьмы, а женщины, сидя дома, с тревогой прислушивались к каждому звуку, нарушавшему тишину.

Под утро Огюст Моле, городской глашатай, с колокольчиком в руках стал ходить по улицам в сопровождении двух солдат, крича:

— Граждане Булони, просыпайтесь! Просыпайтесь и слушайте! Правительство повелело, чтобы сегодня был день всеобщего веселья и радости! Нечего бояться, что та женщина убежит из тюрьмы. Вчера вечером сам Красный Цветок заключен в тюрьму.

— Кто это — Красный Цветок? — спросил кто-то.

— Английский шпион, друг аристократов, — пояснил Огюст, — и Комитет общественной безопасности так рад этому, что объявляет прощение всем заключенным в тюрьмах жителям Булони, помилование всем приговоренным к смерти уроженцам Булони и разрешает всем желающим покинуть город и отправиться куда кому угодно, без паспортов и каких бы то ни было формальностей!

Объявление было встречено молчанием: никому не верилось в такое счастье, особенно так скоро после предыдущего жестокого приказа.

Затем Огюст Моле объявил об упразднении Бога, который, «как аристократ и тиран, должен быть низложен», и напомнил о благодарности Робеспьеру, приславшему из Парижа такой милостивый приказ.

Прокричав «Ура!» гражданину Робеспьеру и Французской Республике, граждане, забыв недавние тревоги, уже составляли планы праздника с костюмированными процессиями, музыкой и танцами.

Как только на башне Бефруа пробило шесть часов, улицы наполнились пестрой толпой, которая, во главе с барабанщиком и трубачами, с пением «Марсельезы» и «Ça ira» отправилась вокруг города; причем не была забыта и торжественная красная колесница, на которой восседала «Богиня Разума», гражданка Дазире Канталь, вся в белом, с чудным бриллиантовым ожерельем на шее.

А вдоль крепостных валов собирались немногочисленные молчаливые группы в ожидании обещанного пушечного выстрела со старой башни Бефруа. Это были матери, сестры и невесты заключенных, пришедшие встретить освобождаемых узников, которым после поимки английского шпиона обещано прощение и которые сегодня вечером могут покинуть родной город и без всяких задержек и затруднений отправляться на все четыре стороны.

Что касается Шовелена, то весь этот день он провел в большой тревоге. Он перевел Маргариту в комнату рядом с той, где должен был разыграться последний акт задуманной им драмы. Приказав обставить новое помещение как можно удобнее, он два раза приходил справляться,

не нужно ли Маргарите чего-нибудь, причем сообщил ей, что сэр Перси чувствует себя хорошо.

Расставаясь со священником Фуке, верным товарищем в течение долгих мучительных часов заключения, леди Блейкни со слезами упала перед ним на колени.

— Если бы я могла хоть на одну минуту увидеть его! — рыдала она. — Если бы я только могла что-нибудь узнать!

— Богу все известно, — тихо проговорил старик, — и, может быть, Он все устроит к лучшему.

Призвав к себе сержанта Эбера, своего верного друга, Шовелен приказал ему отворить запертую по приказанию Конвента церковь святого Иосифа и осмотреть, в порядке ли веревки у колоколов, чтобы можно было в назначенное время подать условный сигнал. Отца Фуке приказано было привести в комнату, где сэр Перси будет писать свое знаменитое письмо, и внушить ему, чтобы он наблюдал за всем, что будет происходить, а затем по данному Шовеленом знаку прошел в церковь святого Иосифа и зазвонил к вечерней молитве.

И священник, и леди Блейкни должны были явиться незадолго перед семью вечера.

Около них все время должна была находиться стража с самим Эбером во главе.

Отдав эти приказания, Шовелен не мог отказать себе в удовольствии взглянуть на сэра Перси, о котором он уже не раз справлялся в течение дня, причем ему каждый раз неизменно отвечали, что узник здоров, мало ест, но много пьет: по крайней мере он несколько раз посылал за вином и водкой.

Шовелен нашел Блейкни дремлющим на постели, слишком короткой для него. В воздухе носился запах водки, на столе, рядом с пустыми бутылками лежало несколько листов бумаги, на одном из которых было написано начало письма.

Шовелен взял в руки бумагу... Позади него раздался сонный голос:

— На кой черт с этим спешить, мосье... э... э... Шобертен? Еще успеется! Я, право, не так пьян, как вы думаете!

Шовелен от такой неожиданности даже выронил из рук бумагу.

— Когда же письмо будет готово, сэр Перси? — спросил он.

— А когда «Мечта» должна поднять якорь? — спросил в свою очередь сэр Перси, с трудом шевеля языком.

— Около заката, сэр Перси, не позже!

— Около заката... не позже, — пробормотал сэр Перси, снова растягиваясь на постели и громко зевая. — Я не... опоздаю... я вовсе не так пьян... как вы думаете.

И он заснул, а Шовелен, выйдя от него, приказал, чтобы ни под каким видом ему не приносили больше ни вина, ни водки.

«В течение двух часов он проспится, — рассуждал Шовелен, — и тогда будет в состоянии написать письмо твердой рукой».

Наступил вечер. В большой комнате нижнего этажа царило тягостное молчание. Хотя окно было открыто, но было душно и пахло нагаром от горевших на столе сальных свечей.

Вдоль стен неподвижно стоял ряд солдат в темно-синих мундирах с примкнутыми штыками, а недалеко от стола пятеро человек в таких же мундирах с сержантом Эбером во главе охраняли молодую женщину и старого священника. Отец Фуке не вполне ясно понял наскоро данные ему указания, но обрадовался возможности еще раз позвонить к вечерней молитве в своей любимой церкви. Когда его грубо втолкнули в комнату, он спокойно вынул из кармана четки и принялся шептать про себя молитвы. Возле него сидела Маргарита, неподвижная как статуя, в длинном плаще, с накинутым на голову капюшоном, отчасти скрывавшим ее лицо...

— Если женщина двинется с места или закричит, — сказал Колло д'Эрбуа, — заткните ей горло!

Эбер стал рядом с леди Блейкни, приготовив кляп и тяжелый плащ, а двое солдат держали ее за плечи.

За столом в своем широком плаще, из-под которого виднелся щегольский костюм, сидел сэр Перси, старательно переписывая черновик, данный ему Шовеленом. По одну его сторону стоял Шовелен, по другую — Колло д'Эрбуа, с жадностью следившие за его работой.

Вдруг среди мертвой тишины послышались отдаленный шум и гул, как будто от раскатов грома: это приближались веселящиеся граждане Булони, с пением, музыкой и барабанным боем.

Услышав этот шум, сэр Перси на мгновение остановился и сказал, обращаясь к Шовелену:

— Я почти кончил!

Всеобщее напряжение становилось невыносимым. Маргарита не сводила взора с любимого лица, чувствуя, что наступает решительный момент, а старый священник перестал шептать свои молитвы и дружески пожал холодную руку молодой женщины.

Между тем пестрая толпа в самых разнообразных костюмах уже стояла под самым окном, требуя, чтобы ей показали английского шпиона. Шум и гам были невообразимыми.

Колло приказал запереть окна и оттеснить толпу, но она не поддавалась, а когда солдаты хотели закрыть окно, двадцать дюжих кулаков разбили стекла.

— Я не могу писать при таком шуме, — сказал сэр Перси. — Прогоните этих дьяволов.

— Они не уйдут... Они хотят видеть вас...

— Хотят видеть меня? — со смехом повторил сэр Перси. — Что же, пусть посмотрят!

Он быстро дописал письмо, сделал смелый росчерк под своим именем и, слегка придерживая рукой бумагу, на которой писал, отодвинулся от стола.

У Шовелена сердце готово было разорваться от волнения.

— Черт побери! Ну, пусть посмотрят на меня! — И сэр Перси, выпрямившись во весь свой огромный рост, схватил в каждую руку по тяжелому оловянному подсвечнику и высоко поднял их над головой.

— Письмо! — хрипло прошептал Шовелен.

Но прежде чем он успел протянуть за письмом руку, Блейкни с размаху кинул оба подсвечника на пол. Они с грохотом покатились в разные стороны, свечи погасли, и комната в одно мгновение погрузилась во мрак.

В толпе раздались крики ужаса. Все на один миг увидели гигантскую фигуру, которая, стоя с вытянутыми руками, показалась неестественно огромной, а в следующий миг все исчезло в темноте. Охваченные суеверным страхом, пьеро и пьеретты, паяцы и коломбины вместе с барабанщиками и трубачами пустились бежать куда глаза глядят.

В темной комнате царила страшная суматоха. Кто-то крикнул: «К окну!» — и все, недолго думая, бросились через окно преследовать... кого?.. Преследователи и сами не знали, но в одну минуту комната почти опустела.

— Где письмо? — кричал Шовелен. — Ко мне, Колло! Письмо в его руках!

В темноте послышался шум борьбы, затем раздался торжествующий голос Колло:

— Письмо у меня! В Париж!

— Победа! — отозвался ликующий голос Шовелена. — Скорее звонить к вечерней молитве! Эбер, отправляйте попа звонить.

Колло д'Эрбуа впотьмах нашел дверь, крикнул своих спутников и вышел во двор, откуда вскоре послышались шум и бряцанье оружия; затем стук копыт быстро удалявшихся лошадей показал, что отряд понесся к Парижу.

Шовелен со вздохом облегчения опустился в кресло, нисколько не заботясь о судьбе сэра Перси и его жены, ведь письмо было уже на пути в Париж. Вдруг его слух был поражен каким-то странным звуком. Не различая ничего в окружающей темноте, Шовелен, держась за стену, добрался до двери, возле которой слабо мерцала маленькая масляная лампа, снял ее со стены и вернулся в комнату. Из темноты выступила огромная фигура сэра Перси. Он с улыбкой глядел на Шовелена, держа в руке одну из шпаг Лоренцо Ченчи.

— Наступили день и час, назначенные для нашей дуэли, — произнес он, — а вот и южный крепостной вал, если не ошибаюсь. Угодно вам будет приступить?

При виде этого человека Шовелен почувствовал в душе смертельный холод и побледнел как полотно. В наступившей тишине отчетливо донеслись звуки церковного колокола, призывавшие к молитве.

Шовелен с трудом овладел собой.

— Довольно, сэр Перси! — резко сказал он. — Вы прекрасно знаете, что я никогда не имел намерения драться с вами этими отравленными шпагами и...

— Да, я это знал, мосье Шовелен! Но знаете ли вы, что я имею намерение убить вас... как собаку? — отбросив шпагу, Блейкни наклонился над его тщедушной фигуркой.

Однако Шовелен не испытывал больше ни малейшего страха.

— Если даже вы убьете теперь меня, сэр Перси, — спокойно сказал он, — вы не сможете уничтожить письмо, которое гражданин Колло д'Эрбуа в настоящую минуту везет в Париж!

От этих слов настроение сэра Перси мгновенно изменилось, и он разразился самым добродушным смехом.

— Ну, мосье... э-э... Шобертен, — весело воскликнул он, — это всего остроумнее! Вы слышите, дорогая? Черт возьми! Да я просто умру от смеха!.. Мосье думает... нет, это чертовски остроумно!.. Мосье думает, что английский джентльмен станет бороться, валяясь на полу, для того чтобы отдать злополучное письмо!

— Сэр Перси! — прошептал Шовелен, томимый странным предчувствием.

— Вы положительно изумляете меня, — продолжал сэр Перси, вынимая из кармана смятую бумагу и показывая ее Шовелену. — Вот письмо, которое я писал, чтобы выиграть время. Однако вы гораздо глупее, чем я думал, если предполагали, что я могу дать бумаге какое-нибудь иное назначение, кроме вот этого! — И он резким движением ударил Шовелена бумагой по лицу. — Хотите знать, мосье... э-э... Шобертен, какое письмо везет в Париж ваш друг, гражданин Колло? Оно короткое и написано стихами; я написал его сегодня, пока вы думали, что я пьяный спал. Нет, водка была вся вылита за окно, я недаром сказал, что не так пьян, как вы думаете... Так вот содержание парижского письма:

Красный Цветок мы ищем впопыхах.
Где же он? На земле? В аду? Или в небесах?
Франция давно охотится за ним,
Но Цветок проклятый все ж неуловим!

Стихи недурны и в переводе, вероятно, доставят большое удовольствие вашему другу, гражданину Робеспьеру.

Пока Блейкни говорил, послышался в третий раз звон к вечерней молитве, а в гавани прогремела пушка. Теперь каждую минуту мог вернуться Эбер или кто-нибудь из солдат, и сэру Перси пора было подумать о бегстве. Схватив Шовелена за плечи, он быстро оттащил его в ту сторону, где незадолго перед тем сидели Маргарита и отец Фуке. При помощи веревки, плаща и кляпа, приготовленных для леди Блейкни, сэр Перси, хорошо отдохнувший в этот день, в одну минуту сделал из бывшего французского уполномоченного при английском дворе бесформенный узел, неспособный ни двигаться, ни звать на помощь, а затем отнес его в ту комнату, где целый день страдала Маргарита. Уложив Шовелена на постель, он несколько мгновений смотрел на него с какой-то смесью сострадания и презрения, а перед уходом невозмутимо вынул из кармана клочок бумаги и вложил его в дрожащие пальцы своего врага.

На бумаге были нацарапаны четыре строки стихов, которые через сутки должны были прочесть Робеспьер и его товарищи. Затем Блейкни не спеша вышел из комнаты.

Когда он вернулся в комнату, где писал письмо, Маргарита стояла у стола, опершись изящной рукой на спинку стула; вся ее фигура выражала страстное ожидание. С той минуты, как ее муж схватил подсвечники, она уже поняла его намерения и все время была наготове помочь ему в случае нужды. Мужество ни на минуту не изменяло ей. Стоя в стороне, она чутко прислушивалась к тому, что происходило в темноте. Только тогда, когда беспомощное тело ее смертельного врага исчезло с ее пути, она вышла из темного угла и теперь стояла у стола, освещенная лампой.

Войдя в комнату, Блейкни в дверях остановился, как будто радость видеть любимую женщину была ему не под силу. В следующую минуту Маргарита уже лежала в его объятиях, все тревоги были забыты, он помнил одно: что она его любит, а он ее боготворит.

Вдруг за окном послышался трижды повторенный крик морской чайки.

— Это, должно быть, Тони, — сказал сэр Перси, осторожно поправляя капюшон на голове жены.

— Лорд Тони? — прошептала она, словно пробуждаясь от сна.

— Ну да, Тони, и с ним еще кто-нибудь; я велел им быть наготове сегодня вечером, как только в крепости все успокоится.

— Значит, ты был уверен в успехе, Перси? — с изумлением спросила он.

— Уверен, — просто ответил он.

Затем он подвел жену к окну и поднял над подоконником; окно было невысоко над землей, и две пары сильных рук осторожно помогли Маргарите встать на ноги. Потом Блейкни и сам выпрыгнул из окна, и все отправились к воротам крепости. На крепостных валах никого уже не было, веселящиеся граждане были далеко, лишь изредка попадались одинокие пешеходы с узлами, спешившие воспользоваться разрешением покинуть город, где гильотина поглотила уже немало жертв.

Вдруг маленькая группа наткнулась на кучку солдат, в нерешительности стоявших возле открытых ворот форта.

— Смотри-ка, англичанин! — тревожно сказал один из солдат.

— Должно быть, едет домой, в Англию, — лениво ответил товарищ.

Все ворота были отворены при первых звуках церковного колокола, ведь всем было известно, что всякий желающий мог беспрепятственно ехать, куда желал, а о постигшей планы Шовелена неудаче не знал никто в Булони, поэтому группа, состоявшая из сэра Перси, Маргариты, лордов Дьюхерста и Гастингса, спокойно миновала городские ворота. Там их ожидали лорд Эвернгем и сэр Филипп Глайнд, встретившие отца Фуке около церкви и проводившие его из города, между тем как Франсуа и Фелисите со своей старой матерью находились под охраной других членов лиги.

— Мы все участвовали в процессии, наряженные в лохмотья, — объяснял лорд Тони Маргарите, пока они быстро направлялись к гавани. — Мы сами не знали, что нам придется делать, знали только, что нам надо смешаться с толпой и около времени, назначенного для дуэли, быть невдалеке от южного крепостного вала. Увидев Блейкни с подсвечниками, мы догадались, в чем дело, и каждый отправился на назначенное ему место. Все это было весьма и весьма просто.

Молодой человек говорил весело и как бы шутя, но он не мог скрыть восторга и гордости солдата, восхищающегося смелостью и заслуженной славой своего вождя.

Шлюпки с яхты «Мечта» уже ожидали их в гавани, и, когда все уселись и гребцы налегли на весла, старый аббат Фуке принялся читать свои молитвы под мягкий аккомпанемент морских волн. Спасение свое и своих близких, их радость и счастье он принял с такой же смиренной кротостью и покорностью, с какой готовился встретить смерть, но тонкий слух Маргариты уловил, что в конце молитвы он просил милосердного Бога принять под Свой покров «английского спасителя».

* * *

...Только один раз мысленно вернулась Маргарита к этому ужасному периоду своей жизни. Как-то она бродила с мужем по каштановой аллее в чудном ричмондском парке. Был вечер, воздух был напоен запахом мокрой земли, облетевших роз и увядающей резеды. Положив дрожащую руку на руку мужа, Маргарита полными слез глазами взглянула ему в лицо и прошептала:

— Ты простил, Перси?

— Что, дорогая?

— Тот ужасный вечер в Булони... выбор, предложенный тебе врагом... его страшное «или-или»... Ведь все это я навлекла на тебя... это было по моей вине...

— За это, дорогая, я должен благодарить тебя.

— Благодарить?

— Без этого вечера в Булони, — сказал Блейкни, сделавшись вдруг серьезным, — без предложенного мне этим дьяволом выбора я никогда не узнал бы, как ты для меня дорога.

При одном воспоминании о той тревоге, о пережитом в тот вечер унижении его голос сделался резок, а руки невольно сжались в кулаки.

Маргарита теснее прижалась к мужу и, положив голову к нему на грудь, мягко произнесла:

— А теперь?

— Теперь я это знаю, — еще серьезнее ответил Красный Цветок, крепко прижимая жену к груди.

В БОРЬБЕ ЗА ПРИНЦА

I

Несмотря на царивший во Франции террор французы находили возможным по-прежнему веселиться, танцевать, наслаждаться музыкой, посещать кафе и театры. Ювелиры были завалены работой, а модистки придумывали, как и прежде, новые модели, давая им иногда названия, соответствовавшие современным обстоятельствам; так, например, существовал фасон туники, называвшийся «отрубленная голова». Только три раза в течение этих памятных четырех с половиной лет театры были закрыты: в дни сентябрьских убийств 1792 года, заставивших Париж содрогнуться от ужаса. Все остальное время театры гостеприимно отворяли свои двери, и те же самые зрители, которые днем присутствовали при постоянных драмах на площади Революции, вечером наполняли ложи и партер, смеясь над сатирами Вольтера или проливая слезы над сентиментальными трагедиями преследуемых судьбой Ромео и невинных Джульетт.

В те страшные дни смерть стучалась почти у каждой двери, и люди, мимо которых она проходила со снисходительной улыбкой, привыкли смотреть на нее с презрением, с беззаботным равнодушием, ожидая, что назавтра она и их может удостоить своим благосклонным посещением.

В холодный вечер 27 нивоза второго года Республики, или 16 января 1794 года, в Национальном театре собралось блестящее общество. На сцене возобновляли комедию Мольера «Мизантроп» в новой постановке, и жадный до веселья Париж готовился приветствовать выступление одной из своих любимых артисток.

В этот день Конвент вотировал новый закон, по ко-

торому шпионы Конвента получили право производить домашние обыски, не предупреждая об этом Комитет общественной безопасности, могли по своему личному усмотрению отправлять в тюрьму врагов общего блага, причем им было обещано по тридцати пяти ливров «за каждую добычу для гильотины», а вечером те же члены Конвента, поставившие тысячи жизней в зависимость от горсти кровожадных ищеек, собрались на улице Ришелье смотреть веселую комедию своего бессмертного соотечественника.

Появление каждого из этих «отцов народа» вызывало вокруг благоговейный шепот. Вот появился Робеспьер со своим задушевным другом Сен-Жюстом и его сестрой Шарлоттой; вот протолкался к своему месту Дантон, напоминавший громадного косматого льва; громкими приветствиями был встречен красивый мясник Сантерр, кумир парижской черни, появившийся в блестящем мундире национальной гвардии.

В одной из маленьких лож авансцены уже давно находились двое мужчин, по-видимому, очень довольные царившей в глубине ложи темнотой. Младший из них казался новичком в Париже, так как при появлении всем известных членов правительства постоянно обращался к своему собеседнику за разъяснениями.

— Скажите мне, де Батс, — сказал он, указывая на группу только что вошедших мужчин, — кто этот человек в зеленом костюме с выдающимся подбородком и выпуклым лбом, с обезьяньим лицом и глазами шакала?

— О, это — гражданин Фукье-Тенвиль! — ответил ему товарищ, выглянув из ложи. — Правительственный прокурор, а рядом с ним — Герон.

— Герон? — вопросительно повторил молодой человек.

— Да, в настоящее время — главный агент Комитета общественной безопасности.

— Что это значит?

Оба собеседника снова уселись в глубине ложи и инстинктивно понизили голоса при упоминании имени правительственного прокурора. Старший из них — полный, цветущего вида мужчина с маленькими проницательными глазками, с лицом, испещренным оспой, пожал плечами при наивном вопросе товарища и добавил с презрительным равнодушием:

— Это значит, милый мой Сен-Жюст, что эти два

человека, спокойно изучающие программу сегодняшнего спектакля, — порождения сатаны, хитрость которых равняется их могуществу.

— Ну да, Фукье-Тенвиля я знаю, — с невольной дрожью сказал Сен-Жюст. — Мне хорошо знакомы его хитрость и его могущество. Что же касается Герона...

— Могу только сказать вам, мой друг, — беззаботно произнес де Батс, — что сила и жадность проклятого прокурора совершенно бледнеют перед властью Герона.

— Не понимаю, почему?

— Вы слишком долго прожили в Англии, счастливец, и не имеете понятия о смене актеров на этой кровавой арене. Сегодня играет роль Марат, завтра он уступает место Робеспьеру. Сегодня еще пользуются властью Дантон, Фукье-Тенвиль и ваш милейший братец Антуан Сен-Жюст, но Герон и ему подобные бессменны.

— Разумеется, шпионы?

— И какие еще шпионы! Вы не были в сегодняшнем заседании Конвента? Там разбирали новый декрет, почти уже утвержденный. В одно прекрасное утро у Робеспьера в голове создается капризная фантазия, после полудня она уже превращается в проект закона, который усердно поддерживает толпа рабов, боящихся, как бы их не обвинили в умеренности или в человеколюбии, и мы получаем закон, освящающий величайшие преступления.

— А Дантон?

— Дантон теперь рад бы был обуздать диких зверей, которым сам отточил зубы, но завтра он уже будет обвинен в умеренности. Это Дантон-то, который находил, что гильотина действует слишком медленно! Он может завтра же погибнуть по обвинению в измене Республике, а поганые псы, подобные Герону, будут упиваться кровью таких львов, как Дантон.

Де Батс невольно замолчал, так как его голоса совсем не стало слышно из-за поднявшегося в зале шума. Занавес не открыли в назначенный час, и публика выражала свое нетерпение свистками и топотом.

— Если Герон потеряет терпение, — весело промолвил де Батс, — то антрепренер театра, а с ним, может быть, и его главные артисты и артистки проведут завтра неприятный день. Ведь сегодняшним декретом все агенты Комитета общественной безопасности с Героном во главе получили разрешение преследовать врагов об-

щего блага — не правда ли, как это туманно сказано? Один окажется врагом общего блага потому, что тратит слишком много денег, другой — потому, что тратит их слишком мало; этот виноват в том, что оплакивает умершего родственника, а тот — зачем радуется чьей-нибудь казни; тот окажется чересчур чисто одетым, а этому поставят в вину пятна на его платье. Отныне агенты имеют право допрашивать узников частным образом, без свидетелей, и без околичностей предавать их суду. Обязанности их вполне определенны: они должны «набирать добычу для гильотины» — вот точное выражение декрета. Да, если Герон и его негодяи усердно примутся за работу, то в неделю свободно положат в карман от четырех до пяти тысяч ливров. Мы делаем большие успехи, дорогой Сен-Жюст!

Все это де Батс проговорил, не возвышая голоса, не выражая ни малейшего негодования, в его голосе скорее слышалось какое-то удовольствие.

— Но мы должны спасти из этого ада тех, кто отказывается плавать в этом море крови! — с жаром воскликнул Сен-Жюст.

Глаза его сверкали, щеки покрылись ярким румянцем.

Тонкими чертами лица Арман Сен-Жюст очень напоминал свою сестру, красавицу леди Блейкни, но в нем не было и следа энергичного выражения, характерного для Маргариты. Это был лоб не мыслителя, а скорей мечтателя, и серо-голубые глаза могли принадлежать идеалисту, но никак не человеку, способному на энергичные поступки. Все это не укрылось от проницательных глаз де Батса, пока он с добродушной снисходительностью смотрел на своего юного друга.

— Мы должны думать не о настоящем, а о будущем, милый мой Сен-Жюст, — медленно и многозначительно произнес он. — Что значат несколько жизней в сравнении с теми великими принципами, которые мы должны наметить себе целью?

— Вы подразумеваете восстановление монархии? — перебил его Сен-Жюст. — Я знаю это, а тем временем...

— А тем временем, — серьезно продолжал де Батс, — всякая новая жертва гильотины является лишней ступенью к восстановлению законности и порядка, другими словами — к восстановлению монархии. Только таким образом может народ дойти до сознания, что он

был одурачен и обманут людьми, которые имели в виду лишь собственные выгоды, воображая, что единственный путь к власти — через трупы тех, кто стоял у них на дороге. Пресытившись наконец постоянным зрелищем нескончаемой борьбы честолюбия и ненависти, народ обратится против этих диких зверей и потребует восстановления того, что сейчас разрушается. Это наша единственная надежда, и — поверьте, друг мой! — каждая голова, которую вырывает из пасти гильотины ваш романтичный герой, рыцарь Красного Цветка, является новым камнем, служащим к упрочению этой гнусной Республики.

— Не могу этому поверить, — с жаром сказал Сен-Жюст.

Де Батс только пожал широкими плечами, но удержался от возражения, которое уже готово было сорваться с его губ.

В эту минуту со сцены послышались три традиционных удара, возвещавших поднятие занавеса. Как по волшебству, все мгновенно утихло, и взоры внимательно устремились на сцену.

II

Арман Сен-Жюст, зять баронета Блейкни, вступивший также в члены лиги Красного Цветка, приехал в Париж в первый раз после того памятного дня, когда окончательно порвал с республиканской партией, приверженцем которой долгое время состоял вместе со своей красавицей-сестрой Маргаритой. В последние полтора года он приходил в ужас от деятельности его бывших единомышленников, заливших всю Францию кровью невинных жертв террора. После смерти Мирабо власть понемногу перешла из рук умеренных республиканцев, единственной целью которых было освобождение народа от неограниченной тирании Бурбонов, к ненасытным демагогам, руководствовавшимся исключительно личной ненавистью к обеспеченным классам. Теперь уже не было и речи о борьбе за политическую и религиозную свободу. Люди, долго находившиеся под гнетом, отныне вступили в борьбу с прежними притеснителями и добились для народа той «свободы», которая вскоре

привела к ужасным злоупотреблениям. Арман Сен-Жюст, один из проповедников нового учения, ставившего девизом «Свободу, Равенство и Братство», быстро убедился, что теперь во имя тех идеалов, которым он поклонялся, действовала самая дикая, необузданная тирания. Те искорки энтузиазма, которые он и приверженцы Мирабо пытались зажечь в сердцах угнетенного народа, быстро обратились в красные языки неугасимого пламени. Взятие Бастилии было только прелюдией к сентябрьским убийствам, ужасы которых бледнели перед тем, что происходило в настоящую минуту.

Спасшись от мщения революционеров благодаря помощи Красного Цветка, Арман направился в Англию и тотчас сделался членом лиги, тесно сплотившейся вокруг своего героического вождя, но до сих пор ему ни разу не приходилось принимать активного участия в деятельности лиги, так как ее вождь запрещал ему безрассудно рисковать. В Париже еще слишком хорошо помнили и Армана, и его сестру. Женщину, подобную Маргарите, нелегко было забыть, а к ее браку с английским «аристо» республиканские кружки отнеслись очень неблагосклонно. Разрыв Армана с республиканской партией вызвал у его бывших друзей желание отомстить человеку, примкнувшему к эмигрантам. Кроме того, у брата с сестрой был во Франции злейший враг в лице их двоюродного брата, Антуана Сен-Жюста, бывшего когда-то претендентом на руку Маргариты, а теперь раболепного последователя Робеспьера. Его заветной мечтой было предание революционному трибуналу своих близких и родных в доказательство собственного усердия и патриотизма. Это и было главной причиной, заставлявшей Красного Цветка удерживать Армана в Англии. Наконец, в начале 1794 года, молодому человеку удалось добиться от Блейкни разрешения принять участие в ближайшей экспедиции во Францию. Главная цель этой поездки до сих пор оставалась тайной для членов лиги; они только знали, что экспедиция будет самая опасная.

В последнее время многое изменилось. Непроницаемая тайна, окружавшая личность благородного вождя лиги Красного Цветка, прежде служила достаточной гарантией его безопасности, но теперь один уголок таинственного покрывала был приподнят: Шовелен, бывший уполномоченный французского правительства при английском дворе, не сомневался больше в тождестве сэра

Перси Блейкни с рыцарем Красного Цветка, да и Колло д'Эрбуа видел его в Булони и был им одурачен. С тех пор прошло четыре месяца, и большую часть этого времени Блейкни провел во Франции; репрессии в Париже и провинции приняли такие ужасающие размеры, что почти ежечасно требовалась помощь лиги. По одному слову любимого вождя эти молодые люди, баловни общества, бросали жизнь, полную удовольствий и развлечений, чтобы рисковать ею ради невинных, беспомощных жертв деспотизма. Поскольку люди семейные, такие как Фукс, Гастингс и другие, покидая жен и детей, шли на помощь несчастным, Арман, не связанный семьей, также имел право требовать, чтобы его больше не отстраняли от дела.

В Париже он не был около пятнадцати месяцев и поразился переменам. Его охватило жуткое чувство одиночества. Хотя улицы были полны народа, но на всех лицах он видел выражение застывшего испуга, словно жизнь вдруг сделалась для них страшной загадкой.

Сложив свой незатейливый багаж в указанном ему грязноватом помещении, Арман с наступлением темноты решил побродить по улицам. Он шел, инстинктивно приглядываясь, не встретится ли знакомое лицо. В этот поздний час на площади Революции, где совершала свое страшное дело гильотина, все уже стихло, и на пустынных улицах не слышалось предсмертных воплей осужденных, но общий мрачный вид города произвел на Армана удручающее впечатление.

Побродив около часа по улицам, он повернул было домой, как вдруг его окликнул чей-то мягкий, веселый голос, сразу напомнивший ему счастливое время, когда сумасбродный барон де Батс, бывший блестящий гвардейский офицер, забавлял Маргариту безумными планами ниспровержения все усиливавшейся власти народных представителей.

Арман очень обрадовался встрече и тотчас согласился на предложение барона отправиться в один из театров, чтобы на свободе побеседовать о старых временах.

— Поверьте, мой друг, это самое безопасное место для разговоров, — сказал де Батс. — Я изучил все закоулки проклятого города, где кишмя кишат шпионы, и пришел к заключению, что самое безопасное место — маленькая ложа авансцены. Из-за шума на сцене и среди публики никто не услышит нашего разговора.

Молодого человека, чувствующего себя одиноким в большом городе, нетрудно уговорить провести вечер с оживленным собеседником, каким был барон де Батс. Его выходки всегда забавляли, и хотя Блейкни предостерегал Армана против возобновления прежних знакомств, молодой человек решил, что это не могло относиться к барону де Батсу, известному своей преданностью королевскому дому. Однако не прошло и десяти минут, как Арман уже раскаялся в своем поступке. Хотя он знал барона как ярого роялиста, но в душу невольно закрадывалось недоверие к этому самодовольному человеку, каждое слово которого дышало эгоизмом. Поэтому, когда занавес наконец поднялся, Сен-Жюст умышленно повернулся лицом к сцене, стараясь показать заинтересованность игрой артистов.

Однако это вовсе не входило в планы его собеседника. Стало очевидно, что барон пригласил Сен-Жюста в театр не столько для присутствия на дебюте артистки Ланж в роли Селимены, сколько для специального разговора. Присутствие Сен-Жюста в Париже сильно удивило барона, и его изобретательный ум уже сделал целый ряд предположений, в достоверности которых ему необходимо было убедиться. Он молча подождал несколько минут, внимательно следя маленькими проницательными глазками за своим молодым другом, пока тот не обернулся к нему.

— Ваш кузен Антуан Сен-Жюст теперь неразлучен с Робеспьером, — сказал он, кивая в сторону публики. — Покидая Париж полтора года тому назад, вы имели основание относиться к нему, как к пустому, незначительному человеку, теперь же, если вы намерены остаться во Франции, вам придется считаться с его грозной силой...

— Да, я знаю, что он теперь подружился с волками, — равнодушно ответил Арман. — Когда-то он был влюблен в мою сестру, но она, слава Богу, не интересовалась им.

— Говорят, что он с отчаяния примкнул к этой стае, — сказал де Батс. — Ведь вся шайка состоит из людей, которые в чем-то разочаровались и которым нечего терять. Когда эти волки перегрызутся между собой, тогда и только тогда можно будет надеяться на восстановление монархии во Франции, а не перегрызутся они до тех пор, пока их жадность будет находить готовую добычу. Ваш друг, рыцарь Красного Цветка, должен

был бы скорее поддерживать нашу кровавую революцию, чем отнимать у нее ее жертвы... если он действительно так ненавидит ее, как показывает.

Барон вопросительно взглянул на Сен-Жюста, но тот упорно молчал.

Тогда барон вызывающим тоном медленно повторил:

— Если только он действительно так ненавидит нашу кровожадную революцию, как показывает.

В тоне его звучало сомнение. Сен-Жюст вмиг вспыхнул негодованием.

— Красному Цветку, — заговорил он, — нет никакого дела до ваших политических планов. Свой благородный подвиг он совершает ради справедливости и человеколюбия.

— И ради спорта, — фыркнул де Батс, — по крайней мере, мне так говорили.

— Он — англичанин, — возразил Сен-Жюст, — и потому никогда не признáется в том, что им руководит чувство сострадания. Но какова бы ни была причина, результаты говорят сами за себя!

— О, да! Несколько жизней спасены от гильотины! Но чем невиннее и беспомощнее были жертвы, тем громче вопиял бы голос крови в осуждение диких зверей, пославших их на казнь!

Сен-Жюст молчал, считая спор бесполезным.

— Если кто-нибудь из вас имеет влияние на вашего пылкого вождя, — продолжал де Батс, не смущаясь молчанием собеседника, — то я от души желаю, чтобы им воспользовались.

— Каким образом? — спросил Арман, невольно улыбаясь при мысли о том, чтобы кто-нибудь руководил планами Блейкни.

Пришла очередь барона замолчать. Подождав несколько минут, он неожиданно спросил:

— Что, ваш рыцарь Красного Цветка в настоящее время в Париже?

— Этого я не могу вам сказать, — ответил Арман.

— Ну, со мной нет необходимости притворяться, друг мой! Увидев вас сегодня вечером в Париже, я сразу догадался, что вы приехали не один.

— Вы ошибаетесь, дорогой мой, — спокойно проговорил Арман, — я приехал сюда один.

— Не могу этому поверить, так как заметил, что вы не особенно обрадовались встрече со мной.

— И опять-таки ошиблись. Я был очень рад видеть вас, так как чувствовал себя весь день чрезвычайно одиноким. То, что вы приняли за неудовольствие, было просто удивление от неожиданной встречи.

— Неожиданной? Положим, вы действительно могли удивиться, видя, что такой известный и опасный заговорщик, как я, разгуливает на свободе. Вы, разумеется, слышали, что за мной следит полиция?

— Я слышал, что вы сделали не одну благородную попытку освободить из рук этих животных наших несчастных короля и королеву.

— И все эти попытки окончились неудачей, — невозмутимо произнес де Батс. — Каждый раз меня или предавал кто-нибудь из моих проклятых сообщников, или выслеживал какой-либо подлый шпион, жаждавший получить награду за донос. Да, мой дорогой друг, после нескольких попыток спасти от эшафота короля Людовика и королеву Марию-Антуанетту я все-таки не в тюрьме и смело гуляю по улицам, разговариваю с встречающимися друзьями.

— Вам благоволит удача, — не без иронии заметил Сен-Жюст.

— Я всегда был очень осторожен, — возразил де Батс. — И заводил себе друзей там, где, как я предвидел, они могли мне больше всего понадобиться.

— Да, я знаю, — с насмешкой подтвердил Арман. — Вы пользуетесь австрийскими деньгами...

— Значительная часть которых прилипает к грязным рукам наших мнимых патриотов, устраивающих революции, — докончил за него де Батс. — На деньги австрийского императора я покупаю свою безопасность и поэтому могу работать на пользу монархии во Франции.

Сен-Жюст молчал, невольно проводя параллель между этим самодовольным хвастуном и тем благородным заговорщиком, чистые, ничем не запятнанные руки которого всегда были готовы поддержать слабого и несчастного.

— Мы подвигались вперед медленным, но верным шагом, — продолжал де Батс, не подозревая, какие мысли роились в голове его молодого друга. — Мне не удалось спасти монархию в лице короля и королевы, но я могу спасти дофина.

— Дофина? — невольно прошептал Сен-Жюст.

— Да, — подтвердил де Батс, — или, вернее, Бо-

жией милостью Людовика XVII. В настоящее время это — самая драгоценная жизнь во всем мире.

— Вы правы, де Батс, — горячо проговорил Арман, — это — самая драгоценная жизнь на свете, и ее надо во что бы то ни стало спасти.

— Разумеется, — спокойно сказал де Батс, — только без помощи вашего друга, рыцаря Красного Цветка!

— Отчего?

Не успело это слово сорваться с губ Сен-Жюста, как он уже пожалел об этом и, закусив губу, с недоверием взглянул на своего собеседника.

— Мой милый друг, — с добродушной улыбкой сказал де Батс, — вы решительно не годитесь в дипломаты. Так, значит, этот изящный герой, ваш рыцарь Красного Цветка, надеется вырвать нашего молодого короля из когтей сапожника Симона[1] и прочей сволочи?

— Я этого не говорил, — угрюмо произнес Арман.

— Но я говорю! Разве может кто-нибудь сомневаться, что ваш романтический герой обратит внимание на маленького мученика в Тампле? Ваше появление в Париже сказало мне, что и вы встали под знамена загадочного маленького красного цветочка и что сам вождь этой лиги прибыл теперь в Париж в надежде похитить Людовика XVII из Тампля.

— А если бы и так, то вы должны не только радоваться, но и постараться помочь.

— Тем не менее я не сделаю ни того, ни другого, — спокойно произнес де Батс. — Людовик — французский король, поэтому и жизнью, и свободой он должен быть обязан только нам, французам, и никому другому!

— Но ведь это — чистейшее безумие! — воскликнул Арман. — Неужели вы дадите ребенку погибнуть из-за вашего личного эгоизма?

— Называйте это, как вам угодно! Всякий патриот до известной степени эгоист, и в этом деле я не допущу иноземного вмешательства!

— Но вы работаете при помощи иностранных денег!

— Это совсем другое дело. Я не могу достать деньги во Франции и беру их там, где нахожу. Но бегство короля Людовика XVII из Тампля я могу организовать

[1] После казни Людовика XVI «воспитание» дофина было вверено кожевнику Симону.

силами французов, и слава его спасения будет принадлежать французским роялистам.

Широко раскрытыми глазами смотрел Сен-Жюст на довольное лицо собеседника. Молодому человеку теперь стало ясно, что желание барона, касавшееся спасения несчастного дофина, было вызвано вовсе не патриотизмом, а исключительно корыстолюбием. Вероятно, в Вене пообещали щедро наградить его в тот день, когда Людовик XVII прибудет целый и невредимый на австрийскую территорию, и эта награда ускользнула бы из рук барона, если бы в дело вмешался непрошеный англичанин. Преследуя корыстные цели, де Батс рисковал жизнью несчастного царственного ребенка, но до этого ему было мало дела: его собственное благополучие было гораздо важнее «самой драгоценной жизни во всей Европе».

Теперь Арман дорого дал бы за возможность очутиться в своем незатейливом помещении. Слишком поздно оценил он мудрость данного ему совета, предостерегавшего не только от новых знакомств, но и от возобновления старых.

Пристально глядя на сцену, Сен-Жюст придумывал, как бы ему под благовидным предлогом поскорее расстаться с бароном де Батсом и вернуться домой, где он надеялся найти весточку от Блейкни, которая напомнила бы ему, что на свете еще существуют люди, преследующие более идеальные цели, нежели эгоистические заботы исключительно о своей собственной особе и материальном благоденствии.

По окончании первого акта Арман встал, намереваясь проститься со своим спутником, но в эту минуту на сцене уже раздались традиционные три удара, возвещавшие начало второго действия. Со своей стороны, де Батс, который в своем безграничном самомнении был убежден, что его предыдущие речи произвели впечатление на Армана, придумывал, как бы удержать его в театре для дальнейших разговоров в том же духе.

Случай помог ему.

Как раз в эту минуту на сцене закончился сердитый монолог Альцеста. Кто знает, как устроилась бы жизнь Сен-Жюста, если бы он ушел двумя минутами раньше? От каких тяжелых минут были бы избавлены и сам он, и люди, близкие его сердцу! Эти две минуты решили всю его дальнейшую судьбу. В тот миг, как он уже произносил слова извинения, голос Селимены, обращавшейся к

своему задорному возлюбленному, заставил его выпустить руку приятеля и оглянуться на сцену. Он никогда еще не слыхал такого глубокого, мягкого, чарующего голоса и невольно обратил внимание на его обладательницу.

Поэты и романисты уверяют, что существует любовь с первого взгляда; идеалисты клянутся, что только такая любовь и есть настоящая, истинная. Поддавшись очарованию голоса артистки Ланж, Арман мгновенно забыл о своем недоверии к барону и, машинально опустившись снова в кресло и опершись головой на руки, весь обратился в слух. Не обращая внимания на довольно пошлые слова, которые Мольер вложил в уста Селимены, Арман, как страстный любитель музыки, испытывал громадное наслаждение всякий раз, когда она вступала в разговор.

С окончанием последнего действия это увлечение, разумеется, так и закончилось бы, если бы в дело не вмешался барон де Батс. Заметив, что его молодой друг очарован прелестной артисткой, де Батс решил воспользоваться этим. Он спокойно дождался конца второго акта и, когда Арман со вздохом откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, словно желая еще раз пережить испытанное наслаждение, произнес с хорошо разыгранным равнодушием:

— Мадемуазель Ланж — даровитая актриса, не правда ли, мой друг?

— У нее чудный голос, ласкающий слух, как самая сладкая мелодия, — ответил Арман. — Я никогда не слыхал ничего подобного!

— И вдобавок ко всему, она красавица, — с улыбкой заметил де Батс. — В следующем акте, дорогой Сен-Жюст, советую пошире открыть глаза.

Арман так и сделал, и нашел, что внешность Ланж вполне гармонировала с ее голосом. Он не мог бы сказать, была ли она красива: рот немного велик, а нос далеко не классической формы, но карие глаза, опушенные длинными ресницами, имели задумчивое и нежное выражение, всегда находящее отклик в мужском сердце, а за полными губками сверкали ослепительно белые зубы[1].

В течение всех пяти актов Селимена почти не ухо-

---

[1] В музее Каранавале сохранился ее портрет работы Давида. Все, кому приходится видеть его, удивляются, почему эти прелестные, хотя и неправильные черты вызывают в каждом чувство грусти.

дила со сцены. После четвертого акта де Батс вскользь заметил:

— Я имею счастье быть лично знакомым с мадемуазель Ланж. Если вы хотите быть представленным ей, то мы можем пройти после спектакля в фойе.

Хотя осторожность и шептала молодому человеку: «Не поддавайся!», но Арману Сен-Жюсту не было еще и двадцати пяти лет, и мелодичный голос Ланж заглушал предостерегающий шепот совести, заставляя забыть даже долг относительно вождя лиги.

Горячо поблагодарив услужливого приятеля, Арман весь остальной вечер с особенным нетерпением и натянутыми нервами ожидал того счастливого момента, когда большие карие глаза красавицы-артистки подарят его, наконец, своим взглядом, а нежные губки произнесут его имя.

III

Когда по окончании спектакля молодые люди вошли в артистическое фойе, оно было полно народу. Бросив в него быстрый взгляд через отворенную дверь, де Батс поспешно увлек приятеля подальше от Ланж, сидевшей в отдаленном уголке и окруженной почитателями с бесчисленными цветочными подношениями.

Молодые люди вернулись на сцену, где при дымном свете сальных свечей слуги убирали декорации, не обращая внимания на медленно прохаживающихся двоих мужчин, погруженных в собственные мысли.

Заложив руки в карманы и опустив голову на грудь, Арман тихо ходил взад и вперед, бросая вокруг себя быстрые взгляды каждый раз, когда на опустевшей сцене раздавались чьи-нибудь шаги или издали доносился звук женского голоса.

«Благоразумно ли ждать здесь? — пришло ему в голову. — Ведь де Батс сказал, что от Герона и его шпионов мы никогда не отделаемся».

В фойе мало-помалу все затихло. Сначала удалились поклонники артисток, затем актеры. Последними покинули фойе артистки, спеша по расшатанной деревянной лестнице в находившиеся позади сцены маленькие, темные, душные уборные.

Арман и де Батс с нетерпением ожидали, пока все разойдутся. Когда толпа, окружавшая Ланж, немного поредела, Сен-Жюсту удалось бросить несколько взглядов на изящную фигуру артистки. Прохаживаясь между сценой и открытой дверью в фойе, он невольно любовался хорошенькой головкой в напудренном парике, соперничавшем белизной с нежной кожей девушки.

Де Батс бросал нетерпеливые взгляды на окружавшую Ланж толпу и, казалось, не мог дождаться момента, когда она останется наконец одна. От него не укрылись восхищенные взгляды, которые его молодой друг бросал по направлению фойе, и это обстоятельство, повидимому, было ему очень приятно.

Наконец барон с чувством глубокого удовлетворения увидел, как Ланж направилась к двери, посылая прощальные приветы своим поклонникам, с сожалением расстававшимся с ней. В ее движениях было много детской безыскусственности; она, видимо, не отдавала себе отчета в своей привлекательности, но откровенно радовалась успеху. В руках у нее был целый сноп душистых нарциссов, привезенных из какого-нибудь мирного уголка благодатного юга. Быстро выйдя из фойе, она очутилась лицом к лицу с Сен-Жюстом и испуганно вскрикнула: в те дни всякая неожиданная встреча могла кончиться очень печально, но де Батс поспешил успокоить ее.

— Вы были так окружены, мадемуазель, — сказал он своим мягким голосом, — что я не отважился проникнуть в толпу ваших поклонников, хотя непременно хотел лично принести вам свои почтительные поздравления.

— Ах, это наш милый де Батс! — весело воскликнула артистка. — Но откуда вы явились, мой друг?

— Тсс!.. — прошептал он, не выпуская ее маленькой ручки и приложив палец к губам в знак молчания. — Умоляю вас, не называйте меня по имени, очаровательница!

— Но вам нечего бояться, пока вы здесь! — произнесла она с кажущейся беззаботностью, хотя дрожащие губы не оправдывали ее слов. — Раз и навсегда решено, что Комитет общественной безопасности не посылает своих шпионов на театральные подмостки. Если бы нашего брата стали отправлять на гильотину, то спектакли очень пострадали бы: артистов нельзя заменять по

первому желанию и тех из них, которые еще живы, надо беречь, а не то граждане, которые теперь управляют нашей судьбой, не будут знать куда деться вечером.

Хотя красавица проговорила все это с присущей ей веселостью, тем не менее нетрудно было заметить, что постоянная тревога, в которой приходилось жить каждому, не могла не отразиться даже в этой юной, почти детской душе.

— Пойдемте со мной! — продолжала она. — Здесь нельзя, потому что сейчас потушат свет. У меня есть собственная уборная, где мы можем спокойно побеседовать.

С этими словами Ланж быстро направилась к деревянной лестнице.

Арман, державшийся все время в стороне, сначала не знал, на что решиться, но по знаку товарища последовал вместе с ним за молодой девушкой, напевавшей какую-то народную песенку и ни разу не обернувшейся взглянуть на своих спутников.

Войдя в крошечную уборную, она бросила цветы на стол, где в беспорядке валялись ящички, баночки, письма, пуховки для пудры, шелковые чулки и батистовые косыночки. Когда она обернулась к своим гостям, в ее глазах снова сверкнул веселый огонек.

— Закройте сперва дверь, мой друг, — обратилась она к барону, — а потом садитесь, где хотите, только не на какую-нибудь баночку с дорогим притиранием или на коробку с драгоценнейшей пудрой.

Де Батс поспешил повиноваться.

Тогда артистка, обратившись к Арману, вопросительно произнесла своим мелодичным голосом:

— Мосье...

— Сен-Жюст, к вашим услугам, мадемуазель, — ответил Арман с низким вежливым поклоном во вкусе благовоспитанного английского джентльмена.

— Сен-Жюст? — с замешательством повторила Ланж. — Вероятно...

— Родственник гражданина Антуана Сен-Жюста, которого вы, без сомнения, знаете, мадемуазель Ланж.

— Мой друг Арман недавно из Англии и в наших театральных делах совсем новичок, — вмешался де Батс.

— Из Англии! — воскликнула молодая девушка. — О, расскажите мне побольше об Англии! Я так хотела

бы поехать туда! Может быть, мне это когда-нибудь и удастся. Садитесь же, де Батс! — продолжала она, невольно краснея от устремленного на нее взора Сен-Жюста, не скрывавшего своего восхищения.

Освободив для барона одно из кресел, заваленных кусками материй, она уселась на кушетке, жестом пригласив Армана сесть поблизости.

Снова взяв в руки букет нарциссов, она прижалась к нему лицом, так что Арман мог видеть только ее чудные темные глаза.

— Рассказывайте же мне про Англию! — повторила она, уютно усаживаясь среди мягких подушек, как балованный ребенок, собирающийся слушать любимую сказку.

Арман сердился на присутствие де Батса, чувствуя, что много рассказал бы этой прелестной девушке про Англию, если бы его толстый самоуверенный друг догадался оставить их одних.

Но де Батс не собирался уходить, и Арман чувствовал смущение, немало забавлявшее Ланж.

— Я очень люблю Англию, — неловко начал он. — Моя сестра замужем за англичанином, и я сам надолго там поселился.

— В обществе наших эмигрантов? — спросила она.

Арман промолчал, но де Батс с живостью воскликнул:

— О, не бойтесь в этом признаться, милый Арман: у мадемуазель Ланж много друзей среди эмигрантов. Не правда ли, мадемуазель?

— Разумеется, — подтвердила красавица. — У меня везде есть друзья. До их политических убеждений мне нет дела. Я считаю, что артистам нечего вмешиваться в политику. Вы видели, гражданин Сен-Жюст, что я не справлялась о ваших убеждениях. Судя по вашему имени, можно было думать, что вы приверженец Робеспьера, а между тем я нахожу вас в обществе барона де Батса и слышу, что вы живете в Англии.

— Нет, он — не приверженец Робеспьера, — снова вмешался де Батс. — Скорее наоборот, у него есть особенный идеал, который он положительно боготворит.

— Вот как, — заинтересовалась Ланж и спросила, глядя прямо в глаза Сен-Жюсту: — И кто же он, этот идеал, мужчина или женщина?

В его глазах она прочла ответ раньше, чем он смело вымолвил:

— Женщина.

— Хорошо сказано, Арман! — с добродушным смехом промолвил де Батс. — Но уверяю вас, мадемуазель, что до сегодняшнего вечера его идеалом был мужчина, известный под именем рыцаря Красного Цветка.

— Рыцаря Красного Цветка! — воскликнула она, выронив из рук нарциссы и глядя на Армана широко раскрытыми глазами. — Вы его знаете?

Арман невольно нахмурился, хотя сознание, что она заинтересовалась им, было приятно. Но его сердила неделикатность де Батса. Для него самого даже имя их вождя было чуть ли не святыней. Он снова почувствовал, что наедине с этой девушкой рассказал бы все, что знал о рыцаре Красного Цветка, уверенный, что нашел бы в ней верное, сочувствующее сердце, теперь же он ограничился коротким ответом:

— Да, мадемуазель, я его знаю.

— О, расскажите мне про него! Здесь, во Франции, многие восхищаются вашим национальным героем. Конечно, мы знаем, что он — враг нашего правительства, но это ведь не значит, что он враг Франции. Французы могут оценить храбрость и благородство; нас привлекает тайна, окружающая этого необыкновенного человека. Расскажите, каков он вообще!

— Этого я не могу вам сказать, мадемуазель, — с улыбкой ответил Арман, — не имею права.

— Как? Если я вас прошу...

— Рискуя навсегда навлечь на себя ваше неудовольствие, я все-таки ничего об этом не скажу.

Артистка, привыкшая, что все ее желания исполнялись, с удивлением взглянула на своего собеседника.

— Гражданин Сен-Жюст ничего не скажет вам, мадемуазель, — заговорил де Батс с добродушной улыбкой, — уверяю вас, что мое присутствие наложило на его уста печать молчания. Я убежден, что наедине вам удастся выпытать у моего скромного друга любую тайну.

Девушка не возразила ему ни слова, только снова взяла в руки букет и, спрятав в него свое личико, бросила на Сен-Жюста смущенный взгляд.

Через некоторое время она заговорила о погоде, о дороговизне съестных припасов, о том, как неудобно стало жить с тех пор, как слуги сделались такими же полноправными гражданами, как их господа. Арман

вскоре заметил, что происходившие вокруг нее события не оставляли в ее душе глубокого следа. Артистка до мозга костей, она жила своей жизнью, стремясь добиться совершенства в любимом искусстве и стараясь вечером художественно передать то, что старательно изучала в течение дня. Слыша об ужасах, совершавшихся на площади Революции, она содрогалась совершенно так же, как при исполнении трагедий Расина или Софокла, а к несчастной королеве Марии-Антуанетте чувствовала такую же симпатию, как и к чуждой ей Марии Стюарт.

Когда де Батс упомянул имя дофина, она быстро подняла руку, как бы прося его перестать, и с глазами, полными слез, произнесла дрожащим голосом:

— Не говорите мне об этом ребенке, де Батс! Ведь я ничем не могу помочь ему! Я даже стараюсь не думать о нем, потому что тогда я готова возненавидеть своих соотечественников. Иногда я чувствую, что охотно отдала бы свою жизнь, чтобы только этого маленького мученика возвратили тем, кто его любит, чтобы он снова узнал радость и счастье! Но никто не возьмет моей жизни, — прибавила она, улыбаясь сквозь слезы. — Какую цену имеет моя жизнь в сравнении с его драгоценной жизнью?

Вскоре после этого гости артистки простились с ней. На красном лице де Батса блуждала спокойная улыбка — он был очень доволен результатами сегодняшних разговоров.

— Вы заглянете еще ко мне, гражданин Сен-Жюст? — спросила Ланж, когда Арман, прощаясь, целовал ей руку, стараясь по возможности продлить это наслаждение.

— Я всегда к вашим услугам, мадемуазель, — с живостью ответил он.

— Сколько времени вы намерены пробыть в Париже?

— Меня каждую минуту могут вызвать отсюда.

— Тогда приходите ко мне завтра. До четырех часов я свободна. Площадь Руль. Там всякий укажет вам дом, где живет гражданка Ланж.

— Всегда к вашим услугам, мадемуазель, — повторил Арман общепринятые слова, но в его глазах артистка прочла глубокую благодарность и радость, наполнявшие его сердце.

IV

Было около полуночи, когда друзья вышли из душного, жаркого театра. Холодный ночной воздух пронизывал насквозь, и они поспешили плотнее закутаться в свои плащи.

Арман более чем когда-либо горел нетерпением отделаться от де Батса, плоские шутки которого выводили его из себя. Он жаждал остаться наедине с самим собой и разобраться во впечатлениях сегодняшнего вечера. С одной стороны, в его душе жило блаженное воспоминание о прелестной молодой девушке с волшебным голосом и самыми пленительными глазами, какие ему приходилось видеть; с другой стороны, его мучили угрызения совести: в последние несколько часов он сделал как раз обратное тому, что серьезно советовал его начальник. Он не только возобновил старую дружбу, которую гораздо благоразумнее было предать забвению, но еще и завел новое знакомство, увлекавшее его на такую дорожку, которую, как он наверняка знал, его кумир ни за что не одобрил бы.

Расставшись с приятелем, Арман, не оглядываясь, быстро шагал по направлению к Монмартру, где была его квартира.

Де Батс долго следил за ним, насколько это позволяли тусклые фонари, затем повернул в противоположную сторону. На его лице, испещренном оспой, было написано мстительное торжество.

— Ну, мой дорогой Красный Цветок, — бормотал он сквозь зубы, — ты желаешь вмешиваться в мои дела, чтобы снискать себе и своим друзьям славу, вырвав первый приз из когтей кровожадных животных? Посмотрим, кто кого перехитрит — французский хорек или английская лиса!

Барон быстро шел по тихим пустынным улицам, весело размахивая тростью с золотым набалдашником. Изредка ему попадались кабачки с гостеприимно раскрытыми дверями, через которые доносились громкие речи ораторов и резкие возражения, уснащенные ругательствами. В таких случаях де Батс спешил поскорее миновать приюты политиканов, зная, что эти споры часто оканчивались на улице борьбой врукопашную, причем дело никогда не обходилось без доносов и следовавших за ними арестов. По временам вдали слышался неясный

барабанный бой: это национальная гвардия, несшая ночное дежурство на площади Революции, напоминала «свободному» французскому народу, что сторожевые собаки мстительной революции бодрствуют денно и нощно, «отыскивая добычу для гильотины», как гласил сегодняшний правительственный декрет.

Время от времени тишина пустынных улиц, по которым де Батс направлялся к предместью Тампль, нарушалась криком ужаса, за которым обыкновенно следовали бряцание оружия, целый поток ругательств, призыв на помощь и последний предсмертный стон. Эти часто повторяющиеся короткие признаки драм означали доносы, домашние обыски, внезапные аресты, борьбу не на жизнь, а на смерть.

Привыкнув к таким сценам, де Батс равнодушно шел дальше, не обращая внимания на то, что видел и слышал, и думая лишь о своей сегодняшней удаче. Дойдя до площади Победы, он наткнулся на нечто вроде лагеря, где мужчины, женщины и дети работали над изготовлением оружия и обмундирования для республиканской армии. Поскольку французов призывали к борьбе против тиранов, то теперь на обширных площадях города день и ночь готовили оружие, которое должно было дать им свободу, для чего они и сгибались под ярмом тяжелой, безусловной тирании, превосходящей самый жестокий монархический деспотизм.

В этот поздний час неуклюжие парни, посиневшие от холода, с пустыми желудками, при свете смоляных факелов обучались солдатским приемам; женщины, задыхаясь от дыма, насыщавшего воздух, и напрягая зрение, чтобы разглядеть собственную работу при колеблющемся свете факелов, шили рубахи для солдат революции; даже дети слабыми пальчиками подбирали разные лоскутки, из которых приходилось шить новую одежду. Так несчастные рабы проводили не только день, но и добрую часть ночи лишь для того, чтобы получить скудное пропитание, которое обязаны были доставлять мелкие ремесленники или фермеры, почти такие же бесправные, как люди, работавшие в импровизированных лагерях. Ни о каком-либо денежном заработке нечего было и думать: люди работали только из страха наказания.

Де Батс был очень доволен таким положением вещей, считая, что чем больше будет недовольных, тем

скорее пожалеют все о старых порядках и вернутся к монархии, что оказалось бы крайне выгодно для карманов самого де Батса. Зрелище бесчисленных жертв революции доставляло ему такое же удовлетворение, как самому кровожадному из якобинцев Конвента. Он готов был собственноручно приводить в действие гильотину, работавшую, по его мнению, слишком медленно для его личных планов, ведь его девиз: «Цель оправдывает средства». Не все ли будет равно, если будущий король Франции взойдет на трон по ступеням, сложенным из обезглавленных тел и обагренным кровью мучеников?

Ночь была морозная. Снег хрустел под ногами де Батса, а с холодного зимнего неба бледная, равнодушная луна спокойно глядела на огромный город, утопавший в безграничном море бедствий. В узких улицах, по которым он теперь проходил, на площадях, возле ограды уединенных кладбищ — везде встречались ему ночные стражи с фонарями в руках, через каждые пять минут монотонно провозглашавшие:

— Граждане, спите спокойно! В городе все в порядке.

Наконец де Батс очутился перед высокими мрачными стенами Тампля, свидетеля страшных трагедий. Здесь, как и на площади Революции, барабанный бой напоминал о неусыпном бодрствовании национальной гвардии, но кроме этого ни один звук не нарушал царившей тишины: любой отчаянный стон или страстная жалоба тут же поглощались суровыми каменными стенами.

У главных ворот барона остановил часовой, но он сказал ему пароль, прибавив, что хочет переговорить с гражданином Героном. Часовой угрюмо указал ему на звонок у ворот, и де Батс позвонил изо всех сил. Громко разнеслась по двору медная трель, в воротах осторожно отворилось маленькое окошечко, и кто-то повелительным голосом осведомился, что нужно полуночному посетителю. На этот раз де Батс резко заявил, что ему необходимо немедленно видеть гражданина Герона по крайне важному делу, а блеск серебряной монеты, которую он поднес вплотную к окошечку, обеспечил ему пропуск. Медленно, с визгом повернулись на своих петлях тяжелые ворота и снова захлопнулись, как только де Батс прошел под арку. Тотчас налево была сторожка привратника, окликнувшего позднего посетителя. Де Батс повторил пароль, и его немедленно пропустили,

тем более что его лицо, по-видимому, было здесь хорошо знакомо. Широкоплечему, худощавому человеку в поношенной куртке и дырявых штанах приказано было проводить посетителя к гражданину Герону. Он медленно поплелся, волоча ноги и гремя связкой ключей, которую держал в руках.

Пройдя несколько плохо освещенных коридоров, они вскоре повернули в главный коридор, не имевший крыши и освещенный причудливым светом луны. Слева в этот коридор выходили решетчатые окна и массивные дубовые двери с тяжелыми засовами; возле каждой двери сидели на ступенях солдаты, подозрительно глядевшие на запоздалого посетителя.

Вздох нетерпения вырвался из груди де Батса, когда он проходил мимо большой центральной башни с освещенными изнутри маленькими окнами; за этими мрачными стенами потомок гордых завоевателей, носитель славного имени, в печали и унижении проводил последние дни жизни, начавшейся среди блеска и могущества. Барону невольно вспомнились все его неудачные попытки спасти короля Людовика XVI и его семью. Каждый раз успеху предприятия мешало какое-нибудь случайное обстоятельство. О, если бы судьба улыбнулась ему наконец! Какое богатство очутилось бы в его руках! Но даже теперь, проходя по тому самому двору, которым следовали несчастные король и королева, направляясь к своей Голгофе, он утешал себя мыслью, что никому не посчастливилось там, где его постигла неудача. Он не знал, предпринимал ли что-либо английский «авантюрист» для спасения короля и королевы, но одно он решил бесспорно: никакие земные силы не вырвут у него драгоценного приза, предложенного Австрией за спасение маленького дофина!

«Пусть лучше ребенок погибнет, если я не смогу сам спасти его!» — думал де Батс, ворча свирепые ругательства по адресу «проклятого» англичанина и его единомышленников.

Наконец спутник де Батса остановился перед низкой дверью, обитой железом. Отпустив своего проводника, барон позвонил в железный звонок и терпеливо подождал, пока дверь отворилась и он очутился лицом к лицу с высоким сутуловатым человеком в засаленном платье, который держал над головой фонарь, бросавший слабый свет на веселое лицо посетителя.

— Это я, гражданин Герон... — начал де Батс и вдруг осекся, заметив предостерегающий жест Герона.

Барон понял, что не следовало произносить имя Герона, чтобы по всем закоулкам мрачного здания не пронеслось как эхо: «Гражданин Герон о чем-то совещался с бывшим бароном де Батсом!». — Это могло оказаться одинаково неприятным для каждого из этих «достойных» людей.

— Войдите! — коротко произнес Герон, запирая тяжелую дверь.

Видимо, хорошо знакомый с этим местом, де Батс через узкую площадку прямо направился к приветливо отворенной маленькой двери и смело вошел в комнату, куда за ним последовал и Герон, предварительно поставив фонарь на пол на площадке.

Комната, в которую они вошли, была маленькая, душная, с выходившим во двор решетчатым окном. К почерневшему потолку была подвешена лампа, распространявшая смрад, а небольшой камин в углу скорее дымил, чем согревал. Два-три стула, стол, заваленный бумагами, и шкаф, в отворенных дверках которого можно было увидеть царивший в нем хаос, составляли все убранство комнаты.

Указав своему гостю на стул, Герон сам уселся на другой и, взяв во стола короткую трубку, отложенную, вероятно, в сторону при неожиданном звонке, несколько раз не спеша затянулся.

— Ну, в чем дело? — резко спросил он.

Тем временем де Батс бросил шляпу и плащ на ветхий плетеный стул и уселся поближе к огню, вытянув свои длинные ноги.

Его спокойствие раздражало Герона.

— Ну, в чем же дело? — повторил он, стукнув кулаком по столу. — Говорите, что вам надо! На кой черт являетесь вы так поздно? Чтобы компрометировать меня и погубить нас обоих?

— Полегче, полегче, мой друг! — невозмутимо остановил его де Батс. — Не теряйте столько времени на пустые разговоры. Кажется, до сих пор вы не имели оснований жаловаться на бесполезность моих визитов к вам?

— В будущем они могут оказаться для меня еще полезнее, — проворчал Герон, — у меня теперь больше власти.

— Я знаю, — мягко сказал де Батс, — вы можете доносить на кого угодно, арестовывать кого угодно и представлять революционному трибуналу по своему личному усмотрению.

— Вы для того и пришли сюда ночью, чтобы рассказать мне все это? — фыркнул Герон.

— Нет, не для того! Я просто догадался, что теперь вы со своими проклятыми ищейками будете целые дни заняты отыскиванием «добычи для гильотины» и в распоряжении ваших друзей у вас окажется только ночь. Часа два тому назад я видел вас в театре, друг Герон, и не думал, что вы уже собрались спать.

— Чего же вы хотите от меня?

— Скажем лучше: чего вы хотите от меня, гражданин Герон, за то, чтобы вы и ваша свора оставили меня в покое?

Резко отодвинув стул, Герон прошелся по узенькой комнате и остановился перед своим гостем, который, склонив голову набок, спокойно разглядывал стоявшее против него чудовище в образе человека. Высокого роста, худощавый, с длинными ногами, немного согнутыми в коленях, как у опоенной лошади, с узким лбом, на который в беспорядке спадали жидкие волосы, со впалыми щеками и большими выпуклыми глазами, в которых светилась холодная, беспощадная жестокость, Герон производил отталкивающее впечатление.

— Уж не знаю, стоит ли мне возиться с вами, — медленно произнес он. — В эти два года вы изрядно надоели Комитету общественной безопасности. Пожалуй, было бы даже приятно раз и навсегда раздавить вас, как навязчивую муху.

— Приятно — может быть, но бесконечно глупо, — холодно возразил де Батс. — Ведь за мою голову вы получите всего тридцать пять ливров, а я предлагаю вам за нее в десять раз больше.

— Знаю, знаю, но дело становится опасным.

— Почему? Я очень осторожен. Пусть ваши ищейки оставят меня в покое.

— Да ведь вы не один, у вас столько проклятых союзников.

— Ну, о них не хлопочите. Пусть сами о себе позаботятся.

— Каждый раз, как они попадаются к нам, кто-нибудь из них непременно указывает на вас.

— Ну да, под пыткой, — хладнокровно сказал де Батс, грея руки у огня. — Вы ведь с прокурором завели в «доме правосудия» целый дьявольский оркестр. Не правда ли, друг Герон?

— Какое вам до этого дело? — проворчал Герон.

— Решительно никакого. Я даже предлагаю вам три тысячи ливров за удовольствие знать, что происходит внутри этой милой тюрьмы.

— Три тысячи пятьсот! — воскликнул Герон, и его взор невольно смягчился.

— Прибавьте только два маленьких нуля к той сумме, которую вы получите, если выдадите меня своему проклятому трибуналу, — сказал де Батс, как будто случайно опуская руку в карман и шелестя бумажными деньгами.

У Герона от этого сладкого звука даже слюнки потекли.

— Оставьте меня три недели на свободе, и деньги ваши, — любезно докончил де Батс.

В комнате воцарилось молчание. Пробивавшиеся сквозь решетчатое окно бледные лучи луны боролись с желтоватым светом масляной лампы, озаряя лицо агента Комитета общественной безопасности, не знавшего, на что решиться.

— Ну что же, торг заключен? — спросил наконец де Батс своим мягким голосом, до половины вытаскивая из кармана соблазнительный сверточек с измятыми кредитными бумажками. — Дайте мне обычную расписку в получении денег и берите вот эту штуку.

— Говорят вам, это опасно, — злобно усмехнулся Герон. — Если эта расписка попадет кому-нибудь в руки, меня отправят прямо на гильотину.

— Если меня даже арестуют, — спокойно возразил де Батс, — то она попадет в руки агента Комитета общественной безопасности, которого зовут Герон. Без риска нельзя, мой друг! Я также рискую.

Де Батс, на многих тогдашних патриотах испытавший силу золота, нисколько не сомневался в успехе своего дела и смотрел на Герона с самодовольной улыбкой.

— Ладно, — произнес агент, словно вдруг на что-то решившись. — Я возьму деньги только с одним условием: вы оставите Капета[1] в покое.

---

[1] Этим именем революционеры называли не только короля Людовика XVI, но и дофина.

— Дофина?

— Называйте его как хотите, — сказал Герон, подходя ближе и с ненавистью глядя на своего сообщника, — но предоставьте его нам.

— Чтобы вы его убили? Как же я могу помешать этому?

— Вы и ваши сообщники хотите увезти его отсюда, а я этого не допущу. Если мальчишка пропадет, то и я пропаду, так сказал мне Робеспьер. Не троньте Капета, иначе я не только пальцем не шевельну, чтобы помочь вам, но собственноручно сверну вам шею!

В глазах Герона было столько беспощадной жестокости, что де Батс невольно вздрогнул и, отвернувшись, стал смотреть в огонь, прислушиваясь к тяжелым шагам ходившего по комнате агента Комитета.

Вдруг он почувствовал, что кто-то положил руку ему на плечо. Он чуть не вскрикнул от неожиданности, и это заставило Герона рассмеяться: он любил вселять страх в сердца людей, с которыми ему приходилось сталкиваться.

— Я сейчас отправлюсь в свой обычный ночной обход, — отрывисто сказал он. — Приглашаю со мной, гражданин де Батс!

Приглашение звучало скорей как приказание, и так как де Батс колебался, то Герон сделал ему повелительный знак следовать за собой. Взяв из передней фонарь, он вытащил из-под камзола связку ключей и стал нетерпеливо побрякивать ими.

— Идемте же, гражданин! — сурово произнес он. — Я хочу показать вам единственное сокровище в этом доме, до которого вам не дотронуться своими проклятыми пальцами.

Де Батс наконец принудил себя встать, чувствуя, как ужас сковал тело, хотя в этом он не хотел себе признаться. Герон не сделает ему никакого вреда, зная, что этот неисправимый заговорщик — неистощимый источник дохода. Три недели скоро пройдут, а там можно возобновить договор.

Герон все еще ждал у двери, и де Батс, с большим трудом поборов свое волнение, плотно закутался в плащ, после чего вышел из комнаты, стараясь заранее предугадать, с какими жестокостями и оскорблениями придется ему столкнуться во время этого ночного обхода.

V

Барону опять пришлось проходить бесконечными коридорами обширного здания. Из узких решетчатых окон доносились душераздирающие стоны и страшные проклятия, свидетельствовавшие о совершавшихся за стенами трагедиях. Герон шел впереди такими большими шагами, что де Батс не поспевал за ним. Да он, собственно говоря, и не нуждался в проводнике: немногие из парижан знали так расположение тюрьмы с целой сетью камер и дворов, как тщательно изучивший ее де Батс.

Все ворота охранялись стражниками, в коридорах и дворах на каждом шагу встречались солдаты; одни курили или играли в карты, другие расхаживали с ружьем на плече, но все без исключения были настороже. Герона все прекрасно знали в лицо, и хотя в эти дни всеобщего равенства никто не отдавал воинской чести, каждый из стражников сторонился, уступая дорогу, или предупредительно отворял дверь перед главным агентом Комитета общественной безопасности.

Дойдя до главных ворот, Герон постучал ключами в дверь комнаты привратника, и так как она не спешила отворяться, то он сам толкнул ее ударом ноги.

— Где привратник? — высокомерно спросил он.

— Лег спать! — проворчал кто-то сидевший в углу на корточках, но вставший по суровому приказанию Герона и тяжелыми шагами подходивший к нему с сапогом в одной руке и щеткой в другой.

Это был тот самый человек, который только что провожал де Батса к Герону.

— Ну, тогда ты бери фонарь и иди с нами! — сказал ему главный агент, сердито глядя на спящего привратника. — А почему ты все еще здесь? — вдруг прибавил он, точно вспомнив что-то.

— Гражданин привратник остался недоволен тем, как я почистил его сапоги, — проворчал тот. — Настоящий аристо! Ну и место здесь! Каждый день вычисти двадцать камер да сапоги надрай сторожу или привратнику. Неужели это подходящее дело для доброго патриота, а?

— Если ты недоволен, гражданин Дюпон, — сухо произнес Герон, — то можешь убираться куда угодно, на твое место найдутся тысячи желающих.

— Работаешь девятнадцать часов в сутки и за всю эту каторгу получаешь всего девятнадцать су... — продолжал ворчать Дюпон, но Герон уже не слушал его.

— Вперед, капрал! — отрывисто скомандовал он, обращаясь к группе солдат, ожидавших снаружи. — Возьми с собой четверых, пойдем в башню.

Маленькая процессия двинулась в путь. Впереди всех шел с фонарем Дюпон, сгорбившись и волоча ноги, за ним — капрал с двумя солдатами и Герон с де Батсом, остальные два солдата замыкали шествие. Герон передал ключи Дюпону и тот, отомкнув дверь, пропускал мимо себя всю процессию, снова замыкал дверь и снова проходил вперед.

Сделав два или три поворота по каменной винтовой лестнице, все очутились перед тяжелой дверью. Де Батс впал в некоторое уныние: предосторожности, принятые Героном для охраны «самой драгоценной жизни в целой Европе», оказались гораздо хитрее, чем он предполагал. Теперь он понял, что для освобождения дофина потребуются масса денег, сверхъестественная изобретательность и мужество. Только первым из этих условий самодовольный интриган обладал в достаточной степени, так как в австрийских деньгах ему не было отказа. Что касается изобретательности и мужества, то он верил, что у него и того и другого вполне достаточно, хотя в его попытках освободить королевскую семью они плохо служили ему. Он не допускал мысли, чтобы Красный Цветок и члены его лиги могли в чем-нибудь превзойти его, де Батса. Надо было лишь устроить так, чтобы они никак не могли помешать ему в попытке освободить дофина.

Из задумчивости его вывел резкий оклик Герона, подозвавшего его к себе. Вынув из кармана ключи, агент собственноручно отпер тяжелую, обитую железом дверь и, отрывисто приказав де Батсу и Дюпону пройти с ним, снова замкнул дверь, оставив солдат снаружи. Миновав темную переднюю, он постучал в противоположную дверь.

— Симон, ты здесь, старина? — крикнул он.

За дверью сначала послышалась какая-то возня, словно передвигали мебель, затем дверь распахнулась, и грубый голос пригласил поздних посетителей войти.

В комнате было чрезвычайно душно от табачного дыма, запаха кокса и копоти от лампы; ко всему этому

примешивался еще острый запах спирта. Поставив свой фонарь на пол, Дюпон остался в передней, прислонившись к стене. Вследствие частых повторений любимое зрелище Герона перестало интересовать этого мирного «патриота». Де Батс оглядывался кругом с любопытством, смешанным с отвращением. Комната была довольно обширных размеров. В одном углу стояла громоздкая деревянная кровать, в другом — огромный диван; кроме того, в ней было наставлено столько шкафов, кресел, ящиков и всякой всячины, что она казалась складом мебели. Посреди комнаты находился довольно полный мужчина с бледными, точно выцветшими глазами и толстыми губами, а рядом с ним — моложавая женщина, чрезмерная полнота которой так же, как и значительная бледность, указывали на слабое здоровье и сидячий образ жизни. Вдруг она неожиданно отошла в сторону, и де Батс увидел в уголке жалкую фигурку некоронованного короля Франции.

— Отчего Капет не в постели? — спросил Герон.

— Он не хотел сегодня читать свои молитвы, — с хриплым смехом ответил Симон, — и лекарство не хотел пить, вот и наказан за это. А вам могу одно сказать: это место разве для собак, но не для людей.

— Если тебе не нравится здесь, старик, можешь подать в отставку, — холодно сказал Герон. — И без тебя найдется на это место много охотников.

Бывший кожевник что-то проворчал и плюнул в ту сторону, где стоял царственный мальчик с равнодушным лицом, мало интересуясь тем, что происходило вокруг него. Де Батс не мог не заметить, что мальчика, по-видимому, сытно кормили. На нем были теплая куртка из грубого сукна, шерстяные чулки и толстые башмаки. Золотистые кудри, по которым когда-то покойная королева Мария-Антуанетта с любовью проводила тонкими надушенными пальчиками, теперь в беспорядке свешивались на лицо, давно утратившее всякое выражение достоинства.

Жена Симона знаком подозвала его к себе, и ребенок тотчас подошел без всякого страха.

— Так трудно держать его чистым! — словно извиняясь, обратилась она к де Батсу, углом грубого, грязного передника обтирая мальчику лицо. — А теперь будь умным мальчиком, выпей лекарство и ответь свой урок, чтобы сделать маме приятное, тогда и пойдешь спать.

Взяв со стола стакан с прозрачной жидкостью, которую де Батс принял за воду, она поднесла его к губам мальчика; он отвернулся и захныкал.

— Разве лекарство так противно? — осведомился де Батс.

— Господи! — воскликнул Симон. — Это самая лучшая водка, какую только можно достать. Капет ее любит: от нее он становится веселым и хорошо спит.

— Пей же скорей, — шепнула женщина, видя, что Герон занят разговором с ее мужем. — Ты знаешь, что папа сердится, если ты не выпьешь хотя бы половины.

Сделав гримасу, мальчик вдруг решился и взял стакан.

Де Батс с трудом верил собственным глазам: потомок Людовика Святого опоражнивает стакан крепчайшей водки по приказанию жены грубого кожевника, которую должен называть дорогим для каждого ребенка именем матери! Барон с отвращением отвернулся.

Симон с видимым удовольствием наблюдал за этой сценой, и в его бесцветных глазах светилось торжество.

— А теперь, малыш, — весело обратился он к дофину, — покажи вот этому гражданину, как ты читаешь молитвы! — Вытащив из угла засаленный красный колпак, украшенный трехцветной кокардой, и рваный грязный флаг, бывший когда-то белым, с вышитыми на нем золотыми лилиями, он надел колпак мальчику на голову, а флаг бросил на пол. — Ну, Капет, читай свои молитвы! — сказал он, сопровождая эти слова веселым смехом.

Все его движения были грубы, нескладны. Расхаживая по комнате, он то сворачивал с места стул, то натыкался на кресло.

Воображению де Батса представились роскошные комнаты Версаля и изящные аристократки, ухаживавшие за стоявшим перед ним ребенком, который теперь покорно топтал ногами знамя, бывшее с Генрихом IV в сражении при Оври; потомок Бурбонов плевал на их знамя, вытирая башмаки о его потертые складки, а затем резким, надтреснутым голосом запел карманьолу: «Ga ira! Ga ira! Les aristos á la lanterne!»[1] Слушая его пение, де Батс готов был заткнуть уши и бежать вон из комнаты. От движения щеки мальчика разгорелись,

[1] «Вперед! Вперед! На фонари аристократов!» (*фр.*)

глаза заблестели от выпитой водки; держа в худенькой ручке красный колпак, он размахивал им, восклицая: «Да здравствует Республика!». Мадам Симон хлопала в ладоши, с гордостью глядя на ребенка, ее муж не спускал взора с Герона, ожидая одобрения.

Герон кивнул головой, процедив сквозь зубы что-то вроде похвалы.

— А теперь отвечай свой катехизис, Капет, — хриплым голосом произнес Симон.

Надев красный колпак на голову, мальчик опустил руки по швам, наступив на золотые лилии, составлявшие гордость его предков.

— Как тебя зовут? — спросил его Симон.

— Людовик Капет, — тонким, высоким голоском ответил мальчик.

— Кто ты такой?

— Гражданин Французской Республики.

— Кто твой отец?

— Людовик Капет, бывший король, тиран, погибший по воле народа.

— Кто твоя мать?

Де Батс невольно вскрикнул от ужаса, услышав, как ребенок равнодушно произнес циничное ругательство. Несмотря на всё, де Батс все-таки был по рождению джентльменом и не мог не возмущаться тем, что ему пришлось увидеть и услышать.

Он быстро направился к двери.

— Ну, каково, гражданин? — фыркнул Герон. — Удовлетворены ли вы тем, что видите?

— Может быть, гражданин пожелает посмотреть, как Капет будет восседать на золоченом кресле, — насмешливо предложил бывший кожевник, — а мы с женой встанем на колени и будем целовать ему руки?

— Здесь страшно жарко, — пробормотал де Батс, берясь за ручку двери. — У меня просто голова кружится.

— Ну, сын мой Капет, отправляйся спать, — сказал Симон, толкая мальчика к постели. — Ты так пьян, что всякий добрый республиканец остался бы доволен!

В виде ласки он ущипнул мальчика за ухо, а затем поддал ему сзади коленом. В настоящую минуту он был доволен маленьким Капетом и вовсе не хотел быть грубым с ним; его потешало впечатление, произведенное на

незнакомого посетителя молитвами и катехизисом Капета.

Что касается мальчика, то его возбуждение вдруг сменилось неодолимым желанием уснуть, и он, не раздеваясь, повалился на диван. Мадам Симон заботливо поспешила подложить ему под голову подушку, и через минуту ребенок уже спал крепким сном.

— Я доволен вами, гражданин Симон, — проговорил Герон, направляясь к двери, — и дам о вас в Комитете благоприятный отзыв. Что касается гражданки, — прибавил он, обращаясь к жене Симона с недоброй улыбкой, — то она лучше сделала бы, если бы поменьше старалась. Совсем ни к чему подкладывать подушку под голову этого отродья. У многих добрых патриотов нет никакой подушки. Выньте ее! И мне не нравится, что у мальчишки на ногах сапоги: с него довольно и простых сабо[1].

Гражданка Симон ничего не возразила. Казалось, с ее губ готов был сорваться какой-то ответ, но ее остановил повелительный взгляд мужа, любезно провожавшего гостей до двери.

— Вот как мы ведем свои дела, гражданин! — угрюмо произнес Герон, обращаясь к барону, когда они снова вернулись в его контору.

— Что вы за дьяволы! — выругался де Батс, не приходивший в себя от ужаса и отвращения.

— Мы — добрые патриоты, — возразил Герон, — и отродье тирана ведет ту же самую жизнь, какую вели сотни тысяч детей, когда его отец угнетал народ. Впрочем, что я говорю? Он живет гораздо лучше их! Он сыт и тепло одет, а тысячи невинных детей, на совести которых нет отца-деспота, умирают от голода.

В глазах агента при этом было столько злобы, что у его собеседника от ужаса кровь застыла в жилах. При воспоминании о тех, кого он считал угнетателями народа, Герон превращался в дикого, ненасытного зверя. Де Батс понял, что никакими миллионами нельзя у него купить свободу маленького короля.

— Придется распроститься с Симоном и его супругой, — снова заговорил Герон, бросая на приятеля подозрительный взгляд, — в лице этой женщины есть что-

---

[1] Грубые кожаные или деревянные башмаки на деревянной подошве.

то, не внушающее доверия. Я прогоню их, как только найду патриота понадежнее. Что у нас сегодня? Четверг, вернее — уже пятница. К воскресенью я покончу с Симоном. Мне показалось, что вы переглядывались с этой бабой, — злобно продолжал он, ударив по столу кулаком с такой силой, что чернильница чуть не опрокинулась, — и если я узнаю...

В этом месте его речи де Батс нашел полезным пошуршать в кармане кредитными билетами.

— Если вы попытаетесь добраться до Капета, — хриплым голосом докончил Герон, — я собственноручно предам вас трибуналу!

«Допустим, конечно, что ты меня поймаешь, мой друг»... — пробормотал про себя де Батс. Его деятельный мозг уже принялся за работу. Посетив башню, он решил, что жена Симона может оказаться ему полезной и что корыстолюбивую женщину будет вовсе не трудно подкупить.

Несмотря на угрозы Герона, де Батс и не думал отказываться от предприятия, сулившего ему миллионы, но прежде всего следовало отделаться от беспокойного Красного Цветка, который со своими сумасшедшими товарищами действительно оказывался серьезной помехой планам барона. Не опасаясь их непрошеного вмешательства, он мог бы не спеша подготавливать освобождение дофина, чтобы действовать наверняка.

Думая об этом, гасконец-роялист проникался к неугомонным англичанам такой же злобной ненавистью, как и главный агент Комитета общественной безопасности.

— Если эта маленькая гадина улизнет, — продолжал между тем Герон, — то я через двадцать четыре часа сложу голову на гильотине, как эти собаки-аристократы! Вы назвали меня ночной птицей? Я действительно ночей не сплю, придумывая, как бы получше уберечь этого мальчишку Капета. Этим Симонам я никогда не доверял.

— Не доверяли? — воскликнул де Батс. — Да разве можно найти где-нибудь более бесчеловечных чудовищ?

— Бесчеловечные чудовища! — фыркнул Герон. — Нет, они плохо исполняют свои обязанности. Мы хотим, чтобы из этого отродья тирана вышел настоящий республиканец и добрый патриот, который уже не годился

бы в короли, даже если бы ваши проклятые единомышленники завладели им. Со временем это будет человек, который не сумеет есть иначе, как пальцами, и каждый вечер будет мертвецки пьян. Вот что нам нужно! Мы сделаем его негодным для вашей цели, если бы даже вы его и похитили. Но это вам не удастся! Лучше я собственными руками задушу мальчишку!

Герон схватил свою коротенькую трубку и несколько раз с ожесточением затянулся.

— Друг мой, — начал де Батс, — вы совершенно напрасно волнуетесь. Кто сказал вам, будто я хочу впутываться в эти дела?

— Лучше и не пробуйте! — прорычал Герон.

— Вы уже сказали это. Только не думаете ли вы, что было бы гораздо разумнее вместо того, чтобы сосредоточивать исключительное внимание на моей недостойной особе, обратить помыслы к тому человеку, который, поверьте, гораздо опаснее?

— Кто это?

— Англичанин, известный под именем Красного Цветка. Вы, конечно, слышали о его подвигах? Думаю, что гражданин Шовелен и гражданин Колло много могут порассказать про него.

— Их стоило бы обоих гильотинировать за постыдный промах в Булони прошлой осенью.

— Берегитесь, как бы такое же обвинение не было предъявлено теперь вам! — хладнокровно произнес де Батс. — Ведь Красный Цветок в настоящее время в Париже.

— Черт бы его побрал!

— И как вы думаете, зачем он явился? — спросил де Батс и с намерением немного помолчал, а затем медленно и многозначительно сказал: — Затем, чтобы спасти от тюрьмы самого драгоценного из узников Тампля!

— Как вы это узнали? — с гневом спросил Герон.

— Я догадался. Сегодня я встретил в Национальном театре одного из членов лиги Красного Цветка.

— Будь он проклят! Где его найти?

— Если вы подпишете расписку в получении трех тысяч пятисот ливров, которые я жажду передать вам, то я скажу, где его найти.

— Где деньги?

— У меня в кармане.

Молча придвинув к себе чернильницу и бумагу, Герон поспешно нацарапал несколько слов и, засыпав написанное песком, протянул бумагу де Батсу.

Тот внимательно прочел ее и вскользь заметил:

— Вы даете мне всего две недели свободы?

— За эти деньги — вполне достаточно. Если вы желаете продлить срок, вам стоит увеличить сумму.

— Пусть остается так, — спокойно произнес де Батс, складывая бумагу. — По нынешним временам и две недели безопасности во Франции — обстоятельство очень приятное. Да и я предпочитаю быть с вами в постоянных сношениях, друг Герон. Через две недели я опять явлюсь к вам.

Вынув из кармана кожаный бумажник, он достал из него пачку банковских билетов и положил их на стол перед Героном, а расписку бережно спрятал в бумажник и снова положил его в карман. Герон тем временем пересчитывал деньги. Теперь всякая свирепость исчезла с его лица, выражавшего лишь удовлетворенную жадность.

— Ну, — сказал он, проверив деньги и спрятав их во внутренний карман камзола, — расскажите мне про вашего друга.

— Я знаю его уже несколько лет, — начал де Батс. — Это родственник гражданина Сен-Жюста, он принадлежит к лиге Красного Цветка.

— Где он живет?

— Это уж ваше дело узнать. Я видел его в театре, а затем в фойе, где он строил куры гражданке Ланж. Я слышал, что завтра он собирается к ней около четырех часов. Вы, разумеется, знаете, где она живет.

Подождав, пока Герон записал что-то на лоскутке бумаги, де Батс встал и накинул на плечи плащ. Через десять минут он уже шел по улице Тампль, глядя на маленькое решетчатое окно, за которым томился несчастный принц. По странности человеческой натуры он не замечал всей низости той роли, какую только что играл при свидании с агентом Комитета общественной безопасности, с отвращением вспоминая в то же время все слова Герона и старания супругов Симон сделать из маленького некоронованного короля «настоящего республиканца и доброго патриота».

VI

— Вчера вы были крайне нелюбезны! — промолвила мадемуазель Ланж. — Как могла я улыбаться, видя вас таким суровым?

— Вчера мы были не одни, — ответил Арман. — Как мог я говорить о том, что близко моему сердцу, зная, что равнодушные уши услышат то, что предназначалось для вас одной?

— Это вас в Англии учат так красиво выражаться?

— Нет, мадемуазель, это умение невольно рождается в душе при виде чудных женских глаз.

Ланж сидела на маленьком диванчике, прислонившись головкой к мягкой подушке; в некотором расстоянии от нее в низком кресле поместился Арман. Зная, что она страстно любит цветы, он принес ей огромный букет первых фиалок, лежавший теперь у нее на коленях. Артистка была немного взволнована и часто вспыхивала румянцем под устремленными на нее восторженными взглядами молодого человека.

Ланж была сирота и жила с дальней родственницей, особой средних лет, которая исполняла при пользовавшейся успехом актрисе обязанности дуэньи, экономки и служанки и держала чересчур смелых поклонников в известных границах.

Она рассказала Сен-Жюсту всю свою прежнюю жизнь, детство, проведенное в маленькой комнатке при лавке ювелира, родственника ее покойной матери; сообщила, как ей страстно хотелось попасть на сцену, как она боролась с родными, не чуждыми предрассудков своего сословия, как наконец добилась желанной свободы. При этом она не скрыла своего скромного происхождения; наоборот, она гордилась тем, что в двадцать лет была уже одной из известных в художественном мире артисток и что всем этим была обязана одной себе. Расспрашивая Армана о его сестре, она невольно коснулась Англии и личности Красного Цветка.

— Говорят, что человеколюбие играет второстепенную роль в его подвигах, — сказала она, — что главным двигателем во всем этом является спорт.

— Как всякий англичанин, Красный Цветок немного стыдится показывать благородные чувства, он готов даже отрицать их, хотя они наполняют его сердце. Но возможно, что и любовь к спорту играет немаловаж-

ную роль в его деятельности, связанной с огромным риском.

— Во Франции его боятся. Он уже столько народа спас от смерти!

— И спасет еще многих, Бог даст.

— Ах, если бы он мог спасти бедного маленького узника в Тампле! О, если бы ваш благородный рыцарь Красного Цветка отважился спасти этого невинного агнца, — прибавила она с внезапно набежавшими на глаза слезами, — я в глубине души благословила бы его и сделала бы все, что только могу ради помощи ему!

— Да благословит вас Бог за эти слова, мадемуазель! — воскликнул Арман, опускаясь перед ней на колени. — Я уже начал терять веру в свою заблуждающуюся Францию, начал думать, что все здесь — и мужчины, и женщины — низкие, злые, жестокие люди, но теперь могу только на коленях благодарить вас за ваши участливые слова, за то нежное выражение, которое я видел в ваших глазах, когда вы говорили о несчастном, беспомощном, всеми заброшенном дофине.

Она больше не удерживала слез, катившихся по щекам. Одной рукой она прижала к глазам тоненький батистовый платочек, а другую невольно протянула Арману, продолжавшему стоять на коленях. Под влиянием охватившего его чувства он обнял молодую девушку за талию, шепча ей нежные слова любви, готовый поцелуями осушить ее слезы.

Вдруг на лестнице послышались тяжелые шаги нескольких человек, затем раздался женский крик, и в комнату ворвалась мадам Белом, родственница Ланж, с выражением ужаса на лице.

— Жанна, дитя мое! Это ужасно! Что с нами будет? — простонала она, закрывая лицо передником и падая в кресло.

Молодые люди в первую минуту не тронулись с места, не отдавая себе отчета в происходящем, но в следующий момент до их слуха долетел резкий окрик:

— Именем народа — отворите!

В то страшное время такое требование всегда служило прологом к драме, первый акт которой неизбежно кончался арестом, а второй почти всегда — гильотиной.

Жанна и Арман взглянули друг на друга, как бы обещая, что только смерть может разлучить их. Не сводя

взора с Сен-Жюста, горячими поцелуями покрывающего ее руку, Жанна твердо произнесла:

— Тетя Мари, соберись с духом и сделай, что я скажу!

— Именем народа — отворите! — снова крикнул грубый голос за дверью.

Белом в изумлении смотрела на всегда кроткую Жанну, неожиданно заговорившую таким повелительным тоном. Видимое спокойствие и твердость молодой девушки оказали свое действие на старушку.

— Что ты думаешь делать? — трепещущим голосом спросила она.

— Прежде всего ступай отворить дверь!

— Но... там солдаты...

— Если ты добровольно не отворишь, они через две минуты высадят дверь, — с прежним спокойствием возразила Жанна. — Отворяя дверь, ворчи погромче, что тебе помешали стряпать, и сразу скажи солдатам, что они найдут меня в будуаре. Иди же, ради Бога! — с нетерпением повторила она. — Иди, пока дверь еще цела.

Испуганная Белом поспешно повиновалась. Снаружи в третий раз послышалось грозное:

— Именем народа — отворите!

— Начинайте поскорее какое-нибудь любовное объяснение! — быстро шепнула Жанна Сен-Жюсту, не поднимая его с колен. — Какое вы знаете?

Арман подумал, что она от страха сошла с ума.

— Мадемуазель... — начал он, стараясь ее успокоить.

— Слушайте и делайте, что я скажу! — с полным самообладанием промолвила она. — Тетя Мари послушалась меня. Согласны вы последовать ее примеру?

— Хоть умереть! — с живостью воскликнул он.

— Тогда начинайте скорее объяснение в любви! — умоляла Жанна. — Неужели вы никакого не знаете? Например, объяснение Родриго с Хименой? Если не это, так что-нибудь другое! — быстро проговорила она. — Только скорее! Каждая минута дорога!

Это была правда: из передней уже слышно было, как грубый голос спрашивал, где гражданка Ланж.

— У себя в будуаре, — ответила тетя Мари, под влиянием страха отлично разыгравшая свою роль. — Вот уж не вовремя-то! — ворчала она. — Ведь сегодня у меня хлебы пекутся!

— Придумайте же скорее! — с отчаянием прошептала Жанна, в смертельном страхе сжимая руку Сен-Жюста. — Ради спасения нашей жизни... Арман!

В первый раз в эту страшную минуту девушка назвала Сен-Жюста по имени. Словно по вдохновению свыше, он сразу понял, чего она требовала, и в тот момент, как дверь будуара широко распахнулась, он, все еще стоя на коленях, прижав руку к сердцу, а другую подняв к небу, громко декламировал из «Сида».

— Нет, нет, милый кузен, — с недовольной гримаской проговорила хорошенькая артистка, — это никуда не годится! Вы не должны так подчеркивать конец каждой строки...

Герон (это он так порывисто распахнул дверь) в недоумении остановился на пороге. Он рассчитывал найти здесь одного из приверженцев неутомимого Красного Цветка, а вместо того увидел молодого человека, который хотя и стоял на коленях перед гражданкой Ланж, но, по-видимому, был далек от восхищения ею и хладнокровно цитировал стихи.

— Что это значит? — грубо спросил Герон.

Ланж невольно вскрикнула от неожиданности.

— Как, сам гражданин Герон? — воскликнула она, кокетливо разыгрывая смущение. — Отчего же тетя Мари не доложила о вас? Это — большое упущение с ее стороны! Впрочем, сегодня она занята выпечкой хлеба, и я не решаюсь сделать ей замечание. Садитесь, пожалуйста, гражданин Герон! А вас, кузен, — весело обратилась она к Сен-Жюсту, — прошу не стоять больше в такой глупой позе!

Некоторую лихорадочность в ее двжениях и легкий румянец на щеках можно было объяснить смущением от такого неожиданного посещения.

Герон настолько растерялся, найдя совершенно не то, чего ожидал, что молча смотрел на молодую хозяйку, продолжавшую болтать, как ни в чем не бывало.

— Кузен, — произнесла Жанна, — обращаясь к Арману, поднявшемуся с колен, — это — гражданин Герон, о котором я вам говорила. Это — мой кузен Белом, только что приехавший из провинции, — обратилась она к Герону. — Он играл в Орлеане главные роли в трагедиях Корнеля; однако я боюсь, что парижская публика окажется не такой снисходительной, как орлеанская. Но отчего у вас такой мрачный вид, гражда-

нин? — вдруг спросила она, понизив голос и словно лишь теперь поняв, что Герон мог прийти вовсе не в качестве почитателя ее таланта. — Я ведь думала, что вы пришли поздравить меня с моим вчерашним успехом. Я видела вас вчера в театре, хотя вы и не захотели потом зайти в фойе. Мне сделали такие овации! Посмотрите на эти цветы! — указала она на многочисленные букеты в вазах. — Гражданин Дантон сам поднес мне букет фиалок, а Сантерр — нарциссы. А вот этот лавровый венок — не правда ли, как он хорош? — получен от самого гражданина Робеспьера!

Непринужденность молодой девушки совсем сбила Герона с толку: он был уверен, что де Батс говорил ему про англичанина, а всем известно, что приверженцы Красного Цветка — англичане с рыжими волосами и огромными выдающимися зубами, а здесь...

Арман, которому грозная опасность придала находчивости, расхаживал взад и вперед по комнате, продолжая декламировать отрывки из «Сида».

— Нет, нет, — с нетерпением перебила его Ланж, — нельзя так говорить!

При этом она так забавно передразнила его неловкие жесты и неправильные ударения, что сам Герон не мог удержаться от смеха.

— Так это — кузен из Орлеана? — спросил он, так резко бросаясь в кресло, что оно заскрипело под ним.

— Да, настоящий простофиля! — насмешливо ответила она. — А теперь, гражданин Герон, вы должны выпить с нами чашечку кофе. Гектор, — обратилась она к Сен-Жюсту, — спуститесь с облаков и попросите тетю Мари поторопиться с кофе.

Кажется, в первый раз Герона приглашали остаться и выпить чашку кофе вместе с его жертвой. Хотя он и убедился, что кузен Ланж с головы до ног чистокровный француз, однако, если бы он получил донос от кого-нибудь другого, то все-таки отнесся бы к этому кузену с сильным подозрением; сам же де Батс не возбуждал в нем никакого доверия, и теперь у него вдруг блеснула мысль, что барон нарочно послал его по ложному следу, чтобы самому безопаснее добраться до башни в Тампле. Герон уже видел, как де Батс, завладев ключами от тюрьмы и пользуясь беспечностью стражи, проникает все ближе и ближе, не встречая нигде пре-

пятствий. Вскочив с кресла, Герон решил немедленно уйти, вспомнив, что раз и навсегда решено считать актеров и актрис чуждыми политике, следовательно — людьми безопасными.

Упрекнув его за короткий визит, Жанна намеренно упомянула о маленьком дофине, рассчитывая, что это напоминание побудит Герона поспешить в Тампль.

— Вчера, гражданин, — кокетливо сказала она, — я была крайне польщена тем, что вы забыли на время даже о маленьком Капете, чтобы присутствовать на дебюте Селимены.

— Забыть его! — повторил Герон, с трудом подавив ругательство. — Я никогда не забываю этого отродья! Да и теперь должен спешить к нему: уж чересчур много кошек точат зубы на мою мышку. До свидания, гражданка! Знаю, что должен был бы принести вам цветов, но у меня столько дел!.. Я совсем измучен!

— Я вам верю, — серьезно ответила Жанна. — Но все-таки приходите сегодня вечером в театр. Я играю Камиллу; это одна из моих лучших ролей.

— Да, да, я приду... может быть... Очень буду рад вас видеть. А где остановился ваш кузен? — неожиданно спросил он.

— У меня, — не задумываясь, смело ответила она.

— Хорошо! Скажите ему, чтобы он завтра утром пришел в Консьержери[1] за охранным свидетельством. Так требует новый закон. Вам также следует обзавестись таким свидетельством.

— Прекрасно! Завтра мы с Гектором вместе придем в Консьержери; может быть, и тетя Мари придет. Вы не пошлете нас к тетушке гильотине? — беспечно проговорила Жанна. — Вам ведь не найти другой такой Камиллы... да и такой прекрасной Селимены! — Продолжая весело щебетать, Жанна проводила гостя до самой двери. — Вы — настоящий aристо, гражданин! — воскликнула она с прекрасно разыгранным восхищением указывая на двух стражников, ожидавших Герона в передней. — Я горжусь, что у моих дверей столько граждан. Смотрите же, приходите сегодня вечером смотреть Камиллу и не забудьте заглянуть в фойе, дверь которого всегда будет для вас гостеприимно открыта.

---

[1] Тюрьма при здании суда в Париже. Во времена террора в ней содержались приговоренные к смерти.

Ланж сделала Герону шаловливый реверанс, и он ушел в сопровождении своих телохранителей.

Заперев за ним дверь, молодая девушка стояла, прислушиваясь, пока их шаги не послышались уже на дворе. Тогда она с облегчением вздохнула и медленно направилась в будуар, только тут почувствовав, чего ей стоило выдержать всю эту сцену. За сильным нервным напряжением последовала неизбежная реакция: Жанна, шатаясь, с трудом добралась до своей комнаты и упала в кресло. В ту же минуту Арман, очутившись перед ней на коленях, сжал в объятиях ее хрупкую фигурку.

— Вы должны немедленно покинуть Францию, — заговорила она сквозь рыдания, которых уже не в силах была удержать. — Он вернется, я его хорошо знаю. Вы только в Англии будете в безопасности.

Но Сен-Жюст не мог ни о чем думать, кроме Жанны. Герон, Париж, весь мир не существовал для него.

— Я обязан вам жизнью! — прошептал он. — Какая вы мужественная! Как я вас люблю!

Ему казалось, что он всегда любил Жанну. В ней было все, чему он привык поклоняться, чем всегда восхищался в своем благородном вожде, видя в нем воплощение идеалов. Жанна обладала всеми качествами, которыми сэр Перси приводил его в безграничный восторг. Он не переставал удивляться ее мужеству, спокойной находчивости и смелости, которые помогли ей отвратить грозившую ему опасность. Но чем же он заслужил, что для него она рисковала своей драгоценной жизнью? Этого и сама Жанна не сумела бы объяснить.

Мало-помалу первое волнение улеглось; однако молодая девушка никак не могла удержать слез, впрочем, нисколько не безобразивших ее хорошенького личика. Она не в силах была двинуться с места, даже пошевелиться, так как Арман продолжал обнимать ее колени, но ей было хорошо, покойно, и она не отнимала рук, которые Сен-Жюст не переставал покрывать поцелуями.

Минуты летели, а им надо было столько сказать друг другу! Уже сгущались вечерние тени, комната погрузилась во мрак, потому что тетя Мари, вероятно, еще не пришедшая в себя от пережитого ужаса, не спешила зажечь свет, но молодые люди не жаловались на это.

— Ты меня любишь? — прошептал Арман, поднявшись с колен и заглядывая в глаза обожаемой девушке.

Она молча склонилась к нему на грудь.

Тетя Мари наконец принесла лампу и нашла их сидящими рядом, рука об руку, забывшими все на свете, кроме своей любви. Свет лампы нарушил очарование, волшебной сказке пришел конец.

— О, дорогая моя! — дрожащим голосом начала тетя Мари. — Как тебе удалось избавиться от этих животных?

Ей никто не ответил, и она, вглядевшись попристальнее в молодых людей, не стала больше ни о чем расспрашивать, поняв, что им не до нее, и на цыпочках вышла из комнаты.

— Твоя жизнь в опасности, — сказала Жанна, возвращаясь к действительности. — Умоляю тебя, береги ее ради меня! Уезжай поскорее из Парижа! Каждый час, который ты проведешь здесь, только увеличивает опасность.

— Я не могу покинуть Париж, пока ты здесь.

— Но мне ничто не грозит, — возразила она. — Не забудь, что я — актриса, а правительство не обращает внимания на нас, бедных шутов. Людям необходимо развлекаться, даже в промежутках между убийствами. Мне гораздо безопаснее оставаться здесь, так как мой поспешный отъезд мог бы для нас обоих оказаться гибельным.

Она была права, но Арман не мог решиться оставить ее одну в Париже.

— Послушай, дорогая, — сказал он, немного подумав, — разреши мне переговорить с нашим вождем, с рыцарем Красного Цветка! Он в настоящее время в Париже, и моя жизнь и мои действия в полном его распоряжении. Я не могу сейчас же уехать из Франции. Мы должны помочь нашему вождю в серьезном предприятии, сущности которого он еще не открыл нам, но я уверен, что дело идет об освобождении дофина из Тампля.

У Жанны вырвался невольный крик ужаса.

— Нет, нет, — быстро и серьезно заговорила она, — это невозможно! Кто-то выдал тебя, и за тобой, наверно, следят. Я думаю, тут замешан этот отвратительный де Батс. Нам удалось сбить шпионов с толку,

но лишь на самое короткое время. Герон живо раскается в своей беспечности и вернется. Меня он, может быть, оставит в покое, но за тобой будет следить; тебя потащат в Консьержери для выдачи документа, и тогда обнаружится твое настоящее имя. Хоть тебе на этот раз удалось обмануть его, он все-таки не выпустит тебя из вида, и если ваш вождь удержит вас в Париже, твоя смерть будет на его совести.

Последние слова она произнесла резким, жестким голосом.

Она чисто по-женски уже готова была ненавидеть ту таинственную личность, которой до сих пор восхищалась, ненавидеть лишь потому, что жизнь и безопасность Армана зависели, казалось, от капризов этого неуловимого героя.

— Тебе нечего за меня бояться, Жанна, — запротестовал Арман. — Красный Цветок бережет всех своих помощников и никогда не допустит, чтобы я подвергался бесполезному риску.

Его слова не убедили молодую девушку, она уже ревновала его к неизвестному человеку, сумевшему вызвать к себе такое восторженное чувство.

— Во всяком случае, я не могу уехать из Парижа, — продолжал Сен-Жюст, — пока буду знать, что ты здесь и, может быть, подвергаешься опасности. Я сойду с ума, если уеду, оставив тебя тут. Мы вместе уедем в Англию и будем там счастливы. — И он принялся описывать Жанне красоты Кента, где им неплохо было бы поселиться, и спросил в заключение: — Так ты поедешь туда со мной, моя дорогая, любимая?

— Конечно, если ты этого желаешь, Арман, — тихо прошептала она.

Желал ли он?! Он завтра же увез бы ее туда, если бы это было возможно. Но у Жанны был контракт с театром, затем ей надо было продать дом и обстановку. А тетя Мари? Ну, она, разумеется, поедет с ними. Жанна считала, что только к весне ей удастся устроить все эти дела, а Сен-Жюст клялся, что не уедет без нее из Парижа. Зная хорошо Герона, Жанна понимала, что ей удалось лишь на несколько часов отвратить беду и что с этого дня Арману ежеминутно будет угрожать смертельная опасность. Наконец она обещала ему, что поступит по совету его вождя. Арман должен был

увидеться с ним в тот же вечер, и если их переселение будет решено, она поспешит с приготовлениями к отъезду и, может быть, через неделю последует за ним.

— А до тех пор этот Красный Цветок не станет, может быть, рисковать твоей жизнью, — промолвила молодая девушка. — Помни, Арман, что теперь твоя жизнь принадлежит мне. О, я готова ненавидеть твоего вождя за то, что ты так любишь его!

— Не говори так, дорогая, — остановил ее Сен-Жюст, — о человеке, близком к совершенству, благородном рыцаре, которого я люблю больше всех.

Как не было это грустно, но все-таки им пришлось расстаться. Жанна сознавала, что чем скорее доберется Арман до своей квартиры, тем будет лучше — на случай, если Герону вздумается прислать своих шпионов, чтобы следить за ним. У нее была смутная надежда, что если таинственный герой действительно обладал таким благородным сердцем, как уверял Сен-Жюст, то он почувствует сострадание к душевной тревоге скорбящей женщины и освободит любимого ею человека от данного им слова.

Эта мысль немного утешила ее, и она стала торопить Армана скорее идти на свидание со своим вождем.

— Когда мы завтра увидимся? — спросил он.

— Теперь нам очень опасно встречаться, — ответила Жанна.

— Но я должен непременно видеть тебя!.. Я дня не могу прожить, не повидав тебя.

— Самое безопасное место — театр.

— Я не могу ждать до вечера. Разве нельзя прийти сюда?

— Ни за что на свете! Здесь могут караулить сыщики Герона.

— Тогда где же?

— Будь в час в театре, — сказала Жанна, немного подумав. — К этому времени наша репетиция окончится. Постарайся незаметно проскользнуть в комнату привратника. Я предупрежу его и пришлю горничную, она проводит тебя в мою уборную, где мы сможем без помехи провести вместе с полчаса.

Арман вынужден был довольствоваться этим, хотя ему страстно хотелось увидеться с Жанной здесь, в бу-

дуаре, где он был так счастлив. Наконец он ушел с твердым намерением доверить свою тайну Блейкни и просить его помочь Жанне как можно скорее выбраться из Парижа.

VII

Долго бродил Арман по улицам, не отдавая себе отчета, куда идет. Все его помыслы были сосредоточены на любимой девушке; он вспоминал каждое ее слово, каждое движение, не переставая восхищаться ее красотой, мужеством и хладнокровием, с каким она приняла кровожадную ищейку, осквернившую своим присутствием ее будуар. Очнулся Арман лишь тогда, когда почувствовал усталость и голод. Войдя в первый попавшийся ресторан, он поужинал, не обращая внимания на то, что ему подавали и был ли еще кто-нибудь в зале.

Когда он снова очутился на улице, дул резкий северо-восточный ветер и снег валил хлопьями. Плотнее закутавшись в плащ, Арман поспешно направился к жилищу Блейкни, где его ждали и до которого было довольно далеко. Ему вдруг захотелось поскорее очутиться среди друзей, услышать спокойный голос любимого вождя и убедиться, что ради него Жанна отныне будет находиться под охраной рыцаря Красного Цветка и его лиги.

Блейкни занимал небольшой дом на Школьной набережной, позади церкви Сен-Жермен л'Оксерруа. На той самой башне, с которой двести лет назад прозвучал призыв к избиению гугенотов, только что пробило девять часов. Быстро проскользнув в отворенные ворота, Арман прошел через темный двор и поднялся по каменной лестнице. Через минуту он уже был в кругу друзей и с облегчением вздохнул. Хотя обстановка была самая незатейливая, как и во всех меблированных помещениях той эпохи, но во всем чувствовался вкус. Чистота была безусловная, из камина распространялась приятная теплота, окна не были плотно закрыты и пропускали в комнату струю свежего воздуха, на столе в грубом глиняном кувшине стоял большой букет роз, а легкий запах тонких духов был особенно приятен после отравленного воздуха узких парижских улиц.

В комнате уже находились сэр Эндрю Фукс, лорд

Энтони и лорд Гастингс, дружески приветствовавшие Сен-Жюста.

— А где же Блейкни? — спросил он, пожимая им руки.

— Здесь! — послышался громкий приятный голос, и Арман, оглянувшись, увидел Блейкни, стоявшего в дверях комнаты.

Какой спокойный вид имел этот человек, за голову которого французское революционное правительство охотно выдало бы любую сумму, за которым неутомимо охотились кровожадные ищейки! Происходило ли это от беспечности, от незнания грозившей ему опасности? Этого не мог сказать даже его ближайший друг Эндрю Фукс. Глядя на джентльмена в безукоризненно сшитом костюме с дорогими кружевами у ворота и рукавов, с изящной табакеркой в одной руке и тонким батистовым платком в другой, никто бы не поверил, что это не пустой щеголь, а человек, способный на самые безумные поступки, вызывавший в одной нации восторг, а в другой — жажду мщения.

Арман с радостью пожал руку Блейкни, чувствуя, однако, некоторое угрызение совести при воспоминании о том, как провел сегодня день; ему даже показалось, что из-под полуопущенных век Блейкни устремил на него испытующий взор, от которого не могло укрыться, что в эту минуту происходило в душе молодого человека.

— Боюсь, что я опоздал, — сказал Арман. — В темноте я сбился с дороги. Надеюсь, вы недолго ждали меня?

Все придвинули стулья к огню, кроме сэра Перси, который предпочел остаться стоять.

— Дело касается дофина, — без всяких предисловий начал он.

Ни для кого это известие не было неожиданным, все об этом догадывались. Ради этого рискованного дела Эндрю Фукс покинул молодую жену, а Сен-Жюст заранее оговаривал свое право на участие в благородном деле. Уже более трех месяцев Блейкни не покидал Францию, перевозя спасенных им несчастных из Парижа, Нанта или Орлеана в приморские города, где их встречали его друзья.

Теперь изящный щеголь сбросил светскую маску, и перед молодыми людьми стоял смелый вождь, спокойно

смотревший в глаза смертельной опасности, не старавшийся ни преувеличить ее, ни уменьшить, желавший только строго взвесить то, что им предстояло совершить.

— Кажется, все готово, — продолжал Блейкни после небольшой паузы. — Чету Симон неожиданно удалили, я это узнал сегодня. Они перебираются из Тампля в воскресенье, девятнадцатого. По-видимому, это самый удобный для нас день. Насколько я понимаю, нельзя заранее составить никакого плана; в самую последнюю минуту какая-нибудь случайность может указать нам, как действовать. Но от каждого из вас я ожидаю помощи, которая должна выразиться в беспрекословном повиновении моим указаниям, — лишь при таком условии мы можем сколько-нибудь надеяться на успех. — Он несколько раз прошелся по комнате, останавливаясь перед висевшей на стене картой Парижа и его окрестностей. — Я думаю, лучше всего будет сделать так, — снова заговорил он, присев на край стола и глядя в лица товарищам, не сводившим с него взора. — Разумеется, я до воскресенья останусь здесь, поджидая удобного случая, когда будет всего безопаснее проникнуть в Тампль и захватить ребенка. Конечно, я постараюсь выбрать момент, когда Симон будет переезжать, уступая место своему преемнику. Одному Богу известно, — серьезно добавил он, — каким образом мне удастся добраться до мальчика. В настоящую же минуту я об этом знаю столько же, сколько и вы все.

Он с минуту помолчал. Все напряженно смотрели на него. Вдруг серьезное лицо Блейкни просияло, а в глазах вспыхнул веселый огонек.

— Одно мне совершенно ясно, — весело промолвил он, — что в воскресенье девятнадцатого января тысяча семьсот девяносто четвертого года его величество король Людовик XVII, сопровождаемый мной, покинет этот отвратительный дом. Также несомненно для меня и то, что здешние бесчеловечные негодяи не завладеют мной, пока у меня на руках будет эта драгоценная ноша. Поэтому прошу вас, милый мой Арман, — прибавил он с задушевным смехом, — не смотрите так мрачно и помните, что нам понадобится вся ваша сообразительность.

— Что я должен буду делать, Перси? — спросил молодой человек.

— Сейчас скажу, только сперва объясню вам общее положение дела. Ребенок будет увезен из Тампля в во-

скресенье, но в котором часу, не могу сказать; чем позже это будет, тем лучше, так как вечером можно с меньшим риском вывезти его из Парижа. Нам следует действовать наверняка, ведь если наша попытка не удастся и ребенку придется снова вернуться в Тампль, то его положение станет гораздо хуже теперешнего. Между девятью и десятью часами я надеюсь увезти его из Парижа через заставу Лавиллет; там меня должны ожидать Тони и Фукс с какой-нибудь крытой повозкой, разумеется, переодетые так, как подскажет им их изобретательность. Вот несколько удостоверений личности, я собрал их целую коллекцию, они всегда полезны.

Все оживленно приблизились к своему вождю.

Блейкни достал из кармана целую кучу засаленных от прикосновения грязных пальцев документов, какими Комитет общественной безопасности снабжал всех свободных граждан новой Республики и без которых никто не мог переменить место жительства, не вызвав подозрения.

— Выбери, что найдешь более подходящим для нашего случая, — сказал он, передавая документы Фуксу, — и ты также, Тони. Вы можете быть каменщиками, возчиками угля и трубочистами, мне это безразлично, лишь бы получше загримировались, чтобы, не подвергаясь опасности быть заподозренными, запастись повозкой и ждать меня в указанном месте.

Пересмотрев документы, Фукс со смехом передал их Тони, и оба изящных джентльмена принялись обсуждать преимущества того или другого переодевания.

— В качестве трубочистов вы можете наложить больше грима, — заметил Блейкни, — да и сажа для глаз не так вредна, как угольная пыль.

— Но сажа крепче пристает, — торжественно заявил Тони, — а мы вряд ли попадем в ванну раньше, чем через неделю.

— Разумеется, раньше не попадете! — со смехом подтвердил Блейкни. — Ах ты, сибарит!

— Через неделю сажу, пожалуй, и не отмоешь, — задумчиво произнес сэр Эндрю.

— Если вы оба так капризны, — сказал Блейкни, пожав плечами, — то можно одному сделаться кожевником, а другому — красильщиком. Один до конца дней своих останется ярко-красным, так как красная краска не отмывается, а другому придется купаться в скипидаре,

пока все разноцветные оттенки не согласятся расстаться с ним. Во всяком случае... О, милый мой Тони!.. Что за запах!.. — И, расхохотавшись, как школьник, замышляющий шалость, Блейкни поднес к носу надушенный носовой платок.

Гастингс громко фыркнул, но получил за это от Тони изрядный удар в бок.

Арман с удивлением смотрел на своих товарищей. Прожив уже больше года в Англии, он все еще не научился понимать англичан. Люди, которые готовились к делу, требовавшему беспримерного хладнокровия и вместе с тем безумной смелости, забавлялись шутками, достойными какого-нибудь подростка.

«Что подумал бы о них де Батс?» — невольно пришло ему в голову.

Между тем Фукс и Дьюхерст, серьезно обдумав вопрос о переодевании, решили изобразить двух угольщиков и выбрали паспорта на имя Жана Лепти и Ахилла Гропье.

— Положим, ты вовсе не похож на Ахиллеса, Тони, — в последний раз пошутил Блейкни.

— А теперь, — сказал сэр Эндрю, прямо переходя от шутки к делу, — скажи нам, Блейкни, где нам ждать тебя в воскресенье.

Рыцарь Красного Цветка встал и подошел к висевшей на стене карте; Фукс и Тони последовали за ним.

— Вот видите, — заговорил Блейкни, водя по карте своим тонким пальцем, — здесь застава Лавиллет. За ней направо к каналу ведет узкая улица. В конце ее вы и должны ждать меня. Завтра там будут разгружать уголь, и вы сможете поупражнять свои мускулы в качестве поденщиков и, кстати, проявить себя среди остальных как добрые, хотя и грязные патриоты.

— Нам лучше сейчас же приняться за дело, — сказал Тони. — Я сегодня же прощусь с чистой рубашкой.

— И не на один день, милый мой Тони. Усердно поработав завтра днем, вы можете переночевать или в повозке, если достанете ее, или под арками моста через канал.

— Надеюсь, что и Гастингса ожидает такая же приятная перспектива, — с усмешкой вставил Тони, но по его лицу видно было, что он счастлив, как школьник, собирающийся уезжать на каникулы.

Лорд Энтони был настоящим спортсменом, и страсть

к опасным приключениям пересиливала в нем, может быть, увлечение геройскими подвигами под руководством вождя лиги. Что касается Фукса, то его мысли были больше всего заняты маленьким мучеником в Тампле, и это заглушало присущую каждому англичанину любовь к спорту.

Во избежание недоразумений сэр Эндрю еще раз повторил все указания Блейкни.

— А какой будет сигнал? — спросил Дьюхерст.

— Как всегда, крик морской чайки, повторенный три раза с короткими промежутками, — ответил Блейкни. — А затем мне уже понадобится ваша помощь, — обратился он к Гастингсу и Сен-Жюсту, не принимавшим до сих пор участия в переговорах. — Несчастная кляча, обычная в угольных повозках, не в состоянии будет протащить нас больше пятидесяти-шестидесяти километров. Я рассчитываю добраться с ней до Сен-Жермена — ближайшего места, где можно достать хороших верховых лошадей. Там по соседству живет фермер по имени Ашар, у него есть чудные лошади, которых мне приходилось нанимать; особенно хороша одна, настолько сильная, что легко свезет и меня — а я ведь не легонький! — и мальчика, которого я возьму к себе на седло. Завтра рано утром вы оба, Гастингс и Арман, выйдете из Парижа через заставу Нельи и доберетесь до Сен-Жермена, как найдете удобнее. Там вы отыщите Ашара, падкого до денег, и заручитесь хорошими лошадьми. Вы оба прекрасно ездите верхом, оттого я именно вас и выбрал. Одному из вас придется вести в поводу двух лошадей, другому — одну. Вы встретите угольную повозку километрах в семнадцати от Сен-Жермена, там, где дорога поворачивает на Курбвуа. Направо есть небольшая роща — прекрасное убежище для вас и лошадей. Я надеюсь быть там около часа пополуночи в ночь на понедельник. Ну, все ли вам ясно, и довольны ли вы оба?

— Ясно-то оно ясно, — спокойно сказал Гастингс, — только я крайне недоволен.

— А почему?

— Это слишком легко. Мы не подвергаемся никакой опасности.

— Я так и знал, что вы заворчите! — сказал Блейкни, добродушно улыбаясь. — Знаете, если вы с такими мыслями выйдете завтра из Парижа, то, уверяю вас,

и вы и Арман попадете в ловушку гораздо раньше, чем дойдете до заставы Нельи. Вам нельзя будет злоупотреблять гримом: порядочный фермерский работник не должен быть грязным; вас гораздо скорее могут раскрыть и арестовать, чем Фукса и Тони.

В течение всего этого времени Арман сидел молча, опустив голову на грудь, и хотя не поднимал взора, чувствовал, что Блейкни пристально смотрит на него. Холод пробежал у него по спине, когда он подумал, что не может покинуть Париж, не увидевшись с Жанной. Стараясь казаться спокойным, он вдруг поднял голову, смело взглянул в лицо Блейкни и спокойно спросил:

— Когда мы должны выйти из Парижа?

— Вы должны сделать это на рассвете, — ответил Блейкни, слегка подчеркивая слово «должны». — Всего безопаснее проскользнуть в ворота тогда, когда туда и сюда снует рабочий люд. И в Сен-Жермен надо прийти пораньше, пока у фермера не разобрали хороших лошадей. Переговоры с Ашаром должны вести именно вы, Арман, чтобы вас не выдал английский акцент Гастингса. Надо обдумать всякую мелочь, предусмотреть всякую возможную случайность, Арман: слишком уж много поставлено на карту!

Сен-Жюст ничего не возразил, но остальные переглянулись с удивлением. Вопрос Армана был самый обыкновенный, между тем в ответе Блейкни слышался почти выговор.

Гастингс первый прервал наступившее тягостное молчание, подробно повторив все наставления Блейкни.

— Во всяком случае, это нетрудно, — сказал он в заключение, — и мы постараемся исполнить все как можно лучше.

— Главное — чтобы у вас обоих были свежие головы, — серьезно произнес Блейкни, глядя на Сен-Жюста, продолжавшего сидеть с опущенной на грудь головой и не принимавшего никакого участия в разговоре.

Снова наступило молчание. Все продолжали сидеть около огня, погруженные в свои мысли. Через полуоткрытые окна с набережной долетали шум одного из импровизированных лагерей, оклики патрулей, завывания ветра и стук сухого снега, бившего в оконные стекла. Блейкни вдруг встал с места и, подойдя к окну, широко рас-

пахнул его. В эту минуту издалека донесся глухой рокот барабанов, а снизу послышался показавшийся всем насмешкой над существующими обстоятельствами крик ночного сторожа: «Спите спокойно, граждане! Все в порядке!»

— Разумный совет! — шутливо заметил Блейкни. — Не пойти ли и нам спать, как вы думаете?

С его лица уже исчезла строгость, губы, казалось, готовы были снова улыбнуться, лишь преданные глаза Фукса разглядели, что эта веселость была только маской, и в первый раз с тех пор, как он знал Блейкни, он заметил морщины на его обыкновенно гладком лбу и жесткие складки у рта. С проницательностью истинного друга Фукс угадал, что было на душе Блейкни, и понял, что сегодня же вечером непременно произойдет объяснение между Перси и его зятем.

— Кажется, мы обо всем переговорили, Блейкни? — спросил он.

— Обо всем, дорогой мой, — ответил сэр Перси. — Не знаю, как вы, но я чертовски устал.

— А где вещи для завтрашнего переодевания? — осведомился Гастингс.

— В нижнем этаже; ключ у Фукса, — ответил Блейкни.

Он еще пошутил по поводу костюмов и париков, но говорил как-то отрывисто, что было не в его привычках; Гастингс и Дьюхерст приписали это усталости и стали прощаться. Через минуту молодые англичане ушли, и Арман остался наедине с сэром Перси.

VIII

— Ну, Арман, в чем дело? — спросил Блейкни, когда шаги его друзей затихли внизу.

— Значит, вы угадали, что... мне надо... вам коечто сказать?

— Разумеется.

Резким движением отодвинув свой стул, Арман принялся быстро ходить взад и вперед по комнате. Не обращая внимания на его нахмуренное лицо, Блейкни присел по своему обыкновению на угол стола и принялся спокойно полировать ногти.

Сен-Жюст с решительным видом остановился перед зятем и произнес:

— Блейкни, я не могу завтра покинуть Париж.

Сэр Перси молча разглядывал свои ногти.

— Мне необходимо остаться здесь, — решительно продолжал Арман. — Я еще несколько недель не вернусь в Англию. За стенами Парижа у вас есть три помощника, кроме меня, но внутри Парижа я вполне в вашем распоряжении.

Снова на его слова не последовало никакого ответа, Блейкни даже не взглянул на него.

— В воскресенье вам будет нужен какой-нибудь помощник, — продолжал Арман, все более волнуясь. — Я весь к вашим услугам... здесь или вообще где-нибудь в Париже... но не могу покинуть город... теперь... ни под каким видом.

Удовлетворенный состоянием своих ногтей, Блейкни встал и, слегка зевнув, направился к двери в соседнюю комнату.

— Покойной ночи, дружок! — сказал он. — Нам обоим пора в постель. Я чертовски устал.

— Перси! — горячо воскликнул молодой человек. — Неужели вы расстанетесь со мной, не сказав ни слова?

— Я сказал много слов, дорогой мой, — возразил Блейкни, уже отворяя дверь в спальню.

— Перси, вы не можете так уйти! Что сделал я такого, что вы обращаетесь со мной, как с ребенком, который не стоит даже вашего внимания?

Красный Цветок подошел и, взглянув ему прямо в лицо, спокойным, почти дружелюбным тоном произнес:

— Неужели, Арман, вы предпочли бы услышать от меня, что брат моей Маргариты — лжец и обманщик?

— Блейкни! — воскликнул Арман, с угрожающим видом делая шаг к нему. — Если бы кто-нибудь другой посмел сказать мне...

— Дай Бог, Арман, чтобы никто, кроме меня, не имел права сказать вам это!

— И вы не имеете права!

— Имею полное право, друг мой. Разве вы не дали мне клятвы? И разве в настоящую минуту вы не собираетесь нарушить ее?

— Я не нарушу данной вам клятвы. Я сделаю все, что вы велите... дайте мне самое опасное поручение. Я все исполню.

— Я уже дал вам очень трудное и опасное поручение.

— Покинуть Париж и заняться наймом лошадей, пока вы и другие будете исполнять главную задачу? Это и нетрудно, и неопасно.

— Для вас, Арман, это очень трудно, потому что ваша голова недостаточно свежа, чтобы предвидеть все серьезные случайности и приготовиться к ним; кроме того, данное вам поручение и опасно, так как вы влюблены, а влюбленный человек способен слепо попасться во всякую ловушку, да и друзей увлечь с собой туда же.

— Кто сказал вам, что я влюблен?

— Вы сами с самого начала показали это, — с прежним спокойствием, даже не повышая голоса, проговорил Блейкни. — В противном случае мне оставалось бы только познакомить вас с арапником, как низкого клятвопреступника. И я, без сомнения, даже вышел бы из себя, хотя это было бы совершенно бесполезно и неблаговоспитанно, — добродушно добавил он.

С губ Сен-Жюста готово было сорваться резкое возражение, но, к счастью, в этот момент его горевшие гневом глаза встретились с ласковыми глазами Блейкни, и благородное достоинство, которым был проникнут этот человек, заставило Армана смолчать.

— Я не могу завтра покинуть Париж, — повторил он уже гораздо спокойнее.

— Потому что вы сговорились увидеться с ней?

— Потому что сегодня она спасла мне жизнь и теперь сама в опасности.

— Она не может быть в опасности, если спасла жизнь моему другу, — просто сказал Блейкни.

— Перси!

Эти простые слова нашли отголосок в душе Сен-Жюста — он почувствовал себя обезоруженным. Его сопротивление сломалось перед этой непреклонной волей. Армана охватили чувство стыда и сознание собственного бессилия. Он упал на стул и опустил голову на руки.

— Видите, какая трудная задача, Арман! — мягко сказал Блейкни, ласково положив руку ему на плечо.

— Перси, она спасла мне жизнь, а я еще не поблагодарил ее.

— Для благодарностей будет еще много времени,

Арман, а теперь грубые животные ведут королевского сына к смерти.

— Я ведь ничем не помешал бы вам, если бы остался здесь.

— Одному Богу известно, сколько вы, может быть, уже повредили нам.

— Каким образом?

— Вы говорите, что она спасла вам жизнь... значит, вам грозила опасность, и Герон и его приспешники напали на ваш след; этот след привел их ко мне. А я поклялся вырвать дофина из рук злодеев. В нашем деле, Арман, влюбленный человек представляет смертельную опасность. Поэтому на рассвете вы непременно должны вместе с Гастингсом покинуть Париж.

— А если я откажусь?

— Милый друг, — серьезно сказал Блейкни, — в великолепном словаре, составленном лигой Красного Цветка, не существует слова «отказ».

— Но если я все-таки откажусь?

— В таком случае вы предложите любимой женщине запятнанное имя.

— Вы все-таки настаиваете на моем повиновении вашей воле?

— Я помню вашу клятву.

— Но это бесчеловечно!

— Милый Арман, требования чести часто бывают жестоки; честь — могучий властелин, и все мы, называющие себя мужчинами, — ее послушные рабы.

— Это вы — тиран! Если бы вы захотели, то могли бы исполнить мою просьбу.

— А вы ради эгоистичного удовлетворения юношеской страсти хотели бы, чтобы я рисковал жизнью людей, имеющих ко мне безграничное доверие?

— Бог знает, чем вы заслужили это доверие, но, по-моему, именно вы — бесчувственный эгоист.

— В том-то и заключается трудность данного вам поручения, Арман, что вам приходится повиноваться вождю, к которому у вас нет больше доверия, — проговорил сэр Перси в ответ на оскорбительные слова Сен-Жюста.

Этого Арман уже не мог вынести. Горячо восставая против строгой дисциплины, противоречившей его сердечным стремлениям, он в душе все же оставался верным вождю, которого привык глубоко уважать.

— Простите меня, Перси, — смиренно сказал он, — я, кажется, сам не сознавал, что говорил. Я не нарушу своей клятвы, хотя ваши требования и кажутся мне теперь жестокими и эгоистичными. Я исполню все, что вы сказали. Вам нечего бояться.

— Я и не боялся этого, милый друг.

— Конечно, вы не можете понять... Для вас, для вашей чести задача, которую вы себе поставили, является вашим единственным кумиром. Настоящая любовь для вас не существует. Теперь я это вижу. Вы не знаете, что значит любить!

Блейкни ничего не ответил ему. При последних словах Сен-Жюста его губы плотно сжались, а глаза прищурились, словно он старался увидеть что-то такое, что было вне поля его зрения. Может быть, этот смелый человек, не задумываясь рисковавший жизнью и свободой, теперь видел вокруг себя не окружавшие его стены, а тенистый парк в Ричмонде, зеленые лужайки и поросшую мхом каменную скамейку, на которой сидела красивая молодая женщина, устремив печальный взор на далекий горизонт. Она была одна, из ее чудных глаз катились слезы.

Вдруг из плотно сжатых губ Блейкни вырвался тяжелый вздох, и сэр Перси непривычным жестом провел рукой по глазам.

— Может быть, вы и правы, Арман, — тихо сказал он, — может быть, я не знаю, что значит любить.

Сен-Жюст приготовился уйти, твердо решившись сдержать данную клятву, хотя был уверен, что, покидая Париж, навеки терял Жанну. Он снова попал под магическое влияние человека, покорявшего всех своей волей.

— Я пойду вниз, — сказал он, — и сговорюсь с Гастингсом относительно завтрашнего дня. Покойной ночи, Перси!

— Покойной ночи, дорогой мой! Кстати, вы еще не сказали мне, кто она.

— Ее зовут Жанна Ланж, — неохотно ответил Сен-Жюст, не желавший открывать до конца свою тайну.

— Это молодая артистка из Национального театра?

— Да. Вы ее знаете?

— Только по имени.

— Она прекрасна, Перси, и ангельски добра. Вспомните мою сестру Маргариту!.. Она ведь также была актрисой. Покойной ночи!

— Покойной ночи.

Они пожали друг другу руки. Арман еще раз устремил на Блейкни умоляющий взор, но глаза вождя смотрели строго, и Сен-Жюст со вздохом удалился.

Блейкни еще долго неподвижно стоял на том же месте, где прощался с зятем, и в его ушах все звучали слова Армана: «Вспомните мою сестру Маргариту». На минуту он забыл обо всех совершавшихся в Париже ужасах, не слышал стонов невинных жертв террора, призывавших на помощь, не видел крошки Людовика XVII в красной шапке, попирающего ногами королевские лилии и циничными словами позорящего память матери.

На минуту все это перестало существовать.

Перси снова был в ричмондском саду. Маргарита сидела на своей любимой каменной скамейке, а он — на земле у ее ног, положив голову к ней на колени, будучи погружен в сладкие мечты. У его ног река делала красивый изгиб и несла дальше свои воды мимо склонившихся прибрежных ив и высоких стройных вязов. Вниз по реке плыл гордый лебедь, и Маргарита бросила ему в воду несколько хлебных крошек. Она смеялась счастливым смехом, потому что любимый муж был возле нее.

Он отказался от безрассудных предприятий ради спасения чужих жизней и теперь жил только для нее, для своей обожаемой жены.

Часы на башне Сен-Жермен л'Оксерруа медленным боем напомнили Блейкни, что настала ночь. Очнувшись от своей грезы, он быстро подошел к окну и выглянул в него.

Народу, работавшему в лагере на набережной, разрешено было отдохнуть до завтрашнего утра. Женщины с детьми спешили по домам. Навстречу шла группа солдат, которые стали бесцеремонно расталкивать их. Один грубо отшвырнул с дороги ребенка, цеплявшегося за материнскую юбку; женщина, в свою очередь, толкнула обидчика и, собрав своих цыплят под крыло, приготовилась дать отпор. В одну минуту она была окружена, от нее оттащили плачущих детей, началась общая свалка, послышались крики раненых, многие женщины в испуге бросились бежать куда глаза глядят.

Блейкни захлопнул окно. Теперь перед его умственным взором был уже не ричмондский сад, а мрачная

тюрьма, в которой томился потомок французских королей.

— Пока я жив, я вырву у животных их добычу, — прошептал бесстрашный рыцарь Красного Цветка.

IX

Арман Сен-Жюст провел ужасную ночь. Его лихорадило, от озноба зуб не попадал на зуб, в висках так стучало, что, казалось, они готовы были лопнуть. Еще не светало, когда он поднялся со своего жесткого ложа, не сомкнув ни на минуту глаз. Болела спина, глаза были красны от бессонницы, но он не чувствовал физической боли, будучи весь поглощен сердечной тревогой. В его душе страстная любовь к Жанне боролась с верностью смелому вождю, которому он был обязан жизнью и которому поклялся в безусловном повиновении. К счастью, погода была не холодная, и когда Арман, наскоро окончив туалет, вышел на улицу, ему было даже приятно почувствовать на разгоревшемся лице мягкое дуновение южного ветерка.

На улицах было еще совсем темно. Фонари давно уже погасли, а бледное январское солнце еще не прорезало своими лучами нависших над городом тяжелых облаков. Шел мелкий дождь, размывавший дорогу. Арман спускался с высот Монмартра, где еще не было тротуаров, его ноги скользили по грязи, но он не обращал на это никакого внимания, окрыленный одной мыслью — увидеть Жанну, прежде чем покинуть Париж. Он не думал о том, как устроить свидание в такой ранний час, он знал лишь одно: необходимо повиноваться своему вождю и в то же время увидеться с Жанной, чтобы объяснить ей, что он вынужден немедленно покинуть Париж, и просить ее как можно скорее готовиться к отъезду в Англию.

Он не сознавал, что сейчас поступал предательски, стараясь увидеться с Жанной. Пренебрегая всякой осторожностью, он подвергал громадному риску не только успех задуманного плана, но и жизнь благородного предводителя и его друзей. Расставаясь накануне с Гастингсом, он сговорился встретиться с ним вблизи заставы Нельи в семь часов, теперь было только шесть — времени у него достаточно.

Со стороны улицы Сент-Оноре площадь Руль закры-

та высокими железными воротами, которые в те времена на ночь замыкались. Обязанностью состоявшего при них сторожа была охрана выходивших на площадь домов от ночных бродяг.

Беспрепятственно проникнув на знакомую площадь, Арман быстро направился к дому, в котором жила Жанна, а затем, не обращая внимания на воркотню привратника, ругавшего раннего посетителя, который помешал ему спать, быстро поднялся по лестнице и громко позвонил. Он не думал о том, что Жанна, вероятно, была еще в постели и что старушка Белом может просто не принять неожиданного посетителя; не сознавал он и явной неосторожности своих поступков. Ему необходимо видеть Жанну, от которой теперь его отделяла одна стена.

— Черт вас побери, гражданин! Что вы там делаете? — громко заворчал привратник, появляясь на площадке со свечой в руке. — Что вы тут делаете? — повторил он, приправляя свою речь ругательствами.

— Как видите, гражданин, — вежливо ответил Арман, — я звоню у двери гражданки Ланж.

— В такой ранний час? — фыркнул привратник.

— Я желаю видеть ее.

— Ну, так вы не туда попали, гражданин, — с грубым смехом сказал старик.

— Как не туда? Что вы хотите сказать? — спросил озадаченный Арман.

— Ее здесь теперь нет, и вы не скоро найдете ее! — объявил привратник и начал спускаться с лестницы.

Арман еще раз сильно позвонил, но так как ему не отворяли, то он бросился вслед за привратником и схватил его за руку.

— Где мадемуазель Ланж? — крикнул он.

— Ее арестовали, — ответил привратник.

— Арестовали? Когда? Где? Как?

— Когда? Вчера вечером. Где? Здесь, в ее комнате. Как? Арестовал агент Комитета общественной безопасности... и ее, и старуху. Больше я ничего не знаю и отправляюсь в свою постель, а вас прошу отсюда убираться. Вы наделали шума, и мне за это попадет. Я спрашиваю вас, прилично ли прерывать в такой час утренний сон добрых патриотов?

Стряхнув с плеча руку Сен-Жюста, привратник равнодушно стал спускаться с лестницы.

Арман продолжал стоять на площадке, не в силах двинуться с места. Он непременно упал бы, если бы инстинктивно не прислонился к стене. Последние сутки он провел к лихорадочном возбуждении, и его нервы были натянуты до предела. Страсть, радость, счастье, смертельная опасность и душевная борьба совершенно измотали его, а недостаток пищи и бессонная ночь окончательно вывели из равновесия. Последний неожиданный удар обрушился на него как раз в тот момент, когда Арман менее всего был способен вынести его.

Жанна арестована, в тюрьме — и все из-за него! В его разгоряченном воображении уже рисовалась одна из тех картин, которые он часто видел полтора года назад, только теперь в руках кровожадных злодеев оказывались не неизвестные ему люди, а любимая женщина. Он уже видел, как ее тащили на суд, представлявший издевательство над правосудием, слышал обвинительный приговор, затем стук колес роковой тележки, направлявшейся к гильотине. Боже мой, да он сходит с ума!

Как безумный, бросился Арман вниз по лестнице, пробежал мимо пораженного привратника и помчался по узкой улице Сент-Оноре. Шляпа свалилась у него с головы, волосы развевались по ветру, промокший плащ давил плечи, но он бежал все дальше и дальше.

Жанна арестована! Сен-Жюст не знал, где искать ее, но твердо помнил, куда надо было прежде всего спешить. Было еще темно, но Арман родился в Париже и знал каждый камень в квартале, где некогда жил со своей сестрой. Машинально избегая мест, где стояли патрули национальной гвардии, он добрался наконец до церкви Сен-Жермен л'Оксерруа. Завернув за угол и поднявшись по каменной лестнице, он позвонил и, измученный, прислонился к стене, чтобы не упасть.

Послышались хорошо знакомые твердые шаги, дверь отворилась, и кто-то положил ему руку на плечо. Больше Арман ничего не помнил.

X

Когда Сен-Жюст пришел в себя, он увидел, что оказался в комнате Блейкни, вливавшего ему в рот какую-то живительную влагу.

— Перси, ее арестовали! — жалобно воскликнул он, как только к нему вернулась способность говорить.

— Ладно! Не говорите ничего, пока вам не станет лучше.

С нежной заботливостью Блейкни подложил зятю под голову подушку, повернул диван к огню и принес чашку горячего кофе. Арман с жадностью выпил его. Теперь он был уверен, что все будет хорошо, так как Блейкни знал, что случилось, и мог поправить дело. С полузакрытыми глазами Арман тихо лежал на диване, чувствуя, как к нему понемногу возвращались силы и как падало лихорадочное возбуждение. Сквозь ресницы он видел, как бесшумно двигался по комнате его зять, уже совсем одетый; Арман даже усомнился, ложился ли тот спать. Устыдившись своей слабости, молодой человек вскочил с дивана, с нескрываемым восхищением глядя на Блейкни, молча и неподвижно стоявшего теперь у окна, как воплощение спокойной силы.

— Перси, я совсем оправился, — начал Арман. — Я только устал, потому что бежал всю дорогу, от самой улицы Сент-Оноре. Могу я все рассказать вам?

Не говоря ни слова, Блейкни закрыл окно и, усевшись рядом с зятем, ласково выслушал его страстный рассказ. Ни одна черта в его лице не выдала волнения или неудовольствия, которое было бы вполне понятно у человека, встретившего помеху в самом начале опасного предприятия.

— Герон со своими ищейками вернулся к ней вчера вечером, — задыхаясь, сказал Арман. — Они, конечно, хотели поймать меня и, не найдя меня, схватили ее... О, Господи!

Он закрыл лицо руками, чтобы Перси не видел, как он страдает.

— Я это знал, — спокойно произнес Блейкни.

Арман, с изумлением взглянув на него, пробормотал:

— Как? Когда вы это узнали?

— Когда вы вчера ушли от меня, я отправился на площадь Руль, но опоздал.

— Перси! — воскликнул Арман, краснея до корней волос. — Вы это сделали?

— Разумеется! — так же спокойно ответил Блейкни. — Разве я не сказал вам, что буду оберегать вашу Жанну? Когда я узнал о ее аресте, было уже поздно для каких-нибудь розысков, но сегодня утром я соби-

рался идти разузнать, в какую тюрьму отправили мадемуазель Ланж. Мне надо уходить, Арман, пока стража не сменилась в Тампле и в Тюильри. Это самое безопасное время, а мы все уже достаточно скомпрометированы.

Сен-Жюст вспыхнул от стыда, хотя в голосе вождя не было и тени упрека и в глазах светилось обычное добродушие. В мгновение ока понял Арман, сколько вреда причинил он делу лиги своим безрассудством. Каждый его поступок подвергал опасности задуманный план: встречи с бароном де Батсом, знакомство с Ланж, вчерашнее посещение ее, сегодняшний безумный бег по улицам Парижа, дававший возможность любому шпиону выследить жилище Блейкни. Не заботясь ни о ком и ни о чем, кроме своей возлюбленной, Арман в это утро легко мог привлечь внимание агентов Комитета общественной безопасности и свести их лицом к лицу с руководителем лиги Красного Цветка.

— Перси, — прошептал он, — сможете ли вы когда-нибудь простить меня?

— Прощать тут нечего, — ответил Блейкни, — но есть много такого, что не следует никогда забывать, как, например, ваш долг относительно других, вашу обязанность повиноваться и вашу честь.

— Я совсем обезумел, Перси... О, если бы вы могли только понять, что значит для меня Жанна!

— Ну, что касается этого, то мы ведь вчера решили, что в области чувств я холоден как рыба, — с беззаботным смехом произнес Блейкни. — Во всяком случае, вы должны согласиться, что я умею держать данное слово. Я поручился вчера за безопасность мадемуазель Ланж, хотя с самого начала предвидел, что ее арестуют, но надеялся, что успею увидеть ее до прибытия Герона; к несчастью, он опередил меня не больше, чем на полчаса. Она арестована, это правда, но отчего вы не хотите доверить мне ее спасение? Разве нам не удались гораздо более рискованные предприятия? Даю вам слово, что мадемуазель Ланж не причинят никакого вреда, — торжественно добавил он. — Им нужна не ваша Жанна, а вы. Через нее рассчитывают добраться до вас, а через вас — и до меня. Честью своей ручаюсь, что девушка будет спасена. Постарайтесь поверить мне, Арман. Я знаю, что вам нелегко доверить мне то, что для вас дороже всего на свете, но вы должны слепо

слушаться меня, или я не в состоянии буду сдержать слово.

— Что должен я делать?

— Прежде всего немедленно покинуть Париж. Каждая минута, проведенная вами здесь, увеличивает опасность... О, нет, не для вас, — прервал себя Блейкни, заметив, что Арман собирается возражать. — Нет, опасность угрожает другим... и нашему делу.

— Как я могу уйти в Сен-Жермен, зная, что Жанна...

— Под моей защитой? — спокойно перебил его Перси, кладя ему руку на плечо. — Вы увидите, что я — вовсе не такое бесчеловечное чудовище, как вы полагаете. Но я должен думать о других и о ребенке, которого поклялся спасти. Я не пошлю вас в Сен-Жермен. Ступайте вниз и подберите себе платье погрубее. В маленьком ящичке вы найдете самые разнообразные паспорта, выберите любой, переоденьтесь и отправляйтесь к заставе Лавиллет. Там вы отыщете Фукса и Тони; они, вероятно, будут разгружать уголь. Постарайтесь как можно скорее переговорить с ними и скажите Тони, чтобы он немедленно отправлялся в Сен-Жермен к Гастингсу вместо вас, а сами останетесь с Фуксом.

— Понимаю. Только как же доберется Тони до Сен-Жермена?

— Можете быть уверены, дорогой мой, что Тони доберется всюду, куда я его пошлю. Вы делайте, что я скажу, а уж ему предоставьте самому заботиться о себе. А теперь, — серьезно добавил Блейкни, — чем скорее вы покинете Париж, тем будет лучше. Держитесь вблизи заставы, перед тем как ее закроют; я постараюсь сообщить вам известия о мадемуазель Ланж.

Арман молчал, все более и более сгорая от стыда. Он чувствовал, как мало заслуживал бескорыстных хлопот о нем сэра Перси. Слова благодарности не шли у него с языка — он сознавал всю их неуместность в данное время. Он был уверен, что все англичане лишены всякого чувства и что даже его зять, несмотря на все свои бескорыстные геройские подвиги, в сердечных делах должен быть человеком с притупленной чувствительностью. Однако это не мешало Сен-Жюсту, обладавшему честным, благородным сердцем, с восхищением относиться к своему вождю. Стремясь загладить свое несправедливое отношение к Блейкни, он решил поступать, как Фукс, Дьюхерст

и другие члены лиги, и беспрекословно исполнять требования своего вождя.

Хотя он старался казаться хладнокровным, но от сэра Перси не укрылась тревога Армана.

— Я дал вам слово, Арман, — сказал Блейкни в ответ на его немую просьбу. — Неужели вы не можете верить мне, как верят другие? Ну, а теперь ступайте, постарайтесь поскорее увидеться с нашими и послать Тони, куда я сказал, а вечером ждите известий о мадемуазель Ланж.

— Да благословит вас Бог, Перси! — вырвалось у Сен-Жюста. — Прощайте!

— Прощайте, дорогой мой! Спешите! Чтобы через четверть часа и след ваш простыл!

Заперев за молодым человеком дверь, Красный Цветок подошел к окну и распахнул его навстречу сырому утреннему воздуху. Теперь, когда он остался наедине с самим собой, его лицо приняло тревожное выражение, а на губах появилась горькая улыбка разочарования.

XI

Тихо спускались вечерние тени. Арман в одежде простого рабочего стоял, прислонившись к низкой стене, в самом конце узенькой улицы, выходившей к каналу: отсюда было хорошо видно все, что происходило поблизости заставы Лавиллет.

Сен-Жюст чувствовал себя совершенно разбитым от всего, что ему пришлось пережить в последние сутки, да еще после целого дня непривычного тяжелого физического труда. Прийдя утром на пристань, он нанялся в поденщики и вскоре получил приказание разгружать уголь с пришедшей накануне барки. Он работал усердно, надеясь физической усталостью заглушить душевную тревогу. Заметив, что невдалеке от него Фукс и Дьюхерст работали, как настоящие угольщики, какими мог быть доволен самый взыскательный хозяин, Арман при первой возможности передал им поручение Блейкни. Спустя немного времени лорд Энтони исчез, проделав это так ловко, что Арман не заметил, когда и куда он скрылся.

Около пяти часов рабочие получили расчет, так как

наступившие сумерки не позволяли продолжать работу. К великому огорчению, Арман нигде не нашел Фукса, с которым ему очень хотелось перекинуться хоть немногими словами. Тяжелая физическая работа не успокоила его нервов, и мозг снова усиленно заработал, стараясь угадать, в какую тюрьму заключили Жанну. Вдруг в его голове мелькнула страшная мысль: как мог Перси, на которого нельзя было не обратить внимания, ходить из одной тюрьмы в другую, справляясь о судьбе Жанны? Какая нелепая идея! Арман ни за что не должен был соглашаться на такой безумный план! Чем больше он думал об этом, тем невыполнимее казалась ему затея Блейкни. Сэр Эндрю не показывался, а он сумел бы успокоить Сен-Жюста, заставив его снова верить в находчивость Блейкни. .

Через несколько минут должны были закрыть заставу, а Перси нигде не было видно. Из города потянулись огородники, привозившие на рынок овощи, поденщики, спешившие по домам, и нищие, искавшие на ночь приюта где-нибудь на берегу канала.

От волнения Арман не мог оставаться на одном месте и начал прохаживаться по улице, стараясь не обращать на себя ничьего внимания. Увидев небольшую группу слушателей, собравшихся вокруг оратора, который громил Конвент, состоявший, по его словам, из изменников, он смешался с ними, делая вид, что заинтересовался речью, между тем как его взор беспрестанно обращался в сторону заставы, откуда должен был прийти Перси.

Но Блейкни не пришел, и Сен-Жюсту предстояло провести целую ночь в полной неизвестности относительно судьбы его обожаемой Жанны.

«Может быть, что-нибудь задержало Перси, или он не успел собрать обещанные сведения? — тревожно подумал он. — А может быть, то, что он узнал, было слишком ужасно?»

Вечерний сумрак вокруг Армана сгущался, и в этом сумраке ему представлялась площадь Революции. Грубый столб, на котором висела масляная лампа, казался ему грозной гильотиной, а мерцающий свет лампы — отблеском какого-то красного света на ее ноже. Ему чудилось, будто он окружен шумной толпой, вооруженной косами и вилами, какие он видел четыре года тому назад при взятии Бастилии. Вот послышался стук колес

по булыжной мостовой, и толпа еще больше зашумела. Кто-то запел: «Ga ira!», раздались крики: «Les aristos! A la lanterne! A mort! Les aristos!»[1].

Вот на площадь выехала тележка, битком набитая мужчинами и женщинами, а посреди них стояла молодая женщина в светло-сером шелковом платье со связанными сзади руками, в которых она держала букет фиалок.

Все это существовало, конечно, лишь в воображении Армана, и он прекрасно сознавал это, но принял это видение за пророческое. Ни одной минуты он уже не думал о своем вожде, которому поклялся в точности исполнить все его указания; перед его глазами отчетливо вырисовывалась фигура Жанны, которую везли на гильотину. Сэра Эндрю с ним не было, Перси не пришел. Да, это было указание свыше: Арман должен спасти свою возлюбленную!

Теперь Сен-Жюст строго порицал себя за то, что покинул Париж. Может быть, сам Блейкни счел его малодушным потому, что он так быстро изменил свое намерение остаться в Париже, чтобы защитить Жанну; возможно, что все требования, предъявленные к нему Блейкни, имели целью только испытать его любовь.

Теперь Арман думал, что не Блейкни было предназначено спасти Жанну, которой он даже и не знал; разумеется, это должен был сделать человек, обожающий ее и готовый умереть вместе с ней, если ему не удастся ее спасти.

На городских башенных часах пробило шесть, а Перси все не было. Быстро приняв решение, Арман с паспортом в руках смело направился к заставе. Часовой остановил его, но он храбро предъявил паспорт, хотя и дрожал все время, пока сержант разглядывал документ; однако все оказалось в порядке, да и Арман, черный от угольной пыли, с лицом, покрытым потом, вовсе не походил на аристократа. Кроме того, в те времена попасть в город было нетрудно: городские ворота охотно раскрывались для всякого, кто сам лез в пасть льва.

Через несколько минут тревожного ожидания Арман получил разрешение войти в город, но документ у него отобрали, объявив, что в случае отъезда из Парижа он

[1] На фонарный столб аристократов! Смерть аристократам! (*фр.*)

должен будет выхлопотать себе новый паспорт от Комитета общественной безопасности.

Блейкни не было дома, когда Арман зашел к нему, да и позже он не вернулся, пока Арман бродил около церкви Сен-Жермен л'Оксерруа. Измученный ходьбой и тщетным ожиданием, чувствуя себя близким к обмороку, молодой человек отправился наконец к себе домой, на Монмартр, и, бросившись на узкую жесткую постель, забылся тяжелым, не освежающим сном.

Когда он проснулся, был уже день и сквозь грязные стекла окон пробивался бледный свет сырого, ветреного зимнего утра. Арман быстро вскочил на ноги. Не оставалось никакого сомнения, что Перси ничего не узнал про местопребывание Жанны, но тут же Арман утешил себя: что не удалось простому другу, в том, наверно, посчастливится любящему человеку.

Грубое платье рабочего могло пригодиться ему для достижения намеченной цели; он быстро оделся, зашел в знакомый ресторан и, заказав себе кофе с хлебом, принялся обдумывать программу дальнейших действий.

Все тюрьмы были переполнены; правительство заняло все монастыри и разные общественные учреждения для помещения сотен так называемых «изменников», которых арестовали по пустому подозрению или по доносу какого-нибудь злоумышленника. Случалось, что заключенным возвращалась иногда свобода, за исключением тех, которые попадали в Консьержери, считавшуюся преддверием гильотины. Поэтому Арман решил прежде всего отправиться именно туда. Уверившись, что Жанне не грозила немедленная опасность, он мог спокойнее продолжать свои розыски. У него даже мелькнула мысль, что в таком случае Комитет общественной безопасности согласится, может быть, освободить ее, если Арман предложит за это свою жизнь.

Эти мысли придали молодому человеку бодрости, он даже заставил себя немного поесть, сознавая, что теперь ему никак нельзя ослабеть физически, если он хочет быть в состоянии помочь Жанне.

Было около девяти часов утра, когда перед ним в тумане вырисовались угрюмые стены тюрьмы и здания, где происходили заседания суда. Арман знал, что удобнее всего было проникнуть в тюрьму через судебный зал, доступ в который был всегда свободен во время заседаний. Суд должен был начаться в десять часов, но

во дворе уже собралась значительная толпа мужчин и женщин, единственное занятие которых состояло, по-видимому, в том, чтобы изо дня в день присутствовать при душераздирающих драмах, разыгрывавшихся с ужасающим однообразием. Арман смешался с этой толпой, в которой заметил несколько рабочих, так что его костюм не привлекал ничьего внимания.

Вдруг его слуха коснулось имя, давшее совершенно иное направление его мыслям: кто-то в толпе назвал Капета, подразумевая маленького некоронованного короля Франции, и Арман в то же мгновение вспомнил, что сегодня воскресенье, 19 января — день, назначенный Блейкни для освобождения дофина. Теперь все стало понятно Сен-Жюсту: Перси просто забыл про Жанну! Пока Арман томился неизвестностью, Красный Цветок, верный взятой на себя задаче, равнодушный ко всякому чувству, которое могло служить помехой его планам, очевидно, заботился лишь о маленьком узнике в Тампле, предоставив Жанне заплатить жизнью за спасение будущего короля.

Однако глубокая горечь, наполнившая сердце Сен-Жюста при этой мысли, вскоре сменилась живой радостью. Так будет даже лучше! Он один спасет любимую женщину, это его долг и его право. Он ни минуты не сомневался, что его жизнь охотно будет принята взамен ее дорогой жизни.

До открытия заседания суда оставалось всего несколько минут. Вместе с толпой Арман медленно подвигался к судебному залу, стремясь поскорее попасть во внутренние дворы, где днем прогуливались заключенные. Наблюдать за времяпрепровождением «аристо», ожидавших суда и смертного приговора, сделалось одним из любимых зрелищ парижан. Приезжавших в столицу провинциальных родственников обязательно угощали этим интересным спектаклем. Публику отделяли от заключенных высокие железные ворота, охраняемые часовыми. Все это было хорошо известно Сен-Жюсту, и именно на это он и рассчитывал. Чтобы не обратить на себя внимания, он даже пробыл несколько минут в зале судебных заседаний, где с обычной в то время быстротой была разыграна одна из коротких, несложных трагедий: в зал привели несколько узников, затем последовали поспешный допрос, недослушанные ответы, чудовищный по своей несправедливости обвинительный при-

говор, произнесенный Фукье-Тенвилем и серьезно выслушанный людьми, которые смели называться судьями ближних. Порой из уст кого-нибудь из этих несчастных, отправляемых на бойню, слышался горячий протест; иногда женский голос выкрикивал страстную угрозу, но удары ружейными прикладами немедленно восстанавливали молчание, и приговоры уже без помех быстро следовали один за другим, вызывая одобрительные рукоплескания зрителей и гнусные остроты судей.

Охваченный ужасом, Арман поспешил выбраться из зала, присоединившись к небольшой кучке зевак, пробиравшихся к коридорам, и вскоре очутился в длинной галерее узников. Налево, во дворе, за тяжелыми железными воротами он увидел довольно многочисленную толпу женщин, из которых одни сидели, другие прогуливались. Он услышал, как его сосед объяснял кому-то, что это женщины, которых сегодня поведут на суд. Сердце Сен-Жюста готово было разорваться от одной мысли, что между этими несчастными могла находиться и Жанна.

Арман пробрался в первый ряд и, прильнув к решетке, стал отыскивать в двигавшейся перед ним толпе ту, которая была для него дороже всего на свете. Однако, сколько он ни приглядывался, ее нигде не было, и в его сердце понемногу стал проникать слабый луч надежды. Стоявший рядом с ним сторож усмехнулся его волнению.

— Уж нет ли здесь вашей зазнобушки, гражданин? — спросил он. — Вы словно хотите глазами съесть этих аристо.

В своем грязном платье, с лицом, почерневшим от угля, Арман, действительно, казалось, не мог иметь ничего общего с аристократками, составлявшими большинство в этой толпе. Его возбужденный вид забавлял его соседа.

— Ну, что, угадал я, гражданин? — спросил сторож. — Здесь она?

— Я не знаю, где она, — бессознательно ответил Арман.

— Так отчего же вы не отыщете ее? — допытывался сторож, не показывая, однако, ни тени враждебности.

— Я не знаю, где мне искать ее, — сказал Арман, стараясь принять вид неотесанного деревенского пар-

ня. — Моя милая куда-то исчезла, мне говорят, будто она мне изменила, а я думаю, что ее, может быть, арестовали.

— Тогда, молодец, — добродушно проговорил сторож, — ступай в первый коридор направо и спроси у привратника список заключенных женщин. Каждый свободный гражданин Республики имеет право просматривать эти списки; только если ты не сунешь привратнику полуливра, — добавил он по секрету, — то не скоро дождешься списка.

— Пол-ливра! — воскликнул Арман, продолжая разыгрывать свою роль. — Откуда такому бедняку, как я, достать такую уйму денег?

— Ну, тогда и нескольких су будет довольно; в нынешнее тяжелое время и они будут кстати.

Арман принял к сведению этот намек и, когда толпа двинулась дальше, поспешно сунул в руку сторожу несколько мелких монет. Добравшись до указанного ему места, он, к своему крайнему огорчению, нашел помещение привратника запертым. В полном отчаянии от сознания, что еще несколько часов ничего не будет знать о своей возлюбленной, он стал расспрашивать солдат, в котором часу заведующий списками вернется к себе, но никто из них не мог дать ему никаких указаний. Наконец какой-то добрый человек, по-видимому, хорошо знакомый со здешними порядками, сказал Сен-Жюсту, что списки предоставляются для обзора публике от шести до семи часов вечера.

Делать было нечего — приходилось ждать.

Не зная, как убить время, Арман больше часа простоял, прильнув лицом к железной решетке, отделявшей его от того двора, где прогуливались заключенные женщины. Один раз ему почудилось, что он слышит мелодичный голос Жанны; он пристально всматривался в ту сторону, откуда послышался голос, но ничего не мог разглядеть сквозь кустарники, занимавшие середину двора. Наконец, не находя себе места, он вышел на набережную. Весь день стояла оттепель, а затем пошел мелкий дождь, превративший плохо вымощенные улицы в озера грязи. Арман, ничего не замечая, шел по набережной с шапкой в руке, подставляя пылающее лицо мягкому южному ветру. Проголодавшись, он наскоро закусил в первом попавшемся ресторане, все время прислушиваясь к бою башенных часов, который должен

был возвестить ему желанный час освобождения от душевной муки.

Вернувшись к той сторожке, где можно было просматривать списки заключенных, Сен-Жюст увидел, что окошечко наконец открылось, а на двух столах красовались две громадные книги в кожаных переплетах. Хотя Арман явился сюда за целый час до указанного ему срока, он нашел перед окошечком привратника уже порядочную толпу. Два солдата поддерживали порядок, заставляя долготерпеливых посетителей строго соблюдать очередь. Молчаливая, сосредоточенная толпа повиновалась этим требованиям, почтительно ожидая, пока книги будут предоставлены в распоряжение лиц, пришедших искать в них имена дорогих им людей — отцов, матерей, братьев, жен...

Изнутри сторожки слышался громкий голос, настойчиво требовавший предъявления паспорта или какого-нибудь официального удостоверения, и с того места, где стоял Арма́н, было видно, каким дождем сыпались медные монеты из рук посетителей в руки правительственного чиновника. Когда очередь дошла до Сен-Жюста, он без околичностей положил на стол серебряную монету и с жадностью схватил список с надписью: «Женщины». Щедрый дар не замедлил оказать свое влияние.

— Когда ее арестовали? — спросил чиновник, желая помочь такому посетителю.

— В пятницу вечером, — прошептал молодой человек, сначала даже не понявший вопроса.

Перелистав несколько страниц, чиновник грязным пальцем указал на ряд имен.

— Вот здесь, — коротко сказал он. — Ее имя должно быть в этом ряду.

От волнения Сен-Жюсту казалось, что все буквы перед его глазами пляшут какой-то бешеный танец, пот выступил у него на лбу, и он с трудом переводил дух. Вдруг в глаза ему бросились следующие строки, которые показались ему написанными кровью:

«582. Белом, Мария, шестидесяти лет. Освобождена.

583. Ланж, Жанна, двадцати лет, актриса. Подозревается в укрывательстве изменников и бывших дворян. 29 нивоза переведена в Тампль, камера 29».

Больше Арман ничего не видел из-за красного тумана, застлавшего его глаза.

Вдруг он услышал возглас:

— Пустите же! Теперь моя очередь! Не собираетесь же вы простоять тут целую ночь?

Вслед за тем чьи-то грубые руки оттолкнули его, он споткнулся и непременно упал бы, если бы кто-то не поддержал его и не вывел на улицу, где холодный воздух заставил его очнуться.

Жанна была заключена в Тампль — значит, и его настоящее место также в Тампле. Туда нетрудно было попасть: стоило крикнуть: «Да здравствует король!» или «Долой Республику!» — и двери любой тюрьмы гостеприимно отворились бы для новой жертвы. Вся кровь бросилась в голову Сен-Жюсту, он смотрел и не видел, слушал и не слышал. В ушах был невыносимый шум, в висках стучало, перед глазами все время клубился какой-то туман. Сквозь него он смутно видел улицы, по которым шел, машинально направляясь к Тамплю, церковь Сен-Жермен л'Оксерруа и дом, где жил Блейкни... Блейкни, который ради чужого ему человека забыл товарища и Жанну!..

Вот он наконец и у ворот Тампля. Его окликают часовые.

— Да здравствует король! — дико кричит Арман.

Шапку свою он потерял во время быстрой ходьбы, платье его насквозь вымокло от дождя. Он пытается пройти в ворота, но скрещенные штыки не пускают его.

— Да здравствует король! — снова кричит он, прибавляя на этот раз: — Долой Республику!

— Молодец-то, кажется, совсем пьян, — замечает один из солдат.

Арман вступает в драку, силясь пробиться к воротам, пока чей-то мощный удар не повергает его на землю. Он проводит рукой по лбу и чувствует, что тот мокрый... от дождя или от крови? Арман старается собраться с мыслями.

— Гражданин Сен-Жюст! — говорит возле него чей-то спокойный голос.

Арман с удивлением оглядывается. Кто-то мягко берет его за руку, и тот же спокойный голос продолжает:

— Может быть, вы меня забыли, гражданин Сен-Жюст? Я не имею чести пользоваться с вашей стороны такой же тесной дружбой, какой удостаивала меня ваша очаровательная сестра. Мое имя — Шовелен. Чем я могу быть вам полезен?

«Шовелен, смертельный враг Блейкни и сестры Маргариты! Аристократ, обратившийся в революционера; дипломат, занимавшийся благородным ремеслом шпиона! Одураченный противник рыцаря Красного Цветка!» — все эти соображения как молния промелькнули в голове Армана, пока он смотрел на Шовелена, слабо освещенного висевшей на стене масляной лампой. Бесцветные, глубоко сидящие глаза негодяя серьезно глядели на попавшую в его руки добычу.

— Я был почти уверен, — спокойно заговорил Шовелен, — что мы встретимся в этот ваш приезд в Париж. Мой друг Герон сказал мне, что вы в городе, но, к несчастью, он потерял ваш след, и я уже начинал опасаться, что наш общий друг, загадочный Красный Цветок, увлек вас отсюда, что крайне огорчило бы меня.

С этими словами он ласково взял Сен-Жюста за локоть и повел его снова к воротам.

Арман машинально последовал за ним, как человек, не сознающий, что делает.

Среди царившего в его голове хаоса ясно выделялась только одна мысль: судьба все устроила к лучшему, столкнув его с Шовеленом, который ненавидел молодого человека и, без сомнения, рад был бы увидеть его мертвым. Сен-Жюсту казалось, что ему будет совсем легко отдать свою собственную жизнь взамен жизни Жанны. Она ведь была арестована по подозрению в укрывательстве его, Сен-Жюста, которого все знали как изменника Республике; значит, если его арестуют и казнят, то ей непременно будет прощена ее вина. Против нее никто ничего не имел, а к актерам и актрисам правительство относилось с большим снисхождением.

Остановившись под аркой, Шовелен принялся отряхивать свой мокрый плащ, не переставая говорить тем же дружелюбным, слегка насмешливым тоном:

— Надеюсь, леди Блейкни здорова?

— Благодарю вас, сэр, — машинально прошептал Арман.

— А мой дорогой друг, сэр Перси Блейкни? Я надеялся встретиться с ним в Париже. Я знаю, что он был очень-очень занят, но живу этой надеждой. Посмотрите, как судьба благоволит ко мне: я сейчас прогуливался здесь по соседству, почти не надеясь встретить кого-либо из своих друзей, как вдруг, проходя мимо входа в

эту очаровательную гостиницу, вижу моего дорогого друга Сен-Жюста, добивающегося чести попасть сюда. Однако я все говорю о себе, не осведомляясь о вашем здоровье. Вы, кажется, порядочно ослабли? Здесь душно и сыро. Надеюсь, вам теперь лучше? Прошу вас, располагайте мной, если я могу быть вам в чем-нибудь полезен.

Арман понемногу овладел собой, вспоминая, с каким достоинством держали себя его английские друзья, умевшие бесстрастно глядеть в лицо величайшей опасности. Ему захотелось подражать лорду Энтони, всегда готовому на какую-нибудь мальчишескую выходку.

— Меня удивляет, гражданин Шовелен, — начал он, как только смог справиться со своим голосом, — что вы считаете достаточным держать меня за руку, чтобы я не убежал и спокойно прохаживался здесь с вами, вместо того чтобы сбить вас с ног, а это легко сделать, так как я моложе да и сильнее вас.

— Да, это нетрудно было бы сделать, — медленно произнес Шовелен, делая вид, что серьезно взвешивает слова Сен-Жюста, — но не забудьте о страже, которой много в этих стенах.

— Мне помогла бы темнота. Ведь в коридорах темно, а в отчаянии человек ни перед чем не останавливается.

— Это правда. А ваше положение, гражданин Сен-Жюст, довольно-таки опасное.

— И здесь нет моей сестры Маргариты, гражданин Шовелен, и вы не можете предложить мою жизнь за жизнь вашего врага.

— Нет, нет, — равнодушно сказал Шовелен, — не за жизнь моего врага, я знаю, но...

— За ее жизнь! — с жаром воскликнул Арман. — За жизнь мадемуазель Ланж! Вы ведь освободите ее, раз я в ваших руках?

— Ах, да, мадемуазель Ланж! — сказал Шовелен со своей обычной любезной, загадочной улыбкой. — Я о ней и забыл.

— Как могли вы забыть, что ее арестовали эти жестокие псы? Она, действительно, укрыла меня на самое короткое время, не зная, что я изменил Республике. Я сознаю свою вину и во всем признаюсь, но она ничего не знала, я обманул ее; понимаете, она не виновата! Я во всем признаюсь, но ее вы должны освободить.

Арман говорил со все возраставшим волнением, стараясь разглядеть в темноте выражение лица своего собеседника.

— Потише, потише, мой молодой друг! — хладнокровно промолвил Шовелен. — Вы, кажется, предполагаете, что я могу что-либо сделать для дамы, в которой вы принимаете такое участие, но вы забыли, что я потерял доверие правительства после постигших меня неудач. Мне сохранили жизнь из жалости к моим трудам, но не в моей власти возвратить кому-нибудь свободу.

— В таком случае вы можете арестовать меня! — возразил Арман.

— Я могу только донести на вас, — со снисходительной улыбкой промолвил Шовелен, — так как я все еще агент Комитета общественной безопасности.

— Прекрасно! — воскликнул Арман. — Комитет с удовольствием арестует меня, уверяю вас. Я хотел избежать ареста и выручить как-нибудь мадемуазель Ланж, но теперь я отказываюсь от этого плана и отдаюсь в ваши руки. Этого мало: я дам вам честное слово, что не только не сделаю сам никакой попытки к побегу, но не позволю никому помогать мне в этом направлении и буду самым покорным узником, если вы обещаете освободить мадемуазель Ланж.

— Гм! — задумчиво отозвался Шовелен. — Пожалуй, это исполнимо.

— Разумеется, исполнимо! — подхватил Арман. — Мой арест и смерть для вас неизмеримо важнее смерти молодой невиновной девушки, оправдания которой может потребовать весь преклоняющийся перед ней Париж. Что касается меня, то я для Республики — желанная добыча: мои всем известные антиреволюционные убеждения, брак моей сестры с иностранцем...

— Ваше родство с рыцарем Красного Цветка... — подсказал Шовелен.

— Совершенно верно. Я нисколько себя не защищаю.

— И ваш загадочный друг не должен хлопотать о вашем освобождении. Итак, это дело решено. А теперь отправимся к моему другу Герону, главному агенту Комитета, он выслушает ваше признание, а также и те условия, на каких вы отдаетесь в руки прокурорской власти.

Поглощенный одной мыслью о Жанне, Арман не заметил иронического оттенка в голосе Шовелена. Со свойственным юности эгоизмом он думал, что его личные дела настолько же интересны для революционного правительства, насколько они были важны для него самого.

Не говоря больше ни слова, Шовелен сделал ему знак следовать за ним и скоро вывел его на тот широкий квадратный двор с крытой галереей вокруг него, по которому за два дня перед тем проходил де Батс, направляясь к Герону.

XII

Теперь Шовелен уже не держал Сен-Жюста за руку. В силу профессии шпиона он научился хорошо распознавать людей и гордился тем, что умел читать, как в открытой книге, в сердцах, подобных Сен-Жюсту. А если сэр Перси и сумел одурачить его, то это объяснялось исключительным умом Блейкни, с которым Шовелену не под силу бороться. До тонкости изучив особенности латинской расы, он прекрасно понимал, куда мог завести молодого француза, вроде Сен-Жюста, страстный рыцарский характер. Зная, насколько можно доверять человеку, способному как на великодушный, так и на безумный до нелепости поступок, он спокойно шел впереди, даже не оглядываясь на своего молодого спутника. Теперь он убедился, что Красный Цветок в настоящее время в Париже, но не знал, насколько ему может пригодиться арест Сен-Жюста. В одном он был убежден: Блейкни, которого он теперь не только хорошо знал и боялся, но которым невольно восхищался, не способен оставить одного из своих друзей в несчастье. Брат Маргариты в Тампле! Это, разумеется, послужит верной приманкой для неуловимого авантюриста, продолжавшего издеваться над целой армией шпионов, высланных по его следу.

Помещение Герона выходило на второй двор, и, чтобы попасть туда, надо было пройти мимо главной башни, в которой маленький король Людовик XVII влачил свое жалкое существование.

— Вот куда мы поместили Капета, — сухо сказал

Шовелен, указывая на башню. — Ваш рыцарь Красного Цветка еще не пробовал здесь своих сил.

Арман ничего не ответил. Ему не трудно было казаться равнодушным, так как все его мысли были сосредоточены на Жанне и до какого-то короля или до судеб Франции ему в эту минуту было мало дела.

Наконец они дошли до последних ворот, также охраняемых часовыми, но почему-то отворенных. Слева, из ярко освещенной караульни слышался громкий смех. Комната была полна солдат, а посреди нее на большом столе в беспорядке стояли оловянные кувшины и кружки, лежали брошенные карты и игральные кости.

Пройдя в ворота, Шовелен и его спутник очутились в сенях, в которые из караульни падал яркий свет, отчего прилегавшие к ним коридор и каменная лестница казались погруженными в совершенный мрак, хотя и освещались каким-то жалким фонарем. Вскоре Арман стал различать множество предметов, которыми были заставлены сени; тут были и бесчисленные стулья, и деревянная кровать, и диван, совсем загородивший лестницу, и поставленные один на другой столы. Посреди всего этого хаоса стоял здоровенный мужчина, отдававший приказания каким-то невидимым людям.

— Алло, дядя Симон! — весело воскликнул Шовелен. — Сегодня переезжаете?

— Да, слава Богу!.. Если только есть Бог! — ответил спрошенный. — Это вы, гражданин Шовелен?

— Я, гражданин. Я не знал, что вы так скоро уходите. Гражданин Герон, вероятно, где-нибудь поблизости?

— Он только что был здесь, — ответил Симон. — Он хотел еще раз взглянуть на Капета, прежде чем моя жена заперла его во второй комнате, а теперь ушел к себе домой.

Сверху по лестнице спускался человек, тащивший на спине комод, из которого были вынуты ящики; за ним шла жена Симона, поддерживая комод одной рукой.

— Мы лучше начнем нагружать тележку, — ноющим голосом заговорила она. — Мы совсем загородили коридор.

Бросив на пришедших подозрительный взгляд и встретив равнодушный взор Шовелена, она вздрогнула и плотнее закуталась в черную шаль.

— Как я буду рада выбраться из этой Богом забытой дыры! — сказала она. — Я ненавижу эти стены.

— Да, гражданка, ваше здоровье, по-видимому, не в блестящем состоянии, — вежливо произнес Шовелен. — Кто помогает вам перевозить вещи?

— Дюпон, человек на все руки, — коротко ответил Симон. — Я взял его от привратника. Гражданин Герон не позволил мне взять кого-нибудь со стороны.

— Справедливо! Что, новые надзиратели уже пришли?

— Только гражданин Кошфер. Он там, наверху, поджидает других.

— А Капет?

— В целости и безопасности. Гражданин Герон пришел взглянуть на него и приказал мне запереть это отродье во вторую комнату. Тут как раз явился гражданин Кошфер и остался караулить.

Все это время носильщик стоял с комодом на спине, низко нагнувшись и громко ворча на свое неудобное положение.

— Кажется, гражданин хочет, чтобы моя спина переломилась? — бормотал он. — Не начать ли нам выносить вещи на улицу? Я обещал по два су за каждые десять минут мальчишке, который взялся присмотреть за моей лошадью. Этак нам придется всю ночь перевозить вещи.

— Ну, ладно, нагружай тележку! — грубо сказал Симон. — Начинай вот с этого дивана!

— Подождите, я сперва схожу посмотрю, все ли в порядке в тележке. Я сейчас же вернусь.

— Захвати что-нибудь с собой, — своим ноющим голосом проговорила жена Симона.

Взвалив на спину стоявшую за дверью корзину с бельем, Дюпон спустился с лестницы и вышел из ворот.

— Как понравилось Капету расставание с «папой» и «мамой»? — смеясь спросил Шовелен.

— Ну, он скоро оценит, как ему хорошо жилось под нашим надзором, — ответил Симон.

— Когда ожидаете вы прочих надзирателей?

— Они должны сейчас прийти, но я не стану дожидаться их. Довольно одного Кошфера, чтобы сторожить Капета.

— Ну, прощайте, дядя Симон! — весело сказал Шовелен. — Честь имею кланяться, гражданка!

Отвесив жене Симона насмешливый поклон и кивнув

головой ее мужу, Шовелен удалился, сопровождаемый воркотней Симона, посылавшего к дьяволу всех агентов Комитета общественной безопасности.

— Целых шесть месяцев такой каторжной работы, — ворчал он, — и за это ни пенсии, ни сло́ва благодарности! Уж лучше служить какому-нибудь бывшему аристократу, чем этому проклятому Комитету.

Вернувшийся Дюпон принялся не спеша переносить вещи супругов и делал это так неловко, что им пришлось большую часть работы исполнить самим.

XIII

Добравшись до квартиры Герона, Шовелен и Сен-Жюст узнали, что ее хозяин еще не возвращался, но к восьми часам будет дома. До крайности утомленный, Арман бросился на стул перед камином и сидел, не двигаясь, устремив взор на огонь. Вскоре явился Герон и поздоровался с Шовеленом, бросив на Сен-Жюста беглый взгляд.

— Очень сожалею, что должен заставить вас ждать, — сказал он, — но только что явились новые надзиратели, которым надо передать Капета. Симон с женой уже ушли, и мне надо самому убедиться, что в башне все в порядке.

Герон опять ушел, хлопнув дверью.

Арман отнесся вполне безучастно к его появлению; в эти минуты он чувствовал лишь страшную усталость и готов был положить голову на плаху, если бы мог там отдохнуть. Под влиянием приятной теплоты от камина он задремал, свесив голову на грудь, а Шовелен, заложив руки за спину, принялся ходить взад и вперед по узкой комнате. Вдруг на лестнице послышались поспешные шаги, хлопанье дверей, и через минуту на пороге показался Герон, смертельно бледный, с падавшими на мокрый лоб волосами, постаревший на несколько лет. Шовелен остановился, с недоумением глядя на товарища. У Герона зуб не попадал на зуб, и он не мог выговорить ни слова. Шовелен подошел и положил руку ему на плечо.

— Капет пропал — так, что ли? — решительно произнес он.

В расширившихся от ужаса глазах товарища он прочел немой ответ.

— Каким образом? Когда?

Так как Герон все еще не мог говорить, то Шовелен с нетерпением обратился к Сен-Жюсту, отрывисто сказав:

— Дайте ему водки!

Отыскав в шкафу водку, Арман налил стакан и поднес к губам Герона, а Шовелен снова принялся за свою нескончаемую прогулку.

— Соберитесь с духом, — строго сказал он, — и расскажите мне, как все случилось.

— Этот проклятый Кошфер был в заговоре, — глухо произнес Герон. — Я как раз уходил из башни, когда он явился, и поговорил с ним при входе. Капета я видел целым и невредимым и приказал жене Симона запереть его во второй комнате, а Кошфера оставить в передней, где я и говорил с ним. Жена Симона и Дюпон, которого я хорошо знаю, возились в это время с вещами. Я готов поклясться, что на площадке тогда никого больше не было. Кошфер, простившись со мной, прошел в комнату в ту минуту, как жена Симона запирала на ключ дверь во вторую комнату. Отдавая ключ Кошферу, она сказала: «Я заперла там Капета. Там он будет в сохранности, пока не придут остальные надзиратели».

— Разве Кошфер не вошел в комнату, чтобы удостовериться, не лгала ли она?

— Разумеется! Он велел ей отворить дверь и заглянул в комнату через ее плечо. Он клянется, что ребенок лежал одетый в дальнем углу на ковре. Когда я опять поднялся туда, все надзиратели уже были налицо. Мы вошли в комнату, я держал в руке свечу. Ребенок так и лежал на ковре, как его видел Кошфер. Один из нас — кажется, это был Лорине — взял у меня свечу и подошел поближе к мальчику, да как закричит! Мы все бросились к нему и увидели, что вместо ребенка там лежало просто чучело...

В маленькой комнатке воцарилось молчание. Герон сидел, закрыв лицо руками и содрогаясь всем своим огромным телом.

Арман выслушал его рассказ с горящими глазами и сильно бьющимся сердцем, невольно вспоминая вечер в домике позади церкви Сен-Жермен л'Оксерруа.

— Есть у вас какие-нибудь подозрения? — спросил Шовелен.

— Подозрения? — с ругательством воскликнул главный агент. — Не подозрения, а уверенность! Только два дня назад этот человек сидел вот на этом самом стуле и хвастал тем, что собирался сделать, а я сказал ему, что собственными руками сверну ему шею, если он вздумает освободить Капета!

И его длинные пальцы, напоминавшие когти хищной птицы, сжались, как у кошки, захватившей лакомую добычу.

— О ком вы говорите? — спросил Шовелен.

— Да, разумеется, о проклятом де Батсе. Его карманы лопаются от австрийских денег, которыми он подкупил Симона с женой, и Кошфера, и сторожей...

— И Лорине, и вас, — сухо добавил Шовелен. — Не спешите с нелепыми обвинениями, вы этим ничего не выиграете. Есть сейчас кто-нибудь в башне?

— И Кошфер, и все остальные там и стараются придумать, как скрыть свою измену. Кошфер чует, что дело плохо и что ему придется отвечать, а прочие опоздали на несколько часов. Все они виноваты и знают это. Что касается Батса, — с бешенством заговорил Герон, — так к полуночи он будет в моих руках. Я стану пытать его, да! Трибунал даст мне на это полномочие. Здесь, внизу, есть темная камера, и мои молодцы знают, как сделать жизнь невыносимой. Я замучаю его!

Резко остановив этот бешеный поток красноречия, Шовелен вышел из комнаты.

Сен-Жюсту пришло в голову, что теперь можно воспользоваться внезапно наступившей апатией Герона и бежать, и, забыв, что у него не было больше паспорта, без которого он не мог никуда явиться, он смело направился к двери. Герон не обращал на него никакого внимания. Пройдя переднюю, Арман отворил наружную дверь, но тотчас увидел перед собой скрещенные штыки и понял, что теперь он в самом строгом плену. Со вздохом разочарования вернулся он к камину. Герон даже с места не тронулся.

Через несколько минут в комнату вошел Шовелен.

— Можете, если хотите, арестовать де Батса, — сказал он, запирая за собой дверь, — но в исчезновении дофина он невиновен. — Дрожащими руками он разгладил скомканный клочок бумаги, который держал в

руке, и с проклятием швырнул его на стол перед главным агентом. — Все это смастерил проклятый англичанин, — сказал он несколько спокойнее, — я сразу догадался об этом. Поставьте на ноги всех ваших ищеек, гражданин, пусть его непременно выследят.

Герон тщетно пытался разобрать написанное на клочке бумаги.

Он был совсем подавлен разразившейся над ним катастрофой, зная, что за исчезновение ребенка ему предстояло заплатить собственной жизнью.

Что касается Сен-Жюста, то, несмотря на тревогу о судьбе Жанны, он не мог не почувствовать гордость при мысли об успехе Блейкни, и это отразилось на его лице.

Шовелен, заметив это, насмешливо улыбнулся и проговорил:

— У вас теперь руки полны дела, гражданин Герон, и я не стану беспокоить вас добровольным признанием, которое этот молодой человек намеревался вам сделать. Скажу только, что это приверженец Красного Цветка, пользовавшийся, кажется, его большим доверием. Но теперь слишком поздно для разбора дела и ареста. Он лишен возможности покинуть Париж, и ваши люди могут лишь не терять его из вида. На сегодня я отпустил бы его домой.

Герон промычал что-то непонятное, а Сен-Жюст не мог прийти в себя от изумления. Неужели он свободен, хотя бы за ним и следили ищейки Герона? Однако его самолюбие сильно страдало от мысли, что его личности придавали так мало значения. Кроме того, как оставить Жанну в Тампле?

— Покойной ночи, гражданин, — обратился между тем к нему Шовелен. — Вы, вероятно, будете рады вернуться домой? Как видите, главный агент Комитета очень занят и не может сейчас принять в жертву вашу жизнь, которую вы собирались так великодушно предложить ему.

— Я не понимаю вас, гражданин, — холодно возразил Арман, — и мне не надо вашей снисходительности. Вы арестовали невиновную женщину, обвиняя ее в том, что она укрывала меня, и я пришел отдать себя в руки правосудия, чтобы она могла снова получить свободу.

— Но теперь немного поздно, гражданин, — вежли-

во заметил Шовелен, — и дама, судьбой которой вы так горячо интересуетесь, вероятно, уже спит. До утра ей не удастся найти приют, а погода крайне неблагоприятна. Если вы отдаете себя в наше полное распоряжение, то завтра рано утром мадемуазель Ланж будет освобождена. Я думаю, мы можем это обещать, гражданин Герон?

Но последний, все еще не пришедший в себя, мог только пробормотать несколько непонятных слов, запинаясь, как пьяный.

— Вы серьезно обещаете это, гражданин Шовелен? — спросил Арман.

— Даю вам мое слово, если вы принимаете его.

— Нет, это не годится. Дайте мне безусловный пропуск, тогда я вам поверю. Я знаю, что мой арест для вас важнее ареста мадемуазель Ланж, и воспользуюсь этим пропуском для себя или для кого-нибудь из моих друзей, если вы не сдержите слова по отношению к мадемуазель Ланж.

— Справедливо! — со странной усмешкой произнес Шовелен. — Вы правы: вы для нас имеете больше значения, нежели очаровательная дама, которая, надеюсь, еще много лет будет восхищать Париж своим талантом и изяществом. Все будет зависеть от вас. Вот вам безусловный пропуск, — прибавил он, порывшись на столе Герона. — Комитет редко выдает такие пропуска.

Внимательно прочитав бумагу, Арман спрятал ее во внутренний карман платья, а затем спросил:

— Когда я получу известие о мадемуазель Ланж?

— В течение завтрашнего дня. Я сам явлюсь к вам за получением этого драгоценного документа, а до тех пор вы будете в полном моем распоряжении, не так ли?

— Я все исполню. Живу я...

— О, не беспокойтесь, — с вежливым поклоном прервал его Шовелен, — мы сами вас найдем.

Герон, не принимавший участия в этих переговорах, по-прежнему неподвижно сидел у стола. Шовелен проводил Сен-Жюста до первой линии часовых, где дружелюбно простился с ним, причем сказал на прощанье:

— Вы увидите, что этот пропуск отворит перед вами любую дверь. Покойной ночи, гражданин!

— Покойной ночи!

— Ну, теперь мы с тобой померяемся, — сквозь зу-

бы пробормотал Шовелен, когда шаги Сен-Жюста смолкли вдали. — Посмотрим, чья возьмет, мой таинственный Красный Цветок!

XIV

Ночь была на редкость темная, и дождь лил как из ведра. Завернувшись в парусину, Эндрю Фукс приютился под угольной повозкой, но и там промок почти насквозь. К большому огорчению, ему не удалось достать крытую повозку, и продолжительное ожидание на открытом воздухе под дождем и в совершенной темноте не могло оказаться приятным. Но на эти неудобства Эндрю не обращал внимания, хотя в своем великолепном доме в Суффолке был окружен всевозможным комфортом и роскошью, и жалел только о том, что не мог определить время. На пристани сегодня рано прекратили работу из-за наступившей темноты; около часа прошло, пока рабочие разошлись, а затем наступила полная тишина, и время казалось Эндрю вечностью. В исходе задуманного Блейкни предприятия он ни минуты не сомневался, так как, в противоположность Сен-Жюсту, имел полнейшее доверие к своему вождю. Уже четыре года он был неизменным участником во всех отважных похождениях Перси, и за все это время мысль о возможности неудачи ни разу не закралась в его душу. Теперь он тревожился за самого Блейкни, которого с радостью избавил бы от физической усталости и нервного напряжения, если бы это было в его власти.

Вдруг что-то подсказало ему, что благородный вождь лиги находится где-то поблизости; действительно, почти тотчас раздался трижды повторенный крик морской чайки, и через минуту из мрака вынырнула какая-то темная фигура и остановилась возле повозки.

— Фукс! — послышался тихий оклик.

— Здесь! — последовал быстрый ответ.

— Помоги мне положить ребенка на повозку. Он заснул и порядочно оттянул мне руки. Есть у тебя сухая парусина, чтобы положить под него?

— Боюсь, что не очень сухая.

С нежной заботливостью уложили они маленького короля в старую повозку. Блейкни укрыл его своим

плащом и несколько минут прислушивался к ровному дыханию спящего мальчика.

— Сен-Жюста здесь нет, ты знаешь это? — сказал сэр Эндрю.

— Да, я это знал, — коротко ответил Блейкни.

Ни одним словом не обменялись эти два человека относительно опасности, грозившей их делу в течение последних часов. Преданному Фуксу было достаточно, что ребенок спасен и что Блейкни известно об отсутствии Сен-Жюста. Он снял с лошади торбу и развязал ей путы на ногах.

— Садись, Блейкни, — сказал он, — все готово.

Молча уселись они в повозку: Блейкни — возле мальчика, а Фукс — править. Внимательно изучив в течение последних суток эту пустынную местность, он знал, как избежать всяких сторожевых постов и поскорее выбраться на Сен-Жерменскую дорогу. Один только раз он оглянулся, чтобы спросить у Блейкни, который час.

— Теперь, должно быть, около десяти, — ответил тот. — Подгони-ка свою клячу! Тони и Гастингс, пожалуй, уже поджидают нас.

Было так темно, что на расстоянии метра нельзя было ничего различить, но дорога была совершенно прямая, а лошадь, казалось, знала ее лучше Фукса. Раза два импровизированному кучеру пришлось слезать с козел и вести лошадь под уздцы, чтобы избежать рытвин. Местами им попадались группы жалких домиков с тускло освещенными окнами, но большей частью путь их лежал мимо заброшенных, невозделанных полей, отделявших беглецов от парижских укреплений. Темная ночь, позднее время и завывания ветра благоприятствовали путникам, а медленно плетущаяся угольная тележка с сидевшими в ней двумя рабочими не могла возбудить ничьего любопытства. Когда они проезжали через Сент-Уан, на церковной колокольне пробило полночь.

Протащившись около пятнадцати километров, лошадь начала заметно уставать, но теперь было уже недалеко до места, назначенного для встречи с друзьями. Было почти четыре часа утра. Фукс вылез из повозки и шел перед лошадью, боясь пропустить перекресток с указанным столбом.

— Кажется, добрались! — прошептал он, заметив белевшую во мраке надпись, и свернул на узкую дорогу.

Проехали по ней с четверть часа; вдруг Блейкни окликнул Фукса:

— Рощица должна быть как раз направо, — сказал он и, вылезши из повозки, вскоре исчез во мраке.

Через минуту послышался крик морской чайки, на который последовал немедленный ответ.

Тем временем Фукс выпряг свою клячу и отогнал ее на противоположную роще сторону, надеясь, что на другой день кто-нибудь найдет и ее, и повозку и поблагодарит небо за такой щедрый дар. Вернувшийся Блейкни, взяв спящего ребенка на руки, кликнул Фукса и повел его через дорогу в рощу, где пять минут спустя Гастингс уже принимал в свои объятия маленького короля Франции.

В противоположность Эндрю, лорд Тони желал знать все подробности похищения. Как истый спортсмен, он любил рассказы о тонко устроенных побегах, об остроумно избегнутой опасности.

— Только два слова, Блейкни, — умолял он. — Как тебе удалось похитить мальчика? Фукс пока приготовит лошадей.

Как не отговаривался Блейкни, но в конце концов уступил.

— Ну, если уж ты так хочешь все знать, то я скажу тебе... В течение последних недель я был в Тампле слугой на все руки: мыл полы, зажигал лампы и исполнял тысячи мелких дел для этих негодяев; когда же у меня выдавался часок-другой, я бежал домой и собирал вас всех к себе.

— Черт возьми, Блейкни! Значит, третьего дня, когда мы все были у тебя...

— Я только что принял ванну, в чем, уверяю вас, была крайняя необходимость. Все утро я чистил сапоги и узнал, что Симон с женой в воскресенье перебираются из Тампля; мне тогда же было приказано помочь им при переезде. К этому времени в Тампле уже хорошо знали меня. И Герон знал: ночью я всегда нес фонарь, когда он навещал бедного малютку. Весь день я был ему нужен. «Дюпон, зажгите лампу в конторе!», «Дюпон, почистите мне плащ!» — и все в том же роде. Я нанял крытую тележку и привез в ней чучело, чтобы заменить мальчика. Сам Симон об этом ничего не знал, а жена его была подкуплена.

Чучело было прекрасно сделано, с настоящими воло-

сами на голове. Жена Симона помогла мне уложить чучело на ковер и накрыть его, пока эти животные — Герон и Кошфер — разговаривали на площадке лестницы. Что касается его величества короля Франции, то мы спрятали его в корзину для белья. Комната была слабо освещена, и всякий мог обмануться. Пока я перевозил вещи Симона, король Людовик XVII все лежал в корзине. Потом я помог снять все вещи с тележки... разумеется, кроме корзины. Затем я отправился со своей повозкой в хорошо знакомый мне дом, где для меня уже было заготовлено много корзин, нагрузил ими тележку, выехал из Парижа через Венсенские ворота и доехал до Баньоля; там я вынул его величество из корзины и повел его за руку в темноте, под дождем, пока маленькие ножки не отказались идти дальше. Тогда малютка, все время державшийся очень бодро, приютился в моих объятьях и заснул. Вот и все.

— А если бы жена Симона не поддалась на подкуп? Или если бы Герон захотел остаться в комнате во все время переезда?

— Ну, тогда пришлось бы придумать что-нибудь другое. Не забудьте, что во всех обстоятельствах жизни всегда бывает момент, с л у ч а й, про который говорят, будто у него на голове всего-навсего один волос. Так вот, случай является к вам на помощь; иногда это длится лишь несколько секунд — столько времени, сколько надо, чтобы схватить его за этот одинокий волос. Поэтому единственная моя заслуга во всех наших удачных делах — просто умение быстро схватиться за этот волосок, пока случай стоит подле меня. Если бы что-либо помешало в исполнении моего плана, то, наверно, на помощь мне явился бы другой случай, только необходима была бы известная быстрота, чтобы схватить его за волос. Как видите, все было очень просто.

Действительно, все было так «просто»! И мужество, и отвага, и необыкновенный героизм, и находчивость, и хотя Фукс и Дьюхерст привыкли к подвигам своего вождя, но даже и они не находили слов для выражения своего восхищения.

— А когда поднялась суматоха на улицах из-за пропажи дофина? — спросил Тони, немного помолчав.

— Когда мы выходили из Парижа, ничего еще не было слышно, — задумчиво ответил Блейкни. — Мне это было даже непонятно. А теперь довольно бол-

тать, — весело прибавил он. — Садитесь на коней, а ты, Гастингс, помни, что в твоих руках будут судьбы Франции, хотя и заснувшие.

— А ты, Блейкни? — в один голос воскликнули все трое.

— Я не поеду с вами. Доверяю ребенка вам. Поезжайте прямо в Мант, вы будете там часов около десяти; отправляйтесь на улицу Ла-Тур и позвоните у дома номер девять; на звонок выйдет старый человек; скажите ему одно слово: «Envant»[1], на которое он должен ответить: «De roi»[2]. Передайте ему ребенка и да благословит вас Бог за оказанную вами сегодня ночью помощь!

— А ты, Блейкни? — повторил Тони, и в его молодом голосе зазвучала искренняя тревога.

— Я отправляюсь прямо в Париж, — спокойно ответил он.

— Да для чего? Перси, ради Бога, понимаешь ли ты, что собираешься сделать?

— Прекрасно понимаю.

— Но ведь там всё вверх ногами перевернут, чтобы разыскать тебя; там уверены, что это дело твоих рук.

— Я все это знаю.

— Блейкни!

— Ты лишь теряешь время, Тони. Ведь Арман в Париже, я сам видел его в коридоре в Тампле в обществе Шовелена.

— Боже мой! — воскликнул Гастингс.

Все молчали, понимая, что Перси не оставит своего друга и брата Маргариты в руках врагов.

— Один из нас останется с тобой? — немного погодя спросил Эндрю.

— Да! Я хочу, чтобы Тони и Гастингс, передав ребенка, как можно скорей добрались до Кале и поддерживали там сношения с моей яхтой. Шкипер предупрежден. Скажите ему, чтобы он не уходил из Кале. Я надеюсь, что он скоро мне понадобится. А теперь на коней! — весело прибавил Блейкни. — Гастингс, когда ты будешь готов, я передам тебе ребенка. Он будет в полной безопасности у тебя на седле, если ты привяжешь его к себе ремнем.

Больше ничего не было сказано. Гастингс и Тони

---

[1] Ребенок (*фр.*).
[2] Короля (*фр.*).

вывели лошадей из рощи на дорогу, вскочили в седла, а маленького мальчика, ради которого было проявлено столько героизма, устроили на седле Гастингса.

— Придерживай его рукой, — посоветовал Блейкни, — хотя лошадь твоя кажется очень смирной. Ну, скорей в Мант, и да хранит вас Господь!

Обменявшись последними добрыми пожеланиями и еще раз пожав руку вождю, молодые люди скрылись в темноте.

Помолчав несколько минут, Фукс отрывисто спросил:

— Что мне теперь делать, Блейкни?

— Прежде всего, дорогой, запряги одну из оставшихся трех лошадей в угольную повозку, а затем тебе, пожалуй, придется возвращаться по той же дороге. Потом продолжай выгружать уголь — таким образом ты не будешь обращать на себя внимания. По вечерам поджидай меня с повозкой там же, где мы сегодня встретились. Если через три дня ты ничего обо мне не услышишь, возвращайся в Англию и скажи Маргарите, что я отдаю свою жизнь, жертвуя ею за ее брата.

— Блейкни!

— Тебя удивляет, что я говорю не так, как обыкновенно? — остановил его Перси, дружески кладя ему руку на плечо. — Я совсем развалился, Фукс. Во мне словно что-то надломилось, когда я нес этого несчастного ребенка. Мне было невыразимо жаль его, но в то же время у меня появилось опасение, не спас ли я его от одной беды, чтобы он попал в другую? На его бледном личике было такое выражение, словно судьба предопределила ему никогда не быть счастливым. И я подумал, как ничтожны оказываются все наши усилия, если Господь воспротивится их исполнению!

Пока Блейкни говорил, дождь перестал, по небу быстро неслись тучи, и мрак немного рассеялся. Эндрю, внимательно всматриваясь в лицо друга, заметил на нем совершенно такое же выражение, о каком только что говорил сам Блейкни.

— Перси, ты беспокоишься за Армана? — мягко спросил он.

— Да! Ему следовало доверять мне, как я доверял ему. Он много повредил нам, не исполнив моих приказаний, так как вообразил, что может один спасти любимую женщину. Я же знал, что могу освободить ее, и в настоящую минуту она в сравнительной безопасности. Старушка Белом была освобождена на следующий же

день после того, как их обеих арестовали, а Жанну Ланж я сегодня утром поместил на улице Сен-Жермен л'Оксерруа, недалеко от моей квартиры. Мне нетрудно было вывести ее из тюрьмы под видом своей дочери, так что изящная мадемуазель Ланж ушла из Тампля за руку с неотесанным деревенщиной Дюпоном.

— Но Арман не знает, что она освобождена?

— Нет, не знает. Я не видел его с тех пор, как он в субботу рано утром пришел мне сказать, что Ланж арестована. Поклявшись мне в повиновении, он отыскал тебя и Тони, но несколько часов спустя вернулся в Париж и своими безумными поисками Ланж привлек к ней всеобщее внимание. Бедняга Арман! Он сам полез в когти льву, и Шовелен со своей шайкой пользуются им, как приманкой, чтобы поймать меня. И ничего этого не было бы, если бы Арман доверял мне!

У Блейкни при этих словах вырвался тяжелый вздох.

Фукс знал, как Перси страстно желал вернуться в Англию, чтобы провести с любимой женой несколько счастливых дней. Арман разрушил все эти планы.

— А каким образом ты намерен возвратиться в Париж? — спросил Эндрю, запрягая лошадь в повозку.

— Я и сам еще не знаю, — ответил Блейкни, — но безопаснее идти пешком. На крайний случай у меня в кармане надежный паспорт. Остальных лошадей мы бросим здесь; если ими воспользуется какой-нибудь бедняга, спасающийся от террора, — в добрый час! При первой возможности я вознагражу моего друга-фермера за потерю лошадей. А теперь прощай, мой дорогой! Не сегодня, так завтра, а то и послезавтра ты услышишь обо мне. Прощай, и да хранит тебя небо!

— Да хранит тебя Господь, Блейкни! — горячо произнес Эндрю, влезая в повозку и собирая вожжи.

На душу тяжелым гнетом легла тревога за друга, и странный туман застлал его глаза, когда он бросил прощальный взгляд на одиноко стоявшего на дороге рыцаря Красного Цветка.

XV

К полудню Блейкни благополучно пробрался в Париж, усталый и голодный. Зайдя в незатейливую таверну, посещаемую по большей части рабочими, среди кото-

рых его грязный костюм не мог обратить на себя ничьего внимания, он с аппетитом пообедал, несмотря на то, что кушанья были плохо приготовлены. Вокруг него шли оживленные разговоры о тирании, которую проявляли представители «свободной» Республики, причем имена Герона и его помощников произносились с отвращением, но о Капете не упоминалось вовсе, из чего Блейкни заключил, что агенты Комитета сохраняли в величайшей тайне исчезновение дофина.

Пообедав, он отправился искать приют на ночь, что было не особенно трудно, так как вследствие эмиграции, а главным образом — усиленной деятельности гильотины в последние восемнадцать месяцев, множество помещений пустовало, и хозяева рады были всякому жильцу, лишь бы он не навлек на них нареканий со стороны местных отделений Комитета общественной безопасности. Закон предписывал владельцам наемных помещений в течение двадцати четырех часов по приезде нового жильца сообщать о прибытии его в полицейское бюро с описанием наружности, предполагаемого общественного положения и занятий. Однако назначенный срок оказывался иногда очень растяжимым — в зависимости от щедрости нового квартиранта. Таким образом Блейкни, постоянно меняя квартиры, мог чувствовать себя в сравнительной безопасности.

Найдя себе квартиру подальше от своего прежнего жилища, он решил хорошенько отдохнуть до наступления темноты, чтобы под ее покровом приняться за розыски брата Маргариты. С этой целью Блейкни отправился на Монмартр и стал с беззаботным видом слоняться по соседству с той улицей, где жил Арман. Он не мог справиться о своем зяте в его квартире, будучи уверен, что если Арман не арестован, то за ним неотступно следят. Его внимательные глаза уже заметили двух рабочих, настойчиво наблюдавших за домом на улице Белого Креста, где жил Арман. Без сомнения, это были шпионы, но Блейкни не мог знать, за кем именно они следят.

Побродив часа два, он уже решил было направиться к тюрьме Шатле, в которую попал бы Арман, если бы его арестовали, как вдруг увидел Сен-Жюста, медленно, не оглядываясь, шедшего по улице. Блейкни заметил, как он был бледен и как осунулось его лицо. В эту же минуту и Арман взглянул на него, но, к счастью, су-

мел ничем не выдать своего волнения, очевидно, зная, что за ним неусыпно следят.

Вскоре он скрылся в дверях своего дома, и в ту же минуту Блейкни увидел, как к двум шпионам присоединился третий, и все трое о чем-то оживленно зашептались.

Блейкни стало ясно, что Сен-Жюст получил свободу лишь для того, чтобы сделаться приманкой для поимки более важной дичи. По выражению глаз молодого человека Перси понял, что Арман не знал об освобождении любимой девушки, сердце благородного вождя лиги наполнилось жалостью, и в душе его проснулось страстное желание сообщить несчастному, что его Жанна в сравнительной безопасности.

После короткого раздумья он решил отправиться на свою последнюю квартиру, куда Арман, может быть, писал ему в надежде, что он вернется в Париж. Ни на минуту не забывая своей роли, Блейкни тяжелой поступью рабочего медленно шел по улицам, тесно прижимаясь к домам, чтобы быть менее заметным. Дойдя до церкви Сен-Жермен л'Оксерруа, он медленно обошел вокруг всего дома, пытливо глядя во все стороны, чтобы убедиться, что за домом не следят. Видимо, Арман не заносил сюда никакого письма, иначе дом находился бы под надзором ищеек Герона, но он мог теперь прислать весточку, зная, что его вождь в Париже. Поэтому Блейкни решил наблюдать за домом, а в этом искусстве он достиг такого совершенства, что мог преподать помощникам Герона небесполезный урок. Прячась под воротами, он прокараулил до полуночи, изрядно промокнув в своей тонкой блузе под мелким пронизывающим дождем, затем отправился домой и, подкрепившись несколькими часами здорового сна, в семь часов утра снова был на своем наблюдательном посту.

Искусно загримированный, в нахлобученной на глаза шапке, с безжизненно смотрящими глазами и с коротенькой глиняной трубкой в углу рта, босой, стоял он неподалеку от своего бывшего жилища, засунув руки в карманы поношенных брюк, походя на недовольного судьбой бродягу.

Ему не пришлось долго ждать. Запертые ворота отворились, из них вышел привратник и принялся мести улицу. Минут через пять со стороны набережной показался оборванный босоногий мальчишка и медленно по-

шел вдоль улицы, стараясь разобрать надписи на домах. Наконец он приблизился к дому, возле которого притаился Блейкни.

— Раненько же ты поднялся, голубчик! — проворчал Перси, вынув трубку изо рта.

— Это правда, — ответил бледный маленький мальчик. — Мне надо отнести записочку, кажется, вот в этот дом.

— Верно! Можешь отдать ее мне.

— Нет, гражданин, — ответил мальчик с внезапным страхом. — Это к одному из жильцов. Я должен отдать ему самому.

— Я сам передам записочку, молодец, — проговорил Блейкни. — Я знаю того гражданина, кому назначено письмо. Ему будет неприятно, если об этом письме узнает привратник.

— О, я не покажу его привратнику, — промолвил мальчик. — Я сам поднимусь по лестнице.

— Послушай, сынок, — спокойно произнес Блейкни, — ты сейчас отдашь мне письмо и получишь за это пять ливров.

Боясь, что привратник не пустит оборванного мальчишку в дом и отнимет у него письмо, Блейкни решил не допускать до этого. Хотя привратник раньше и относился к своему постояльцу дружелюбно, но за сутки многое могло перемениться и обязательный привратник мог неожиданно превратиться в опасного шпиона. К счастью, он на минуту вошел в дом, и Блейкни, решив воспользоваться этим моментом, еще раз повторил свое условие.

— Пять ливров? — воскликнул мальчик. — О, гражданин! — он уже схватился за письмо, но остановился, густо покраснев. — Тот гражданин тоже дал мне пять ливров, — застенчиво произнес он. — Он живет в том доме, где моя мама работает привратницей. Он очень добр к ней, и мне хотелось бы сделать все так, как он велел.

— Славный мальчуган, — прошептал Блейкни, — его честность искупает не одно преступление этого города, от которого сам Бог отступился. Однако на него, кажется, придется действовать страхом.

Он вынул руку из кармана, и мальчик увидел, что его грязные пальцы сжимали золотую монету.

— Отдай мне сейчас письмо, — сказал Блейкни, грубо схватив мальчика за плечо, — а не то...

Пошарив у мальчика за пазухой, он вытащил скомканную грязную бумажку.

Мальчик заплакал.

— Вот тебе пять ливров, — сказал Блейкни, суя ему в руку золотую монету, — отдай это матери и скажи вашему жильцу, что письмо у тебя насильно отнял высокий человек. Беги, пока я не надавал тебе пинков.

Перепуганный мальчуган не стал дожидаться дальнейших приказаний и пустился бежать, крепко зажимая в кулачке золотую монету; через минуту он скрылся из виду.

Блейкни не сразу прочел письмо; он быстро засунул его в карман и медленно побрел к себе домой. Только очутившись в своей каморке, он развернул письмо и прочел:

«Перси, Вы не можете простить меня, как и сам я не прощаю себе, но если бы Вы знали, как я страдал последние два дня, Вы, я думаю, простили бы. Я свободен, и в то же время я — узник. Когда же я думаю о Жанне, то могу желать для себя лишь смерти. Перси! Она все еще в руках этих злодеев. Я видел список заключенных женщин. Завтра, может быть, ее приговорят к смерти, а я даже не могу пойти повидаться с Вами из боязни навести шпионов на Ваш след. Не можете ли вы, Перси, прийти ко мне? Привратница предана мне. Если сегодня в десять часов вечера Вы найдете ворота незапертыми, а на подоконнике окна налево от входа рядом с зажженной свечой будет лежать клочок бумаги с вашими инициалами — это будет знаком, что Вы безопасно можете пройти в мою комнату. Вторая площадка, дверь направо. Именем женщины, которую Вы любите больше всего на свете, умоляю Вас прийти ко мне, помня, что любимой мною женщине грозит немедленная смерть и что не в моих силах ее спасти. Ради Бога, Перси, помните, что Жанна для меня — все!»

— Бедный Арман! — с грустной улыбкой прошептал Блейкни. — Он даже и теперь не доверяет мне, раз не поручает спасения своей Жанны. Впрочем, — помолчав, прибавил он, — и я ведь никому другому не доверил бы Маргариты.

XVI

В тот же вечер в половине одиннадцатого Блейкни, все еще в поношенном костюме рабочего и босой, чтобы иметь возможность скрыть шум шагов, повернул на улицу Белого Креста.

Ворота дома, где жил Арман, действительно, не были заперты, и на улице не видно было ни души. Внимательно осмотревшись, он проскользнул в ворота. На подоконнике окна налево от входа, рядом с зажженной свечой он нашел клочок бумаги с собственными инициалами. Никто не остановил его, когда он бесшумно поднимался по лестнице. На второй площадке направо дверь не была заперта, он толкнул ее и вошел в маленькую переднюю, в которой не было огня. Дверь в следующую комнату была приотворена; Перси осторожно отворил ее настежь и в ту же минуту понял, что игра проиграна: позади него послышались чьи-то шаги, а прямо перед ним, прислонившись к стене, стоял смертельно бледный Арман, по обе стороны которого, как два телохранителя, стояли Шовелен и Герон.

В одну минуту комната наполнилась людьми: по крайней мере двадцать человек пришли арестовать одного.

Когда тяжелые руки опустились на плечи Блейкни, он весело расхохотался, говоря:

— Черт возьми, вот так попался!

— Теперь удача не на вашей стороне, сэр Перси, — сказал ему по-английски Шовелен, между тем как Герон ворчал что-то, как зверь, удовлетворенный пойманной добычей.

— Клянусь Богом, сэр, — хладнокровно ответил Блейкни, — я согласен, что в настоящую минуту вы правы. Не беспокойтесь, друзья мои, — прибавил он, обращаясь к солдатам, — я никогда не борюсь с обстоятельствами, которые сильнее меня. Двадцать против одного? Я легко уложил бы четверых — ну, а что же было бы дальше?

В солдатах так была сильна вера в его сверхъестественную силу, что, прежде чем связать его, один из них для безопасности ударил его по плечу прикладом, чтобы он не мог нанести вреда правой рукой, а вслед за тем бессильно повисла и вывихнутая левая; затем Блейкни связали крепкими веревками. Но он умел проигрывать так же, как раньше умел выигрывать.

— Эти проклятые черти связали меня, словно мокрую курицу, — с неподражаемой веселостью проговорил он.

Однако боль в вывихнутой руке чуть не заставила его потерять сознание.

— А Жанна давно была освобождена, Арман! — крикнул он из последних сил. — Эти дьяволы солгали тебе... и сыграли с тобой вот эту шутку. Она уже с воскресенья свободна... в том доме... знаешь?

Тут Блейкни окончательно потерял сознание.

Это случилось во вторник 21 января 1794 года, или, согласно новому календарю, 2 плювиоза второго года Республики.

В «Мониторе»[1] от 3 плювиоза упомянуто:

«Вчера вечером, около половины одиннадцатого, англичанин, известный под именем Красный Цветок, в течение трех лет устраивавший заговоры против Республики, арестован благодаря самоотверженным стараниям гражданина Шовелена и водворен в Консьержери, где теперь и лежит, больной, но тем не менее под строгой охраной. Да здравствует Республика!»

---

[1] «Монитор», основанный 5 мая 1789 года, был официальным правительственным печатным органом.

МУЧЕНИК ИДЕИ

I

Сумрачный, навевающий тоску январский день близился к концу. В маленьком уютном будуаре, перед ярко пылавшим камином сидела леди Блейкни, погруженная в невеселые думы. Старый дворецкий Эдвардс внес лампу под розовым абажуром, и ее мягкий свет сразу придал комнате более веселый вид.

— Почту еще не привезли, Эдвардс? — спросила Маргарита, пытливо глядя на него своими большими прекрасными глазами, покрасневшими от слез.

— Нет еще, миледи, — ответил он.

— Но ведь сегодня почтовый день, не правда ли?

— Так точно, миледи, но в последнее время было много дождливых дней, и дороги, наверно, очень грязны; вероятно, оттого посланный и запоздал.

— Да, вероятно так, — задумчиво произнесла Маргарита. — Нет, не закрывайте ставней! Можете идти... я позвоню.

Слуга бесшумно удалился, и Маргарита снова осталась одна. Взяв отложенную в сторону книгу, она пыталась читать, но не в состоянии была уловить смысл прочитанного, а глаза ее все время застилал какой-то туман. Нетерпеливым жестом отбросив книгу, она провела рукой по глазам и, казалось, удивилась, заметив, что рука влажна. Подойдя к окну, она распахнула его и, присев на широкий подоконник, прислонилась головой к раме, устремив взор в надвигавшуюся мглу. Мягкий южный ветер шумел в прибрежных камышах и между ветвями могучих кедров парка. Маргарита с наслаждением вдыхала его полной грудью: ведь он донесся из далекой Франции, где ее муж, Перси Блейкни, про-

должал свое благородное дело. Она невольно вздрогнула, хотя нельзя было пожаловаться на холод. Запоздание почты совсем расстроило ее нервы. Два раза в неделю из Дувра приезжал специальный курьер, каждый раз привозивший какую-нибудь весточку от Перси, и это поддерживало мужество молодой женщины, чувствовавшей, что любимый человек принадлежит не ей, а несчастным страдальцам в охваченной террором Франции. Три последних месяца Маргарита жила только короткими письмами от него. Около шести недель тому назад Перси неожиданно вернулся домой на самое короткое время, между двумя отчаянными предприятиями, чуть не стоившими ему жизни. Это были блаженные дни для Маргариты. Но с того времени прошло уже полтора месяца. Хотя до сих пор она аккуратно получала известия от мужа, но сегодня ее сердце весь день болезненно ныло, словно предчувствуя грядущую беду.

Закрыв окно, она снова принялась за чтение, но ее мысли были далеко. Вдруг до ее слуха долетел стук колес перед подъездом. Отбросив книгу, Маргарита судорожно схватилась за ручки кресла, внимательно прислушиваясь и стараясь угадать, кто бы это мог быть. Леди Фукс была в Лондоне, ее муж — в Париже, а неизменный посетитель ричмондского замка принц Уэльский, наверно, не отважился бы приехать сюда в такую погоду; что касается курьера, то он всегда являлся верхом.

— Я сейчас доложу миледи, — услышала Маргарита голос Эдвардса. — Для вашей милости миледи всегда дома.

— Сюзанна! — радостно воскликнула Маргарита, широко распахивая дверь. — Моя милая маленькая Сюзанна! Я думала, что ты в Лондоне. Скорее иди сюда, в будуар! Какой добрый гений занес тебя ко мне?

Сюзанна бросилась на шею к любимой подруге, пряча в складках ее косынки свое мокрое от слез личико.

— Пойдем скорей в будуар! — настаивала Маргарита. — Ты там согреешься, у тебя холодные руки! — Она уже готова была увлечь Сюзанну в свою комнату, как вдруг заметила сэра Эндрю, стоявшего в стороне, и радостно воскликнула: — Сэр Эндрю!.. — И вдруг остановилась.

Приветствие замерло на ее губах, кровь отхлынула

от ее побелевшего лица, по телу пробежала дрожь. Молча вошли все трое в уютный будуар, и сэр Эндрю тихо запер за собой дверь.

— Что с Перси? — едва могла произнести Маргарита пересохшими губами. — Он умер?

— Нет, нет! — с живостью воскликнул Фукс.

Обняв подругу, Сюзанна усадила ее в кресло, встала возле нее на колени и горячими губами прижалась к холодным как лед рукам Маргариты. Сэр Эндрю молча стоял около обеих женщин с выражением бесконечной печали и дружеского участия на красивом лице. Маргарита продолжала некоторое время сидеть с закрытыми глазами, призывая на помощь все свое мужество, чтобы приготовиться выслушать ужасную весть.

— Расскажите мне все! — наконец произнесла она беззвучным голосом. — Ничего не скрывайте, я готова ко всему.

С поникшей головой, но твердым голосом сэр Эндрю передал ей все события последних дней, стараясь только скрыть неповиновение Сен-Жюста воле их вождя, которое он в глубине души считал главной причиной обрушившегося на них несчастья. Он неясно намекнул на то обстоятельство, что Арман остался в Париже, вследствие чего и Перси вынужден был вернуться в столицу в тот самый момент, когда его рискованное предприятие так блистательно удалось.

— Насколько я понимаю, леди Блейкни, Арман в Париже влюбился в одну красавицу, артистку Ланж, — сказал он, заметив смущение на бледном лице Маргариты. — Ее арестовали за день до освобождения дофина из Тампля. Арман не присоединился к нам. Он чувствовал, что не мог покинуть свою возлюбленную. Я уверен, что вы поймете его. — Видя, что Маргарита молчит, сэр Эндрю продолжал свой рассказ: — Мне было велено возвратиться к заставе Лавиллет и днем работать поденщиком, а ночью ожидать известий от Перси. Хотя два дня я ничего не слышал о нем, но это меня не тревожило, так как я безгранично верил в его находчивость и удачу. На третий день я услышал, что англичанин, известный под именем Красного Цветка, был схвачен на улице Белого Креста и посажен в Консьержери.

— На улице Белого Креста? — спросила Маргарита. — Где это?

— В Монмартрском квартале, там жил ваш брат.

Перси, вероятно, хотел заставить Армана уехать, и негодяи схватили его.

— Когда вы узнали все это, сэр Эндрю, что вы сделали? — задала вопрос Сюзанна.

— Я отправился в Париж и, к сожалению, убедился в справедливости этих слухов. На улице Белого Креста я узнал, что Арман куда-то скрылся. Привратница, по-видимому преданная ему, со слезами передала мне некоторые подробности ареста Перси. Оказывается, рано утром во вторник Арман послал ее сына с письмом на улицу Сен-Жермен л'Оксерруа, в тот дом, где Перси жил всю последнюю неделю и где мы с ним виделись. Можно предположить, что Перси поджидал письмо от вашего брата, — обратился Фукс к Маргарите, — по крайней мере, мальчик говорит, что когда он добрался до указанного ему дома, какой-то здоровый, высокий рабочий отнял у него письмо, сунув ему в руку золотую монету. Разумеется, этот рабочий был Блейкни. Отправляя свое письмо, Арман не знал, что мадемуазель Ланж уже освобождена и находится в безопасном убежище, поэтому в письме он, вероятно, объяснял свое печальное положение и выражал страх за любимую женщину. Но ведь известно, Перси — не такой человек, который может покинуть товарища в несчастье! Поэтому мы и любим так его, и восхищаемся им, и готовы отдать за него жизнь, что он не остановится ни перед какой опасностью, чтобы только помочь тем, кто обращается к нему в беде. Арман нуждался в его помощи — и Перси отправился его выручать. За вашим братом уже следили. Видели ли ищейки Герона, как мальчик передавал письмо рабочему, была ли сама привратница на улице Белого Креста шпионом Комитета общественной безопасности, или солдатам Комитета было приказано постоянно следить за этим домом, мы, вероятно, никогда не узнаем. Известно лишь, что около десяти часов вечера Перси вошел в этот дом, а четверть часа спустя привратница увидела, как по лестнице спускались солдаты с какой-то тяжелой ношей. Выглянув из своей конурки, она разглядела, что это был крепко связанный веревками человек с закрытыми глазами и что на его одежде была кровь. Казалось, он был без сознания. А на следующий день было официально объявлено об аресте Красного Цветка, и по этому случаю были публичные торжества.

Молча и с сухими глазами выслушала Маргарита ужасную весть, не замечая, что на ее тонкие руки неудержимо лились горячие слезы Сюзанны, не видя, как сэр Эндрю, окончив свой грустный рассказ, упал в кресло, закрыв лицо руками.

— Скажите мне, сэр Эндрю, — спросила она после некоторого молчания, — где теперь лорд Тони и лорд Гастингс?

— В Кале, — ответил он. — Я видел обоих, когда возвращался сюда. Они благополучно доставили дофина в Мант и ожидали в Кале дальнейших приказаний от Блейкни, как было условлено.

— Как вы думаете, дождутся они нас?

— Нас, леди Блейкни? — с удивлением повторил Фукс.

— Ну да, нас, сэр Эндрю, — повторила она со слабой улыбкой. — Разве вы не собираетесь сопровождать меня в Париж?

— Но, леди Блейкни...

— Ах, я знаю, что вы мне скажете, сэр Эндрю! Теперь не может быть и речи о каких-нибудь опасностях и риске, а если вы мне скажете, что я, как женщина, могу быть лишь помехой, как в Булони, то я возражу вам, что теперь совершенно иные обстоятельства. Пока Перси был на свободе, он всегда умел найти выход из самого затруднительного положения, но теперь он в руках врагов, и неужели вы думаете, что они выпустят его? Они будут стеречь его, как стерегли несчастную королеву Марию-Антуанетту, только на этот раз не продержат его в заключении не только месяца, но даже и недели; Шовелен не станет дожидаться, чтобы Красный Цветок опять сыграл с ним какую-нибудь шутку. Поймав, они сразу же отправят его на гильотину.

Слова молодой женщины перешли в рыдания; самообладание оставляло ее.

Окружающие с глубоким сожалением глядели на леди Блейкни.

— Я не могу оставить его умирать одного, сэр Эндрю! — страстно воскликнула Маргарита. — Наконец, и вы, и лорд Тони, и лорд Гастингс, и другие... Ведь не допустим же мы, чтобы он умер без надежды, в одиночестве!

— Вы совершенно правы, леди Блейкни, — серьезно сказал сэр Эндрю. — Насколько это в человеческих си-

лах, мы не допустим смерти дорогого Перси. Тони, Гастингс и я уже решили вернуться в Париж. И в самом городе, и в окрестностях есть тайные места, известные только членам нашей лиги, где Перси всегда найдет кого-нибудь из нас, если ему удастся бежать из тюрьмы. Между Парижем и Кале находятся также убежища, где каждый из нас может в любой момент найти приют, костюмы для переодевания и лошадей. Нет, нет, мы не отчаиваемся, леди Блейкни! Нас девятнадцать человек, готовых положить жизнь за Блейкни. Меня уже выбрали руководителем всего дела; завтра мы уезжаем в Париж, и если преданность и отвага могут разрушить горы, мы их разрушим. Наш лозунг: «Да здравствует рыцарь Красного Цветка!»

Опустившись на колени, он поцеловал холодные пальцы Маргариты, которые она со слабой улыбкой протянула ему.

— Да благославит вас всех Бог! — прошептала она.

Сюзанна поднялась с колен и стояла теперь рядом с мужем, с трудом сдерживая слезы.

— Посмотри, какая я эгоистка! — сказала Маргарита. — Я спокойно говорю о желании отнять у тебя мужа и вовлечь его в рискованное предприятие, хотя прекрасно знаю всю горечь разлуки.

— Мой муж пойдет туда, куда призывает его долг, — просто ответила Сюзанна. — Я люблю его всем сердцем, потому что он добр и мужествен. Он не может покинуть своего товарища в беде, к тому же этот товарищ — его вождь. Я знаю, что Бог поможет ему. И сама я никогда не могла бы потребовать, чтобы он поступил, как низкий трус.

Ее карие глаза сверкнули. Это была настоящая жена воина, помнившая, что вся ее семья была обязана жизнью благородному Красному Цветку.

— Думаю, что нам не грозит опасность, — заговорил сэр Эндрю. — Революционному правительству нужен глава нашей лиги, о прочих же членах оно не беспокоится. Может быть, оно чувствует, что сами по себе мы не стоим даже преследования. Если нам действительно встретятся опасности, тем лучше, но я их не предвижу, пока мы не освободим нашего вождя, а тогда никакие опасности уже не страшны нам.

— Это вполне относится и ко мне, — серьезно сказала Маргарита. — Возьмите меня с собой, — умо-

ляющим тоном продолжала она, положив руку на плечо Фукса. — Не заставляйте меня томиться невыносимым ожиданием день за днем, без надежды на лучшее! Я не буду ничем мешать вам, сэр Эндрю; если же останусь здесь, то сойду с ума!

Фукс вопросительно взглянул на жену.

— С твоей стороны будет жестоко и бесчеловечно, если ты не возьмешь Маргариту с собой, — серьезно произнесла Сюзанна. — Я уверена, что тогда она одна отправится в Париж.

Маргарита кинула ей благодарный взгляд. Горячо любя своего мужа, Сюзанна понимала, что происходило теперь в душе ее подруги. Сэр Эндрю больше не противоречил. С одной стороны, он, действительно, не считал для нее опасным пребывание в Париже, с другой же — знал, что она могла перенести много физических лишений; кроме того, он находил вполне справедливым и понятным желание любящей жены разделить участь мужа, какова бы ни была последняя.

II

Сэр Эндрю только что вернулся и отогревал у камина свои озябшие ноги, а Маргарита наливала ему горячий кофе, боясь спросить о результате его розысков. По безнадежному выражению его доброго лица она догадывалась, что он не узнал ничего нового.

— Сегодня вечером я пойду в ресторан на улице Лагарп, — сказал сэр Эндрю, прихлебывая горячий кофе. — Там часто собираются ужинать члены клуба Кордельеров, а они всегда хорошо осведомлены. Может быть, я там и узнаю что-нибудь определенное.

— Странно, что так затягивают судебное разбирательство, — произнесла Маргарита тем беззвучным голосом, каким всегда теперь говорила. — Когда вы принесли мне эту страшную новость, я подумала, что французы поспешат казнить его, и была в смертельном страхе, что мы опоздаем и что я... не увижу его. А что слышали вы про моего брата? — спросила она немного погодя.

Фукс печально покачал головой.

— Ни в одном тюремном списке нет его имени, —

сказал он. — Знаю только, что он не в Консьержери. Оттуда вывели всех заключенных, кроме Перси.

— Бедный Арман! — вздохнула леди Блейкни. — Ему теперь хуже, чем кому-либо из нас. Его необдуманное неповиновение навлекло на наши головы всю эту беду.

Она говорила спокойно, без малейшей горечи, но это спокойствие разрывало сердце.

— Одно лишь не должны мы забывать, леди Блейкни, — сказал Фукс с деланной веселостью. — Пока есть жизнь, есть и надежда.

— Надежда! — воскликнула Маргарита, и взор ее лихорадочно блестевших глаз с невыразимой скорбью остановился на лице верного друга.

Фукс отвернулся, не будучи в состоянии вынести этот взгляд. Он и сам начинал терять надежду, но не хотел показывать это Маргарите. Они уже три дня жили в Париже, а со времени ареста Блейкни прошла неделя. Сэр Эндрю и Маргарита нашли временный приют в самом Париже; Тони и Гастингс сторожили около застав, и по всей дороге от Парижа до Кале — везде, где только деньги могли оказаться полезными, — скрывались преданные члены лиги, ожидая минуты, когда вождю понадобится их помощь.

Бывая в ресторанах и тавернах, посещаемых выдающимися якобинцами и террористами, Фукс узнал, что исчезновение маленького Капета не только не было поставлено в связь с арестом рыцаря Красного Цветка, но вообще хранилось в строжайшей тайне.

Однажды ему посчастливилось встретить Герона в обществе полного румяного мужчины с лицом, усеянным оспинами, с пухлыми руками, покрытыми кольцами. Сэр Эндрю недоумевал, кто это мог быть. Герон говорил с ним загадочными фразами, которые показались бы непонятными лицу, не знакомому с обстоятельствами, при каких произошло освобождение дофина, и с той ролью, какую в этом случае сыграла лига Красного Цветка, но сэру Эндрю было ясно, что разговор шел о маленьком дофине и о Блейкни.

— Он долго не выдержит, гражданин, — конфиденциальным тоном сказал Герон. — Мои люди в этом случае неутомимы. День и ночь его ни на минуту не теряют из виду, и в ту минуту, как он собирается вздремнуть, один из солдат, гремя саблей, врывается в

комнату и во весь голос орет: «Ну, аристо, где же мальчишка? Только скажи нам, и мы дадим тебе спать, сколько хочешь!» Я тоже целый день сам забавлялся этим. Это немного утомительно, но подчас задает проклятому англичанину здоровую встряску. Вот уже пять дней, как у него не было ни единой минуты отдыха, а пищи ему дают ровно столько, сколько нужно, чтобы не подохнуть. Говорю вам, он не сможет долго выдержать. Гражданин Шовелен знает, что делает! Через день или два все будет кончено.

— Но эти англичане страшно упорны! — сердито проворчал его собеседник.

— Уж вы-то не выдержали бы и трех дней, де Батс! — произнес Герон со смехом, делавшим его неприятное лицо еще отвратительнее. — А помните, я предупреждал вас, чтобы вы не трогали это королевское отродье, иначе я вам свернул бы шею?

— А помните, я вас тоже предупреждал, чтобы вы поменьше заботились обо мне, а приглядывали получше за проклятым Красным Цветком? — отпарировал толстяк.

— Тем не менее я не теряю вас из виду, мой дорогой. Если бы я считал, что вы знаете, где это отродье...

— То вы подвергли бы меня такой же пытке, какую ваш друг Шовелен придумал для англичанина? Да только я не знаю, где мальчишка. Иначе меня уже давно не было бы в Париже!

— Знаю, знаю, — фыркнул Герон. — Вы теперь в такой же тревоге и так ж озабочены, как и все мы. Если бы мальчишку перевезли через границу, вы первый знали бы об этом. И я уверен, что он пока еще во Франции, но где? Это знают только сотрудники проклятой лиги. Уверяю вас, недели не пройдет, как этот дьявол прикажет своим помощникам выдать нам маленького Капета. Я знаю, что некоторые из его друзей скрываются в окрестностях Парижа, а гражданин Шовелен убежден, что и жена его где-нибудь поблизости. «Тогда дайте ей увидеться с мужем, — сказал я, — и она убедит его друзей выдать мальчишку».

При этих словах Герон рассмеялся, напоминая собой гиену, пожирающую глазами намеченную добычу. Сэр Эндрю чуть не выдал себя — ему страстно захотелось схватить за горло чудовище, устроившее вождю пытку,

перед которой бледнели изобретения средневековой инквизиции. Итак, Блейкни не давали спать! Холодный пот выступил на лбу верного Фукса при мысли о страданиях друга. Блейкни был очень силен физически, но долго ли будет он в состоянии переносить эти муки? Чувствуя, что задыхается, Фукс поспешил уйти из таверны и целый час бродил по улицам, не решаясь показаться на глаза Маргарите, которая могла что-нибудь заподозрить по его взволнованному лицу.

Это было вчера, а сегодня днем из долетевших до него отрывочных фраз Фукс понял, что для того, чтобы скрыть исчезновение дофина, Герон и надзиратели, приставленные к маленькому принцу, подменили его глухонемым ребенком и поместили его во второй комнате, объявив, будто дофин заболел. Была даже наскоро устроена перегородка, за которую никого не пускали, чтобы не беспокоить лежавшего за ней больного Капета. Ребенок действительно был серьезно болен, и Герон с товарищами, дрожа за свою шкуру, горячо надеялись на его смерть; тогда можно было бы официально объявить о кончине сына Людовика XVI, и его палачи были бы избавлены от дальнейшей ответственности.

III

Вечером того же дня Эндрю Фукс снова отправился на розыски Сен-Жюста, обещая вернуться домой к восьми часам. Маргарита со своей стороны вынуждена была дать ему обещание попробовать скромный ужин, приготовленный для нее хозяйкой их незатейливого помещения.

Сидя у открытого окна, леди Блейкни с напряженным вниманием следила за огоньками, мерцавшими по другую сторону реки в окнах башен Шатле. Окон Консьержери она не могла видеть, так как они выходили на внутренний двор, но для нее было печальным утешением смотреть на мрачные стены, заключавшие в себе все, что у нее было дорогого на свете. Если бы она могла хоть один раз увидеть теперь своего мужа, ощутить на губах его горячие поцелуи, заглянуть в милые глаза, умевшие загораться такой глубокой страстью! О, тогда она мужественно и с полной верой в благополуч-

ный исход всех мытарств переносила бы эту вынужденную разлуку!

Воздух стал заметно холоднее, и Маргарита отошла от окна. В ту минуту, как на соседней башне пробило восемь часов, послышался легкий стук в дверь.

— Войдите! — машинально отозвалась Маргарита, не оборачиваясь и думая, что это хозяйка принесла дров для камина.

— Можете вы уделить мне несколько минут внимания, леди Блейкни? — вежливо произнес неприятный, слишком хорошо знакомый ей голос.

С трудом подавив крик ужаса, Маргарита обернулась и очутилась лицом к лицу со злейшим врагом сэра Перси.

— Шовелен! — прошептала она.

— Он сам — к вашим услугам, дорогая леди!

Не дожидаясь позволения, он положил на стул плащ и шляпу и направился к молодой женщине, но она недовольно протянула вперед руку, словно желая защититься.

Он пожал плечами и, усмехнувшись, спросил:

— Не разрешите ли вы мне сесть?

— Как вам будет угодно, — медленно ответила леди Блейкни, глядя на него широко раскрытыми глазами, как смотрит испуганная птичка на готовящуюся проглотить ее змею.

— Могу я рассчитывать на несколько минут вашего внимания, леди Блейкни? — осведомился он, намеренно садясь спиной к лампе, тогда как ее лицо было ярко освещено.

— Разве это необходимо? — спросила Маргарита.

— Да, необходимо, — ответил он, — если вы желаете увидеться с вашим супругом и быть ему полезной, пока еще не поздно.

— В таком случае говорите, гражданин, я вас слушаю.

— Может быть, леди Блейкни, — начал он после короткой паузы, — вам будет интересно узнать, каким образом я мог доставить себе удовольствие видеть вас?

— Это — результат обычных занятий ваших шпионов, — холодно проговорила она.

— Именно так. Уже три дня назад мы напали на ваш след, а неосторожное движение сэра Эндрю Фукса только подтвердило наши догадки.

— Сэра Эндрю Фукса? — с недоумением повторила Маргарита.

— Он был в таверне, остроумно переодетый и загримированный, надо отдать ему справедливость. Случайно там же находился и мой друг Герон, принадлежащий к Комитету общественной безопасности и с предосудительной неосторожностью толковавший о различных мерах, принятых по моему настоянию относительно сэра Перси Блейкни. Возмущенный тем, что слышал, сэр Эндрю Фукс сделал неосторожное движение, обратившее на него внимание одного из наших шпионов. По знаку Герона этот шпион последовал за мнимым кузнецом и дошел до вашей двери. Как видите, дело очень просто. Что касается меня, то я уже неделю тому назад угадал, что в самом скором времени мы будем иметь удовольствие видеть красавицу леди Блейкни в Париже, и, узнав, где живет сэр Эндрю Фукс, понял, что леди Блейкни должна находиться, где-нибудь поблизости.

— Что именно в словах гражданина Герона возмутило сэра Эндрю? — спрокойно спросила Маргарита.

— Разве он вам не рассказал?

— Нет!

— О, дело совсем просто! Прежде чем счастливый случай отдал в наши руки сэра Перси Блейкни, он, как вам, конечно, известно, вмешался в дело, касавшееся самого важного государственного узника.

— Я знаю: ребенка, которого вы и ваши друзья вели к медленной смерти.

— Может быть, леди Блейкни, но это вовсе не касалось сэра Перси. Ему удалось увезти маленького Капета из Тампля, а через два дня он сам сидел у нас под крепким замком.

— Вы завладели им при помощи низкого обмана! — воскликнула Маргарита.

— Может быть, — мягко ответил Шовелен, — но как бы то ни было, теперь он сидит в Консьержери, и его сторожат еще строже, чем Марию-Антуанетту.

— А он смеется над всеми вашими замками и засовами, сэр, — гордо сказала она. — Вспомните Кале, вспомните Булонь. Его смех при вашем поражении, вероятно, еще и теперь звучит у вас в ушах.

— Но в настоящую минуту можем смеяться мы. Однако мы и от этого удовольствия готовы отказаться, если сэру Перси угодно будет шевельнуть только пальцем для своего освобождения.

— Опять какое-нибудь подлое письмо? — с горечью спросила она. — Опять посягательство на его честь?

— Нет, нет, леди Блейкни, — спокойно возразил Шовелен. — Хотя мы могли бы завтра же послать сэра Перси на гильотину, но готовы оказать ему милосердие, если только он исполнит наше требование.

— В чем же оно заключается?

— Ему, конечно, известно, где находится Капет. Пусть он прикажет своим помощникам возвратить нам мальчика, и тогда не только все эти джентльмены получат свободный пропуск в Англию, но мы, вероятно, найдем возможным смягчить суровые меры, принятые относительно Красного Цветка.

Маргарита презрительно засмеялась:

— Если не ошибаюсь, вы хотите, чтобы Блейкни возвратил вам маленького короля после того, как он рисковал жизнью, чтобы вырвать малютку из ваших когтей?

— Это самое мы и твердим сэру Перси в последние шесть дней.

— И вы, разумеется, уже получили ответ?

— Да, — немедленно произнес Шовелен, — но ответ с каждым днем становится все слабее.

— Все слабее? Я вас не понимаю.

— Я сейчас вам объясню. Вы напомнили мне про Кале и Булонь, и я смиренно соглашаюсь, что был одурачен в Кале и осмеян в Булони; но зато в Булони я кое-чему научился и намерен применить это на практике. — Шовелен приостановился, словно ожидая ответа и с чувством удовлетворения замечая, как на прекрасном лице Маргариты появляется выражение ужаса. — В Булони, — продолжал он, — я сражался с сэром Перси неравным оружием. Приятно проведя некоторое время в своем великолепном замке, он явился в Булонь со свежими силами, и я, разумеется, проиграл сражение. Теперь же сэр Перси уже целую неделю сидит в тюрьме, и все это время специально назначенные для этого сторожа постоянно, днем и ночью, каждые четверть часа спрашивают у него: «Где маленький Капет?» До сих пор мы еще не получили удовлетворительного ответа, хотя сэру Перси сообщено, что многие из его сподвижников удостоили окрестности Парижа своим посещением и что от него требуется лишь дать этим любезным кавалерам инструкции, как доставить нам Капета. Все это очень просто, но наш узник, к сожалению, немного уп-

рям. Вначале он смеялся, уверяя нас, что прекрасно умеет спать с открытыми глазами; однако наши стражи неутомимы, и недостаток сна, свежего воздуха и пищи начинает уже оказывать влияние на богатырскую физическую силу сэра Перси. Я думаю, он скоро уступит нашим скромным желаниям. Во всяком случае попытки к побегу нам нечего опасаться, так как теперь он вряд ли был бы в состоянии твердым шагом перейти даже вот через эту комнату.

Маргарита слушала Шовелена в оцепенении, глядя на него, как на чудовищного, загадочного сфинкса, удивляясь, как мог Господь создать человека с такими дьявольскими мозгами, а создав, дозволить ему безнаказанно совершать такие жестокости.

— И вы пришли ко мне сегодня для того, чтобы рассказать все это? — спросила она, когда обрела способность говорить. — Теперь ваша миссия окончена, и я прошу вас удалиться.

— Простите, леди Блейкни, — с прежним спокойствием сказал Шовелен, — но сегодня мной руководила, кроме того, надежда заручиться вашим содействием.

— Моим содействием? Неужели вы думали...

— Ведь вы желали бы увидеться с вашим супругом?

— Разумеется!

— В таком случае прошу вас располагать мной. Я достану вам разрешение на свидание, когда вы лишь пожелаете.

— Вы надеетесь, гражданин, что я постараюсь слезами и мольбами заставить моего мужа изменить его решение?

— В этом нет необходимости, — ответил Шовелен. — Уверяю вас, что мы сами этого добьемся... со временем.

— Вы — дьявол! — вырвалось у Маргариты из глубины души. — Неужели вы не боитесь, что Бог покарает вас?

— Нет, не боюсь, — беспечно возразил он. — Я ведь не верю в Бога. Послушайте! — серьезно добавил Шовелен. — Разве я не доказал вам, что действую совершенно бескорыстно? Если вы желаете видеть своего супруга, скажите одно слово — и двери тюрьмы будут для вас открыты.

— Хорошо! — холодно сказала она, немного подумав. — Я пойду.

— Когда? — спросил Шовелен.

— Сегодня вечером.

— Как прикажете. Я предупрежу моего друга Герона и устрою это свидание. Будьте в половине девятого у главного входа в Консьержери. Вы знаете, где это? Я буду ждать вас, чтобы провести к вашему мужу.

— Хорошо, — сказала Маргарита. — В половине девятого я буду там, где вы сказали. Я увижусь с заключенным наедине? — прибавила она, тщетно стараясь скрыть досадную дрожь в голосе.

— Разумеется! — успокоил ее Шовелен. — До свидания, леди Блейкни! Не забудьте: в половине девятого! — И, взяв со стула плащ и шляпу, он с церемонным поклоном вышел из комнаты.

Когда его шаги совсем затихли, Маргарита с криком отчаяния упала на колени и, закрыв лицо руками, разразилась страшными рыданиями; ей казалось, что ее сердце разорвется от физической боли. Но и среди этого взрыва безнадежного горя она ясно сознавала, что при свидании с Перси должна быть спокойна, чтобы суметь помочь ему, если бы это потребовалось, исполнить всякую его просьбу, всякое поручение. Надежды на его освобождение у нее не было никакой, с тех пор как она услышала жесткие слова: «Попытки к побегу нам нечего опасаться, так как теперь он вряд ли был бы в состоянии твердым шагом перейти даже вот через эту комнату».

IV

В сопровождении Эндрю Фукса Маргарита быстро шла по набережной. До назначенного срока оставалось еще десять минут. Ночь была темная и очень холодная, снег падал мелкими хлопьями, окутывая сверкающим покровом перила мостов и мрачные башни тюрьмы Шатле.

Спутники шли молча. Обо всем уже было переговорено в маленькой комнате скромного жилища леди Блейкни, после того как сэр Эндрю вернулся домой и узнал о посещении Шовелена.

— Его медленно убивают, сэр Эндрю! — вырвалось из наболевшей души Маргариты, как только она почув-

ствовала сердечное пожатие его руки. — Неужели мы ничего не можем для него сделать?

Действительно, делать было нечего. Сэр Эндрю дал Маргарите две тонкие стальные проволоки, которые она должна была спрятать в складках косынки, и маленький острый кинжал с отравленным лезвием. Несколько минут она в нерешительности смотрела на смертоносное оружие, потом тихо поднесла его к губам и, поцеловав холодную сталь, прошептала: «Если так суждено, то да простит нам милосердный Бог!» Затем, пряча кинжал в складках платья, спросила:

— Не придумаете ли вы еще чего-нибудь, сэр Эндрю? У меня много денег, и если бы можно было подкупить солдат...

Фукс со вздохом отвернулся. В последние три дня он испытал в этом отношении все средства, но должен был убедиться, что Шовелен принял меры предосторожности, и все старания добраться до заключенного сэра Перси не могли ни к чему привести. Дежурная комната день и ночь была полна солдат; маленькие решетчатые окна, сквозь которые не мог пролезть человек, были футов на двадцать выше пола коридора; не далее как третьего дня сэр Эндрю, стоя в этом коридоре, вынужден был сознаться себе, что любая попытка проникнуть в комнату, где томился их благородный вождь, должна окончиться полной неудачей.

— Не теряйте мужества, леди Блейкни, — сказал он, когда они подходили к тюрьме, — и не забывайте нашей поговорки: «Красный Цветок никогда не потерпит неудачи!» Помните также, что чего бы не потребовал от нас Блейкни, мы готовы на все и не пожалеем для него жизни. Мужайтесь! Что-то говорит мне, что человек, подобный Перси, не погибнет от рук Шовелена и его приспешников.

Когда они дошли до Консьержери, Маргарита, стараясь улыбнуться, протянула дрожащую руку своему верному другу.

— Я буду здесь поблизости, — сказал он. — Когда вы выйдете, ступайте прямо домой, не оглядываясь по сторонам, я не потеряю вас из виду и скоро догоню. Да хранит вас обоих Господь!

Входная дверь оказалась открытой, и Шовелен уже ожидал молодую женщину. Он повел ее по одному из многочисленных бесконечных коридоров, и она быстро

пошла за ним, прижимая к груди стальную проволоку и драгоценный кинжал. Проходя по слабо освещенным коридорам, она не могла не заметить, что все входы и выходы охранялись массой стражи и солдат.

Наконец Шовелен остановился перед одной из дверей и, взявшись за ее ручку, обратился к Маргарите:

— Мне очень неприятно, леди Блейкни, следующее: тюремное начальство разрешило вам, по моему настоянию, свидание в такой неурочный час, но поставило при этом одно маленькое условие.

— Условие? — спросила она. — В чем же оно заключается?

— Вы должны простить меня, — сказал он, как будто не услышав вопроса, — и верить, что я тут не при чем. Если вы пройдете в эту комнату, дежурная объяснит вам, в чем дело. — Он отворил перед леди Блейкни дверь и почтительно отступил, проговорив вполголоса: — Я подожду вас здесь. Если вы будете чем-либо недовольны, пожалуйста, позовите меня.

Дверь снова захлопнулась, и Маргарита очутилась в маленькой душной комнатке, слабо освещенной висевшей на стене лампой. Грязно одетая женщина с пергаментным лицом встала навстречу Маргарите, отложив в сторону шитье.

— Я должна предупредить вас, гражданка, — сказала она, — что по приказанию тюремного начальства обязана обыскать вас, прежде чем вы увидитесь с заключенным.

Все это она проговорила, как заученный урок, но ее темные глаза смотрели почти ласково, невольно избегая, однако, встречаться со взглядом молодой женщины.

— Обыскать меня? — медленно повторила Маргарита, стараясь вникнуть в смысл сказанного.

— Да, — ответила женщина, — вы должны снять платье, чтобы я могла хорошенько осмотреть его. Раньше, когда посетителей пускали в тюрьму, мне частенько приходилось заниматься этим, так уж вы лучше и не пробуйте обмануть меня. Я отлично умею находить в нижних юбках бумагу, проволоку или веревки. Ну же, гражданка! Чем скорее вы это проделаете, тем скорее увидитесь с заключенным.

Возмущаясь в душе, гордая леди Блейкни вынуждена была покориться, понимая, что никакие протесты не помогли бы. Равнодушно следила она, как грубые руки

шарили в карманах ее платья, как достали и положили на стол стальную проволоку и маленький кинжал, как пересчитали золотые монеты в ее кошельке и снова положили их обратно. Убедившись, что на Маргарите ничего больше не было спрятано, женщина помогла ей одеться и отворила дверь, позади которой терпеливо ждал Шовелен. Не заметив на бледном лице Маргариты следов перенесенных унижений, он вопросительно взглянул на женщину.

— Две проволоки, кинжал и кошелек с двадцатью луидорами, — коротко ответила та.

Спокойно выслушав этот доклад, как будто он вовсе его не интересовал, Шовелен так же спокойно сказал Маргарите:

— Сюда, гражданка!

Леди Блейкни последовала за ним и через минуту очутилась перед тяжелой, обитой железом дверью с маленьким решетчатым окошечком.

— Здесь! — просто сказал Шовелен.

Два национальных гвардейца стояли на часах у самой двери; двое других ходили взад и вперед по коридору и остановились, когда Шовелен назвал себя и показал официальный трехцветный шарф. Сквозь решетчатое окошечко на пришедших взглянула пара внимательных глаз.

— Кто там? — спросил их обладатель.

— Гражданин Шовелен из Комитета общественной безопасности, — последовал быстрый ответ.

Послышались звон оружия, стук отодвигаемых засовов, звук ключа в замке, и дверь тяжело повернулась на петлях.

Поднявшись на две ступеньки, Маргарита вошла в дежурную комнату, освещенную настенными лампами; их свет был так ярок после полутемного коридора, что она вынуждена была в первую минуту закрыть глаза. Душный воздух был полон табачного дыма и запахов еды и вина. Над дверью было большое решетчатое окно, выходившее в коридор. Комната была полна солдат: они сидели или стояли, некоторые лежали на циновках и, по-видимому, спали. Один из них был, очевидно, старшим между ними, так как по одному его слову утих царивший в комнате шум, после чего он вежливо обратился к Маргарите:

— Пожалуйста сюда, гражданка!

Подойдя к большому проему в стене налево, он отодвинул загораживавший его тяжелый железный щит, жестом приглашая Маргариту пройти дальше. Она инстинктивно оглянулась, ища глазами Шовелена, но он исчез.

V

Вероятно, сердце солдата, пропустившего Маргариту в камеру, еще не совсем огрубело, и ему было жаль бледную красивую молодую женщину, но как только Маргарита переступила порог камеры, гвардеец снова закрыл проем и стал возле него на часах.

После ярко освещенной дежурной комнаты камера казалась почти темной, и Маргарита сначала ничего не видела. Сделав несколько шагов вперед, она при свете стоявшей на столе масляной лампы различила другой стол, два стула и небольшую, по-видимому удобную походную кровать. У стола, положив голову на протянутую левую руку, сидел сэр Перси. Маргарита не вскрикнула, даже не вздрогнула. Призвав на помощь все свое мужество, она неслышно подошла к нему и, опустившись на колени, благоговейно прижалась губами к бессильно свесившейся руке.

Он вздрогнул и, приподняв голову, быстро зашептал:

— Говорю вам, что не знаю, а если бы знал...

В этот момент Маргарита, обняв его за шею, положила голову к нему на грудь.

Тогда, медленно повернув голову, Блейкни взглянул ей в лицо запавшими, покрасневшими глазами и проговорил:

— Моя дорогая, любимая, я знал, что ты придешь.

Он крепко сжал жену в объятиях, и когда она снова взглянула на него, ей показалось, что то состояние, в каком он ей представился в первую минуту, было лишь плодом ее собственной тревоги за любимого человека, что теперь в его жилах по-прежнему течет горячая кровь, а благородное сердце, как прежде, полно жажды самопожертвования.

— Перси, — нежно произнесла она, — нам нельзя долго быть вместе. — Твои палачи думают, что мои слезы окажут свое влияние там, где их дьявольские выдумки потерпели поражение.

В глубоких синих глазах Перси сверкнул прежний веселый огонек, когда он снова заговорил.

— Дорогая моя женушка, — сказал он с напускной веселостью, хотя его голос дрожал от сдержанной страсти, — как плохо они нас знают, не правда ли? Но ты со своей чудной, мужественной душой обманешь все ухищрения сатаны и его приспешников. Закрой глазки, моя радость, иначе я сойду с ума, если буду смотреть в них.

Держа голову жены в своих руках, он, казалось, действительно не мог налюбоваться ее глазами, в которых прочитал всю ее горячую любовь к нему, и хотя он был в смертельной опасности, однако Маргарита никогда не чувствовала себя такой счастливой, никогда не видела его так безраздельно принадлежавшим ей, как в данный момент.

— Сердце ты мое, — произнес он с легким вздохом, — до твоего прихода я чувствовал себя чертовски усталым, а теперь... Какое счастье, что эти животные разрешили мне побриться! Я ни за что не хотел бы показаться тебе с выросшей в течение недели бородой, и с помощью подкупов и обещаний мне удалось добиться брадобрея. Самому же мне не позволяют взять в руки бритву — боятся, как бы я не перерезал себе горло. Однако большей частью я так хочу спать, что мне не до того, чтобы думать об этом.

— Перси! — с нежным упреком воскликнула Маргарита.

— Я сам знаю, какое я грубое животное, моя дорогая, — перебил Блейкни. — Бог поступил жестоко, поставив меня на твоей дороге. А ведь было время, когда мы почти совсем разошлись. Может быть, это было бы и лучше; по крайней мере, ты не так страдала бы, дорогая. — Однако заметив, как больно отозвались в ее сердце эти слова, он покрыл поцелуями ее руки, умоляя о прощении, и продолжал: — Я заслуживаю, дорогая, чтобы ты оставила меня гнить в этой отвратительной клетке. Только не бойся за меня: я еще проведу их.

— Но каким образом, Перси? — простонала она, припоминая все меры, принятые против его бегства.

— Откровенно говоря, дорогая, я еще об этом не думал, ожидая твоего прихода. Мне удалось изложить на бумаге мои инструкции Фуксу и другим, и все это я отдам тебе. Сам я до сих пор больше всего заботился

о том, чтобы сохранить в равновесии душевные и физические силы. Если я только буду знать, что маленький французский король в безопасности, тогда можно будет хорошенько обдумать, как спасти мою шкуру от этих скотов.

В его лице вдруг произошла перемена: перед Маргаритой был уже не страстно любящий ее человек, забывший все на свете, кроме своей любви, а мужественный герой, спасавший от смерти мужчин, женщин и детей, рисковавший собственной жизнью ради высокой цели.

— Ненаглядная моя, — начал он, — эти злодеи дают нам всего полчаса, надо спешить. Я теперь совсем бессилен и нуждаюсь в твоей помощи. Достанет ли у тебя мужества исполнить все, что я скажу?

— Достанет, можешь быть спокоен.

— Только не позволяй себе отчаиваться, моя дорогая. Ради твоей любви всякий мужчина будет изо всех сил заботиться о сохранении своей жизни. Бог подкрепит тебя и пошлет тебе мужества, в котором ты будешь очень нуждаться.

Блейкни опустился на колени, ощупывая мелкие неровные плиты, которыми был вымощен пол. Следившая за его движениями Маргарита с удивлением увидела, как он просунул своих тонкие пальцы между двумя плитами, слегка приподнял одну из них и вынул из-под нее маленькую связку бумаг, тщательно сложенных и запечатанных. Уложив камень на прежнее место, он быстро поднялся с колен, бросив подозрительный взгляд на дверь. Убедившись, что его действия не были никем замечены, он привлек к себе Маргариту и произнес:

— Смотри на эти бумаги, дорогая, как на мою последнюю волю, как на мое завещание. Я еще раз одурачил этих скотов, сделав вид, будто хочу уступить им; они дали мне бумаги, перо, чернила и сургуч, и я должен был написать своим товарищам приказ доставить сюда Капета. На это мне было дано четверть часа, и я успел написать три письма: одно к твоему брату, а два — к Фуксу, причем спрятал их под плитой. Видишь, дорогая, я знал, что ты придешь и что у меня будет кому передать написанное.

По лицу Блейкни пробежала слабая улыбка при воспоминании о бешенстве Шовелена и Герона, когда после тревожного ожидания в продолжение четверти часа они нашли несколько скомканных листков, на которых

были нацарапаны насмешливые стихи на непонятном Герону языке; кроме того, заключенный, по-видимому, воспользовался этим кратким сроком, чтобы подкрепиться сном, несколько ободрившим его. Но об этом Перси ничего не сказал жене, равно как умолчал и о том, что за это подвергся всяким издевательствам и унижениям и был посажен на хлеб и воду; воспоминание об этой ловкой проделке и вызвало улыбку на его лице.

— Теперь удача на вашей стороне, — сказал он тогда своему злейшему врагу.

— Да, наконец на нашей стороне, — ответил Шовелен, — и если вы добровольно не подчинитесь нам, благородный джентльмен, мы сумеем сломить ваше упорство. В этом можете не сомневаться.

— Вот это первое письмо к Фуксу, — сказал сэр Перси, вкладывая в руку жены одну из бумаг. — Оно содержит в себе последние инструкции, касающиеся спасения дофина. В нем я обращаюсь к тем членам нашей лиги, которые в настоящее время находятся в Париже или где-нибудь поблизости. Я не сомневаюсь, что Фукс не пустил тебя в Париж одну; Бог да благословит его за верную и преданную дружбу! Передай ему это письмо сегодня же вечером и скажи, что я настаиваю на самом точном исполнении моих инструкций.

— Но ведь дофин теперь в безопасности, — возразила Маргарита. — Фукс и все твои друзья находятся теперь здесь для того, чтобы спасти тебя самого...

— Спасти меня, сердце мое? — серьезно перебил он. — Если в течение десяти дней эти черти не доведут меня до потери разума, то с Божьей помощью я еще спасусь.

— Десять дней! — горестно воскликнула Маргарита.

— Дорогая, я целую неделю ждал минуты, когда мне можно будет передать тебе эти листки; десять дней понадобится, чтобы увезти дофина из Франции, а там посмотрим!

— Перси, — с ужасом воскликнула леди Блейкни, — ты не выдержишь еще десять дней этой муки!

— Ну, дорогая, очень мало на свете вещей, которые человек не мог бы сделать, если очень хочет, — уверенно произнес Блейкни. — А впрочем, все в руках Божиих! — мягче прибавил он. — Дорогая моя, пойми, что пока дофин во Франции, он не в безопасности. Его друзья непременно хотят, чтобы он остался во Фран-

ции; Бог знает, на что они надеются. Будь я на свободе, я ни за что не допустил бы, чтобы он так долго оставался здесь. Но я уверен, что эти добрые люди в Манте пойдут на то, что написано в этом письме, и на уговоры Фукса и разрешат одному из членов нашей лиги увезти мальчика из Франции. Я же останусь здесь, пока не узнаю, что он в безопасности. Если бы теперь мне удалось благополучно убежать отсюда, все внимание наших врагов обратилось бы на принца, и он снова попал бы в тюрьму, прежде чем я успел бы до него добраться. Сердце мое, счастье мое, постарайся понять, что спасение этого ребенка — долг чести для меня. Клянусь тебе, что в тот день, когда уверюсь в его полной безопасности, я примусь спасать самого себя... то есть то, что к тому времени останется от меня.

— Перси, — страстно заговорила Маргарита, — ты считаешь, что спасение этого ребенка дороже твоего собственного. Десять дней! Подумал ли ты о том, как я-то проживу эти несчастные десять дней, зная, что ежеминутно ты отдаешь каплю своей жизни ради безнадежного дела?

— Не беспокойся о моей жизни, дорогая, ей ничто не грозит, потому что я очень упрям. Весь вопрос в том, что я проведу несколько лишних неприятных дней в этой проклятой норе, вот и все. Верь мне, я могу выдержать гораздо больше, чем воображают эти животные.

— Ты сам себя обманываешь, Перси, — серьезно произнесла Маргарита. — Каждый лишний день в этих стенах, каждая ночь без сна уменьшает для тебя возможность спасения. Видишь, я говорю спокойно, даже не предъявляя своих прав на твою жизнь. Вспомни, сколько людей ты уже спас от смерти, рискуя собственной жизнью, и скажи, *чтó* стоит жизнь слабого потомка ничтожных королей в сравнении с твоей благородной жизнью? Отчего ею надо без сожаления жертвовать ради жизни мальчика, не имеющего никакого значения даже для своего собственного народа?

Она старалась говорить спокойно, судорожно сжимая в руке бумажку, которая, как она чувствовала, заключала в себе смертный приговор любимому человеку. Но последний не смотрел на нее: в его памяти воскресла пустынная дорога в окрестностях Парижа под серым небом с нависшими тяжелыми тучами, из которых сеял мелкий пронизывающий дождь.

— Бедный малютка! — нежно прошептал он. — Как бодро шел он подле меня, пока его слабенькие ножки не выбились из сил! Тогда он приютился в моих объятиях и спал до тех пор, пока мы не встретили Фукса, ожидавшего нас с тележкой. Тогда это был не король Франции, а беспомощный невинный мальчуган, которого небо помогло мне спасти.

Маргарита молча склонила голову. Теперь она поняла, что ее муж уже давно начертал свой жизненный путь и что, достигнув Голгофы страданий и унижений, он не отступит даже перед грозящей ему смертью, пока не будет иметь права прошептать великое слово: «Свершилось!»

— Но ведь дофин в сравнительной безопасности! — только и могла она возразить.

— В данный момент — да! — ответил он. — Но за пределами своей страны он будет еще в большей безопасности. Я имел намерение увезти его в Англию, однако тут вмешалась проклятая судьба. Приверженцы дофина желали перевезти его в Вену, и теперь для этого самый удобный момент. В инструкциях Фуксу я написал самый простой план путешествия. Лучше всего поручить дело Тони, который должен доставить мальчика в Голландию: северные границы охраняются не так строго, как восточные. В Дельфте живет горячий сторонник Бурбонов; в его доме спасающийся бегством король Франции найдет верный приют, пока не отправится в Вену. Зовут этого человека Наундорф. Как только узнаю, что ребенок в его руках, я позабочусь и о себе, не бойся! — Блейкни остановился, чувствуя, что силы изменяют ему, а затем невольно прошептал: — Если бы мои враги додумались лишать меня пищи, а не сна, я выдержал бы, пока... — Но через минуту он уже крепко обнял Маргариту, как бы раскаиваясь в своей слабости. — Да простит мне Бог мой эгоизм! — сказал он со слабой улыбкой. — Прости, сердце мое, что я толкую о своих заботах, забывая, что заставил твое любящее сердце взять на себя тяжелое бремя, которое ему не под силу. Слушай меня, дорогая! Ведь времени у нас мало, а мы еще не говорили ничего о твоем брате.

— О, Арман! — вырвалось у Маргариты из глубины наболевшего сердца.

Совесть упрекнула ее, что она до сих пор не вспомнила о нем.

— Мы ничего о нем не знаем, — сказала она. — Сэр Эндрю просмотрел все тюремные списки. Если бы мое сердце не сделалось таким бесчувственным после всего, что я выстрадала в эту неделю, оно терзалось бы при каждой мысли о бедном Армане.

По лицу ее мужа пробежала легкая усмешка.

— Скажи Фуксу, чтобы он не старался разыскать имя Армана в списках заключенных, — сказал он. — Пусть он лучше отыщет мадемуазель Ланж. Она знает, где найти Армана, который в данную минуту в сравнительной безопасности.

— Жанна Ланж! — воскликнула Маргарита. — Это та девушка, страсть к которой заставила Армана позабыть о долге? Сэр Эндрю старался уменьшить в моих глазах вину брата, но я угадала то, что он не хотел мне сказать. Все настоящее несчастье оттого ведь и произошло, что он ослушался и не доверился тебе.

— Не осуждай его слишком строго. Арман влюбился, а всякий грех извинителен, если совершен во имя любви. Жанну Ланж арестовали, и Арман совсем потерял голову. В тот самый день, когда был спасен дофин, мне посчастливилось освободить Ланж из тюрьмы. Я дал Арману слово, что позабочусь о ней, и сдержал слово, но Арман этого не знал... Я отвел ее в безопасное место, а потом ее совсем освободили. Об этом я узнал от самого Шовелена, которому нужен был ее адрес, а я один знал его. Что касается Армана, то его не будут тревожить, пока я здесь. Вот и еще одна причина, почему мне надо еще остаться некоторое время здесь. Но тебя, дорогая, я попрошу непременно пойти к мадемуазель Ланж; она живет на площади Руль. Она устроит тебе свидание с братом. Вот письмо к нему, — продолжал сэр Перси, вложив ей в руку второй пакет, поменьше первого. — Должно быть, бедняга чрезвычайно мучается, но ведь он грешил потому, что влюбился; для меня же он всегда будет только твоим братом, человеком, на котором сосредоточивалась вся твоя любовь, пока я не встретился на твоем пути. В этом письме я также даю ему некоторые инструкции; пусть только он прочтет его, когда будет совсем один. Теперь остается последнее поручение. В этом городе жестокостей есть несколько человек, которые доверились мне и которых я не могу обмануть: это — Мари де Мармонте с братом, верные слуги покойной королевы, и другие. Они ждут,

чтобы я отправил их в Англию. Обещаешь ли ты исполнить данное мной слово?

— Обещаю, Перси, — просто сказала Маргарита.

— Хорошо! Тогда пойди, дорогая, завтра, попозже вечером, на улицу Шаронн, которая ведет к укреплениям. В самом конце ее есть маленький домик, нижний этаж которого занимает торговец старым платьем. Он и его жена — бедные, но добрые люди и за хорошее к ним отношение готовы всячески услужить английским «милордам», которых они считают, кажется, шайкой контрабандистов. Их хорошо знают и Фукс, и все другие, в том числе и Арман. Там теперь нашли приют Мари де Мармонте с братом, старый граф де Лезардье, аббат Фирмон и другие. Мне посчастливилось благополучно водворить их всех туда, и они ждут меня, безусловно веря, что я исполню данное им обещание. Ты ведь пойдешь к ним, дорогая?

— Пойду, Перси, — ответила Маргарита, — я ведь обещала.

— У Фукса запасены надежные паспорта, а старьевщик даст все, что необходимо для переодевания. У него есть крытая повозка, наймите ее. Фукс отвезет всю эту компанию на ферму Ашара в Сен-Жермене, где их будут поджидать прочие члены лиги для отправки в Англию. Фукс знает, как все устроить; недаром он всегда был самым деятельным моим помощником. Когда все будет готово к отъезду, Фукс может передать дальнейшее руководство Гастингсу. Тебе же, мое сокровище, я представлю поступить, как ты сама захочешь. Ферма Ашара могла бы служить надежным приютом тебе и Фуксу, если бы... Знаю, знаю, дорогая! Как видишь, я даже не настаиваю на том, чтобы ты меня покинула. С тобой будет Фукс, и я знаю, что ни ты, ни он не послушались бы меня, даже если бы я этого требовал. И ферма Ашара, и домик на улице Шаронн будут безопасными убежищами для тебя, если с тобой будет Фукс; а там с Божией помощью я в своих объятиях отвезу тебя в нашу Англию, если только... Прости, мое сокровище! — перебил он сам себя, страстным поцелуем останавливая готовый вырваться у нее жалобный стон. — Все в воле Божией! Я никогда еще не был в таких тисках, но я еще жив. Повтори мне, дорогая, что ты поняла меня и сделаешь все, о чем я прошу. Я чувствую, как становлюсь крепче и бодрее, когда слышу твой милый голос, шепчущий эти обещания.

— Я поняла каждое сказанное тобой слово, — твердо повторила Маргарита, — я все поняла, Перси, и твоей жизнью клянусь исполнить все, как ты сказал.

Блейкни глубоко вздохнул с чувством полного удовлетворения, и как раз в эту минуту из дежурной комнаты послышался грубый голос:

— Полчаса почти прошло, сержант; вам пора исполнить свою обязанность.

— Остается еще три минуты, гражданин, — последовал короткий ответ.

— Три минуты! О, дьяволы! — сквозь зубы прошептал Блейкни с внезапно вспыхнувшим в глазах огоньком, значение которого ускользнуло даже от Маргариты. — Спрячь это в своей косыночке, дорогая, — прошептал он, передавая ей третье письмо. — Храни его до той минуты, когда тебе покажется, что никто не может спасти меня от позора... Ш-ш... дорогая, — нежно поспешил сказать он, видя, что с ее губ готов сорваться горячий протест. — Теперь я не могу высказаться яснее; неизвестно, что еще может случиться. Ведь я — только человек, а кто знает, к каким дьявольским ухищрениям прибегнут еще эти животные, чтобы унизить непокорного искателя приключений? Меня уже довели до постыдной слабости незначительными физическими неудобствами. Если же мой разум не выдержит, Бог знает, на что я могу оказаться способным! Тогда передай этот пакетик Фуксу — он уж будет знать, что делать; здесь мои последние инструкции. Обещай мне, жизнь моя, что ты не тронешь этого пакета, пока не убедишься, что мой позор неизбежен, что я уступил негодяям и послал Фуксу или кому-нибудь другому приказание выдать дофина ради спасения моей жизни; когда мое собственное письмо докажет, что я — низкий трус, тогда и лишь тогда отдай пакет Фуксу. И обещай мне, что когда вы оба основательно ознакомитесь с содержанием моего письма, то в точности исполните все. Обещай мне это, дорогая, поклянись своим дорогим именем и именем Фукса, нашего верного друга.

Сквозь потрясшие ее рыдания Маргарита прошептала желанное обещание.

Голос Блейкни становился все глуше — наступила реакция после сильного нервного подъема и радостного волнения от свидания с женой.

— Дорогая, не смотри на меня такими испуганными

глазами, — зашептал он. — Если что-нибудь из того, что я сказал, смущает тебя, постарайся еще немного времени не терять веры в меня. Помни, что я во что бы то ни стало должен спасти дофина; это долг чести, чем бы все ни кончилось для меня. Но я хочу жить ради тебя, мое сердце!

Его лицо снова дышало бодростью, в глазах светился прежний веселый огонек.

— Не смотри же так печально, моя дорогая женушка, — вдруг как-то странно произнес он, словно говоря через силу. — Ведь эти проклятые собаки еще не завладели мной!

Едва успел Блейкни докончить фразу, как потерял сознание. Возбуждение утомило его, и ослабевший организм не выдержал...

Маргарита чувствовала себя совершенно беспомощной, однако не позвала никого; положив голову Перси к себе на грудь, она нежно целовала милые усталые глаза, с невыразимой тоской глядя на человека, всегда полного жизни и энергии, бессильно лежащего в ее объятиях, подобно утомленному ребенку. Настала самая тяжелая минута этого грустного дня. Но ее вера в мужа не пошатнулась. Многое из сказанного им смущало, было непонятно, но слово «позор» в его устах нисколько не пугало ее. Быстро спрятав в косынку миниатюрный пакетик, она твердо решила выполнить до последней мелочи все сказанное мужем, будучи уверена, что и сэр Эндрю ни на минуту не поколеблется. Ее сердце готово было разорваться от горя; наедине с собой она охотно дала бы волю слезам, которые облегчили бы ее, но теперь она заботилась лишь о том, чтобы Блейкни, придя в себя, мог прочесть на ее лице мужество и решимость.

Несколько мгновений в камере царило молчание. Привыкшие к своей низкой обязанности, солдаты, очевидно, решили, что им уже пора вмешаться. Железный щит был с грохотом отброшен в сторону, и два солдата, стуча о пол прикладами, с шумом ворвались в комнату.

— Ну, гражданин, вставайте! — закричал один из них. — Вы еще не сказали нам, куда вы дели Капета!

У Маргариты вырвался крик ужаса. Она инстинктивно протянула руки, словно хотела защитить любимого человека от его безжалостных мучителей.

— Он в обмороке, — проговорила она дрожащим от

негодования голосом. — Боже мой, неужели в вас нет ни капли человеколюбия?

Солдаты с грубым смехом пожали плечами в ответ на ее слова. Они видели и не такие сцены с тех пор, как стали служить Республике, управлявшей при помощи кровопролития и террора. По грубости и жестокости они были подобны тем бессердечным людям, которые несколько месяцев назад на этом самом месте день за днем следили за агонией королевы-мученицы, или тем «героям», которые в ужасный сентябрьский день по одному слову подлых вожаков изрубили восемьдесят безоружных узников — мужчин, женщин и детей.

— Заставьте сказать нам, что он сделал с Капетом, — продолжал солдат, сопровождая свои слова грубой шуткой, от которой у Маргариты кровь прилила к щекам.

Жесткий смех, грубые слова и брошенное в лицо Маргарите оскорбление заставили Блейкни очнуться. С неожиданной силой, которая показалась ничего не ожидавшим присутствовавшим сверхъестественной, он вскочил на ноги и, прежде чем ему смогли помешать, нанес обидчику удар в лицо. Солдат с проклятием отступил, а товарищ его громко позвал на помощь. Оторвав Маргариту от мужа, ее отбросили в дальний угол, откуда она могла видеть только массу синих мундиров. Поверх голов на одно мгновение появилось бледное лицо Блейкни с широко открытыми глазами. К счастью для себя, она видела все как в тумане.

— Не забудь! — крикнул он, причем на этот раз его голос прозвучал ясно и отчетливо.

Затем Маргарита почувствовала, как ее вытащили из камеры, услышала, как поставили на место железный щит. Уже почти без сознания, она увидела, как отодвигали засов на наружной двери, поворачивали ключ в огромном старом замке. В следующую минуту на нее пахну́ло свежим воздухом, и она мгновенно пришла в себя.

— Я очень сожалею обо всем случившемся, леди Блейкни, — произнес возле нее резкий, сухой голос. — Поверьте, что мы тут ни при чем.

Маргарита отвернулась, содрогаясь от слов негодяя. Она слышала, как позади со скрипом повернулась на петлях тяжелая дубовая дверь, как еще раз щелкнул ключ в замке, и ей показалось, что ее саму положили

в гроб и ей на грудь летят комья земли, не давая дышать.

Машинально следовала она за Шовеленом по длинным коридорам. На отдаленной колокольне часы пробили половину десятого. Действительно, прошло всего тридцать коротких минут, с тех пор как она переступила порог этого мрачного здания, ей же казалось, что над ее головой пронеслись годы. Она вдруг почувствовала себя старой и с трудом передвигала ноги; как в тумане видела она фигуру Шовелена, который шел спокойным, размеренным шагом впереди, заложив руки за спину и торжествующе подняв голову.

У двери той комнатки, где Маргариту подвергли обыску, ее ожидала та же самая женщина, держа в руках проволоку, кинжал и кошелек; все это она протянула Маргарите со словами:

— Вот ваши вещи, гражданка.

Высыпав монеты себе в руку, она демонстративно пересчитала их и хотела снова положить в кошелек, однако, Маргарита оставила одну из золотых монет в ее морщинистой руке и сказала:

— Мне довольно девятнадцати, гражданка. Возьмите одну себе от меня и от тех бедных женщин, которые приходят сюда с надеждой в сердце, а уходят, полные отчаяния.

Равнодушно взглянув на нее тусклыми глазами, женщина спрятала деньги в карман, пробормотав какую-то благодарность. Маргарита приготовилась следовать дальше за поджидавшим ее Шовеленом, но вдруг почувствовала, что кто-то движется в темноте совсем близко от нее. Натянутые нервы не выдержали, и она окликнула:

— Кто тут?

Теперь она ясно расслышала шаги, быстро удалявшиеся по коридору. Напрягая зрение, она смутно различила стройную фигуру мужчины в темном платье, боязливо оглядывавшегося, как человек, спасающийся от преследования. Проходя мимо лампы, он оглянулся, и Маргарита узнала своего брата. Первым ее побуждением было окликнуть его, но она вовремя удержалась. Перси сказал ей, что Арман вне опасности; для чего же ему красться тайком по этим мрачным коридорам, если ему ничто не грозило? Он, видимо, избегал освещенных мест, стараясь оставаться под прикрытием темноты. Желая привлечь внимание брата и предостеречь от встречи

с Шовеленом, в надежде, что Арман узнает голос сестры, она как могла громче сказала молчаливой женщине, запиравшей дверь своей комнаты:

— Покойной ночи, гражданка!

Однако Арман не только не остановился, но даже, казалось, ускорил шаги. Конец коридора, куда он направлялся, тонул во мраке, и Маргарита уже не могла видеть ни брата, ни Шовелена. Она инстинктивно бросилась вперед, думая лишь о том, как бы предупредить Армана, пока еще не поздно; но достигнув конца коридора, она почти наткнулась на Шовелена, спокойно поджидавшего ее; больше никого не было видно, и Маргарите стоило немалого труда скрыть свое волнение от зорких глаз хитрого француза. Но куда же делся Арман? Не зная, что думать, Маргарита с недоумением взглянула на своего врага.

— Не могу ли я еще в чем-нибудь быть полезен вам, гражданка? — равнодушно спросил он. — Вот здесь ближе всего пройти к выходу. Сэр Эндрю, без сомнения, уже ожидает вас, чтобы проводить домой.

Маргарита, не решаясь заговорить, чтобы не выдать своего волнения, молча направилась к выходу.

Тогда Шовелен поспешил отворить перед ней дверь и мягко осведомился:

— Надеюсь, вы остались довольны посещением, леди Блейкни? В котором часу угодно вам завтра повторить визит?

— Завтра? — переспросила она, не думая о том, что говорит, так как ее мысли были заняты непонятным поведением брата.

— Ну да! Разве вы не желаете завтра увидеться с сэром Перси? И я охотно навещал бы его, но мое общество не нравится ему. Мой товарищ, гражданин Герон, напротив, посещает его четыре раза в сутки; он приходит к нему за несколько минут до смены караула и болтает с сэром Перси до самого конца этой церемонии, причем внимательно осматривает вновь вступающий караул, чтобы быть уверенным, что между стражами нет ни одного изменника. Каждого стража он знает в лицо. Это происходит в пять и в одиннадцать часов утра, затем в пять часов дня и в одиннадцать часов ночи. За исключением этих сроков, леди Блейкни, в какой бы час вы ни пожелали навестить супруга, вам стоит лишь обратиться ко мне, и я устрою вам свидание.

Маргарита почти не слушала длинных разглагольствований Шовелена, ее мысли были заняты другим, но это не помешало ей уяснить сущность сказанного. Хотя ей страстно хотелось вновь увидеть Перси, но она помнила данное мужу обещание завтра же исполнить его поручения. В то же время она боялась, что ее отказ от свидания с мужем возбудит подозрения, и недоверчивый Шовелен прикажет снова обыскать ее, а тогда драгоценный пакет попадет в руки агентов Комитета.

— Благодарю вас, гражданин, за ваше заботливое отношение ко мне, — произнесла она после краткой паузы, — но вы, вероятно, поймете, что сегодняшнее свидание было почти выше моих сил. В настоящую минуту я не могу сказать вам, в состоянии ли я буду завтра подвергнуться такому же испытанию.

— Как вам будет угодно, — вежливо сказал Шовелен. — Одно лишь прошу вас помнить... — Он приостановился, пытливо вглядываясь в лицо молодой женщины, словно желая прочесть, что у нее на душе.

— Что же такое мне необходимо помнить? — спокойно спросила она.

— То, что от вас, леди Блейкни, зависит положить конец этим тяжелым обстоятельствам.

— Каким образом?

— Вы можете убедить друзей сэра Перси не оставлять более их вождя в таком недостойном заключении. Они ведь завтра же могут прекратить все его мучения.

— Выдав вам дофина? — холодно спросила Маргарита.

— Разумеется!

— И вы надеялись, поставив меня лицом к лицу с вашей адской жестокостью, заставить меня сыграть роль изменницы по отношению к мужу и низкого труса в глазах его приверженцев?

— О, леди Блейкни! — умоляющим тоном произнес Шовелен. — Теперь уже не меня следует обвинять в жестокости. Освобождение сэра Перси в ваших руках и в руках его последователей. Я только хотел положить конец этому невыносимому положению. Не я, а вы и ваши друзья наносите последний удар...

С трудом удержав стон, Маргарита сделала быстрое движение по направлению к двери. Пожав плечами с видом человека, исчерпавшего все доступные ему методы убеждения, ее собеседник поспешил отворить дверь.

— Покойной ночи! — прошептал он с почтительным поклоном, когда она проходила мимо. — И помните, леди Блейкни, что когда бы вы ни пожелали обратиться ко мне, я живу на улице Дюпон и всегда к вашим услугам.

Она молча прошла мимо, не удостоив его ответом.

— Полагаю, что ваш второй визит, прекрасная леди, сотворит просто чудеса, — сквозь зубы прошептал Шовелен, следя глазами за ее высокой стройной фигурой, исчезавшей в вечернем тумане.

VI

Была уже полночь, а леди Блейкни и Эндрю Фукс все еще не расходились, обсуждая ее свидание с мужем. Маргарита старалась в точности передать своему собеседнику не только все, что ей пришлось видеть и слышать, но даже малейшие перемены в лице и голосе сэра Перси. Разбирая некоторые непонятные им выражения Блейкни, оба старались уверить друг друга, что в этих словах скрывается тайный намек на счастливый выход из настоящего положения.

— Я не теряю надежды, леди Блейкни, — с твердостью сказал сэр Эндрю, — и готов чем угодно ручаться, что в голове Блейкни созрел целый план, заключающийся в тех письмах, которые он вам дал. Помоги нам Бог в точности исполнить все, чего он в них требует! Отступив от его указаний, мы можем разрушить задуманное им. Завтра вечером я провожу вас на улицу Шаронн. Все мы хорошо знаем этот дом, и не далее как два дня тому назад, я справлялся, не там ли Арман, которому этот дом также известен, но старьевщик Лукас ничего не знал о нем.

Маргарита рассказала ему о своей мимолетной встрече с братом в темном тюремном коридоре.

— Можете вы объяснить это, сэр Эндрю? — спросила она, устремив на собеседника пытливый взор...

— Нет, не могу, — ответил он после легкого колебания, — но мы, наверное, увидим его завтра же. Я не сомневаюсь, что мадемуазель Ланж знает, где найти вашего брата; а раз нам известно, где сама она, то нашему беспокойству об Армане скоро наступит конец.

Он встал, напоминая Маргарите, что уже очень поздно, но она продолжала глядеть на него с тревогой: ей все казалось, что он хочет что-то от нее скрыть.

— Вы что-то подозреваете, сэр Эндрю! — с глубоким волнением воскликнула она.

— Нет, нет! Клянусь вам, леди Блейкни, о вашем брате я знаю не больше вас; но я уверен, что Перси прав: бедный молодой человек страдает от угрызений совести. Если бы в тот день он так же слепо повиновался, как все мы... — Он остановился, не решаясь высказать, в чем он подозревал Сен-Жюста: горе несчастной женщины и без того велико. — Это была судьба, леди Блейкни, — проговорил он после некоторого молчания. — Когда я думаю о том, что Перси теперь в руках грубых животных, это представляется мне тяжелым кошмаром, и я так и жду, что вот-вот раздастся его веселый смех.

Фукс старался вселить в душу Маргариты надежду, которой у самого не было. Теперь на него ложилась новая ответственность. На груди у него было спрятано письмо, которое он намеревался прочесть в одиночестве, без помех, стараясь запомнить каждое слово относительно мер к освобождению дофина. Затем письмо подлежало уничтожению, чтобы не попасть в руки врагов. Прощаясь с Маргаритой, он спрашивал себя, долго ли еще будет она в состоянии выдерживать гнет безысходности.

Оставшись одна, Маргарита напрасно старалась уснуть, чтобы подкрепить силы для дальнейших испытаний: сон положительно бежал от нее. Перед ее глазами все время вставала узкая длинная камера, стол, за которым сидел Перси, тяжело опершись головой на руку, между тем как его мучители беспрестанно спрашивали его:

— Скажи нам, где Капет?

Усевшись у открытого окна, Маргарита не могла оторвать взор от мрачных очертаний тюрьмы Шатле. Ей казалось, что сквозь эти стены на нее глядит бледное, измученное лицо, и губы уже подергиваются ужасным смехом помешанного; в каждом звуке, долетавшем из ночной тишины, ей чудились отвратительные завывания мучителей; падавшие на подоконник снежные хлопья представлялись ей безобразными рожами, которые скалили зубы и смеялись над ней...

Холодное утро застало леди Блейкни измученной, но

более спокойной. Одевшись и выпив крепкого горячего кофе, она уже приготовилась выйти, как вдруг явился сэр Эндрю.

— Я обещала Перси пойти вечером на улицу Шароннн, — сказала она, — но до тех пор в моем распоряжении несколько часов, и я хочу повидаться с мадемуазель Ланж.

— Блейкни сказал вам ее адрес?

— Да, на площади Руль. Я знаю это место, это недалеко.

Конечно, сэр Эндрю попросил разрешения сопровождать Маргариту, и они быстро направились к предместью Сент-Оноре. Снег перестал, было морозно, но они не замечали холода и молча шли рядом, пока не достигли площади Руль. Здесь сэр Эндрю простился с Маргаритой, уговорившись встретиться с ней через час в маленьком ресторанчике.

Через пять минут почтенная мадам Белом ввела Маргариту в хорошенькую старомодную гостиную; Ланж сидела в огромных размеров кресле, золотистая обивка которого служила изящной рамкой для грациозной фигуры хорошенькой артистки. По-видимому, она читала, когда ей доложили о приходе гостьи, так как рядом на столе лежала развернутая книга. Маргарита невольно подумала, что мысли девушки были далеко; вся ее фигура выражала полную апатию, а на детском личике лежала печать глубокой тревоги.

При входе Маргариты она встала с кресла, видимо смущенная неожиданным посещением красивой молодой женщины со скорбным выражением в чудных глазах.

— Прошу извинить меня, мадемуазель, — начала Маргарита, как только дверь затворилась за ней и она очутилась наедине с девушкой. — Такой ранний визит должен показаться вам назойливым вторжением, но я — Маргарита Сен-Жюст и...

Она с улыбкой протянула руку артистке.

— Сен-Жюст! — смогла только проговорить Жанна.

— Ну да, сестра Армана Сен-Жюста!

Темные глаза молодой девушки сверкнули радостью, а на щеках выступил яркий румянец. Маргарита, пристально разглядывавшая ее, почувствовала, как в ее исстрадавшемся сердце зародилось горячее участие к этому милому ребенку, невинной причине такого горя.

Все еще не оправившись от смущения, Жанна при-

двинула к камину стул, робко приглашая Маргариту сесть и искоса бросив на нее боязливый взгляд.

— Я надеюсь, что вы простите меня, мадемуазель, — заговорила Маргарита, — однако я крайне беспокоюсь о своем брате, не зная, где его найти.

— Но почему же вы пришли ко мне? Что заставило вас думать, что мне известно, где он?

— Я догадалась, — с улыбкой произнесла Маргарита.

— Разве вы слышали что-нибудь обо мне?

— Разумеется.

— Но от кого же? Разве Арман говорил вам про меня?

— Увы, нет! Я не видела его с тех пор, как судьба свела его с вами, но многие из его друзей в настоящее время в Париже; от одного из них я и знаю все.

Девушка покраснела до корней волос.

— А мне Арман много рассказывал про вас. Он так вас любит!

— Мы оба были почти детьми, когда потеряли родителей, — мягко проговорила Маргарита, — и каждый из нас означал для другого всю семью. До моего замужества Арман был мне дороже всех на свете.

— Он сказал, что вы замужем за англичанином. Он сам страстно любит Англию! Сначала он все говорил, что я непременно должна ехать в Англию в качестве его жены, говорил, как мы будем счастливы там...

— Отчего вы сказали «сначала»?

— Теперь он уже меньше говорит об этом.

Жанна сидела на низеньком стуле у огня, упершись локтями в колени; ее хорошенькое личико было наполовину скрыто густыми темными кудрями. Глядя на нее, Маргарита чувствовала, как в ее сердце понемногу таяло отчуждение к этому бедному, опечаленному ребенку. Идя сюда, она невольно вспомнила, как Арман вчера вечером крался, подобно вору, по темным коридорам тюрьмы, и в ее душе невольно закипала враждебность к женщине, которая не только похитила сердце ее брата, но и заставила его изменить своему вождю. Теперь она понимала, что в рыцарском сердце Сен-Жюста неминуемо должно было вспыхнуть желание защитить от всяких житейских невзгод это очаровательное дитя с большими кроткими глазами.

Казалось, Жанна почувствовала пристальный взор

Маргариты, потому что ее лицо медленно покрылось горячим румянцем, хотя она сидела не оборачиваясь.

— Мадемуазель Ланж, — мягко произнесла Маргарита, — разве вы не чувствуете, что можете довериться мне?

Жанна медленно обернулась и бросилась перед Маргаритой на колени, целуя прекрасные руки, с родственным чувством протянутые к ней.

— Да, я верю вам, — шептала она, глядя сквозь слезы на склонившееся к ней бледное лицо. — Я так жаждала найти человека, которому могла бы довериться. В последнее время я была одинока, а Арман...

Нетерпеливым жестом она отерла набежавшие на глаза слезы.

— Что же сделал Арман? — спросила Маргарита с одобрительной улыбкой.

— О, ничего дурного! — быстро ответила девушка. — Он так добр, так благороден! Я так люблю его! Я полюбила его с первого нашего свидания. А потом он пришел ко мне, рассказывал про Англию, про благородного рыцаря Красного Цветка. Вы, верно, слышали о нем?

— Да, слышала, — с улыбкой ответила Маргарита.

— В этот самый день пришел Герон со своими солдатами, — продолжала Жанна. — Это самый жестокий человек во Франции. Тогда мне удалось спасти Армана, обманув Герона, и, — с очаровательной наивностью добавила Жанна, — мне показалось, что после того, как я спасла ему жизнь, он принадлежит мне. Затем меня арестовали, — продолжала она после короткой паузы, и при этом воспоминании ее свежий, мелодичный голос задрожал. — Два дня провела я в темной камере, зная, что Арман страдает за меня, и не имея понятия о том, где он и что с ним. Но Господь не оставил меня. В Тампле, куда меня перевели, один из служителей проникся состраданием ко мне. Не знаю, как он это устроил, но в одно прекрасное утро он принес мне какие-то грязные лохмотья, прося поскорее надеть их; когда же я переоделась, он попросил меня следовать за ним. Это был жалкий, грязный человек, но у него, вероятно, было доброе сердце. Взяв меня за руку, он велел мне нести его метлу и щетку. Еще только рассветало, в коридорах было темно и пусто, и на нас никто не обращал внимания. Один лишь раз какой-то солдат вздумал по-

шутить со мной; тогда мой проводник сурово оттолкнул его, сказав: «Оставь, это — моя дочь!». Я чуть не рассмеялась, но вовремя сдержалась, чувствуя, что моя свобода, а может быть, и жизнь висят на волоске. Пока мы шли по мрачным коридорам, я усердно молилась Богу за себя и за своего доброго спутника. Мы вышли по черной лестнице, потом прошли несколько узких улиц и наконец дошли до перекрестка, где стояла крытая повозка. Мой добросердечный провожатый усадил меня в эту повозку и приказал сидевшему на козлах человеку отвезти меня на улицу Сен-Жермен л'Оксерруа. Я была бесконечно благодарна этому жалкому человеку за то, что он вывел меня из ужасной тюрьмы, и охотно дала бы ему денег, — он, наверно, очень беден! — но у меня не было ни одного су в кармане. Он сказал мне, что там, куда меня повезут, я буду в полной безопасности, и просил меня терпеливо подождать несколько дней, пока я не услышу о ком-то, кому мое благополучие очень дорого и кто позаботится о моей дальнейшей судьбе.

Маргарита молча слушала наивный рассказ молодой девушки, не имевшей, по-видимому, ни малейшего понятия о том, кому она была обязана жизнью и свободой. С гордостью следила Маргарита за каждым шагом таинственного рабочего, рисковавшего собственной жизнью ради спасения женщины, которая была так дорога его другу.

— И вам ни разу не пришлось больше видеть того доброго человека, которому вы обязаны жизнью? — спросила она.

— Ни разу, — ответила Жанна, — но на улице Сен-Жермен л'Оксерруа приютившие меня добрые люди сказали мне, что грязный чернорабочий в лохмотьях был не кто иной, как таинственный англичанин, которого так уважает Арман и которого зовут Красным Цветком.

— Вы недолго оставались на той улице?

— Только три дня. На третий день я получила «сообщение» из Комитета общественной безопасности вместе с безусловным пропуском. Это значило, что я совершенно свободна. Я боялась поверить своему счастью, смеялась и плакала до тех пор, пока люди не подумали, что я схожу с ума. Предшествовавшие дни казались мне ужасным кошмаром.

— И тогда вы опять увиделись с Арманом?

— Да, ему сказали, что я освобождена, и он сейчас же пришел. С тех пор он часто приходит сюда. Сегодня он также придет.

— Вполне ли вы спокойны за себя и за него? Такому преданному помощнику Красного Цветка было бы гораздо безопаснее уйти из Парижа.

— О, не бойтесь! Арман в полной безопасности. Ему также выдали свидетельство, с которым он может беспрепятственно ездить всюду так же, как и я, не боясь ни Герона, ни его ужасных шпионов. Все могло бы быть удивительно хорошо, но печальный вид Армана отравляет всякую радость; меня даже иногда пугает выражение его лица.

— Но вы все-таки знаете причину его печали? — тихо спросила Маргарита.

— Да, кажется, знаю, — нерешительно произнесла Жанна.

— Его вождь, товарищ, друг, о котором вы только что упоминали, ради вашего спасения рисковавший собственной жизнью, в настоящую минуту находится в тюрьме, в руках людей, ненавидящих его.

Все это Маргарита проговорила с внезапной горячностью, словно стараясь в чем-то убедить не столько Жанну, сколько себя.

— Да, — со вздохом отозвалась Жанна, — Арман любил и глубоко чтил своего друга. А знаете ли, ведь от него хотят добиться каких-то сведений о дофине и для этого...

— Знаю, — просто сказала Маргарита.

— Ничего нет удивительного, что Арман не может чувствовать себя счастливым. Он не разлюбил меня, но моя любовь не дает больше ему счастья.

По мере того как молодая девушка говорила, ее головка опускалась все ниже; последние слова были произнесены уже шепотом и сопровождались таким тяжелым вздохом, от которого сердце Маргариты готово было разорваться. Первым побуждением молодой женщины было схватить этого тоскующего ребенка в свои объятия и постараться по мере сил утешить его, но ее остановило странное ощущение ледяного холода, наполнявшего сердце. Ее руки в бессилии опустились, и сама она невольно отстранилась от девушки. Все предметы вдруг запрыгали у нее перед глазами; послышались какие-то шум и свист, от которых закружилась голова.

Жанна закрыла лицо руками и разразилась неудержимым плачем. Сначала она плакала тихо, словно стыдясь своей печали, но потом, не будучи в силах более сдерживаться, дала полную волю рыданиям, потрясшим всю ее нежную, хрупкую фигурку.

При виде этого отчаяния Маргарита забыла только что охватившие ее сомнение. Она не знала, какую роль сыграла девушка в ее горе, не смела догадываться о том, какое участие принимал во всем этом Арман; в эту минуту она только чувствовала, что здесь страдает юное, неопытное любящее сердце, впервые столкнувшееся с жестокой действительностью. В душе Маргариты проснулся материнский инстинкт. Ласково подняв девушку с колен, она нежно обняла ее, положила головку к себе на плечо и постаралась как могла, успокоить ее.

— У меня есть новости, которым Арман обрадуется: я принесла ему письмо от его вождя, и вы увидите, как Арман переменится, прочитав его. Несколько дней тому назад он получил от своего вождя приказания, которых не исполнил, так как тревожился за вас; теперь он, может быть, чувствует, что его... неповиновение было невольной причиной несчастья других; оттого он так и печален. Письмо ободрит его, вы увидите.

— Вы действительно так думаете? — прошептала Жанна, и в ее больших глазах, еще полных слез, сверкнул луч надежды.

— Я уверена в этом, — сказала Маргарита.

Молодые женщины долго продолжали сидеть обнявшись; высокая стройная Маргарита с пышными золотистыми волосами и глубокими синими глазами представляла резкий контраст с тоненькой, нежной темноволосой Жанной, с ее детским личиком и пухлыми губками.

Так и застал их Арман, без доклада вошедший в комнату. С минуту он молча глядел то на любимую девушку, ради которой совершил тяжкий грех, то на свою сестру, которую его предательство осуждало на печальное одинокое вдовство. Из его груди вырвался глухой стон отчаяния.

Маргарита, увидев брата, была поражена его видом. Он сгорбился, платье висело на нем как на вешалке, а лицо положительно нельзя было узнать: щеки впали, губы, казалось, забыли об улыбке, а окруженные темной каймой глаза свидетельствовали о бессонных ночах. Мар-

гарита мысленно попросила у брата прощения за мучившие ее сомнения относительно его виновности в обрушившемся на нее несчастье. К нему снова были протянуты любящие руки, направлявшие его детские шаги, те самые нежные руки, которые не раз отирали его слезы.

— У меня есть к тебе письмо, Арман, — мягко сказал она, — письмо от *него*. Мадемуазель Ланж разрешила мне дождаться здесь твоего прихода.

Неслышно, как мышка, Жанна выскользнула из комнаты, оставив брата с сестрой наедине. Как только дверь затворилась за ней, Арман бросился в объятия к сестре. Настоящее с его печалями, угрызениями совести и позором было забыто; в памяти обоих воскресло незабвенное прошлое, когда Маргарита была для него «мамочкой», бодрой утешительницей, которой поверялись детские огорчения и юношеские безрассудства. Догадываясь, что сестре еще не была известна вся глубина его падения, Арман невольно отдавался ее ласкам, думая, что придет время, когда эти объятия не раскроются для него с такой нежностью, а уста будут закрыты для слов любви и утешения.

— Дорогая мамочка, — шептал он, как в давно прошедшие годы, — так отрадно видеть тебя!

— Я принесла тебе письмо от Перси, — сказала она, — он просил как можно скорее передать его тебе.

— Ты видела Перси? — удивился он.

Маргарита молча кивнула головой, не будучи в силах произнести ни слова, и, достав спрятанный в складках платья пакетик, передала его брату.

— Перси просил, чтобы ты прочел письмо, когда будешь один, — сказала она.

Страшно побледнев, Арман со страстной нежностью прижался к сестре.

— Теперь я уйду, — сказала Маргарита, чувствуя, что с той минуты, как она передала брату письмо мужа, ее сердце снова сжалось от странного леденящего холода, парализующего даже разум. — Ты извинишься за меня перед мадемуазель Ланж? — прибавила она, силясь улыбнуться. — Когда ты прочтешь письмо, тебе захочется видеть только ее.

Она мягко освободилась из объятий брата и направилась к двери, а он в оцепенении глядел на письмо, которое держал в руках. Лишь когда сестра взялась за дверь, он понял, что она уходит, и спросил:

— Когда я опять тебя увижу, дорогая моя?

— Прочти сперва письмо, милый, — ответила она, — и если захочешь сообщить мне его содержание, то приходи сегодня ко мне на улицу Феррайль. Если же в нем не будет ничего такого, чем бы ты захотел поделиться со мной, то не приходи, — я пойму. Прощай, милый!

Холодными как лед руками леди Блейкни взяла брата за голову и нежно поцеловала в лоб, как будто надолго прощаясь с ним.

VII

Сидя в кресле у камина, опершись головой на руку, Сен-Жюст во второй раз перечитывал письмо обманутого им друга, стараясь запомнить каждое слово:

«Арман, я все знаю и знал раньше, чем Шовелен пришел сказать мне это, чтобы насладиться видом человека, которому сообщили, что его лучший друг предал его. Однако негодяй не получил этого удовольствия, потому что я был к этому приготовлен. Я не только знаю, Арман, но и понимаю. Я, не знающий, что значит любить, понял, как мало значения имеют честь, благородство, дружба в сравнении с несчастьем, постигшим любимое существо.

Чтобы спасти Жанну, ты предал меня Герону и его своре. Мы оба — мужчины, Арман, а слово «прощение» было один только раз произнесено в течение двух тысячелетий, но Маргарита любит тебя, и в скором времени у нее, кроме тебя, может быть, никого не останется на земле. Поэтому она не должна никогда узнать... Что касается тебя, Арман, то мне кажется, пытки, которые ты теперь переживаешь, в десять тысяч раз хуже моих. Я слышал твои боязливые, крадущиеся шаги в коридоре и не хотел бы поменяться с тобой местом. Поэтому, Арман, а также и потому, что Маргарита любит тебя, я в трудную минуту хочу обратиться за помощью именно к тебе. Я в страшных тисках, но может случиться, что дружеская рука спасет меня. Я подумал о тебе, Арман, отчасти потому, что после того, как ты отнял у меня то, что дороже жизни, твоя собственная жизнь принадлежит мне, и еще отчасти потому, что

задуманный мной план представляет огромный риск для тебя.

Я поклялся, что никогда не буду рисковать жизнью кого-нибудь из товарищей ради спасения моей собственной, но теперь обстоятельства изменились. Каждый из нас двоих в аду, Арман, и я стремлюсь вырваться из моего ада, чтобы указать тебе выход из твоего.

Я просил бы тебя поселиться опять в твоей прежней квартире на улице Белого Креста; по крайней мере, я буду знать, где тебя найти в случае надобности. Если же ты когда-нибудь получишь от меня другое письмо, то, каково бы ни было его содержание, поступи во всем вполне согласно с ним и немедленно пошли с него копию Фуксу или Маргарите. Держись поближе к ним обоим. Скажи Маргарите, что я настолько простил твое неповиновение (а кроме неповиновения ничего и не было), что поручаю тебе и честь свою, и жизнь.

Я не имею возможности получить удостоверение в том, что ты исполнишь то, о чем я прошу, но я знаю, Арман, что ты это сделаешь».

Сен-Жюст в третий раз перечитал письмо.

— «Но я знаю, Арман, что ты это сделаешь», — прошептал он и, повинуясь какому-то необъяснимому чувству, тихо опустился на колени. Вся накопившаяся в его сердце горечь, все пережитые в последнее время унижения и стыд вылились в скорбном вопле: — Господи, дай мне возможность отдать за него мою жизнь!

Однако мысли Армана вскоре приняли более спокойное направление, взор прояснился; услышав за стеной осторожные шаги Жанны, он встал и спрятал письмо в карман.

Тихонько заглянув в комнату, Ланж осведомилась о Маргарите; переданные ей Сен-Жюстом извинения вполне удовлетворили ее; она рада была побыть наедине с любимым человеком, с удовольствием замечая, что из его глаз исчезло выражение преследуемого охотниками зверя. Эту счастливую перемену она приписала влиянию Маргариты и почувствовала в сердце горячую признательность к сестре, сумевшей сделать то, в чем сама она, невеста, потерпела поражение.

Благодаря письму Блейкни, Арман чувствовал себя, подобно больному, неожиданно получившему облегчение от своего недуга, но в душе оставалась безысходная грусть.

Несколько минут он и Жанна сидели молча, почти не говоря друг с другом и наслаждаясь начавшимся возвратом к прежнему счастью. Как мало прошло времени с тех пор, когда Арман в первый раз вошел в эту комнату, и как много пришлось ему пережить!

К Маргарите Сен-Жюст отправился в тот же вечер. Она уже побывала на улице Шаронн и теперь вернулась собрать свои вещи, так как решила переселиться в дом старьевщика Лукаса. На этот раз она вернулась одна, так как сэр Эндрю был занят приготовлениями к выезду из Парижа маленькой группы приютившихся у Лукаса беглецов.

«Если ты захочешь сообщить мне содержание письма, то приходи сегодня вечером ко мне», — сказала Маргарита брату при прощании и, помня эти слова, весь день томилась мучительным ожиданием. Теперь все сомнения исчезли навсегда. Тесно прижавшись к сестре, Арман передал ей, что из всех членов лиги вождь избрал именно его для помощи в решительную минуту. Когда он повторил ей заключительные слова письма, Маргарита с жаром подтвердила:

— Я знаю, что ты это сделаешь, Арман!

Стараясь прочесть мысли сестры в ее глазах, Арман встретил ясный, безмятежный взор, положивший конец его тревоге. Письмо Перси к ее брату настолько успокоило ее, насколько этого желал сам Перси. Связывая свою судьбу с судьбой Сен-Жюста в час серьезной опасности, он стремился доказать Маргарите, что Арман достоин его доверия.

VIII

— Ну, как идут наши дела?

— Мне кажется, он должен сдаться.

— Вы уже не раз говорили это. Англичане удивительно упрямы!

— В данном случае вы сами соглашались, что понадобится немало времени, чтобы он покорился. Ну вот, прошло семнадцать дней, и теперь конец уже близок.

Этот разговор происходил около полуночи в дежурной комнате, примыкавшей к внутренним камерам Консьержери. Герон, по обыкновению посетивший Блейкни

во время смены караула, собирался уже вернуться домой, как вдруг в дежурную комнату вошел Шовелен, чтобы узнать, как обстоит дело с Красным Цветком.

— Если, как вы думаете, дело идет к концу, — сказал он, понизив голос до шепота, — то почему бы не сделать последнего шага сегодня же вечером?

— Ничего против этого не имею; постоянная тревога измучила меня больше, чем этого проклятого англичанина, — ответил Герон, кивнув головой в сторону камеры, в которой был заключен сэр Перси.

— Так попробуем! — резко сказал Шовелен.

— Как хотите.

Гражданин Герон сидел, положив на стул свои длинные ноги; в маленькой комнатке он казался просто гигантом. Он сгорбился, может быть, от тех чувств, о которых только что упомянул, и его голова со взъерошенными, нависшими на лоб волосами глубоко ушла в плечи. Шовелен с легким презрением поглядывал на своего товарища. Он, без сомнения, предпочел бы вести это трудное дело единолично, но ему было прекрасно известно, что он уже не пользовался прежним доверием Комитета общественной безопасности. Что касается Герона, то благодаря своей бесчеловечной жестокости он в глазах Комитета имел большое преимущество перед Шовеленом. Декрет от 27 нивоза предоставлял ему полную свободу действий в суде над заключенными. Поэтому отсрочка суда над знаменитым Красным Цветком вначале не вызывала никаких нареканий на главного агента Комитета, и парижане терпеливо ждали дня, когда ненавистный англичанин будет наконец осужден и сложит голову на эшафоте. Однако прошло уже семнадцать дней, а день суда все еще не был объявлен, и падкие до развлечений парижане начали роптать на отсрочку давно обещанного зрелища, к которому они готовились, как к народному празднику.

Накануне вечером, когда Герон появился в партере национального театра, он был встречен выражениями неудовольствия и насмешливыми вопросами:

— Как поживает Красный Цветок?

Герон боялся, что ему грозит перспектива отправить проклятого англичанина на гильотину, не вырвав у него тайны, за обладание которой он готов был отдать все свое состояние. Шовелен, также присутствовавший в театре, слышал эти неодобрительные возгласы и потому,

несмотря на поздний час, пришел серьезно поговорить с товарищем.

— Так я попробую, — сказал он с чувством глубокого удовлетворения, видя, что главному агенту ничего не оставалось, как согласиться. — Прикажите вашим людям побольше шуметь, — прибавил он с загадочной улыбкой, — для моего разговора с англичанином нужен аккомпанемент.

Герон промычал согласие, и Шовелен молча направился к двери. Войдя в камеру, где был заключен сэр Перси, он неслышно приблизился к нему и остановился, заложив руки за спину, в своей любимой позе. Блейкни сидел у стола, опершись на исхудалую руку и устремив взор в пространство. Он не заметил прихода Шовелена, который мог теперь свободно разглядеть происшедшую в узнике перемену. Перед ним сидел человек, который от отсутствия свежего воздуха, достаточной пищи, а главное — отдыха, почти не напоминал прежнего Блейкни. В лице не было ни кровинки, кожа приняла землистый оттенок, а впалые глаза горели лихорадочным блеском.

Шовелен молча глядел на неподвижно сидевшего перед ним человека, и в его душе, несмотря на всю ненависть к Блейкни, зашевелилось невольное восхищение этим рыцарем, переносившим такие мучения ради высокой цели. Вместе с тем росла и уверенность, что, несмотря на его физическую слабость, об упадке умственных сил здесь не могло быть и речи.

Хотя по внешнему виду Перси Блейкни и являлся лишь тенью прежнего блестящего баронета, но даже и теперь, измученный, лишенный покоя и той умственной и физической деятельности, которая была насущной потребностью его жизни, он все-таки оставался тем же изящным английским джентльменом, какого Шовелен полтора года назад встретил при самом блестящем из европейских дворов. Костюм, которого давно не касалась рука вышколенного камердинера, был от лучшего лондонского портного, и сейчас на нем не было видно ни пылинки, а тонкое дорогое кружево на рукавах еще более выделяло белизну точеных рук.

Шовелен сделал легкое движение. Блейкни заметил его присутствие, и по его губам пробежала улыбка.

— Как, неужели это мой предупредительный друг, мосье Шобертен? — весело воскликнул он и, встав, церемонно поклонился.

Шовелен усмехнулся, и в его глазах сверкнул луч радости, так как он заметил, что, вставая, сэр Перси оперся на стол, словно ища опоры, а взор его на мгновение утратил свою ясность.

— Чему должен я приписать честь вашего посещения? — продолжал Блейкни, быстро оправившись от минутной слабости.

— Моей заботе о вашем благополучии, — в тон ему ответил Шовелен.

— Но разве это ваше желание не удовлетворено уже выше всякой меры? Однако позвольте предложить вам стул. Я только что хотел приняться за обильный ужин, присланный мне вашими друзьями. Не угодно ли вам разделить его со мной? Может быть, это напомнит вам наш ужин в Кале, когда вы, мосье Шобертен, временно принадлежали к духовному ордену? — Блейкни рассмеялся, указывая на большой кусок черного хлеба и кружку с водой, и любезно прибавил: — Чем богаты, тем и рады.

До крови закусив нижнюю губу, Шовелен сел на предложенный стул. Ему стоило большого труда сохранить внешнее спокойствие, чтобы не доставить своему врагу удовольствия заметить, что его дерзости попадают в цель. В этом ему помогло сознание, что стоит ему только пальцем шевельнуть, чтобы заставить эти дерзкие уста замолкнуть навеки.

— Сэр Перси, — спокойно начал он, — вам, несомненно, доставляет огромное удовольствие направлять в меня стрелы вашего сарказма. Не буду лишать вас этого преимущества: в вашем теперешнем положении эти стрелы не могут причинить никакого вреда.

— К тому же у меня в распоряжении так мало бывает случаев, когда я могу направить их в вашу очаровательную особу, — сказал Блейкни, придвигая к столу другой стул и садясь лицом к лампе.

— Совершенно верно, — сухо сказал Шовелен. — Ввиду этого факта, сэр Перси, к чему вам даром терять время и случай спастись? Полагаю, что сегодня вы уже не так полны надежд, как неделю тому назад. В этой камере вам чрезвычайно неудобно, так от чего же не положить раз навсегда конец этим неприятным условиям? Даю вам слово, что тогда вам не придется раскаиваться.

Блейкни откинулся на спинку стула и громко зевнул.

— Прошу простить меня, — произнес он. — Я никогда не чувствовал такой усталости, ведь я больше двух недель не сомкнул глаз.

— Совершенно верно, сэр Перси. Одна ночь спокойного сна оказала бы вам огромную пользу.

— Одна ночь? — воскликнул Блейкни, сопровождая свои слова чем-то похожим на прежний смех. — Ну, мне нужно, по крайней мере, неделю!

— Боюсь, что последнее мы не в силах устроить, но одна спокойная ночь очень освежила бы вас.

— Вы правы, но эти дьяволы в соседней комнате всегда страшно шумят!

— Я прикажу, чтобы в дежурной комнате всю ночь соблюдали полную тишину, — мягко продолжал Шовелен, — и чтобы вас несколько часов совершенно не беспокоили. Также будет отдан приказ, чтобы вам сейчас же подали хороший питательный ужин и чтобы вам было доставлено все, что вам понадобится.

— Это звучит чертовски заманчиво. Отчего вы не сказали этого раньше?

— Но вы сами упорствовали, сэр Перси, действуя совершенно вразрез с тем, чего требовали ваши собственные интересы.

— И поэтому вы пришли, как добрый самаритянин, — весело проговорил Блейкни, — чтобы из участия к моим горестям указать мне путь к покою, тишине, хорошему ужину и мягкой постели?

— Вы прекрасно выразились, сэр Перси, — равнодушно промолвил Шовелен, — именно в этом цель моей миссии.

— И когда же все это будет исполнено, мосье Шобертен?

— В самом непродолжительном времени, сэр Перси, если вы склонитесь на уговоры моего друга Герона, которого крайне беспокоит судьба маленького Капета. Ведь вы согласны, что исчезновение ребенка причиняет ему серьезную тревогу?

— А вам, мосье Шобертен? — спросил Блейкни с тем неуловимым оттенком дерзости, который выводил из себя его врага.

— Откровенно говоря, судьба маленького Капета очень мало интересует меня в настоящее время, — ответил Шовелен. — Я считаю, что он не может быть опасен для Франции. После «учения» в школе старика

Симона этот жалкий мальчишка не будет годиться ни в короли, ни в руководители партии. Мое горячее желание — уничтожение вашей проклятой лиги и если не смерть, то неизгладимый позор ее вождя.

Шовелен невольно проговорил все это громче, чем хотел, но в нем с неудержимой силой вспыхнула накопившаяся ненависть, а в воспоминаниях воскресли его неудачи в Кале и Булони. Он совершенно утратил выдержку, тем более что на него по-прежнему с насмешкой глядели ненавистные голубые глаза, хотя обладатель их, по-видимому, был близок к смерти. Пока Шовелен говорил, Блейкни неподвижно сидел в прежней позе. Теперь он взял неприглядный ломоть черствого хлеба, лежавший на деревянной тарелке, не спеша разломал его на небольшие кусочки и придвинул тарелку к своему собеседнику.

— Мне очень жаль, что я не могу предложить вам ничего вкуснее, — любезно сказал он, — но это — все, что ваши добрые друзья разрешили мне на сегодняшний день. — И, собрав тонкими пальцами несколько кусочков, он с видимым удовольствием принялся жевать их, потом выпил немного воды. — Даже тот уксус, которым негодяй Брогар угощал нас в Кале, был вкуснее этого, — со смехом сказал он, указывая на кружку с водой, — не правда ли, дорогой мосье Шобертен?

Шовелен ничего не ответил, с тайным удовольствием замечая, как все больше бледнело лицо Блейкни, которому все эти разговоры и старание сохранить беззаботный вид оказались не под силу. Глядя на его лицо, принявшее серый оттенок, Шовелен почувствовал что-то похожее на угрызения совести. Но это длилось недолго: его чувства так притупились от постоянного вида убийств и массовых кровопролитий, совершавшихся во имя свободы и братства, что он был уже не в состоянии испытывать жалость. Последние угрызения совести исчезли у Шовелена, когда он минуту спустя снова увидел добродушную улыбку на мертвенно-бледном лице непокорного узника.

— Это было мимолетное головокружение, дорогой сэр, — сказал Блейкни. — Так вы говорите...

Шовелен вскочил со стула. Было что-то страшное, что-то сверхъестественное в том, как этот умирающий человек издевался над витавшей над ним смертью.

— Ради Бога, сэр Перси, — сурово крикнул Шовелен, стукнув кулаком по столу, — поймите же, что такое положение просто невыносимо! Надо сегодня же покончить с этим!

— Мне казалось, сэр, что вы и вам подобные не верите в Бога, — возразил Блейкни.

— Это правда, но вы, англичане, верите.

— Верим, однако не желаем, чтобы вы упоминали Его имя.

— В таком случае — ради жены, которую вы любите...

Не успел он окончить свою фразу, как Блейкни был уже на ногах.

— Довольно! — глухо произнес он и перегнулся через стол. Несмотря на полное физическое изнеможение, в его впалых глазах сверкнул такой опасный огонек, что Шовелен невольно отступил, бросив боязливый взгляд в сторону дежурной комнаты. — Довольно! — Повторил Блейкни. — Не смейте называть ее имя или, клянусь Всемогущим Богом, Которого вы осмелились призывать, что у меня достанет силы побить вас.

Но Шовелен уже успел оправиться от нелепого страха.

— Где маленький Капет, сэр Перси? — произнес он, с невозмутимым видом встречая грозный взгляд врага. — Скажите нам, где найти его, и вы получите свободу, чтобы жить, наслаждаясь ласками первой красавицы Англии.

Ему хотелось хорошенько раздразнить Блейкни, напомнив ему о любимой жене, но не прошло и мига, как он уже получил награду за свое рвение: схватив со стола оловянный кувшин, до половины наполненный солоноватой водой, Красный Цветок дрожащей рукой швырнул его в лицо своего противника. Хотя Блейкни промахнулся и кувшин ударился в противоположную стену, Шовелен был облит с головы до ног. Пожав плечами, он вынул платок и хладнокровно вытер лицо, бросив снисходительный взгляд на обидчика, который тяжело опустился на стул, совсем обессиленный.

— Этот удар не отличался свойственной вам меткостью, сэр Перси, — насмешливо произнес он.

— По-видимому, нет! — прошептал Блейкни, теряя сознание.

Ужас охватил Шовелена при мысли, что его кол-

кость нанесла, может быть, смертельный удар. Не медля ни минуты, он бросился в дежурную комнату и крикнул:

— Водки! Живо!

Разбуженный от сладкой дремоты, Герон медленно поднялся со стула, расправляя длинные ноги.

— В чем дело? — спросил он.

— Дайте водки! — с нетерпением ответил Шовелен. — Если вы не дадите ему водки, через час его не будет в живых.

— Тысяча чертей! — зарычал Герон. — Неужели вы убили его? О, проклятый идиот!

Агент окончательно очнулся и с ругательствами ринулся мимо солдат, игравших в карты и спешивших уступить ему дорогу, так как всем было известно, насколько опасно попадаться под руку главному агенту, когда тот был чем-нибудь раздражен. Без церемоний оттолкнув в сторону Шовелена, Герон вскочил в камеру, сопровождаемый агентом, который и не подумал обижаться на грубые манеры и чересчур образный язык. Посреди комнаты оба остановились, и Герон с упреком оглянулся на товарища.

— Почему же вы сказали, что он через час умрет? — проворчал он.

— Разумеется, теперь на это не похоже, — сухо отозвался Шовелен, видя, что Блейкни сидит в своей обычной позе, облокотившись одной рукой на стол, и слабо улыбается.

— И не через час, гражданин Герон, и даже не через два, — чуть слышно произнес он.

— Ну, не глупо ли было мучиться семнадцать дней? — грубо сказал ему Герон. — Неужели вам это не надоело?

— Страшно надоело, мой друг, — ответил Блейкни.

— Да, целых семнадцать дней, — подтвердил Герон. — Вы пришли сюда второго плювиоза, а сегодня уже девятнадцатое.

— Девятнадцатое плювиоза? — повторил Блейкни со странным огоньком в глазах. — А как перевести это на христианский язык?

— Седьмое февраля, сэр Перси, — вмешался Шовелен.

— Благодарю вас, сэр. В этой проклятой норе я совершенно потерял счет времени.

Внимательно всматриваясь в узника, Шовелен заметил, что в нем что-то изменилось за тот короткий промежуток времени, пока его считали умирающим. Хотя он так же прямо, как прежде, держал голову, так же смотрел вдаль, словно его взор проникал за стены тюрьмы, но во всей фигуре сказывалось какое-то тупое равнодушие, да впалые глаза смотрели особенно устало. Шовелену казалось, будто у Блейкни не было больше сил жить, словно твердая, никому не подчинявшаяся воля и смелый ум покинули его. Как раз в эту минуту Блейкни взглянул на него, и Шовелен чуть не подпрыгнул от радости, прочитав в этих голубых глазах бесконечную усталость и жалобную мольбу. Теперь наступила его очередь смеяться и торжествовать.

IX

В продолжение нескольких минут в камере царило молчание. Теперь даже грубый Герон смутно начал сознавать перемену в заключенном.

— Проклятие! — сорвалось у него с языка. — На кой черт вы так долго ждали?

— Больше двух недель пропало даром из-за вашего бесцельного упрямства, сэр Перси, — спокойно заметил Шовелен. — К счастью, еще и теперь не поздно.

— Скажите нам, где Капет! — хрипло проговорил Герон.

— Если вы не будете мучить меня, — заговорил узник таким слабым голосом, что оба агента принуждены были приложить ухо почти к самым его губам, — если вы дадите мне выспаться и отдохнуть...

— Вы все это получите, если только скажете нам, где Капет, — строго сказал Шовелен.

— Я не могу объяснить это: путь долгий и сложный. Я могу провести вас туда, если только вы дадите мне отдохнуть.

— Никуда вы нас не поведете, — заговорил Герон. — Скажите, где Капет, а мы сумеем добраться до него.

— Я же говорю вам, что с дороги легко сбиться; это место лежит совсем в стороне от больших проезжих дорог и известно только мне и моим товарищам.

После этих слов по лицу Блейкни снова пробежала тень, словно над ним уже веяло дыхание смерти.

— Он умрет, прежде чем скажет нам все, — произнес сквозь зубы Шовелен. — У вас всегда есть с собой водка, гражданин.

Герон тоже увидел близкую опасность и, вытащив из кармана фляжку с водкой, поднес ее к губам Блейкни.

— Какая гадость! — слабо прошептал он. — Кажется, я скорее соглашусь умереть, чем выпить это.

— Где Капет? — с нетерпением настаивал Герон.

— За триста миль отсюда. Я должен сообщить кому-нибудь из товарищей, тот передаст остальным, и они все приготовят, — медленно проговорил узник.

— Где Капет? — с яростью повторил Герон и, если бы Шовелен не схватил его вовремя за руку, нанес бы своим здоровым кулаком такой удар Блейкни, от которого его уста сомкнулись бы навеки.

— Поосторожнее, гражданин! — повелительно сказал Шовелен. — Вы только что назвали меня глупцом, когда думали, что я убил его. Прежде всего нам нужна его тайна, а смерть может прийти уже потом.

— Лишь бы не в этой проклятой норе! — пробормотал Блейкни.

— Под ножом гильотины, если вы скажете нам! — закричал Герон, теряя последнее самообладание. — Если же вы не захотите говорить, то сгниете с голода в этой норе, да! Я сегодня же вечером прикажу замуровать стену, и ни одна живая душа не переступит через этот порог, пока крысы вдоволь не наедятся вашего грешного тела.

Узник медленно поднял голову, по его спине пробежала лихорадочная дрожь, а в устремленных на Герона глазах выразился неподдельный ужас.

— Я хочу умереть на открытом воздухе, — прошептал Блейкни.

— Так скажите нам, где Капет.

— Это невозможно! Я могу только велеть своим товарищам выдать его вам. Неужели вы думаете, что я не сказал бы, если бы мог?

— Таким путем вы ничего не добьетесь, гражданин, — спокойно вмешался Шовелен. — У него в голове все перепуталось, и он вряд ли способен в настоящую минуту дать какие-нибудь ясные указания, — обратился он к Герону.

— Так что же прикажете мне делать? — сурово проворчал Герон. — Он не сможет прожить больше суток и в течение этого времени будет становиться все слабее и слабее...

— Если вы не сделаете некоторых уступок в режиме.

— Ну, это только продолжит до бесконечности теперешнее положение, а тем временем маленькое отродье куда-нибудь сплавят, может быть, за границу.

Блейкни сидел, положив голову на руки, погружаясь в оцепенение. Герон грубо схватил его за плечо.

— Пожалуйста, без этого! — крикнул он. — Мы еще не порешили с Капетом!

— Говорю вам, что все это ни к чему не поведет! — с твердостью вмешался Шовелен. — Если вы не желаете отказаться от мысли отыскать Капета, то должны сдержать себя и применить дипломатию там, где не помогает сила.

— Дипломатию? — фыркнул Герон. — Помнится, она сослужила вам хорошую службу в Булони прошлой осенью. Не правда ли, гражданин Шовелен?

— Теперь она служит мне лучше, — невозмутимо возразил последний. — Вы не можете не признать, что без нее вы не имели бы ни малейшей надежды найти Капета.

— Ну да, вы предложили извести человека голодом, но насколько это подвинуло наше дело — еще вопрос. А что если проклятый англичанин не захочет нам ничего открыть, сам же тем временем подохнет на моих руках?

— Этого не случится, если вы исполните его желание. Дайте ему теперь сытно поесть и хорошенько выспаться до утра.

— А утром он опять меня надует? Я уверен, что у него в голове уже готов целый план и что он собирается сыграть с нами какую-нибудь ловкую штуку.

— Это более чем возможно, — сухо отозвался Шовелен, — хотя, — с сомнением прибавил он, глядя на своего некогда блестящего врага, — не похоже, чтобы он был теперь в состоянии заниматься интригами и заговорами. Последуйте моему совету.

Шовелен обладал даром говорить убедительно, и эта способность оказала свое действие на главного агента, созданного из более грубого материала.

— Ваш совет не очень-то помог гражданину Колло прошлой осенью в Булони, — снова напомнил он, плюнув на пол в доказательство своего презрения.

— Взгляните на него, гражданин, — возразил Шовелен, — и вы согласитесь, что если немедленно не принять каких-нибудь мер, то через сутки будет уже поздно. Что тогда? А вот что, — прибавил он, понизив голос до шепота, — рано или поздно какой-нибудь беспокойный член Конвента пустит слух, что Капета нет больше в Тампле, что вместо него там содержится маленький нищий и что вы, гражданин Герон, заодно с надзирателями обманываете народ. А что будет дальше?

Он выразительным движением провел рукой по шее.

— Я сейчас заставлю этого проклятого англичанина говорить, — произнес Герон, сопровождая свои слова отборными ругательствами.

— Сейчас нельзя, — решительно сказал Шовелен. — В теперешнем своем состоянии он не способен ничего объяснить, если бы даже и хотел. Положим, люди такого сорта всегда преувеличивают свои силы, но все-таки посмотрите на него, гражданин Герон, и вы убедитесь, что нам нечего бояться с его стороны.

В душе Герона происходила борьба. С одной стороны, его пугала перспектива выпустить англичанина из этой тесной камеры, где он день и ночь находился под самым бдительным надзором; с другой же его прельщала перспектива снова завладеть Капетом, что могло никогда не осуществиться, если узник не пожелает ничего объяснить на словах.

— Если бы только я мог быть уверен, что вы хотите того же, чего и я! — нехотя произнес Герон.

— Неужели вы не верите, что я всем сердцем ненавижу этого человека? — серьезно ответил Шовелен. — Я хочу его смерти, но еще гораздо сильнее жажду его безусловного позора! Вот для чего я и помог вам. Если бы вы сделали, как намеревались, и, захватив его, сразу отправили на гильотину, создав ему ореол мученика, то он и тут одурачил бы вас и сделал бы посмешищем в глазах толпы, — в этом можете быть уверены. Тогда он был в полной силе, судьба всегда благоприятствовала ему, и ни вы со своими негодяями, которых так легко подкупить, ни целая парижская гвардия ничего не могли бы с ним поделать. Я его знаю, а вы — нет. Не из моих только

рук он сумел выскользнуть: спросите гражданина Колло д'Эрбуа, спросите сержанта Бибо у Менильмонтанской заставы или Сантерра с его гвардейцами — они много могут порассказать вам.

— И все-таки вы советуете мне выпустить его завтра из тюрьмы?

— Вы сами видите, в каком он теперь состоянии, гражданин.

— Если бы я только знал, что возвращение Капета для вас так же важно, как и для меня! — сказал Герон, начиная сдаваться.

— Совершенно так же важно, если все будет устроено через англичанина, — многозначительно подтвердил Шовелен.

Прежде чем ответить, Герон обошел вокруг стола, грубым движением поднял голову узника, бессильно склоненную на протянутые руки, и устремил испытующий взор на восковое лицо, глубоко запавшие глаза и бледные бескровные губы; затем он со злобным смехом, опустив голову на стол, повернулся к своему достойному товарищу и сказал:

— Кажется, вы правы, гражданин Шовелен, теперь ему никакие силы не помогут. Говорите, что вы придумали!

X

Отойдя с главным агентом в другой конец камеры, Шовелен приказал сержанту подать два стула, и оба уселись на них; отсюда им было видно все, что происходило и в дежурной комнате, и в той части камеры, где Блейкни по-прежнему сидел у стола, опустив голову на руки.

— Прежде всего, — начал после минутного молчания Шовелен, понизив голос до шепота, — скажите мне, чего вы сильнее желаете: смерти англичанина — здесь или на гильотине — или возвращения Капета?

— Прежде всего мне нужен Капет, — свирепо произнес Герон. — Ведь от этого зависит целость моей собственной головы. Разве я не высказался об этом совершенно ясно, черт бы вас побрал?

— Это правда, но я хотел еще раз увериться, что

не ошибаюсь, думая именно так. А теперь я объясню вам свой план. Прежде всего дайте нашему узнику хорошенько поесть, выспаться и выпить стакан доброго вина, это сразу оживит его и придаст сил; затем снабдите его бумагой и чернилами — пусть он напишет кому-нибудь из друзей, а тот, в свою очередь, сообщит всем прочим, чтобы они приготовились выдать нам Капета. Письмо должно быть написано так, чтобы все эти джентльмены ясно поняли, что их возлюбленный вождь передает нам некоронованного короля Франции в обмен за собственное освобождение. Я думаю, что чем позже друзья нашего узника узнают о предстоящих подвигах своего вождя, тем безопаснее будет для нас, поэтому я предлагаю объяснить ему, что тот из его товарищей, к кому он обратится теперь с письмом, будет сопровождать нас до конца путешествия; в случае надобности его можно будет послать под строгим конвоем вперед с личным письмом Красного Цветка к членам его лиги.

— Что же в этом хорошего? — со злостью прервал его Герон. — Неужели вы хотите тащить с собой его проклятого сообщника, чтобы он помог бежать своему вождю?

— Имейте немного терпения, мой дорогой! — со спокойной улыбкой остановил его Шовелен. — Успеете раскритиковать меня в пух и прах, когда я кончу. Я ведь предлагаю, чтобы с ним отправился не только один из друзей прекрасного вождя, но и его жена, Маргарита Блейкни.

— Женщина! Это еще на кой черт?

— Сейчас объясню. Во всяком случае, я ничего не сказал бы об этом узнику; пусть это будет приятным сюрпризом. Она может присоединиться к нам, когда мы уже выедем из Парижа.

— А где же вы найдете ее?

— На этих днях я сам выследил ее на улице Шаронн, откуда она, вероятно, не думает уезжать, пока ее муж в Консьержери. Но об этом после. Я сам позабочусь, чтобы письмо, которое англичанин напишет сегодня вечером, попало в надлежащие руки, а вы, со своей стороны, приготовьтесь к путешествию. Мы должны выехать на рассвете, приняв все меры предосторожности на случай, если англичанин устроит где-нибудь засаду.

— От этого дьявола всего можно ожидать! — проворчал Герон.

— На это не похоже, но лучше приготовиться ко всему. Возьмите надежный конвой, человек двадцать-тридцать хорошо вооруженных солдат. Этого будет достаточно, так как всех членов лиги, вместе с начальником, всего двадцать. А теперь вот что я намерен предложить для нашей защиты на случай, если на нас нападут «друзья» из лиги. Конечно, арестант поедет в закрытом экипаже; вы поедете с ним, надев на него оковы, чтобы предупредить всякую возможность бегства. Но, покидая Париж, — здесь Шовелен приостановился, чтобы придать еще больше веса своим словам, — мы объясним нашему невольному спутнику, что при малейшей попытке с его стороны к бегству, при малейшем подозрении, что он обманул нас и устроил засаду, вы, гражданин Герон, немедленно отдадите приказание, чтобы на его глазах тут же расстреляли сначала его друга, а затем и жену.

Герон протяжно присвистнул, инстинктивно бросив украдкой взгляд на узника, потом с восхищением остановил свой взор на товарище.

— Клянусь сатаной, гражданин Шовелен, — наконец произнес он, — сам я никогда не выдумал бы ничего подобного!

— Я думаю, что это будет хорошо, — скромно ответил Шовелен, — если только вы не предпочтете арестовать эту женщину и оставить ее здесь в качестве заложницы.

— Нет, нет, — возразил Герон с грубым смехом, первое нравится мне гораздо больше. Так будет вернее. А то я все время тревожился бы: не сбежала ли она. Нет, пусть лучше будет на глазах. А он никогда не допустит, чтобы ее расстреляли. Этот чудесный план делает вам честь. Если англичанин надует нас, и мы не найдем Капета, я охотно собственными руками сверну шею и его другу, и его жене.

— Не завидую такому удовольствию, — сухо заметил Шовелен. — Пожалуй, вы правы: безопаснее иметь женщину перед глазами. Супруг не рискнет ее жизнью ради собственной безопасности, за это я ручаюсь. Ну, гражданин Герон, теперь вы знаете мой план; согласны ли вы следовать ему?

— До последней мелочи, — прозвучал ответ.

XI

Хроникеры того времени подробно рассказывали, как в час ночи на 20 плювиоза второго года Республики главный агент Комитета общественной безопасности отдал приказание подать горячий ужин с вином тому самому заключенному, которого в предыдущие две недели держали на сухом черном хлебе и воде. Дежурный сержант получил приказ предоставить узнику полный покой до шести часов утра, а затем подать ему на завтрак все, что тот пожелает. Отдав эти приказания и сделав необходимые распоряжения относительно завтрашнего путешествия, Герон вернулся в Консьержери.

— Ну, что арестант? — с лихорадочным нетерпением обратился он к ожидавшему его Шовелену.

— Ему, кажется, лучше; он бодрее, — ответил тот.

— Вы видели его после того, как он поужинал?

— Я наблюдал его от двери. Он хорошо поел и выпил, а затем сержанту стоило большого труда не дать ему заснуть до вашего прихода.

— Значит, можно приступить к письму, — с живостью сказал Герон. — Перо, чернила и бумагу, сержант! — скомандовал он.

— Все уже на столе в камере, гражданин, — доложил сержант, открывая перед агентами тяжелый железный лист при входе в камеру и затем снова закрывая его за ними.

Случайно или намеренно лампа на этот раз была поставлена так, что свет от нее падал на лицо пришедших, оставляя в тени лицо Блейкни, который сидел за столом в своей обычной позе, играя с пером и чернильницей.

— Надеюсь, вы остались всем довольны, сэр Перси? — спросил Шовелен с насмешливой улыбкой.

— Благодарю вас, — вежливо ответил Блейкни.

— Надеюсь также, что вы чувствуете себя бодрее?

— Гораздо бодрее, только я чертовски хочу спать, и если вы будете так любезны, что изложите все в кратких словах...

— Вы не переменили своего намерения, сэр? — спросил Шовелен с оттенком беспокойства в голосе, которое он тщетно старался скрыть.

— Нет, дорогой мой Шобертен, — с неизменной вежливостью ответил Блейкни, — я не переменил своего намерения.

— И вы готовы указать нам место, где теперь спрятан маленький Капет?

— Я готов сделать, что угодно, лишь бы только выбраться из этой проклятой норы.

— Прекрасно! Мой товарищ, гражданин Герон, уже позаботился о конвое в двадцать человек, набранных из лучших отрядов парижской гвардии; они будут сопровождать нас — вас, моего товарища и меня, — куда вы укажете. Однако вы ни минуты не должны думать, что мы обещаем вам жизнь и свободу, если наша поездка окажется неудачной.

— Мне и в голову не приходило делать такие дикие предположения.

Шовелен бросил на Блейкни проницательный взгляд — что-то в тоне последнего напомнило ему Кале и Булонь. Недолго думая, он схватил лампу и поставил ее так, чтобы она ярко осветила лицо Красного Цветка.

— Не правда ли, так удобнее, дорогой мосье Шобертен? — с любезной улыбкой осведомился последний.

Его лицо, сохранявшее еще серый оттенок, было совершенно спокойно, хотя и носило следы сильного утомления, но в глазах Шовелен подметил прежний насмешливый огонек; однако он тут же приписал его своему расстроенному воображению.

— Если же путешествие окажется успешным и маленький Капет попадет целый и невредимый в наши руки, — снова сухо заговорил Шовелен, — то я не вижу причины, почему бы нашему правительству не применить к вам данного ему права миловать.

— Этим правом так часто пользовались, дорогой мосье Шобертен, что оно у всех в зубах навязло, — с неизменной улыбкой ответил Блейкни.

— Впрочем, об этом рано говорить. Мы еще с вами потолкуем, когда придет время. Сейчас я ничего не обещаю.

— А пока мы лишь даром теряем драгоценное время, и я чертовски устал.

До сих пор Герон не принимал никакого участия в разговоре, но теперь потерял терпение.

— Да, мы напрасно теряем время, гражданин Шовелен, — проворчал он. — У меня еще много дел, если мы отправляемся на рассвете. Пишите скорее проклятое письмо!

— Я с удовольствием вижу, сэр Перси, — сказал

Шовелен, не обращая внимания на своего товарища, — что мы вполне понимаем друг друга. Времени в нашем распоряжении совсем немного, а между тем надо обдумать все подробности поездки. Будьте любезны указать мне, в каком направлении вы предполагаете отправиться завтра.

— Все время на север.

— К морскому берегу?

— Место, куда мы должны отправиться, лежит в семи милях от морского берега.

— Мы отправимся через Бове, Амьен, Аббевиль, Креси и так далее. Не правда ли?

— Совершенно верно.

— До лесов, прилегающих к Булони?

— Да, и там мы свернем с проезжей дороги, и вам придется довериться моему руководству.

— Мы могли бы сейчас же отправиться туда, сэр Перси, оставив вас здесь.

— Конечно могли бы, но тогда вы не найдете ребенка. Ведь это недалеко от моря, и мальчик может легко ускользнуть из ваших рук.

— А мой товарищ Герон в отчаянии так же легко может отправить вас на гильотину.

— Совершенно верно, — спокойно ответил Блейкни, — но мне кажется, мы уже решили, что руководить этим маленьким путешествием буду я? Ведь вам не так нужен дофин, как мое участие в этом предательстве?

— Вы как всегда правы, сэр Перси. Итак, после Креси мы вполне подчиняемся вашим указаниям.

— На путешествие понадобится не более трех дней, сэр.

— Которые вы проведете в карете в обществе моего друга Герона, — произнес Шовелен. — Затем я полагаю, сэр Перси, что вы пожелаете списаться с кем-нибудь из ваших единомышленников.

— Конечно. Кто-нибудь должен же передать другим... тем, кто охраняет дофина.

— Вот именно. Поэтому прошу вас написать одному из ваших друзей, что вы решили передать нам дофина в обмен на вашу личную свободу.

— Вы только что сказали, что не можете мне обещать эту свободу, — спокойно возразил Блейкни.

— Если все окончится благополучно и если вы на-

пишете такое письмо, какое я вам продиктую, — презрительно произнес Шовелен, — то мы можем даже гарантировать вам свободу.

— Ваша доброта превосходит всякие ожидания, сэр.

— Так прошу вас писать. Кому из ваших друзей предназначается эта честь?

— Моему зятю, Арману Сен-Жюсту. Я думаю, что он еще в Париже. Он может уведомить остальных... Что вы желаете, чтобы я написал? — спросил Блейкни, придвигая к себе бумагу, перо и чернила и готовясь писать.

— Начните письмо как хотите... Теперь продолжайте! — И Шовелен начал медленно диктовать: «Я не могу больше переносить такое состояние. Гражданин Герон, так же, как и мосье Шовелен... — да, сэр Перси, Шовелен, а не Шобертен; Ш-о-в-е-л-е-н, так верно... — сделали для меня из тюрьмы настоящий ад».

Блейкни с улыбкой взглянул на него.

— Вы сами на себя клевещете, дорогой мосье Шобертен! — сказал он. — Мне здесь было прекрасно.

— Я хотел выразиться перед вашим другом о вашем поступке как можно мягче, — сухо возразил Шовелен.

— Благодарю вас, сэр. Продолжайте, пожалуйста!

— «...настоящий ад». Написали? «И мне пришлось уступить. Завтра на заре мы отправляемся в путь, и я приведу гражданина Герона туда, где скрыт дофин. Но власти требуют, чтобы в этой экспедиции меня сопровождал кто-нибудь из моих сотрудников, принадлежащий к членам лиги Красного Цветка. Поэтому и прошу Вас»... или «требую», как хотите, сэр Перси.

— Я напишу: «Прошу Вас»... Это положительно становится очень интересно.

— «...присоединиться к экспедиции. Мы отправляемся на заре, и Вас просят быть у главных ворот тюрьмы ровно в шесть часов. У меня есть удостоверение властей, что Вы будете неприкосновенны; если же Вы откажетесь сопровождать меня, то завтра меня ожидает гильотина».

— «Меня ожидает гильотина» — эти слова звучат очень игриво, не правда ли, мосье Шобертен? — сказал Блейкни, видимо, нисколько не удивленный тем, что сам написал под диктовку. — Знаете, мне даже весело было писать: все это так напомнило мне счастливые булонские дни!

Шовелен плотно сжал губы и, не отвечая на насмешку, ограничился тем, что кивнул головой в сторону дежурной комнаты, откуда доносились громкие разговоры и смех, к которым примешивалось иногда бряцание оружия; все свидетельствовало о присутствии значительного числа солдат.

— Но в Булони были несколько иные условия, — невозмутимо заметил он. — Угодно вам надписать теперь письмо, сэр Перси?

— С большим удовольствием, — ответил Блейкни, с изящным росчерком подписывая свое имя.

Взяв у него из рук письмо, Шовелен внимательно прочел его, точно искал какого-то тайного смысла в им самим продиктованных словах; тщательно исследовав подпись и удостоверившись, что в письме не было никакого знака, который указывал бы, что написанному следует придавать иное значение, он сложил письмо и спрятал в карман.

— Берегитесь, мосье Шобертен, — беззаботно сказал сер Перси, — письмо может прожечь дыру в вашем элегантном камзоле.

— Оно не успеет сделать этого, сэр Перси, — спокойно ответил Шовелен, — и если вы сообщите мне адрес гражданина Сен-Жюста, я немедленно отнесу ему письмо.

— В такой поздний час? Бедняга Арман! Он, вероятно, уже в постели. Он живет на улице Белого Креста, сэр... но ведь вы сами были там, гражданин Шобертен. А теперь нельзя ли лечь спать? — прибавил Блейкни, громко и демонстративно зевая. — Вы сказали, что мы выедем на заре, а я чертовски устал.

Откровенно говоря, этого нельзя было подумать, глядя на него, и Шовелен, несмотря на строгую обдуманность своего плана, невольно почувствовал, как в душу прокрадывался страх. Хотя лицо Блейкни по-прежнему было страшно бледно, а руки казались восковыми, но в глубине его запавших с красными веками глаз сверкал странный огонек, словно они видели что-то такое, что недоступно обыкновенному человеческому зрению. Шовелен взглянул на Герона, думая, что тот разделяет его опасения, но главный агент Комитета общественной безопасности спокойно развалился на стуле, посасывая трубочку, и с видом полного удовлетворения смотрел на узника.

— Славную штуку мы с вами устроили, гражданин Шовелен! — снисходительно произнес он.

— Вы думаете, что все в порядке и нам не о чем беспокоиться? — спросил Шовелен с тревожной ноткой в голосе.

— Разумеется, все в полном порядке. Теперь отправляйтесь с письмом, а я пойду отдать последние приказания на завтра, но спать буду в дежурной комнате.

— А я — на этой уютной постели, — весело заключил Блейкни, вставая со стула. — Честь имею кланяться, граждане!

XII

В два часа ночи Арман Сен-Жюст был разбужен сильным, нетерпеливым звонком. В то время в Париже такой поздний визит мог иметь только одно объяснение, и Арман, хотя в его распоряжении и было безусловное охранное свидетельство, подумал, что по тем или иным причинам он попал в список «подозрительных» и что в ближайшем будущем его ожидают судебное разбирательство и смертный приговор.

Правду сказать, такая перспектива не устрашала, а лишь немного печалила, да и то не ради его самого; жизнь стала ему ненавистна с тех пор, как он покрыл себя позором. Ему сделалось грустно из-за Жанны. Она была еще так молода и так любила его. Она станет горячо оплакивать своего возлюбленного, и это будет первая горькая чаша, которую ей придется испить в жизни. Но печаль в ее годы не может быть вечной; Жанна со временем утешится. Так даже будет лучше. Ведь он, Арман Сен-Жюст, несмотря на свою страстную любовь, до сих пор не подарил молодой девушке ни одной минуты неомраченного счастья; из-за него ее прекрасные глаза пролили немало слез. В жертву любви к ней он принес честь, дружбу, верность; ради ее освобождения из рук безбожных негодяев он уподобился Каину, совершив деяние, которое взывало к небу о мщении, и это бросило тень на его счастье... на их счастье.

Новый сильный звонок оторвал его от мрачных мыслей. Он зажег свечу и, не дав себе труда одеться, вы-

шел в переднюю, а затем отворил дверь на лестницу, откуда послышались обычные в то время слова: «Именем народа!» — произнесенные, однако, не грубым голосом, а совершенно спокойно, без всякой резкости. К своему великому удивлению, Сен-Жюст, отворив дверь, вместо гвардейских мундиров, штыков и красных шапок увидел человека в черном, с бледным, серьезным лицом.

— Гражданин Шовелен! — прошептал Арман, скорее изумленный, чем испуганный этим неожиданным появлением.

— Он сам, гражданин, к вашим услугам, — своим обычным, немного насмешливым тоном ответил Шовелен. — Я принес вам письмо от сэра Перси Блейкни. Вы разрешите мне войти?

Арман машинально посторонился, давая ему дорогу, затем запер дверь за своим ночным посетителем и со свечой в руке проводил его в комнату.

— Зажечь лампу? — спросил молодой человек, поставив свечу на стол.

— Это вовсе не нужно, — сухо ответил агент. — Мне надо лишь передать вам письмо и спросить на него ответ. Заключенный написал это письмо в моем присутствии, — продолжал он, вынимая из кармана письмо Блейкни и протягивая его Арману. — Прошу вас прочесть.

Присев у стола и поднеся письмо поближе к свече, Арман принялся за чтение. Два раза он медленно прочел письмо, стараясь, подобно Шовелену, отыскать истинный смысл того, что Блейкни написал собственной рукой. Ни одной минуты не сомневался он в том, что все это было написано лишь для того, чтобы обмануть врагов. Безусловно веря, что Блейкни не способен на низкое предательство, Арман в то же время чувствовал, что сам он, как верный друг и помощник Блейкни, должен был инстинктивно понять, чего ожидал от него его начальник.

Вдруг ему вспомнилось письмо, переданное ему Маргаритой, наполнившее его душу радостной надеждой, и особенно ярко выступили перед мысленным взором слова:

«Если ты когда-нибудь получишь от меня другое письмо, то, каково бы ни было его содержание, поступи во всем вполне согласно с ним и немедленно пошли копию с него Фуксу или Маргарите».

Теперь ему стало совершенно ясно, что он должен делать. Шовелен со свойственным ему терпением молча ожидал, пока молодой человек прочтет письмо, и видя, что Арман окончил чтение, спокойно сказал:

— Только один вопрос, гражданин, и я не стану больше задерживать вас. Но прежде прошу возвратить мне это письмо. Это — драгоценный документ, который на веки вечные должен сохраниться в национальных архивах.

В то время, как он говорил, Арман по какому-то вдохновению, осеняющему людей в критические минуты, будто нечаянно поднес бумагу слишком близко к свечке. Бумага вспыхнула, и прежде чем Шовелен опомнился, доброй половины письма уже не существовало, и Арман, бросив остальную часть на пол, тушил ее ногой.

— Мне очень жаль, что так случилось, гражданин, — спокойно произнес он.

— Совершенно излишняя и бесполезная преданность, — заметил Шовелен, с трудом удержав готовое сорваться с губ проклятие. — Нелепое истребление этого документа не помешает той славе, какую рыцарь Красного Цветка заслужит последним своим поступком.

— Я вовсе не намеревался обсуждать поступки своего вождя, — ответил Арман, — или лишать их той гласности, которой вы, кажется, желаете для них не менее меня.

— Гораздо больше вас, гражданин! Безупречный рыцарь Красного Цветка, доблестный, благородный английский джентльмен соглашается выдать нам некоронованного короля Франции в обмен на собственную жизнь и свободу! Мне кажется, что самый злейший враг не мог бы пожелать более блестящего окончания карьеры авантюриста и утраты репутации храбреца, которому нет равного во всей Европе. Но довольно об этом! Вероятно, вы поступите согласно желаниям сэра Перси, гражданин?

— Разумеется! — ответил Арман.

— В шесть часов утра вы будете у главного входа в тюрьму, а затем отправитесь с экспедицией в качестве заложника. Вам не страшно, гражданин Сен-Жюст?

— Чего же мне страшиться?

— Ведь ваша жизнь будет служить порукой, что ваш начальник не собирается сыграть с нами какой-нибудь неприятной шутки. Между прочим, мне сейчас

вспомнились некоторые неприятные условия, повлекшие за собой арест сэра Перси Блейкни.

— Вы подразумеваете мое предательство, — спокойно произнес молодой человек, хотя его лицо покрылось смертной бледностью, — и ту бессовестную ложь, которая заставила меня продать свою честь и сделала из меня Иуду Искариота? Когда вы вовлекли меня в это преступление, Жанна Ланж была уже на свободе.

— Да, но не в безопасности.

— Ложь! Будьте вы трижды прокляты! Я полагаю, что вы имеете больше причин бояться. Мне кажется, что если бы я придушил вас, меня не так мучили бы угрызения совести.

— И этим вы оказали бы плохую услугу своему начальнику, — с холодной усмешкой вставил Шовелен. — Сэр Перси Блейкни заплатит своей жизнью, если завтра в шесть часов утра я не окажусь на месте, — так мы условились с Героном.

— О, вы очень заботитесь о спасении собственной шкуры! Но вам нечего бояться меня: я исполню приказания своего вождя, а он не отдавал приказа убить вас.

— Это очень мило с его стороны. Значит, мы можем рассчитывать на вас? И вас ничто не пугает?

— Пугает, что рыцарь Красного Цветка подставит мне ловушку в отмщение за причиненное мной безграничное зло? — гордо произнес Арман. — Нет, сэр, этого я не боюсь. Я две недели молил Бога, чтобы Он позволил мне отдать жизнь... за нашего вождя!

— Я думаю, что вы напрасно молитесь Богу: молитвы никогда не бывают услышаны. А в настоящем случае ваша жертва оказалась бы совершенно бесполезной, потому что сэр Перси вряд ли рискнет еще и другой жизнью, которая также будет служить залогом того, что он не обманывает нас.

— Другой жизнью? Но чьей же?

— Жизнью вашей сестры, леди Блейкни, которая завтра также присоединится к нашей экспедиции. Этого сэр Перси еще не знает. Это будет для него приятным сюрпризом. При малейшем подозрении в обмане со стороны сэра Перси вы оба с леди Блейкни будете немедленно расстреляны на его глазах.

Молодой человек задрожал от гнева. Им овладело отвращение к себе и к тому преступлению, которое повлекло за собой такое положение вещей. Его глаза за-

стлал красный туман, сквозь который он видел носившихся в воздухе злых духов, шептавших ему: «Убей его! Очисти землю от этого исчадия ада!»

Мало-помалу спокойная уверенность Шовелена привела Сен-Жюста в себя, и он подчинился внушениям разума, предостерегавшего его от насилия. Красный туман рассеялся, злые духи исчезли, и из тумана выглянуло только бледное насмешливое лицо террориста.

— Не стану больше задерживать вас, гражданин, — сказал Шовелен. — До рассвета вы можете три-четыре часика поспать, а мне осталось еще много работы. Доброй ночи, гражданин!

— Доброй ночи! — машинально произнес Сен-Жюст, со свечой в руке провожая гостя.

Вернувшись в свою комнату, Сен-Жюст запер дверь на ключ, зажег лампу, разложил на столе подгоревшие клочки бумаги и внимательно, почти с благоговением перечел написанное. Его глаза были полны слез, но он не стыдился, ведь их никто не видел. По сохранившимся отрывкам он восстановил текст письма и написал копию, прибавив от себя несколько слов к Маргарите:

«Вот что я получил от Перси через Шовелена. Я ничего не спрашиваю и ничего не понимаю. Он написал письмо, которому я слепо повинуюсь. В предыдущем письме он требовал, чтобы я безусловно повиновался всему, что он напишет, каково бы ни было содержание письма, и чтобы я был с тобой в постоянных сношениях. То и другое исполняю крайне охотно, но считаю долгом предупредить тебя, мамочка, что Шовелен хочет и тебя присоединить к нашему путешествию. Перси этого не знает, иначе он не поехал бы. Его враги боятся, что у него в голове уже созрел план собственного освобождения и помещения дофина в безопасное место. Этот план они надеются уничтожить тем, что возьмут нас с тобой заложниками. Одному Богу известно, как охотно я отдал бы жизнь за нашего вождя, но твоя жизнь, дорогая мамочка, — самая священная на свете. Я думаю, что поступаю справедливо, предупреждая тебя. Господь да поможет всем нам!»

Вложив эту записку в копию с письма Блейкни и запечатав пакет, Арман со свечой в руке спустился с лестницы и с трудом достучался к привратнице.

— Вот письмо к моей сестре, гражданка, — сказал Арман. — Она живет на улице Шароннн, недалеко от

укреплений, и должна получить его не позже, чем через час.

Привратница в ужасе всплеснула руками.

— На улице Шаронн, недалеко от укреплений! И через час! — воскликнула она. — Пресвятая Дева! Да это невозможно, гражданин! Кто возьмется за это? Да и как туда добраться?

— Добраться туда необходимо, гражданка, — твердо произнес Арман, — и немедленно; это вовсе недалеко, а здесь посланного будут ожидать пять золотых луидоров.

Глаза бедной труженицы загорелись при мысли о пяти луидорах. Ведь при условии бережливости на них можно прокормиться по крайней мере два месяца.

— Давайте письмо, гражданин, — сказала она. — Я только оденусь потеплее и сама снесу его. Мальчишке не годится идти туда в такой поздний час.

— Принесите мне коротенький ответ от моей сестры, — проговорил Арман, которого тяжелые условия научили быть осторожным. — Как только вернетесь, приходите ко мне в комнату с ответом, и вы тотчас получите пять луидоров.

Привратница скоро была готова. Дав последние инструкции, Арман проводил ее до дверей. Была темная ночь, шел мелкий дождь. Подождав, пока женщина скрылась в тумане, Сен-Жюст с тяжелым вздохом вернулся в свою комнату.

XIII

В маленькой комнатке над лавкой старьевщика Лукаса сидели Маргарита Блейкни и сэр Эндрю Фукс. На столе перед ними лежало письмо Армана с копией письма Блейкни. Отправив брату с привратницей короткий ободряющий ответ, Маргарита немедленно вызвала к себе сэра Эндрю, поселившегося в том же доме, чтобы быть постоянно у нее под рукой.

До рассвета оставалось еще около часа, и на дворе было совсем темно. В оконные стекла стучал мелкий дождь со снегом, а ледяной ветер не пропускал ни одной щелочки в стенах старого дома, через которую он мог проникнуть в комнату. Однако ни Маргарита, ни

Фукс не замечали холода. Завернувшись в плащи, они не обращали внимания на струйки ледяного воздуха, заставлявшие пламя стоявшей на столе небольшой лампы колебаться и коптить.

— Теперь я понимаю, что подразумевал Перси, когда брал с меня обещание не вскрывать этого пакета до тех пор, пока нам с вами, сэр Эндрю, не покажется, будто он готов совершить низкое предательство, — произнесла Маргарита тем спокойным тоном, каким люди говорят в минуты безграничного отчаяния. — Он-то предатель! Господи! — Она остановилась, чтобы подавить готовое вырваться из груди рыдание, а затем продолжала прежним спокойным тоном: — Вы так же, как и я, думаете, что пришло время распечатать пакет?

— Без всякого сомнения, леди Блейкни, — серьезно ответил Фукс. — Я ручаюсь головой, что у сэра Блейкни уже две недели тому назад зародился план, который он теперь приводит в исполнение. Никогда не верил, чтобы такому человеку, как Перси, суждено было погибнуть от руки этих негодяев.

В устремленных на него прекрасных глазах, отуманенных слезами, светилась бесконечная благодарность за эти слова. Да, десять дней прошло с тех пор, как Маргарита виделась с мужем. С того дня она постоянно старалась отогнать преследовавшие ее страшные видения, но не могла не думать о все возраставшей слабости Перси, о возможном помрачении этого блестящего ума, о постепенном исчезновении физических сил в могучем организме.

— Да благословит вас Бог за вашу преданную дружбу, сэр Эндрю, — сказала она с печальной улыбкой. — Если бы не вы, я давно утратила бы всякую бодрость, а последние десять дней положительно свели бы меня с ума. Бог видит, что у меня достало бы мужества перенести решительно все, кроме его смерти! Поэтому я и боюсь, сэр Эндрю... что, когда он узнает, что я так же буду заложницей, как и Арман, что я должна своей жизнью отвечать за его жизнь... он тогда откажется от своего плана... что он... Господи! Скажите же, что мне делать?

— Не открыть ли нам сперва пакет? — мягко спросил сэр Эндрю. — Тогда мы будем знать, как поступить, и я глубоко уверен, что все кончится очень хорошо.

Спокойное мужество сэра Эндрю и его безграничная

вера в доблестного вождя лиги снова оказали действие. Отерев слезы, Маргарита распечатала пакет; в нем оказались два письма: одно без адреса, предназначавшееся, очевидно, для нее с Фуксом, другое было адресовано барону Жану де Батсу на улице Святого Иоанна Латеранского в Париже.

— Письмо к этому ужасному де Батсу! — с изумлением произнесла Маргарита, разглядывая письмо со всех сторон. — Что может Перси писать ему?

Сэр Эндрю был также поражен, но ни один из них не стал терять время в бесплодных догадках.

Развернув первое письмо, Маргарита начала медленно читать:

«Я не прошу у вас доверия ко мне, зная, что вы и без моей просьбы поверите, но я не могу умереть в этой норе, как крыса в ловушке, и хочу попытаться освободиться, чтобы умереть, по крайней мере, на воздухе, под Божьим небом. Вы оба поймете меня, а поняв, до конца будете верить мне. Немедленно пошлите прилагаемое письмо по адресу. Тебя, Фукс, как моего самого искреннего, верного друга, я прошу позаботиться о безопасности Маргариты. Арман останется со мной, а тебя прошу не покидать ее. Как только ты прочтешь это письмо — а это случится тогда, когда вы оба почувствуете, что всякая надежда исчезла, — постарайся убедить Маргариту как можно скорее добраться до моря. В Кале вы обычным путем снесетесь с «Мечтой» и немедленно отправитесь на нее. Проследи, чтобы ни один член лиги не остался на французской земле. Прикажи шкиперу плыть на Лепортель (это место ему знакомо), и там ожидайте меня в продолжение трех ночей. После этого он может плыть домой, так как бесполезно будет ждать далее, — я не приеду. Эти меры необходимо принять ради безопасности Маргариты и тех из вас, кто в данное время находится во Франции. Умоляю тебя, дорогой товарищ, считать эти меры моей последней волей. Я назначаю де Батсу свидание у капеллы возле Урдского парка. Он поможет мне спасти дофина, а если по счастливой случайности поможет спастись и мне, то я буду в семи милях от Лепортеля и смогу добраться до морского берега по льду реки Лианы. Но Маргариту я доверяю тебе, Фукс. Если бы только я знал, что эти дьяволы не подвергнут ее опасности! Умоляю ее немедленно по прочтении этого письма отправиться в Кале.

Я не приказываю, а только умоляю. Знаю, что ты, Фукс, не покинешь ее, что бы она ни захотела сделать. Да благословит вас обоих Господь!»

Голос Маргариты замер в окружающей тишине. Все, что им пришлось перестрадать в последние десять дней, снова поднялось со дна души при чтении этого письма.

— Будем надеяться, леди Блейкни, что вам удастся выбраться из Парижа, — сказал сэр Эндрю после короткого молчания.

— Перси не удаляет меня пока, — вставила она с грустной улыбкой.

— Он не может принудить вас к этому, леди Блейкни; вы — не член лиги.

— О, нет; конечно, я тоже ее член! — твердо сказал она. — И я поклялась повиноваться вождю, как и все вы. Я поеду, как он просит, а вы, сэр Эндрю?

— Мне приказано не покидать вас. Это — легкая задача.

— Вы знаете, где находится Урдский за́мок? — спросила она.

— О, да, мы все это знаем. Его владелец бежал при первых вспышках революции, оставив в нем какого-то полуидиота в качестве управляющего. Парк совсем заброшен, а за́мок и часовня в прилегающем лесу часто служили нам убежищем.

— Но дофина там нет? — спросила Маргарита.

— Нет. Согласно первому письму Блейкни, переданному мне вами десять дней тому назад, Тони, которому было поручено охранять дофина, должен был сегодня отвезти его величество в Голландию.

— Но для чего же тогда это письмо к де Батсу? — удивилась молодая женщина.

— Тут какой-то тупик! Но я передам его немедленно. Только мне не хочется оставлять вас одну. Разрешите мне сначала увезти вас из Парижа; мы успеем сделать это до рассвета. Старый Лукас даст вам повозку, к полудню мы доберемся до Сен-Жермена, и тогда я смогу вернуться и передать де Батсу письмо, что я должен сделать лично; я знаю, что на ферме Ашара вы будете в безопасности, пока я не вернусь.

— Я сделаю то, что вы сочтете нужным, — просто сказала Маргарита. — Через десять минут я буду готова, сэр Эндрю, пока вы распорядитесь насчет повозки.

Фукс немедленно занялся этим.

Спускаясь через четверть часа по лестнице, совсем готовая к отъезду, Маргарита застала сэра Эндрю разговаривающим с офицером парижской гвардии, а перед повозкой стояли два солдата того же полка.

— Случилось именно то, чего я опасался, леди Блейкни, — заговорил Фукс, быстро подходя к ней. — Этого человека прислали сторожить вас... Ему известно только, что он должен конвоировать вас на улицу Святой Анны и передать там агенту Комитета общественной безопасности гражданину Шовелену.

От внимания сэра Эндрю не ускользнула радость, мгновенно озарившая бледное лицо Маргариты; теперь сама судьба соединяла ее с любимым мужем. С ее души был снят тяжелый гнет.

Через минуту Фукс заговорил торопливым шепотом:

— Я сейчас же разыщу де Батса, а затем отправлюсь на север и передам приказание Перси всем членам лиги. Что касается «Мечты», то все будет сделано, как пишет Перси. Сам я сухим путем доберусь до Лепорteля и, если не получу известий о вас, не спеша стану двигаться к Урдскому замку. Это все, что я могу сделать. Постарайтесь сообщить это Перси или вашему брату. Я убежден, что поступлю правильно, так как все время буду иметь вас в виду и буду все готовить для вашего спасения, как просил Блейкни. Да благословит вас Бог, леди Блейкни, и да сохранит Он нашего Красного Цветка!

Он поцеловал руку Маргариты, и она сделала офицеру знак, что готова ехать. На улице ждала наемная карета, к которой она и направилась твердыми шагами.

XIV

Из ворот Консьержери выехал маленький кортеж. Было очень холодно, дул резкий северо-восточный ветер, бросая снег и дождь в лицо прохожим, забираясь в рукава и за воротники.

Застывшими от холода пальцами Арман едва мог держать поводья. Шовелен ехал рядом с ним, но они не обменялись ни единым словом с той самой минуты, когда во дворе тюрьмы собралась группа солдат человек в двадцать и Шовелен коротко приказал одному из них

вести лошадь Армана в поводу. Шествие замыкала наемная карета, у дверец которой ехали два солдата; два других следовали за ней на расстоянии двадцати шагов. По временам из окон кареты выглядывало безобразное худое лицо Герона в измятой шляпе. Он плохо ездил верхом и, кроме того, предпочитал не спускать глаз с узника. От капрала Арман узнал, что Блейкни везут в оковах. Помимо этого солдаты не могли сообщить ему никаких сведений: о цели поездки им ничего не было известно.

На башне собора Парижской Богоматери пробило семь часов, когда маленькая процессия двинулась наконец в путь. На востоке слабый свет февральского утра еще боролся с ночной тьмой. Город понемногу просыпался. С площади Революции временами доносился глухой рокот барабанов. На набережных в импровизированных лагерях уже кипела жизнь.

Арман дрожал под своим плащом, не защищавшим его от холода. Теперь они проезжали через мост, с которого Арман мог видеть не только дом, где жил сэр Перси перед тем, как предпринять трудную задачу спасти дофина, но даже и окно, у которого часто останавливался мечтательный, но мужественный герой, составляя для спасения невинных грандиозные планы, которые приводил в исполнение, пока его не настигла рука предателя. В эту минуту Арман не мог решиться взглянуть на наемную карету, в которой гордый, отважный смельчак, отрицавший силу судьбы и смеявшийся над смертью, сидел в цепях рядом с отвратительным существом, одна близость которого была оскорблением. Наконец процессия миновала населенные кварталы, и город остался позади, дома стали попадаться реже, перемежаясь с пустырями и огородами.

Было приказано остановиться. Кто-то велел Сен-Жюсту слезть с лошади. Когда он покорно повиновался, его провели к одиноко стоявшему кирпичному зданию, обнесенному низкой стеной, за которой простиралась невозделанная земля, представлявшая собой комки грязи. Дойдя до двери дома, Арман наткнулся на Шовелена. Тот сделал ему знак следовать за ним. Из узкого коридора против входной двери донесся запах горячего кофе. Шовелен отворил дверь в комнату налево. Здесь также пахло горячим кофе, и в памяти Армана запах кофе с тех пор всегда вызывал воспоминание об этом доме, где

в окна порывисто бил снег с дождем, а сам он стоял посреди комнаты, застывший от холода. На столе был кофе, которым Шовелен принялся угощать Сен-Жюста, уверяя его, что от кофе ему станет лучше. Сделав шага два вперед, Арман увидел, что на одной из стоявших вдоль стен скамеек сидела Маргарита. Увидев брата, она бросилась к нему, но Шовелен остановил ее:

— Подождите немного, гражданка!

Она снова опустилась на скамью; при этом Арман заметил, какие у нее были холодные, равнодушные глаза, словно в ее душе умерло всякое чувство.

— Надеюсь, что вы не очень страдали от холода, леди Блейкни? — вежливо осведомился Шовелен. — Мы не хотели заставлять вас так долго ждать здесь, но при отъезде часто бывают неизбежные задержки.

Маргарита ничего не ответила ему, ограничившись кивком головы. Между тем Арман заставил себя выпить немного горячего кофе, отчего немного согрелся. Держа обеими руками чашку с горячим напитком, он чувствовал, как по жилам разливалась приятная теплота.

— Дорогая мамочка, — сказал он по-английски, — постарайся выпить кофе, тебе это будет полезно.

— Благодарю тебя, милый, — ответила она, — я уже пила кофе. Мне не было холодно.

В эту минуту дверь в комнату широко распахнулась и на пороге появился Герон.

— Вы, кажется, намерены целый день провести в этой норе? — грубо произнес он.

Арман, внимательно следивший за сестрой, заметил, как она вздрогнула при виде негодяя, а ее широко раскрытые глаза устремились на него с выражением птички при виде приближающейся к ней кобры.

— Одну минуту, гражданин Герон, — вежливо произнес Шовелен. — Кофе так подбадривает! Узник с вами?

— Там, — ответил Герон, кивая по направлению к соседней комнате.

— В таком случае, вы, может быть, не откажетесь пригласить его сюда, гражданин, чтобы я мог объяснить ему наши взаимоотношения в будущем?

Проворчав что-то сквозь зубы, Герон направился к двери в соседнюю комнату.

— Нет, сержант, — ворчливо сказал он кому-то,

находившемуся в соседней комнате, — вас не надо, нужен только арестант.

Через минуту в дверях показался Блейкни со связанными за спиной руками, державшийся прямо, хотя это, по-видимому, стоило ему большого труда. При виде Сен-Жюста в его глазах сверкнули какие-то искорки. Заметив присутствие жены, он еще больше побледнел, но, почувствовав на себе взор Шовелена, плотно сжал губы, и его тяжелые веки тотчас опустились, совершенно скрыв от посторонних охватившее Блейкни чувство. Но даже самый проницательный, враждебно настроенный наблюдатель не мог бы заметить того мимолетного взгляда, каким обменялись муж и жена; это был неуловимый магнетический ток, понятный только им обоим; Маргарита знала, что увидит мужа, и приготовилась убедиться в том, чего так боялась, ожидая прочесть на его лице крайнюю слабость, притупление умственных способностей и покорность неизбежному. Со своей стороны, она сделала вид, как будто прятала в косынку письмо, а потом медленно закрыла глаза, словно подтверждая что-то сказанное, желая этим дать ему понять, что она прочла его письмо и исполнила бы до последнего слова все его просьбы, если бы не вмешалась неумолимая судьба. И Перси взглядом ответил ей, что понял ее немое объяснение.

Ни Шовелен, ни Герон ничего этого не видели, вполне удовлетворенные тем, что не допустили никаких сношений между узником и его женой.

— Вы, несомненно, удивились, сэр Перси, увидев здесь свою супругу, — заговорил Шовелен. — Вместе с гражданином Сен-Жюстом она будет сопровождать нас до самого конца нашего путешествия. Никому не известно то место, куда вы нас ведете; гражданин Герон и я вполне в ваших руках; может быть, вы ведете нас прямо к смерти или к такому месту, где вам легко будет ускользнуть от нас. Поэтому вы не должны удивляться, что мы приняли некоторые меры предосторожности против неожиданной засады или против одной из тех смелых попыток к освобождению, за которые рыцарь Красного Цветка пользуется заслуженной славой.

Блейкни молчал. Хорошо изучив Шовелена, он, увидев Маргариту, тотчас догадался, что его смертельный враг еще раз хочет поставить успех своей интриги в зависимость от ее дорогой жизни.

— Гражданин Герон спешит, — продолжал Шовелен после небольшого молчания, — и я буду краток. Леди Блейкни и гражданин Сен-Жюст поедут с нами в качестве заложников. При малейшем намеке, даже при простом подозрении, что вы обманываете нас, ваш друг и ваша жена будут немедленно расстреляны у вас на глазах.

За стенами дома уныло шумел ветер, пригибая к земле чахлые деревья, в окна стучал дождь, но в комнате царило мертвое молчание. Чувствовалось, что каждый из этих троих мужчин, тесно связанных судьбой, готов поставить все на карту ради удовлетворения бушевавшей в груди страсти, будь то любовь или ненависть. Первый прервал молчание Герон.

— Ну, чего же мы еще ждем? — воскликнул он, сопровождая свои слова грубым ругательством. — Узник знает теперь наши условия, и мы можем ехать.

— Одну минутку, товарищ, — возразил Шовелен, спокойные манеры которого представляли полную противоположность грубому обращению его приятеля. — Вы хорошо усвоили себе все условия нашего дальнейшего совместного путешествия, сэр Перси? — обратился он к Блейкни.

— Нашего путешествия? — медленно произнес тот. — Значит, вы уверены, что я согласен на ваши условия и готов ехать с вами дальше?

— Если вы откажетесь ехать дальше, — с диким бешенством закричал Герон, — то я сейчас же собственными руками задушу эту женщину!

Во взгляде, брошенном Блейкни, знавшие его люди прочли бы страстное желание убить негодяя; но он сдержался, глазами умоляя Маргариту простить, что ей приходится присутствовать при такой тяжелой сцене.

— Значит, вы не оставляете мне выбора, — спокойно сказал Блейкни, обращаясь к Герону. — В таком случае вы действительно правы: нам нечего здесь ожидать.

XV

Лил дождь; дождь, ни на минуту не перестающий; однообразный, скучный дождь! Между деревьями завывал юго-западный ветер, обдавая холодными брызгами

лица всадников, ехавших с опущенными головами. Мокрые поводья скользили из рук; лошади вздрагивали и мотали головами, когда им в уши попадала вода.

Уже три дня продолжалось это невыносимое однообразие, прерываемое лишь остановками на постоялых дворах да переменой конвойных. Стук копыт заглушался шумом колес двух экипажей с двумя парами сильных лошадей, сменяемых при каждой остановке. На козлах сидели солдаты, наблюдавшие, чтобы между экипажами и конвоем оставалось известное расстояние.

Вечером на второй день пути с ними произошло маленькое приключение. Собираясь сесть в карету после привала близ Амьена, Блейкни, вследствие слабости некрепко державшийся на ногах, почти упал на Герона, и последний, невольно потеряв равновесие в скользкой грязи, ударился о подножку, поранив себе висок. С этой минуты ему пришлось носить на лбу повязку, что не придало ему красоты, но окончательно испортило настроение.

Ему хотелось все время ругаться, драться и сокращать остановки, но Шовелен не допускал этого, заботясь, чтобы солдаты хорошо отдохнули и были сытно накормлены.

Все это Маргарита наблюдала, как в движущейся драматической панораме, равнодушно ожидая, когда опустится занавес по окончании последнего акта трагедии, и чувствуя себя не в состоянии пальцем шевельнуть, чтобы отсрочить неизбежную страшную катастрофу. Выехав за пределы Парижа, ее попросили пересесть в другую наемную карету, которая следовала за первой на расстоянии около пятидесяти метров и была также окружена вооруженными всадниками. Шовелен и Арман ехали вместе с ней.

Два раза в день весь кортеж останавливался, и брат с сестрой под конвоем проходили на скромный постоялый двор, где их ожидал незатейливый обед или ужин и где душный воздух всегда был полон запахов лука и старого сыра. Большей частью им предоставлялась вся комната, но за дверью стояли солдаты на часах; и Маргарита, и Арман добросовестно старались есть поданные кушанья, чтобы не ослабеть к концу дороги. Первую ночь они провели в Бове, следующую — в Аббевиле, где к их услугам оказалось довольно чистое помещение в самом городе; но часовые не отходили от их

дверей, так что, в сущности, они никогда не оставались наедине.

Блейкни они почти не видели. Во время дневных остановок ему, вероятно, подавали пищу в карету, а ночью, когда он выходил из кареты, направляясь к ожидавшему его ночлегу, он был так окружен солдатами, что видна была только его голова.

Один раз Маргарита, отбросив свою гордость, обратилась к Шовелену с вопросом о муже.

— Он здоров и весел, леди Блейкни, — ответил тот с насмешливой улыбкой. — Положительно, англичане — замечательный народ, и нам, галлам, невозможно понять их. Они с чисто восточным фатализмом покоряются велениям судьбы. Известно ли вам, например, что когда арестовали сэра Перси, он пальцем не шевельнул, а мы с товарищем думали, что он станет защищаться как лев. Теперь и он должен был прийти к сознанию, что спокойная покорность окажется для него в конце концов гораздо полезнее, и он так же спокоен, как я сам.

— Но он... — с усилием прошептала Маргарита; ей так тяжело было говорить с жестоким негодяем, явно насмехавшимся над ее горем. — Вы... вы не держите его в оковах?

— О, нет! — ответил Шовелен. — Раз у нас есть такие заложники, как вы, леди Блейкни, и гражданин Сен-Жюст, то нам нет причины опасаться, что неуловимый вождь лиги будет похищен.

Арман уже готов был дать горячий отпор этим издевательствам, но Маргарита крепко сжала его руку, и он смолчал, стараясь проникнуться тем фатализмом, о котором только что упоминал Шовелен. Сидя рядом с сестрой, он пытался утешить ее всякий раз, когда их оставляли вдвоем, но не мог не удивляться ее молчанию. Она заговаривала с ним так редко, что в душу невольно закралось подозрение: не догадывается ли она, что ожидавшая их ужасная судьба была результатом предательства ее родного брата? От этого предположения был только шаг до вывода, что лучше всего ему покончить с жизнью, навсегда устранив себя с пути близких и дорогих ему людей. Но присутствие Маргариты вскоре заставило Сен-Жюста отказаться от этой мысли. Теперь он уже не имел права располагать своей жизнью: она принадлежала вождю, которого он предал, и сестре, которую он был обязан охранять и поддерживать.

О Жанне он почти не думал. Она была навеки потеряна для него с того дня, когда он запятнал себя поступком, достойным Каина.

XVI

— Проснитесь, гражданин! Мы в Креси. Это наша последняя остановка.

Арман очнулся от тяжелого состояния не то сна, не то бодрствования, в каком находился всю дорогу, после того как они на рассвете покинули Аббевиль. Стук колес по грязи, мерное покачивание кареты, немолчный шум дождя убаюкали его, погрузив в какое-то оцепенение.

Шовелен уже выскочил из кареты и помог Маргарите выйти из экипажа. Взяв сестру под руку, Арман между рядами солдат направился с ней к дому. Перед ними расстилался маленький городок с грубо вымощенными улицами, мокрыми от дождя, со сланцевыми крышами, блестевшими при бледном свете холодного зимнего дня. Экипажи остановились перед маленьким одноэтажным зданием с длинной деревянной верандой.

Комната, в которую Арман ввел сестру, ничем не отличалась от прочих подобных комнат — те же сырые стены, те же обычные слова: «Свобода, Равенство, Братство!», написанные углем над темной железной печкой; душный, сырой воздух с неизбежным запахом лука и старого сыра; те же жесткие скамейки и стол с грязной дырявой скатертью.

У Маргариты кружилась голова после пятичасовой езды в душной карете, и когда Арман подвел ее к столу, она почти упала на скамейку, а затем, положив руки на стол, тяжело оперлась на них головой.

— Ах, если бы все уже было кончено! — невольно прошептала она. — Знаешь, Арман, мне иногда кажется, что я схожу с ума. Скажи мне, ты этого не находишь?

Сен-Жюст сел рядом с ней, стараясь успокоить ее.

В дверь постучали, и, не дождавшись ответа на стук, в комнату вошел Шовелен.

— Смиренно прошу прощения, леди Блейкни, — начал он с обычной своей учтивостью, — но наш почтен-

ный хозяин только что сообщил мне, что у него нет другой комнаты, где он мог бы подать обед. Поэтому я принужден обеспокоить вас своим присутствием. — Хотя он говорил крайне вежливо, но его тон не допускал возражений; не дожидаясь ответа Маргариты, он сел напротив нее и продолжал весело болтать: — Наш нелюбезный хозяин напоминает мне нашего старого друга Брогара в Кале; вы его помните, леди Блейкни?

— У моей сестры кружится голова от чрезмерного утомления, — твердо заявил Арман. — Прошу вас, гражданин, иметь к ней некоторое снисхождение.

— Сколько угодно, — весело ответил Шовелен. — Я думал, что эти приятные воспоминания позабавят ее. А вот и суп! — прибавил он, когда хозяин поставил на стол миску с дымящейся похлебкой. — Леди Блейкни, позвольте предложить вам немного супа.

— Благодарю вас, — тихо сказала она.

— Постарайся покушать, мамочка, — шепнул ей Арман, — и соберись с силами... ради него, если не ради меня.

— Я постараюсь, дорогой, — сказала она, силясь улыбнуться.

С видимым удовольствием поглощая свой суп, Шовелен не переставал все время оказывать Маргарите внимание, приказывая подать ей то мясо, то хлеб, то масло. По-видимому, он был в прекрасном расположении духа.

Покончив с едой, он церемонно поклонился молодой женщине.

— Прошу прощения, леди Блейкни, но я должен спросить у нашего узника дальнейших указаний. Затем я отправлюсь на гауптвахту на другом конце города и возьму свежий конвой, двадцать здоровых молодцов из кавалерийского полка, обыкновенно квартирующего в Аббевиле. Теперь у них здесь много дела, так как город полон изменников. Мне надо самому видеть новых конвойных и их сержанта; все эти хлопоты гражданин Герон предоставил мне, предпочитая оставаться все время со своим узником. А вас тем временем проводят к карете, где прошу подождать моего возвращения, и затем мы отправимся в путь.

Маргарите страстно хотелось, забыв гордость, расспросить его про мужа, но Шовелен не стал ждать и быстро вышел из комнаты.

Направляясь к своей карете, Арман и Маргарита увидели первую карету метрах в пятидесяти впереди. Два солдата в поношенных мундирах и красных шапках вели к карете свежих лошадей. Конные солдаты еще окружали карету, ожидая, чтобы их сменили.

Десять лет своей жизни охотно отдала бы Маргарита за возможность если не поговорить с мужем, то хотя бы убедиться, что он жив и здоров. Она уже подумывала, воспользовавшись отсутствием Шовелена, подкупить сержанта, имевшего добродушный вид, но в эту минуту из кареты выглянуло лицо Герона, казавшееся отвратительнее обычного под повязкой сомнительной чистоты.

— Что тут нужно этим проклятым аристо? — загремел он.

— Они идут садиться в карету, — быстро ответил сержант.

— Сколько времени пробудем мы еще в этом чертовом месте? — крикнул Герон сержанту.

— Теперь уже недолго ждать, гражданин. Сейчас прибудут новые конвойные.

Через четверть часа стук лошадиных копыт по неровной мостовой возвестил прибытие свежего конвоя под начальством Шовелена; последний, по-видимому, принял теперь на себя руководство дальнейшей поездкой, почти не обращая внимания на Герона, который если не ругался, проклиная всех и вся, то дремал после изрядной выпивки.

Новый конвой состоял из двадцати кавалеристов, включая сержанта, капрала и двух кучеров для карет. Впереди ехали разведчики, за ними следовала карета с Маргаритой и Арманом, по-прежнему окруженная всадниками, а на некотором расстоянии позади нее — карета, в которой ехал Герон со своим пленником.

Распорядившись о порядке следования кортежа, Шовелен подошел к карете, где сидел Блейкни, и, очевидно, получил последние инструкции, так как Маргарита видела, что он стоял, наклонившись к окошку кареты и записывал что-то в маленькой книжечке, которую держал в руках.

Наконец все было готово к отъезду.

— Кто из вас знает часовню возле Урдского парка? — спросил Шовелен, обращаясь не то к конвойным, не то к кучке собравшихся вокруг карет праздных зевак.

Кое-кто в толпе смутно припомнил что-то об Урдском замке, который находился где-то в лесу, прилегавшем к Булони, но о часовне ничего не слыхали: в те времена никто не интересовался часовнями.

— Кажется, я знаю дорогу туда, гражданин Шовелен, — сказал один из разведчиков, повернувшись на седле, — по крайней мере, до Булонского леса.

— Прекрасно, — ответил Шовелен, справляясь со своими записями. — В таком случае, когда вы доедете до верстового столба, который стоит у самого леса, поворачивайте круто направо и поезжайте вдоль опушки до деревушки... как бишь ее... да, до деревушки Лекрок; это внизу, в долине.

— Кажется, я и деревушку эту знаю, — сказал солдат.

— Вот и прекрасно! В этом месте начинается проезжая дорога, ведущая внутрь леса; по ней надо ехать, пока налево не будет каменной часовни с колоннами при входе, а направо — ограда и ворота парка... Верно, сэр Перси? — спросил Герон, как только карета тронулась с места.

Полученный ответ, очевидно, удовлетворил его, потому что он быстро скомандовал: «Вперед!» — и поспешил к своей карете.

— Знаете вы замок Урд, гражданин Сен-Жюст? — спросил он, как только карета тронулась с места.

— Знаю, гражданин, — ответил Арман, пробуждаясь от обычного оцепенения.

— И часовню знаете?

— И часовню.

Он, действительно, хорошо знал и замок, и часовенку, куда ежегодно стекались рыбаки из Булони и Лепортеля, чтобы прикоснуться сетями к чудотворной святыне. Теперь часовня была заброшена. Со времени бегства владельца замка никто не смотрел за ней, а рыбаки боялись ходить туда на поклонение, так как их «суеверие» казалось подозрительным правительству, упразднившему христианского бога. Там же нашел приют и Арман, когда полтора года тому назад Блейкни спас его от смерти, рискуя собственной жизнью. При этом воспоминании Сен-Жюст чуть не застонал вслух, а Маргарита невольно вздрогнула, услышав название места, где ее муж назначил свидание де Батсу. Теперь весь план Блейкни должен был рушиться ввиду остроумной вы-

думки Шовелена и Герона. Доблестному предводителю лиги Красного Цветка предлагалось на выбор: выдать царственного ребенка низким негодяям или пожертвовать жизнью жены и друга.

Эта задача была так ужасна, что Маргарита невольно стала желать скорейшего окончания путешествия. Может быть, сам Перси потерял надежду на спасение и покорился неизбежному; может быть, теперь его единственным желанием было кончить жизнь под открытым Божиим небом, как он выразился, чтобы над ним проносились грозные тучи, а буйный ветер, шумя в вершинах деревьев, пел ему отходную?

XVII

Медленно двигались кареты по глубоким колеям грязной дороги. Близость моря уже давала себя чувствовать. Сырой воздух оставлял на губах солоноватый вкус, а ветви всех без исключения деревьев были обращены в сторону, противоположную господствовавшим ветрам.

У леса дорога разделялась, огибая его с двух сторон. Сильный юго-западный ветер гнул высокие вершины стройных сосен и елей, ломая сухие ветки, и они с жалобным стоном падали на землю.

Конвойные, бодро выступившие из Креси, утомились от четырехчасовой безостановочной езды верхом под пронизывающим дождем, а соседство темного, мрачного леса удручающим образом действовало на их воображение. Из чащи доносились то крики ночных птиц, то заунывный голос филина, то быстрые крадущиеся шаги хищных животных. Холодная зима и недостаток пищи выманили волков из их убежищ, и по мере того как понемногу угасал дневной свет, все чаще слышался зловещий вой, и то там, то сям сверкала в темноте пара блестящих глаз.

Люди беспрестанно вздрагивали не столько от холода, сколько от суеверного страха. Они охотно пришпорили бы коней, но колеса вязли в глубоких колеях, и приходилось часто останавливаться, чтобы очищать грязь, налипшую на осях и колесных спицах.

Багряная полоса на западе начала постепенно блед-

неть и наконец совсем погасла. Со всех сторон надвигалась темнота, словно чьи-то невидимые гигантские руки все шире раскидывали над землей бесконечный черный плащ. Дождь все не переставал, насквозь промочив шинели и шапки.

Вдруг весь поезд остановился, раздался целый поток ругательств со стороны кучеров, и из второй кареты выглянуло худощавое лицо Шовелена.

— В чем дело? — спросил он.

— Разведчики вернулись, гражданин, — ответил ехавший возле кареты сержант.

— Позовите кого-нибудь из них.

— Там начинается проселок, гражданин, — послышался в темноте ответ подъехавшего к карете разведчика. — Он ведет прямо в лес, а направо в долине лежит деревушка Лекрок.

— Осмотрели ли вы лесную дорогу?

— Да, гражданин. За две мили отсюда есть лужайка с маленькой каменной часовенкой, как раз напротив высокой ограды с железными воротами на углу, а от них через весь парк идет широкая аллея. Мы только немного проехали по ней. Мы подумали, что надо сперва доложить вам, что все благополучно.

— А далеко от ворот до замка?

— С милю будет, гражданин. Недалеко от ворот амбары и конюшни, точно заброшенные строения хутора.

— Хорошо. Ясно, что мы на верной дороге. Поезжайте вперед со своими людьми, но не удаляйтесь больше, чем метров на двести... Стойте! — крикнул Шовелен, словно ему пришла в голову новая мысль. — Подите сперва к той карете и спросите арестанта, той ли дорогой мы едем.

— Да, гражданин, — доложил через несколько минут посланный. — Он говорит, что все в порядке. От ворот до замка добрая миля, но есть другая, короткая дорога к замку и часовне. Узник говорит, что по ней мы в полчаса доедем до часовни. Там теперь очень темно, — прибавил он, выразительно кивнув в сторону леса.

Шовелен молча вылез из кареты, и Маргарита увидела, как его маленькая фигурка смело пробиралась между беспокойно фыркавшими лошадьми, пока не исчезла в темноте.

— Мы теперь у цели нашего путешествия, гражда-

нин, — послышался его ровный, тонкий голос. — Если наш узник не обманул нас, через час маленький Капет будет у нас в руках.

В ответ ему раздалось лишь глухое ворчание.

— Если же нет, — донесся до слуха Маргариты знакомый ей грубый голос Герона, — то назавтра на пищу волкам здесь останутся два трупа, а арестант будет на обратном пути в Париж вместе со мной.

Раздался чей-то смех. Может быть, смеялся один из конвойных, менее сердобольный, чем его товарищи, но Маргарита уловила в этом смехе что-то знакомое, напоминавшее ей прошлое.

— Я считаю, — послышался снова голос Шовелена, — что арестант должен теперь передать приказ своим товарищам беспрекословно выдать мне Капета. Тогда я мог бы, взяв с собой несколько человек, по возможности скорее добраться до замка и завладеть Капетом и всеми, кого я найду с ним. Так дело пойдет быстрее. Один из солдат может дать мне свою лошадь, а сам сядет на козлы вашей кареты. Экипажи могут не спеша ехать шагом. Сколько людей могу я взять с собой?

— Не больше четырех: остальные нужны мне для охраны арестанта.

— Четверых мне будет довольно, потому что четверо еще едут в авангарде. У вас, значит, останется двенадцать человек для охраны. Собственно говоря, вам надо стеречь лишь женщину, так как она отвечает за других своей жизнью. — При последних словах Шовелен возвысил голос, очевидно, с намерением, чтобы Маргарита и Арман слышали его. — Так я отправлюсь, — снова заговорил он, отвечая, вероятно, на слова товарища. — Сэр Перси, будьте добры, напишите, что нужно, на этом листке.

Последовала длинная пауза, во время которой до слуха Маргариты долетел продолжительный крик ночной птицы, вероятно, отыскивавшей свою подругу.

— Благодарю вас, — раздался снова голос Шовелена. — Этого будет достаточно. Ну, гражданин Герон, теперь, я полагаю, нам нечего опасаться засады или чего-нибудь в том же роде. Если на меня нападут или если мы встретим в замке вооруженное сопротивление, я немедленно пришлю сказать вам, и вы... ну, вы уже будете знать, как поступить.

Арман вздрогнул и крепко сжал руку сестры. Высунувшись из окна кареты, она старалась разглядеть проис-

ходившее вокруг нее. Внизу, в деревне, зажигались огоньки; прямо перед ней вытянулись ряды стройных сосен, выделяясь на сером фоне неба. На одну минуту Маргарите удалось увидеть первую карету, из которой высовывалась голова Герона с грязной повязкой поперек лба.

— Можете быть спокойны, гражданин Шовелен, — громко сказал он своим грубым голосом, — уж я буду знать, что делать. Сегодня вечером волки получат хороший обед, да и гильотина ничего не потеряет.

Нежно взяв сестру за плечи, Арман увлек ее внутрь кареты.

— Мамочка, — сказал он, — если ты можешь придумать, как я могу своей жизнью спасти тебя и Перси, укажи мне этот путь.

— Такого пути нет, Арман, — твердо произнесла она. — Наше спасение в руках Божиих.

XVIII

Между тем Шовелен и его спутники отделились от главной группы, и вскоре стук лошадиных копыт совершенно затих в лесу. Арман и Маргарита слышали, как Герон приказал своему кучеру ехать впереди, и вскоре тяжелый экипаж медленно проехал мимо них. В окне кареты показалась голова Герона, искоса взглянувшего на Маргариту.

— Читайте теперь все молитвы, какие когда-либо знали, гражданка, — крикнул он, — молитесь, чтобы мой друг Шовелен нашел в замке маленького Капета, не то вам в последний раз придется полюбоваться на эти окрестности, потому что завтра вы уже не увидите солнечного восхода.

Маргарита старалась не смотреть на негодяя — один его вид наводил на нее ужас. Как отвратительно было его угреватое лицо с толстыми мясистыми губами и грязной повязкой, закрывавшей один глаз!

Значительно уменьшившаяся группа двигалась теперь шагом среди быстро сгущавшейся темноты. Кареты тихо покачивались на мягких рессорах.

Держа брата за руку, Маргарита закрыла глаза и откинулась на спинку. Время и пространство перестали для

нее существовать, осталась одна Смерть, высохшей костлявой рукой неустанно манившая к себе молодую женщину.

Вдруг кареты снова остановились; где-то брыкалась испуганная лошадь.

— Что там случилось? — прозвучал в темноте голос Герона.

— Темнота такая, что хоть глаз выколи, — ответил кто-то впереди. — Кучера не видят даже своих лошадей и спрашивают, нельзя ли им зажечь фонари и вести лошадей под уздцы.

— Лошадей они могут вести, — сурово ответил Герон, — но фонари зажигать я ни в каком случае не позволю. Почем знать, не прячется ли за деревом кто-нибудь, готовый пустить пулю в лоб или мне, или вам, сержант? Мы не можем представлять собой освещенные мишени. Пусть только кто-нибудь в серой шинели слезет с лошади и идет впереди; в этой проклятой темноте серое платье будет, может быть, заметно. А далеко еще до той часовни?

— Теперь недалеко, гражданин. И весь-то лес тянется не более, как на шесть миль, а мы проехали уже две мили по лесу.

— Ш-ш! Что это такое? Молчите же, говорю! Черт бы вас побрал, неужели вы не слышите?

Все смолкли и стали прислушиваться, только лошади не хотели смирно стоять, грызли удила, перебирали ногами и рвались вперед. Из леса неслись неясные, странные звуки; казалось, будто по лесу двигались какие-то невидимые существа.

— Это гражданин Шовелен со своими людьми, — прошептал сержант.

— Да молчите же! Я слушаю! — последовал короткий приказ.

Снова все прислушались; солдаты боялись дохнуть и зажимали морды лошадям, чтобы ничем не нарушить тишину.

— Да, это, должно быть, Шовелен, — произнес наконец Герон неуверенным тоном, — но я думал, что он теперь уже в замке.

— Может быть, он ехал медленно из-за темноты, — вмешался сержант.

— Вперед! — скомандовал Герон. — Чем скорее мы соединимся с ним, тем лучше.

Отряд снова двинулся в путь, и экипажи опять стали нырять из колеи в колею.

— Это де Батс со своими друзьями, — чуть слышно прошептала Маргарита.

— Де Батс? — повторил Арман, не понимавший, почему сестра назвала это имя, и с ужасом подумавший, что высказанное ею опасение уже оправдалось, и она стала терять рассудок.

— Ну да! — ответила она. — Перси через меня послал ему письмо, назначив ему здесь свидание. Не бойся, Арман, я еще не сошла с ума. Сэр Эндрю должен был отнести письмо барону в тот день, как мы выехали из Парижа.

— Боже мой! — воскликнул Арман, инстинктивно прижимая к себе сестру, словно готовясь защищать ее. — Значит, если на Шовелена напали... если...

— Ну да, — спокойно произнесла она, — если де Батс напал на Шовелена или если он раньше его добрался до замка и намерен защищать его, расстреляют... и нас, и... Перси.

— Но разве дофин в Урдском замке?

— Кажется, нет.

— Так зачем же Перси обратился за помощью к де Батсу?

— Не знаю, — беспомощно прошептала леди Блейкни. — Конечно, когда он писал то письмо, он не знал, что нас возьмут заложниками, и надеялся спастись под покровом темноты во время неожиданного нападения. Это ужасно! Ужасно!

— Послушай! — прервал ее Арман, крепче прижимая ее к себе.

— Стой! — послышался голос сержанта.

На этот раз невозможно было ошибиться: кто-то скакал во всю прыть, тяжело дыша. Настала минутная тишина, даже дождь перестал и ветер притих.

— Кто там? — спросил Герон.

— Кто-то скачет в лесу справа, — ответил сержант.

— Справа? Со стороны замка? Значит, на Шовелена напали. Сержант, зовите людей к этой карете; вы отвечаете жизнью за арестантов и...

Последние слова Герона потонули в таком яростном потоке ругательств, что даже лошади шарахнулись прочь, стали брыкаться, подниматься на дыбы, и всадникам стоило большого труда успокоить их.

— Ну и ругается же гражданин! — произнес про себя один из солдат. — Когда-нибудь у него лопнет глотка от таких словечек.

Тем временем скакавший во весь опор всадник приблизился и был остановлен окликом:

— Кто идет?

— Свой! — последовал быстрый ответ. — Где гражданин Герон?

— Здесь! — хриплым от волнения голосом отозвался тот. — Идите же сюда, черт бы вас побрал! Живей!

— Зажечь фонарь, гражданин? — предложил один из кучеров.

— Нет, нет, не надо! Да где же мы теперь?

— Мы у самой часовни, гражданин, — ответил сержант. — Она тут, налево.

Гонец, глаза которого уже освоились с темнотой, быстро подошел а карете.

— Ворота замка как раз направо от нас, — доложил прискакавший всадник, все еще не отдышавшись от быстрой езды. — Я только что в них проехал.

— Говори громче, молодец! — взволнованным голосом произнес Герон. — Тебя послал гражданин Шовелен?

— Да, он велел передать вам, что пробрался в замок и не нашел там Капета.

Эта речь была прервана градом отборных ругательств Герона, затем гонцу приказано было передать все подробности.

— Гражданин Шовелен позвонил у дверей замка. Немного погодя ему отпер дверь какой-то старый слуга. Кругом все было пусто, только...

— Только что? Да говори же!

— Пока мы ехали парком, нам все время казалось, будто кто-то следит за нами. Мы ясно слышали движения лошадей, но никого не было видно. И теперь я слышал то же самое. В парке, кроме нас, еще кто-то есть, гражданин.

Наступило молчание. Казалось, даже источник ругательств у Герона иссяк.

— Кто-то есть в парке? — дрожащим шепотом повторил он. — Сколько же? Вы не видели?

— Нет, гражданин, нам ничего не было видно. Гражданин Шовелен просит вас прислать ему еще людей на подмогу, если можно. Возле ворот есть пустые

постройки, куда он хотел поставить на ночь лошадей, а люди дошли бы до замка пешие.

Пока всадник говорил, из леса стали доноситься слова команды, поощрительные возгласы, словно невидимый отряд готовился к атаке.

— Видна вам часовня, сержант? — глухим, но почти спокойным голосом спросил Герон.

— Совершенно ясно, гражданин, — отозвался сержант. — Она совсем маленькая... Сейчас налево.

— Спешивайтесь, обойдите вокруг нее. Посмотрите, нет ли в задней стене окон или дверей.

Настало продолжительное молчание. Из леса все яснее слышались те же странные звуки. Тесно прижавшись друг к другу, Маргарита и Арман не знали, что и думать, не знали, радоваться или бояться.

— Если это де Батс со своими друзьями, — прошептала Маргарита, — то что могут они сделать? На что может надеяться Перси?

Про мужа она давно ничего не знала. Каждый раз, когда она бросала взгляд по направлению к его карете, ей прежде всего попадались на глаза помятая шляпа и грязная повязка отвратительного Герона, один вид которого заставлял ее содрогаться от ужаса. Теперь ей стало казаться, что Перси умер от истощения или, по крайней мере, потерял сознание. Вспоминая бешенство, в какое пришел Герон несколько минут тому назад, леди Блейкни с ужасом подумала, что его ярость могла обрушиться на беззащитного, ослабевшего пленника и заставить навсегда умолкнуть его уста.

Голос сержанта вывел Герона из тяжелой задумчивости.

— В задней стене нет ни окон, ни дверей, — доложил он. — Железные ворота затворены, но не заперты; хотя ключ и заржавел, однако легко поворачивается в замке́. Войти туда можно лишь через железные ворота.

Не видя в темноте Герона, Маргарита ясно слышала его голос, звучавший глухо и показавшийся ей немного странным. Неожиданная опасность, боязнь неудачи, видимо, несколько охладили его пыл.

— Возьмите с собой шесть человек, сержант, — произнес он, — и отправляйтесь в замок к гражданину Шовелену. Лошадей можете оставить там, где он советовал, и дойти до замка пешком. Вы со своими солдатами скоро справитесь с горстью ночных бродяг: вы хо-

рошо вооружены, а они — нет. Скажите гражданину Шовелену, что я позабочусь о пленниках. На англичанина я надену оковы и запру его в часовне, приставив к нему пять человек под командой капрала. С остальными конвойными я отправлюсь в Креси, откуда немедленно вышлю подкрепление, хотя не думаю, чтобы в нем оказалась надобность. Если даже на замок будет сделано серьезное нападение, то гражданину Шовелену нетрудно будет удержаться в нем до утра. Еще скажите ему, что оба заложника, которых я возьму с собой, будут расстреляны на гауптвахте в Креси и что если он нигде не найдет Капета, то пусть захватит в часовне англичанина и привезет его в Креси. Там я буду ожидать его, чтобы вместе вернуться в Париж. Повторите, что я сказал.

Ответ сержанта показал, что распоряжения Герона были поняты как следует.

— Верно, — сказал Герон, когда сержант умолк. — А теперь в дорогу! Да! Прикажите нашим людям спешиться и увести с собой лошадей из одной кареты; пусть поставят их вместе с вашими, мне они больше не понадобятся. Скажите мне, когда будете готовы. Помните, что первое условие — тишина!

— Хорошо! — последовал ответ.

— Пришлите теперь мне с капралом двоих людей, чтобы надеть оковы на англичанина, а четверо пусть сторожат другую карету.

Наконец маленький отряд удалился, и Маргарите показалось, что с ним исчезла последняя надежда на спасение. Самая отчаянная самозащита ни к чему не привела бы, оставалось лишь покориться. Но Маргарита жаждала теперь одного: быть в последние минуты возле любимого мужа. Завтра она спокойно взглянет в лицо смерти, если ей еще хоть раз удастся увидеть глаза, которые горели такой страстной любовью к ней. Она попробовала отворить дверцу кареты, но ее держали снаружи, и чей-то голос грубо приказал молодой женщине сидеть смирно. Высунувшись в окно кареты, она привыкшими к темноте глазами различила стоявшую неподалеку другую карету и услышала все еще сдержанный голос Герона и воркотню его людей.

— Кажется, пленник-то без сознания, — сказал кто-то.

— Так вытащите его из кареты, — коротко прика-

зал Герон, — а вы, — обратился он к другим, — ступайте отворить ворота часовни.

Маргарита увидела темные силуэты двоих мужчин, с трудом вынувших из кареты тяжелое неподвижное тело; затем они, спотыкаясь, понесли его к часовне. Больше Маргарита не могла ничего различить.

— Он без сознания! — долетело до ее слуха.

— Да оставьте его там, он никуда не уйдет. Заприте ворота!

— Арман, ступай к нему! — в отчаянии крикнула Маргарита, мгновенно утратив всякое хладнокровие. — Пойдем к нему, Арман! Ради Бога, возьми меня с собой!

— Заставьте женщину молчать! — ясно прозвучал в ночной тиши голос Герона. — Наденьте поскорей кандалы на обоих!

Пока Маргарита тщетно напрягала последние силы, чтобы присоединиться к мужу, ее брату удалось вырваться из рук солдата и добежать до ворот часовни, не обращая внимания на сыпавшиеся со всех сторон удары. Застывшими пальцами он стал отыскивать невидимый замок, как вдруг сильный удар кулака Герона сшиб его с ног, но Арман все еще не уступал, с безумием отчаяния цепляясь за решетку. Пока он пробивался к часовне, один из солдат ударил его саблей по голове, но Арман не замечал крови, лившейся из раны, думая лишь о том, чтобы добраться до Перси, живого или мертвого.

— Черт бы побрал его! — ругался Герон. — Да укротите же этого сумасшедшего!

Получив еще один мощный удар, Арман упал на землю, не выпуская из рук решетки. Чьи-то сильные руки заставили его разжать онемевшие пальцы; затем он почувствовал, что его подняли с земли и втолкнули в карету. Маргарита услышала, как он застонал, но не могла помочь ему сесть поудобнее, так как один из солдат только что надел кандалы на ее нежные руки. Дверца кареты снова захлопнулась.

— Смотрите, не выпускайте арестованных из кареты! За это вы ответите жизнью! — с внушительным ругательством произнес Герон. — Все в порядке? — послышалось среди наступившей тишины.

— Да, гражданин. Только арестант стонет.

— Пусть его стонет!

— Что делать с пустой каретой, гражданин? Лошадей увели.

— Оставьте ее стоять на том же месте. Завтра она понадобится гражданину Шовелену.

— Арман, — шепнула Маргарита, — ты видел Перси?

— Было очень темно, — слабым голосом ответил Сен-Жюст, — но я видел его за решеткой, куда его положили. Он стонал. О, Боже мой! Боже мой!

— Тише, дорогой мой! — остановила его сестра. — Мы ничего больше не можем сделать, только умереть так, как он жил: мужественно, со спокойной улыбкой — в память его.

— Номер тридцать пятый ранен, гражданин, — сказал один из солдат.

— Будь проклят дурак, от которого ему досталось! — спокойно ответили ему. — Оставьте его здесь с караулом... Сколько вас здесь еще? — прибавил тот же голос через несколько минут.

— Только двое, гражданин, кроме раненого, да тех, что будут со мной караулить у часовни.

— Мне двоих довольно, а пятеро окажутся нелишними у дверей часовни, — сказал Герон со своим обычным жестким смехом. — Ну, пусть один сядет в карету, а другой поведет лошадей под уздцы. А вы, капрал Кассар, помните, что вы и ваши люди ответите французскому народу жизнью за англичанина.

Вслед за тем дверца кареты отворилась, и солдат уселся против Маргариты и Армана, между тем как Герон вскарабкался на козлы. Маргарите было слышно, как он ворчал, прибирая вожжи.

Карета двинулась, мягко покачиваясь на рессорах. Маргарита почувствовала, как Арман тяжело прислонился к ее плечу.

— Тебе больно, милый? — нежно спросила она.

Не получив ответа, она подумала, что брат потерял сознание, и даже обрадовалась этому: в таком состоянии ему легче будет перенести утомительный переезд. Вскоре дорога сделалась ровнее, и карета стала быстрее подвигаться вперед.

Теперь Маргарита лишена была возможности выглянуть в окно, так как при каждом ее движении кандалы впивались ей в руки.

В лесу царила мертвая тишина, ветер стих, дикие животные и ночные птицы умолкли.

Карета мерно покачивалась, унося Маргариту все дальше и дальше от человека, беспомощно лежавшего за решеткой маленькой часовни.

XIX

Придя в сознание, Арман продолжал сидеть, прижавшись к сестре, и это тесное единение было теперь их единственной отрадой. Обоим казалось, что они едут уже целую вечность. Один раз карета остановилась, и грубый голос Герона приказал солдату, ведшему лошадей, сесть к нему на козлы. Вскоре после этого в ночной тишине раздался крик ужаса, и тотчас вслед за этим карета поехала быстрее. Маргарите показалось, что тот же крик, постепенно слабея, повторился еще несколько раз и затем замер в отдалении.

Сидевший в карете солдат также, по-видимому, услышал крик; по крайней мере, он быстро вскочил, словно очнувшись от сна, и, высунувшись в окно, спросил Герона:

— Вы слышали крик, гражданин?

В ответ прозвучало ругательство и грубое приказание не спускать глаз с арестантов, вместо того чтобы высовываться из кареты.

— А вы слышали крик? — спросил солдат Маргариту.

— Слышала. Что бы это могло быть? — прошептала она.

— Мне кажется, опасно так быстро ехать в темноте, — робко заметил солдат. — По-моему, мы уже выезжаем из леса; на обратном пути дорога всегда короче.

В эту самую минуту карета неожиданно накренилась на один бок и остановилась. Герон, ворча и ругаясь, слез с козел. Через минуту дверца кареты распахнулась, и грубый голос строго произнес:

— Живо вылезайте, гражданин солдат! Живее же, черт вас дери! Мы потеряем лошадь, если вы не поспешите!

Солдат быстро поднялся с места: небезопасно было медлить, когда гражданин агент торопит. Так как солдат только что проснулся, а его ноги онемели от холода и долгой езды, то его схватили за шиворот и живо вы-

ставили из кареты. Дверца снова захлопнулась, затем послышался крик, одновременно выражавший и ужас, и ярость, сопровождаемый проклятиями Герона, потом все стихло.

От этой внезапно наступившей тишины Маргариту охватил необъяснимый страх, и только услышав ровное дыхание брата, она несколько успокоилась. Наклонившись к окну, она почувствовала, что на нее пахнуло свежим морским воздухом. Несшиеся по небу облака наконец рассеялись, и из-за них выплыла луна, бывшая на ущербе, как когда-то предсказывал сэр Перси.

Маргарита в недоумении следила за луной. Она взошла направо, значит, направо восток; следовательно, карета направлялась на север, тогда как Креси...

Среди полной тишины чуткое ухо Маргариты уловило бой часов на отдаленной колокольне: была полночь. В ту же минуту ей послышались чьи-то твердые шаги, приближавшиеся к карете. Сердце молодой женщины билось так сильно, что она готова была потерять сознание.

Еще минута — и дверца кареты распахнулась, в карету ворвалась струя свежего морского воздуха, и Маргарита почувствовала на руке горячий поцелуй. Ей показалось, что она умерла и что Бог в своей бесконечной благости открыл ей доступ в рай.

— Мой дорогой, любимый! — прошептала она.

Закрыв глаза, она упала вглубь кареты, чувствуя, как сильные пальцы снимали кандалы с ее рук и как горячие губы прильнули к тому месту, где перед тем лежали тяжелые оковы.

— Так ведь лучше, дорогая женушка? А теперь надо позаботиться о бедном Армане.

— Перси! — воскликнул пораженный Сен-Жюст.

— Тише, милый! — Чуть слышно прошептала Маргарита. — Мы с тобой на небесах.

В ответ ей в ночной тишине раздался звонкий смех.

— На небесах, дорогая? — смех звучал самой настоящей земной радостью. — С Божией помощью я еще до рассвета доставлю вас обоих в Лапортель.

Внутри кареты было темно, и леди Блейкни ощупью отыскала руки мужа, трудившиеся над освобождением ее брата от оков.

— Не прикасайся к грязному плащу этого животного своими прелестными ручками, дорогая, — весело сказал

сэр Перси. — Великий Боже! Я более двух часов просидел в одежде этого негодяя; мне кажется, будто грязь проникла до самых моих костей.

Привычным жестом Блейкни обеими руками взял жену за голову и, дождавшись, пока луна осветила обожаемое лицо, заглянул ей прямо в глаза. Она не могла видеть его лицо, но чувствовала его близость; у нее от счастья закружилась голова.

— Выходи из кареты, моя дорогая, — нежно прошептал Перси, и по его голосу Маргарита поняла, что он улыбался. — Пусть чистый Божий воздух освежит твою милую головку. Тут неподалеку есть небольшой домик, где с Арманом ты можешь немного отдохнуть, прежде чем мы пустимся в дальнейший путь.

— А ты, Перси? Тебе не грозит никакая опасность?

— Никому из нас ничто не грозит до утра, а к утру мы уже доберемся до Лепортеля, чтобы быть на «Мечте» к тому времени, когда мой любезный друг мосье Шобертен откроет, что его достойный товарищ лежит связанный, с кляпом во рту, в маленькой часовне Урдского замка. Воображаю, как начнет ругаться старина Герон, когда сможет открыть рот!

Он почти вынес жену из экипажа. Быстрый переход от душной кареты к чистому морскому воздуху чуть не лишил Маргариту сознания, и она непременно упала бы, если бы ее не подхватили могучие руки любимого человека.

— В состоянии ли ты дойти? — спросил он. — Обопрись на меня покрепче! Это недалеко, а отдых тебе необходим. — Прижав ее руку к своему сердцу, Блейкни другой рукой указал на темную стену оставшегося позади них леса, которому утихший ветер посылал свой прощальный привет. — Моя дорогая, любимая, — сказал он дрожавшим от волнения голосом, — далеко-далеко за этим лесом по-прежнему раздаются крики и вопли страдальцев и я по-прежнему слышу их. Если бы не ты, мое сокровище, я завтра утром был бы опять в Париже. Если бы не ты, мое счастье! — повторил он, жарким поцелуем прильнув к ее губам, с которых уже готов был сорваться горестный крик.

Они молча пошли дальше. Счастье Маргариты было безгранично. Судьба возвратила ей человека, которого она научилась обожать, супруга, которого она уже не надеялась увидеть на земле. Теперь осуществлялась дав-

но уже закравшаяся в ее сердце надежда, что когда-нибудь любовь восторжествует над страстью к опасным подвигам, над стремлением к самопожертвованию.

XX

В кармане плаща Герона оказалось несколько сотен франков. Забавно было думать, что деньги этого жестокого негодяя помогли убедить угрюмого хозяина уединенного домика принять полуночных посетителей, дать им приют в душной комнате и снабдить их пищей и вином.

Маргарита молча сидела рядом с мужем, держа его за руку. Напротив них сидел бледный Арман, положив локти на стол и не сводя взора со своего вождя.

— Ах ты, мой милый идиот! — весело проговорил сэр Перси. — Своими криками и воплями перед часовней ты чуть было не разрушил всего моего плана.

— Я хотел быть с тобой, Перси. Я ведь думал, что эти скоты засадили тебя в часовню.

— Нет, это они связали моего милого друга Герона, которого завтра утром с удивлением найдет другой мой приятель, мосье Шобертен.

— Но как ты устроил все это, Перси? И при чем тут был де Батс? — спросил Сен-Жюст.

— Ему была предназначена роль в том плане, который я составил раньше, чем эти животные придумали взять Маргариту заложницей за мое хорошее поведение. Я надеялся, что во время стычки мне удастся под шумок ускользнуть. Конечно, это была бы случайность, но вы знаете мое доверие к доброму случаю, дающему один-единственный шанс. На него я и рассчитывал. В худшем случае я, по крайней мере, умер бы на чистом воздухе, под открытым небом, а не в ужасной норе, как какой-нибудь зловредный гад. Я знал, что де Батс пойдет на эту приманку, и написал ему, что дофин нынешней ночью будет в Урдском замке, но что я боюсь, как бы революционное правительство не узнало об этом и не послало вооруженного отряда, чтобы вернуть ребенка. Я знал, что де Батс употребит все усилия, чтобы захватить дофина, и этим даст мне возможность сделать попытку к побегу. Поездку нашу я рассчитал

так, чтобы мы приехали к Булонскому лесу к ночи, ведь ночь всегда бывает полезным союзником. Но на первой же остановке я узнал, что попал в такие тиски, о каких и не думал.

Блейкни на минуту остановился, и в его глазах снова засветилась безумная смелость при воспоминании обо всем, что пришлось только что пережить.

— В то время я был таким жалким и слабым, — продолжал он. — Да простит мне небо, что пришлось впутать сюда твою дорогую жизнь, — обратился он к жене. — Клянусь, нелегко было ехать в этой трясучке с таким отвратительным спутником, как Герон. Я сытно ел и пил, и крепко спал три дня и две ночи, пока не настал час, когда мне удалось в темноте схватить Герона сзади, почти задушив его, затем связать и заткнуть ему рот, а в конце концов накинуть на себя его грязный плащ и завязать лоб отвратительной тряпкой, прикрыв все измятой шляпой необыкновенно изящного фасона. Взрыв бешенства у Герона, когда я напал на него, перепугал даже лошадей; вы, верно, помните это? Из-за этого шума никто не слышал нашей борьбы. Один только Шовелен мог бы что-нибудь заподозрить, но он уже уехал вперед, и мне удалось схватить случай за бороду. Дальше все уже оказалось легко. Сержант и солдаты очень мало видели Герона, а меня и совершенно не знали в лицо; их нетрудно было обмануть, а ночная темнота была мне на руку. Нетрудно было подражать и грубому голосу Герона, тем более что в темноте даже голоса кажутся совсем иными. Да неотесанные солдаты никогда и не заподозрили бы, что с ними сыграли такую штуку. Все так привыкли слушаться его приказаний, что им и в голову не пришло рассуждать, почему, после того как он настаивал на многочисленном конвое, он вдруг решил везти двоих арестантов только с двумя провожатыми. Да они и не смели рассуждать! Эти двое провожатых проведут неприятную ночь в Булонском лесу, привязанные к деревьям на расстоянии двух миль друг от друга. А теперь пожалуйте в карету, прекрасная леди! И ты также, Арман! До Лепортеля семь миль, а нам надо быть там до рассвета.

— Сэр Эндрю намерен был сначала отправиться в Кале, потом сговориться со шкипером «Мечты», а затем уж пробраться в Лепортель, — сказала Маргарита. —

После этого он хотел отправиться к Урдскому замку отыскивать меня.

— В таком случае, мы еще застанем его в Лепортеле; я знаю, где найти его. Но вы двое должны немедленно переправиться на «Мечту», потому что мы с Фуксом всегда можем сами позаботиться о себе.

Был час пополуночи, когда Маргарита, Арман и сэр Перси, подкрепившись пищей и отдыхом, снова собрались в путь. Маргарита осталась ждать у двери домика, пока Арман и Перси пошли за каретой.

— Перси, — шепотом спросил Сен-Жюст, — Маргарита не знает?

— Разумеется, не знает, милый мой безумец, — беззаботно ответил Блейкни, — а если ты когда-нибудь вздумаешь рассказать ей это, то я размозжу тебе голову.

— Но ты, Перси, — с внезапной горячностью заговорил Арман, — как ты можешь выносить мое присутствие? Боже мой! Когда я только подумаю...

— Не думай об этом, милый Арман! Думай лишь о той женщине, ради которой ты совершил преступление; если она честная, добрая девушка, женись на ней... не сейчас, конечно, потому что было бы безумием вернуться теперь за ней в Париж, но когда она приедет в Англию, и все это будет предано забвению. Учись любить лучше, чем умел я; не заставляй Жанну Ланж плакать от горя, как плакала твоя сестра из-за моего безумия. Ты был прав, Арман, когда говорил, что я не знаю, что значит любовь!

Говоря так, Блейкни был неправ. Когда опасность миновала и они уже переправились на «Мечту», Маргарита убедилась, что ее муж знал, что значит любовь.

ОБ АВТОРЕ И ЕЕ КНИГЕ

Эмма Магдалена Розалия Мария Жозефа Барбара Орчи (по мужу — Монтегю Барстоу) родилась в Венгрии, в местечке Старно-Осс, 23 сентября 1865 года, умерла в Лондоне 12 ноября 1947 года. Известна как английская писательница, автор романтических историй, коротких детективных романов и детективных пьес.

Росла в аристократической семье, детство прошло в родовом поместье, где часто устраивались празднества, увеселения. Однажды, когда девочке было три года, во время такого праздника произошел пожар и поместье сгорело. Семья барона Орчи переехала в Будапешт. Здесь началась столичная жизнь, тесно связанная с артистическим миром. Глава семейства был дружен с Ференцем Листом, который помог ему устроиться на должность главного администратора Национального театра в Будапеште. Дом часто посещали артисты, музыканты, здесь постоянно звучала музыка.

Через некоторое время семья будущей писательницы переезжает в Брюссель, затем — в Париж и наконец — в Лондон. Эмме Орчи к этому времени уже пятнадцать лет. После окончания школы девушка мечтала поступить в университет, но так как отец был противником женской эмансипации, ей пришлось довольствоваться поступлением в Лондонскую художественную школу, которую впоследствии успешно закончила. В 1895 году молодая художница вышла замуж за Монтегю Барстоу. В связи с рождением сына она оставила живопись и начала литературную деятельность: занялась переводами, писала короткие рассказы. Детективные истории принесли первый успех. Ее творчество этого периода во многом было вдохновлено рассказами о Шерлоке Холмсе Артура Конан Дойла. Так прошло время с 1901 по 1904 год.

В 1905 году вышла третья серия детективных рассказов, которая оставила заметный след в развитии этого жанра. Новый литературный прием баронессы Орчи — введение в сюжет фигуры детектива, сидящего в кресле, который путем логических рассуждений находит ключ к разгадке преступления.

В 1903 году, наряду с созданием остросюжетных рассказов, писательница на короткое время вернулась к романтическим историям и написала пьесу, которую затем, в 1905 году, опубликовала в виде романа «Красный цветок». Роман пользовался большим успехом и открыл собою новую серию романтико-приключенческих книг: «Месть и любовь», «Неуловимый», «В борьбе за принца», «Мученик идеи», которая получила общее название «Лига Красного Цветка».

Несмотря на венгерское происхождение, Орчи считала себя английской патриоткой (что весьма отразилось и в предлагаемом вниманию читателей цикле романов) и писала на английском языке.

Содержание

Красный Цветок 6
Месть и любовь 129
Неуловимый 191
В борьбе за принца 275
Мученик идеи 375
Об авторе и ее книге 477

Баронесса Орчи

О-70 Лига Красного Цветка: Романы: Пер. с англ. — Ставрополь: Кавказский край, 1993. — 480 с. (Серия «Ряд исторических романов»).

ISBN 5-86722-079-6

Вниманию современного российского читателя впервые предлагается цикл остросюжетных романов баронессы Орчи «Лига Красного Цветка», посвященных героической борьбе англичан за спасение жизни французских аристократов в годы Великой французской революции. Мастерство автора проявилось в захватывающей интриге, точности психологических наблюдений и лиризме, которые не оставят равнодушными любителей бестселлеров прошлого.

О $\frac{4703010100}{\text{Ю } 91(03)\text{-}93}$ подписное

ББК 84.4 Вл.

Ряд исторических романов

Баронесса Орчи
(Эмма Барстоу)

ЛИГА КРАСНОГО ЦВЕТКА

Романы

Редактор *С. Г. Луценко*
Художественный редактор *А. Э. Михайлов*
Технический редактор *Л. М. Стаценко*
Корректор *О. О. Муха*

Сдано в набор 3.06.93. Подписано в печать 10.08.93. Формат 84Х108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура Тип Таймс. Печать высокая. Усл. печ. л. 25,2. Усл. кр.-отт. 25,2. Уч.-изд. л. 25,8. Тираж 100 000 экз. Заказ 1573.

Полиграфическое предприятие «Современник» Министерства печати и информации Российской Федерации.
445043, г. Тольятти, Южное шоссе, 30

Издательство «Кавказский край»:
355012, г. Ставрополь, пр. Октябрьской революции, 7

БАРОНЕССА ОРЧИ